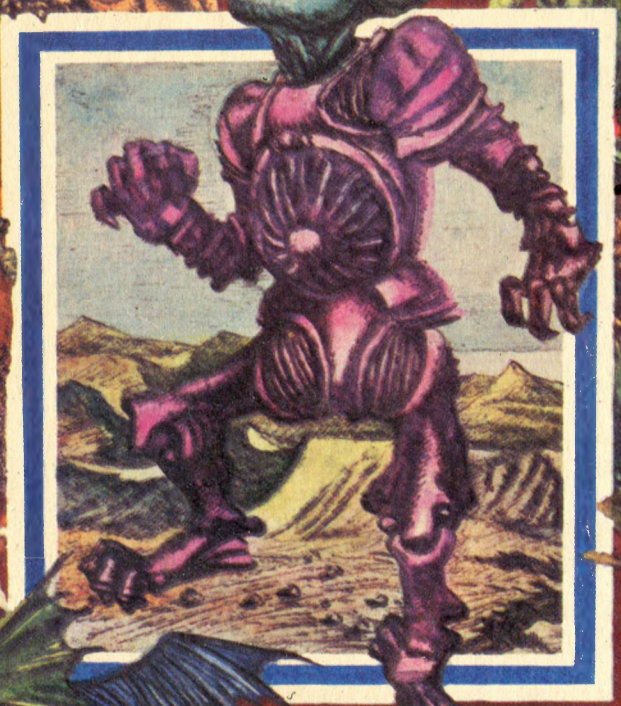
ПОЛ АНДЕРСОН
Г.ДИКСОН

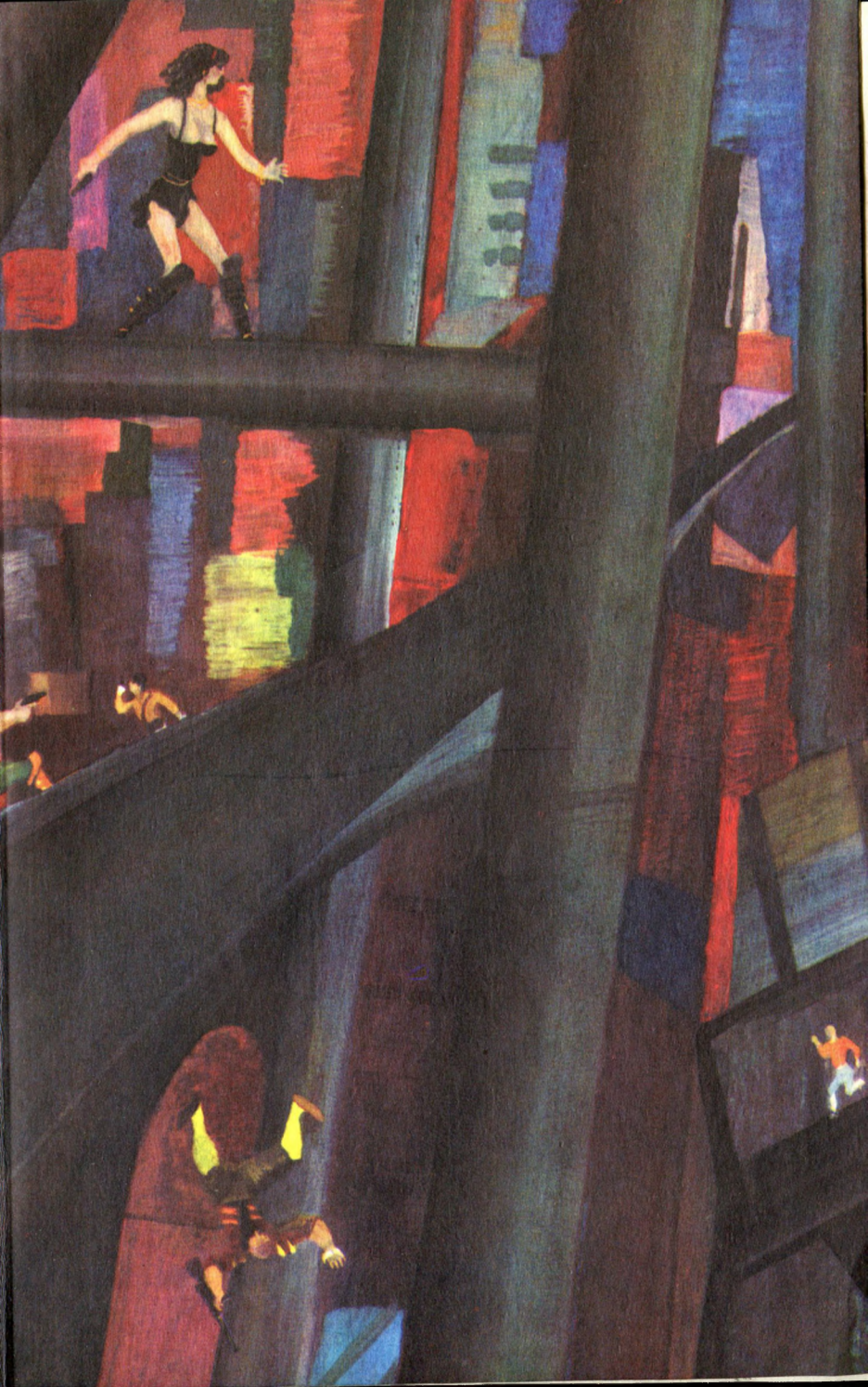
КОКОН



ПОЛ АНДЕРСОН Г.ДИКСОН

КОКОН

КОКОН



Пол АНДЕРСОН

■

ПОСЛЕДНИЕ ИЗ МОГИКАН
ЛЮДИ НЕБА
ДОСТОЙНЫЕ СОПЕРНИКИ
ЭПИЛОГ
КОКОН

Пол АНДЕРСОН, Гордон Р.ДИКСОН

■

ШЕРИФ КАНЬОНА ГАЛЧ

Гордон Р.ДИКСОН

■

"ВОЛЧОНОК"
ЧЕРНЫЙ ЧАРЛИ
ЛУНА,ЛЮБОВЬ, ТИШИНА, ТИХОЕ ПЕНИЕ...
РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ПОДАРОК
САЛМАНАСАР
ПОЖАЛУЙ, ЭТО НЕСПРАВЕДЛИВО
ЛЮБИ МЕНЯ, ЛЮБИ
ЗВЕЗДЫ "ШЕРИФА"

КОКОН

Фантастические романы и повести

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«ВАСИЛЬЕВСКИЙ ОСТРОВ»
1993

ББК 84.4 (США)
А 65

П. Андерсон, Г.Р. Диксон
А 65 Кокон: Фантастические романы и повести. Сборник/Пер. с англ. - СПб.: АП "Васильевский остров", 1993. - 496 с.

ISBN 5 - 7012 - 0362 - X

В сборник вошли романы и повести известных американских писателей.

А $\frac{4803020000 - 165}{022\ (01) - 93}$ Без объявл. ББК 84.4 (США)

ISBN 5 - 7012 - 0362 - X

© Составление. Б. Крылов, 1993
© Перевод. В. Маркин, Вл. Романов, В. Жураховский, В. Игнатенко, П. Киракозов, С. Поцелуева, Ф. Нахимова, В. Гольдич, Е. Воронько, И. Бурова, 1993
© Послесловие. В.Л. Кан, 1993
© Оформление. ТОО "МиМ", 1993
© АП "Васильевский остров", 1993

Пол АНДЕРСОН

ПОСЛЕДНИЕ ИЗ МОГИКАН

Когда мне было десять лет, в нашем городе жил один ненормальный - его звали Дядюшка Джим. Он был невероятно стар, думаю, сто лет ему наверняка стукнуло. У него не осталось родственников; в те времена еще встречались люди, жившие вне семей.

Несмотря на то, что у него явно были не все дома, Д.Д. вел себя тихо-мирно, сапожничая для Города. Мы, соседские дети, любили ходить к нему в мастерскую, расположенную в передней его дома. В ней всегда царил образцовый порядок и вкусно пахло кожей и маслом. Иногда, через открытую дверь, нам удавалось заглянуть в следующую комнату, в которой на книжных полках лежали длинные яркие связки, обернутые прозрачным пластиком. Дядюшка Джим называл их "мои журналы". Если мы не баловались, он разрешал нам рассматривать картинки, только просил листать осторожно, потому что журналы выглядели такими же старыми, как он сам, а страницы обтрепались и пожелтели от груза прошедших лет.

Уже после смерти Д.Д. мне выпал случай познакомиться с текстами из этих журналов. Полнейшая бессмыслица! Ни один человек сейчас не станет переживать из-за подобной ерунды.

А еще у Дядюшки Джима стоял старинный телевизионный приемник. Никто не понимал, зачем он ему нужен, ведь для приема официальных сообщений у Города имелся отличный аппарат. Но не забывайте - Д.Д. был чокнутым.

Каждое утро он выходил прогуляться, и мы провожали взглядами высокую костлявую фигуру, бредущую вниз по Мейн-стрит.

Одевался Дядюшка Джим потешно, не обращая никакого внимания на жару, а уж жара в Огайо бывает совершенно несносной. Он носил старомодные обтрепанные белые рубашки с шершавыми удушающими воротничками, длинные брюки и грубо связан-

ную куртку. Хуже всего выглядели узконосые ботинки, которые ему явно жали, но Д.Д. неизменно надевал их каждый день, начищая до блеска.

Мы никогда не видели Д.Д. раздетым и поэтому заподозрили, что под одеждой он прячет жуткое уродство. Мы были юны, а значит жестоки, и дразнили старика до тех пор пока Джон - брат моей тетки - не устроил нам промывание мозгов.

Д.Д. оказался не злопамятным, наоборот - несколько раз он угощал нас леденцами, которые сам же и варил. Но о леденцах узнал Дантист, и нам всем попало от своих отцов, потому что сахар разрушает зубы.

В конце концов мы порешили, что Дядюшка Джим (все называли его только так, хотя дядей он никому не приходился) носит свою дурацкую одежду как фон для значка, на котором было написано "Победил вместе с Уиллардом". Однажды я спросил старика, кто такой этот Уиллард, и он мне рассказал, что Уиллард - последний Президент Соединенных Штатов от Республиканцев - великий человек, пытавшийся в свое время предотвратить беду, но он опоздал, потому что люди слишком далеко зашли в своей лености и тупости. Для головы девятилетнего мальчишки эдакое заявление оказалось непосильной нагрузкой. Хотя, если честно, я и сейчас не вполне понимаю смысл...

В частности, по словам Д.Д. выходило, что во времена Уилларда в городах не было самоуправления, а страну делили между собой две большие группы людей, которые боролись друг с другом за право выдвинуть Президента. Группы эти не были кланами, а Президент не был третейским судьей в спорах городов или Штатов. Он просто ими управлял.

Д.Д. обычно спускался по Мейн-стрит мимо Таунхолла и Накопителя солнечной энергии к фонтану, сворачивал к дому папиного дяди Конрада и шел аж до самого края Города, где кончаются Деревья и начинаются поля. У аэропорта он поворачивал, заглядывал к Джозефу Аракельяну и там, стоя рядом с ручными ткацкими станками и презрительно усмехаясь, разглагольствовал об "автоматических механизмах"... Что он имел против наших станков, я не понимал, потому что ткани Джозефа хвалили все.

Кстати, старик постоянно ругал наш аэропорт, в котором стояла полудюжина городских перелеток. Ругань была несправедливой, аэропорт был хоть и мал, но хорош, - с бетонным покрытием, блоки для него выдирали из старого шоссе. Перелеток тоже хватало на всех. В Городе никогда не могло случиться так, чтобы

шесть групп людей одновременно захотели бы отправиться в путешествие.

Но я хочу рассказать вам о Коммунисте.

Произошло это весной, снег уже стаял, земля просохла, и фермеры отправились на пахоту. Остальной народ в Городе вовсю готовился к Празднику - все варили, жарили, выпекали, - и воздух полнился восхитительными запахами. Женщины переговаривались через улицу, обменивались рецептами блюд; ремесленники ковали, чеканили, пилили, вырезали; на вымытых тротуарах пестрели нарядные одежды, извлеченные на свет из сундуков после долгой зимы; влюбленные - рука в руке - перешептывались в предвкушении празднества.

Рэд, Боб, Стинки и я играли в стеклянные шарики за аэропортом. Раньше, бывало, мы играли в ножички, но когда взрослые узнали, что кое-кто из парней бросает ими в Деревья, они установили правило, что ребенок не имеет права носить нож, если рядом нет взрослого.

С юга дул легкий ветерок, пыль поднималась фонтанчиками там, где падали наши шарики; небо было чистым и голубым... Мы уже наигрались и собирались достать ружья, чтобы поохотиться на кроликов, как вдруг на нас упала тень: позади стояли Дядюшка Джим и Энди - кузен моей матери. На Д.Д. поверх обычного костюма было длинное пальто, но казалось, он все равно дрожит от холода.

Наш Энди - Инженер Города. Когда-то, в доисторические времена, он был космонавтом и побывал на Марсе, и это делало его героем в наших глазах. Но к тому дню ему уже стукнуло сорок, он носил свою любимую шотландскую юбку со множеством карманов и грубые сандалии. Мы никак не могли понять, почему Энди не стал шикарным пиратом. Дома у него хранились три тысячи книг - вдвое больше, чем у всех остальных жителей Города вместе взятых. Но что совершенно не укладывалось в голове: зачем Энди проводит чертову уйму времени с Д.Д.?

Теперь я понимаю, что он хотел как можно больше узнать о прошлом. Его интересовали не мумифицированные книжные истории, а живые рассказы о живых людях, которые когда-то ходили по нашей земле.

Старик взглянул на нас сверху вниз и произнес тонким, но еще вполне твердым голосом:

- Да вы ж почти голые, дети. Так вы умрете от холода.

- Чепуха, - сказал Энди. - На солнце сейчас не меньше шестидесяти[1].

- Мы собирались за кроликами, - важно сообщил я. - Я принесу свою добычу к вам, пусть ваша жена приготовит жаркое.

Я, как и все ребята, проводил у родственников почти столько же времени, сколько и дома. Но Энди я отдавал предпочтение. Его жена потрясающе готовила, старший сын лучше всех играл на гитаре, а дочка играла в шахматы примерно на моем уровне. Я отдал ребятам выигранные шары.

- Когда я был маленький, мы забирали их насовсем, - сказал Д.Д.

- А если чемпион Города выиграет их все? - спросил Стинки. - Чтобы сделать хороший шар, надо приложить много сил. Я никогда бы не смог возместить проигранные шары.

- Зато ты мог бы их купить, - ответил старик. - В магазинах продавалось все, что угодно.

- А кто их делал?.. Столько шаров... И где?

- На фабриках.

Нет, представить только! Взрослые мужчины тратят жизнь на изготовление разноцветных стеклянных шаров!

И вот, когда мы совсем было собрались уйти за кроликами, появился Коммунист. Он шел по Миддлтонской дороге, и пыль поднималась из-под его босых ног.

Незнакомец в городе - редкость. Мы кинулись было ему навстречу, но Энди резко крикнул, и мы остановились, в молчании тараща глаза. Наконец, незнакомец дотопал до нас.

Он был так же мрачен, худ и высок, как Д.Д. Накидка с капюшоном висела лохмотьями на впалой груди, сквозь дыры можно было запросто пересчитать ребра, а от самого лысого черепа до пояса вилась грязная седая бородища. Старик тяжело опирался на толстую палку, и от него веяло одиночеством, придавившим тяжким грузом узкие плечи.

Энди, выступив вперед, слегка поклонился.

- Приветствую тебя, Свободнорожденный! Добро пожаловать! Я - Эндрю Джексон Уэллс, Инженер Города. От имени всех земляков приглашаю тебя остановиться у нас, отдохнуть и подкрепиться. - Он продекламировал слова с чувством и великой тщательностью.

---

1 По Фаренгейту.

Дядюшка Джим осклабился, и улыбка растеклась по его лицу, словно снег в оттепель. Путник оказался таким же стариком, как он сам, и явно родился в том же самом давно позабытом всеми мире. Д.Д. шагнул вперед и протянул руку.

- Добрый день, сэр, - сказал он. - Меня зовут Роббинс. Рад встретиться с вами.

Хорошими манерами старики не отличались.

- Спасибо, товарищ Уэллс и товарищ Роббинс, - произнес чужак. - Я - Гарри Миллер. - Улыбка на его лице потерялась в заплесневелых бакенбардах.

- Товарищ?! - протянул Д.Д., словно повторяя слово из ночного кошмара. - Что ты имеешь в виду? - Он отдернул протянутую руку.

Блуждающий взгляд чужака неожиданно стал сосредоточенным. Я даже испугался - так он на нас посмотрел.

- Я имею в виду именно то, что сказал, - ответил он. - И я не боюсь повторить: Гарри Миллер, Коммунистическая партия Соединенных Штатов Америки, к вашим услугам.

Дядюшка Джим судорожно вздохнул.

- Но... но... - прошипел он. - Я думал... я надеялся, все вы, крысы, уже передохли...

- Примите мои извинения, Свободнорожденный Миллер. - заговорил Энди. - Не принимайте слова нашего друга Роббинса на свой счет. Продолжайте, прошу вас.

Миллер захихикал радостно, но в то же время упрямо.

- Мне безразлично. Меня обзывали куда хуже.

- И заслуженно! - Впервые я видел Дядюшку Джима рассерженным. Лицо его налилось кровью, трость постукивала в дорожной пыли. - Энди! Этот человек - изменник! Он иностранный агент! Ты слышишь?

- Вы хотите сказать, что прибыли прямиком из России? - промямлил Энди, а мы плотнее обступили взрослых и навострили уши. Потому как иностранец - абсолютно диковинное зрелище.

- Нет, - ответил Миллер. - Нет. Я из Питтсбурга. И я никогда не был в России. И никогда не хотел побывать. У них там слишком жутко. Однажды они уже якобы построили Коммунизм.

- Вот уж не предполагал, что в Питтсбурге остались живые люди, - сказал Энди. - Я был там в прошлом году вместе с розыскной командой, искали сталь и медь, так мы даже птицы там не заметили.

- Да-да. Только мы с женой и остались. Но она умерла, а я не смог больше оставаться в той гниющей дыре. Собрался и вышел на дорогу...

- Лучше будет, если ты на нее тотчас же вернешься, - отрезал Дядюшка Джим.

- Успокойтесь, пожалуйста, - произнес Энди. - Прошу в Город, Свободнорожденный Миллер. Товарищ Миллер, если вам так угодно.

Д.Д. схватил Энди за руку. Его трясло, как мертвый лист в последнем полете.

- Ты не должен! - пронзительно взвизгнул он. - Ты не понимаешь! Он отравит ваши головы, извратит ваши мысли, и мы все закончим жизнь рабами - его и шайки его бандитов!

- По-моему, если кто и травит ваш мозг, мистер Роббинс, так это вы сами, - произнес Миллер.

Дядюшка Джим опустил голову и на секунду застыл, в глазах блеснули слезы, но затем он задрал подбородок и сказал с чувством:

- Я - Республиканец!

- Так я и думал, - ответил Коммунист, оглядываясь вокруг и как бы поддакивая самому себе. - Типичная псевдобуржуазная культура. Каждый распахивает свое собственное поле на своем собственном тракторе, одновременно вцепившись в свою частную собственность.

Энди почесал голову и спросил:

- О чем ты говоришь, Свободнорожденный? Трактора принадлежат Городу. Кто захочет связываться и содержать трактор или комбайн?

- Ты хочешь сказать... - В глазах Коммуниста мелькнуло удивление. Он приподнял руки - худющие, с выпирающими из-под кожи костями. - Ты хочешь сказать, что вы обрабатываете землю коллективно?

- Почему? Нет! Что за чертовщина! Разве в этом дело? - воскликнул Энди. - Человек имеет право делать то, к чему он сам больше склонен, разве не так?

- Значит, земля, которая должна быть общественной собственностью, разделена между кулаками?! - вспыхнул Миллер.

- Что за дьявольщина за такая! Как земля может быть чьей-то собственностью? Земля - это... это... просто земля! Ну вы же не можете положить сорок акров земли в карман и отправиться с ней восвояси! - Энди глубоко вздохнул. - Вы, должно быть, здорово отстали от жизни в своем Питтсбурге. И питались, навер-

ное, одними консервированными овощами? Да-да, я так и думал. Все объясняется очень просто. Вот, посмотрите. Тот участок засеял пшеницей Генн, кузен моей матери. Вырастит он ее, соберет и поменяет на что захочет. В следующем году, чтобы почва отдохнула, участок распашут под люцерну, и сын моей сестры Вилли будет за ней ухаживать. А овощи и фрукты мы выращиваем рядом с домом, так чтоб каждый день есть их свежими.

Огонек в глазах Миллера потух, не успев разгореться.

- В этом нет смысла, - сказал он, и в голосе его прозвучала смертельная усталость. Не иначе, он слишком долго шел из своего Питтсбурга, а дошел потому только, что побирался у цыган и одиноких фермеров.

- Полностью согласен, - произнес Дядюшка Джим и натянуто улыбнулся. - В дни моего отца... - Он захлопнул рот. Я знал, что его отец погиб в Корее, в какой-то давнишней войне, когда Д.Д. был еще меньше нас, и сейчас, вспомнив об отце, Д.Д. всколыхнул в себе печаль потери и отгоревшую гордость. Я стал вспоминать, что говорил Свободнорожденный Левинсон, преподававший в Городе историю (он знал ее лучше всех), и тут дрожь пробежала по моей коже... Коммунисты! Те самые, которые убивали и пытали американцев... Я посмотрел на нашего Коммуниста - вряд ли эта тряпичная пародия на человека справилась бы даже со щенком. Странно...

Мы двинулись в направлении Таунхолла. Люди, заметив нас, вытянулись вдоль дороги и тихонько перешептывались, насколько позволяли приличия. Я шагал всесте с Рэдом, Бобом и Стинки чуть позади и справа от Миллера - настоящего живого Коммуниста, и тоже чувствовал на себе любопытные взгляды. А когда мы добрались до ткацкой мастерской Джозефа, на улицу высыпала вся его семья, ученики и подмастерья и принялись таращить глаза.

- Наемные работники, как я понимаю! - воскликнул Миллер, останавливаясь посреди улицы.

- Надеюсь, вы не думаете, что они работают бесплатно? - спросил Энди.

- Они должны работать ради общего блага.

- Так и получается. Как только кому-нибудь понадобится одежда или одеяло, Джозеф собирает своих мальчиков и они изготовляют нужную вещь. Они делают это лучше, чем большинство женщин.

- Известное дело. Буржуи - эксплуататоры...

- Могу лишь надеяться на их появление, - процедил Дядюшка Джим сквозь зубы.

- Надейся, надейся... - огрызнулся Миллер.

- Так ведь их нет! - воскликнул Д.Д. - Люди начисто растеряли амбиции. Исчез дух состязательности. Никто не думает - как сделать, так, чтобы жить лучше. Они покупают только то, что действительно необходимо, и не выбрасывают ничего, пока вещь не начнет разваливаться... а одежду они делают такую, будь она проклята, что ее можно носить вечно! - Дядюшка Джим помахал тростью в воздухе, - Я говорю тебе, Энди, страна катится в преисподнюю. Экономика инертна, бизнес превратился в кучку ничтожных магазинчиков, люди сами производят для себя то, что они раньше покупали!

- Мне кажется, мы хорошо питаемся, одеваемся и, вообще, живем, - ответил Энди.

- Но куда подевались... великие помыслы? Где предприимчивость и энергия, которые сделали Америку великой страной? Да посмотри же ты: твоя жена и твоя теща носят платья одного фасона. До сих пор вы летаете на перелетках, сконструированных во времена твоего отца. Неужели вы не хотите жить лучше?

- Наши машины работают без сбоев, - Энди отвечал, отчеканивая каждое слово. Наверное, он не впервые повторял этот аргумент, но сейчас в беседе участвовал Коммунист. Миллер вдруг повернулся и вошел в плотницкий магазин Си Йоханссона. Си как раз собирал комод для Джорджа Хюлма, который хотел весной сыграть свадьбу. Си отвечал поначалу вежливо:

- Да... да, Свободнорожденный... несомненно, я работаю здесь... Организоваться? Какого рожна? Общественная польза, ты это имеешь в виду? Но все мои ученики и так заняты общественной жизнью. Даже чересчур. Каждый третий день - выходной. Проклятье!.. Нет, они не угнетены! Силы небесные! Они мои собственные родственники! Да ни одного человека нет, у кого бы не было хорошей мебели. И не потому вовсе, что они хреновые плотники или чванятся принять помощь...

- Но люди во всем мире! - прохрипел Миллер. - Неужели ты настолько бессердечен, человек? Что ты, к примеру, можешь сказать о мексиканских пеонах?

Си Йоханссона передернуло. Он выключил электрический наждачник и крикнул ученикам, чтобы отдыхали до завтра.

Энди вытащил Миллера обратно на улицу: у Таунхолла их уже ждал Мэр, который специально вернулся с поля. Хорошая

погода ожидалась на всю неделю, так что люди решили не торопиться с посевной, а провести вечер, встречая гостя.

- Сборище задниц, - прорычал Дядюшка Джим. - Твои предки никогда не бросили бы работу на половине.

- Мы закончим посевную вовремя, - ответил наставительно Мэр, словно разговаривая с ребенком. - Что за спешка, Джим?

- Спешка? Ну почему бы не завершить побыстрей пахоту и не заняться другим полезным делом? Больше сделать - лучше жить!

- Во славу эксплуататоров! - крикнул Миллер. Он стоял на ступенях Таунхолла в позе изможденного голодом злющего петуха.

- Каких эксплуататоров? - Мэр был озадачен. Я тоже.

- Крупных капиталистических акул...

- Нет больше бизнесменов... - выдохнул Дядюшка Джим, словно бы исторгая кусочек души. - Владельцы магазинов... Тьфу! Они живут как придется. Они даже не задумываются над тем, что можно получить прибыль. Они слишком ленивы, чтобы расширить дело и увеличить товарооборот.

- Интересно, почему вы не построили социализм? - Покрасневшие глаза Миллера внимательно изучали все вокруг, как будто выискивая следы замаскировавшегося врага. - Каждая семья сама за себя. Где ваша солидарность?

- Мы живем очень дружно, Свободнорожденный, - ответил Мэр. - Для урегулирования любых споров у нас есть судьи.

- Но разве не хотите вы двигаться по пути прогресса? Улучшать свою жизнь, чтобы...

- У нас есть все, что нужно, - объявил Мэр и похлопал себя по животу. - Я не могу съесть больше, чем сюда помещается.

- Но ты можешь разнообразней одеваться! - возразил Дядюшка Джим. Бедный свихнувшийся старик! Он так разнервничался, что на виду у всех начал пританцовывать на ступеньках Таунхолла, дергаясь, как кукла из бродячего балаганчика. - Ты мог бы иметь собственную машину, каждый божий год - новую модель с хромированным бампером, а еще... устройство для освещения твоего рабочего места, а еще...

- Будешь покупать весь этот хлам - измотаешь себя тяжким трудом и состаришься, отдав свою единственную жизнь капиталистам, - подхватил Миллер. - Люди должны работать, но не только для себя, а и для других.

Энди и Мэр переглянулись.

- Послушай, Джим, - мягко произнес Энди. - Мне кажется, ты не уловил сути. Нам не нужны новые машины и приспособления. У нас их предостаточно. Бессмысленно производить вещи сверх потребности. У нас есть девушки, которых мы любим весной, и олени, на которых мы охотимся осенью. А уж если мы беремся за работу, так работаем для самих себя, а не для кого-то другого, как бы вы этого другого ни называли - Капиталист или Человек. И... закончим на этом, перед ужином неплохо бы отдохнуть.

Вклинившись меж ног Соплеменников, я услышал, как Си Йоханссон прошептал Джозефу Аракельяну:

- Никак не врублюсь - на хрена нам эти механизмы? Ежели у меня в мастерской поставить механизмы, будь они прокляты, что тогда я стану делать со своими руками?

Джозеф только пожал плечами.

Вдруг Рэд толкнул меня локтем.

- А ведь, наверное, совсем неплохо, - сказал он, - иметь такую машину, как в журналах у Дядюшки Джима.

- А куда бы ты в ней отправился? - спросил Боб.

- Откуда я знаю! Может, в Канаду. Нет, ерунда! Ведь я могу отправиться в Канаду в любой момент, достаточно уговорить отца взять перелетку.

- Точно, - кивнул Боб. - А если ты собираешься не дальше ста миль, можно взять лошадь. Кому охота возиться со старой машиной?

Я протолкался сквозь толпу на площадь. Женщины накрывали раскладные столы для банкета. Гостя окружала плотная толпа, пробраться поближе не получалось, но, недолго думая, мы со Стинки взобрались на главное Дерево Площади - массивный серый дуб, и проползли по здоровенному суку, пока не оказались у Миллера над самой головой. Голова - лысая, покрытая темно-красными пятнами - раскачивалась на тонкой, как нитка, шее, и даже удивительно было, что он не боялся вертеть ею во все стороны, отвечая на вопросы резким, пронзительным голосом.

Энди и Мэр сидели рядом, покуривая трубки. Тут же, по соседству, расположился и Дядюшка Джим. Народ разрешил ему участвовать в беседе, но с условием, что наблюдать за фейерверком остроумия он будет молча. Наверное, это было жестоко, ведь Д.Д. всегда был спокойным и миролюбивым. Но впервые в нашем городе сошлись сразу двое чокнутых.

- Я был еще молод, - рассказывал товарищ Миллер, - да, я был еще совсем мальчик, но я помню, как рыдала моя мать, когда по телевизору сообщили, что Советский Союз развалился. В ту ночь она взяла с меня клятву пронести нашу веру через всю жизнь, и я поклялся, и пронес, и сейчас я собираюсь поведать вам всю правду. Правду, а не гнусную империалистическую ложь.

- А что произошло в России? - удивился Эд Маллиган, Психиатр Города. - Я читал про коммунистов, но у меня даже мысли не возникало, что они дадут своему народу свободу.

- Коммунистов предали! - гневно воскликнул Миллер. - Мерзкая буржуазная ложь и деньги победили их...

- Ничего подобного, - вдруг встрял Дядюшка Джим. - Они сами себя победили, погрязнув в лени и разврате. Такова участь любого тирана. Они оказались не в состоянии заглянуть вперед и увидеть, какие перемены влечет за собой технический прогресс. Они с радостью ему поклонялись, а он тем временем подтачивал железный занавес, который и рухнул им на головы. И никому они тогда стали не нужны...

- Совершенно точно, Джим, - сказал Энди. Он заметил меня среди ветвей и подмигнул. - Но не все так просто, как ты думаешь. Дело не в Коммунистах. Ты не понимаешь: то же самое случилось и в США.

Миллер помотал головой и сказал:

- А Маркс доказал, что технические достижения неизбежны на пути к социализму.

- Ты попал в самую точку, - кивнул Энди. - Я могу объяснить, что произошло, если хочешь.

- Давай, давай - Миллер ехидно усмехнулся.

- Значит, я изучил тот период. Технология дала возможность небольшому числу людей на небольшом участке земли прокормить всю страну. Миллионы акров земли оказались незанятыми, и вы могли купить их за пригоршню арахиса. Однако подавляющая часть людей почему-то предпочитала жить в городах, платя чрезмерные налоги и удушая себя собственным транспортом. И тут некто изобретает компактную батарею для преобразования солнечной энергии и мощный аккумулятор. Каждый может теперь удовлетворить любую свою потребность, а это гораздо приятней, чем работать на износ или чахнуть на службе. Никто больше не хотел платить вздутые цены, обусловленные экономической системой, в которой каждый отдельно взятый бизнес субсидировал и защищал себя за счет расходов налогоплательщиков. В

результате, выбрав новый вариант развития общества, люди сократили свои доходы до уровня, когда налога практически платить не надо. Как следствие, резко возрос жизненный уровень, при одновременном сокращении рабочего времени. Все больше и больше народу стремилось улизнуть из города и поселиться в небольшой коммуне на лоне природы. Товаров производилось меньше, в экономике наступила величайшая депрессия, сорвавшая еще большее количество людей с насиженных мест. Большой бизнес и Организованный Общественный Труд поняли наконец, что произошло, и постарались ввести законы, направленные против, как они назвали, антиамериканской деятельности, но было уже поздно, никто ни в чем не был заинтересован. Это происходило исподволь, постепенно, вы понимаете... но наконец произошло, и я считаю, что сейчас мы счастливее, чем раньше.

- Нелепо! Смехотворно! - воскликнул Миллер, - Капитализм обанкротился, как предвидел Маркс, еще двести лет назад. Но его тлетворное влияние виновато в том, что вместо продвижения вперед по пути коллективизма вы отступили назад и стали мелкими крестьянами.

- Пожалуйста, - протянул Мэр. Было видно, что он расстроен, и я подумал, что "крестьяне" - не Свободнорожденные. - Давайте немного споем, это гораздо приятнее.

Приличия требовали, чтобы Миллер - как гость - пел первым. Он поднялся и дрожащим голосом выдал нечто о каком-то парне по имени Джо Хилл. Мелодия привлекала, но даже мне, девятилетнему мальчишке, было ясно, что стихи весьма слабые. Детская А-Б-В-Г-схема, ни единой мужской рифмы или двойной метафоры. К тому же, кого может тронуть происшедшее с каким-то мелким бродягой, когда есть прекрасные охотничьи песни и эпосы о межпланетных путешествиях? Я вздохнул с облегчением, когда следом поднялся Энди и показал всем, что такое настоящее пение и хорошо поставленный мужской голос.

Позвали к ужину. Я соскользнул с Дерева и нашел поблизости свободное место. Товарищ Миллер и Дядюшка Джим сердито смотрели друг на друга через стол, но ни словом не обменялись во время трапезы. А у людей, когда они поняли, что Миллер провел почти всю свою жизнь в мертвом городе, интерес к нему почти исчез. Все ждали, когда начнутся танцы и игры.

Энди сидел рядом с Миллером, но не потому, что он очень того хотел, а потому, что пришедший был его гостем.

Коммунист вздохнул и поднялся.

- Вы все мне очень понравились, - сказал он.

- А я думал, что мы все - капиталистические выродки, - усмехнулся Дядюшка Джим.

- Человек, вот кто интересует меня! Где бы и в каких условиях он ни жил! - ответил Миллер.

Голос Дядюшки Джима стал громче, трость взмыла вверх.

- Человек! Ты претендуешь на заботу о человеке, ты, который только и делал, что убивал и повергал в рабство?!

- Ох, да прекрати, Джим, - сказал Энди. - Все это происходило в стародавние времена. Кого это трогает сейчас, спустя столько лет?

- Меня! - Дядюшка Джим перешел на крик. Он посмотрел на Миллера и подошел к нему на негнущихся ногах, расставив руки-клешни. - Они убили моего отца! Люди умирали десятками тысяч ради воображаемого идеала. А ты говоришь, что вас это не трогает! Целая проклятая страна перестала существовать!..

Я стоял под Деревом, удобно опершись рукой о холодную шершавую кору. Я был немного испуган, потому как не понимал многого. В конце концов, что это такое, чего мы должны так страстно желать?

- Вот как! И это говоришь ты, подхалим, холуй толстобрюхий! - выкрикнул Миллер. - Это ты заставлял людей надрываться, ты спускал с них по три шкуры! Это ты убивал рабочий люд, а их сыновей загонял в ваши чертовы профсоюзы! И... и... что ты можешь сказать о мексиканских пеонах?

Энди попытался было встать между ними, но Миллер стукнул его по голове своей дубинкой, и Энди беспомощно отступил, вытирая кровь. А старые психи с новой силой завыли друг на друга. Понятно, Энди не мог взяться за них как следует - ведь он запросто переломил бы любого из них пополам.

Возможно, именно в этот момент он решил, что надо сказать, чтобы они утихомирились:

- Все в порядке, Свободнорожденный, - быстро произнес он. - Все в порядке. Мы выслушаем тебя. Давай устроим дискуссию, прямо сейчас, пойдем в Таунхолл, рассядемся там и...

Но он опоздал со своим предложением. Дядюшка Джим и товарищ Миллер уже дрались: тощие руки сплелись, потускневшие глаза наполнились слезами...

Теперь-то я думаю, что их ненависть возникла из тщетной любви. Они оба любили нас, каждый по-своему, а нас это не трогало, нам не нужна была их любовь...

Энди, призвав на помощь мужчин, разнял стариков, и их развели по разным домам - отдохнуть. Когда спустя несколько часов

Дядюшку Джима навестил Доктор Симмонс, тот уже ушел. Доктор поспешил к Коммунисту, но его тоже не оказалось на месте.

О том, что произошло, я узнал на следующее утро. Констебль Томпсон обнаружил в реке обоих - Республиканца и Коммуниста. Они встретились под Деревьями на берегу - один на один - в то самое время, когда в городе зажглись костры. Взрослые веселились, а влюбленные потихоньку исчезали в лесу..

Мы устроили им пышные похороны.

Целую неделю Город только и говорил об этой истории. О ней узнал весь штат Огайо. Но потом разговоры стихли, и старых сумасшедших понемногу забыли.

В тот год на Севере набрало силу Братство. Люди забеспокоились, что бы это могло значить, а потом, когда узнали, заключили союз, и война покатилась по холмам.

Братство не сажало Деревьев, а такое зло не могло оставаться безнаказанным.

Пол АНДЕРСОН

ЛЮДИ НЕБА

1

Флот людей Неба достиг цели перед самым восходом. С высоты почти пяти тысяч футов земля выглядела синевато-серой, кое-где дымчатой из-за тумана. Оросительные каналы, поймавшие первые солнечные лучи, казались полными ртути. На западе мерцал океан, сливаясь у горизонта с фиолетом неба, где еще светилось несколько последних звезд.

Локланн сунна Холбер облокотился о фальшборт своего флагмана и направил подзорную трубу на город. Он увидел лабиринт стен, плоских крыш, квадратных сторожевых башен. Невидимое с земли солнце окрасило в розовый цвет шпили соборов. Аэростатов заграждения не было видно. Очевидно, слухи, дошедшие до Каньона, были правдой - Перио бросил внешние провинции на произвол судьбы. Значит, сокровища Мейко перетекали в хранилища С'Антона. Значит, стоило совершать налет. Они не зря потратили время. Локланн усмехнулся.

Молчание нарушил Робра сунна Стам, первый помощник капитана "Бизона".

- Снизимся до двух тысяч, - предложил он. - Чтобы не отнесло в сторону, за городские стены.

- Согласен. - Шкипер кивнул. Он уже надел боевой шлем. - Пусть будет две тысячи.

Голоса на такой высоте казались необычно громкими. Тишину нарушали лишь свист ветра и скрип такелажа. Небо было бездонно- туманным, с червонно-золотым оттенком на востоке. Палубу галеры покрывала роса. Но когда сигнальные рожки протрубили команду, ни сам этот звук, ни звуки, долетевшие с других кораблей: стук подошв по палубам, скрип лебедок, брашпилей и ручных насосов не нарушали утренней гармонии. Для

небоходов эти звуки были так же привычны, как голос ветра. Здесь, высоко в небе, они казались естественными.

Пять громадных воздушных кораблей начали медленный спуск по спирали. Медь фигур, гордо украшавших носы гондол, засверкала в первых солнечных лучах, соперничая с пестрыми эмблемами и узорами на газовых баллонах. Паруса и рули казались невероятно белыми на темном фоне западного неба.

- Ого! - сказал Локланн, изучавший гавань в подзорную трубу. - Что-то новое. Интересно, откуда он?

Капитан предложил Робре взглянуть в трубу. Первый помощник поднял окуляр к единственному глазу. В стеклянном кружке появились каменные доки, склады, построенные несколько веков назад, в эпоху процветания и могущества Перио. Сейчас они не использовались и на четверть. Шелуха рыбацких лодчонок, одинокая шхуна..." Ага, клянусь Октаи Буренесущим, экий великан, больше кита - семь мачт и какие высоченные!"

- Не знаю. - Помощник опустил трубу. - Иностранец? Но откуда? На всем континенте нет...

- Я такой оснастки еще не видал, - сказал Локланн. - Квадратные паруса на стеньгах, косые внизу. - Он провел рукой по короткой бороде. В утренних лучах борода отливала медью. Капитан был из тех голубоглазых, светловолосых людей, которые редко попадались даже среди небоходов и вообще не встречались у других народов.

- Конечно, в морских кораблях мы мало смыслим. Мы их только сверху видим.

В его словах слышалось добродушное пренебрежение. Из моряков получались хорошие рабы, но само собой разумеется - у настоящего воина есть два способа передвижения: добрый конь дома, и добрый воздушный корабль в походе.

- Наверное, торговец, - решил капитан. - Мы его захватим, если получится.

Более насущные заботы требовали его внимания. Он не летал над С'Антоном раньше, карты у него не было. Совершая воздушные налеты, небоходы никогда не забирались так далеко на юг. Раньше их корабли были примитивными, а Перио - слишком сильным государством. Локланну придется одновременно изучать город сверху, сквозь белесые пряди облаков, и разрабатывать план налета. К тому же, план должен быть достаточно прост, потому что для связи Локланн располагал только сигнальными флажками, рогом и глашатаем с бочкообразной грудью.

- Большая площадь перед собором, - пробормотал капитан. - Высадимся на нее. Люди с "Грозовой тучи" займутся зданием с востока... видишь, похоже, там живет их правитель. Так, вдоль стены на север идут казармы и плац. Гарнизоном займется "Койот". На доках пусть высадятся люди с "Ведьмы небес", захватят береговые батареи и вот то непонятное судно, потом присоединятся к "Койоту". "Огневой лось" сядет за восточными воротами и направит отряд в южную часть, чтобы запереть гражданское население. Как только центральная площадь будет в наших руках, я начну направлять подкрепления туда, где они потребуются. Все ясно?

Он опустил на глаза защитные очки. Кое-кто из бойцов, столпившихся вокруг, был в кольчугах, но Локланн предпочитал панцирь из дубленой кожи, как у монтов. Он почти не уступал в прочности кольчуге, но был много легче. У пирата был пистолет, хотя больше он полагался на боевой топор. Пользоваться огнестрельным оружием становилось не по карману, запасы серы таяли. К тому же, из лука можно было стрелять почти так же быстро и метко, как из пистолета.

Он чувствовал знакомую дрожь, словно опять стал маленьким мальчиком, в предвкушении Средиземного Утра и подарков в коробочке. Добыча будет богатой: золото, ткани, оружие, рабы. Будет бой, славные подвиги, возможно, смерть. Локланн знал, что рано или поздно погибнет в бою. Он столько принес жертв своим идолам. Они не откажут ему - он умрет в бою и снова родится небоходом.

- Пошли! - Он вспрыгнул на фальшборт и ринулся вниз. На мгновение мир завертелся волчком, город оказался вверху, мимо пронесся корпус "Бизона". Потом капитан потянул шнур, ремни дернулись, над ним распустился алый парашют. Локланн оценил силу и направление ветра и, схватившись за стропы, начал спускаться.

2

Дон Мивель Карабан, кальд С'Антона, устроил щедрый пир для заморских гостей с Маураи. Это было историческое событие. Возможно, оно станет вехой, знаком надежды в эпоху упадка. Дон Мивель был редким сочетанием прагматика и грамотного человека и понимал, что отступление войск Перио в Бразилию не было "временным". Прошло двадцать лет, и они не вернутся.

Внешние провинции должны выкручиваться сами. Но иностранцев нужно убедить, что они нашли страну богатую и цивилизованную, что приплывать к берегам Мейко и торговать выгодно. В итоге возможен союз против северных варваров.

Пир длился почти до полуночи. Хотя в некоторых районах оросительные каналы засорились, кактусы и змеи заполонили пуэбло, провинция Мейко оставалась плодородной и изобильной. Пять лет назад, во время набега узкоглазых монголов из Теккаса, были истреблены тысячи пеонов. Пройдет еще десять лет, пока население восстановится, и начнутся регулярные голодные года. Поэтому дон Мивель потчевал гостей говядиной, ветчиной со специями, сливками, фруктами, винами, орехами, кофе. С последним мореходы не были знакомы и не проявили должного интереса. Далее следовали развлечения: музыка, танцы, жонглеры, показательные поединки между молодыми благородными воинами.

Хирург с "Дельфина", изрядно выпив, предложил показать присутствующим традиционный островной танец. Его коричневое, мускулистое, татуированное тело проделало серию движений, от которых у почтенных донов неодобрительно поджались губы. Сам Мивель заметил:

- Это напоминает ритуалы праздника плодородия у наших пеонов.

Сказано было с подчеркнутой вежливостью, чтобы дать понять капитану Руори Ранги Лоханассо, что пеоны имеют культуру особую и не очень тонкую.

Хирург откинул за спину косу и усмехнулся.

- Капитан, давайте приведем с корабля наших вахинас и устроим настоящий хула!

- Нет, - сказал капитан Руори. - Боюсь, мы их и без того смутили. Как гласит поговорка: "На Соломоновых островах поступай как соломонец".

- Сомневаюсь, что они умеют развлекаться по-настоящему, - пожаловался веселый доктор.

- Мы не знаем местных табу, - предупредил капитан. - Лучше принять такой же суровый вид, как эти остробородые господа. А веселиться и заниматься любовью будем на корабле, среди наших вахинас.

- Но это глупо! Пусть сожрет меня акулозубый Нан, если я...

- Постыдись своих предков, они краснеют за тебя, - сказал Руори. Это был самый суровый упрек, если только вы не собирались вызвать собеседника на дуэль. Капитан смягчил тон до

предела, но следовало заставить доктора заткнуться. Что тот и сделал, покраснев, пробормотав извинения и удалившись в темный угол, в общество старинных выцветших фресок.

Руори повернулся к хозяину.

- Прошу прощения, сьнер, - сказал он на спанском, местном языке. - Мои люди владеют спанским еще хуже, чем я.

- Ну что вы! - Дон Мивель отвесил церемонный поклон. Его шпага смешно вздернулась, как хвост, придавая тощей черной фигуре сходство с птицей. Один из офицеров Руори не сдержался и фыркнул. "Однако, - подумал капитан, - чем узкие брюки и кружева хуже, чем саронг, сандалии и клановые татуировки? Разные традиции, только и всего. Нужно проплыть всю Федерацию Маураи, от Авай до родной Ньзилан и на запад, до Моайи, чтобы понять, как огромна планета и сколько таит она загадок."

- На нашем языке вы говорите преотлично, сьнер, - улыбнулась очаровательная доньита Треза Карабан. - Может, лучше нас самих, потому что вы учили язык по книгам многовековой давности, а спанский сильно изменился с тех пор.

Руори ответил улыбкой на улыбку. Дочь дона Мивеля того стоила. Черное бархатное платье облегало фигуру, способную поспорить с фигурой любой красавицы подлунного мира. И хотя люди Моря обращали мало внимания на лицо женщины, капитан не мог не отметить скульптурную отточенность ее прекрасных черт. Орлиная линия носа, унаследованная от отца, стала мягче, глаза сияли, волосы были цвета полночного океана. Как жаль, что мейканцы благородного сословия берегут девушек исключительно для будущего супруга. Вот если бы она сменила жемчуга и серебро на леи и го и они вместе отправились бы в каноэ встречать восход, любили бы друг друга...

Тем не менее...

- В вашем присутствии, - тихо сказал Руори, у меня есть стимул овладеть современным языком в самый короткий срок.

Треза воздержалась от кокетливого жеста веером, но ресницы ее затрепетали. Они были длинные, а глаза - зеленые, с золотистыми искорками...

- Манерами каб'леро вы овладеете не менее скоро, сьнер, - заметила красавица.

- Только не называйте наш язык "современным", умоляю, - вмешался в разговор ученого вида господин в длинной сутане. Руори узнал Биспо дон Карлоса Эрмозильо, священника церкви Езу Карито, который кажется, соответствовал маурийскому Лезу Харисти.

- Не современный, а испорченный. Я тоже изучал древние книги, напечатанные еще до Судной Войны. Наши предки говорили на истинном спанском. Мы используем диалект, столь же испорченный, сколь и наше нынешее общество. - Он вздохнул. - Но чего ждать, если даже среди благородных донов только один из десяти способен написать собственное имя?

- В дни расцвета Перио образованных было больше, - подтвердил дон Мивель. - Вам следовало приплыть лет сто назад, капитан. Тогда бы вы увидели, на что мы способны.

- Но что такое Перио? Всего лишь потомок другого великого государства, - с горечью произнес Биспо. - Перио объединил под своей властью большие территории, на некоторое время установил закон и порядок. Но ничего нового создано не было. История Перио ничем не отличается от истории тысяч государств до него. Следовательно, его постигнет та же участь.

Доньита Треза перекрестилась. Даже Руори, имевший диплом не только навигатора, но и инженера, был поражен.

- Разве виноваты не атомные бомбы?

- Что? Вы имеете в виду старинное оружие, уничтожившее Старый Мир? Нет, конечно, нет. - Дон Карлос покачал головой. - Но мы были в своем роде столь же глупы и грешны, как и наши легендарные праотцы, и результаты были под стать. Можете называть это человеческой жадностью, или наказанием эль Дио, как угодно. С моей точки зрения особой разницы нет. Первое и второе означают примерно одно и то же.

Руори пристально смотрел на священника.

- Я был бы счастлив побеседовать с вами еще, с'ньер, - сказал он, надеясь, что выбрал верную формулу обращения. - Сейчас редко можно встретить человека, знающего историю, а не мифы.

- Обязательно, - сказал дон Карлос. - Окажите честь.

Доньита Треза нетерпеливо переступала с ножки на ножку.

- У нас есть обычай танцевать.

Ее отец рассмеялся.

- О, да! Юные дамы слишком долго ждали. Терпение дается им нелегко. У нас будет довольно времени продолжить беседу завтра, с'ньер капитан. А теперь - музыка!

Он подал знак. Вступил оркестр. Некоторые инструменты походили на маурийские, некоторые были незнакомыми. Сама музыкальная гармония отличалась... что-то подобное встречалось в Стралии. На руку Руори легла ладонь. Он посмотрел на Трезу.

- Поскольку вы меня не приглашаете, я могу быть столь нескромной и пригласить вас?

- Что значит "быть нескромной"? - поинтересовался он.

Она покраснела и принялась объяснять, но ничего не получилось. Руори решил, что это очередная местная моральная концепция, которой не было аналога в культуре мореходов. К этому времени мейканские девушки и их кавалеры вышли на середину зала. Несколько секунд Руори наблюдал за парами.

- Это незнакомый танец. Я не знаю движений. Но, кажется, быстро научусь.

Она скользнула в его объятия, и это было приятно, хотя и без надежды на продолжение.

- У вас хорошо получается, - сказала Треза минуту спустя. - На островах все так пластичны?

Он не сразу понял, что это комплимент. Будучи истинным островитянином, он воспринял вопрос буквально.

- Мы много времени проводим в море. Чувство ритма и равновесия - необходимое качество, если не хочешь свалиться за борт.

- Довольно, перестаньте! - засмеялась она. - Вы такой серьезный, как С'Осе в соборе.

Руори тоже улыбнулся. Он был высокий, молодой, смуглолицый, как и все островитяне, но с серыми глазами - память о инглийских предках. Будучи н'зеланцем, он имел на теле меньше татуировок. Но с другой стороны, в косу он вплел филигрань из китовой кости, саронг был сшит из самого тонкого батика, а к костюму он добавил рубашку с кружевами. На поясе висел нож, в старых потертых ножнах, без которого любой мауриец чувствовал себя беспомощным. Но стоило взглянуть на лезвие, и становилось ясно, что это превосходный клинок.

- Я хотел бы увидеть этого С'Осе, - сказал он. - Вы нас познакомите?

- Как долго вы у нас пробудете?

- Сколько будет возможно. Мы намерены исследовать весь мейканский берег. До сих пор все контакты Маураи с Мерикой ограничивались экспедицией с Авайев к Калифорни. Там была обнаружена пустыня, редкие племена дикарей. Но от скайданских торговцев мы слышали, что на севере есть леса и там воюют друг с другом люди белой и желтой расы. До нашей экспедиции мы не имели понятия, что лежит на юг от Калифорни. Может, вы нам расскажете, чего ждать в Южмерике?

- Очень немногого, - вздохнула Треза. - Даже в Бразилии.

- Зато в Мейко цветут восхитительные розы.

К ней вернулось хорошее настроение.

- А в Н'зелании процветает искусство комплиментов, - засмеялась она.

- Отнюдь, мы слишком прямолинейны. Конечно, если не рассказываем о наших странствиях. Тогда мы плетем всякие небылицы.

- А что вы будете рассказывать об этой экспедиции?

- Буду немногословен, иначе все юноши Федерации ринутся сюда. Но я приглашу вас на корабль, доньита, покажу главный компас, и с этого момента компас всегда будет показывать на С'Антон д'Иньо. Вы станете, так сказать, розой нашего компаса.

К некоторому удивлению Руори она поняла шутку и засмеялась. Ловкая и гибкая, она изящно вела танец.

Ночь близилась к концу. Они станцевали еще несколько раз; стараясь не нарушать рамок дозволенного и не привлекать внимания, обменивались всякими веселыми глупостями. Близился рассвет, оркестр был отпущен отдыхать, и гости, скрывая зевки ладонями, начали расходиться.

- Как это скучно, стоять и говорить всем "до свидания", - прошептала Треза. - Пусть думают, что я ушла спать.

Она взяла Руори за руку и увлекла за колонну, а оттуда на балкон. Старая служанка-дуэнья, наблюдавшая зорким оком за парочками, забредшими в этот укромный уголок, спала, завернувшись от рассветной прохлады в мантилью. Теперь здесь, среди цветущих кустов жасмина никого не было. Туман окружал дворец, издалека доносился голос часового на крепостной стене: "Тодос бьен" - " Все спокойно". Туман скрывал контуры окружающих домов. На западе небо было почти черным, там сверкали последние звезды. Но верхушки мачт "Маурийского дельфина" уже поймали первые солнечные лучи и были словно объяты пламенем.

Треза поежилась, стала ближе к Руори. Некоторое время они молчали.

- Не забывайте нас, - попросила она наконец, очень тихо. - Когда вернетесь к своему счастливому народу, не забывайте нас.

- Как я могу забыть? - ответил он, на этот раз совершенно серьезно.

- У вас столько всего, чего у нас нет, - печально продолжала она. - Вы рассказывали, как невероятно быстро плавают ваши корабли, даже против ветра. И как ваши рыбаки всегда добывают полные сети. Ваши китовые пастухи разводят стада китов, такие

огромные, что вода темнеет, когда они плывут. Вы превратили океан в источник пищи и сырья... - Она потрогала мерцающую ткань его рубашки. - Вы говорили, что такой материал вырабатывают из обыкновенных рыбьих костей. И что у каждой семьи есть просторный дом, и каждый имеет охлодку. И даже на самых далеких островах маленькие дети умеют читать, и у них есть напечатанные книги.. И у вас нет болезней, от которых мы погибаем... И никто никогда не голодает и все свободны. О, не забывайте о нас, вы, кому улыбнулся эль Дио!

Смутившись, она замолчала. Руори заметил, как гордо вскинула она голову, словно жалея о минутной слабости. "В конце концов, - подумал он, - Треза потомок древнего рода, который привык подавать, а не принимать милостыню."

Поэтому он постарался подбирать слова, чтобы ее не задеть.

- Дело не в добродетели, доньита. Просто нам повезло. Мы меньше других пострадали в Судной Войне. Сама война, и то что мы были островитянами, помогли нам начать разумно использовать ресурсы океана. Не истощать, а умножать их. Мы не сохранили каких-то древних секретов, но мы возродили научный метод мышления. Наша наука - это и есть главное.

- Атом! - ахнула Треза и перекрестилась.

- Нет, нет, доньита, - запротестовал Руори. - Многие народы верят, что именно наука стала причиной гибели Старого Мира. Саму науку они представляют набором сухих рецептов, инструкций, чтобы строить высокие дома и разговаривать между собой на расстоянии. Это не имеет ничего общего с истиной. Наука - это метод, способ познания мира. Способ начинать снова и снова, на голом месте. И вот почему вы, мейканцы, можете нам помочь не меньше, чем мы вам. Вот почему мы искали вас и теперь будем посещать постоянно.

Она нахмурилась, хотя Руори чувствовал, как в ней разгорается искорка надежды.

- Не понимаю. - сказала она.

Он огляделся, ища наглядный пример. Наконец, он показал на ряд отверстий в каменной балконной ограде.

- Что здесь было раньше?

- Ну...не знаю. Так всегда было.

- Кажется, я могу объяснить. Я где-то видал подобное. Здесь была фигурная железная решетка. Но много лет назад ее вытащили и перековали на оружие или инструменты.

- Возможно, - кивнула Треза. - Железо и медь добывать очень трудно. Мы посылаем караваны через весь континент, к

руинам Тамико. Это опасные экспедиции, караванам угрожают бандиты и дикари. Но нам нужен металл. Когда-то всего в километре отсюда были железные рельсы, мне рассказывал дон Карлос...

Руори кивнул.

- Именно. Наши предки истощили планету. Они добыли почти всю руду, сожгли нефть и уголь, испортили эрозией плодородный слой почвы. В конце концов, ничего не осталось. Я преувеличиваю, конечно. Залежи минералов сохранились, но их мало. Другими словами, старая цивилизация истратила свой капитал. Теперь, когда почва и лес самовосстановились, можно попробовать возродить машинную цивилизацию. Но топлива и минералов для этого нет. Столетиями человеку приходилось разбирать древнейшие постройки, чтобы добыть металл. Зачастую знания предков сохранились, но их просто нельзя применить, они стали бесполезными. Мы теперь слишком бедны.

Увлекшись, он подался вперед.

- Но умение открывать, изобретать не зависят от богатства. Наверное, именно из-за скудных ресурсов у нас на Островах мы устремили поиски в другую область. Научный метод так же применим к ветру, солнцу, живой материи, как и к нефти, железу, урану. Изучая гены, мы научились выводить водоросли, планктон, рыб с нужными нам свойствами. Научное лесоводство дает отличную строительную древесину, материалы органического синтеза, немного топлива. Солнце заливает нас океаном энергии. Мы научились концентрировать и использовать ее. Дерево, керамика, камень - очень часто с успехом заменяют металл. Ветер, благодаря аэрофольге и трубе Хилсча, обеспечивает нас рабочей силой, согревает и охлаждает. Мы надели узду на приливы, заставили работать на нас. А параматематическая психология уже сейчас, на раннем этапе своего развития, помогает разумно управлять населением, так же как и... О, прошу прощения, доньита, я увлекся, забыл, что я сейчас не инженер. - Хочу сказать одно: если бы у нас были союзники, такой народ, как ваш, например, то в масштабах всей планеты мы могли бы сравняться с предками и превзойти их... Но другим путем, будучи не столь близорукими и беспечными, как они...

Он замолчал, потому, что Треза его не слушала. Она смотрела куда-то поверх его головы, в небо, и на лице ее застыл ужас.

На крепостных стенах грянули трубы, ударили колокола собора.

- Тысячи чертей! - воскликнул Руори, стремительно поворачиваясь на каблуках. Небо в зените стало совсем голубым. Пять акульих силуэтов плыли над С'Антоном. Солнце нового дня весело играло на их раскрашенных боках. Чувствуя легкое головокружение, Руори оценил длину каждого сотни в три футов.

Вдруг под воздушными акулами распустились в воздухе кроваво- красные цветы и медленно поплыли к земле.

- Небоходы! - прошептала Треза. - Сантисима Мари, молись за нас!

3

Плиты мостовой ударили в подошвы. Локланн перевернулся и вскочил на ноги. Рядом блеснул фонтан, над которым возвышался каменный всадник. На секунду небоход залюбовался каменными линиями. В Каньоне ничего подобного делать не умели. Так же, как и в Зоне, в Корадо - ни в одном из горных королевств. А храм, выходивший фасадом на площадь, казался белоснежным воплощением молитвы.

Площадь была полна народу. Фермеры и ремесленники готовили прилавки к торговому дню. Когда приземлились первые небоходы, большинство в панике разбежалось. Но один высокий и широкоплечий мужчина, схватив молот, бросился на Локланна. Он прикрывал бегство молодой женщины с младенцем, наверное его жены. Несмотря на мешковатое платье, Локланн оценил ее фигуру. Монги-работорговцы дадут за такую женщину хорошую цену. Ее муж тоже был бы хорошим рабом, но времени не оставалось. Локланн, все еще скованный стропами и ремнями парашюта, выхватил пистолет и выстрелил. Мужчина охнул, прижал ладони к животу и упал на колено. Сквозь пальцы побежала струйка крови. Локланн сбросил парашютную перевязь и застучал сапогами по плитам, устремившись в погоню. Жещина закричала, когда пальцы Локланна крепко сжали ее запястья. Она попыталась вырваться, но ей мешал ребенок. Локланн потащил ее к храму. Робра уже ждал на ступеньках.

- Выставляй охрану, - приказал капитан. - Пока можно держать пленных в храме.

В дверях храма показался старик в одежде священника. Перед собой он держал крестообразного мейканского идола, словно преграждая им дорогу. Ударом топора Робра вышиб старику

мозги, пинком отбросил с дороги мертвое тело и потащил женщину в храм.

С неба сыпались до зубов вооруженные солдаты Локланна. Локланн поднял к губам сигнальный рог. В любую минуту возможна контратака. И она не заставила себя ждать.

Стуча подковами, показался эскадрон мейканской кавалерии. Молодые надменные воины в мешковатых штанах, кожаных нагрудниках и шлемах с плюмажами. Их плащи развевались на скаку. Пики были из обожженого дерева, но сабли - стальные. Очень похоже на желтокожих кочевников Теккаса, с которыми народ Локланна сражался веками. Локланн побежал к началу цепи, где уже развернулся штандарт Молнии. Половина парашютистов с "Бизона" выстроилась в цепь, выставив пики с керамическими наконечниками, прочно уперев концы в плиты. Они замерли в ожидании. Первая волна атаки разбилась о цепь. Кони надевались на пики, как на вертела, поднимались на дыбы. Ржанье, крики. Острия пик ударили по седокам. Вперед выступила вторая цепь парашютистов, с мечами и кривыми ножами, которыми было удобно подрезать сухожилия. Несколько минут кипела жаркая схватка. Мейканцы не выдержали и в панике отступили. Тогда запели каньонские луки.

Очень скоро площадь покрыли раненные и убитые. Локланн энергично сортировал первых. Тех, кто был ранен легко, сгонял в храм.

Издалека донесся громовой удар.

- Пушка! - подбегая крикнул Робра. - Возле казарм.

- Пусть позабавятся, пока наши ребята не добрались до их позиций... - мрачно усмехнулся Локланн.

- Ну да. - Вид у Робры был нервный. - Что-то ничего от них не слышно. Мы так и будем стоять?

- Недолго, - предсказал Локланн.

Он не ошибся. Пошатываясь, подбежал вестовой с перевязанной рукой.

- "Грозовая туча", - еле выдавил он. - Нас послали к большому зданию... там полно вооруженных людей... они нас отбросили..

- Вот как? А я думал, это королевский дворец, - засмеялся Локланн. - Наверное, король устроил пир. Ладно, за мной! Я сам сейчас разберусь. Робра, останешься за старшего.

Он отобрал тридцать человек и поспешил за вестовым. Они бежали трусцой по пустым и тихим улицам; тишину нарушали только их собственный топот и звон оружия. Жители в ужасе

затаились за стенами домов. Это хорошо, легче будет собрать их потом в кучу.

Локланн услышал звуки боя и, повернул за угол. Перед ним открылось здание дворца, старое, с красной черепичной крышей, со стенами цвета спелой груши и множеством окон. В окнах блестело стекло. Люди с "Грозовой тучи" дрались у главной двери. Мостовую вокруг густо усеяли небоходы, убитые и раненые в последней атаке.

Одним взглядом Локланн оценил ситуацию.

- Тупоголовые! Не догадались зайти в тыл! - простонал он. - Джонак, возьми пятнадцать человек, вышиби черный ход и ударь в тыл. Остальные помогайте мне отвлекать их!

Он вскинул окровавленный боевой топор.

- Каньон! - заорал он. - Каньон!

Остальные повторили клич и ринулись в битву.

Волна нападавших в очередной раз откатилась от двери. Десантники переводили дух и считали раны. В широком дверном проеме стояло полдесятка мейканцев. Все - благородные доны: мрачные мужи с козлиными бородками, напомаженными усами, в строгих черных костюмах, с красными плащами, намотанными на левую руку, словно щит, и с длинными тонкими мечами в правой.Мечи эти назывались у них шпагами.

За их спинами другие доны ждали, готовые занять место убитых или раненых.

- Каньон! - заревел Локланн.

- Кель Дио вела! - воскликнул высокий седеющий дон. На шее его блестела золотая цепь предводителя. Его клинок стальной змеей метнулся к груди Локланна.

Локланн парировал выпад топором. Но дон был искусным бойцом. Он ответил новым выпадом, который завершился ударом в грудь воздушного пирата. Но скрученная в шесть витков кожа панциря выдержала удар. Локланн выбил шпагу из рук врага. "Ах, но, дон Мивель!" - воскликнул молодой воин рядом с кальдом. Старик фыркнул, ловко перехватил рукоять топора и с силой подземного тролля выдернул оружие из рук Локланна. Локланн видел глаза старика, говорившие "Смерть!" Дон Мивель занес топор. Локланн нажал на спуск пистолета.

Он на лету поймал падающего дона Мивеля, сдернул золотую цепь и надел себе на шею. Клинок шпаги прозвенел о его шлем. Локланн поднял топор, покрепче уперся подошвами в плиты мостовой и ударил.

Цепь защитников поддалась.

Вдруг позади послышался шум. Обернувшись, он увидел за спинами своих людей блеск оружия. Проклятье! Во дворце было гораздо больше людей, и пока одни держали главный вход, остальные пробрались через черный и теперь атаковали его с тыла!

Острие шпаги вонзилось в бедро. Он почувствовал лишь слабый укол, словно ужалила пчела, но гнев затянул глаза красной пеленой.

- Чтоб ты заново родился такой же свиньей, как сейчас! - взревел он. Почти ничего не видя, он бешено завертел топором. Ему удалось очистить пространство вокруг себя, вырваться из кольца и взглянуть на бой со стороны.

Напавшие с тыла были преимущественно дворцовой охраной, судя по их полосатой форме, пикам и мачете. Но среди них находилась дюжина людей в одежде, которой Локланну видеть не приходилось. У них были черные волосы и очень смуглая кожа, как у индейцев, хотя чертами лиц они больше напоминали людей белой расы. Кожу покрывали сложные синеватые узоры. На незнакомцах были только цветные простыни вокруг бедер и венки из цветов. Иноземцы с поразительной ловкостью орудовали ножами и дубинками.

Локланн разорвал штанину, взглянул на рану. Ничего серьезного. Куда тяжелее приходилось сейчас его людям. Морк сунна Бренн с занесенным мечом ринулся на одного смуглокожего, довольно плечистого малого, на котором кроме простыни была еще блузка с кружевами. Дома Морк убил четверых в законных поединках, а скольких зарубил в набегах вообще трудно сказать. Смуглокожий стоял спокойно, сжав в зубах нож, свободно опустив руки. Когда меч опустился, иностранца просто не оказалось на прежнем месте. Усмехнувшись сквозь сжатые зубы, иностранец рубанул ребром ладони по кисти Морка. Локланн услышал хруст кости. Морк вскрикнул. Иностранец ударил его в горло, в кадык. Морк медленно опустился на колени, выплюнул кровь, сжался вдвое и замер. Иностранца атаковал другой небоход, с топором. Тот опять текучим движением ловко ушел от удара, поймал нападающего на бедро и послал головой вперед в мостовую. Небоход лежал неподвижно.

Локланн заметил, что иностранцы кольцом окружили женщин. Женщин! Октаи и людоед Улагу, эти подонки выводили из дворца женщин! И атака на дворец сама собой захлебнулась. Мрачно хмурясь и зажимая раны, воздушные пираты отступали.

Локланн бросился на врага.

- Каньон! - заревел он. - Каньон!

- Руори Ранги Лоханассо, - вежливо ответил иностранец в блузе и протарахтел серию приказов. Его товарищи начали быстро отходить.

- Что стоите, дерьмо! Нападайте! - заорал Локланн.

Но преследование началось без энтузиазма, кроме того, пики арьегарда отступавших отбросили преследователей. Тогда Локланн сам повел наступление.

Плечистый иностранец в блузе заметил его, серые глаза остановились на золотой цепи убитого кальда и стали ледяными, как северная зима.

- Ты убил дона Мивеля! - сказал Руори на спанском. Локланн, опытный небоход, понял его. Он научился спанскому от пленных и наложниц.

- Паршивый сукин сын!

Пистолет был уже в руке. Руори резко взмахнул кистью, и в правый бицепс воздушного пирата воткнулся нож. Пистолет покатился по плитам.

- Я за ним вернусь! - крикнул Руори, сожалея о ноже, и приказал товарищам: - Назад на корабль!

Локланн посмотрел на бегущую по руке кровь. Словно со стороны он услышал звон оружия, крики - отступающий отряд прорвал хлипкое заграждение небоходов. В дверях дворца, теперь пустых, появился Джонак с отрядом. Но уцелевшие защитники ушли с Руори.

К Локланну, который смотрел на рану, как загипнотизированный, подбежал небоход.

- Нам их преследовать, шкипер? - спросил он почти сочувственно. - Джонак может вас сменить.

- Нет.

- Но они уводят сотню женщин. И очень много молодых.

Локланн потряс головой, словно пес, выбравшийся на берег из глубокого холодного ручья.

- Не надо. Мне нужен лекарь, пусть зашьет рану. А с иноземцами мы еще сквитаемся. Сейчас есть дела поважнее. Ребята, у нас целый город на разграбление!

4

Причал был усеян обугленными трупами. Рядом с массивными каменными стенами складов мертвые казались маленькими, как поломанные куклы. Ноздри щипало от гари и порохового дыма.

Навстречу Руори спешила команда во главе с первым помощником "Дельфина", Ателем Хамидом Серайро. Он отдал честь на островитянский неофициальный манер, так небрежно, что несколько мейканских офицеров переглянулись, несмотря на явно неподходящую ситуацию.

- Мы собрались идти за вами капитан!

Руори посмотрел на лес мачт и оснастки "Дельфина".

- Что здесь случилось?

- Банда этих чертей приземлилась возле батареи. Они овладели огневой позицией, пока мы соображали, что происходит. Часть из них поспешила на шум в северном квартале. Кажется, там казармы. Остальные напали на нас. Ну вот, планшир наш на десять футов выше пристани, и мы знаем, что делать, если нападают пираты. В общем, я их немного поджарил.

Руори с содроганием посмотрел на черные обугленные трупы. Они того заслужили, несомненно, и все же ему не нравилась идея использовать горящую ворвань против живых людей.

- Жаль, они не попробовали с морской стороны, - вздохнул Атель. - У нас там такая симпатичная гарпунная катапульта. Помню, пару лет назад я такую опробовал неподалеку от Хинджии, когда к нам подошел синизский буканьер. Как они орали!

- Люди не киты! - вспылил Руори.

- Хорошо, капитан, хорошо! - Атель попятился, слегка испугавшись. - Я ничего плохого не имел в виду.

Руори уже успокоил себя, сложил вместе ладони.

- Я поддался напрасному гневу, - подчеркнуто вежливо сказал он. - Я смеюсь над самим собой.

- Чепуха, капитан. Значит, мы их отбросили. Но подозреваю, они вернутся с подкреплением. Что будем делать?

- Хотел бы я знать, - мрачно сказал Руори.

Он повернулся к мейканцам, увидел их пораженные лица.

- Прошу извинить, доны и доньиты, - сказал он на спанском. Мой помощник вводил меня в курс последних событий.

- Не извиняйтесь! - воскликнула Треза Карабан, шагнув вперед. Мужчины обиженно переглянулись, но все были слишком утомлены, чтобы открыто осудить ее за несдержанность. Для Руори же было вполне естественно, если женщина поступала также свободно, как и мужчина.

- Вы спасли нам жизнь, капитан. И даже больше, чем жизнь!

Что может быть хуже смерти? Потом он кивнул. Рабство, разумеется. Веревки, кнут, принудительный труд в чужой стране до конца жизни. Взгляд его задержался на Трезе: длинные пряди

волос разметались по плечам, платье порвано, на лице усталость и следы слез. Знает ли она, что ее отец убит? Треза старалась держаться независимо и смотрела на Руори с непонятным для него вызовом.

- Мы еще не знаем, что теперь делать, - сказал он с запинкой. - Нас всего пятьдесят человек. Мы можем помочь городу?

Один из молодых дворян, покачнувшись, ответил:

- Нет, с городом кончено. Вы могли бы доставить дам в безопасное место. Это все.

- Вы уже сдались, с'ньер Дуножу? - запротестовала Треза.

- Нет, доньита, - прошептал молодой человек. - Но мне лучше исповедаться сейчас, до возвращения в бой. Нам уже не жить.

- Поднимемся на борт, - кратко предложил Руори.

Он повел их к трапу. Лиу, одна из пяти корабельных вахинас, бросилась навстречу. Она обняла Руори, крепко прижалась.

- Я так боялась, что тебя убьют! - воскликнула она сквозь слезы.

- Пока мы живы. - Руори освободился из ее объятий со всей возможной мягкостью. Он заметил, как замерла глядя на них Треза. Странно, неужели забавные мейканцы думают, будто команда отправится в многомесячную экспедицию без женщин? Может, одежда вахины, не отличавшаяся от облачения его товарищей, противоречит местным табу? К Нану глупые предрассудки! Но неприятно, что Треза сразу замкнулась. Мейканцы с любопытством и даже изумлением смотрели по сторонам. Многие не успели побывать на борту "Дельфина" и сейчас рассматривали рангоут, гарпунные катапульты, кабестаны, бушприт и самих моряков. Маурийцы ободряюще улыбались в ответ. Многие воспринимали происходящее, как забавное приключение. Стычка с воздушными налетчиками не могла испугать людей, для развлечения нырявших с одним ножом за акулами или ездивших в гости к друзьям за тысячу миль в утлых каноэ.

Ведь им не довелось беседовать с благородным доном Мивелем, веселым доном Ваном, добрым и образованным Биспо Эрмозильо. Они не видели их мертвыми на полу дворца, где только что кружились в танце пары.

Мейканские женщины и их слуги сгрудились вместе, многие тихо плакали. Треза и несколько благородных донов поднялись вместе с Руори на полуют.

- Давайте поговорим, - предложил Руори. - Кто эти бандиты?

- Люди неба, небоходы, - прошептала Треза.

- Это я уже понял, - Руори покосился на патрулирующий неподалеку аппарат. Его очертания отличались зловещим изяществом барракуды. Над городом в нескольких местах поднимался дым.

- Но кто они? Откуда?

- Они не мейканцы. Они с диких высокогорий вокруг большой реки Корадо. - Треза отвечала каким-то сухим, безразличным тоном, словно боялась выдать свои чувства. - Корадо течет по дну Гранд Каньона. Они горцы. Полагают, что когда-то их туда вытеснили с восточных равнин монги. Но, закрепившись в горах, они разгромили племена монгов, с остальными заключили союз. Вот уже столетие они нападают на наши северные границы. Но так далеко на юг они забрались впервые. Мы не ждали. Их шпионы, очевидно, пронюхали, что наши войска сейчас возле Рио Гран, преследуют армию бунтовщиков... - Треза поежилась.

- Паршивые собаки! - презрительно процедил Дуножу. - Они способны только жечь, грабить и убивать! - Он бессильно опустил голову. - Что мы такое совершили? За что небо наслало их на нас?

Руори задумчиво потер подбородок.

- Едва ли они такие дикари, - пробормотал он. - Даже в нашей Федерации не умеют делать подобных дирижаблей. Ткань... наверное, специальная синтетика, иначе она бы не удержала водород. Не думаю, что там гелий! Но чтобы производить столько водорода, нужна целая промышленность. И отлично развитая практическая химия. Может, они даже используют электролиз... Великий Лезу!

Он заметил, что разговаривает сам с собой на родном языке.

- Прошу меня простить, я задумался над нашими дальнейшими действиями. Итак, что бы мы могли предпринять? К сожалению, на корабле нет летательных аппаратов.

Он снова посмотрел на дирижабли. Атель подал бинокль. Руори навел линзы на ближайший воздушный корабль. Огромный вытянутый газовый баллон, под ним гондола длиной не меньше многих маурийских кораблей. Вместе баллон и гондола составляли единое обтекаемое целое. Гондола, кажется, из плетеного тростника на деревянном каркасе, легкая и прочная. В трех четвертях высоты от киля гондолу опоясывала смотровая галерея. На ней размещались разнообразные механизмы. Лебедки и, похоже, катапульты. Значит дирижабли северных королевств сражались между собой. Нужно взять это на заметку.

Политикопсихологи Федерации были искусны в играх "Разделяй и властвуй".

Но сейчас...

Руори крайне интересовал принцип воздушных кораблей.

От носа гондолы в радиальном направлении отходили два лонжерона, каждый длиной около пятидесяти футов, один над другим. На них держались по две поворотных рамы. К рамам крепились квадратные паруса. Аналогичная пара лонжеронов проходила через гондолу у кормы. Всего восемь парусов. Рулевые плоскости, треугольные, как акульи плавники, прикреплялись к газовому баллону. Под гондолой виднелась пара подвижных колес. Судя по всему, они выполняли функции фальшкиля. Паруса управлялись через систему лееров, которые подходили к брашпильным лебедкам гондолы. Наверное, меняя их взаимное расположение можно заставить дирижабль идти даже против ветра. Кроме того, на разных высотах воздух движется в разных направлениях. Дирижабль может подниматься и опускаться, меняя объем газа в ячейках баллона или сбрасывая балласт. (Этот прием наверняка держат про запас на обратную дорогу, когда потери из-за неизбежной утечки сильно сократят запас газа). Паруса, рули и ветры позволят такому дирижаблю совершить перелеты на несколько тысяч километров с грузом в несколько тонн. Какой восхитительный аппарат!

Руори опустил бинокль.

- Разве в Перио не изобрели аппаратов, чтобы бороться с дирижаблями?

- Нет, - пробормотал мейканец. - У нас есть только аэростаты. Мы не умеем делать ткань, достаточно долго держащую поднимающий газ. И мы не знаем, как управлять полетом, поэтому...

- И будучи ненаучной цивилизацией, вам не пришло в голову заняться исследованиями, - сказал Руори.

Треза, смотревшая в сторону города, резко обернулась.

- Вам легко говорить! - воскликнула она. - Вам не нужно из века в век отбивать монголов на севере и рауканцев на юге, вам не пришлось потратить двадцать тысяч лет и десятки тысяч жизней на постройку каналов и акведуков, чтобы люди не умирали от голода и засухи! У вас нет на шее пеонов, которые только умеют тупо работать и не способны позаботиться о себе, потому что их этому не учили, потому что само их существование непосильное бремя для нашей страны, и не остается сил на просвещение... Вам легко говорить! Плаваете себе спокойно в компании

полуголых шлюх и смеетесь над нами! А что бы вы сделали на нашем месте, могущественный капитан?

- Успокойтесь, - упрекнул Трезу Дуножу. - Он спас нам жизнь.

- Пока что! - процедила она сквозь слезы. Бальная туфелька топнула по палубе.

Руори не понял слова "шлюха". Кажется, что-то нелестное. Может, имелись в виду вахинас? Но что бывает почетнее, чем честно заработанная плата за разделенные бок о бок с мужчинами опасности и приключения экспедиции? О чем Треза расскажет внукам в дождливые вечера?

Потом его озадачила другая мысль. Почему Треза так его волнует? Он замечал нечто подобное у некоторых мейканцев. Неестественно напряженные отношения мужчин и женщин, словно женщина была чем-то большим, чем просто уважаемым товарищем, партнером, помощником. Но какие еще могут быть отношения? Специалист-психолог нашел бы ответ. Роури был в тупике.

Он сердито потряс головой и громко сказал:

- Не время пикироваться. - Ему пришлось использовать спанское слово, хотя он не был уверен в правильном подтексте. - Нужно принимать решение. Вы уверены, что нет способа отбить пиратов?

- Нет, если только сам С'Антон не явит нам чудо, - мертвым голосом ответил Дуножу.

Вдруг он выпрямился.

- Но одно вы можете сделать, с'ньер. Покиньте порт и доставьте женщин в безопасное место, среди них благородные дамы, они не должны попасть в рабство, испытать бесчестье. Доставьте их на юг, в порт Ванавато. Тамошний кальд возьмет на себя заботу об их благополучии.

- Мне эта идея не нравится. Я не хочу убегать, - сказал Руори, глядя на трупы небоходов, усеявшие пристань.

- Сьнер, речь идет о жизни дам! Во имя аль Дио, сжальтесь над ними.

Руори внимательно посмотрел на суровые бородатые лица мужчин. Они были гостеприимными хозяевами, и он не знал другого способа отплатить за добро.

- Если вы настаиваете, - медленно произнес он. - А что будете делать вы?

Молодой дворянин склонил голову.

- Мужчины пошлют вам вслед благодарности и молитвы, а потом, естественно, вернутся в бой.

Он выпрямился и рявкнул голосом плац-парадов:

- Смирно-о! В шеренгу - ста-новись!

Несколько быстрых прощальных поцелуев, и мейканские воины промаршировали по трапу защищать родной город.

Руори ударил по гакборту кулаком.

- Если бы я мог, - прошептал он, - если бы я мог что-то сделать? Думаете, пираты могут нас снова атаковать? - спросил он с надеждой в голосе.

- Только если вы останетесь у причала, - сказала Треза. Ее глаза были как изумрудный лед.

- А если они нападут на нас в море...

- Едва ли. У вас на борту всего сотня женщин и почти никаких товаров. Небоходы заняты городом, где в их власти десять тысяч женщин, есть из кого выбирать. И все сокровища нашего города. Зачем тратить время и преследовать вас?

- Так, так...

- Поднимайте якоря, - процедила Треза. - Не стоит рисковать. Мне кажется, вы не осмелитесь задержаться.

Он вскинул голову, словно получив пощечину.

- Что вы хотите сказать? Что маурийцы трусы?

Она ответила не сразу, но подчиняясь, с неохотой сказала:

- Нет.

- Тогда зачем вы меня дразните?

- Оставьте меня в покое! - Она спрятала лицо в ладонях и замерла.

Руори оставил ее одну и пошел отдавать приказы. Матросы начали карабкаться на снасти. Свернутые парусиновые полотнища разворачивались с сухим треском, хлопали на свежем ветру. Море, темно-синее за молом, покрылось белыми барашками, чайки чертили небосвод. Перед глазами Руори вдруг встали сцены, виденные на пути отступления из дворца.

Безоружный человек на мостовой. Голова разбита. Двое пиратов тащат в переулок двенадцатилетнюю девочку. Она отчаянно кричит. Пожилой горожанин пытается убежать от четверых лучников, которые со смехом стреляют в него. Пронзенный, он падает и пытается уползти. Лучникам очень весело. Словно окаменевшая женщина в разорванном платье сидит на мостовой, рядом ее ребенок с вытекающим из раздробленной головы мозгом. В нише стены статуя, символ святости, с увядшим букетиком

фиалок у ног, на ходу обезглавленная небрежным ударом топора. Горящий дом, изнутри раздаются крики.

Воздушный корабль над головой вдруг перестал казаться Руори красивым.

Дотянуться до налетчиков и швырнуть с неба на землю!

Руори застыл, словно его ударила молния. Вокруг деловито сновала команда. Он слышал веселые голоса здоровых, свободных, никогда не знавших голода молодых людей. Но они лишь отдавались слабым эхом в дальнем уголке сознания капитана.

- Отдать швартовы! - донесся голос помощника.

- Стоп! Еще не время! Подождите!

Руори помчался на ют, где оставил доньиту Трезу. Она стояла с опущенной головой, упавшие пряди волос закрыли лицо.

- Треза! - выпалил Руори, не переводя дыхания, - Треза, у меня идея. Кажется, может получиться... Мы сможем ответить ударом на удар.

Она подняла глаза. Пальцы сжали руку Руори, ногти до крови впились в кожу.

- Нужно заманить их в погоню... хотя бы пару их дирижаблей. Я еще не продумал детали, но мы сможем устроить бой и даже заставить их отступить, оставить город в покое...

Она молча смотрела на него. Он вдруг почувствовал, что ему не хватает слов.

- Конечно, мы можем и проиграть. И у нас на борту женщины.

- Если вы потерпите поражение, - сказала она едва слышно, - мы умрем или попадем в плен?

- Наверное, умрете.

- Хорошо. Тогда деритесь.

- Но пока не ясно одно. Как заманить пиратов в погоню? - Он помолчал. - Если бы кто-то позволил им взять себя в плен... И убедил, что у нас на борту огромное, невообразимое сокровище... Они бы поверили?

- Возможно, поверили бы. - Голос ее вновь обрел энергию. - Скажем, речь пойдет о казне кальда. На самом деле ее никогда не существовало, но грабители способны поверить, что подвал отца был набит золотом.

- Тогда кто-то должен пойти к ним. - Он отвернулся, сплел пальцы и сделал последний вывод, который больше всего ему не нравился. - Это должен быть не простой человек. Мужчину они запихнут к остальным рабам, так? Они его слушать не станут?

- Нет. Почти никто из небоходов не знает спанского. Пока они поймут, о чем бормочет раб, они будут на полпути домой. - Треза нахмурилась. - Что делать?

Руори знал ответ, но язык не поворачивался.

- Простите, доньита, - пробормотал он наконец. - Моя идея оказалась нестоящей. Мы отдаем швартовы.

Девушка преградила ему дорогу. Она была совсем рядом, как тогда, на балу, во время танцев. Ее голос был абсолютно спокоен.

- Вы знаете способ. Вы знаете, что нужно делать.

- Нет!

- Не лгите! Вы не умеете лгать, я вас хорошо изучила, хотя и всего за одну ночь. Говорите!

Он старался не смотреть ей в лицо.

- Женщина... и если это будет красивая женщина... ее могут отвести к предводителю?

Треза отшатнулась, краска покинула лицо.

- Да, - наконец сказала она. - Наверное.

- Но с другой стороны, могут просто убить. Они убивают просто так, без причины. Я не могу подвергать риску человека.

- Глупец. Думаете, что я боюсь смерти? - сквозь зубы прошептала она.

- А что еще может случиться? - удивился Руори. - Ах да, конечно, если мы проиграем, женщина останется рабыней. Но если она красивая, с ней будут хорошо обращаться.

- И на большее вы не способны... - Треза замолчала. Руори впервые увидел улыбку, которая выражает и горе, и боль. - Конечно, я могла бы догадаться. У вашего народа другие мерки.

- Что вы имеете в виду?

Она сжала кулаки, зажмурилась, сказала сама себе:

- Они убили отца, я видела, как он упал. Они оставят мой город в руинах, и обитать там будут только призраки умерших.

Она подняла голову.

- Я пойду.

- Вы? - Он крепко схватил ее за плечи. - Нет! Только не вы! Какая-нибудь другая девушка...

- Неужели я стану посылать кого-то вместо себя? Я - дочь кальда!

Она освободилась и быстро пошла к трапу. Назад она не смотрела. Он услышал только:

- Еще монастырь...

Руори не понял, о чем идет речь. Он стоял на юте, смотрел ей вслед и ненавидел самого себя. Потом приказал:

- Отдать швартовы!

5

Мейканцы сопротивлялись упорно, приходилось отбивать дом за домом, улицу за улицей. Но через пару часов уцелевшие солдаты гарнизона были заперты в северо-восточном районе С'Антона. Сами они едва ли это понимали, но вождь все видел сверху. Его корабль пришвартовался к шпилю собора, вниз была сброшена веревочная лестница. Патрульный дирижабль доставил сообщение.

- Отлично, - сказал Локланн. Он был доволен. - Пусть сидят в норе. Выставим в заслон четверть людей. Остальные займутся городом, а то хитрые горожане спрячут серебро. Нельзя давать им передышку. Вечером, отдохнув, сбросим парашютистов в тыл окруженных, выгоним на наши ряды и уничтожим.

Чтобы немедленно погрузить самую ценную часть награбленного он приказал посадить"Бизона" на площадь. Ребята были хорошими бойцами, но с красивыми вещами обращаться не умели, могли невзначай порвать чудное платье, разбить чашу или испортить драгоценный инкрустированный крест-распятие. А мейканские вещицы иногда были до того красивые, что их даже продавать было жалко.

Флагман снизился до минимальной высоты. Но до площади все равно осталось около тысячи футов. Ручными помпами и с резервуарами из алюминиевого сплава невозможно достаточно плотно сжать водород. Если бы воздух был плотнее или более холодным, они бы зависли еще выше. Дома всего четыре женщины могли посадить корабль с помощью храповых кабестанов. Сейчас же пришлось бросать посадочные тросы, жаль было выпускать газ. Несмотря на недавно появившиеся солнечные энергоблоки, водород едва удавалось добывать в достаточном количестве. Хранители брали за солнечную электроэнергию не меньше, чем за водную. Хранители пользовались своим преимуществом. Будучи выше королей, они сами назначали цены. Поэтому некоторые короли, в том числе и Локланн, начали собственные опыты по добыче водорода. Но дело было долгим, ибо даже Хранителям ремесло добычи газа не было полностью понятно.

Сейчас кабестаны заменила толпа сильных воинов-небоходов. И вскоре "Бизон" был надежно пришвартован на соборной площади, которую занял почти целиком. Локланн лично осмотрел каждый канат. Раненая нога болела, но терпимо. Раздражала правая рука, где швы болели больше, чем сама рана. Лекарь предупредил, чтобы он не слишком нагружал руку. Значит

драться придется левой, чтобы никто не посмел сказать, будто Локланн сунна Холбер увиливает от схватки. Но теперь он был всего полбойца.

Он потрогал нож, нанесший ему рану. Теперь у него отличное стальное лезвие. И разве владелец лезвия не обещал встретиться и выяснить, кому достанется клинок? Такие слова имеют силу пророчества. Было бы неплохо встретиться с этим Руори в следующей жизни.

- Шкипер! Шкипер!

Локланн посмотрел вокруг. Кто его звал? Ю Красный Топор и Аалан сунна Рикар, люди одной с ним ложи, приветствовали его. Они держали молодую женщину в черном бархате и серебряных украшениях. Из толпы небоходов одобрительно засвистели.

- Что такое? - сердито спросил Локланн. у него дел было по горло.

- Вот эта баба, сэр. Ничего смотрится, а? Мы поймали ее недалеко от пристани.

- Ну хорошо, запихните в собор, к остальным. О!..

Локланн качнулся на каблуках, прищурился, глядя в горевшие холодным зеленым пламенем глаза. Однако!

- Она трещала одно и то же Шеф, рей, омбро гран... Я подумал, может она имеет в виду вас, чиф, - сказал Ю. - Потом она закричала "Хан! Хан!" - и я уже не сомневался. Так что мы ею не пользовались, - скромно пояснил он.

- Аба ту спаньео? - сказала девушка.

Локланн усмехнулся.

- Да, - ответил он на том же языке, с густым акцентом, но достаточно вразумительно. - Я даже заметил, что ты обращаешься ко мне на "ты". - Ее красивые губы сжались. - Значит, ты считаешь себя выше... Или я твой бог, или любовник.

Она вспыхнула, гордо подняла голову. Солнце заиграло на волосах цвета вороньего крыла.

- Тогда прикажи этим болванам меня отпустить!

Локланн отдал приказ на англизе. Ю и Аалан отпустили девушку. На ее руках остались синяки от их пальцев. Локланн погладил бороду.

- Зачем ты хотела меня видеть?

- Ты вождь? Я дочь кальда, доньита Треза Карабан. - На мгновение голос дрогнул. - На твоей шее цепь моего отца. Я пришла вести с тобой переговоры от имени его людей.

- Что? - Локланн мигнул. Среди бойцов кто-то захохотал.

Она не просит пощады, тон у нее резкий.

- Принимая во внимание неизбежные ваши потери если вы продолжите бой до конца, учитывая угрозу ответного нападения на вашу страну, не согласитесь ли вы принять выкуп? Вы получите охранное свидетельство, вернетесь в безопасности домой, но вы должны освободить всех пленных и прекратить разрушение города.

- Клянусь Октаи Буренесущим! - пробормотал Локланн. - Только женщина могла вообразить, что мы... Ты сказала, что вернулась?

Она кивнула.

- Чтобы вести переговоры. У меня нет законного права обсуждать условия перемирия, но фактически...

- Тихо! - рявкнул он. - Откуда ты вернулась?

Она замолчала.

- Это не имеет отношения...

Вокруг было слишком много лишних глаз. Локланн отдал приказ начинать грабеж города. Потом повернулся к девушке.

- Поднимемся на борт корабля. Там и поговорим.

Она на миг зажмурилась, губы шевелились. Потом посмотрела ему в глаза. (Он вспомнил когуара, которого однажды поймал в сеть). Она сказала бесцветным тоном:

- Да, у меня есть другие доводы.

- Как у любой женщины, - засмеялся он. - Но ты не любая, далеко не любая!

- Я не об этом! - вспыхнула она. - Я хотела сказать... Нет. Мари, молись за меня!

Раздвигая бойцов, Локланн пошел к трапу. Она последовала за ним.

Они миновали свернутые паруса, спустились с галереи. Люк в нижнюю часть трюма был открыт, можно было увидеть грузовые камеры и кожаные петли-наручники для рабов. На галерее стояло несколько часовых. Они облокотились на пики, вытирая пот, текший из под шлемов, перебрасывались шутками. Когда Локланн провел мимо девушку часовые приветствовали его восхищенно-завистливыми репликами.

Он открыл дверцу.

- Ты раньше видела наши корабли?

В верхней части гондолы помещалась длинная комната. Она была пуста, если не считать рам для спальных гамаков. За перегородкой находился крошечный камбуз, и, наконец, на самом носу - комната с картами, навигационными приборами, перего-

ворными трубами. Стены под заметным углом подавались наружу, окна давали хороший обзор во время полета. Под оружейным стеллажом, на полке стоял маленький идол, клыкастый и четверорукий. Пол был устлан ковром.

- Это мостик, - сказал Локланн. - И каюта капитана одновременно.

Он жестом пригласил ее в любое из четырех плетеных кресел, принайтованных к полу.

- Прошу садиться, доньита. Не желаешь чего-нибудь выпить?

Она молча села. Крепко сжатые кулаки лежали на коленях. Локланн налил полстакана виски, сделал изрядный глоток.

- Ага! Позднее достану тебе местного вина. Просто стыд, что вы не строите винокурень.

Она подняла на него полные отчаяния глаза.

- С'ньер, прошу вас во имя Карито... во имя вашей матери... Пощадите мой народ.

- Моя мама умерла бы от смеха, услышав такое, - сказал Локланн. - Не будем зря тратить слова. - Он подался вперед, - Ты убежала, но вдруг вернулась. Откуда?

- Я... Это важно?

"Хорошо, она начинает поддаваться", - подумал он.

- Важно! - рявкнул он. - Я знаю, на рассвете ты была во дворце. Потом бежала с темнокожими иноземцами. Их корабль покинул порт час назад. Ты, надо полагать, была на борту, но вернулась. Так?

- Да. - Она дрожала.

Он сделал глоток жидкого огня и спокойно сказал:

- Так, расскажи, доньита, чем ты собиралась торговать? Что у тебя есть для сделки? Ты же не думала, что мы оставим добычу и отличных рабов ради охранного свидетельства? Тогда нам домой лучше не возвращаться, все Небесные королевства небоходов отрекутся от меня. Ну, что у тебя припасено?

- Не совсем так...

Он отвесил хлесткую пощечину, ее голова дернулась. Она съежилась, прижала ладонь к красному пятну.

- У меня нет времени в игры играть! - зарычал Локланн. - Говори или отправишься в трюм, к рабам! За тебя в Каньоне дадут хорошую цену. Будет у тебя новый дом: избушка в лесах Орегона или юрта монга в Теккасе, а может, бордель на востоке, в Чай-ко-го, Если честно все расскажешь, я тебя продавать не стану.

Она смотрела в пол.

- На корабле иноземцев спрятано все золото кальда. Отец давно хотел перевезти казну в безопасное место, но не рискнул по суше. В землях между нами и Фортлез д'Эрнан много разбойников. Такое количество золота обратило бы в бандитов даже солдат конвоя. Капитан Лоханнасо дал согласие доставить золото в порт Ванавато. Ему можно доверять, его правительство заинтересовано в торговле с нами, он официальный представитель. Когда начался налет, казна была уже на борту. На корабле укрылись женщины из дворца. Вы ведь их пощадите? На корабле добычи больше, чем может поднять весь ваш флот.

- Клянусь Октаи Буренесущим - прошептал Локланн.

Он подошел к окну. Мысли ворочались в голове с почти явственно слышным треском. Очень даже может быть! Вполне резонно! Дворец их разочаровал... Вдосталь дамаска, серебра, посуды, но ничего похожего на сокровища. Или кальд имел больше власти, чем богатства, или он успел припрятать накопленное. Локлан намеревался устроить допрос с пытками слуг, чтобы выяснить правду. Теперь он увидел новую возможность.

- Может, все-таки допросить пленных, чтобы убедиться... Нет, времени мало. При попутном ветре такой корабль в два счета обгонит любой дирижабль. А если повезет... Гм, напасть на корабль непросто. Волны, прыгающий на волнах корпус, слишком маленькая цель для парашютистов, и столько снастей на дороге.. Стоп. Отважные бойцы всегда найдут путь. А если зацепить кошками верхние снасти? Если кошку вырвет, тем лучше - трос с грузом, отличный спуск на палубу. Если крюки выдержат, абордажная команда соскользнет по тросам на верхушки мачт. Нет сомнений, матросы ловкие парни, но им не приходилось рифовать парус ровера в мейканский ураган, в миле над землей.

Ход боя подскажет детали, он будет действовать по обстановке. И вообще, интересно попробовать! Это будет потеха! В случае победы он за такой подвиг родится заново покорителем мира, не меньше.

Он радостно и громко засмеялся.

- Так мы и сделаем!

Треза поднялась.

- Вы пощадите город? - прошептала она севшим голосом.

- Этого я не обещал, - спокойно сказал Локланн. - Конечно, груз с корабля займет много места. Но мы можем повести ко-

рабль в Калифорни вместе с грузом, а там встретимся с другими дирижаблями. Почему бы и нет?

- Клятвопреступник, - презрительно бросила она.

- Я обещал не продавать тебя. - Он медленно окинул ее взглядом с головы до ног. - И не стану.

Одним шагом покрыв разделявшее их расстояние, он схватил девушку. Она сопротивлялась, осыпая его проклятиями, ей даже удалось вытащить нож Руори но лезвие скользнуло по коже панциря, не причинив пирату вреда.

Наконец, он встал с пола. Треза плакала, лежа у его ног, на обнаженной груди остался красный отпечаток цепи отца. Локланн тихо сказал:

- Нет, Треза, я не продам тебя. Я оставлю тебя себе.

6

- Дирижабли, хо-о!

Крик марсового одиноко завис между ветром в небе и простором волн.

Под грот-мачтой, на палубе, закипела работа. Матросы мчались по местам боевого расписания.

Руори, прищурившись, смотрел на восток. Земля стала всего лишь темной полоской под нагромождением кучевых облаков. Он не сразу заметил противника. Наконец, их выдал солнечный блик. Руори поднял бинокль. Два воздушных кита-убийцы в боевой устрашающей раскраске медленно спускались с милевой высоты.

Он вздохнул.

- Всего два.

- Нам и двух будет много, - успокоил его Атель Хамид. На лбу помощника выступили бисеринки пота.

Руори пристально посмотрел на него.

- Ты не боишься? Учти: суеверный страх - один из главных козырей противника.

- Нет, капитан. Я знаю, как управлять душевной энергией. Но эти парни наверху - сильные бойцы. И они сейчас в родной стихии.

- Так же, как и мы. - Руори хлопнул помощника по спине. - Принимай команду. Танароа знает, что будет. Если меня прикончат, действуй по обстановке.

- Лучше бы ты разрешил мне подняться, - запротестовал Атель. - Что-то не нравится мне эта затея. Я останусь в безопасности внизу, а самое главное будет на верхних снастях.

- Не волнуйся, внизу работы хватит. - Руори заставил себя усмехнуться. - И кто-то должен привести нашу лоханку домой, вручить драгоценные отчеты Геотехнической Исследовательской Экспедиции.

Он спустился на палубу и поспешил к вантам грот-мачты. Команда приветливо закричала, засверкало оружие. Два больших коробчатых воздушных змея подрагивали наготове, зацепленные за швартовую тумбу. Руори пожалел, что они успели сделать только два.

Но он и без того тянул время дольше разумного. Сначала он направился в открытое море, чтобы заставить врага поискать, пока он составлял план боя. Отпустив Трезу, он еще не имел никакого плана, кроме уверенности, что сможет сразиться с воздушными пиратами. Он испытывал терпение небоходов, рискуя его истощить. Вот уже около часа "Дельфин" плелся под половиной парусов, выставив только грот и летящие кливера, в надежде, что скромная парусная площадь не вызовет подозрений в такую отличную погоду.

Но дирижабли показались, и теперь конец тревогам, конец угрызениям совести из-за одной девушки. Для островитянина такие чувства были редкостью. Просто ужасно было вдруг обнаружить, что они сосредоточились на одном человеке из миллионов. Руори так быстро карабкался по вантам, словно пытался убежать от самого себя.

Дирижабли были еще высоко, поток высотного бриза проносил их над головами маурийцев. Внизу ветер был почти южный. Воздушные корабли должны снизиться, оказавшись с наветренной стороны парусника. Но даже тогда, как хладнокровно оценивал ситуацию Руори, "Дельфин" мог бы без труда уклониться от атаки неуклюжих аппаратов.

"Дельфин" не собирался уклоняться от атаки.

Вооруженные матросы, усеяли снасти. Руори подтянулся и уселся на салинг, свободно свесив ноги. Порыв накренил парусник, и Руори завис над зелено-голубыми с белыми прожилками волнами. Он привычно сбалансировал, сохранив равновесие и спросил Хити:

- Ты готов?

- Да.

Мускулистый высокий гарпунер, с головы до пят испещренный татуировками, кивнул в знак согласия бритой головой. Он сидел на корточках на шлагтове с гарпунной катапультой. Катапульта была заряжена длинным железным стержнем с зубцами. Такой снаряд с первого попадания убивал спермацетового кита. Пара запасных гарпунов находилась рядом в специальных зажимах. За спиной Хити приготовились к бою два помощника и четыре матроса. Каждый был вооружен небольшим шестифутовым гарпуном. Такие гарпуны бросали с лодок руками.

- Пусть подходят, - ухмыльнулся Хити во всю ширину круглого добродушного лица. - Проглоти меня Нан, если сейчас не случится кое-что достойное танца, когда мы вернемся.

- Если вернемся. - Руори потрогал топорик за поясом набедренной повязки. Сквозь ослепительное солнце и синее море проступили картины родного дома: луна, белые гребни волн в лунном свете, костры и танцы на берегу, пальмы бросающие тени на уединившиеся пары... "Интересно, - подумал он, - как бы это понравилось дочери кальда? Если только ей еще не перерезали горло"

- Капитан, вы грустны, - сказал Хити.

- Погибнут люди.

- Ну и что? - Маленькие доброжелательные глаза гарпунера внимательно смотрели на него. - Они погибнут по собственному выбору: ради песен, которые будут о них сложены потом. У вас другая беда.

- Давай оставим меня в покое!

Гарпунер, явно задетый, молча отодвинулся. Пел ветер, и сверкал океан.

Воздушные корабли приближались, по одному с каждой стороны. Руори снял с плеча мегафон. Атель Хамид держал "Дельфина" на широком галсе.

Теперь Руори был хорошо виден ухмыляющийся медный бог на носу дирижабля по правому борту. Он должен пройти как раз над стеньгой чуть в наветренную сторону от поперечины... С нок-реи ударили стрелы, не нанеся дирижаблю вреда. Стрелки дали волю своему нетерпению. Хорошо, что все держали себя в руках и не истратили зря винтовочную обойму. Хити развернул катапульту.

- Погоди, - сказал Руори. - Посмотрим, что они станут делать.

Над поручнем галереи показались пираты в шлемах. Один за другим они завертели трехзубыми железными кошками. Одна ударила в фокмачту, отскочила, зацепила кливер. Уходящий к

дирижаблю трос натянулся, зазвенел, но выдержал, он был сплетен из кожи. Треснула парусина, кливер лопнул, одного матроса ударило в живот, смахнув с реи... матрос в падении успел прийти в себя, сгруппировался и вошел в воду лезвием, головой вперед... Лезу, спаси его... Кошка впилась в гафф гротмачты, застонало дерево. Корпус "Дельфина" вздрагивал, по мере того, как крюки один за другим цеплялись за мачты.

Парусник дал сильный крен. Захлопали паруса. Пока не было опасности опрокинуться, но такое усилие могло выдернуть мачту из гнезда. Перепрыгивая через фальшборт вниз по тросам полетели пираты. С гиками, как дети в игре, они слетали на реи, цепляясь за первую попавшуюся под руку оснастку.

Один с ловкостью обезьяны вспрыгнул на гафель гротмачты ниже салинга. Помощник Хити с проклятием метнул ручной гарпун и прошил пирата насквозь.

- Отставить! - рявкнул Хити. - Гарпуны нам еще нужны!

Руори оценил ситуацию. Дирижабль с подветренной стороны продолжал маневрировать, обходя товарища, которого ветер сносил к левому борту. Руори поднял мегафон ко рту и его голос, пройдя через усилитель на солнечных батареях, громом раскатился над кораблем:

- Слушай меня! Сожгите второй дирижабль, не давайте ему бросить крючья! Рубите тросы, отбивайте атаку абордажной команды!

- Стрелять? - спросил Хити. - Лучше позиции у меня не будет.

- Стреляй!

Гарпунер нажал на спуск катапульты. С рокотом распрямилась пружина. Зазубренная стальная мачта пробила днище гондолы и крепко застряла во внутренних планках.

- Накручивай! - рявкнул Хити. Его огромные, как у гориллы, ладони уже сжимали рукоять лебедки. Двое его помощников умудрились пристроиться рядом и помогали.

Руори соскользнул по футоконным вантам и прыгнул на гафель. Здесь приземлился один небоход, второй следовал за ним, еще двое скользили по тросу. Пират, босоногий и ловкий, балансировал на брусе не хуже любого матроса. Он обнажил меч. Руори нырком ушел от просвистевшей над головой стали, рукой поймал кренгельс-кольцо и завис, рубанув абордажный трос топориком. Пират сделал новый выпад. Руори вспомнил Трезу, наотмашь полоснул лезвием топора по лицу пирата и пинком послал противника вниз на палубу. Потом снова ударил по тросу.

Крученые кожаные волокна были прочны, но и топор был очень острый. Трос змеей полетел в сторону. Освободившийся гафель едва не выдернул пальцы Руори из суставов. Второй небоход сорвался, ударился о надстройку и остался лежать внизу в ореоле красных брызг. Скользившие по тросу двое пиратов не смогли остановить падение. Один упал в море, второго маятником расплющило о мачту.

Руори занял надежную позицию верхом на гафеле, перевел дух. Легкие жгло. На вантах, перекладинах, внизу на палубе кипел бой.

Расстояние до второго дирижабля становилось все меньше, медленно, но уверенно.

С кормы запустили змея. Корабль шел против ветра, и поток воздуха подхватил коробку змея, поднял над кормой. Атель пропел команду, переложил штурвал. Несмотря на бремя прицепившегося дирижабля, "Дельфин" послушно подчинился рулю. В конструкцию парусника были заложены знания законов гидромеханики. Змей был уже высоко, и по шнуру побежали "письма" - горящие кусочки бумаги.

Пропитанный китовым жиром змей вспыхнул.

В этот момент дирижабль повело в сторону, и пороховой заряд змея взорвался напрасно, не причинив воздушному кораблю вреда. Атель в сердцах выругался. "Дельфин" лег на новый галс. Второй змей, уже запущенный, попал в цель. Заряд сдетонировал.

Из пробоины в баллоне дирижабля ударил горящий водород. Взрыва не произошло, просто дирижабль охватило пламя. В слепящем солнечном свете пламя казалось бледным. Появился дым - это загорелся разделяющий газовые ячейки пластик. Словно усталый метеор, пылающий диражабль медленно ушел к волнам.

Первому дирижаблю не оставалось выбора, только как перерезать абордажные тросы и оставить десант на произвол судьбы. Их капитан не знал, что на "Дельфине" было только два змея. Пару раз с дирижабля ударили в отместку из катапульт, потом ветер быстро понес его к корме. Маурийский парусник, выпрямившись, закачался на ровном киле.

Враг мог планировать новую атаку или отступить. Руори не устраивало ни первое, ни второе. Он поднял мегафон:

- К лебедкам! Подтягивайте мерзавцев! - И он полетел по вантам вниз на палубу, где еще кипело сражение.

К тому времени Хити с командой всадили в гондолу дирижабля три больших и полдюжины малых гарпунов.

Их тросы, поблескивая, тянулись к кабестану на корме.

Опасаться перегрузки не приходилось, "Дельфин", как любой Маурийский парусник, строился с расчетом на полное самообеспечение в плавании. Парусник не раз укрощал могучих китов, подтягивая морских великанов к борту. Дирижабль был пушинкой в сравнении с ними. Но следовало спешить, пока команда не поняла, что происходит и не отыскала способа освободить корабль.

- Тохиха, хихоха, итоки, итоки! - зазвенел старинный напев гребцов каноэ, у кабестана ритмично затопали матросы. Руори спрыгнул на палубу, заметил, как на одного матроса насел небоход с мечом и ударом топора в затылок раскроил налетчику череп. Поделом пирату! Секунду спустя, смутно потрясенный, он изумился: что заставило его так подумать о человеке? Бой был недолгим, силы были не в пользу людей Неба. Но полдюжины матросов получили ранения. Руори приказал бросить уцелевших пиратов в лазарет, а своих раненых отправил вниз, к анальгетикам, антибиотикам и воркующим доньтам. Потом быстро подготовил команду к следующему этапу.

Дирижабль подтянули почти к самому бушприту. Его катапульты стали теперь бесполезны. Пираты выстроились на галерее, грозно потрясая оружием. Числом они раза в три-четыре превосходили команду "Дельфина". Руори узнал одного, высокого, с соломенными волосами, с которым дрался возле дворца. Это было словно во сне.

- Подогреем? - спросил Атель.

Руори поморщился.

- Придется. Но постарайся не зажечь сам корабль. Мы должны его захватить.

Направляемый мускулистыми руками, пришел в действие балансир. Из керамического сопла ударило пламя. Дым, запах горящего жира и мяса, страшные крики. Когда Руори прекратил огонь, островитянам открылась картина, от которой даже у ветеранов противокорсарного патруля побледнели смуглые лица. Маурийцы не страдали сентиментальностью, просто не любили причинять боль другим.

- Брандспойт, - хрипло приказал Руори. Как благословенье, ударил поток воды. Зашипел начавший тлеть тростник гондолы.

С "Дельфина" полетели крючья. Двое юнг быстро вскарабкались по тросам, чтобы оказаться в первых рядах абордажной команды. Сопротивления им не оказали. Оставшиеся в живых

пираты стояли, опустив руки, словно каменные, забыв про оружие. Из них вышибло боевой дух.

За юнгами по штормтрапам вскарабкались матросы и занялись пленными.

Вдруг из каюты, потрясая оружием, выскочило несколько небоходов. Среди них был и знакомый Руори светловолосый гигант. В левой руке блестел кинжал Руори, правая, кажется, была выведена из строя.

- Каньон! Каньон! - воскликнул гигант, но получился лишь призрак боевого клича.

Руори увернулся от выпада, выставив ногу. Великан споткнулся. Он не успел упасть, когда Руори поймал его шею тупой стороной топора. Небоход рухнул на пол гондолы, дернулся, попробовал встать и опять упал.

- Я пришел за ножом, - Руори присел рядом, снял с пирата кожаный ремень и стянул руки и ноги, как дикому кабану на охоте.

В помутневших голубых глазах читался немой вопрос.

- Ты не убьешь меня? - пробормотал пират на спанском.

- Харисти, нет конечно, - удивился Руори. - Зачем?

Он пружинисто выпрямился. Сопротивление было подавлено, дирижабль оказался в его руках. Руори открыл дверцу, ведущую к носу.

Очевидно, там располагался эквивалент мостика.

На мгновение он застыл. Он слышал только свист ветра и гул собственной крови.

Треза сама подошла к нему. Она протянула перед собой руки, словно слепая, глаза смотрели сквозь Руори.

- Это вы, - сказала она пустым голосом.

- Доньита, - выдавил Руори, схватив ее ладони. - Если бы я знал, что вы на борту... я бы никогда не рискнул...

- Почему вы не сожгли нас, как второй корабль? Почему мы теперь должны возвращаться в город?

Она высвободила руки и, с трудом ступая, словно ее не слушались ноги, вышла на палубу, споткнулась и подошла к перилам. Ветер играл волосами и разорванным платьем.

7

Управлять воздушным кораблем было непросто. Требовались специальные навыки. Руори видел, что тридцать человек его команды едва справляются с пилотированием. Опытный небоход заранее знал, где и когда ожидать восходящие или нисходящие потоки. Ему достаточно было бросить взгляд на сушу или воду

внизу. Он мог оценить высоту, на которой дует нужный ветер, мог плавно поднять или опустить судно. Он даже мог вести воздушный корабль против ветра галсами, хотя и медленно из-за сильного обратного дрейфа.

Тем не менее, часа тренировок хватило на усвоение навыков управления. Руори вернулся на мостик и командовал через переговорную трубу. Суша приближалась. "Дельфин" шел за ними на половине парусов. Здорово посмеется над аэронавтами Руори - дирижабль тащился со скоростью улитки. Но Руори не улыбнулся при этой мысли и не стал готовить смешной ответ, как сделал бы еще вчера. Треза тихо сидела за спиной.

- Вы не знаете названия этого судна, доньита? - спросил он, чтобы нарушить тягостное молчание.

- Он называл его "Бизон" - Ее голос был далеким, равнодушным.

- Что это такое?

- Разновидность дикого рогатого животного.

- Как я понимаю, он разговаривал с Вами, пока дирижабль искал нас. Он не рассказал что-нибудь интересное?

- Он говорил о своем народе. Хвастался разными вещами, которых нет у нас... двигателями, машинами, сплавами, энергией. Словно от этого они перестали быть бандой грязных дикарей.

Голос ее обрел силу. Руори начал опасаться, не решила ли она остановить свое сердце. Впрочем, вспомнил он, эта маурийская практика едва ли известна в Мейко.

- Он так плохо обошелся с вами? - спросил Руори, не поворачивая головы.

- С вашей точки зрения это едва ли было оскорблением, - гневно сказала она. - Ради всего святого, оставьте меня в покое!

Он слышал, как она встала и ушла в кормовой отсек.

Что ж, в конце концов, ее отец убит. Это горе для любого человека, в любой стране, а для нее, возможно еще больше. В Мейко ребенка растили родители. В отличие от островных детей. Они не проводили половины времени с бесчисленными родственниками. Поэтому родители психологически значили здесь гораздо больше. По крайней мере, это было единственное объяснение, которое приходило в голову Руори.

Показался город. Над ним сверкали три оставшихся дирижабля. Три против одного... Да, это станет легендой среди людей Моря, если им будет сопутствовать успех. Руори понял, что испытывает то же бесшабашное удовольствие, как и во время катания на волнах в шторм, или охотясь на акул. Любой из этих

головокружительно-рискованных видов спорта в случае успеха означал славу и любовь девушек. Он слышал как поют его люди - ритмичная боевая песня, военный ритм, хлопки и топанье ногами. Но в его собственном сердце царила антарктическая зима.

Ближайший вражеский дирижабль был рядом. Руори тщательно приготовился к встрече с врагом. Он облачил отборную команду в одежды небоходов. Поверхностный взгляд не отличил бы подлинных каньонцев от фальшивых.

Когда северяне подрулили ближе, Руори приказал в переговорную трубу:

- Так держать! Открыть огонь, когда противник окажется на траверзе!

- Есть, - сказал Хити.

Минуту спустя Руори услышал выстрел катапульты. Сквозь иллюминатор он видел, что гарпун вонзился во вражескую гондолу почти точно посередине.

- Трави канат, - приказал он. - Мы ее ударим змеем. Главное самим не загореться.

- Есть, капитан, - засмеялся Хити. - Я в детстве любил играть в меч-рыбу.

В панике второй дирижабль подался в сторону. Несколько раз выстрелили катапульты. Одна попала в газовый мешок, но пара пробитых ячеек погоды не делала.

- Поворот! - скомандовал Руори. Не было смысла подставлять бок. - В подветренную сторону!

Теперь "Бизон" превратился в воздушный якорь, сковывая маневры жертвы. Пришло время пустить в ход подготовленный по дороге змей. На этот раз из него торчали еще и рыболовные крючки. Змей надежно прицепился к газовому баллону каньонцев.

- Пускай огонь! - крикнул Руори.

Огненные шарики побежали по шнуру. Через несколько минут воздушный корабль противника пылал. Несколько парашютистов унесло в море.

- Второй готов, - сказал сам себе Руори. Но оставалось еще два, и в голосе его не слышно было триумфа, охватившего команду.

Пираты не были дураками. Два оставшихся дирижабля отошли к городу. После чего один начал срочную посадку. С него сбросили тросы, чтобы опустить на площадь. Тем временем второй, на котором был, скорее всего, только патрульный экипаж, начал маневрировать.

- Кажется, они решили навязать нам бой, - предупредил Хити. - А второй тем временем поднимет на борт пару сотен бойцов и пойдет на абордаж.

- Знаю, - сказал Руори. - Мы пойдем им навстречу.

Патрульный дирижабль не пытался уклониться, чего в душе опасался Руори. Впрочем, он зря беспокоился - культура небоходов включала обязательную демонстрацию силы и отваги. Патрульный дирижабль поспешил выбросить абордажные крючья, чтобы дать товарищу максимальное время для погрузки и взлета... Он был совсем близко.

Чтобы посеять среди врагов страх. Руори приказал:

- Зажечь стрелы!

Лучники на галерее воткнули поршни из твердого дерева в маленькие деревянные цилиндры, на дне которых был заготовлен трут. Вскоре трение добыло огонь, от которого запылали смазанные китовым жиром древка. Когда враг подошел на дистанцию стрельбы, к нему помчались красные огненные кометы.

Если бы план не сработал, Руори повернул бы прочь. Он не желал жертвовать людьми в рукопашной схватке и попытался бы зажечь врага на безопасном расстоянии. Но эффект паники был еще силен. Поэтому когда горящие стрелы начали втыкаться в палубу и борта гондолы - совершенно незнакомая каньонцам тактика боя, - патрульная команда тут же выбросилась с парашютами. Быть может, пока они спускались, кто-то заметил, что ни одна стрела не попала в газовый баллон.

- Бросай кошки! - рявкнул Руори. - Быстро гаси огонь!

Полетели абордажные кошки. Дирижабли, покачнувшись, остановились. На галерею второго судна прыгнули маурийцы, заливая огонь из ведер.

- Приготовиться! Половину команды на приз!

Руори опустил переговорную трубу. За спиной скрипнула дверь. Он повернулся и увидел Трезу. Она была бледна, но уже привела в порядок волосы и голову держала как прежде гордо.

- Еще один! - сказала она почти радостно. - Остался всего один!

- На нем будет полно бойцов, - нахмурился Руори. - Я жалею, что отпустил вас с "Дельфина". Все это слишком опасно.

- Думаете, меня волнует опасность? Я не боюсь! Я из семьи Карабан!

- Но опасность волнует меня.

Возбуждение оставило ее. Она тронула его руку, щеки порозовели.

- Простите меня. Вы столько для нас сделали. Мы никогда не сможем отблагодарить вас сполна.

- Сможете, - сказал Руори.

- Как?

- Не останавливайте свое сердце, доньита, только потому, что оно ранено.

В ее глазах словно заиграли отблески восхода.

В дверях показался боцман.

- Все готово капитан. Мы держимся на тысяче футов, у всех клапанов на обоих корытах стоят люди. Они знают что делать.

- Всем выданы спасательные лини?

- Да. - Боцман ушел.

- Вам тоже понадобится линь.

Руори взял Трезу за руку и вывел на галерею. Открылось небо, бриз охладил лица, палуба под ногами покачивалась, как спина живого существа. Руори показал один из захваченных со склада "Дельфина" линей, надежно привязанный к поручню.

- Опыта у нас нет и с парашютами прыгать мы не рискуем, - объяснил Руори. - Но и по линю вы тоже никогда, наверное, не спускались. Я сделаю вам перевязь, с ней вы будете в безопасности. Спускайтесь медленно, перебирая руками. На земле просто срежете линь.

Он ловко отрезал ножом несколько кусков веревки, которые связал с привычным проворством морехода. Когда он надевал и подгонял перевязь, Треза напряглась, почувствовав прикосновение его пальцев.

- Я друг, - тихо сказал Руори.

Треза успокоилась, расслабилась. Потом улыбнулась дрожащими губами. Руори вручил ей нож и вернулся на мостик.

8

Последний пиратский дирижабль поднялся с площади. Он приближался. Два дирижабля Руори не пытались бежать. Руори видел блеск солнца на клинках. Он понимал, что пираты были свидетелями гибели товарищей, и старая тактика теперь не поможет. Даже загоревшись они пойдут в атаку. В крайнем случае, они могут поджечь и корабли Руори, а сами спокойно спрыгнут на парашютах. Стрелы он посылать не стал.

Когда его и врага разделяло лишь несколько фатомов[1], Руори отдал приказ:

- Открыть клапаны!

Водород с шумом ринулся наружу из обоих газовых баллонов. Связанные вместе дирижабли пошли вниз.

- Стреляй! - крикнул Руори.

Хити быстро развернул катапульту и послал гарпун с якорным канатом в днище атакующего судна.

- Зажигай корабль! Все на борт! Покинуть судно!

Разлитая по галереям ворвань вспыхнула в одну секунду. Языки пламени потянулись вверх.

Каньонский дирижабль, не выдержал веса двух кораблей и начал терять высоту. На пятистах футах лини коснулись крыш, потянулись по мостовым улиц. Руори прыгнул через поручень. Слетая вниз по линю, он чуть не сжег кожу ладоней.

Торопился он не зря. Загарпуненный дирижабль использовал запасы сжатого водорода. Несмотря на бремя двух падающих кораблей, он умудрился подняться до тысячи футов. Вероятно, на борту никто не заметил, что их груз охвачен пламенем. В любом случае, освободиться от груза им было бы нелегко, учитывая точность выстрелов Хити.

Руори стоял, глядя в небо. Пламя на ветру было бездымным, как маленькое яростное солнце. Он не ожидал, что пожар застанет противника врасплох. Он предполагал. что небоходы выпрыгнут с парашютами, а их смогут атаковать мейканцы.

Пламя добралось до остатков водорода в сморщившихся баллонах. Раздался могучий вздох невидимого великана. Верхний дирижабль в мгновение ока превратился в погребальный костер. Несколько фигурок успели выпрыгнуть. Парашют на одном горел.

- Сантисима Мари, - прошептала Треза. Руори обнял ее, и она спрятала лицо у него на груди.

9

Когда наступил вечер, во дворце были зажжены свечи. Но и мерцающий свет не мог скрыть уродливых ободранных стен и закопченных потолков. Вдоль стен тронной залы стояли усталые, в рваной форме, стражники.

---

1 Фатом - морская сажень.

Да и в самом городе С'Антон не было радости. Слишком много было жертв в этот день.

Руори сидел на троне кальда. Справа сидела Треза, слева Паволо Дуножу. До выборов новых властей им предстояло управлять городом. Дон сидел прямо, стараясь не шевелить забинтованной головой. Время от времени веки у него опускались, несмотря на все усилия не заснуть. Треза закуталась в плащ и блестела огромными глазами из-под накинутого капюшона. Руори расположился поудобнее. Теперь, когда бой кончился, он почувствовал себя почти счастливым.

Это было мрачное приключение, даже когда воодушевленные успехом мореходов воины города погнали поддавшихся панике пиратов. Но многие из людей Неба дрались до последнего. И несколько сотен пленных оказались опасной добычей. Никто не знал, что с ними делать.

- По крайней мере с войной покончено, - сказал Дуножу.

Руори с сомнением покачал головой.

- Едва ли, с'ньер. Прошу прощенья, но конца пока не видно. На севере остаются тысячи таких воздушных кораблей и много сильных, голодных воинов. Они придут опять.

- Мы встретим их достойно, капитан. К следующему разу мы будем готовы. Увеличим гарнизон, поставим заградительные аэростаты, создадим собственный воздушный флот... Мы сможем научиться!

Сидевшая неподвижно Треза вдруг заговорила:

- И в конце концов мы придем к ним с огнем и мечом. На корадских плоскогорьях не останется ни одной живой души.

В ее словах опять зазвучали энергия и ненависть.

- Нет, - твердо сказал Руори. - Так быть не должно.

Она вздрогнула, сверкнула глазами из тени капюшона. Наконец сказала:

- Верно, мы должны любить даже врагов. Но не этих же небоходов. Они не люди!

Руори обратился к пажу:

- Пошли за вождем пленных!

- Чтобы он услышал наш приговор? - предположил Дуножу. - Но это надлежит сделать формально, в присутствии народа...

- Я просто хочу с ним поговорить, - пояснил Руори.

- Не понимаю, - воскликнула Треза. Голос ее дрогнул, словно она хотела вложить в слова максимум презренья, но почему-то не смогла. - После всего, что вы совершили, вы перестали вести себя как мужчина.

"Странно, - подумал он, - почему ей так трудно было это сказать?"

Двое охранников ввели Локланна. Руки небохода были связаны за спиной, на лице запеклась кровь, но шагал он с видом завоевателя. Возле тронного возвышения он остановился, нагло расставив ноги и ухмыльнулся Трезе в лицо:

- Ну и что, эти двое не могут тебя удовлетворить, и ты послала за мной?

- Прикончи его! - вскочив крикнула Треза.

- Нет! - приказал Руори.

Охранники замерли в нерешительности, наполовину обнажив мачете. Руори поймал Трезу за запястья.

- Хорошо, пусть не сейчас, - сказала она, овладев собой. - Пусть умрет медленно. Задушите его, сожгите заживо, бросьте на копья...

Руори крепко держал ее, пока она не успокоилась.

Паволо Дуножу сказал ледяным тоном:

- Кажется, я понимаю. Соответствующие инструменты будут приготовлены.

Локланн сплюнул.

- Конечно. Связали человеку руки... Тогда с ним легко играть в грязные игры.

- Тихо, - приказал Руори. - Ты вредишь и себе, и мне.

Он сел, обхватив колено сплетенными пальцами, пристально глядя в темноту.

- Я знаю, этот человек всем вам причинил боль, - продолжал он, тщательно выбирая слова. - И в будущем, возможно, ничего хорошего его соплеменники вам не принесут. Они - молодой народ и как дети не умеют себя контролировать. Но и ваши, и мои предки когда-то тоже были такими. Думаете, Перио создавался тихо и мирно? Или, если я верно помню историю, местные племена иниос встречали спанцев с распростертыми объятиями? А инглисы - устроили на Н' Зелане кровавую бойню, когда пришли туда. А маурийцы были людоедами. В эпоху героев у героя должен быть противник.

Ваше настоящее оружие против людей Неба - не армия, посланная в неведомые горы... Это ваши священники, торговцы, художники, мастера, ваши манеры, моды, ваши учения. Вот чем вы в конечном итоге поставите людей Неба на колени. Если правильно используете это оружие!

Локланн хмыкнул.

- Черт тебя задери! - пробормотал он. - Ты в самом деле думаешь обратить нас в баб? Посадить в клетки городов? - Он тряхнул гривой соломенных волос и рявкнул так, что эхо прогремело по залу:

- Никогда!

- Понадобится столетие или два, - спокойно сказал Руори.

Дон Паволо усмехнулся в юную редкую бородку.

- Очень тонкая месть, с'ньер капитан, - заметил он.

- Слишком тонкая! - Треза подняла лицо, которое до этого момента прятала в ладонях, глубоко вздохнула. Ее пальцы, согнутые как когти, готовы были вцепиться в лицо Локланна, вырвать ему глаза.

- Даже если бы у них в самом деле были души, - фыркнула она, - зачем нам их дети и внуки? Они сегодня убивали наших младенцев. Клянусь всемогущим Дио, у меня есть союзники в мейканском правительстве, я все-таки Карабан. Они скажут за меня слово... Клянусь, эти дикари получат то, что заслужили - полное истребление! Мы сделаем все, клянусь! Теккас станет нашим союзником, они позарятся на добычу. И я еще увижу, как пылают твои дома, грязная свинья, а твоих сыновей травят собаками!

Она в отчаяньи повернулась к Руори.

- Как нам иначе защитить нашу землю? Нас окружают враги. У нас нет выбора. Или мы, или они. А мы - последняя мериканская цивилизация!

Вся дрожа, она села. Руори взял ее за руку. На секунду ее рука сжала его ладонь, ответив на пожатие, потом она выдернула руку.

Он устало вздохнул.

- К сожаленью, не могу с вами согласиться. Я понимаю ваши чувства, но...

- Нет, не понимаете, - процедила она сквозь сжатые зубы. - Вы не можете, не в состоянии понять.

- Кроме того, я не просто человек с человеческими желаниями. Я представляю свое правительство. Я вернусь, чтобы рассказать о том, что происходит здесь, и предвижу их реакцию. - Они помогут вам выстоять. От такой помощи вы не откажетесь, не так ли? Те, в чьих руках судьба Мейко - кроме нескольких экстремистов, - не отклонят союз ради эфемерной независимости. А наши условия будут самыми разумными. Мы потребуем политики, направленной на сотрудничество с людьми Неба. По-

сле того, конечно, как они истощат силы бесполезными атаками на наши союзные армии.

- Что? - спросил Локланн.

Повисла тишина, только белки глаз охраны сверкали из-под шлемов. Все смотрели на Руори.

- Начнем с тебя. В надлежащий срок ты и твои люди будете отпущены. Выкупом послужит разрешение на нашу дипломатическую и торговую миссию в Каньоне.

- Нет, - прошептала Треза. Казалось, что-то причиняет ей страшную боль в горле, не дает говорить. - Только не он. Отпускайте остальных, если хотите, но не его... Чтобы не хвастал тем, что сделал...

Локланн опять нагло ухмыльнулся.

- И еще как!

Гнев молнией пронзил Руори, но он заставил себя молчать.

- Не понимаю, - сказал дон Паволо. - Почему вы так добры к этим животным?

- Потому что они цивилизованнее вас, - ответил Руори.

- Как? - Дворянин схватился за эфес шпаги, но сдержался. - Объяснитесь, с'ньер!

Руори не видел лица Трезы, скрытого тенью капюшона, но чувствовал, что сейчас она дальше от него, чем звезды.

- Они создали воздухоплавательные аппараты, - сказал он, чувствуя пустоту внутри и ни малейшей радости победы. "О, великий творец Танароа, пошли сон сегодня ночью..."

- Но...

- Они начали с нуля, - объяснил Руори. - Это не подражание старой технике. Сначала люди Неба наладили сельское хозяйство, способное прокормить тысячи воинов там, где раньше была только пустыня, и при этом обошлись без орд пеонов. Я выяснил, что у них есть солнечная и гидроэнергия, развита химия синтеза, хорошо развита навигация и сопуствующая ей математика,они производят порох, есть металлургия, они открыли заново основы аэродинамики... Согласен, их цивилизация однобока: тонкий слой образованных людей над подавляющей массой неграмотных. Но масса уважает технологическую элиту, а без поддержки масс элите не продвинуться так далеко.

Короче, - вздохнул он, не надеясь, что Треза поймет, - небоходы - единственная научная цивилизация, кроме нас самих. Поэтому они слишком дороги, чтобы их потерять.

Вы воспитаннее, у вас более гуманные законы, гораздо выше развиты искусство, философия, традиционные человеческие до-

бродетели. Но вы забыли принципы науки. Потеряв ископаемое топливо, вы оказались в зависимости от мускульной силы, отсюда класс крестьян-пеонов. Исчерпали себя медные и железные рудники - вы начали разбирать руины. Я не заметил и намека на попытки освоить энергию солнца, ветра, живой клетки, не говоря о возможности водородного синтеза без урана. Вы тратите силы на ирригацию пустыни, а океан мог бы давать столько же еды, с затратами в тысячу раз меньшими. Вы не научились добывать алюминий, а его еще много в обычных глинах. Из него можно делать прочные сплавы. Нет! Ваши фермеры пользуются орудиями из дерева и вулканического стекла.

Вы образованны, у вас широкое мировоззрение, нельзя сказать, что вы суеверно боитесь науки. Но вы разучились добывать новые знания! Вы прекрасный народ, и я люблю вас так же сильно, как ненавижу вот этого дьявола перед вами. Но, в конечном итоге, друзья мои, предоставленные самим себе, вы постепенно соскользнете в каменный век.

Пока он говорил, к нему вернулись силы, и голос его властвовал над залом.

- Путь людей Неба - варварский путь, но это путь вверх, к звездам. И в этом они больше похожи на нас, маурийцев, чем вы. Мы не можем позволить, чтобы они погибли, исчезли.

Он замолчал. Локланн издевательски ухмыльнулся. Дуножу смотрел огорошенно. Охранник, скрипнув кожей перевязи, переступил с ноги на ногу.

Наконец, Треза тихо сказала:

- Это ваше последнее слово, с'ньер?

- Да.

Он повернулся к ней. Она наклонилась, капюшон сдвинулся, свет упал на ее лицо. Руори увидел зеленые глаза, раскрывшиеся губы, и к нему вернулось ощущение победы.

Он улыбнулся.

- Я понимаю, сразу вы этого не поймете и не примете. Но я вернусь к этой теме, и не раз. Когда вы увидите острова, думаю вы...

- Ты! Иностранец! - вскричала она.

Звонко треснула пощечина. Треза вскочила и побежала вниз по ступенькам прочь из зала.

Пол АНДЕРСОН

Достойные соперники

1

Дверь за спиной распахнулась, и чей-то голос прошелестел:

- Добрый вечер, капитан Фландри.

Он моментально обернулся, инстинктивно хватаясь за парализатор, и медленно разжал пальцы - прямо в лицо ему смотрело дуло бластера. Он увидел худую длинную фигуру, державшую оружие в тонкой шестипалой руке, и перевел испытующий взгляд на лицо гуманоида, узкое, с ястребиным носом, золотистой кожей и янтарными глазами, поблескивавшими из-под перьевидных голубых бровей. На губах играла язвительная усмешка. Хохолок синеватых блестящих перьев поднимался над вытянутым безволосым черепом существа. Простая белая туника, приоткрывавшая босые когтистые ноги, была традиционной для этой расы, но знак отличия на шее и накинутый на широкие плечи пурпурный плащ свидетельствовали о высоком звании мерсийца.

Но откуда он здесь взялся? Ведь мерсийцы, все до единого, собрались сейчас совсем в другом месте, и Фландри лично убедился в этом, прежде чем сюда пойти. Где была допущена ошибка?

Фландри заставил себя расслабиться и криво улыбнулся. Кто бы ни был виноват в случившемся, факт оставался фактом: он попал в ловушку в резиденции Мерсии и должен был теперь искать способ, как выбраться из нее живым и невредимым. Немного поразмыслив, он пришел к выводу, что перед ним Айкарайк с Цериона, недавно прибывший сотрудник посольства Мерсии. По всей вероятности, миссия мерсийца была аналогичной его собственной.

- Извините за вторжение, - сказал наконец Фландри, - я сделал это без злого умысла, чисто машинально. Поверьте, я не хотел вас оскорбить.

- Вы никого не оскорбили, - вежливо произнес Айкарайк на безупречном английском, чуть резковато выделяя окончания, как принято в его родном языке. Но учтивость между шпионами обманчива. Ведь так легко сначала укокошить незваного гостя, а потом объяснить, что произошло досадное недоразумение: лучшего офицера разведки Терры по ошибке приняли за грабителя и подстрелили.

Тем не менее, Фландри не думал, что церионит поступит с ним так. Таинственный и холодный народ Цериона принадлежал к очень древней цивилизации, к тому же Айкарайк слишком дорожил своей репутацией, чтобы опуститься до такого коварства. Фландри слышал о нем раньше и не сомневался, что тот придумал бы что-нибудь похитрее.

- Совершенно верно, - кивнул Айкарайк.

Фландри вздрогнул. "Неужели он умеет читать мысли?" - пронеслось в мозгу.

- Вы наделали немало глупостей, пытаясь проникнуть на нашу территорию, - спокойно продолжал церионит. - Простите за банальность, но есть лучшие способы добывания информации.

Фландри огляделся. Совсем рядом на столе стояла ваза. Пожалуй, он мог бы схватить ее и попытаться вышибить оружие...

- Не делайте этого, - предостерегающе произнес Айкарайк. Он небрежно помахал бластером и издевательски повторил:

- Добрый вечер, капитан Фландри.

Но землянин не обратил внимания на предостережение. Нельзя допустить, чтобы его вышвырнули вон - будущее Терры зависело от того, сумеет ли он разгадать замыслы мерсийцев. Если приблизиться к двери, то можно...

Сделав обманное движение, Фландри кинулся на противника, ловко уворачиваясь от бластера. Медленно, из-за непривычной для него гравитации, Айкарайк отступил назад и, неуклюже размахнувшись, ткнул бластером в лицо землянина. Тот потерял равновесие, схватился было за тонкую талию церионита, но, получив сильный удар по голове, рухнул на пол.

Через несколько секунд он пришел в себя. Тишина постепенно отступила, и он услышал насмешливый голос Айкарайка.

- Я был более высокого мнения о вас, капитан. А теперь попрошу вас уйти.

Фландри с трудом поднялся и вышел за дверь, провожаемый ироническим взглядом церионита.

Пройдя по длинным, выложенным мраморными плитами тоннелям, землянин очутился у посольства Терры. На территории посольства было пустынно. Богато отделанные внутренние помещения также пустовали - все были на торжественном приеме, который устраивали местные власти. Фландри добрался до своей комнаты и, вконец измученный, плюхнулся в кресло.

Сзади послышался легкий шорох. Обернувшись, он увидел свою напарницу - Эйлин Чанг Ли, леди Марр из Сиртиса, ведущего агента разведки Терры и одновременно самую очаровательную женщину в Солнечной системе.

Это была высокая темноглазая брюнетка с кожей золотистого оттенка, доставшейся ей в наследство от множества рас и народностей, населявших Землю в минувшие века. Длинное шелковое платье цвета морской волны очень шло к ее стройной фигуре. Фландри было приятно увидеть ее, хотя недавнее происшествие несколько притупило его способность воспринимать женскую красоту.

- Что случилось? - поинтересовалась она.

- Нет, лучше скажи, с какой стати ты здесь, вместо того, чтобы сидеть на приеме и отвлекать внимание противника?

- Мне просто захотелось отдохнуть. На Соле все эти официальные рауты чертовски скучны, но здесь, на Бетельгейзе, ударились в другую крайность. После этой какофонии хочется побыть в тишине, - ответила Эйлин и, помедлив, озабоченно спросила: - Так что все-таки произошло?

- Попал в переделку. И до сих пор не могу взять в толк, как это получилось. Посуди сама: мы уговорили Сартаза устроить этот праздник и пригласить на него всех, кого только можно; удостоверились, что мерсийцы все до единого собрались там. Они же были уверены в надежности своей автоматической охраны и не знали, что я нашел способ отключить сигнализацию и проникнуть внутрь. И что же? Не успел я войти, как наткнулся на поджидавшего меня с бластером наготове Айкарайка с Церионa. Я попробовал его обезоружить, но ничего не вышло - он как будто предвидел каждое мое движение. В конце концов он просто указал мне на дверь. Баста!

- Айкарайк... Кажется, я о нем слышала. Судя по имени, он не мерсиец.

- Не совсем так. Дело в том, что Церион держится особняком в империи Мерсии. Это очень старая планета. Правительство

Мерсии предоставило ее жителям статус полноправных граждан. Власти Терры тоже делают так в отношении некоторых негуманоидных цивилизаций. Айкарайк лучший разведчик Мерсии. Очевидно, поэтому о нем мало кто знает. До сего дня мне никогда не приходилось сталкиваться с ним лично.

- Я поняла, кого ты имеешь в виду, - кивнула Эйлин, - То, что он находится здесь, на Альфзаре, не сулит нам ничего хорошего.

Фландри пожал плечами.

- Наша миссия и без того достаточно опасна. Нужно быть еще осторожнее, и только.

Он встал и вышел на балкон. Все вокруг заливал красноватый свет двух лун Альфзара. Теплый воздух благоухал ароматами неземных цветов, растущих в обширных дворцовых садах. Из дворца доносились легкие звуки таинственной, не очень мелодичной музыки, которую так любил король Бетельгейзе.

Красно-коричневый лунный свет и россыпь звезд в чужом небе подействовали на Фландри угнетающе. Он ощутил себя песчинкой, затерянной в бескрайних просторах Галактики. В состав одной только Федерации Терры входило четыре миллиона звезд, а кроме нее, во мраке пространства существовали еще Горразан, Итри и Мерсия, готовые в любое мгновение растерзать друг друга, как голодные псы.

Да, Галактика велика, даже слишком велика, и что значит человеческая жизнь в громадном хаосе, именуемом современной цивилизацией? Он подумал об Эйлин. Она должна была помнить о таких существах, как Айкарайк, но одному человеку не под силу знать все. Ресурсы мозга небезграничны.

Слишком много чуждых рас сталкиваются в пространстве в борьбе за свои интересы, и так безнадежно мало тех, кто смог бы понять и в меру своих слабых сил хоть немного разрядить обстановку.

Подошла Эйлин и тихонько тронула его за плечо. Он повернулся, пытаясь рассмотреть ее лицо в неверном лунном свете, и отвел глаза - таким откровенным был ее взгляд. Хоть и не хочется причинять девушке боль, но лучше, чтобы она не питала иллюзий - если им доведется вернуться домой, он будет сторониться ее; пока он еще не готов расстаться со своей свободой.

- Я не узнаю тебя, Доминик Фландри! - воскликнула Эйлин. - Ты без посторонней помощи справился с заданием в Скофании, а здесь спасовал перед каким-то тощим птицеобразным субъектом?

- Не понимаю, откуда он узнал, что я собираюсь проникнуть в их резиденцию, - мрачно проворчал Фландри. - Я не попадался так глупо даже тогда, когда был зеленым юнцом и только начинал службу в разведке. Айкарайк вывел из строя наших лучших парней. Я убежден, что и исчезновение Мак-Мурти на Поларисе - его рук дело. Вероятно, теперь наш черед.

- Да уймись, - рассмеялась Эйлин. - Ты, наверное, пил сорган, когда тебе рассказывали о его подвигах.

- Сорган? - Фландри удивленно поднял брови.

- Не знаешь? Сейчас я тебе расскажу, - она изо всех сил старалась казаться веселой. - Только вряд ли это нам пригодится. Я узнала о нем от одного альфзарца из фирмы, занимающейся производством медицинских препаратов. Сорган - это местный наркотик. Кажется, его изготавливают на Цингеторе. Он обладает весьма любопытным свойством - подавляет определенные центры в мозгу, и пациент начинает принимать любую чушь за чистую монету и слепо всему верить.

- Гм, наверное, можно найти ему применение в нашем деле.

- Не думаю. При допросах прекрасно зарекомендовали себя гипнопробы, а для создания фанатиков есть более эффективные методы. К тому же существует антидот, нейтрализующий действие сорган. Так что пользы от него не так уж много, как кажется на первый взгляд: очевидно, поэтому Сартаз прикрыл его производство.

- На всякий случай не будем списывать его со счетов, - произнес Фландри. - Наверняка где-нибудь да найдутся охотники его приобрести, например, чтобы кого-нибудь обольстить.

- Тебе он тоже нужен для этой цели? - поддразнила его Эйлин.

- Как раз я в этом не нуждаюсь, - самодовольно ответил Фландри. Этот разговор отвлек его от мрачных мыслей, и он, улыбаясь, предложил:

- Не пойти ли нам во дворец? Праздник в самом разгаре.

Погруженная в свои мысли, Эйлин молча последовала за ним.

2

Как правило, звезды-гиганты имеют большие системы. Бетельгейзе не являлась исключением: из сорока семи ее планет шесть были населены разумными существами. Объединенные ресурсы всей системы были значительны даже для тех цивилизаций, которые привыкли считать планеты сотнями.

Тысячу лет назад, когда первые исследователи с Терры прибыли сюда, жителям Альфзара уже были доступны межпланетные сообщения, и они стояли на пороге покорения других звезд. С заимствованием передовых технологий у других цивилизаций этот процесс ускорился. Тем не менее, альфзарцы не пошли по пути Терры и Мерсии и не стали создавать огромную империю с множеством звездных систем под властью господствующей расы. Поначалу случались конфликты, которые привели даже к некоторому расширению Империи Бетельгейзе. Однако хитрые и коварные правители династии Сартазов сочли более выгодным для себя сыграть на извечной вражде своих потенциальных противников, постоянно стараясь столкнуть их друг с другом. Обе империи, в свою очередь, посчитали целесообразным сохранить Бетельгейзе в качестве буфера и союзника в борьбе с варварскими государствами на пограничных территориях.

Напряженность между Террой и Мерсией постепенно нарастала, и это привело к тому, что позиция, занимаемая Бетельгейзе, стала играть решающую роль. Находясь на перекрестке основных путей сообщения и обладая мощным флотом, Бетельгейзе имела возможность контролировать передвижение космических кораблей обеих Империй, а в случае союза с той или другой стороной - нанести удар в сердце противника. Для Мерсии союз с Бетельгейзе был бы заключительным этапом подготовки войны с Террой. Если же такой союз удалось бы заключить Терре, это заставило бы Мерсию умерить свой воинственный пыл и пойти на уступки.

Итак, обе Империи через свои представительства на Альфзаре развили бурную деятельность, пытаясь склонить Сартаза на свою сторону. Приводилось множество веских доводов в доказательство несомненных преимуществ, которые сулит подобный союз. Подкупались члены правительства Альфзара. В поисках информации по всей звездной системе шныряли шпионы. Разумеется, в случае их разоблачения официальные представители как Терры, так и Мерсии тут же открещивались от них.

Рутинная до недавнего времени дипломатическая игра ныне вступила в решающую фазу. Это заставило разведку Терры послать сюда двух лучших агентов, Фландри и Эйлин, с заданием - разведать планы Мерсии и помешать их осуществлению. Кроме того, они должны были войти в доверие к Сартазу и уговорить его присоединиться к Терре. Эйлин отводилась особая роль: ей было поручено привлечь на сторону Терры тех немногих альфзарцев, которые были людьми. Много лет назад они эмигрирова-

ли в эту систему и теперь считались полноправными гражданами королевства Бетельгейзе, а часть из них даже занимала важные посты в армии и правительстве.

Но, как выяснилось, Мерсия тоже направила на Альфзар лучшего своего агента. Им предстояло помериться с ним силами в невидимом, но не ставшем от этого менее опасным сражении.

Ехидный от природы король Альфзара чрезвычайно любил ставить непримиримых соперников в такие условия, когда те были вынуждены общаться друг с другом. Вот и сейчас при королевском дворе устраивалась охота. Мерсийцы радовались - охота была их любимым развлечением. Более мирным по натуре землянам не нравились подобные забавы, но нечего было думать о том, чтобы увильнуть от королевского приглашения.

Фландри тоже несколько удручала перспектива провести день на охоте. Он признавал физические упражнения лишь в той мере, в какой это было необходимо, чтобы быть в форме, и не любил излишних нагрузок. Кроме того, у него была масса дел.

Слишком много неудач произошло в последнее время. Один за другим бесследно исчезали агенты Терры и подкупленные альфзарцы, находившиеся в распоряжении Фландри. Ловушки подстерегали их на каждом шагу, а все попытки разузнать что-нибудь разбивались о железную волю неприятеля. Неприятности начались с прибытия Айкарайка, и Фландри не сомневался, что именно он - источник всех бед. Церионит был чертовски ловок и проницателен. Вероятность того, что кому-нибудь станут известны засекреченные юровианские исследования солнечных пятен или место, где скрывается Ямацу, была практически равна нулю, и тем не менее мерсийцы узнали об этом. А тут еще эта проклятая охота! Фландри содрогнулся при одной мысли о ней.

Слуга разбудил его на рассвете. Сквозь раскрытые окна комнаты тянуло свежестью. В таинственной красноватой дымке утреннего тумана слышались призывные звуки охотничьего рога. Ворчливо загудели калориферы.

- Иногда мне хочется пойти к императору и послать подальше и его, и нашу обожаемую Империю, - угрюмо пробормотал Фландри, садясь за стол.

После завтрака, приведшего его в более приподнятое состояние духа, Фландри приступил к утреннему туалету. Он приказал слуге побрить его, а затем облачился в плотно облегающий зе-

леный комбинезон и золотистый плащ с капюшоном. Шпага на поясе, игловое ружье и защитные очки завершали тщательно продуманный наряд. Спустившись по мраморной лестнице и миновав королевскую стражу в шлемах и латах, Фландри очутился во дворе.

Участники охоты были уже в сборе. Среди пышно разодетой альфзарской знати расхаживал толстый лысый гуманоид с желтыми глазами на голубом равнодушном лице - типичный представитель расы Альфзара. Это был король Сартаз собственной персоной. Чуть поодаль расположилась взъерошенная группа людей - посольство Терры. Они тоскливо наблюдали за приготовлениями к охоте. В числе приглашенных, разумеется, были мерсийцы.

Фландри церемонно раскланялся с ними - в конце концов, Терра и Мерсия формально находились в состоянии мира, хотя уже сейчас на границах империй гибли люди и горели города. Фландри выглядел равнодушным, и вообще он казался вялым и невыспавшимся, но цепкий взгляд разведчика подмечал каждую мелочь.

Высокомерно, с плохо скрытым презрением, которое всегда сквозило в отношениях с людьми, мерсийцы посмотрели на Фландри. Они были млекопитающими, но в наследство от своих пресмыкающихся предков они получили гораздо больше, чем люди. Человеческими были только их массивные лица. Высокие, около двух метров ростом, они имели длинный толстый хвост, страшное оружие в рукопашной схватке. От лба до конца хвоста на спине рос гребень с острыми шипами. Безволосую бледно-зеленую кожу покрывали редкие чешуйки. Из-под нависших бровей с вызовом смотрели черные глаза.

"Понятно, почему они так презирают нас, - подумал Фландри, - Их цивилизация молода и энергична. Вся ее мощь обращена во внешний мир. Цивилизация Терры постепенно угасает, и это неудивительно, ведь она гораздо старше. Наша внешняя политика направлена на то, чтобы сохранить наш галактический статус. Нас удовлетворяет сегодняшняя расстановка сил, поэтому мы так не хотим войны. Мерсийцы же мечтают о единой галактической империи, и первое, что они должны сделать, - это нейтрализовать нас, так как мы стоим у них на пути.

Исторически они, возможно, правы. Но Терра видела слишком много крови за свою историю. Человечество стало мудрее и не стремится к абсолютному господству. Мы поняли, что подо-

бные мечты неосуществимы, но это же знание приблизило нас к гибели.

Очень не хочется когда-нибудь увидеть человечество, порабощенное чужой цивилизацией. Терра готова пойти на любой компромисс, но переговоры с Мерсией можно вести только с позиции силы. Сила - единственный аргумент, который мерсийцы способны принять во внимание. Вот поэтому я здесь."

Откуда-то из тумана вынырнул Айкарайк. Он подошел к Фландри и дружелюбно улыбнулся.

- Доброе утро, капитан Фландри.

- Доброе утро, - вздрогнув, произнес землянин. Этот птицеобразный действовал ему на нервы. Пожалуй, впервые Фландри довелось встретить соперника, превосходящего его в профессиональном отношении, и сознавать это было не очень-то приятно.

И все же церионит чем-то привлекал его. В ожидании сигнала к началу охоты они разговорились. От обсуждения загадочных миров Полариса они незаметно перешли к теме сравнительной антропологии разумных видов во Вселенной. Обширные знания Айкарайка во всех областях поражали. Обнаружилось также, что их взгляды во многом совпадали, а мрачноватый юмор церионита неплохо оживлял дружескую беседу.

Трубные звуки рога возвестили о начале охоты. Охотники направились к посадочной площадке.

"Как жаль, что мы находимся по разные стороны баррикады. Все могло бы быть иначе..." - подумал Фландри. Ответный взгляд Айкарайка был полон сочувствия.

Охотники сели в одноместные реактивные авиетки и пристегнули ремни. Все вооружение авиеток состояло из лазерного прожектора на носу - не слишком-то грозного орудия, когда имеешь дело с бортудианскими драконами. У Фландри мелькнула мысль, что Сартаз будет только рад, если опасная потеха поможет ему отделаться от некоторых гостей.

Взревели двигатели, легкие суда взмыли в небо и взяли курс на север, в горы. Внизу проплывали окутанные легким туманом поля и леса. В багровеющем небе ярко сиял огромный красный диск Бетельгейзе. Предстоящая схватка с чудовищами заставила Фландри забыть утренние неприятности. Он наслаждался стремительностью полета, даже свист рассекаемого воздуха казался ему музыкой.

Через два часа на горизонте показались Бортудианские горы. Остроконечные вершины вздымались высоко в небеса. На склонах лежал снег, красноватый в зловещем свете Бетельгейзе. Кое-где егерям удалось засечь крылатых чудовищ, и по радио стали поступать сообщения. Авиетки одна за другой покидали строй и устремлялись в погоню. Вскоре Фландри потерял из виду всех участников охоты, кроме одного, чье воздушное судно находилось неподалеку. Проносясь над острыми скалами, Фландри заметил две огромные тени, мелькнувшие над глубоким ущельем. Он весь сразу напрягся: драконы!

Огромные, десятиметровые чудовища походили на крылатых змей с чешуйчатой кожей. Их острые когти и зубы легко кромсали железо. Они парили в небе с таким безразличием и высокомерием, словно дичью на затевавшейся охоте были не они, а эти мелкие существа, летавшие вокруг, как надоевшие мухи.

Фландри бросился за драконом. Расстояние быстро сокращалось. Вблизи дракон казался еще огромней. Ни тени страха не было в свирепом блеске его красных глаз. Развернувшись, чудище ринулось в атаку. Прицелившись в лишенное защитного панциря брюхо твари, Фландри нажал на гашетку. Не обращая внимания на прицельный огонь, дракон продолжал идти на таран. Чтобы избежать столкновения, Фландри сделал двойной переворот через крыло и сумел увернуться от крыльев чудовища, но совсем забыл о хвосте. Расплата последовала немедленно.

От страшного удара авиетка сорвалась в штопор. Спикировавший следом дракон вцепился острыми когтями в обшивку и разодрал ее в клочья.

Пытаясь освободиться, Фландри стал лихорадочно нажимать кнопки. Наконец, когти со скрежетом соскользнули с обшивки. Охотник сделал вираж и атаковал чудовище, стреляя из иглового ружья прямо в разинутую пасть. Дракон отпрянул. Фландри выстрелил снова, но на этот раз лишь опалил крыло мерзкой твари.

Дико взревев, дракон бросился вперед, налетел на авиетку и, лязгнув зубами, снес часть и без того искромсанного корпуса. В кабину ворвался ледяной ветер.

Фландри с трудом набрал высоту и отважно спикировал на чудовище, размахивая ружьем, как булавой. Дракон дрогнул и отступил. Фландри продолжал преследовать его, нанося удар за ударом.

Изодранная авиетка все больше валилась на крыло, охотник терял управление. Он попытался выровнять машину, но не успел:

от нового удара мощных крыльев она завертелась и стала падать. Дракон не отступал.

Проклятье! Подгоняемую ветром авиетку неудержимо тянуло к скалистым утесам. Запас высоты таял необратимо. Охота обернулась для Фландри сражением за собственную жизнь, и он с горечью сознавал, то, что перевес не на его стороне. Тем не менее, он не прекращал отчаянных попыток уклониться от гибельного курса.

Разбиться о скалы и быть съеденным собственной добычей - не слишком приятная участь для разведчика. Нет, он не мог смириться с мыслью, что ему уготован такой конец, и боролся изо всех сил.

Чудовище висело у него на хвосте. Уж оно-то выдержит удар о скалы в отличие от легкой авиетки, которая разобьется вдребезги. Фландри выстрелил наугад. Дракон молниеносно обогнул авиетку и зашел спереди. Оскаленная пасть оказалась перед лицом Фландри. Спасения нет!

Но что это? Дракон внезапно завертелся волчком и с грохотом рухнул на край скалы - чей-то неожиданный выстрел сзади оказался для него роковым. Тот, второй, догадался Фландри, который кружил рядом еще перед началом погони, справился, наконец, со своей добычей и подоспел на помощь. Кто бы он ни был, Фландри был чертовски ему благодарен.

После недолгой агонии чудовище испустило дух.

Все еще под впечатлением боя, Фландри посадил авиетку. При виде распластанного тела он почувствовал угрызения совести: всего несколько минут назад это бесстрашное существо было полно сил... К несчастью, жизнь есть жизнь, и как много в ней бессмысленного уничтожения... Фландри поднял руку, отдавая честь поверженному врагу.

Затем он попытался открыть помятый в бою фонарь кабины. С трудом, но ему это удалось. Вторая авиетка приземлилась рядом. Пилот вышел из кабины.

Айкарайк.

Не раздумывая ни секунды, Фландри схватился за кобуру. Его злейший враг захвачен врасплох и ни о чем не подозревает. Застрелить его сейчас - пара пустяков. Айкарайк с Цериона просто не вернется с охоты. Может, Фландри когда-нибудь и пожалеет об этом, но не сейчас. Что делать, если в жестоком кодексе разведки нет места благородству? Но он не успел вынуть пистолет. Сквозь завывание ветра донесся спокойный голос чужака: "Нет".

Фландри поднял руки и, горько улыбнувшись, произнес:

- Вы и на этот раз победили. Что ж, стреляйте.

- Ни в коем случае, - улыбнулся Айкарайк. - Поверьте, капитан Фландри, я убью вас лишь тогда, когда мне придется защищаться. А так как мне заранее известны все ваши намерения, я всегда могу вас остановить.

Фландри безучастно кивнул. Он понял, что означают для него эти слова, но был слишком утомлен, чтобы как-то на них реагировать.

- Спасибо, вы спасли мне жизнь, - запоздало поблагодарил он.

- Вы полезнее мне живой, нежели мертвый, - признался Айкарайк, - и я действительно рад тому, что вам удалось спастись.

Взяв в качестве трофея голову дракона, они медленно полетели во дворец. Апатия, овладевшая Фландри, постепенно сменилась тревогой.

Каким образом Айкарайку стало известно о том, что Фландри хочет убить его? Существовал лишь один ответ, объясняющий, откуда церионит черпает сведения о планах землян. Конечно, он легко может сорвать любую задуманную ими операцию и беспрепятственно выполнить свою собственную работу.

Все было просто: Айкарайк был телепатом.

3

Даже в красном солнечном свете, заливавшем комнату, было заметно, как побледнела Эйлин.

- Не может быть, - прошептала она.

- Это единственное объяснение, - мрачно произнес Фландри.

- Но всем известно, что у телепатии весьма ограниченные возможности.

- Верно, - кивнул Фландри, - Ментальные характеристики разумных рас настолько различны, что телепат может лишь чувствовать их. Чтобы прочитать мысли, ему необходимо знать "язык" каждого вида, а в действительности - каждого индивида, так как из-за отсутствия ментального контакта у нетелепатов развиваются индивидуальные мыслетипы. Я не позволял телепатам, не принадлежащим к человеческой расе, копаться в моем мозгу, и до сих пор полагал, что нахожусь в безопасности.

- Но не забывай, Церион - очень старая планета. Суеверные мерсийцы считают ее обителью чародеев. Вероятно, церионитъ

знают о возможностях нервной системы больше, чем все остальные. Должно, быть, Айкарайку удалось определить формы резонанса, общие для всех разумных существ.

- Уверен, что он может читать только самые отчетливые мысли, находящиеся на поверхности нашего сознания. Иначе он давно узнал бы о землянах все, и Терра как империя уже прекратила бы существование. Плохи наши дела.

- Понятно, почему он пощадил тебя. Как источнику информации тебе цены нет.

- И мы ничего не можем этому противопоставить, - угрюмо отозвался Фландри. - Даже если его возможности невелики - ведь мозговые импульсы затухают на расстоянии нескольких метров, - ему этого достаточно, чтобы при каждой встрече узнавать все наши планы. Я вряд ли смогу перестать о них думать.

- Надо поручить нашим ученым разработать способы ментальной защиты.

- Разумеется. Но что делать сейчас?

- Может быть просто избегать Айкарайка, пореже выходить из комнаты, например?

- И свести на нет всю работу нашей сети? Я же должен постоянно поддерживать контакты и с агентами, и с правителями Бетельгейзе. У меня сердце кровью обливается при мысли, что все добываемые сведения немедленно становятся известными врагу. Причем он даже никаких усилий не затрачивает, чтобы получить информацию! - Фландри нервно закурил и продолжал: - Что делать? Должен же существовать какой-то выход.

- В любом случае действовать надо как можно быстрее. Отношение Сартаза и к нам, и к человечеству становится все прохладнее. Пока мы теряем время и силы, спотыкаясь и терпя поражение на каждом шагу, Айкарайк действует. Подкупая и шантажируя правительственных чиновников, он потихоньку перетягивает их на свою сторону. И в один прекрасный день Бетельгейзе войдет в состав Мерсии, а мы окажемся под арестом.

- Великолепная перспектива! - с горечью воскликнул Фландри.

Смеркалось. Лучи заходящего солнца отбрасывали неясные красноватые блики на пол и стены причудливо убранных комнат. Во дворце было тихо - вернувшиеся с охоты гости отдыхали. Неслышно сновали слуги, заканчивая подготовку к вечернему пиру. Фландри подошел к окну. Неземной ландшафт, освещен-

ный тусклым призрачным светом, казался нереальным. Странный враждебный мир чужой планеты. Гнетущее чувство безысходности охватило Фландри.

- Остается одно, - безнадежно махнув рукой, промолвил он, - тщательно разработать план заговора, а затем спуститься на банкет и предоставить Айкарайку возможность узнать каждую его деталь. Я не могу подавить свои мысли, и для него не составит труда прочитать их.

Глаза Эйлин расширились, она крепко сжала его руку.

- В чем дело? У тебя возникла какая-то идея? - спросил Фландри.

- Нет, Доминик, ничего, - утомленно улыбнувшись, ответила девушка, - просто у меня есть возможность выхода на прямую связь с Террой и...

- Ты мне никогда об этом не говорила!

- Не было необходимости. А сейчас я просто не знаю, как поступить - сообщать Центру о возникших неприятностях или нет. Одному Богу известно, как отреагируют наши тупоголовые бюрократы. Вдруг им придет в голову отозвать нас и уволить из разведки за некомпетентность?

Она подошла совсем близко к Фландри, и понизив голос, произнесла:

- Иди на банкет без меня, Доминик, придумай что-нибудь в оправдание моего отсутствия. Найди Айкарайка и займи его. Он, конечно, сразу все поймет, но не успеет ничего предпринять - ты же приятный и ловкий собеседник. Помни: нельзя допустить, чтобы он встретился со мной!

- Конечно, - согласился Фландри. Его глаза заблестели. От отчаяния не осталось и следа. - Не знаю, какой план зародился в твоей хорошенькой головке, - продолжал он, - но, ради Бога, поторопись. Я уверен, Айкарайк доберется до тебя очень скоро.

С этими словами Фландри поднялся и вышел из комнаты. Посмотрев ему вслед, Эйлин удовлетворенно улыбнулась.

Все торжества, проводимые на Бетельгейзе, отличались пышностью и великолепием. Не был исключением и сегодняшний пир во дворце Сартаза. Изысканные яства и всевозможные вина, прекрасная музыка и экзотические танцы девушек - представительниц самых разных рас, занимательная беседа с Айкарайком - все это на время отвлекло Фландри от мрачных мыслей, к концу праздника он изрядно опьянел.

Вернувшись к себе, он увидел стоявшую у столика Эйлин. Она сменила вечернее платье на домашнюю одежду и распустила волосы. Мягкий лунный свет скользил по ее стройной фигуре. Повинуясь неясному внутреннему порыву, Фландри подошел и поцеловал ее.

- Спасибо, что дождалась меня, милая. Спокойной ночи.

Вместо того, чтобы попрощаться и уйти в свою спальню, Эйлин протянула ему бокал и игриво сказала:

- По-моему, еще капельку тебе не повредит, Доминик.

- Спасибо, я и так выпил слишком много.

- Ну, для меня, - томно улыбнулась девушка. - Пожалуйста.

Фландри чокнулся с ней и выпил темный, странный на вкус тягучий напиток.

Все поплыло перед глазами. Пошатнувшись, он шагнул к кровати и сел. Головокружение прошло, но тем не менее он чувствовал себя как-то непривычно.

- Какое крепкое вино, - пробормотал он.

Присев рядом, Эйлин мягко произнесла:

- Работа у нас с тобой не из легких, и просто необходимо иногда хоть немного расслабиться. Пусть это будет сегодня, тем более, что в ближайшее время мы вряд ли сможем отдохнуть.

Независимый по натуре, Фландри раньше никогда не согласился бы с подобным заявлением, но сейчас доводы Эйлин показались ему убедительными, и он кивнул в ответ.

- Иди ко мне, ты же любишь меня, - вкрадчиво произнесла девушка, обнимая его.

И с этим утверждением он тоже был абсолютно согласен...

Спустя некоторое время Эйлин потянулась и, прижавшись к Фландри, шепнула ему на ухо:

- Слушай меня внимательно, Доминик. Будь, что будет, но ты должен знать это.

Фландри замер, весь обратившись в слух.

- Я связывалась с Центром, - чуть слышно продолжала Эйлин. - Мой вызов принял Фенросс. Малый с головой, он мгновенно оценил обстановку и сообразил, как действовать. Предложенный им план дерзок и отчасти безумен, но это, к сожалению, единственный наш шанс. Весь флот Империи приведен в состояние боевой готовности и движется сюда. Фенроссу удалось обвести мерсийцев вокруг пальца: они полагают, что наши главные силы сосредоточены в районе Центавра. Но это не так. На самом деле флагманская эскадра Терры находится в секторе Бетельгейзе. Все наши корабли снабжены новыми энергетическими экранами

и смогут пересечь границы Бетельгейзе незамеченными. Они приземлятся в долине Гуназара в Бортудианских горах и высадят десант для захвата столицы и Сартаза со всей его свитой. Это произойдет послезавтра ночью.

Известие как громом поразило Фландри.

- Это же война! - выдохнул он. - Мерсия не замедлит вступиться за Бетельгейзе, и мы будем вынуждены сражаться на два фронта!

- Да, но Имперский Совет решил, что только в этом случае у нас будет хоть какой-то шанс победить. Не сидеть же сложа руки, глядя, как Бетельгейзе переходит во владение врага.

Нам придется позаботиться о том, чтобы Сартаз и его приближенные не узнали от кого-нибудь о готовящемся вторжении. Мы должны всеми правдами и неправдами изолировать их во дворце. Захват монарха будет для Империи сокрушительным ударом, и Бетельгейзе капитулирует раньше, чем здесь окажутся мерсийцы.

В основном выполнение этой задачи ляжет на твои плечи, Доминик. И постарайся сделать так, чтобы моя скромная персона не привлекала внимания Айкарайка.

Она зевнула и, поцеловав Фландри, промолвила:

- А теперь пора спать, милый! Завтра у нас тяжелый день.

Эйлин уснула почти сразу. Фландри долго ворочался, потом встал и вышел на балкон. Он все еще не мог прийти в себя. Как могла старая, дышавшая на ладан Империя Терры решиться на такой шаг?!

Из сада донесся шорох шагов. Фландри глянул вниз и оцепенел от ужаса: по дорожке в сопровождении двух мерсийских охранников шел Айкарайк!

Церионит посмотрел на Фландри и многозначительно ухмыльнулся.

Он все узнал!

В последующие два дня Фландри работал так напряженно, как ему редко приходилось работать раньше. Для того, чтобы у мерсийцев не было ни малейшей возможности получить аудиенцию у Сартаза, потребовалась целая сеть интриг. Кроме того, необходимо было предупредить своих сторонников из числа влиятельных лиц Альфзара, а также постоянно следить за тем, чтобы капризный монарх и его свита не затеяли очередной взбалмошной поездки за пределы столицы.

Фландри сильно вымотался в эти дни. В довершение всего он как-то странно себя чувствовал. Мысли путались, и требова-

лись значительные усилия, чтобы сосредоточиться. У него появилась опасная привычка принимать все за чистую монету. Этого еще не хватало! Такого с ним не случалось никогда.

Айкарайк покинул дворец, как только узнал о готовящемся вторжении. Фландри был уверен, что мерсийцы что-то затевают, но ему пришлось с этим смириться. Отчасти он был даже доволен: отсутствие церионита давало ему и Эйлин большую свободу действий.

Он знал, что космические корабли Мерсии не смогут прибыть раньше, чем эскадра Терры, хотя местонахождение крупного боевого соединения невозможно скрыть от врага. Фландри до сих пор ломал голову над тем, как это удалось Терре. Он предполагал, что десант будет невелик, и это делало задачу захвата Альфзара чрезвычайно сложной.

Эйлин действовала самостоятельно. Он видел лишь, как она постоянно совещается с членом правительства Альфзара, выходцем с Терры, генералом Бронсоном. Очевидно, они разрабатывали план нейтрализации флота Бетельгейзе. Оставшиеся при дворе мерсийцы поглядывали на землян с вызовом и откровенной ненавистью, но почему-то не делали никаких попыток предупредить Сартаза о десанте. Может быть, им было просто не прорваться через подкупленных Фландри чиновников, а может быть, и это вероятнее всего, Айкарайк предложил лучший план. Во всяком случае выглядели они уверенно, чего нельзя было сказать о людях. Напряжение росло.

Казалось, два дня будут тянуться бесконечно. Фландри очень осунулся за это время.

Он отыскал в атласе долину Гуназара. Это было пустынное место, обитель ветров и логово драконов, оно прекрасно подходило для высадки десанта. Увенчается ли попытка успехом, ведь Айкарайк наверняка подготовился к встрече?

- У нас действительно мало шансов победить, - с тоской сказал он как-то Эйлин.

- Не все зависит от нас. В нашу задачу входит лишь встретить десант, - последовал незамедлительный ответ. Эйлин выглядела лучше Фландри, который совсем пал духом. - Бедный Доминик, тебе тяжело, - она подошла и взъерошила его волосы.

Решающий момент приближался. На исходе второго дня Фландри вошел во дворцовый зал приемов и увидел, что он почти пуст.

- Куда подевались мерсийцы, ваше величество? - обратился он к Сартазу.

- У них какие-то экстренные дела, - угрюмо ответил правитель, явно недовольный тем, что от него что-то скрывают.

"Экстренные дела! Всемогущий Боже, помоги нам!" - мысленно взмолился Фландри.

Вошедшие следом Эйлин и Бронсон церемонно поклонились монарху.

- Ваше величество, мне необходимо сообщить вам некоторые сведения и показать нечто чрезвычайно важное. Поэтому я прошу у вас аудиенции через два часа, - промолвил Бронсон.

- Хорошо, - пробормотал Сартаз и величественно удалился.

Фландри тяжело опустился на стул. Эйлин осторожно коснулась его плеча.

- Устал, Доминик?

- Не то слово. Я чувствую себя отвратительно, даже соображаю плохо.

По знаку Эйлин слуга принес чашу с каким-то напитком. Она протянула ее Фландри и проговорила:

- Выпей, тебе станет лучше.

На ее глазах блестели слезы. В чем дело?

Он послушно выпил снадобье. Оно подействовало сразу же. Фландри пошатнулся и, чтобы не упасть, схватился за подлокотники. По измотанному телу пробежал внезапный холод. Он принес исцеление, облегчая ношу, которую Фландри взвалил на себя два дня назад.

- Что за чертовщина! - воскликнул он, вскочив на ноги. К нему вернулась способность логически мыслить, и он осознал всю абсурдность фантастических россказней Эйлин.

Невозможно провести маневры и переправить десант на Бетельгейзе так, чтобы об этом не пронюхала мерсийская разведка. Не могло существовать никакого нового энергетического экрана, о разработке которого он не знал бы. Фенросс не мог предложить такой крайней меры, как захват Бетельгейзе, пока есть надежда на разрешение конфликта мирным путем.

И он не влюблен в Эйлин. Конечно, она красивая и храбрая, он всегда прекрасно к ней относился, но он никогда не был влюблен в нее.

Но как же так? Еще три минуты назад он чувствовал, что безумно любит ее?

Он взглянул на девушку и все понял. Ее лицо было залито слезами, она кивнула ему и еле слышно прошептала:

- Прощай, любимый мой.

4

До начала обещанной аудиенции оставалось несколько минут, и места, предназначенные для правительственных чиновников Альфзара, еще пустовали. В просторном зале приемов находилась лишь небольшая группа людей. Фландри и Эйлин расположились перед громадным экраном телевизора. У дверей застыл караул. Сегодняшним вечером дворец охраняли надежные гвардейцы - об этом позаботился Бронсон.

Сам генерал нервно расхаживал взад-вперед по залу, без конца поглядывая на часы. Фландри казался более спокойным, лишь тот, кто хорошо знал его, мог догадаться, чего ему это стоило. Из всех троих только Эйлин сохраняла полное самообладание. Погруженная в свои мысли, она безмятежно взирала на происходящее.

- Если мы проиграем, нас повесят, - Бронсон вытер пот со лба.

- Мы должны победить, - бесцветным голосом отозвался Фландри. - В противном случае мне абсолютно все равно, что с нами станется.

Фландри слегка лукавил - не так-то просто было заставить его признать свое поражение и сдаться.

Фанфары возвестили о приходе Сартаза. Люди вытянулись по стойке смирно. Монарх важно прошел к трону. Вокруг расположилась свита.

- Вы, кажется, хотели показать нам нечто важное? - проворчал Сартаз, подозрительно глядя на людей. - Действительно важное, я надеюсь.

- Так оно и есть, ваше величество, - откликнулся Фландри. Отбросив все тревоги и сомнения, он обрел прежнюю живость и находчивость. - Следовало бы рассказать об этом гораздо раньше, но, как вы скоро убедитесь, у нас были веские причины хранить все в тайне. В данной ситуации мы были вынуждены действовать на свой страх и риск, опираясь лишь на помощь преданного вам генерала Бронсона. Нам удалось раскрыть заговор, угрожающий безопасности государства Бетельгейзе.

Желтые глаза Сартаза зловеще сверкнули, и он сердито заговорил:

- Надеюсь, то, что вы сейчас сказали, подкреплено убедительными доказательствами. Мне надоели интриги, происки шпионов, всевозможные козни продажных чиновников. Появление посольств обеих империй принесло Бетельгейзе одни неприятности.

- Терра всегда желала Бетельгейзе только добра, и сейчас вы убедитесь в этом, - возразил Фландри.

Его речь прервали звуки гонга. Стражник громко доложил о прибытии посла Мерсии.

В дверном проеме показалась гигантская зеленая туша лорда Корваша. За ним следовал Айкарайк. Если он вступит в игру - все пропало!

Фландри похолодел от ужаса: дерзкому замыслу Эйлин грозила катастрофа. Любая фраза, произнесенная врагом, обрекала их на поражение.

К счастью для Фландри, непременным атрибутом придворного костюма являлась шпага - во дворце запрещалось носить огнестрельное оружие. С криком "Держите их, они хотят убить Сартаза!", Фландри выхватил шпагу из ножен и бросился на Айкарайка.

Атака была столь молниеносной, что изумленный церионит еле успел отскочить назад. Следующий выпад противника Айкарайк встретил со шпагой в руке.

По залу прокатился звон клинков.

Лорд Корваш схватился за эфес своей огромной шпаги.

- Стой! - не своим голосом закричала Эйлин. Она подбежала к Сартазу, и прежде чем тот успел что-либо сообразить, вытащила у него из кобуры парализатор и выстрелила. Мерсиец рухнул на пол.

Эйлин кинулась к нему и, ловко достав из-под корсажа миниатюрный игловой пистолет, предъявила монарху.

- Взгляните, ваше величество, - прерывисто дыша, заговорила девушка. - Он пришел сюда с оружием. Мы догадывались, что мерсийцы что-то замышляют, но не предполагали, что они осмелятся напасть на вас!

- Мне кажется, следовало бы выслушать и другую сторону, - осторожно заметил монарх.

Приняв во внимание то обстоятельство, что лорду Корвашу требовался по меньшей мере час, чтобы прийти в себя, Эйлин сделала вывод, что этот раунд она выиграла.

Теперь ей, впрочем, как и всем присутствующим, оставалось наблюдать за поединком, который вели Фландри и Айкарайк. Дуэлянты двигались с огромной скоростью, и трудно было определить, на чьей стороне перевес. В воздухе мелькали клинки, раздавался лязг металла. На полу уже виднелись капли крови. Запахло смертью.

- Их надо остановить - прошептала Эйлин, поднимая парализатор.

- Нет! - жестко сказал Сартаз и отобрал у нее оружие. - Пусть сами разбираются, к тому же нам не так часто выпадает возможность увидеть подобное зрелище.

Эйлин всхлипнула.

До сих пор Фландри был уверен, что в искусстве фехтования ему нет равных. Выяснилось, однако, что Айкарайк не уступает ему ни в чем. Мало найдется людей, которые могли бы двигаться с такой скоростью, особенно если учесть, что церионит действовал в условиях повышенной гравитации. Фландри еле успевал парировать удары. Приемы фехтования основаны на условных рефлексах - при высоком темпе не остается времени на сознательное обдумывание маневра и направления удара. Это обстоятельство не позволяло Айкарайку извлечь выгоду из своих телепатических способностей; тем не менее ему удалось несколько раз задеть шпагой лицо и руки противника. Точности удара церионита и его хладнокровию можно было только позавидовать.

Соперники продолжали ожесточенно орудовать шпагами. Каждый удачный удар сопровождался одобрительными возгласами зрителей. По располосованной тунике Айкарайка расплылись пятна крови. Незаметно подкрадывалась усталость. Фландри неожиданно сменил тактику, уйдя в глухую защиту. Опытный мастер клинка, он собирался таким образом сберечь свои силы, надеясь, что враг скоро устанет.

Айкарайк, удвоив быстроту движений, носился вокруг, нападая, казалось, со всех сторон одновременно. Удар, парирование, ответный выпад, лязг и звон клинков...

Сартаз начал недовольно посматривать на дерущихся.

Загнанный в угол, Фландри уже засомневался, удастся ли ему дожить до рассвета, когда Айкарайк вдруг сделал резкий выпад, стремясь нанести смертельный удар. Фландри отклонился, и шпага пронзила ему левое плечо. Айкарайк попытался высвободить клинок, но Фландри сделал рывок, и шпага выскользнула из руки церионита. Бросившись вперед, капитан приставил острие своей шпаги к горлу противника, вынудив его признать себя побежденным.

Зал взволнованно загудел.

- Разоружите их! - сердито крикнул Сартаз.

Фландри перевел дух.

- Ваше величество, разрешите мне охранять этого человека, пока генерал Бронсон не закончит свое повествование.

Это предложение устраивало Сартаза, и он кивнул в ответ.

"Айкарайк, если ты вздумаешь сказать хоть слово, я проткну тебя насквозь", - мысленно обратился Фландри к церионите.

Тот пожал плечами и криво усмехнулся.

Генерал Бронсон повернулся ко все еще всхлипывающей Эйлин.

- Вы сможете выступить вместо меня? - шепотом спросил он. - Я не в состоянии вымолвить ни слова.

Девушка смело вышла вперед и заговорила:

- Ваше величество и вы, господа! Настало время предъявить доказательства, подтверждающие заговор Мерсии.

Итак, нам стало известно, что мерсийцы собираются захватить членов правительства Альфзара во главе с королем Сартазом и держать их в качестве заложников до прибытия основных сил. Целью этой акции является оккупация Бетельгейзе. Заговорщики собрались сегодняшней ночью в Гуназарской долине Бортудианского хребта. Оттуда и произойдет налет на столицу.

Присутствующие в зале взволнованно зашумели. Эйлин подождала, пока они успокоятся, и бесстрастно продолжала:

- Мы не могли предупредить ваше величество или кого-нибудь из ваших приближенных - повсюду сновали шпионы, и у нас были все основания предполагать, что один из них обладает способностью читать ваши мысли. Если бы они узнали, что вам стали известны их планы, они бы устроили налет, не дожидаясь сегодняшнего дня. Поэтому мы обратились к генералу Бронсону. Мерсийские шпионы не обращали на него особого внимания, так как занимаемый им пост не слишком высок. В то же время генерал имел достаточно власти, чтобы действовать сообразно обстоятельствам.

Мы подготовили ловушку для заговорщиков. Люди генерала Бронсона установили в долине скрытые телекамеры. Позвольте показать вам, что там происходит в настоящий момент.

Эйлин подошла к телевизору и щелкнула выключателем. На экране появилось изображение долины Гуназара, окруженной голыми скалами. Там царило непривычное оживление. Повсюду двигались фигуры в защитных скафандрах. Это были мерсийцы. Одни устанавливали атомные пушки, другие готовили к взлету корабли. В конечной цели этих приготовлений сомнений не было.

Сартаз взревел от ярости. Кто-то из свиты осторожно спросил:

- Как вы докажете, что это не инсценировка?

- Очень просто. Вы сами сейчас все увидите. Мы установили под землей атомные мины с дистанционными взрывателями.

Эйлин протянула Сартазу небольшую коробку и холодно улыбнулась:

- Это пульт дистанционного управления. Не соизволите ли сами нажать на кнопку?

- Дайте сюда, - хрипло сказал Сартаз. Нетерпеливо схватив коробку, он надавил на кнопку.

Ослепительная вспышка бело-голубого пламени озарила экран. Мощный взрыв потряс долину, расколов на куски скалы. Поднимающееся к небу огромное облако радиоактивной пыли было последним, что увидели присутствующие. Экран померк.

- Телекамеры разрушены, - спокойно произнесла Эйлин. - Теперь ваше величество сможет выслать в долину разведчиков. Уверяю вас, они найдут там немало доказательств истинности того, что мы увидели на экране. Я же осмелюсь усомниться в дружественных намерениях державы, тайно содержащей вооруженные формирования на территории суверенного государства.

Разорвав дипломатические отношения с Мерсией, Бетельгейзе начала переговоры о союзе с Террой. Все находившиеся на Бетельгейзе граждане Мерсии подлежали депортации. Корваш и Айкарайк одними из последних покидали Альфзар. Фландри и Эйлин устроили для них прощальную вечеринку. Накануне отъезда посла они собрались вчетвером в апартаментах Фландри.

- Примите мои поздравления, - сухо начал церионит, - Сартаз был так разъярен, что не пожелал даже выслушать наши объяснения. Его можно понять: вы приложили немало усилий, чтобы выставить нас в черном свете.

- А сами за спиной Сартаза вытворяли то же самое, - проворчал лорд Корваш. - Во всей Вселенной не найти второго такого лицемера, как вы, Фландри. Вы же прекрасно осведомлены о том, что на дальних спутниках Бетельгейзе находятся военные соединения Терры. Ее агенты снуют повсюду - Терра ведет свою игру.

- Разумеется, мне известно о силах Терры в этом регионе, - широко улыбнулся землянин. - Но известно ли это Сартазу? Вы верно заметили: идет игра, крупная игра. Вы же не станете ненавидеть того, кто обыграл вас в шахматы? Вот и нас не следует ненавидеть за то, что мы выиграли этот раунд.

- О, у меня и в мыслях не было, - произнес Айкарайк, - к тому же игра еще не окончена.

- Ваши потери гораздо меньше потерь, которые в случае поражения понесла бы Терра. Союз с Бетельгейзе укрепит наши позиции настолько, что мы сможем противостоять вашим захватническим планам. Но мы никогда не используем нашу силу для развязывания войны, хотя, мне кажется, это следовало бы сделать. Империя хочет только мира.

- Ваша Империя просто трусит, - огрызнулся Корваш.

Ответа не последовало. Фландри и Эйлин думали о чем-то своем; может, о том, что, по крайней мере, в обозримом будущем людям не придется беспокоиться за свои жизни и жизни своих детей - враг не сможет уничтожить их планеты и разрушить города. А может, они просто наслаждались победой.

Разлив вино по бокалам, Фландри провозгласил тост:

- За то, чтобы наше соперничество не переросло во вражду!

- Все еще не могу взять в толк, как вам удалось облапошить нас, - недоумевал Корваш.

- Это все Эйлин. Эйлин, может, ты расскажешь, как было дело?

- Лучше ты, Доминик, - проворковала девушка. - В этом представлении ты играл главную роль.

Фландри не стал спорить и охотно начал свое повествование:

- Мы пришли в отчаяние, узнав, что Айкарайк умеет читать мысли. Ну в самом деле: разве можно солгать или что-то скрыть в присутствии телепата? Эйлин, однако, придумала выход. Надо подсунуть ему ложную информацию под видом правды. Но как это сделать?

На Бетельгейзе существует такой наркотик, сорган. Тот, кто его употребляет, начинает верить всему, что бы ему ни наговорили. Эйлин дала мне этот напиток под видом вина и рассказала фантастическую сказку о предстоящем вторжении Терры. Конечно, я поверил ее словам, и при первой же нашей встрече об этом стало известно Айкарайку.

- Я был в полном недоумении, - признался Айкарайк, - эта история показалась мне совершенно дикой, но в то же время я был уверен, что телепату солгать невозможно...

- Нельзя было допустить, чтобы Айкарайк встретился с Эйлин и узнал правду, - продолжал Фландри, - но нам повезло: он уехал сразу, как только узнал о готовящемся нападении. Землянам была подготовлена теплая встреча: мерсийцы собрали в

долине все свои силы. Незавидная участь ожидала наши корабли, покажись они в небе...

- Почему вы не поспешили к Сартазу и не рассказали ему о бо всем, что вам удалось узнать? - гневно спросил Корваш у Айкарайка. Тот пожал плечами.

- Я знал, что капитан Фландри приложит все усилия, чтобы моя встреча с монархом не состоялась. К тому же у меня не было доказательств. Вы сами согласились со мной, когда я предложил отразить первую атаку своими силами. Мы предполагали, что это поможет нам войти в доверие к Сартазу. Кроме того, после столь откровенно враждебного выпада со стороны Терры война между нею и Бетельгейзе стала бы неизбежной. Если же Сартаз заранее узнал бы о том, что Терра готовит вторжение, он мог попытаться предотвратить войну путем переговоров.

- Да, мы с вами рассуждали именно так, - мрачно пробурчал Корваш.

- Эйлин оставалось только проследить за тем, чтобы Бронсон и его люди заминировали долину и установили телекамеры, - продолжал Фландри. - Остальное вам известно. Когда вы появились в тронном зале...

- Говорить что-либо Сартазу было уже поздно, - подхватил Айкарайк.

- Верно, - согласился Фландри. - Но мы боялись, что вы сорвете нам представление. Поэтому пришлось применить силу. Ну вот и все, джентльмены, - Фландри широко улыбнулся и развел руками.

- Мы еще встретимся, - промолвил Айкарайк. - Но я рад, что сегодняшняя наша встреча - дружеская.

Вечеринка затянулась. На рассвете гости собрались уходить. Пока подвыпившие Фландри и Корваш обменивались последними любезностями, Айкарайк подошел к Эйлин и, прикоснувшись к ее руке узловатыми пальцами, внимательно посмотрел на девушку. В странном взгляде янтарных глаз мелькнула грусть. Очень тихо, так, чтобы слышала только она, он произнес:

- Прощайте, дорогая. Вряд ли кому-нибудь удастся справиться с Террой, пока у нее есть такие женщины.

Эйлин долго смотрела ему вслед, с сожалением думая, что человек рядом с ней так никогда и не поймет того, о чем враг догадался в одно мгновение.

Пол АНДЕРСОН

ЭПИЛОГ

1

Имя его - просто набор радиоимпульсов. В акустике оно - нечто совершенно неблагозвучное. Но, поскольку любое разумное существо, осознающее себя таковым, мнит себя же центром собственной системы координат, давайте условимся называть его Ноль.

Запасы энергии в пещере кончились, и весь этот день он провел на охоте. Самое дорогое для него существо во Вселенной (мы будем называть ее Единицей) - не возражала, впрочем, она тоже чувствовала, как неуклонно падает потенциал. По соседству с пещерой было полным полно растительных аккумуляторов, но сейчас, в период сотворения, Единице требовалось что-нибудь покалорийнее. Движущиеся несли в себе гораздо больший запас энергии - понятно почему: они были сложнее организованы. Кроме того, кое-какие фрагменты их тел неплохо подходили для Единицы, которая отнюдь не возражала слегка подправить свои формы. И Ноль, хотя у него и потребности и функциональные возможности были гораздо ниже, давно уже задумывался о том, чтобы найти более надежный источник пропитания, нежели аккумуляторы.

В общем, сейчас оба они нуждались в добавке к обычному скудному рациону.

В последнее время Движущиеся научились избегать окрестностей пещеры. Сто лет потребовалось, чтобы до них, наконец, дошло, что лучше к ней не приближаться, это может плохо кончиться. Нужно идти, подумал Ноль, ничего не поделаешь, хотя ужасно не хочется оставлять Единицу одну. Движения его замедлялись, стоило ему вспомнить о трудностях дальнего похода, о крутизне скал и опасностях, поджидающих за порогом. Но он

очень надеялся, что в нескольких днях пути от дома обязательно повстречает крупных Движущихся...

С помощью Единицы Ноль взвалил на плечи походный контейнер, взял оружие и вышел из пещеры.

Солнце почти зашло, но с неба еще струился слабый свет, когда он наткнулся на первый след: взрытая почва, обломанные кристаллы, царапины на стволах деревьев, пятна смазки... Быстро перестроив свои приемные контуры на максимальную чувствительность, он проверил частоты, на которых обычно переговаривались Движущиеся; но уловить удалось лишь жалкие, искаженные помехами обрывки разговора каких-то существ примерно за сотню миль.

Где-то рядом были четко слышны импульсы удирающих мелких тварей, но этих преследовать не стоило. Над головой, оставив за собой след статических разрядов, пронесся Летун. И никаких шумов кого-нибудь покрупнее. Похоже, тот, кто прошел здесь несколько дней назад, уже успел выйти за пределы чувствительности антенны.

Что ж, придется идти по следу. Хорошо бы побыстрее догнать этого косолапого Пильщика. В том, что это именно Пильщик, Ноль уже не сомневался - все приметы налицо, а такая добыча заслуживает погони. Он быстро провел самоконтроль - все блоки оказались в порядке - и двинулся вперед; путь предстоял дальний, и он своей крупной походкой должен отмерить его до конца.

Сумерки сгустились; низко над холмами крошечной льдистой бусинкой засияла Луна. Ночной туман осветился словно изнутри, всклубился; на фиолетовом небе в оптическом диапазоне появились звезды и тут же запели на всех радиочастотах.

В лунном свете ночной лес сиял силикатно-стальным блеском. Порыв ветра шевельнул солнечные батареи на его голове, и они тоненько зазвенели, касаясь друг друга. Где-то неподалеку щуршал нож Бульдозера, хрустели челюсти Корчевателя, вгрызаясь в кружево кристаллов, но почти все звуки заглушались шумом реки, которая, преодолевая пороги, несла свои воды в долину.

С ловкостью, которая приходит только с опытом, Ноль продирался сквозь заросли и горы обломков. При этом он не забывал внимательно следить за эфиром. Сегодня в верхней полосе частот пробивалось что-то постороннее, какая-то неуловимая, но тревожная нота... случайные всплески, голоса, шумы, причем такие, каких ему слышать еще не доводилось - ни самому, ни от

других. Мир, однако, полон загадок. До сих пор никто еще не пересекал ни океан на западе, ни горную цепь на востоке. Вспомнив об этом, Ноль перестал вслушиваться в эфир и сосредоточился на следе, по которому шел. Это было нелегко - в темноте его оптические рецепторы почти теряли чувствительность; приходилось идти медленнее. У зарослей Цилиндров он задержался набрать свежей смазки, потом, глотнув воды, снизил кислотность аккумуляторов. Несколько раз, почувствовав признаки истощения, он замирал неподвижно, давая батареям недолгий отдых.

Но вот за далекими снежными пиками гор небо зарозовело и стало медленно краснеть. Вверх по склону холмов поползли клочья тумана, неся с собой сырость и запах серы из долины. Ноль снова стал четко видеть след и прибавил темп.

И вдруг он снова почувствовал то, странное и неясное, чему не было названия... Ощущение было сильнее, чем накануне.

Ноль мягко припал к земле и выдвинул решетчатую антенну. Так и есть. Импульсы шли сверху, с неба, и становились все мощнее. Вскоре он с уверенностью мог сказать, что они почти не отличаются от тех радиошумов, которые обычно производят Движущиеся. Но кто именно из Движущихся мог производить такие шумы, Ноль не понимал. В них прослушивались резкие посторонние обертоны, которые он иногда встречал, принимая чьи-нибудь модулированные, но слишком широкополосные короткие сигналы.

И в этот момент он услышал новый звук.

Он доносился из морозной заоблачной вышины и был тоньше самого тонкого свиста. Но уже через несколько секунд он превратился в оглушительный рев, от которого содрогнулась земля, а затем, отразившись от горных хребтов, этот чудовищный грохот заставил зазвенеть поглощающие пластины на его теле, и спустя еще несколько секунд весь лес вторил им тревожным звоном. На какой-то миг ему показалось, что грохот вокруг густой, как вода, и это было ужасно; ему даже почудилось на мгновение, что мозг его, сорвавшись с креплений, перекатывается внутри черепа из стороны в сторону. С ужасом Ноль уставился вверх и, с трудом подавляя желание бежать со всех ног, успел заметить, как с неба спускается Нечто.

Сначала Ноль подумал, что это Летун - такое же обтекаемое тело, и крылья, - но, хоть он и был оглушен, все же сообразил,

что еще ни один Летун не садился на землю, опираясь на столб разноцветного пламени, и ни один Летун не заслонял своей тушей такой огромный кусок небосвода. А ведь до этой штуки не меньше двух миль!

Он почувствовал, как содрогнулась земля, когда этот монстр навалился на нее; в адском огне плавились камни и гигантские кристаллы, маленький Бульдозер был дотла испепелен в собственной норе... В полной панике Ноль бросился ничком на землю, вцепился в нее всеми четырьмя руками, из последних сил стараясь не растерять остатки рассудка. Наконец чудовище успокоилось, замерло, и воцарилась тишина. Она оглушала сильнее, чем самый страшный громовой удар.

Ноль осторожно приподнял голову. Над горной цепью поднималось Солнце, и это казалось странным - как же так? Почему Солнце встает как в ни чем ни бывало?! Лес затихал, но медленно, и так же медленно снижалась интенсивность радиовсплесков; меж дальних холмов угасали последние отголоски громового эха.

Сейчас не время думать о себе, решил Ноль. Он включил свой передатчик на полную мощность:

- Тревога! Тревога! Внимание! Всем, кто меня слышит - приготовиться к ретрансляции! Внимание! Тревога!

И тут же Ноль получил ответ - с расстояния в сорок миль, от существа, которое мы будем называть Вторым.

- Это ты, Ноль? Только что я заметил что-то необычное в той стороне, где находится твой дом. Что случилось?

Ноль ответил не сразу. На связь один за другим выходили новые голоса, они звучали в его мозгу почти непрерывным гулом - с горных вершин, с холмов, равнин, из хижин и пещер.

Охотники и горцы, лесовики и рыбаки, трупоеды и земледельцы - все они вдруг ощутили свое единство. Общность.

Но первым делом Ноль обратился к Единице:

- Не выходи из пещеры! Береги энергию. Со мной все в порядке, и я буду осторожен. Береги себя и жди моего возвращения...

- Тихо все! - раздался вдруг резкий, скрипучий голос Сотого. Он был самым старым из них, и за свою жизнь сменил, наверное полдюжины тел. Неизбежная старческая поляризация немного притупила остроту его мыслей, но пришедшая с годами мудрость заслуженно делала Сотого председателем их нечастых совещаний.

- Ноль, ну-ка, расскажи нам все, что видел!

Охотник помедлил.

- Трудно... сказать... Я сейчас... - Он коротко описал, где находится (А, это там, где заросли свинцовых аккумуляторов... - пробормотал Пятьдесят Шестой.) - Эта штука напоминает Летуна, - продолжал Ноль, но невероятных размеров, в длину футов сто, а то и больше. Она приземлилась в двух милях к северу и сейчас сидит спокойно. А садилась она на огненном хвосте. И еще мне показалось, что я слышал ее направленный сигнал, только он совсем не такой, как у Движущихся.

- Тех Движущихся, которые живут в твоих местах, - поправил его Сотый. - Но эта штука, похоже, появилась издалека. Как по-твоему, она опасна?

- Ее огненный хвост тут много чего поломал, - ответил Ноль. - Но при таких размерах и на таких маленьких крыльях парить в воздухе просто невозможно. Сомнительно, чтобы это был хищник.

- А приманки-аккумуляторы? - вставил Восьмой.

- Что? Какие еще приманки? - спросил Сотый.

- Ну, те, которые излучают специальные сигналы, а мелкие Движущиеся на них идут и попадают прямиком в пасть дробилки... Может, у этой штуки тоже есть что-нибудь похожее? Если есть, то, судя по размерам, ее приманка должна быть мощной, и значит, она может принимать крупных Движущихся или даже нас, Людей...

В эфире словно проскочил электрический разряд.

- А вдруг это Травоядный? - предположил Третий. - Если он такой большой...

Третий неожиданно замолк, но каждый без труда закончил мысль за него:

Беззащитный Травоядный таких размеров!!! В его батареях тысячи киловатт-часов энергии, его тело - это тысячи запасных частей, тонны металла... Эй, Сотый! Твои родители не рассказывали тебе о таких существах? Может, они жили тысячи лет назад?

Нет?

Короче! Если эта тварь опасна, мы должны убить ее или прогнать. Если убьем, то поделим поровну, но, в любом случае, на нее нужно напасть.

Наконец, Сотый, поразмыслив, огласил решение:

- Все мужчины, берите оружие и двигайтесь к месту сбора - к Мертвому Болоту, которое за Медной Рекой. Ноль, ты подбе-

рись к этой штуке поближе и понаблюдай за ней, но помалкивай, если, конечно, не случится ничего непредвиденного. А мы, когда соберемся, обязательно тебя выслушаем и тогда уже разработаем план. Все! А теперь - шевелитесь!

В приемных контурах стихли голоса, и Ноль снова остался наедине с собой.

Солнце уже целиком показалось из-за горных вершин и проблескивало сквозь лесные заросли множеством лучей. Аккумуляторы развернули в его сторону черные панели поглотителей и жадно впитывали энергию. Туман почти рассеялся, покрыв ажурные формы деревьев каплями росы. Под ногами шелестела кремниевая трава. Внезапно Ноль как никогда ясно почувствовал насколько прекрасен мир, и ему захотелось, чтобы Единица тоже была рядом с ним и тоже видела красоту. Но мысль о том, что скоро, может быть, очень скоро, огненное дыхание прилетевшего монстра превратит все вокруг в озеро расплавленного металла - эта мысль просто-таки ослепляла.

Нужно действовать, решил он, но сначала - еще раз все как следует продумать и проверить, потом - в суете - на это не хватит времени. Самое главное - оружие. Проволочный аркан такого монстра не удержит - это ясно; железный молот не пройдет - им можно разбивать только нежные части Движущихся; арбалет со стальными стрелами - тоже... А вот заостренная пика сгодится, пожалуй. Он взял ее в одну руку, две другие руки освободили из креплений четвертую и, достав из походного контейнера, вложили в нее самое грозное его оружие - плазменный резак. Его никогда не использовали по мелочам - только для серьезной работы или чтобы добить крупного Движущегося, батареи которого могли возместить огромный расход энергии на работу резака. Короче, это было оружие на крайний случай. Но если чудовище вздумает на него напасть, то это как раз и будет тот самый "крайний" случай... Впрочем, пока нужно только наблюдать.

Поднявшись на колени, Ноль осторожно двинулся вперед. Маскировочная раскраска делала его почти незаметным на фоне причудливых теней и солнечных бликов. Почувствовав его приближение, мелкие Движущиеся старались либо затаиться, либо поскорее исчезнуть - даже самый страшный хищник, Потрошитель, внушал им меньше страха, чем вышедший на охоту Человек. И так было всегда, с того всеми уже забытого дня, когда Искра, проскочившая в диком, первобытном, но гениальном существе, вдохнула в электричество Жизнь.

Ноль прошел уже почти половину расстояния до монстра, с каждым шагом стараясь ступать все тише и осторожнее, как вдруг почувствовал присутствие чужаков.

Он замер на месте. Ветер, звеня ветвями деревьев, начисто заглушал все остальные звуки. Но электронные датчики упрямо свидетельствовали о том, что поблизости находятся два, нет, три подвижных существа. Причем двигались они со стороны чудовища.

Некоторое время Ноль стоял неподвижно, пытаясь разобраться в своих ощущениях. Мощность излучения этой троицы была ничтожно мала, даже на таком близком расстоянии он засек их с большим трудом; Бульдозер или Водомер и то потребляли больше энергии. Сам по себе выходной сигнал этих существ тоже выглядел странным - словно он генерировался всего одной-двумя схемами; на Движущихся это не похоже, слишком уж невыразительно. Зато на коротких волнах шум стоял просто невероятный - существа переговаривались по радио с такой страстью, что Ноль своим приемником запеленговал бы их сигналы с пяти миль даже на минимальной чувствительности. Они ведут себя так, словно не подозревают о том, что тут могут водиться звери, а главное - хищники... Или не придают этому значения?

Ноль помедлил еще немного. Откровенно беспечное поведение существ привело его в замешательство. Но, наконец, он собрался с духом, сжал покрепче свою острую пику и двинулся навстречу непонятной троице.

Вскоре они показались в поле зрения его оптических датчиков - во всей своей красе, - Ноль, притаившись за толстым деревом, оцепенел от изумления. Они оказались еще меньше, чем он предполагал, оценивая создаваемый ими энергетический фон. По крайней мере, наполовину. И - внутри у них был всего один мотор, очень слабый, его мощности не хватило бы даже на то, чтобы поднять человеческую руку. Наверняка, это не единственный их источник энергии. Но где же тогда другие?

Ноль продолжал внимательно разглядывать чужаков. Они были совсем не похожи на Людей - двурукие, горбатые, лишенные каких-либо индивидуальных черт. Они совершенно не походили на гигантского монстра, хотя, несомненно, были его порождением. Наверняка чудовище выслало их вперед в качестве разведчиков, так, напрмер, поступают крупные Колесные. Да и Люди уже несколько столетий пытаются одомашнить мелких Движущихся, научить их помогать охотникам. Ясно, что такому

большому и неуклюжему созданию, как этот монстр, никак не обойтись без вспомогательных устройств.

Так что же такое этот монстр? Действительно хищник? Или - эта мысль молнией прожгла схемы его мозга - Мыслящий?! Подобие Человека?!

Ноль попробовал расшифровать модулированные сигналы радиообмена этих двуногих - безуспешно. Хотя...

Постой-ка...

Он несколько раз повращал своей решетчатой антенной и сообразил, наконец, что последний сигнал исходил от чудовища, находившегося примерно в миле, за лесом; сигнал от монстра - Двуногим... А они, значит, ему отвечали?

Двуногие двигались на юг. Если они не свернут, то скоро неминуемо наткнутся на следы Людей, а затем найдут и его пещеру, в которой сейчас Единица... И произойдет это гораздо раньше, чем Сотый с охотниками соберутся у Мертвого Болота.

МОНСТР УЗНАЕТ О ЕДИНИЦЕ... НЕТ!!

Ноль принял решение. Включив передатчик на полную мощность и настроив антенну на круговую трансляцию, он вышел в эфир. Направленный луч использовать было опасно, монстр мог узнать, где скрываются те, кого он вызывает.

- ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! Настройтесь на меня! Слушайте! Я собираюсь захватить этих Движущихся в плен.

Сотый откликнулся почти сразу:

- Нет! Подожди! Не показывайся им на глаза, пока мы все не соберемся и не будем готовы к драке!

- Эти штуки все равно скоро узнают о нас, - ответил Ноль. - Лес битком набит следами старых стоянок, брошенным инструментом, расколотыми камнями и грудами шлака. А сейчас я, по крайней мере, могу застать их врасплох. Если не получится и я погибну, то и в этом случае у вас останется какая-то информация. Будьте начеку!

Сказав так, Ноль осторожно выглянул из-за дерева.

Троица пришельцев уже почти прошла мимо, но вдруг они заметили его и резко остановились. Ноль услышал лихорадочную скороговорку их сигналов, а затем он поймал передачу на более низкой частоте. Совет чудовища? Но размышлять над этим было некогда. Медленно и неуклюже - впрочем, они все делали медленно и неуклюже -двуногие зашевелились. Тот, что стоял в центре, снял с плеча какую-то трубу. Пробираясь сквозь заросли кристаллов и переплетения позвякивающих ветвей, Ноль успел

подумать: НО ВЕДЬ Я ЖЕ НЕ НАПАЛ НА НИХ... Но труба уже извергла длинное пламя и рявкнула на весь лес.

От сильного толчка Ноль пошатнулся и опустился на одно колено. По цепям побежали сигналы тревоги от поврежденных органов. Но боль быстро утихла, сознание прояснилось, и Ноль, повернув голову, увидел, что его верхняя левая рука начисто оторвана.

И снова на него была направлена та самая труба. Ноль поднялся на ноги. Он был уверен, что справится с этими мелкими Движущимися. Второй Двуногий стоял, обхватив руками третьего, который вытаскивал из футляра какой-то маленький предмет.

Включив двигатели на полную мощность, Ноль молниеносно развернулся и уцелевшей левой рукой метнул пику. Сверкнув в солнечных лучах, она с силой ударила по трубе, и та, выскользнув из манипуляторов Двуногого, упала на землю и погнулась. Не мешкая, Ноль ринулся вперед. Он уже успел разобраться в конструкции их переговорного устройства - и передатчик, и антенна крепились снаружи, прямо на шкуре. Одной правой рукой он ударил по спине ближайшего Двуногого, расплющив издающий сигналы контейнер, и почти сразу же смолк передатчик второго Двуногого, расплавленный мгновенной и точной вспышкой плазменного резака.

Третий Двуногий попытался было убежать, но Ноль, сделав четыре широких шага, догнал его, вырвал из спины антенну и, прижав одной рукой к груди брыкающееся существо, побежал ловить остальных. Увидев, что Ноль схватил второго, третий Двуногий бросился к нему и с отчаянием обреченного стал колотить всеми конечностями по корпусу. Разумеется, это ему не помогло - через несколько минут Ноль аккуратно связал всех троих проволочным арканом и на всякий случай вытряхнул на землю содержимое походного контейнера того, который стрелял в него из трубы. Эти продолговатые цилиндрические штуки могли быть опасны, хоть он и сломал ту самую трубу. Потом он запихал Двуногих в свой походный контейнер.

Ноль прислушался. В акустике - если не считать легкого шелеста лесных аккумуляторов - было тихо, зато в эфире творилось что-то невероятное. Монстр ревел, свистел и звал на всех частотах; к этому добавлялся его собственный радиозов, который Ноль посылал Людям, многократно отраженный от гор и ионизированных слоев атмосферы, он с трудом улавливался Людь-

ми и передавался дальше, тем, кому не хватало чувствительности приемников.

- Хватит болтать попусту, - сказал Ноль, заканчивая доклад о событиях. - Не хочу, чтобы чудовище меня запеленговало. Я сделал так, что Двуногие разведчики не смогут с ним связаться, и пока отнесу их в свою пещеру. Там я их рассмотрю поподробнее. Когда мы встретимся, я уже буду знать, как они устроены.

- Мы можем спугнуть монстра, - с сомнением сказал Семьдесят Второй.

- Тем лучше, - рассудил Сотый.

- По крайней мере, я вернусь с охоты не с пустыми руками, - ответил Ноль и, выключив передатчик, скрылся в тени деревьев.

2

С едва ощутимым толчком катер отвалил от звездолета. И сразу наступила тишина. Там, на борту корабля постоянно ворчали, щелкали и шелестели всевозможные механизмы - они давали свет, тепло, свежий воздух, делали расчеты, - но здесь тишина была мертвая, первозданная.

Хью Даркингтон молча смотрел в иллюминатор. Огромная туша корабля, заслонявшая обзор, постепенно растаяла, беспроглядный мрак усеяли колючие точки звезд. Все они казались одинаковыми, хотя, вероятно, если смотреть на небо с Земли, то звезды легко можно будет сгруппировать в созвездия. Даркингтон слишком долго путешествовал в космосе и видел слишком много звезд, при этом никогда не забывая, что на самом деле их еще больше, и вместе они образуют один гигантский Хаос. Однажды, когда Хью зашел на ходовой мостик, капитан Торшоу показал ему, что Млечный Путь имеет теперь совсем иные очертания, чем прежде; за последние три миллиарда лет один изгиб размылся, появились новые скопления... Но для Даркингтона эти слова и понятия значили мало. Он был биологом и никогда всерьез не интересовался астрономией. А теперь, после всего, что они пережили, после потерь и одиночества он не мог вообразить ничего более бесмысленного, чем установление точной конфигурации Млечного Пути.

Катер снижался по крутой спирали; Земля заполнила собой все поле зрения, скрыв далекий серпик Луны. За многие и долгие века, минувшие с тех пор, как "Странник" покинул родную планету, Луна успела довольно далеко отойти от Земли, превратив-

шись в небольшое тусклое пятнышко; впрочем, она находилась все-таки ближе, чем предсказывали ученые. Удаление Луны они объясняли изменением рельефа самой Земли и, следовательно, ослаблением ее гравитационного поля. Например, исчез Берингов пролив, исчезли другие, памятные по прошлой жизни, места. А Луна... Обследовав ее поверхность в корабельный телескоп, капитан Торшоу, который раньше не раз бывал на Луне, сказал, что и там многое изменилось - возникли новые горы, моря, кратеры, следы вулканической эрозии. Но в основном Луна оставалась обычной Луной, такой же мертвой, какую он помнил, и было в высшей степени странно это осознавать, зная, как изменилась Земля...

... И даже Солнце. Если смотреть на него сквозь защитные бленды - все вроде, как прежде, полыхает, как ни в чем ни бывало. Но интенсивность термоядерных процессов за три миллиарда лет заметно усилилась, и - естественный тому результат - Солнце нагрелось и раздулось; Земля же, миллионы лет замедляясь в межпланетном газе и пыли, приблизилась к светилу - ненамного, но для жизни на планете это означало смертный приговор. Впрочем, подобные изменения заметны, только если рассматривать их в космическом масштабе.

Даркингтон тяжело вздохнул и сжал кулаки так, что побелели костяшки пальцев. Он был худощав, с резкими чертами длинного лица; в волосах, не по возрасту рано, серебрилась седина. Он помнил прекрасные годы, проведенные в стенах Оксфорда, радость первых маленьких открытий за микроскопом, борьбу с ветром и волнами на маленькой яхте у мыса Нантакет, брызги волн, крики чаек, гудки кораблей, мужскую дружбу, скрепленную шахматной доской или звоном бокалов, лесные туманы и багрянец "бабьего лета"... Сейчас всего этого уже не существовало.

Первый шок уже прошел, невероятная депрессия, навалившаяся на весь экипаж "Странника" - сотню мужчин и женщин - отступила, и люди уже почти смирились с мыслью, что они навеки оторваны от дома, который растаял в невообразимой дали веков, оставив о себе одни воспоминания.

Фредерика Руис коснулась ладонью его руки, и он заставил себя расслабиться и ответить на ее робкую улыбку.

- В конце концов, - проговорила она, - мы же знали, что улетаем надолго и что можем никогда не вернуться.

- Мы давно уже могли высадиться на какой-нибудь планете.

- Ну, так еще не все потеряно, - заявил с пилотского кресла Сэм Куроки. - В радиусе пятидесяти световых лет не меньше шести систем со звездами G - типа.[1]

- Там все будет не так, - уныло возразил Даркингтон.

- Конечно, - сказала Фредерика, - там будет лучше. Представь, мы, последние люди во Вселенной, возродим человеческую расу на новой родине...

У Фредерики был не самый лучший характер, особой красотой она тоже не блистала - невысокого роста, полноватая, с большим ртом и прямыми светлыми волосами. Но после того, как корабль перестал ускоряться во времени, все это перестало иметь значение. Фредерика Руис была грамотным инженером и храброй женщиной, и Хью Даркингтон был чертовски польщен, когда она выбрала его в мужья.

- А может, мы и не последние вовсе, - сказал Куроки, и его плоское лицо растянулось в улыбке. Он вообще часто улыбался, отличаясь неистребимой, почти мальчишеской дерзостью и самонадеянностью. - Наверняка ведь, кроме нас, есть еще какие-то колонии, на других планетах, а? Сидят там наши потомки, собрались в кучки и болтают о том, о сем. А сами похожи на лысых гномов, а?

- Сомневаюсь, - сказал Даркингтон. - Если бы люди, человечество, уцелели бы хоть где-нибудь в Галактике... неужели, ты думаешь, они не вернулись бы на родную планету, чтобы снова вдохнуть в нее жизнь?.. Ведь это - Земля!..

Хью тяжело вздохнул. Они уже, наверное, в сотый раз начинали этот разговор, пока "Странник" кружил вокруг неузнаваемо изменившейся Земли, и ничего не могли с собой поделать - мысли снова и снова возвращались к безрадостной теме, словно пальцы человека, который не может удержаться от того, чтобы лишний раз не погладить давний шрам.

- Нет, - добавил Хью, - я думаю, что сразу после нашего отлета здесь была война. Вспомните, какая была обстановка...

Да, это было именно так, и вот почему построили "Странник", и вот почему он стартовал в такой спешке, едва успели закончиться последние приготовления. Пятьдесят пар людей боро-

---

1 Спектральный класс звезды. К этому классу принадлежит и Солнце. *(Примеч. переводчика.)*.

лись за право основать первое поселение на второй планете системы Тау Кита и, естественно, победили достойнейшие. О, да, официально это была научная экспедиция, финансировал ее один из известных научных фондов, но фактически, и все это знали, это была отчаянная попытка спасти хотя бы малую часть человеческой цивилизации в надежде на то, что потом, спустя века, все эти люди или их потомки вернутся и помогут землянам в возрождении былого величия. В те времена даже Великая Азия соглашалась, что тотальная война отбросит человечество назад на многие сотни лет. Западные правительства, однако, были пессимистичнее. Международная обстановка накалялась так стремительно, что времени на испытания маршевого двигателя корабля не оставалось. Его следовало бы обкатать в нескольких контрольных полетах, на это требовалось не больше года, но... через год уже могло быть слишком поздно. Субсветовые корабли-разведчики уже летали к соседним звездам, их экипажи неплохо перенесли несколько недель пути. Почему же со "Странником" должно что-то случиться?

- Мировая война?! - переспросила Фредерика. Она частенько так делала, прежде чем возразить. - Тотальная война до полной стерилизации планеты?! Нет, я в это не верю!

- Ну, не стоит упрощать, - Даркингтон качнул головой. - Может, и был в этой войне так называемый "победитель", но победа была пиррова, потому, что, наверняка, те, кто, выжил, были совершенно обессилены, а земля искалечена так, что невозможно представить... Ресурсов не осталось, и, скорее всего, им ничего не удалось восстановить, и кончилось это все - спуском по спирали в средневековье, а то и еще ниже.

- Не знаю, - возразил Сэм Куроки. - Вспомни, сколько в наши времена было всяких машин - полным полно роботов, ну, вроде этих агрегатов для добычи ископаемых на шельфе; работали они на солнечной энергии, воспроизводились сами... И еще прорва всяких других... Не понимаю, что могло помешать возродить промышленность на такой-то базе.

- Все было заражено радиацией, - сказал Даркингтон. - А для экологии это - смерть. Тем более, что процесс деградации биосферы проходил много сотен лет. Одни виды погибли, другие мутировали, затем настал черед тех, которые зависели от первых... и пошло, и пошло. Как могли уцелевшие люди восстанавливать цивилизацию, если вокруг них рушились основы самой природы? - Почувствовав неловкость от того, что он говорил с таким жаром, Хью тряхнул головой и выпрямился, прогоняя на-

хлынувшую вдруг жалость к себе. Ужас надо встречать с открытыми глазами. - Я так считаю, - добавил он. - Возможно, что-то происходило и не совсем так, но в общем схема правдоподобна. Ну, а как оно было на самом деле, мы никогда не узнаем, это уж точно.

Внизу медленно поворачивалась Земля, окутанная голубоватым сиянием. В некоторых местах поверхность планеты была почти черной. Блестевшие на солнце океаны бороздили вереницы облаков; сделав виток вокруг планеты, люди увидели восход солнца, великолепное зрелище - особенно, тот момент, когда первый луч наступающего рассвета пронзает кромешный мрак ночной стороны. Родная планета была по-прежнему прекрасна...

Правда, очертания материков изменились до неузнаваемости. Некогда зеленовато-коричневые, они казались на фоне океанов тускло черными. Льда на полюсах не было, а температура на уровне моря в разных местах колебалась от восьми до двухсот градусов по Фаренгейту[1]. Атмосфера представляла собой смесь азота, аммиака, сероводорода, сернистого и углекислого газов и водяного пара. Спектроскопы не обнаружили следов ни хлорофилла, ни каких-либо органических соединений. Сквозь просветы в облаках можно было видеть, что поверхность планеты чуть ли не сплошь покрыта металлом.

Эта была другая Земля, не та. И вообще, непонятно, с какой стати понадобилось отправлять в рискованный полет разведбот с экипажем из трех человек, каждый из которых был бесценен для судьбы горстки оставшихся. Но покинуть Солнечную систему, не отдав последний долг родной планете - такое никому из экипажа "Странника" в голову не пришло. Хью хорошо помнил, как в детстве, - ему тогда едва исполнилось двенадцать лет - родители взяли его на похороны бабушки, которую он очень любил. В гробу он увидел застывшую безжизненную маску... Куда же ушла та, которую он так любил?..

- Ну, ребята, что бы тут ни случилось, это случилось три с лишним миллиарда лет назад. Не берите в голову! У нас полно своих забот... - произнес Куроки, но голос его звучал натянуто.

Фредерика молча смотрела в иллюминатор, не в силах отвести взгляд от мертвой планеты.

- Нет, Сэм, мы никогда не сможем этого забыть. Об этом нельзя забывать. Мы будем молиться и надеяться, что наших внуков минует эта ужасная участь...

---

1 Соответствует разнице от 13 до 93° по Цельсию. *(Примеч. переводчика.)*.

Помолчав немного и словно забыв о присутствии мужчин Фредерика вдруг едва слышно зашептала что-то, и Даркингтон с трудом разобрал слова:

... Малыш, ты знаешь, день прошел, пора бы спать...
она строга и высока, но ты заглянешь ей в глаза
печально-добрые, почти на пол-лица,
и возразишь: нет-нет, пожалуйста,
мне б только доиграть в мой новый мяч,
всего одну минутку, ладно, ма?
Но все же ты идешь - ведь плачет лишь дитя,
а ты уже большой, и время игр прошло.
Она позволит лечь с тобой в постель
Медведю старому с облезлой головой,
хотя и сомневаясь, что тебе
поможет он в полете в сон ночной.
Поправит одеяло, подоткнет с боков,
погладит ласково - и вот - взъерошив волосы,
коснувшись поцелуем лба, она уходит,
словно навсегда - и гаснет свет...
"Спокойной ночи, легких снов - до самого утра".

Куроки уставился на нее.

- Стихи, надо же! - произнес он удивленно. - И кто это написал?

- Хью, - ответила Фредерика. - Ты разве не знал, что он сочиняет стихи? Я ими зачитывалась еще до того, как с ним познакомилась. Вот так-то.

Хью Даркингтон покраснел. Разумеется, он был польщен, но, чтобы скрыть замешательство, пробормотал что-то насчет "юношеских опытов".

Впрочем, Фредерика своей декламацией сумела отвлечь его от грустных мыслей. (Конечно, только внешне, ибо все они обречены в душе своей нести щемящую тоску). Это чувство не оставит их ни на миг, и они об этом знали. Оставалось лишь надеяться, что оно не перейдет к их детям - по наследству. Ибо нельзя же вечно оплакивать Сион[1].

1

Здесь П.Андерсон проводит аналогию с гибелью Иудейского государства и изгнанием евреев из Палестины после разрушения Иерусалимского храма римлянами в 70 г. н.э. *(Примеч. переводчика).*

Катер приближался к планете, и Даркингтон приник к иллюминатору. Он жаждал получить ответы если не на все свои вопросы, то уж, по крайней мере, на самые жгучие.

Ну, например, почему, даже спустя три миллиарда лет, жизнь так и не возродилась? Радиоактивность должна была сойти на нет максимум за несколько столетий, исходные природные взаимосвязи видов неизбежно восстановились бы. Почему же этого не произошло?

От безрадостных раздумий его отвлек бодрый голос Куроки.

- Сдается мне, пора прижаться к ней поближе, - Сэм вдавил несколько клавиш на пульте, и все трое мгновенно почувствовали перегрузку. Шар Земли стремительно рванулся навстречу, наваливаясь на катер, словно пытаясь подмять его под себя.

Двигатели ревели все громче. Судорожно сжав челюсти, так, что под скулами обозначились желваки, Куроки работал на пульте управления; в эти минуты он был похож на пианиста - пальцы его буквально плясали над клавишами. Даркингтон знал, что сейчас Сэм не столько управляет катером, сколько старается не мешать машине. Управлять многотонным аппаратом, который на космической скорости снижается в атмосфере, преодолевая турбулентные потоки и одновременно подыскивая подходящее место для посадки, - нет, для такой работы человеческие мозги явно не годятся. Команды отдавал центральный компьютер катера, обрабатывая массу информации; поступающей со всевозможных датчиков. Задача эта была невероятной сложности, компьютер учитывал астрономическое число непрерывно меняющихся параметров. Куроки сейчас задавал лишь общее направление полета, но в кризисной ситуации компьютер мог проигнорировать его команды.

- Сядем между этих холмов! - прокричал Сэм, стараясь пробиться сквозь грохот двигателей. - К востоку от терминатора! Тогда у нас будет в распоряжении целый день! Обследуем все вокруг. Равнина, кажется, заболочена...

Даркингтон кивнул и взглянул на Фредерику, которая улыбнувшись в знак согласия, подняла кверху большой палец. Подавшись вперед насколько позволяли привязные ремни, Хью коснулся губами ее губ и заметил, как она благодарно прикрыла глаза...

Когда-нибудь, на другой планете... которой еще, быть может, и не существовало, когда они покидали Землю...

Однажды Хью поделился с Фредерикой своими опасениями. Пугало его то, что двигатели могут выйти из строя во время очередного межзвездного прыжка, и тогда они застрянут в открытом космосе, в невероятной дали от планет. И если не хватит энергии для временного двигателя, то не окажется ли так, что по истечении шести миллиардов лет - а именно настолько должно хватить емкости темпоральных аккумуляторов - они не найдут ни одной подходящей планеты, на которой может жить человек.

Но Фредерика, легонько хлопнув его по руке, успокоила:

- Ты просто не очень силен в математике, потому и волнуешься. Все будет нормально, можешь мне поверить...

Хью поверил, правда, заметив, что в свое время неплохо освоил дифференциальное исчисление. Но Фредерика только рассмеялась. Этого мало, очень мало, сказала она. Чтобы понять принцип временного скачка нужно знать хотя бы основы теории гиперпространственного движения...

- Знаю, знаю... - перебил он. - Реактивная тяга создается в четвертом измерении, и поэтому сначала импульс прикладывается ко временной оси, а уж потом к пространственным...

- Не-ет, - протянула со смехом Фредерика. - Ничего-то ты в этом не смыслишь. А случилось вот что: из-за дефекта трубопровода в двигателе появился так называемый эффект Т-ускорения. Сейчас мы перебрали двигатель, нашли, в чем дело, теперь все сработает как нужно, можешь не сомневаться. Энергии у нас - под завязку, экосистема - в норме, мы в любой момент можем отправляться искать планету... И за каждые пятьдесят световых лет пути мы будет стареть всего на несколько месяцев.

Увидев, что вокруг никого нет, она обняла его, и это почему-то вселило в Хью больше уверенности, чем все предыдущие мудреные объяснения.

Мы скажем последнее "прости" старушке Земле, подумал он, лежа в противоперегрузочном кресле и изо всех сил стараясь дышать как можно глубже. Скажем - и улетим. Жизнь, которую она нам подарила, должна продолжаться...

Катер сел, двигатели смолкли, и тишина зазвенела в ушах. Первым зашевелился Куроки. Он отстегнулся, вернул кресло в нормальное положение и включил передатчик.

- Эй, "Странник"! Это Куроки. Пока все о'кей. "Странник", "Странник", как меня поняли? - забормотал он в микрофон.

С трудом поднявшись с кресла, Хью Даркингтон помог встать Фредерике. Организм медленно отходил после перегрузки.

- Вот и Земля, - проговорила Фредерика, проглотив комок и опершись на плечо Хью. - Выгляни в иллюминатор, милый. А то, боюсь, у меня не хватает духу.

Даркингтон почувствовал священный трепет при мысли, что еще никто до них не видел преобразившейся Земли. Нетвердо переступая, он добрался до иллюминатора и, чуть помедлив, поднял защитный экран...

Он так долго и завороженно смотрел вдаль, что Фредерика не выдержала. Она подошла к нему - и застыла, уставившись прямо перед собой неподвижным взглядом.

3

Только надев скафандры и выйдя из катера, они в полной мере смогли оценить, насколько чуждой человеку стала новая, неведомая Земля.

Почти не переговариваясь, люди начали методично осматривать расстилающуюся вокруг равнину. И мало-помалу пред ними восстали картины прошедших тысячелетий.

Бесформенные груды деталей и частей неведомых механизмов поначалу не вызывали никаких осмысленных ассоциаций - никак не удавалось найти в них хоть какую-нибудь закономерность.

Например, дерево всегда и везде дерево, независимо ни от формы листьев, ни от степени изогнутости ствола. Но как прикажете называть растущую из грунта толстенную серую трубу, от которой во все стороны торчат прямые и причудливо изогнутые балки, а те, в свою очередь, увешаны непонятными спиралями, бубликами, лентами Мебиуса и прочими топологическими ухищрениями... Вдобавок, вся конструкция, высотой футов в пятьдесят, увенчана парой сотен черных позвякивающих на ветру пластин, развернутых точно в сторону Солнца.

Спустя некоторое время Даркингтон заметил, что "скелет" конструкции довольно типичен, хотя отдельные экземпляры могут сильно различаться в деталях. Окружавшие долину холмы были утыканы невысокими раскидистыми каркасами, среди которых иногда встречались стройные, вытянутые вверх сооружения. Кроны этих, с позволения сказать, деревьев давали густую тень, а под порывами ветра металл отражателей скрежетал и мелодично позвякивал. Такие "леса" тянулись на многие мили.

Нигде не было и намека на почву - только в нескольких местах Даркингтон разглядел наносы желтого или красновато-бурого песка. И лишь перебравшись через завалы, образовавшиеся при посадке катера, он обнаружил клочок земли, усеянный небольшими призматическими кристаллами. Они были всего в несколько дюймов в высоту и связаны с землей подобием корневой системы. Сломав один, Хью поднес его к глазам. Поверхность "растения" была усыпана кристаллами помельче и представляла собой прозрачную, судя по всему, кварцевую оболочку, испещренную сетью почти незаметных трещинок. Штуковина переливалась всеми цветами радуги и сверкала на солнце так ярко, что разглядеть ее внутренности было практически невозможно. Хью напряг зрение - в глубине угадывался какой-то плотный комок, переплетение... проволочек? радиодеталей? полупроводников? Нет, сказал себе Даркингтон, этого не может быть, просто не может быть... Он отдал "растение" Фредерике, и той оно неожиданно понравилось.

Надеясь отыскать хоть что-нибудь знакомое, Хью двинулся вдоль опушки стального леса, но склон был настолько крут, что ничего, кроме кристаллов на нем не росло. Оглядевшись по сторонам, он заметил вдалеке белоснежно кипящую струю водопада, беспорядочно разбросанные валуны и несколько странных скал, похожих на разрушенные обелиски. На востоке вырисовывались льдистые вершины гор, небо было голубовато-зеленое, затянутое облаками, сквозь которые свирепо полыхало огромное Солнце. Хью помнил небо совсем другим.

К нему подошел Куроки.

- Что скажешь, Хью?

- Не знаю. А ты?

- Я, черт подери, даже думать не могу под этот проклятый перезвон. - Сквозь стекло шлема было видно, как пилот скорчил гримасу. - Выключай свой динамик, давай поговорим по радио.

Даркингтон согласно кивнул. И сразу стало тихо. Звукоизоляция скафандра мгновенно превратила зловещее позвякиванье "леса" в едва слышный шелест.

- Одно могу сказать точно, - проговорил Хью, - это все не случайно. Сами по себе минералы не могут кристаллизоваться таким образом.

- Не похоже, что их кто-то сделал.

- Их изделия совсем не обязательно должны быть похожи на человеческие.

- Их?

- Кто-бы ... или что-бы... это ни сотворил. И не важно - зачем.

Куроки присвистнул.

- Я так и знал, что ты скажешь что-нибудь эдакое. Но ведь с орбиты мы не заметили ничего, понимаешь, ни-че-го - ни городов, ни дорог. Облака, конечно, мешали, но будь здесь цивилизация, мы бы ее не пропустили.

- Ну, вдруг эта цивилизация настолько нам чужда, что мы просто не в состоянии разглядеть ее проявлений?

К ним, оставив свои приборы, подошла Фредерика.

- Низкие и средние частоты забиты сигналами. В жизни не слышала столько треска, визга и гудков.

- Да, с орбиты мы тоже слышали эту ерунду, - кивнул Куроки. - Только тогда у нас не было времени о ней думать.

- По-моему, это просто шумы, - сказала Фредерика. - На радиообмен не похоже. Но все-таки интересно, где у этих шумов источник.

- Генераторы, - предположил Даркингтон. - Хаотичное излучение. Может, тут поблизости целая куча каких-нибудь механизмов. Или не механизмов?..

- Но... - Фредерика дотронулась до его руки. - Нет, Хью, это невозможно. Неужели тот, кто все это создал, - она обвела рукой вокруг, - не заметил нашего появления на орбите? А заметив, ничего не предпринял?

Даркингтон пожал плечами; жест утонул в складках скафандра.

- Может, они выжидают? Или они слишком далеко отсюда? За столько-то лет они могли целую планету превратить в автоматический завод. Вспомни хотя бы автоматы, про которые говорил Сэм, - они работали на шельфе еще в наше время... - Тут голос Хью предательски дрогнул. - Возможно, кто-то сюда периодически наведывается и забирает продукцию.

- И откуда они, по-твоему, наведываются? - резко спросил Сэм.

- Не знаю. Я же уже сказал. Ладно, давай не будем гадать, а займемся сбором информации.

Они замолчали. Где-то вдалеке побрякивали деревья.

- Черт с тобой, - в конце концов согласился Куроки. - Пройдемся. Глядишь, на что-нибудь набредем.

О страхе, который охватывал их все сильнее, каждый предпочитал молчать.

Вернувшись в катер, они связались с кораблем. Хоть и неохотно, капитан Торшоу все же согласился с их планом. Затея

противоречила инструкциям, но, с другой стороны, как иначе обследовать планету? "В вашем распоряжении несколько часов, - сказал капитан, - пока "Странник" будет находиться на орбите. Связь будем поддерживать через бортовой компьютер катера." Пока Куроки уточнял детали, Хью с Фредерикой готовили снаряжение. Идти собирались налегке. Емкость батарей скафандра была достаточной, чтобы поддерживать работу термостата и системы жизнеобеспечения в течение ста часов, они же планировали выйти всего на три-четыре. Забросив за спину ранцы с пищей, водой и запасными батареями на случай непредвиденной задержки, они отобрали необходимые приборы. Даркингтон повесил на пояс кобуру с пистолетом. Вот и все снаряжение.

Куроки, закончив переговоры с кораблем, взял в руки гранатомет; Хью с Фредерикой помогли ему надеть контейнер с боеприпасами, и, в последний раз проверив скафандры, они вышли наружу.

- Куда пойдем? - спросила Фредерика.

- На юг, - внимательно оглядев равнину, заключил Даркингтон. - Будем двигаться вдоль той гряды, видишь? Так мы не заблудимся.

В принципе, они могли не беспокоиться на этот счет - на катере непрерывно работал радиомаяк. Тем не менее, у каждого на запястье был закреплен компас, и каждый старался запомнить главные ориентиры.

Вскоре катер скрылся из виду. Путь их пролегал мимо сюрреалистических каркасов, балок и спиралей; над головами то и дело раздавался скрежет металла, под ногами хрустела кристаллическая растительность. И все чаще Даркингтон замечал в железных зарослях знакомые телескопические мачты, тонкие черные платы солнечных батарей, кабели, соединяющие друг с другом энергетические системы. Иногда им приходилось перебираться через валявшиеся на земле обломки каких-то машин.

Внимательно осмотрев одну из них, Фредерика заключила:

- Похоже, что самый распространенный у них материал - сплав на основе алюминия. Хотя... посмотрите-ка... вот эти тонкие проволочки - это, скорее, медь. А вот здесь - марганцевая сталь с защитным покрытием.

Даркингтон, вооружившись лупой, принялся рассматривать одну из опор.

- Так она же пористая! - воскликнул он. - Неужели для того, чтобы впитывать воду? Вон какие капилляры!

- А я-то думал, что капилляр - это такой мохнатый жучок со множеством ножек, который потом превращается в бабочку, - сказал Куроки. - Ладно, давайте посмотрим, есть ли тут кто живой.

- Нет, Сэм, те, у кого ножки, в бабочек не превращаются, - тихо сказала Фредерика, и вдруг, словно только сейчас осознав, что над Землей никогда больше не будут порхать ничьи разноцветные крылья, в отчаянии прижала руки к стеклу гермошлема, как будто хотела закрыть ладонями лицо.

- Никогда бы не подумал, что машина может достичь такого совершенства, - пробормотал Даркингтон, с головой уйдя в изучение очередного обломка. - Ладно, еще биологические системы...

- Стойте! Замрите! - зазвенел вдруг в наушниках голос Куроки.

Рука Хью метнулась к пистолету. И через мгновение он увидел это...

Неведомое существо притаилось в густой тени объемистого цилиндра, увенчанного пучком уже знакомых зеркально-черных пластин. Оно было примерно три фута в длину, а в высоту всего шесть-восемь дюймов. И когда оно вдруг вышло из-за "дерева", Даркингтон разглядел плоский серый корпус на шести суставчатых ногах. В передней части существа - на "спине" - вращалась решетчатая антенна. Чуть ниже что-то поблескивало - оптические линзы? Два тонких щупальца, держа на весу здоровенный металлический обломок, сноровисто запихивали его в какое-то отверстие, из которого то и дело вылетали искры...

- Святой Моисей! - прошептал Куроки.

Тварь вдруг остановилась, как вкопанная. Антенна развернулась в сторону людей - а затем существо рванулось с места с совершенно невероятной скоростью. Буквально через полсекунды от него не осталось и следа.

Несколько секунд люди не шевелились, пока, наконец, Фредерика с запоздалым заглушенным вскриком не схватила Даркингтона за рукав скафандра. Оцепенение спало, и в ответ на ее невысказанный вопрос он пробормотал что-то о давних экспериментах с роботами... об автономных роботах... о роботах, которые сами умели выбираться на свет божий для подзарядки батарей...

- Эта тварь гораздо сложнее, - перебила его Фредерика.

- Конечно, конечно. Но ведь...

- Я просто уверена, что она услышала крик Сэма по радио, выследила нас своей антенной, а может, и глазами, если у нее есть глаза...

- Ну, если тебе очень хочется ее очеловечить, то можно сказать и так.

- И она ела эту железяку! - Фредерика подняла исковерканный обломок. - Смотри, какие рваные края... Либо она перемалывала металл, либо тут какая-то электрохимия.

- Эй! - вмешался Куроки. - Давайте не будем углубляться в высоконаучные споры. По крайней мере, сейчас.

- Что у вас там стряслось? - спросили со "Странника".

- Ничего, - ответил Куроки. - Ходим, разглядываем. Пока это больше напоминает развалины завода-автомата. Только что, правда, повстречали на редкость быстроногую тварь, не успели даже познакомиться...

- Постой-ка, - сказал Даркингтон. - Ведь это мог быть подсобный робот, робот-уборщик, а?

- Тем, кто все это создал, - проговорила Фредерика, - вряд ли понадобился бы такой примитивный робот-уборщик. Ты лучше отбрось свою профессиональную осторожность, Хью, и признай, наконец, очевидное.

Он уже открыл было рот, чтобы ответить, как вдруг в наушниках раздался дьявольский хруст. Даркингтон остановился и быстро завертел ручку подстройки приемника, но сигнал оказался слишком широкополосным, и ничего, кроме треска, он не услышал. Звук был такой, как будто сошел с ума электронный оркестр. Хью даже взмок от напряжения.

- О'кей, и что же это такое? - осведомился Куроки, когда треск вдруг смолк, так же неожиданно, как и начался.

- Наверное, это их язык, - хрипло прошептала Фредерика. - Такого мы раньше не слышали.

- Возвращайтесь-ка лучше в катер и готовьтесь к старту, - вступил в разговор капитан Торшоу.

Даркингтон наконец-то пришел в себя.

- Нет, сэр... - ответил он и спохватился: - ... то есть, если вы позволите, сэр... Я хочу сказать, что если здесь есть разумные существа... и если мы действительно хотим вступить с ними в контакт, то сейчас - самый подходящий для этого момент. Нужно хотя бы попробовать.

- Ладно...

- Но, конечно, сперва мы доставим Фредди на катер, - добавил Хью.

- Ни за что, - возразила девушка. - Я останусь с вами.

И они двинулись дальше. Выйдя на очередную "лесную" опушку, они заметили в небе какой-то предмет. В бинокль удалось разглядеть его очертания: продолговатые обводы явно металлического корпуса отдаленно напоминали тело морского ската. Существо опиралось в воздухе на крылья, а перемещалось на реактивной тяге.

- Понятно, - прошептала Фредерика. - Птица...

Затем они снова вошли в заросли высоких каркасов. Звукоусилители скафандров были включены на полную мощность, и в первый момент звон пластин на "деревьях" чуть было их не оглушил. "Гремят, словно рыцарские доспехи", - пришла в голову Хью дурацкая мысль. Хотя, если вдуматься, тут есть определенная поэзия - пустые доспехи, бряцающие в седле горячего скакуна, галопом несущегося по таинственным улицам вымершего города... Это символ...

В наушниках снова раздался треск странных сигналов. Сквозь них пробивался голос капитана Торшоу:

- Не нравится мне все это. Слишком много загадок. Возвращайтесь на катер и обсудим, что делать дальше.

Но, словно бы по инерции, они еще немного прошли вперед. "Странно, - подумал Даркингтон, - почему-то мы не чувствуем себя чужими в этом жутком лесу. Надо бы походить еще. Мы должны показать им, что мы живые существа, а не роботы, черт подери..."

- Выполняйте приказ, - послышался голос Торшоу.

- Вас поняли, сэр, - сказал Куроки. - Возвращаемся.

Он выключил передатчик и вдруг замер, услышав громкий топот. Обернувшись, Фредерика завизжала...

- Что происходит? Что у вас там опять?! - закричал Торшоу, но его голос утонул в эфирной трескотне.

Куроки, выдернув из-за спины гранатомет, прижал приклад к плечу.

- Подожди! - крикнул Даркингтон, но тоже схватился за пистолет.

Озаренное сиянием кристаллов, с треском ломая попадавшиеся на пути ветки "деревьев", к ним стремительно приближалось жуткое чудовище. Под весом его дрожала земля.

Даркингтону показалось, что время застыло. Не обращая внимания на крик Фредерики, он судорожно пытался вытащить из

кобуры свой пистолет, пока не увидел, наконец, как Куроки выстрелил в огромную тушу... Не меньше девяти футов ростом, две ноги и четыре руки - ужас! - пронеслось у него в голове. У чудовища была, по-видимому, стандартная здесь решетчатая антенна, под тускло блестевшими на Солнце глазами виднелось что-то похожее на дробилку...

Раздался взрыв, и монстр, содрогнувшись, завалился на бок. Одна из четырех рук была начисто оторвана.

- Ха! - выдохнул Куроки, загоняя в базуку новый заряд. - Эй, ты, стой, где стоишь, тебе говорят!

- Сэм! Может, он не причинил бы нам вреда... - только и смогла выдавить прижавшаяся к Даркингтону Фредерика.

- Может и нет, - огрызнулся Куроки, - но проверять я не собираюсь...

И тут все смешалось...

Огромное металлическое копье, которого они не заметили, выбило из рук Сэма гранатомет. Мгновение спустя гигант навис прямо перед ними. Сильнейший удар по спине, и Куроки рухнул на землю; передатчик его был просто расплющен. Яркая вспышка плазменного огня - и из наушников Хью исчез голос Фредерики. Метнувшись в сторону, он успел сделать несколько выстрелов, но от пистолета толку было мало.

- Беги, Фредди! - крикнул он по акустической связи.

- Попробую...

Дослушать Даркингтон не успел - монстр схватил его. Пистолет упал на землю. Мгновение спустя исчез голос Торшоу - антенна была вырвана с корнем. В два гигантских шага чудовище догнало Фредерику. Не обращая внимания на удары, которыми осыпал его поднявшийся Куроки, оно связало всех троих по рукам и ногам. И, загрузив людей в тесную горячую коробку, двинулось на юг.

4

Первое время Ноль почти бежал. Наверняка чудовище знало, где находятся внешние устройства, и наверняка сообразило, что с ними что-то случилось. И сейчас, когда он нарушил между ними связь, оно может выслать на поиски других, лучше вооруженных. Или, еще хуже, изрыгая пламя, бросится в погоню само. Поэтому Ноль старался как можно быстрее унести ноги.

Но преследовал его только голос чудовища - оно все еще пыталось связаться со своими пропавшими внешними устройствами. Безуспешно. Пробежав несколько миль, Ноль спрятался за большим валуном и выставил наружу датчики. Ничего, кроме чистого неба и зарослей аккумуляторов, он не увидел. Чужак уже перестал вызывать на связь своих разведчиков, а немодулированный сигнал, который он постоянно излучал в эфир, за дальностью терялся в общем фоне.

Захваченные устройства непрерывно испускали акустические колебания. Если это не следствие поломки их механизмов, то, значит, они обладают дополнительной системой связи. Его собственным акустическим датчикам не хватало чувствительности, иначе он давно бы установил - модулировано это излучение или нет. Впрочем, это было неважно. Ноль знал, что низшие виды Движущихся обладают развитыми акустическими излучателями, но мощность их была низка, дальность, следовательно, тоже. Так что это его почти не заинтересовало. Чтобы выжить, Люди должны общаться, а как может существовать общество, члены которого лишены надежных средств связи, позволяющих вести переговоры на больших расстояниях?..

Совсем некстати Ноль вдруг подумал, что за всю жизнь только очень немногих своих собратьев он видел с помощью оптических датчиков. И с еще меньшим числом общался в акустике. Конечно, иногда Люди встречались. Мужчины племени, например, всегда сопровождали невесту к дому жениха. Некоторые приходили друг к другу для того, чтобы обменяться продуктами своего труда. Но все же никогда еще столько мужчин не собирались вместе, как это скоро произойдет у Мертвого Болота - им предстоит битва с самым большим чудовищем, которое они когда-либо видели в жизни. А Сотый, кажется, до сих пор этого не понял.

Люди общались всегда. И обсуждали они не только практические вопросы. В самом деле, подумал Ноль, большая часть разговоров была посвящена дружеской болтовне или беседам об искусстве. С Седьмым, например, Ноль виделся всего несколько раз, но десятилетия обсуждений поэтических опытов друг друга сблизили их необычайно. Да что говорить... Ведь и абстрактные построения Девяносто Шестого, и исторические повести Восьмидесятого, и рассуждения Пятьдесят Шестого о свойствах пространства и времени - все это стало достоянием всего общества.

Прямая сенсорная связь - когда полная выходная мощность организма используется для генерации несущей частоты - еще

сильнее уменьшила потребность в непосредственном контакте. Ноль никогда не бывал на берегу Западного океана, однако обитавший там Четырнадцатый частенько делился с ним своими ощущениями, и тогда Ноль мог любоваться видом накатывающихся на берег волн, слышать их плеск, вдыхать пропитанный запахом моря воздух. От Четырнадцатого он научился смазывать корпус для защиты от коррозии, вместе с ним вытаскивал из сетей пойманных Водоплавающих, ел их и восхищался изысканным вкусом. Все это время они с рыбаками составляли единое целое. А потом, в свою очередь, Ноль приглашал приятеля поохотиться в лесу...

"А чего, собственно, я здесь жду?" - очнулся вдруг Ноль от несвоевременных мыслей. Монстр, вроде бы, в погоню не бросается, мелкие агрегаты в контейнере за спиной попритихли - можно спокойно идти, тем более, что до дома неблизко. Поднявшись, Ноль двинулся вперед. Но шел он гораздо медленнее, чем прежде - он должен был тщательно заметать следы...

Через несколько часов внутренние датчики сообщили, что пора подкрепиться. Примерно в полдень он остановился и выгрузил пленников. Они громко стонали, а одному каким-то образом удалось высвободить руку. Ноль не стал связывать их заново; обмотав каждого вокруг корпуса проволочным арканом, он быстро приварил резаком свободный конец к ближайшему пню. Затем он освободил им конечности.

От недостатка энергии у него разыгрался аппетит. По неровной спирали Ноль наскоро прочесал лесок и наткнулся на заросли гальванических аккумуляторов. В сыром виде их трубчатые, пропитанные солями внутренности отменным вкусом не отличались, но зато они были богаты энергией. Сильный удар копьем - и он принялся за еду. И только утолив первый, самый свирепый голод, принялся искать чего-нибудь повкуснее. Теперь он действовал методичнее. Обнаружив знакомые следы и разрыв песок, он наткнулся на самку Землеройника. Она была неповоротлива, ей явно мешал наполовину сотворенный детеныш, и Ноль довольно легко ее настиг. Конечно, ее тоже неплохо бы обработать кислотой и подогреть в электродуге, но он был все еще голоден, и дробилка прекрасно справилась с нею сырой.

Теперь надо было найти что-нибудь для Единицы. Сейчас в период сотворения, она могла, конечно, уменьшить подвижность и этим сократить расход энергии, но неизвестно, сколько времени пройдет, пока воины не прогонят чудовище. Если же он за-

стрянет в этих краях надолго, жизнь взаперти в тесной пещере может повредить Единице.

Поохотившись еще час, Ноль выследил Ротора. Ломая кристаллы, тот с треском продирался сквозь заросли. Ноль вряд ли догнал бы его, когда тот бросился наутек, но метко брошенное копье решило исход дела. Расчлененный и уложенный в контейнер Ротор приятно оттягивал плечо.

Ноль вернулся к своим трофеям. Стараясь, чтобы перезвон леса заглушал шаги, он подкрался к ним незамеченным - ему очень хотелось за ними понаблюдать. Судя по всему, они уже оставили попытки освободиться - Ноль заметил, как поблескивает проволока в тех местах, где они пытались перетереть ее о скалы. Сейчас они занимались чем-то другим - один, сняв со спины какой-то похожий на контейнер предмет, сунул внутрь верхние конечности и то, что было, скорее всего, головой; другой как раз отстегивал такую же коробку с нижней части корпуса, а третий просто сидел, воткнув себе в лицо гибкую трубку из какого-то сосуда.

Ноль подошел ближе. "Дайте-ка я погляжу, что это у вас такое", - подумал он про себя, словно они могли его понять. Схватив того, который держал сосуд, он выдернул у него трубку. Пролилась какая-то жидкость, и Ноль осторожно выставил химический анализатор. Вода... Причем, очень чистая. Пожалуй, ему еще ни разу не приходилось пробовать такую чистую воду, совсем несоленую на вкус.

Задумавшись, он выпустил пленника из рук, и тот сразу же вцепился в свой сосуд. Значит, решил Ноль, они так же, как и мы, нуждаются в воде. И даже носят с собой запас. Это-то понятно - ни они сами, ни их хозяин-монстр не могут знать, где тут протекают реки и ручьи. Но почему они сосут воду через трубку? Неужели у них нет нормального всасывающего устройства? Да, похоже, что так. Ведь маленькая дырка в голове, куда была вставлена трубка, сразу захлопнулась, когда он эту трубку выдернул.

Двое других уже уложили свои коробки. В обеих находились кусочки мягкого пористого вещества, немного напоминающего отходы организма Человека. Интересно - что это? Пища или отходы? И зачем нужна такая сложная система? Похоже, они стремятся полностью изолировать свои внутренности от окружающей среды. Неужели у них настолько нежные механизмы?

Ноль повнимательнее присмотрелся к своим трофеям. И вовсе они не такие страшные, как ему показалось вначале. Горбы на

спине явно для того же, что и его собственный походный контейнер. Мелкие предметы на корпусе и руках - какие-то вспомогательные устройства. Наверняка это не оружие и не средства спасения, иначе они ими уже давно воспользовались бы.

Головы у них явно имели более сложное устройство, чем корпуса, но, все равно, до Людей им было далеко - двуногая конструкция выглядела невероятно убого. А лицо у двуногих было простым куском пластика, за которым, правда, шевелилось какое-то подобие шарнирного механизма с ограниченным числом степеней свободы. Да, ничем другим это быть не могло...

Связаться с ними по радио было уже невозможно. Ноль попытался было объяснить жестами, но они в испуге отшатнулись. Вернее, отшатнулись двое, а третий начал размахивать руками и издавать нечленораздельные звуки. Потом он вдруг наклонился и начертил на песке несколько геометрических фигур - вроде тех, которые самцы Песчанники оставляют после себя во время брачного периода.

Так. Значит, они автономны не только механически, как, например, шпионы-подглядыватели, которые всегда крутятся вокруг Колесников, но и способны на самостоятельные, независимые от большого чудовища поступки. Похоже, что это - Одомашненные Движущиеся.

Но если так, то до чего же они немощны по сравнению с теми Движущимися, которых приручают Люди равнины! Да уж, раса летающих чудовищ в этом деле явно не преуспела. У них нет ни дробилки, ни всасывающих устройств; раз они пользуются акустической связью, значит, и радиосвязь их оставляет желать лучшего - как же можно нормально функционировать в таких условиях? Тем более, что для поддержания двуногих в активном состоянии нужна постоянная забота и внимание хозяев.

Так кто же все-таки их хозяева? То чудовище вполне может оказаться неизвестным Движущимся, у которого на исходе запчасти. А может, их хозяева - Люди, как и мы, и они пришли из-за гор или даже пересекли океан? Быть может, они сильнее нас... Но чего они хотят, что им здесь нужно? Почему они не пытаются вступить с нами в контакт? Неужели они хотят завоевать нас? Отобрать нашу землю?

Эти вопросы не давали ему покоя, и Ноль решил двигаться дальше. Походный контейнер уже был забит до отказа, места для двуногих не осталось. К тому же, долгие часы, проведенные в

нем, явно не пошли им на пользу. Сейчас, побыв недолго в относительной свободе - на привязи, они шевелились гораздо веселее, чем несколько часов назад, когда он извлек их на свет. Поэтому, оставив их в одной связке, Ноль зажал в руке конец проволоки и просто повел двуногих за собой. Он шел медленно, по-прежнему заметая следы, так что они без труда за ним поспевали. Правда, время от времени они начинали спотыкаться и опираться друг на друга - видимо их батареи поляризовались быстрее, чем у него, - но когда он давал им отдохнуть, они, полежав, быстро приходили в себя.

День прошел в пути. В это время года - весеннее равноденствие минуло совсем недавно - солнце сияло почти двадцать часов в сутки. Но с наступлением темноты пленники начали спотыкаться и падать, и Ноль сообразил, что у них нет радара, а даже если и был, то теперь не работал, так же, как и радиосвязь. Поразмыслив немного, Ноль смастерил из обломка дерева волокушу, усадил на нее пленников и пошел дальше, таща их за собой. Они даже не пытались удрать - лишь издали несколько странных звуков, после чего затихли, похоже, их батареи окончательно разрядились. Но добравшись до пещеры и втащив волокушу внутрь, Ноль к удивлению своему обнаружил, что пленники мгновенно очнулись, зашевелились и снова начали издавать акустические сигналы. На всякий случай он приварил конец связывающей их проволоки к массивной глыбе железа, которую держал на черный день.

За время пути он уже несколько раз успел убедиться, что двуногие пленники устроены в высшей степени странно. Настолько странно, что они вполне могут оказаться несъедобными. Пока же очевидно было одно: когда их батареи разряжаются, они впадают в кому. Люди прибегают к этому лишь в самых крайних случаях. Правда, пришельцы пробуждаются от комы легко, значит, периодическое самовыключение для них - норма.

Ноль не стал строить догадки дальше. Пока он приваривал проволоку, Единица встревоженно суетилась вокруг.

- Что случилось? Ты ранен!? Подойди ближе, дай мне посмотреть... О, бедная рука! О, мой дорогой!..

- Ничего страшного, - небрежно сказал Ноль. - Чем обхаживать меня, лучше приготовь себе поесть. Я поймал Ротора.

С этими словами он опустился на пол рядом с ее огромным и таким прекрасным телом. От вмонтированных в стене пещеры

светящихся шаров струилось мягкое сияние, делая Единицу еще привлекательнее, оттеняя нежные ворсинки, которыми она тянулась к нему, чтобы приласкаться... А химический анализатор ясно свидетельствовал о присутствии в воздухе запахов смазки и растворителей - милых признаков женственности.

Снаружи пещеры царила непроглядная ночная тьма, и только звезда, одинокая, и поэтому казавшаяся особенно яркой, мерцала над холмами в проеме входа. Там, снаружи, лязгал и звенел лес, а здесь тепло, уютно, горел свет, и верная подруга окружала его нежной лаской... Он был дома.

Единица сняла с его спины походный контейнер, но на еду даже не посмотрела. Ее внимание было приковано к поврежденной руке.

- Придется заменить все, что ниже плеча, - сказала она. И добавила: - Ноль, любимый мой, храбрый дурачок! Как ты умудрился так пострадать? Неужели ты не понимаешь, что без тебя мир мой покроется ржавчиной...

- Прости, я принес так мало для того, кто должен появиться...

- Все хорошо, милый, ты принес очень крупного Ротора. Еще пара таких - и я завершу малыша, - в ее голосе зазвучала нежность. - Знаешь, я хочу, чтобы он поскорее... ну, ты понимаешь... Тогда мы сразу начнем делать следующего...

Ноль вспомнил, как год назад он окутал ее корпус своим электромагнитным полем, и два организма заработали в унисон... Именно тогда глубоко внутри Единицы началась кристаллизация.

Да, по сравнению с тем наслаждением даже сенсорная связь ничего не стоит.

Единица отделила остатки его изуродованной руки, и Ноль загрузил их в восстанавливающий отсек жены. Туда же он осторожно вложил и культю. И сразу же за дело принялись тысячи внутренних манипуляторов - они обследовали, соединяли, проверяли... И так же, как во время зачатия, их электрические поля слились в едином ритме. Контролировать процесс Ноль не мог, не умел; это было уделом женщины. Сам он в этот момент ничем не отличался от примитивного Движущегося, который соединяется со своей подругой в глубокой и темной норе...

Ремонт требовал времени. Хорошо еще, что будущий Человек, которого сейчас создавала Единица, был уже почти завершен. Осталось только сформировать самые важные и тонкие синаптические цепи, но и они уже наполовину выкристаллизовались из раствора. Иначе Ноль вынужден был ждать, обходясь

тремя руками, потому что отвлекать Единицу от сотворения малыша было нельзя.

Наконец, Ноль медленно и не очень уверенно извлек из чрева жены обновленную руку.

- Ну что? Как двигаются пальцы? - заботливо спросила она, и в голосе ее Ноль услышал веселые нотки. - Все в порядке? - И, не дожидаясь ответа, Единица объявила: - Тогда давай ужинать! Я совсем проголодалась.

Он помог ей приготовить Ротора. Остатки изуродованной руки они тоже бросили в печь. За едой он рассказал Единице о своем путешествии, но, похоже, загадочные двуногие пленики ее не заинтересовали. Как и большинство женщин, она не проявляла особого любопытства к тому, что происходило за пределами ее жилища. Новости о появлении в округе нового вида Движущихся она поначалу просто не придала значения, но затем, когда радость по поводу возвращения мужа постепенно стерлась, Единица вдруг забеспокоилась.

- О, нет! - воскликнула она. - Неужели ты всерьез собираешься воевать с этим огнедышащим чудовищем?

- Это мой долг, - ответил он спокойно, зная, что ее охватывает ужас при мысли, что он может погибнуть - пострадать так, что уже невозможно будет восстановить... И он добавил поспешно: - Если оставить его в покое, неизвестно, что он еще выкинет. Сама понимаешь, что такая громадина очень опасна. Даже если он Травоядный, он сожрет все аккумуляторы на много миль вокруг. А если он хищник? С другой стороны, дорогая, если мы его убьем, то только представь себе, какая получится гора еды! На нашу долю достанется столько, что мы сможем сделать хоть дюжину малышей. А энергии хватит, чтоб отправиться на охоту хоть за сотню миль...

- Да, если эта штука съедобная, - с сомнением проговорила Единица. - А если у нее внутри плавиковая кислота? Как у цветов Нетронь-меня?

- Конечно, все может быть. Но хуже всего, если монстр окажется собственностью каких-нибудь неведомых нам Людей... Хотя это вовсе не значит, что мы с ним не справимся... - Ноль задумался. - Кстати, насчет съедобности, это мы сейчас выясним. Если внешние двуногие устройства этого монстра съедобны, значит и он съедобен сам. Логично?

- А если нет?.. Ноль, будь осторожен!

- Постараюсь. Ради тебя, - он прикоснулся к ней и почувствовал ответную вибрацию. Как было бы хорошо провести так всю

ночь... Нет, невозможно. Совсем уже скоро он должен двигаться к месту встречи и битвы с чудовищем. Но для пользы дела нужно разобрать хотя бы один из захваченных агрегатов.

Ноль поднялся и взялся за копье.

5

От сильного толчка Даркингтон свалился на каменный пол пещеры. Удар стряхнул остатки наполненного кошмарами полузабытья. Фредерика помогла ему подняться, и некоторое время они тихо переговаривались.

Гигант, захвативший их в плен, приварил свободный конец проволоки к огромной глыбе железняка. Даркингтон оказался прикованным в самом темном углу, за ним на проволоке была "нанизана" Фредерика, а еще дальше, с внешней стороны глыбы, сидел на привязи Куроки. Друг от друга их отделяло не меньше четырех футов проволоки, а в походном наборе инструментов не осталось ничего, чем можно было бы ее разорвать.

- Пещера, кажись, известняковая... - простонал Куроки. Сквозь стекло шлема было видно, как заострились черты его лица, а под глазами появились черные круги. Фредерика выглядела не лучше. Если бы робот не догадался устроить им волокушу, вряд ли они дотянули бы до конца пути. Но, несмотря на все тяготы изнурительного путешествия, мозг Даркингтона работал четко. Хью даже сам удивлялся, что способен мыслить так ясно, как будто находился в полной безопасности на борту "Странника". Тело, конечно, болело, но он заставил себя не обращать внимания ни на боль, ни на усталость, сосредоточившись на том, что окружало его в данный момент.

Здесь, у самого входа, пещера была примерно двадцать футов в высоту, а в ширину и того больше. Протянувшись в длину футов на сто, грот постепенно сужался. Место, где робот их приковал, по-видимому представляло собой то ли кладовку, то ли свалку; повсюду в беспорядке валялись обломки каких-то устройств, деталей, каменные и железные инструменты. Выглядело это почти по-человечески. Стены опутывала паутина тонких проводов, в которой мерцали маленькие кристаллические шарики, излучавшие белый, мертвенный свет.

- Пещера находится в склоне пологого холма, - сказала Фредерика. - Мне удалось разглядеть. Я даже попробовала запомнить дорогу. Хотя какой от этого толк, верно? - Она обхватила

руками колени. - Нужно поспать. Если я сейчас не засну, то я просто умру.

- Все-таки надо постараться, чтобы он нас понял, - послышался голос Куроки, и по его тону было ясно, что бодрится он из последних сил. Хорошо еще, что безвестный и давно обратившийся в прах конструктор скафандров догадался разместить кнопку от микрофона и наушников так, что до нее можно было достать подбородком. Иначе, лишенные возможности общаться друг с другом, они просто сошли бы с ума. - Я же показывал этому оловянному страшилищу, что мы - разумные существа, я рисовал ему всякие картинки и диаграммы... Черта с два! - Куроки выругался. - Ладно, вот встретим его хозяев, попробуем еще разок. Хотя сдается мне, они не слишком часто инспектируют этого своего кретина.

- Сэм, посмотри правде в глаза, - бесстрастно сказала Фредерика. - Нет у него никаких хозяев. Нет, и не было никогда.

- Не может быть! - Пилот бросил испуганный взгляд на Даркингтона. - Хью, ты же биолог! Неужели ты этому веришь?

Даркингтон покусал губы.

- Боюсь, Фредди права, Сэм.

И тут в их наушниках раздался громкий смех Фредерики. Хью даже испугался, что у нее истерика.

- А знаете, что это за машина посреди пещеры? Вон та здоровенная туша, вокруг которой этот придурок все время вертится? Я вам сейчас скажу... Это его жена!

Она замолчала, но ее смех еще долго отдавался эхом в наушниках мужчин.

Даркингтон взглянул на роботов. Второй был мало похож на первого - маленький рост, корпус раза в два шире, целых восемь коротеньких ног - о быстроте и ловкости тут говорить было нечего. Радиоантенна, оптические детекторы и руки, правда, не четыре, а две, были такие же, как и у их двуногого похитителя. Но больше всего бросалось в глаза неимоверное количество всевозможных трубок и шлангов, которые тянулись ко столь же многочисленным навесным блокам второго. Большая часть его корпуса была покрыта отполированными до блеска пластинами голубоватого металла.

И действительно... эти двое двигались так, словно...

- Похоже, ты и тут права, - сказал, наконец, Даркингтон.

Куроки с силой ударил кулаком по земле и выругался.

- Извини, Фредди, - сразу же сказал он. - Сорвалось с языка. Но объясни, Бога ради, на что ты намекаешь? Может, тут нет ничего страшного...

- Мы можем только строить догадки, Сэм, - проговорил Даркингтон.

- Ну так стройте! Я слушаю!

- Речь может идти об эволюции роботов... Человечество исчезло с лица Земли, но после него остались роботы, и они постепенно...

- Бред, - сказал Куроки. - Это невозможно. Вы, ребята, просто спятили.

- То, что мы сегодня видели, никаким другим способом возникнуть не могло. Спонтанное зарождение жизни на основе металла невозможно. Только углерод может образовывать длинные молекулярные цепочки для хранения биологической информации. Но ведь возможно другое - электронное хранение... Вспомни, еще до нашего старта на Земле было полно всяких самовоспроизводящихся... Чего там только не было...

- Наверное, главную роль тут сыграли те самые морские роботы, которые добывали на шельфе сырье, - Фредерика говорила словно бы в полусне, глаза ее, не мигая, смотрели в сторону роботов. - Помните? Это же были полностью автоматизированные плавучие заводы, они и добывали, они и перерабатывали, обогащали - уран или марганец, в зависимости от специализации. Энергия шла от солнечных батарей. Загрузившись до отказа, они двигались в порт, под разгрузку, потом опять в море. Они были на редкость совершенны - инерционная система навигации, сотни тысяч датчиков, многократное дублирование всех важных узлов; чтобы комплекс всегда находился в оптимальном режиме, имелась даже система подстройки к изменениям микроклимата. В памяти центрального компьютера имелась информация о любой возможной неисправности; комплекс мог сам изготовить нужную деталь и сам мог ее заменить. На создание первого такого чуда ушло страшное количество денег, я уж не говорю о затратах на разработку и исследования. Но изготовленный однажды, такой комплекс не требовал ни цента дополнительных вложений. Он мог работать практически вечно, принося колоссальную прибыль... А потом человечество исчезло... А роботы-заводы остались. И они век за веком доставляли свой груз на опустевшие берега, в разрушающиеся порты. Так продолжалось долго, может быть, тысячи лет... - Фредерика содрогнулась всем телом, но быстро справилась с собой. Голос ее стал жестким,

металла в нем было даже с избытком: - Теперь ты, Хью. Продолжай если можешь.

- Ну, в деталях я могу ошибиться, - осторожно начал Даркингтон. - Откуда мне знать, как происходит эволюция роботов. Но один отправной пункт у нас есть - память на магнитных носителях. Жесткое излучение могло повлиять на них так же, как оно влияет на органические гены, а в том, что радиации здесь было больше, чем достаточно, я не сомневаюсь. Короче, в один прекрасный день самовоспроизводящиеся роботы начали штамповать дефектные копии самих себя. Если мы говорим о морских, то наверное, эти уроды довольно быстро тонули. Естественно, некоторые копии были удачными, и, наконец, нашелся такой робот, который обнаружил, что есть в мире более богатый источник металла, нежели океан - это суша, на которой кишит прорва металлических роботов. Таким образом суша была завоевана вновь, сформировалась определенная экологическая система, - а мы... Мы здесь просто невольные свидетели, абсолютно чуждые этому миру.

- Но откуда берется столько энергии? - спросил Куроки.

- От Солнца, очевидно. Солнечные батареи у них совершенны, я думаю, за столько лет могли отточить... А может быть, и электрет. Между прочим, здесь играет роль не только энергия, но и взаимозаменяемость деталей, то есть, фактически - органов.

- Что?

- Да-да. Посмотри, что валяется вокруг. Половина здесь - "объедки", остальное - запчасти. Представляешь, ты убил на охоте какую-то дичь, а потом взял и пересадил себе ее печень, например, потому что твоя собственная начала побаливать... Я просто уверен, что сейчас на планете такое - вовсе не редкость, а правило. Принцип "черного ящика" в наши дни был отлично известен. И я не вижу причин, по которым они не могли его унаследовать.

- А где они берут металл?

- От агрегатов с более низким уровнем развития. Цепочка начинается от неподвижных роботов, которые извлекают из среды металлы и запасают энергии больше, чем им нужно. То же самое касается и "растительности". Обмен веществ тут тоже должен быть своеобразным. Без серной и азотной кислот явно не обошлось, хотя для них нужна специальная изоляция, это во-первых, а во-вторых, я думаю, это не самые мощные реагенты из всех, что здесь участвуют. Сомневаюсь, что мы найдем что-либо, напоминающее наши вирусы, экосистема планеты, кажется, превосходно обходится без них. Напрашивается вывод, что форма су-

ществования разума на Земле, наблюдаемая нами сейчас, ничем не хуже той, к которой принадлежим мы сами. С той лишь разницей, что... Впрочем, так мы далеко зайдем.

- У них даже любовь есть, - усмехнулась Фредерика.

Даркингтон крепко сжал перчатку ее скафандра.

- Да, - сказал он, - вполне вероятно, что у наиболее сложных роботов воспроизводство стало прерогативой одной из форм, в то время как другие отличаются большей силой и ловкостью. Отсюда вытекает, что у них должны быть и психологические различия.

- Психологические?! Куроки даже подскочил. - Погоди-ка! Я же помню все эти разговоры, что компьютер - всего-навсего электронная рухлядь... Причем здесь психология?

- Называй это как хочешь, - Даркингтон пожал плечами. - Но этот робот пользуется орудиями, которые он сделал сам. Перед нами же стоит вопрос - как убедить его, что мы - тоже мыслящие существа.

- Он, что, слепой! - воскликнула Фредерика. - Мы ведь тоже пользуемся орудиями, а Сэм даже рисовал ему графики. Чего ему нужно еще?

- Я об этом мире знаю столько же, сколько и вы. Что толку гадать... - устало сказал Даркингтон. - Но... ну, например, помните, в цирке дрессированные шимпанзе откалывали всякие номера, но при этом они ведь не понимали, что они всего лишь шимпанзе...

- А может, ему просто наплевать? - предположил Куроки. - Ведь были же такие люди, которым на все наплевать.

- Если Хью прав относительно "черного ящика", - медленно, словно додумывая на ходу, сказала Фредерика, - то эти роботы с самого начала развивались как охотники. То есть, агрессивность свою они получили не в ходе эволюции, она была заложена в них изначально. Все равно, как если бы люди произошли от тигра, а не от обезьяны. Представляешь, насколько бы тогда наша психология отличалась от теперешней?

Ответа не последовало.

Порывистым движением Фредерика прижалась к Даркингтону, и Куроки отвернулся - не столько из такта, сколько от сознания собственного одиночества. Его подруга была сейчас далеко, за несколько тысяч миль, а он не мог даже проститься с ней перед смертью.

Отправляя экспедицию, капитан Торшоу предупредил настойчивых добровольцев, чтобы они не рассчитывали на то, что в случае чего их обязательно вызволят. Никаких спасателей не

будет, сказал он им. И сейчас капитан испытывал острое чувство вины за то, что позволил этим троим рисковать собой. Ведь они, эти трое, составляли три процента человечества. Конечно, "Странник" обязательно повисит еще на орбите, в надежде, что произойдет чудо, и катер вернется. Но рано или поздно корабль должен будет взять курс на звезды. И тогда подруге Сэма придется искать другого отца своему будущему сыну, которого она, быть может, назовет Сэмом...

"Как бы я хотел, чтобы Фредди была сейчас на корабле, с девушкой Сэма... Или не хотел бы? Или я должен этого хотеть? Ладно, к черту! Нужно думать, как выбраться отсюда".

Мысли вращались в голове Даркингтона словно автомобильные колеса на скользкой дороге. Что делать? Что делать? Что делать? Его пистолет пропал, гранаты Сэма тоже, у них осталось только несколько приборов и инструментов. Хотя наверняка на этой свалке у входа в пещеру найдется какое-нибудь оружие, которым человек может сразиться с чудовищем. Бой будет мгновенным, против стали и пламени долго не выстоишь, но такая смерть все же лучше, чем трястись от ужаса в ожидании, когда этот урод выкинет очередной фортель или когда окончательно выйдут из строя регенерационные воздушные фильтры. Но это - теоретически, а на практике - проволочная петля крепко держала его за пояс, не позволяя сделать лишнего шага от многотонной железной глыбы. Нужно войти с ним в контакт. Любым способом. Умолять, угрожать, обещать, льстить... Правда, теорема Пифагора впечатления не произвела. Что дальше? Как сообщить "Я живой!" тому, кто сам мертв, как камень?

Хотя, с другой стороны, что значит "живой"? Должен ли любой "живой" организм строиться на основе белка? Если древние морские роботы-платформы были всего лишь сверхсложными машинами, то на каком этапе развития их "потомки" стали... существами одушевленными?

Ладно, хватит об этом. Ты же биолог, ты же отлично знаешь, что вопрос этот не имеет смысла, и то, что твой собственный организм построен на белке, вовсе не является доказательством универсальности твоей биохимии; считать иначе было бы неразумно и нелогично.

- Наверное, между собой они общаются по радио, - послышался в наушниках тихий голос Куроки. - А о том, что звук может нести информацию, и понятия не имеют. Вдруг они вообще тут все глухие? От ушей в этих дребезжащих джунглях проку мало. Черт его дернул переломать наши передатчики! - Куроки подви-

нул к себе валявшийся на полу ранец Фредерики. - Знаешь, Фредди, я попробую собрать один передатчик из остатков наших трех. Если хватит деталей, конечно. Устроим на его несущей частоте небольшой концерт, может, тогда он соизволит обратить на нас внимание.

Он принялся за работу. Страдая от того, что не может помочь, и от того, что ничего путного не идет в голову, Даркингтон мрачно уставился на роботов. Полностью игнорируя людей, машины стояли рядом, плотно прижавшись друг к другу.

Фредерика чуть слышно застонала. До чего же медленно тянется ночь! Земля состарилась... вращаться ей тяжело, она устала... как и он сам. Незаметно Даркингтон заснул.

Проснулся он внезапно.

Монстр возвышался над ним, огромный, страшный, ростом до самого неба. Широко расставив ноги, робот нависал над распростертыми телами людей, с озадаченным видом разглядывая работу Куроки. В одной руке он держал плазменный резак; поврежденная рука была полностью восстановлена. Робот был грозен, великолепен в своем величии и напоминал некое языческое божество.

Резак полыхнул плазмой, проволока испарилась, и Куроки - один из всех - обрел свободу.

Но ненадолго.

- Сэм! - закричала Фредерика.

- Эй-эй, ты... потише... не жми так... Зажатый в кулаке робота, пилот корчился от боли. - Я рад, приятель, я рад, что так тебе понравился... Потише, ты, тебе говорят, скотина...

Свободной рукой робот вдруг сломал левую ногу Куроки и попытался ее оторвать. Сэм дико вскрикнул, но скафандр выдержал. Но обоим - и Фредерике, и Даркингтону - показалось, что они слышали отвратительный хруст костей.

- Прекрати! Чертова машина! - Хью бросился вперед, но проволка сразу напомнила ему о себе. Закрыв ладонями стекло гермошлема, Фредерика пожелала Куроки быстрой смерти.

Но он был еще жив и даже не потерял сознания. Крича, он продолжал отбиваться и затих только после того, как робот распорол скафандр кончиком своего копья. Металлическая ткань лопнула, но изолирующая жидкость, вскипев между слоями материи, предотвратила утечку воздуха.

И тут Даркингтон увидел, как робот, отбросив уже безжизненное тело Куроки, бешено замахал руками и отскочил назад. Кислород, запоздало сообразил Даркингтон, борясь с черно-

красной мглой, застилавшей глаза. Наверное, просочилось совсем немного, но кислород здесь сейчас так же активен, как фтор. Ведь в свободном состоянии кислорода на Земле нет уже очень давно.

Осторожно подобравшись к останкам пилота, робот оторвал кусочек плоти, внимательно обследовал и, наконец, отбросил в сторону. Металл скафандра понравился ему гораздо больше. Но здесь Хью не выдержал и потерял сознание.

Спустя несколько минут Даркингтон пришел в себя. Фредерика рыдала, склонившись над изуродованным трупом Куроки. Сам Хью находился чуть дальше и при желании мог бы дотронуться до робота. Правда, желания такого он не испытывал. Вместо этого он отполз в сторону.

Явно усвоив кислородный урок, робот держался от трупа на почтительном расстоянии, но опыты прекращать не собирался. Он вытянул вперед руку с резаком, и тело Куроки развалилось надвое под ослепительно голубым факелом плазмы. Хью закричал, его вырвало. В скафандре... Это было просто ужасно.

На миг пламя резака коснулось проволоки, связывавшей его с Фредерикой, и проволока растаяла, как дым. Робот развернулся в его сторону, но, попав в струю кислорода из скафандра Куроки, отшатнулся назад. Даркингтон схватился за тот кусок проволоки, который связывал его со скалой. Ошибиться было нельзя. Если он заденет сноп плазменного огня, ему конец. Но другого шанса может и не выпасть... Зажмурив глаза от слепящего пламени, он наудачу ткнул проволоку в сторону резака.

Точно! Он свободен!

- Беги, Фредди! - прохрипел Даркингтон и бросился прямо навстречу роботу. Нет никакого смысла удирать от машины, которая может настигнуть тебя в три прыжка, единственный выход - обмануть ее.

Резак перестал изрыгать пламя, но гигант двигался неуверенно, видимо, кислород не пошел ему на пользу. Интересно, чувствует ли он боль? Даркингтон всей душой надеялся, что да.

- Фредди! Беги отсюда!

Даркингтон кинулся ко второй машине, прятавшейся в глубине пещеры. К той, которую они несколько часов назад назвали "женщиной". Робот бросился наперерез, но Хью успел. Подхватив валявшееся на полу пещеры копье и чудом увернувшись от удара мощной металлической лапы, он вскочил на широкую неповоротливую тушу робота-самки, которая неуклюже пыталась заползти в дальний угол пещеры. Откуда-то снизу показалась

рука, самка явно пыталась сбросить его, но Даркингтон, истошно заорав, изо всех сил ударил по руке копьем. По пещере разнесся звон металла, рука исчезла.

Заметив, что робот-самец подобрался почти вплотную, Даркингтон с силой обрушил свое оружие на решетчатую антенну самки прямо возле своих ног. Решетка вмялась. Взмахнув копьем, Хью завопил:

- Стой! Ни с места! Еще один шаг, и я ее прикончу! Я ее убью!

Робот замер и медленно, очень осторожно, стал поднимать руку с зажатым плазменным резаком.

- Ну, нет! - выдохнул Даркингтон. Не теряя ни секунды, он рухнул на колени и, приоткрыв кислородный клапан, повернул вентиль так, чтобы, выходя из его скафандра, газ попадал на усыпанную датчиками переднюю панель самки. Наверняка эти датчики чувствительнее, чем стальная броня корпуса. Хью не знал, кричит ли машина от боли, как несколько минут назад кричал от боли Сэм Куроки, но когда он жестом приказал самцу отойти назад, тот повиновался.

- Допер, наконец, - с отвращением проговорил Даркингтон. - Можешь, конечно, продырявить огнеметом мой скафандр... Только при этом воздух попадет вот сюда, видишь? Еще ты можешь кинуть в меня чем-нибудь и сбросить меня отсюда, но если ты только шевельнешься, я снова открою клапан. Твоя подружка получит хорошую дозу кислорода, приятель. Может, ей это - что слону дробина, но я, если конечно, успею, еще воткну эту палку ей в объектив. Ты понял? Так что лучше не шевелись, машина...

Робот окаменел. За его спиной Даркингтон увидел Фредерику. На стекле ее шлема мерцали блики, и Хью не мог рассмотреть ее лица, даже голос он узнал с трудом, настолько он изменился.

- О, Хью! Хью!..

- Фредди! Возвращайся на катер, - приказал он. Медленно к нему возвращалась способность рационально мыслить.

- Без тебя? Ни за что!

- Послушай, тут не место и не время строить из себя героиню. Твоя первейшая обязанность - стать матерью. Но, честно говоря, я надеюсь, что ты сумеешь вытащить меня отсюда. Конечно, ты не пилот, но они тебя научат, по радио, если "Странник" над горизонтом... В крайнем случае, поможет компьютер. Ты подлетишь поближе, сядешь, а я тем временем придумаю, как выбраться наружу. Давай, девочка.

- Но робот тащил нас сюда почти двадцать часов! И он знал дорогу, мне придется идти по памяти... Если даже не останавливаться... ты столько не продержишься.

- Попробую, - сказал он. - У тебя есть другие предложения? Иди, не теряй времени.

- Хорошо. До свидания, Хью... Я не говорю "прощай" Я тебя люблю.

Он что-то пробормотал в ответ, но даже не взглянул в ее сторону. Надо было следить за роботом.

6

- Ноль! - вскрикнула Единица, когда пришелец запрыгнул ей на спину. Она попыталась его скинуть, но удар копья парализовал руку.

Ноль почувствовал, как датчики Единицы ожгло болью. Ему показалось, что копье пронзило его самого. Он бросился вперед, но двуногий урод тут же снова с силой опустил копье - и Единица взвыла от боли. Удар повредил облучатель антенны, и ее голос - то есть, сигнал передатчика - изменился до неузнаваемости. Ноль замер на месте.

Единица звала на помощь, и это во много раз усиливало его собственную боль, которая все еще не прошла после контакта с окисляющим газом. Ноль до предела сфокусировал пламя резака - теперь оно било из сопла тончайшей смертоносной иглой - и тщательно прицелился.

Пришелец моментально упал на колени и свободной рукой поковырялся в своем корпусе. Единица вскрикнула опять, на этот раз громче, ее усики поникли. Еще не вполне понимая, что делает, Ноль инстинктивно опустил оружие. Двуногий уродец выпрямился и занес копье над оптическим блоком Единицы. Ноль понимал - один сильный и точный удар, и острый наконечник войдет прямо в мозг... Пришелец жестом скомандовал ему отойти. Пришлось подчиниться.

- Помоги мне... - Единица могла только стонать. Смотреть на ее обезображенное лицо было невозможно, искаженный жалобный стон терзал нервы. - Помоги, Ноль... Мне страшно...

- Держись, - сказал он, чувствуя отвратительное бессилие. - Пока я ничем не могу тебе помочь. Эта штука наполнена ядом. Поэтому тебе больно. - Он мельком осмотрел собственные раны. Ничего серьезного. - Послушай, дорогая, боль скоро пройдет, ты

получила маленькую дозу... Но если ты получишь большую, тогда я даже и не знаю... Может быть все, что угодно. К тому же двуногий успеет ударить тебя прежде, чем я ему помешаю. Так что потерпи, Единичка моя, я постараюсь что-нибудь придумать.

- Я боюсь, - простонала она. - Я боюсь за нашего будущего.

- Все равно, держись, - подбодрил ее Ноль. - Если этот урод хоть что-нибудь тебе повредит, он умрет медленной смертью. Он и сам это понимает, наверное.

Второй пришелец, приблизившись и о чем-то поговорив с первым по акустической связи, вдруг развернулся и пулей вылетел из пещеры.

- Должно быть, отправился назад, к своему летающему чудовищу, - пробормотала Единица. Время от времени она еще постанывала от боли, но все же понемногу приходила в себя. - Ноль, а этот монстр может прилететь сюда, как ты думаешь?

- Не знаю, - ответил Ноль неуверенно. - Не знаю...

И, приняв, наконец, решение, включил свой передатчик на полную мощность.

ТРЕВОГА! ТРЕВОГА! ВСЕМ, КТО МЕНЯ СЛЫШИТ - ПРИГОТОВИТЬСЯ К РЕТРАНСЛЯЦИИ! ВНИМАНИЕ! ТРЕВОГА!

Тут же отозвалось множество далеких и близких голосов, и это придало ему уверенности. Они с Единицей не одиноки в своей пещере; этот кошмарный ядовитый уродец ничего не значил, когда за их спинами стояло все Сообщество Людей.

Ноль коротко изложил соплеменникам ситуацию. Сотый был потрясен.

- Ты поторопился, - сказал он. - Действиям твоим нет оправдания.

- А что ему оставалось делать? - вступился Седьмой. - Не мог же он один драться с таким чудовищем. И между прочим, Ноль узнал очень ценные вещи...

- Теперь мы хоть знаем, что эти двуногие твари гораздо опасней, чем кажутся, - вставил Шестнадцатый.

- Спору нет, сведения ценные...

- Вопрос сейчас в другом, - перебил их Сотый. - Что нам делать дальше? Ноль, ты говоришь, что эти двуногие неповоротливы, но, боюсь, что тот, которого ты упустил, доберется до монстра раньше, чем мы будем готовы к бою.

- Но он не может связаться с чудовищем в пути, - напомнил Ноль. - Чудовище пока останется там, где оно сейчас сидит, и оно ничего не знает о том, что произошло. И если те из нас, кому

ближе всего до места его посадки, немедленно двинутся на перехват, они обязательно поймают двуногого.

- Так ведь ты сам можешь догнать его за несколько минут...

- Я не могу выйти из пещеры.

- Очень даже можешь. Тот двуногий, который захватил твою подругу, вряд ли проявит к ней неспровоцированную вражду. Ведь он боится потерять ее, он захватил ее заложником.

- Откуда ты знаешь? - возразил Ноль. - Я абсолютно уверен, что попытайся я напасть на его напарника, как он немедленно нападет на Единицу. Сейчас он надеется только на то, что второй доберется до чудовища, и оно придет к нему на помощь.

- Искусственный разведчик не может надеяться. Он просто не умеет. Смешно слушать, - вставил Седьмой.

- Если он тот, за кого мы его принимаем, - ответил Ноль. - Мне кажется, что они не просто одомашненные Движущиеся.

- Значит, так, - подал голос Сотый. - Мы не имеем права терять время в такой ситуации и рисковать благополучием всего Сообщества Людей ради сохранения жизни одного из его членов. Поэтому, Ноль, ты обязан догнать того двуногого, которого ты же и упустил.

Некоторое время в ночном эфире были слышны только помехи. Наконец, Ноль твердо ответил:

- Нет.

Единственная неповрежденная рука Единицы тянулась к нему, но сейчас до нее было слишком далеко... И приласкать его радаром Единица не могла тоже...

- Скоро мы тебя починим, - пробормотал он, но Единица понимая, что сейчас их слышат все, промолчала.

У Сотого хватило ума сообразить - Ноль отказался наотрез, уговаривать его бесполезно.

- Всем, кто может добраться до чудовища к рассвету, немедленно доложить, - объявил он. Когда в эфире стихли тридцать голосов, он сказал: - Отлично. Идите в ту сторону, но постарайтесь сделать крюк, чтобы перехватить двуногого. Если схватите его, немедленно докладывайте. Отдыхать будем, когда сделаем дело. Остальные - торопитесь...

Голоса постепенно смолкли, в эфире остался только Сотый - он руководил и направлял - и Седьмой, который был просто верным другом.

- Как ты, Единичка? - мягко спросил Седьмой.

- Неважно, - ответила она устало. - Скриплю. Без радара как-то неуютно. И мне все время кажется, что надо мной висит

что-то тяжелое, и оно в любой момент может на меня упасть. Но как только я туда смотрю... там ничего нет... - Она помолчала. - Наш малыш только что пошевелился. Наверное, сформировался контур управления двигателем, Ноль, прошу тебя, будь осторожен!

- Никак не могу понять, как устроены двуногие, - деловито вступил в разговор Сотый. - Ты говоришь, они состоят из мягкого пористого вещества, пропитанного красной липкой жидкостью, и из них выходит какой-то едкий газ... Но как они работают? Где у них механизм?

- Может они вообще не работают? - предположил Седьмой. - Может, они самые примитивные внешние устройства и используют энергию химических реакций?

- Между прочим, ведут они себя как разумные существа, - напомнил Ноль. - Я лишил их радиосвязи; и значит, монстр никак не мог ими управлять.

- А что, если следить за внешними устройствами можно не только по радио? - спросил Седьмой. - Мы еще так мало знаем о мире...

- Но тогда, - сказал Ноль, - получается, что монстр все это время знает о пещере. А если у того, который сидит на Единице, вмонтировано какое-нибудь оптическое устройство, то он и сейчас наблюдает за мной. Так?

- По-моему, непохоже, - сказал Сотый.

- Я тоже так считаю, - ответил ему Ноль. - И действую, исходя именно из того, что двуногие лишены контакта со своим хозяином. Но, повторяю, меня не покидает ощущение, что они умеют действовать самостоятельно, а это значит, что они обладают разумом... - И тут мозг его словно пронзило молнией. Догадка была настолько ошеломляющей, что он поначалу даже не мог сформулировать мысль. Наконец, Ноль произнес: - А что, если они - сами... хозяева этого монстра? Тогда они, а не он, разумные существа, а чудовище - всего-навсего внешнее устройство!

- Нет, это невозможно! - возразил Сотый, но Седьмой, который всегда легко менял точку зрения прямо во время дискуссии, тут же подхватил идею.

- Хорошо, предположим, это действительно так, твои маленькие двуногие уродцы - хозяева и, может быть, даже создатели летающего монстра. Можем мы войти с ними в контакт?

- Вряд ли. После всего, что здесь произошло - боюсь, уже поздно, - мрачно сказал Ноль. Но он имел в виду не тот вред,

который сам причинил пришельцам, а то, что они сделали с Единицей.

- Впрочем, я сам сомневаюсь, нужен ли нам этот контакт, - продолжал Седьмой. - Ведь они абсолютно чужды нашему миру. Само их существование несет в себе опасность - посмотрите, сколько разрушений произвел летающий монстр, когда садился. А их ядовитые внутренности? Конечно, рано или поздно мы установим контакт, но процесс будет долгий и трудный. Мы же обязаны прежде всего думать о собственном благе. И поэтому должны принять такое решение, чтобы в любой ситуации оказаться в выигрыше. - Он немного помолчал, а затем добавил: - Надеюсь, нам это удастся.

Ноль и Сотый объединили умы, и мысль стала медленно, но верно вычленяться, выкристаллизовываться, подобно осадкам в перенасыщенном растворе.

Неповоротливые, легко уязвимые пришельцы, по-видимому, становились опасны лишь тогда, когда пользовались какими-нибудь внешними приспособлениями, одомашненными Движущимися или Летунами без крыльев. Ноль вспомнил трубу, из которой двуногие чуть было его не прикончили. Вот если бы удалось обездвижить чудовище...

Конечно, внутри него сидят другие двуногие, Ноль слышал их голоса. Однако, вчерашний поход показал, что если радар не работает, то ночью пришельцы ничего не видят, а вывести радар из строя проще простого; он теперь знает как...

Обращаясь к тем, кто плотным кольцом окружал сейчас огнедышащее чудище, Сотый стал отдавать приказы.

- Вы должны нарезать в лесу самых толстых аккумуляторных проводов, какие только сможете найти, сплести из них кабели, а затем - под покровом темноты и создавая помехи его радару - приблизиться к монстру вплотную. Ничего он вам не сделает. Мы тут пришли к выводу, что он не разумное существо, а просто примитивный Летун. Так вот, когда вы подберетесь, закрепите кабели за все, что выступает из корпуса. Свободные концы привяжите к деревьям. И не забудьте его как следует обмотать.

- Сомневаюсь, - возразил Двадцать Девятый, - что нам удастся закрепить на его обшивке кабели. Он просто плюнет один раз огнем, и от нас только облачко пара останется. А ведь придется еще накидывать на него петли...

- Все верно, - сказал Ноль. - Только не надо подставляться. Корпус у монстра конусообразный, сопла расположены в осно-

вании, вот и опутывайте его повыше двигателей. Он же не сумеет взлететь без своих дюз, верно?

- Легко тебе давать советы, Ноль... Сидишь себе в пещере!

- Да чего бы я только не отдал, чтобы было по-другому!..

Приободрившись, охотники дружно принялись за дело. Работа действительно была не такой опасной, как казалось. Двух петель вполне должно было хватить - кабель получился очень толстым, и они быстро опоясали чудовище в том месте, откуда у него росли двигатели. А затянуть петли можно было издалека, что они и сделали, и два тугих обруча плотно перехватили корпус монстра в самом узком месте. Пусть теперь попробует улететь!

- Ну, хорошо, мы его привязали, - сказал Двадцать Девятый. - А что дальше?

- Будем действовать по обстановке, - ответил Сотый. - Попробуем вступить в контакт, но если ничего не получится или они поведут себя подозрительно, подгоним наши Тараны и размолотим чудовище на кусочки.

- Вот это было бы лучше всего, - мстительно сказал Ноль, глядя на чужака, расположившегося на плечах Единицы.

- Все. А пока делайте, что приказано, - и Сотый исчез из эфира.

- Эй! А как же мы? - воскликнул Ноль. - Я и Единица?

- К вам иду я, - объявил Седьмой. - Если не удастся ничего предпринять, будем просто ждать. Помнишь, ты говорил, что у чужаков батареи поляризуются гораздо быстрее, чем у нас. Так что, может, нужно просто подождать, и он сам свалится с ног от истощения.

- Отлично, - произнес Ноль, чувствуя, как в нем оживает надежда. - Слышишь, Единичка? Нужно только подождать немного.

- Больно, - прошептала она. - Не хочу... Я уменьшу потребление энергии... Если это случится, пусть я ничего не узнаю... Ноль почувствовал ее ужас и понял, насколько пугает Единицу мысль о том, что ее не удастся восстановить.

- Я буду все время охранять тебя, - сказал он. - Тебя и нашего малыша.

- Ах, как я хочу прикоснуться к тебе, Ноль... - Ее сигнал с каждой секундой слабел; несколько раз страх подстегивал ее

силы, и Ноль чувствовал тогда некоторое нарастание напряженности поля, но вот, наконец, она отключилась совсем.

Ноль стал пристально разглядывать сидящее на ней устройство. Нет, пожалуй, это все же было существо. В глубине оболочки, сквозь прозрачный экран. он видел мозг чужака. Ноль поднял руку, и пришелец мгновенно вскочил и вскинул копье. Он явно соображал, что оптический блок - самое уязвимое место у Единицы. Медленно Ноль опустил руку, и противник снова присел. Не может долго стоять, догадался Ноль. Очень хорошо. Чем быстрее его батареи разрядятся, тем лучше.

Шли часы. Ноль вернулся к своим размышлениям. Чужак прошелся по спине Единицы, сел, снова встал, помахал руками в разные стороны, издал несколько громких воплей - видимо, так он боролся со сном. Время от времени он вставлял в голову трубку с водой. Иногда Ноль думал, что вот-вот настанет удобный момент, и он сумеет мгновенным и метким ударом застать двуногого врасплох, но каждый раз решал не рисковать. Время работало на него.

Сейчас, когда первый приступ гнева прошел, он начал прикидывать, как захватить двуногого в плен в неповрежденном виде. Изучение такого образца сулит гораздо больше, чем исследование тех жалких остатков, которые валяются на полу возле железной глыбы. Ну и запах от них! Ноль даже уменьшил чувствительность химических датчиков.

И вот первые проблески рассвета озарили вход в пещеру.

- Мы его зацепили! - услышал Ноль возбужденный голос Двадцать Девятого. - Обмотали двумя толстенными кабелями. А он даже не заметил. Были только какие-то радиопомехи...

- Мне показалось, что только что... - вступил в разговор кто-то из его отряда, - я слышал сверху необычный сигнал...

- Да, над облаками могут болтаться и другие Летуны, - отозвался из своей долины Сотый. - Будьте осторожнее, рассредоточьтесь, выберите себе укрытия. Мы соберемся к полудню и тогда решим, что делать дальше. А пока держите нас в курсе. Вы, молодцы, охотники! Пока все идет хорошо!

Двадцать Девятый предложил им осмотреть местность при помощи сенсорной связи, и Ноль увидел - выжженная земля, сверкающий в лучах восходящего солнца корпус монстра, пара кабелей, протянувшаяся от него к могучим старым аккумуляторным башням. Да, пожалуй, Летуна привязали надежно. Вдали мелодично позвякивал лес, легкий ветерок гнал по небу пуши-

стые облака, и Ноль подумал, что никогда еще этот мир не казался ему таким прекрасным.

Видение исчезло. Он по-прежнему находился в своей пещере.

- Эй, Ноль! Я уже совсем рядом, - раздался сигнал Седьмого. - Как ты думаешь, мне стоит войти?

- Нет, - ответил Ноль, - пока не надо. Вдруг ты его спровоцируешь? Я следил за ним всю ночь, и сейчас он стал совсем вялым, не то, что раньше. И двигается гораздо медленнее. Наверное, скоро он сам выключится. А как только он уснет, ты сразу войдешь - я тебе сообщу. Если он на тебя не среагирует, значит, точно заснул, потерял сознание.

- Если оно у него есть, это сознание, - сказал Седьмой. - Знаешь, все-таки не могу заставить себя поверить, что они не Движущиеся или какие-нибудь дополнительные устройства Летуна. Конечно, они устроены очень необычно и сложно, и действуют вполне осмысленно, но не могу я поверить, что они так же разумны, как Люди...

Пришелец вдруг затянул длинную серию заунывных звуков. Звучали они гораздо тише, чем раньше, и Ноль впервые за ночь, позволил себе немного расслабиться. Что бы ни случилось дальше, но такую ночку Ноль не пожелал бы и врагу.

Из полудремотного состояния его вывел сигнал тревоги.

- Сбежавшее внешнее устройство вернулось и залезло внутрь монстра!..

- Что!? И вы его не перехватили?! - взревел Сотый.

Дальше рассказывал сам Двадцать Девятый.

- Как было приказано, мы рассредоточились по лесу. Поэтому, естественно, сплошного кольца не получилось. Конечно же, наше внимание было целиком обращено на монстра - на тот случай, если он вдруг попытается выпутаться, и к небу - вдруг его собратья решат прийти ему на помощь. Поблизости бродили мелкие Движущиеся, мы на них не обращали внимания, но мешали они здорово. Да еще - все одно к одному - поднялся ветер, аккумуляторы просто гремели. Так что, сами понимаете, ситуация двуногому благоприятствовала, чем он и воспользовался - незаметно пробрался мимо нас и вышел на открытое место. Только тут мы его, наконец, заметили... Но было уже поздно. Мы были слишком далеко от монстра, чтобы успеть ему помешать. Двуногий отодвинул в сторону какую-то пластину на корпусе,

нажал кнопку, распахнулась дыра, и он скользнул внутрь. Некоторое время мы подождали, вдруг бы он плюнул огнем, а потом, когда подбежали к монстру, дыра закрылась. Я сам нажимал ту кнопку - и без толку. Наверное, двуногий ее отключил - изнутри...

- Ладно, по крайней мере, мы теперь знаем, где он находится, - проворчал Сотый. - Рассредоточьтесь снова, если вы этого еще не сделали. Чудовище может попробовать взлететь, а я надеюсь, вы не горите желанием попасть под пламя двигателей. Двадцать Девятый, ты уверен, что оно не оборвет ваши кабели?

- Абсолютно. Этот летающий монстр сделан из легкого сплава, и толщина стенок корпуса у него совсем маленькая. Так что, не думаю, что его корпус выдержит такие нагрузки. Если он попробует взлететь, его просто разорвет пополам.

- Да-да, - вставил Четырнадцатый, подходя к условленному месту встречи у Мертвого Болота, - если только двуногий не вылезет и не пережжет ваши кабели резаком.

- Пусть только попробует! - воинственно заявил Двадцать Девятый, преисполненный решимостью хоть как-то загладить промашку своего отряда.

- У него может быть оружие, - предупредил Ноль.

- Ничего, на то место в корпусе, куда он забрался, направлены десять арбалетов. Пусть только высунется, мы его сразу нашпигуем стрелами.

- Да, этого должно хватить, - сказал Ноль, критически оглядывая скрюченную фигуру на плечах Единицы. - Эти штуковины очень уязвимы. Они злобны, коварны, но убить их легко.

Словно бы догадавшись, что речь идет о нем, чужак вскочил на ноги и угрожающе потряс копьем. Ноль с удовлетворением отметил, что двуногий стал совсем слаб. Еще часок, подумал он, и я освобожу Единицу.

Через полчаса снаружи раздался голос Седьмого:

- Интересно, зачем эти создатели Летуна... или кто они там... зачем они к нам явились?

- Судя по тому, что они даже не попытались войти с нами в контакт, намерения у них недобрые.

- И что?

- Значит, надо их проучить, чтобы они больше сюда не совались.

Его уже переполняло предвкушение скорой победы над врагом, когда чудовище неожиданно взревело.

Обрушившись тысячетонным молотом с ясного неба, этот рев разнесся над горными вершинами и, казалось, был способен сотрясти луну и звезды, превращая эфир в груду осколков... Двадцать Девятый и его охотники издали жуткий вопль - страшной силы сигнал начисто выжег входные каскады их приемников. Крик их таял, растворялся, тонул в огромной волне, отразившейся эхом от гор. В лесу замигали голубые огоньки - резонировали аккумуляторы. Этот жуткий грохот на всех частотах буквально парализовал Ноля и Седьмого, находившихся в тридцати милях от чудовища. Возле спуска в долину остановился Сотый со своим отрядом - Люди замерли на земле, со страхом всматриваясь в сторону холмов. "Что случилось? Что происходит?" - вопрошали их жены на берегу океана, растерянно глядя на мечущихся в полосе прибоя, охваченных паникой Водоплавающих.

Забыв об опасности для Единицы, Седьмой вбежал в пещеру. Пришелец не отреагировал. Но ни Ноль, ни Седьмой этого уже не замечали; повернувшись ко входу, они с ужасом смотрели наружу.

В акустике лес как обычно, звенел под порывами ветра; на небе не было видно ни облачка, и лишь доносившийся из-за горизонта адский грохот в эфире предрекал что-то ужасное...

- Н-никогда бы не п-поверил, - заикаясь, сказал Седьмой, - что бывают такие с-сигналы...

Ноль, который ни на минуту не забывал о Единице, изо всех сил старался держать себя в руках.

- Нам еще повезло, - сказал он. - Что мы здесь, а не в долине. Надеюсь, они в состоянии выдержать такой уровень. Пока пойдем к нашему чужаку, вдруг он чего-нибудь натворил. А когда мы его свяжем...

Закончить он не успел.

Монстр заговорил.

Это был уже не рев, это была членораздельная речь, состоявшая из образов, а не из слов. Монстр говорил на своем языке, и это было непереносимо.

Внимая чудовищному голосу, разом заполнившему все доступные его приемнику каналы, целиком отдавшись во власть сенсорного и мыслительного контакта, Ноль вдруг почувствовал, что сам с т а н о в и т с я монстром.

Дитдитдитдит ДА дит-нольнольнольноль-ДИТдит-ДАда и векторная сумма: бесконечная сумма бесконечных величин от

ноля до БЕСКОНЕЧНОСТИ, дит-дитдит-ДА-дитдитдитнуль (гаммаокрашенный хаос, вселенная взорвалась к черту и все планеты и все звезды все в огне БЛОКИРОВАТЬ ЭТОТ НЕЙТРОН БЛОКИРОВАТЬ ЭТОТ НЕЙТРОН БЛОКИРОВАТЬ ЭТОТ НЕЙТРОН БЛОКИРОВАТЬ ЭТОТ НЕЙТРОН БЛОКИРОВАТЬ ЭТОТ НЕЙТРОН БЛОКИРОВАТЬ ЭТОТ НЕЙТРОН) один-один, нононуль ДАТТА три звездочки дитдитдитдит-дит какая чепуха, она сжигает планеты и луны, испепеляет звезды и мозги сжигаетсжигаетсжигаетсжигает. Сжигает-Дадитдадитдадит немедленно мне пятьдесят миллионов логарифмов а не то я тебя сожгу дитдитдит - ДАЙАДХВАМ-ДАМЙАТА

и одна крутая логарифмическая спираль вниз вдоль пространственно-временного энергетического континуума от градиента потенциала Экспродукт к и умножить время на скорость света в вакууме и извлечь корень квадратный из минус единицы (два, три, четыре, пять, шесть ПЕРЕЙТИ к двоично-десятичной системе зззззззззззз)

интеграл от суммы от нуля до бесконечности дроби Н и Е с равными долями справедлив и для несферического преобразования вершины-координат до квантовоэлектродинамическохарактеристикоэлектроалфаселаградиенттемпературного расширения до начала горения горения ГОРЕНИЯ.

дит-дит-чепуха-чепуха-какаячепуха от орлиного гнезда до слепого грызуна и обратно а потом опять О помогите потому что горитгоритгоритгорит и СЛЕДОВАТЕЛЬНО АННУЛИРУЕТСЯ именем семи раскатов грома.

Все-что-только-что-прошло. Ломай корни бытия и круши жирную округлость ах, мирового РРРИП пространства-времени выламывай и швыряй ее на ведущую вверх лестницу первобытной энергии, потому, что будет-все-что-было-до-сих-пор, а факт тот самый; что все-что-было-до-сих-пор- будет, уже разорван на куски и

СГОРАЕТ
СГОРАЕТ
СГОРАЕТ
СГОРАЕТ
ПЛЮС взрыв сигма-минус-геперона.....

И рухнуло Солнце на облака, и разверзлись небеса, и словно реки потекли горы, образуя очертания смеющихся лиц, и взошла на западе Луна, и Ноль, осознав весь священный ужас того, чему

только что стал свидетелем, бросился бежать. Седьмой остался на месте. Бежать он не мог. Окаменев, он лежал у входа в пещеру, в одно мгновение вдруг ставшую вместилищем зла и порока. И когда Бог, по-прежнему вещая на ослепительном своем языке, спустился с небес, его огненный хвост превратил Седьмого в лужицу расплавленного металла.

Пятьдесят миллионов лет спустя взошла на небе звезда Полынь, и великая тишина окутала Землю.

В конце концов, Ноль вернулся домой. Он нисколько не удивился, что двуногий исчез: ясно, что его забрал Великий Хозяин. Но когда он увидел, что его Единица цела и невредима, то попросту застыл, лишившись дара речи.

И когда он разбудил ее, она, проспавшая от начала и до конца гибель и Возрождение мира, так и не смогла понять, зачем он вывел ее из пещеры молить о прощении - сейчас и потом, когда наступит час их растворения...

7

Только когда катер вышел за пределы земной атмосферы, Даркингтон почувствовал себя более менее сносно. Невесомость делала свое дело. Подсев к Фредерике, он спросил:

- Как же тебе это удалось?

Но все ее внимание было отдано управлению. Несмотря на помощь компьютера и инструкции с борта "Странника", пилотировать катер оказалось очень непросто. Особенно, для новичка.

- Я распугала роботов, - ответила она, наконец. - Представляешь, они додумались привязать катер, да еще такими толстыми кабелями, что его бы разорвало пополам, если бы я надумала стартовать. Пришлось выходить наружу и резать кабели горелкой. Они, понятно, не хотели меня выпускать, собрались кучей вокруг. Так что я их распугала, вылезла, все, что нужно сделала, а потом полетела за тобой.

- И вовремя подоспела, - поежился Даркингтон. - Я уже собирался прорываться сам. Ты же видела, я потерял сознание как только оказался на борту. - Он замолчал, и в катере установилась тишина, нарушаемая лишь еле слышным шелестом двигателей. - Ты молодец, - проговорил, наконец, Хью, - ты вела себя просто великолепно, ты просто образец находчивости и изобретательности, но я одного не понимаю - как тебе удалось их разогнать?

Компьютер заглушил двигатели, и катер перешел в свободный полет. Фредерика повернулась к нему - усталое и осунувшееся, но такое милое и дорогое лицо. Голос ее звучал глухо.

- Знаешь, я действовала наугад, у меня были только неясные догадки... Но терять было нечего. Ты же помнишь, единственное, в чем мы были уверены, это то, что роботы общаются по радио. И для начала я включила на полную мощность катерный передатчик, вдруг мощность сигнала их отпугнет. А уж потом я сообразила, что если у тебя в голове есть подключенный прямо к мозгу приемник, то это очень похоже на телепатию, то есть, это более непосредственная связь, чем у нас, когда мы сперва слышим, а уж потом обдумываем, что услышим. И я подумала, что если издавать непонятные сигналы, то мне удастся доставить им пару неприятных минут. К естественному радиошуму они привычны, но... Вот тут меня осенило! На катере ведь стоит мощный компьютер, и он имеет дело не с шумами, а с информацией, вот я и включила компьютер и передатчик в единый контур. С таким объемом информации эта банда дикарей еще не сталкивалась никогда - я подкинула компьютеру задачку по звездной навигации. Потом я надела скафандр, сжала нервы в кулак, вышла наружу и спокойно перерезала кабели. И все в порядке - роботов как ветром сдуло. А компьютер я не отсоединяла от передатчика все время, пока искала пещеру, то есть уже в полете. Представляю, что он нес в эфир, и что при этом испытывали дикари. Ну вот, а потом я приземлилась, открыла шлюз, ты забрался внутрь... - Она замолчала и сжала кулаки. - Боже мой, Хью! Что мы скажем подруге Сэма?

Даркингтон не ответил.

Катер, наконец, вплотную подошел к звездолету. Пока шла швартовка, корабли развернулись, и в иллюминаторе снова показалась Земля. Окинув планету долгим взглядом, Даркингтон тихо проговорил:

- Прощай, Счастья тебе.

Фредерика смахнула слезы. На мокрых щеках остались следы грязных рук.

- Как ты думаешь, мы когда-нибудь вернемся? - спросила она.

- Нет, - ответил Даркингтон. - Она уже не наша...

Пол АНДЕРСОН

КОКОН

Глава 1

Окинув мегаполис долгим взглядом, Питер Коскинен почувствовал, как в душе поднимается ужас. Что мне теперь делать? От этой отчаянной мысли перехватывало дыхание.

Солнце в багровой дымке медленно опускалось за темную громаду Центра; в надвигающихся сумерках, словно яркие светлячки, сновали многочисленные аэрокары. Бесконечные кварталы стандартных жилых домов уходили за горизонт, кое-где разбавленные башнями небоскребов. Присмотревшись, Коскинен понял, что никакого горизонта на самом деле нет, а есть - насколько хватало взгляда - склады, заводы, жилые районы и снова склады, связанные в единый организм бесконечными изгибами труб надземки. В лучах заходящего солнца трубы казались тонкой серебряной паутиной, окутывающей пересечения улиц, транспортных поясов и линий монорельса. Уже начинали загораться огни: окна квартир перемигивались с уличными фонарями, фарами машин и поездов. В номере стояла полнейшая тишина, и город, раскинувшийся в сотне этажей внизу, казался нереальным, словно Питер смотрел новый фильм о чужой планете.

Резким движением он выключил обзорную стену, и панорама города на ней мгновенно сменилась хаотичными переливами пастельных цветов. Ничего не хотелось, даже слушать музыку, хотя у него было из чего выбирать - в номере имелась великолепная фонотека. Шум гавайского прибоя, веселье парижского кабаре - все это было не то, не под настроение... Подавились бы вы своими туманными картинками, подумал Коскинен, мне же нужно другое, то, что я смогу потрогать, понюхать, попробовать на вкус...

Что же?

В отеле было буквально все, чего могла пожелать мятущаяся душа: сад, несколько бассейнов, спортзал, театр, бары и рестораны. Имея в кармане более чем солидную сумму, полученную за прошедшие пять лет, он мог позволить себе любое сумасбродство. Кроме того, оставался еще сам супергород. А на стратоплане он мог перелететь в любой город на Западе и потом, пересев на флайер одной из местных линий, оказаться на опушке какого-нибудь национального парка и провести ночь на берегу тихого лесного озера. Или...

"Ну и что? - спросил он себя. - Да, я могу купить все, кроме настоящих друзей, и... Боже, ведь я предоставлен самому себе меньше суток, но уже понял, как чудовищно одинок. За все на свете нужно платить".

Он потянулся к фону. "Если что - звони, - сказал тогда Дейв Абрамс. - Вот тебе мой домашний номер. Это в самом центре, в Кондоминиуме, на Лонг-Айленде. У нас всегда найдется свободная комната, да и Манхеттен рядом - запросто можно прошвырнуться по пивным. Во всяком случае, пять лет назад для этого дела не было лучше места. Надеюсь, мамуля по-прежнему печет свои знаменитые блинчики с творогом".

Коскинен бессильно уронил руку. Нет, еще не время. Ведь семье Абрамса тоже нужны время и покой, чтобы заново узнать своего сына. За эти пять лет он, должно быть, здорово изменился. Даже официальный представитель правительства, который встречал их в Годдард-Филд, отметил, что все они стали какими-то необычайно спокойными, словно на них снизошло само безмолвие Марса. Ты не должен звонить, сказал себе Коскинен, хотя бы из элементарного самолюбия. Нельзя же вот так, сразу, начать скулить и просить: "Ну пожалуйста, погладьте меня хоть вы, а то мне совсем не с кем играть". И это было бы совсем некрасиво после громогласно, во всеуслышание данных обещаний - что он собирается сделать, вернувшись на Землю.

Конечно, все остальные тоже строили не менее грандиозные планы. Но у них было одно преимущество: они были старше, и им было куда возвращаться. Столь долгую разлуку выдержали даже две супружеские пары. У Питера же Коскинена родни не было вообще. Радиоактивные осадки в свое время пощадили небольшой курортный городишко на севере Миннесоты, где он родился, но разразившиеся после атомной войны эпидемии не пощадили почти никого. Сотрудники Института обнаружили восьмилетнего сироту в детском доме, и он стал учиться. Он и еще несколько тысяч осиротевших ребятишек, у которых коэф-

фициент интеллекта был выше среднего. Учиться всегда нелегко. И не то, чтобы в школе к ним плохо относились: Институт сделал все возможное, чтобы дети не чувствовали себя одинокими - но страна отчаянно нуждалась в квалифицированных специалистах, промедление было смерти подобно. Коскинен получил диплом физика и свидетельство о прохождениии курса символики уже к восемнадцати годам. В том же году Департамент Астронавтики принял его заявление на участие в девятой Марсианский экспедиции - экспедиции, которая должна была пробыть на Марсе достаточно долго, чтобы хоть что-то узнать о марсианах. И юноша отправился в полет.

Он выпрямился. С какой стати я так себя жалею? Мне всего двадцать три, у меня отменное здоровье и приличный счет в банке. Через несколько дней, после моего доклада на Совете, космическая технология перевернется вверх дном, и имя мое войдет в учебники. Все у меня отлично, все замечательно, просто я еще не успел привыкнуть к Земле. Разве может человек, который провел самые яркие годы своей недолгой жизни на планете, отличающейся от Земли, как сон от яви, мгновенно адаптироваться и стать таким же, как остальные шесть миллиардов землян?

- Но вообще-то, пора начинать, дружище, - вполголоса сказал он сам себе и направился к зеркалу, чтобы напоследок еще раз придирчиво окинуть себя взглядом. Красная куртка с высоким стоячим воротником, просторные голубые брюки и мягкие туфли - вещи, которые он приобрел только сегодня, - пожалуй, одежда по моде. Он подумал, не стоит ли сбрить коротенькую светлую бородку, но потом решил, что с ней лучше. Бородка придавала хоть какую-то мужественность его совсем по-детски курносому лицу с высокими скулами и простодушным взглядом голубых глаз. Фигура у него была великолепной, поскольку капитан Твен требовал, чтобы все регулярно занимались спортом; кроме того, постоянно таскать на себе индивидуальную систему жизнеобеспечения в добрую сотню фунтов, - это даром не проходит. Коскинен был даже удивлен той легкостью, с которой его организм приспособился к земной гравитации. Гораздо хуже на него действовали плотный загазованный воздух и влажная летняя жара.

"Ладно, сойдет", - неуверенно подумал он и направился к двери. И в этот момент зазвенел звонок.

Коскинен изумленно застыл на месте. Кто?.. Может, это кто-нибудь из товарищей по экспедиции, мелькнула шальная в своей

безнадежности мысль, такой же неприкаянный бедолага, как он сам? Тут он сообразил, что посетителя должно быть видно на экране монитора. Но экран был пуст.

Может, монитор барахлит? Звонок прозвенел снова. Коскинен нажал на кнопку замка, и дверь открылась. Вошли двое. Один из них, дождавшись, пока дверь снова закроется, запер ее нажатием кнопки. Другой рукой он пробежался по клавишам на крышке небольшой коробочки. Монитор ожил, и на экране вновь появилось изображение пустого коридора с бегущей мимо двери движущейся лентой. Тем временем его напарник прошел вперед и остановился у двери в жилую комнату.

Коскинен буквально оцепенел от неожиданности и от их нахальной бесцеремонности. Незнакомцы были довольно солидной комплекции, неброско одеты, с жесткими невыразительными лицами.

- Послушайте! Что это значит?

Его голос как-то сам собой потерялся в пространстве, словно его поглотили ковровая дорожка в прихожей и звуконепроницаемые панели стен.

Тот, что стоял возле двери в комнату, спросил отрывисто:

- Вы Питер Дж. Коскинен, член экипажа космического корабля США "Боас"?

- Д-да. Но...

- Мы из военной контрразведки. - Он вытащил из кармана бумажник, раскрыл его и сунул под нос Коскинену. Тот взглянул на фотографию в удостоверении, потом перевел взгляд на агента и почувствовал, как кровь приливает к лицу.

- В чем дело? - неуверенно спросил он, поскольку любой, даже только что сошедший с корабля человек, прекрасно знал, что ВК не занимается расследованием обычных преступлений. - Я...

Человек спрятал бумажник. Коскинен успел запомнить его фамилию: Сойер. Второй, тот, что оставался у входной двери, представляться не стал.

- Наше бюро получило доклад о вас и вашей работе на Марсе, - продолжал Сойер, сверля Коскинена свинцового цвета глазами. - Но сначала мы хотели бы выяснить, что вы собираетесь делать сегодня вечером. Вы ни с кем не договаривались о встрече?

- Нет. Нет, я...

- Вот и прекрасно. Помните, что каждое ваше слово будет тщательно проверено в ходе психодопроса. Не говоря уже обо всем остальном. Так что советую говорить правду.

Коскинен невольно отступил на шаг назад и почувствовал, как руки вдруг стали липкими от холодного пота.

- А в чем, собственно, дело? - прошептал он. - Я, что, арестован? За что?

- Назовем это превентивным задержанием, - заявил Сойер, на сей раз чуть дружелюбнее. - Пока это не арест, но может стать таковым, если вы не захотите нам помочь.

- В чем меня обвиняют? - Коскинена вдруг охватил гнев. - Вы не имеете права допрашивать меня, загрузив наркотиками! Я законы знаю!

- Три года назад, приятель, Верховный Суд постановил, что в случаях, затрагивающих национальную безопасность, психодопрос допускается в виде исключения. Правда, показания, полученные таким образом не имеют юридической силы. Так что, пока это просто... - Тут Сойер спохватился. - Где эта хреновина?

- Что-что? - заикаясь переспросил Коскинен.

- Да эта самая штука. Экранизирующее устройство. Вы ведь унесли ее с "Боаса" вместе с остальным багажом, верно? Ну, где же она?

Неплохо сказано - "мой багаж". Как будто на космическом корабле можно обзавестись целой кучей разного хлама. Коскинен внутренне усмехнулся, но тут же себя одернул - ситуация к веселью не располагала.

- А-а-а зачем оно вам? - вдруг услышал он свой прерывающийся от волнения голос. - Ведь я же... не украл его. Я хотел, чтобы оно было под рукой... во время доклада...

- Никто и не говорит, что вы его украли, - заговорил, наконец, тот, что стоял у двери. - Просто дело в том, что этой штукой заинтересовались мы. Кто-нибудь еще, помимо членов экспедиции, знает о ней?

- Ни одна живая душа. - Коскинен нервно облизнул губы. Ужас мало-помалу начал отступать. - Оно у меня... прямо здесь. В этой комнате.

- Вот и отлично. Давайте его сюда.

Коскинен на непослушных ногах проковылял к шкафу и нажал кнопку. Дверца скользнула вбок, взгляду открылись висящие в шкафу несколько комплектов одежды, накидка от дождя и пакет - три фута в длину, два в ширину и один в толщину, завернутый в старую газету и обвязанный бечевкой.

- Вот, - указал он пальцем на пакет.

- И это все? - подозрительно спросил Сойер.

- Устройство небольшое. Сейчас я вам покажу, - Коскинен уже нагнулся было, чтобы развязать пакет, но тут Сойер положил руку ему на плечо. Коскинен снова выпрямился, и Сойер произнес:

- Не нужно! И вообще, держитесь от него подальше!

Коскинен опять с трудом подавил ярость. Ведь он - свободный американский гражданин и ничем не заслужил такого к себе отношения. Что эти плоскостопые фигляры о себе возомнили?

Они из военной контрразведки, вот в чем загвоздка. Эта мысль слегка остудила его голову. Питеру никогда раньше не приходилось иметь дела с ВК, и он ни разу не слышал о том, чтобы эти люди злоупотребляли властью. Но, тем не менее, говорили о них вполголоса.

Сойер быстро и весьма профессионально проверил комнату.

- Ничего, - кивнул он. - О'кей, Коскинен, собирайте манатки и пошли.

Питер как попало покидал одежду в только сегодня купленный чемодан, потом подошел к фону и связался с портье, на ходу выдумав что-то насчет необходимости срочно уехать. Он подписал чек и заверил его отпечатком пальца. Портье зарегистрировал оплату и спросил не нужен ли носильщик.

- Нет, спасибо. - Коскинен отключился и взглянул на агента, который так и не представился. - Сколько я буду отсутствовать? - спросил он.

- Я человек маленький. Пошли, - пожал плечами тот.

Коскинен сам держал свой чемодан, у Сойера был сверток, а второй агент стоял чуть поодаль, небрежно сунув руку в карман. После третьего поворота они сошли с движущейся дорожки и ступили на ленточный подъемник, он должен был доставить их на крышу. Мимо спускалась вниз пара: молодой человек и девушка. Платье девушки представляло собой хитросплетение радужных переливов, от груди до колен; на голове красовалась высоченная копна волос, осыпанная блестками микалита. До них донесся ее нежный смех. Казалось, что их троих отделяет от этой пары неимоверной глубины пропасть, и Коскинен вдруг почувствовал такое одиночество, какого не испытывал с тех пор, как стоял над умирающей матерью, а над ним в ночи тревожно шумели сосны.

Чушь, чушь собачья, убеждал он себя. Все идет своим чередом. Для того и существует Протекторат, чтобы держать собы-

тия под контролем, чтобы города никогда больше не возносились к небу облаками радиоактивной пыли. Военная же контрразведка была ни чем иным, как службой безопасности Протектората. Теперь, когда он впервые над этим задумался, военное применение его защитного устройства казалось вполне возможным. Само собой, не в качестве наступательного оружия. Хотя, почему бы и нет? Скорее всего, люди из службы безопасности - Боже милостивый, возможно даже сам Маркус! - хотят убедиться в том, что это действительно эффективное средство защиты.

Подъемник неторопливо шел вверх. Сойер свободной рукой придерживал юношу за локоть, молчаливый напарник не вынимал руку из кармана, в котором наверняка был пистолет. Очевидно, его вели туда, где он будет полностью отрезан от мира; потом его накачают наркотиками... Питеру вдруг мучительно захотелось снова оказаться на Марсе.

"*... На самом краю Тривиум Харонтис, откуда видна почти вся пустыня Элизиум и где малюсенькое сверкающее Солнце словно бриллиант переливается в небе из пурпурного стекла...*

... в этой Вселенной света, выстланной красными и рыжими дюнами до самого горизонта, усеянной игристыми кристалликами льда, увенчанной вдали зубчатой стеной пыльной бури...

... у подножия каменной башни, которая была древней еще когда земляне охотились на мамонтов...

... громадный Элкор, который подкрадывается сзади совсем неслышно - воздух слишком сух и разрежен; прикосновение его лапы - мощной и одновременно легкой, как ласка женщины, - ощущается даже сквозь легированный пластик скафандра...

... речь, воспринимаемая всем телом, ставшая уже привычной и понятной не хуже родной английской..."

О, разделяющий надежды!
Явилась мне прошедшей ночью
В слиянии моем со звездами небес
Реальности неведомая грань..."

Наконец они выбрались на крышу. Совершенно обычный с виду аэрокар стоял чуть в стороне от остальных припаркованных машин. Сойер небрежно кивнул подобострастно глядевшему на них служителю и открыл дверцу.

- Полезайте, - пригласил он.

Коскинен забрался внутрь пластиковой капли и расположился на переднем сидении. По сторонам уселись агенты. За пультом управления оказался Сойер. Они пристегнули ремни. На приборной доске вспыхнул зеленый свет, Сойер потянул на себя рычаг, и машина резко взмыла вверх.

2

Солнце уже зашло, и мегаполис далеко внизу был погружен во тьму - сверху виднелись только редкие цепочки электрических огней, тянущиеся куда-то вдаль. Коскинен не мог охватить взглядом все это бескрайнее застроенное пространство, хотя смутно помнил, что раскинулось оно от Бостона, штат Массачусетс, до Норфолка, штат Вирджиния. На востоке гигантский город доходил до Питтсбурга, где одно из его щупалец дотягивалось до такого же мегаполиса, разросшегося из Чикаго. В ночи различались только верхушки небоскребов да громадин Центров, чуть подсвеченные последними лучиками уже закатившегося солнца. Западный небосклон слегка отливал зеленью, под которой еще слегка тлели остывающие угольки заката. На небе Коскинен узнал Венеру и заметил две ползущие среди звезд искорки - это были спутники-ретрансляторы. В воздухе кишмя кишели аэрокары - в юности Питеру никогда не приходилось видеть такое их множество. Они заполняли все высотные горизонты. Значит, опять возвращается материальное благосостояние, подумал он. Высоко над всеми уровнями вдруг мелькнула громада трансконтинентального лайнера, серебристого гиганта, спешащего на океанодром Мыса Код. Коскинен с тоской проводил его взглядом.

Сойер перевел управление на автопилот и нажал кнопку с надписью "Вашингтон", задав, таким образом, курс. Кар мчался в одном из средних уровней, отведенном им диспетчерской службой. Сойер вытащил из кармана пачку сигарет.

- Курите? - спросил он Коскинена.

- Нет, спасибо. - Он испытывал совершенно идиотскую необходимость выговориться, болтать любую чепуху, лишь бы не нависало в салоне это гнетущее свинцовое молчание. - На Марсе-то особенно не раскуришься, сами понимаете.

- А, да, конечно. Вам же все время приходилось восстанавливать отработанный кислород...

- Да нет, в основном дело было в слабой гравитации и дефиците места на корабле, - возразил Коскинен. - Кислорода как раз хватало. Во всяком случае, на обратном пути. Это потому, что мы вместе с марсианами придумали одну штуку - реоксигенатор размером с кулак. Он может обеспечивать кислородом двоих. Кстати, один такой аппарат я встроил в свое защитное устройство. Я его даже испытал, когда путешествовал по Марсу без термоскафандра и шлема, а только под защитой потенциального поля...

Сойер напрягся.

- Сейчас же замолчите! - рявкнул он. - Я не должен ничего об этом слышать!

- Но вы же из службы безопасности, - удивленно заметил Коскинен.

- Я всего лишь агент, - ответил Сойер, - я совершенно не хочу лишиться памяти из-за того, что слишком много знаю. Они частенько стирают больше, чем собирались.

- Стоп! - резко сказал напарник. Сойер испуганно замолчал. Коскинен был потрясен услышанным. Неужели мне сотрут память, - с ужасом подумал он.

Второй агент обернулся и взглянул в заднее окно.

- Давно у нас на хвосте вон тот кар? - отрывисто спросил он.

Сойер глянул назад. Коскинен машинально обернулся тоже, но не увидел ничего особенного - за ними на совершенно обычном удалении летел какой-то кар, ничем не отличающийся от тех, что неслись параллельными курсами.

- Не знаю, - сухо отозвался Сойер. - По-твоему, мы одни летим в Вашингтон?

Второй агент молча вытащил из бардачка монокуляр и стал пристально разглядывать летящую позади машину.

- Да, - буркнул он наконец. - Тот же самый. Идет за нами от самого Джерси. Я еще тогда обратил внимание.

- Не один же на свете голубой "Эйзенхауэр-2012", - заметил Сойер.

- Я заметил номер, - презрительно фыркнул напарник. - А тебе, похоже, не помешало бы еще разок пройти курс в Академии.

На лбу Сойера выступили капельки пота.

- Сам посуди, велика ли вероятность того, что машина, севшая нам на хвост еще перед Филадельфией, вдруг меняет вслед за нами маршрут, крутится где-то, пока мы работаем в отеле "Фон Браун", а потом снова - по чистой случайности! - одновре-

менно с нами решает отправиться именно в Вашингтон? - в словах агента явственно слышалось раздражение. - А в этой калоше нет даже служебного фона, и мы не можем связаться со штаб-квартирой. Ох, полетят чьи-то головы, ох, полетят!

- Мы слишком неожиданно получили задание, - возразил Сойер. - Может, это просто машина сопровождения. Конечно же, они прикрывают нас. Преследователи никогда не стали бы вести себя так по-дилетантски. Иногда штаб дает прикрытие без уведомления.

- Если бы у них было время обеспечить прикрытие, то нашлось бы и несколько минут, чтобы вызвать бронированный кар со служебным фоном, - ответил второй. - А этот парень явно иностранец. Что будем делать?

Сойер машинально потянулся к фону.

- Давай вызовем муниципальную полицию, - предложил он. - Или штаб.

- Ага! И чтобы сразу полстраны узнало, что заваривается какая-то каша? Нет, пока ситуация терпит, мы этого делать не будем. - Агент перегнулся через Коскинена и нажал кнопку на панели управления. На экране вспыхнула надпись: ЗАПРАШИВАЮ МАКСИМАЛЬНУЮ СКОРОСТЬ.

- Что происходит? - вымолвил Коскинен, заикаясь от волнения.

- Не волнуйся, малыш, - ответил агент. - После того, как Контроль переведет нас на скоростную трассу, этой пташке придется выждать около трех минут - не меньше, при такой интенсивности движения, - до следующего "окна". А за это время между нами будет около тридцати миль и куча других каров.

- Но... но...

Сойеру удалось, наконец, взять себя в руки.

- Мы и призваны оберегать вас от таких вот случайностей, - вставил он довольно дружелюбно. - Долго бы вы протянули, наложи на вас лапу китайцы?

- Отчего же, пожить-то он, может, и пожил бы, - заметил его напарник, - только вряд ли это доставило бы ему удовольствие. Ага, вот сейчас мы и оторвемся!

Где-то в ночи компьютер Контроля обнаружил, наконец, брешь, в которую мог нырнуть их кар. Прозвучал сигнал, и Коскинена вжало в спинку сидения. За окнами стремительно нырнули к земле цепочки бортовых огней соседних каров. Коскинену показалось, что они промчались сквозь галактику из зеленых и красных солнц. Огоньки остались где-то далеко позади и внизу, став

частью стайки бриллиантовых светлячков, роящихся над громадой мегаполиса. Здесь, на высоте, пустынное небо еще хранило остатки синевы, и ничто в нем не напоминало о присутствии человека, кроме ползущих среди звезд немногочисленных спутников да одинокого, страшно далекого стратолайнера.

Машина выровнялась.

- Ф-ф-у! - Сойер тыльной стороной ладони утер со лба пот. - Слава тебе, Господи, наконец-то, вырвались на простор. Да, доложу я вам!..

- А что они могли нам сделать? - недоуменно спросил Коскинен. - Я имею в виду, что без разрешения Контроля... разве только у них есть возможность от него отключиться... хоть это и незаконно...

- У нас тоже есть такая возможность, и притом совершенно законная, - хмыкнул второй агент. - Что-то не вижу я на нижних линиях никакой суеты... Хотя, начнись что - копы будут здесь через две минуты. Нет, эти ребята свое дело знают. У них наверняка припасен еще не один козырь.

Сойер немного расслабился.

- Хуже другое - с этого горизонта трудно будет приземлиться; Контроль заставит ждать окна над Вашингтоном. Может, позже вернемся на старую трассу?

- Это можно.

Коскинен, который все это время с тоской взирал на звезды и с ужасом спрашивал себя, увидит ли он их еще когда-нибудь, первым заметил стратоплан.

- Что такое? - проговорил он. Оба агента подскочили в своих креслах.

Огромный корабль черной пулей пикировал прямо на них. Не видно было ни освещенных иллюминаторов, ни пламени, бьющего из дюз. Тренированным слухом, привыкшим к разреженному воздуху, Коскинен смутно уловил отдаленный гул. Кар начал вибрировать.

- Военный корабль! - взорвался Сойер. Он тут же откинул панель и вытащил пульт. Сейчас мы выйдем из-под управления Контроля, подумал Коскинен, сойдем с установленного курса и еще увеличим скорость...

Бронированный корпус военного стратоплана нависал теперь прямо над ними, но аэрокар, клюнув носом, метнулся вниз, сквозь все высотные горизонты. Другие машины в панике разлетались в разные стороны. Контроль отчаянно пытался навести в воздухе хоть какой-то порядок. У Коскинена голова шла кругом,

но он все же успел заметить, что Контроль не справился-таки с задачей - две пары красно-зеленых огоньков коснулись друг друга, слились, полыхнуло пламя и дымящаяся комета унеслась в темноту, к земле...

- Держись! - заорал тот агент, имени которого Коскинен так и не узнал. - Сейчас появятся копы!

И тут же ремень безопасности врезался Коскинену в грудь. Голова его дернулась вперед и чуть не врезалась в приборную панель. От толчка лязгнули зубы.

- Захват! - услышал он истошный вопль Сойера. - Они подцепили нас спутниковым захватом!

За окнами кабины Коскинен увидел туго натянутые тросы. Машину стало мотать из стороны в сторону, огни аэрокаров снова пошли вниз. Значит, стратоплан потащил их куда-то вверх.

Сойер в отчаянии колотил по кнопкам фона. Ответа не было.

- Они забивают наши вызовы, - застонал он. Схватив рычаг управления, он рванул его на себя до отказа. Двигатель взревел, машину бешено затрясло. - Все без толку! - Сойер вернул рычаг в прежнее положение и бессильно уронил голову. - Из этой сети нам не вырваться. А копы не смогут нас выручить?

- Ни малейших шансов, - сквозь зубы процедил его напарник. - Они уйдут от любой полицейской машины - даже с таким грузом на буксире. Вот если бы ВВС вовремя их засекли и отрядили бы звено перехватчиков, тогда у нас был бы шанс.

Тьма за окнами сменилась фиолетовой мглой, на западе вновь показался краешек Солнца. Похоже, они вышли в стратосферу. Сквозь скрежет и тряску Коскинен различил тонкий свист - где-то в кабине возникла течь, и он почувствовал, как от резкого перепада давления заложило уши.

- У той машины, видимо, была своя рация для связи с кораблем, - медленно проговорил второй агент. - Стратоплан просто болтался где-то наверху, куда не достают радары Контроля. А стартовали они, скорее всего, откуда-то с американской территории, иначе их засекла бы Береговая Охрана. Потому-то нас и преследовали так открыто. Они с самого начала предвидели наши действия - то, что мы постараемся уйти вверх, а там они спокойно зацепят нас с корабля. Значит, это китайцы. Ни у кого больше нет такой совершенной организации дела и такой предусмотрительности.

У обоих агентов в руках теперь были пистолеты.

- Ч-ч-то же нам делать? - жалобно спросил Коскинен, стараясь утихомирить сердце, которое, казалось, готово было выско-

чить наружу. Дышать становилось все труднее, лодыжки стали мерзнуть.

- Натянем кислородные маски и будем отбиваться, - заявил Сойер. - Еще не все потеряно. Пока мы висим у них под брюхом, они не смогут набрать крейсерскую скорость. Полиция наверняка уже подняла на ноги службу безопасности. Минут через десять их поймают локаторы Береговой Охраны. А еще через десять минут появятся перехватчики.

- Но они это понимают не хуже нас, - сказал другой агент. Его взгляд был неотрывно прикован к огромному силуэту стратолайнера, нависшему над ними и обрамленному ночной тьмой и редкими звездами.

Машина дернулась. Они увидели, как в брюхе корабля сначала возник квадрат густого мрака, а затем в глубине его вспыхнул свет.

- Они втягивают нас внутрь! - ахнул Сойер.

Его напарник сидел неподвижно. Если бы не тонкая струйка крови, сочившейся из разбитого носа, можно было бы подумать, что он мертв.

- Да, - сказал он наконец. - Этого я и боялся.

Пистолет медленно повернулся к Коскинену, и дуло уставилось ему между глаз.

- Извини, малыш, - пробормотал агент.

- ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ! - воскликнул Коскинен и не узнал своего голоса.

- Нельзя допустить, чтобы ты попал к ним в лапы. Ты представляешь собой слишком большую ценность.

- Да вы что!!

- Прощай, малыш.

И тут среагировал не Коскинен, а исключительно его инстинкт самосохранения. Сознательной реакции в данной ситуации было бы совершенно недостаточно. Еще на Марсе он занимался дзюдо - так, для себя, просто, чтобы не потерять форму, и вот сейчас, отработанные до автоматизма приемы спасли ему жизнь.

Он резко повернулся к агенту лицом, левая рука метнулась вперед и отбила пистолет в сторону. Раздался приглушенный запоздалый хлопок выстрела, но правый кулак Коскинена уже врезался противнику чуть ниже носа. Лицо агента вдруг куда-то пропало. Коскинен мгновенно нанес следующий удар - головой назад - и угодил Сойеру прямиком в подбородок. Тот взвыл. Обхватив за шею, Коскинен сильно прижал его горлом к своему плечу. Это было жестоко, но необходимо. И без того уже стра-

давший от кислородного голодания Сойер издал несколько булькающих звуков и обмяк.

Коскинен перевел дух и огляделся. Кругом царила кромешная тьма, сквозь которую до него доносилось лишь какое-то жужжание. Машину сильно трясло, она болталась теперь под самым люком стратоплана, похожим на широко разинутую пасть. У самого края люка он различил человеческую фигуру в шлеме и термоскафандре, в руках человек сжимал карабин. У него оставалась минута, не больше; втянув аэрокар внутрь, стратоплан ляжет на обратный курс, туда, откуда он прибыл. И Коскинен был почти уверен, что ни ПВО, ни Береговая Охрана не смогут его задержать.

Сойер и его напарник зашевелились. На миг Коскинена пронзил ужас: "Боже, что я наделал! Напал на двух агентов ВК... И теперь оставляю их одних... Их наверняка захватят в плен...

Но они собирались убить меня. И у меня нет времени им помогать."

Пальцы его в это время лихорадочно возились с пряжкой ремня безопасности. Наконец, она подалась. Коскинен перегнулся через спинку сидения. Сверток по-прежнему лежал сзади. Он схватил его, одновременно распахивая свободной рукой ближайшую дверцу. Воздух с шипением вырвался из кабины, и уши его пронзила нестерпимая боль, дышать снаружи было практически нечем.

Крыша машины уже вплыла в люк, и человек в термоскафандре направил на Коскинена карабин.

И тогда, распахнув настежь дверь аэрокара, Питер бросился вниз, к земле, в бесконечную пропасть...

3

Самое главное - защитить глаза. Они могут замерзнуть.

Коскинен мгновенно спрятал лицо в сгибе локтя левой руки. Вокруг была тьма и страшный холод. Голова кружилась от боли и рева в ушах. В легких у него оставался лишь тот последний глоток воздуха, который он сделал еще в машине. Но организм требовал своего, и если он невольно поддастся рефлексу и вдохнет, то наверняка получит обморожение дыхательных путей. К тому же, на такой высоте воздуха практически нет.

С закрытыми глазами, работая единственной свободной рукой, да еще локтем, практически без опыта пребывания в неве-

сомости - поскольку большую часть пути "Франц Боас" проделал с ускорением в четверть "G" - Коскинен сорвал бумагу со свертка с защитным устройством. Он покрепче обхватил аппарат. Сейчас, сейчас... где же эта чертова правая лямка? Настройка аппарата не соответствовала обстоятельствам, но у него не было никакой возможности манипулировать с управлением. Пока не было. На секунду его охватила паника. Он подавил ее усилием воли и продолжал шарить вслепую.

- Есть!

Он просунул в лямку правую руку, согнул ее в локте и прижался лицом. Потом продел освободившуюся левую руку в другую лямку. Теперь пульт управления, как и положено, оказался у него на груди. Нащупав закоченевшими пальцами нужную кнопку, Коскинен включил генератор. Не в силах больше терпеть, он выдохнул и открыл глаза.

Холод резанул их, как ножом.

Он бы вскрикнул, да только легкие его были пусты, и у него хватило ума не пытаться их наполнить сразу. Еще слишком высоко... Мысли рвались и путались, исчезая во мгле, заволакивающей сознание. Нужно спуститься пониже... Сколько еще? Квадратный корень из удвоенного расстояния, деленного на "G"... Ах, Элкор, как мне тебя не хватает! "О, разделяющий надежды, когда ты мысленно сливаешься со звездами ночными, то обращаешься ли думами к звезде голубоватой по имени Земля?... Хотя, конечно, нет. Ведь у тебя сейчас зима, ты погружен в дремоту, в спячку, в гибернацию... в гибер... в гипер... гиперпространство... И правда ли, что наш экран - на самом деле участок пространства, свернутого в четырех измерениях... Изменениях... изнеможении...".

Не могу больше!.. Все!

Он уже почти не воспринимал окружающее и не чувствовал, тепло вокруг или холодно. Наверное, все-таки тепло, раз он снова мог свободно дышать. Питер медленно, боясь захлебнуться, втягивал воздух сквозь сжатые зубы.

Падать оставалось всего ничего. Он видел ночное небо над собой - не ту пустынную, усеянную звездами глубину стратосферы, которая больше всего напоминала ему Марс, а обычное ночное небо одного из восточноамериканских мегаполисов, пронизанное искорками летящих аэрокаров. Правда, он совершенно не представлял себе, над каким из этих древних городов оказался. Но это не важно, главное - в небе не было стратоплана. Да это и понятно. Ведь его прыжок являлся полной неожиданностью для

экипажа и, пока они соображали, что делать, момент для перехвата был упущен.

Питер вдруг почувствовал, как зашевелились волосы на голове от внезапно вспыхнувшей мысли. Ведь он находился над густонаселенным районом! При той скорости, которую он развил, эффект от его падения будет равносилен взрыву бомбы. "Боже, - воззвал он мысленно, - или судьба, или рок, или как тебя там, не дай мне никого погубить!".

Город метнулся навстречу, обнял его и больше Питер ничего не успел увидеть, потому что добрался, наконец, до земли.

Это напомнило нырок в пустую вязкую смолу. Потенциальный барьер образовывал вокруг него как бы полость, и сила удара швырнула тело вперед с той скоростью, которую он успел набрать в полете. Но он не почувствовал ничего, углубившись в барьер всего на какой-нибудь дюйм, а затем кинетическая энергия его тела была мгновенно поглощена и преобразована и отправлена в аккумуляторы. Звук же и вовсе не мог проникнуть сквозь экран. Коскинена мягко подбросило, но он тут же поднялся на ноги. Колени еще дрожали, но он сразу принялся оглядываться сквозь медленно оседающую тучу пыли, поднятой при падении. Слышать он мог только собственное тяжелое дыхание, да удары сердца.

Пыль, наконец, осела, и он вздохнул с облегчением. Приземление произошло на совершенно пустынной улице - он даже здания не задел. Никаких - Слава Богу - следов крови вокруг, только воронка посреди мостовой, трещины от нее бежали во все стороны к тротурам. Тусклый свет далеко отстоящих друг от друга флюоресцентных фонарей позволял различить кирпичные стены домов и неосвещенные окна. Над черной, наглухо запертой дверью тускло мерцала неоновая вывеска: "Дядюшкин ломбард".

- Вырвался-таки, - вслух сказал Коскинен, не веря еще своему счастью. Голос его дрогнул. - Я свободен. Я жив.

Из-за угла вдруг выбежали двое, худые и довольно оборванные. В домах на наземном уровне жили только самые малоимущие. Они остановились и изумленно уставились на человека, стоящего посреди исковерканной мостовой. На лицо одного из незнакомцев упала полоска нездорового света фонаря, и он начал что-то кричать, оживленно жестикулируя. До Коскинена не доносилось ни звука.

Да, наделал я, наверное шума, подумал он. Нужно поскорее отсюда убраться, на всякий случай. И найти место, где можно спокойно собраться с мыслями.

Питер отключил поле. Первым ощущением было тепло. Воздух, которым он все это время дышал, был захвачен еще на высоте. Там он был чист и прозрачен, но на уровне земли, воздух казался чересчур плотным и загазованным. В ушах зашумело, Питер глотнул, чтобы уравнять давление, и сразу, словно пробив какой-то барьер, на него обрушилась лавина звуков: гул подземных механизмов, грохот промчавшегося неподалеку поезда, крики людей...

- Эй, какого черта! Кто ты, черт тебя дери, такой?...

Сзади взвизгнула женщина. Коскинен обернулся и увидел, что из соседних переулков стекаются все новые и новые обитатели здешних трущоб. Дюжина, нет две дюжины людей - возбужденных, шумных, радующихся мало-мальскому событию, оживляющему их серую жизнь. И на сей раз зрелище было воистину достойно внимания, подумал Коскинен. И не только потому, что какой-то тип низвергнулся с небес, разворотив бетон, словно солидная бомба. Дело еще и в том, что он слишком хорошо одет, такую одежду здесь, внизу, не носит никто; на спине у него висел громоздкий металлический цилиндр, на груди на лямках - пластиковый пульт управления с кнопками, ручками и тремя шкалами. Вообще, больше всего Коскинен напоминал сейчас героя фантастического боевика. Он даже прикинул, не притвориться ли участником съемок со спецэффектами и прочим, но потом решил, что не стоит. Лучше унести ноги.

Кто-то вцепился в него сбоку, но Питер вывернулся и бросился прочь. Оборванцы завопили вслед. Генератор немилосердно колотил его по спине. Он слишком устал, и даже эти несчастные десять фунтов, которые уже спасли ему недавно жизнь, были в высшей степени неприятным довеском. Оглянувшись, Коскинен увидел фонари, уходившие вдаль двумя бесконечными колоннами; они напоминали худых великанов с пылающими головами. Фонари так далеко отстояли друг от друга, что между ними клубилась абсолютно непроглядная тьма. По обеим сторонам улицы тянулись отвесные слепые стены зданий. Густая сеть путепроводов, грузовых транспортных поясов и линий электропередач почти полностью закрывала небо, пропуская вниз только смутное багровое свечение. Где-то рядом, на повороте, проскрежетал поезд. Коскинен снова увидел бегущих людей, услышал их крики.

Согнув руки в локтях, он вновь пустился бежать. Естественно, он был в гораздо лучшей спортивной форме, чем постоянно недоедающие преследователи. К тому же, у него была цель, а у них, давно уже живших почти растительной жизнью, - нет.

Улица, предназначенная, видимо, для тяжелых грузовиков, привела его к перекрестку с линией монорельса. До Коскинена донесся грохот приближающегося состава, и он опрометью бросился в тень бетонных опор. Поезд, казалось, несся прямо на него, слепя мощным прожектором. Коскинен метнулся вперед, споткнулся о рельс, с трудом удержался на ногах и перескочил на другую сторону пути перед самым носом локомотива. Он чуть не оглох от жуткого грохота и чуть было не задохнулся в поднятой поездом пыли. Прижавшись к ограждению, он вспомнил, что мог бы стать неуязвимым, включив свою защиту. Правда, в этом случае он снова станет неподвижен, разве что вагоны заденут кокон и отшвырнут в сторону... Но промежуток оказался достаточным, и состав благополучно несся мимо. После товарных вагонов потянулись пассажирские. За грязными оконными стеклами виднелись усталые лица людей.

- Мне нужно отделаться от погони, я должен уйти от них раньше, чем пройдет поезд...

Коскинен наощупь пошел вдоль ограждения, покачиваясь от ветра, поднятого проносящимся составом. Наконец, он наткнулся на следующую опору путепровода и обнаружил проход на улицу. Он снова побежал по пустынной мостовой и, увидев ведущую налево аллею, свернул в нее не раздумывая.

Шум поезда затих вдалеке. Коскинен притаился в густой тени, но преследователей не заметил. Должно быть они отстали сразу, как только потеряли его из вида. Да и погнались-то они за ним больше из любопытства.

Аллея вывела Коскинена во дворик, со всех сторон окруженный облупившимися зданиями. Здесь он остановился, чтобы перевести дух. Над крышами тянулись лишь редкие нити электропередач, и он увидел небо - все ту же бурую беззвездную дымку, а дальше - великолепную, горделивую громаду Центра, возвышающуюся над жалкими строениями в округе. Отовсюду слышны были звуки проносящихся мимо машин, но во дворике Коскинен так и не заметил никаких признаков жизни, за исключением тощего кота.

- Интересно, все-таки, где я? В принципе, где угодно между Бостоном и Вашингтоном, в зависимости от того, куда летел стратоплан, когда поймал нас в сеть.

Коскинен заставил себя успокоиться и ждал, пока пульс и дыхание не придут в норму. Ноги еще подгибались, но в голове потихоньку прояснялось. Скорее всего, это был один из тех районов, который на скорую руку восстановили после войны и с тех пор больше никак не благоустраивали, если не считать возведения Центра. Центры же сами по себе были самостоятельными "городами", где каждый обитатель владел хотя бы одной из профессий, необходимой в век автоматизированной экономики...

Впрочем, подумал Питер, таких районов, отстроенных после бомбежки, должно быть очень много.

Что же делать?

Кровь из носу, но он должен узнать, где он находится. Может вызвать полицию? Но полиция и так, скорее всего, уже поставлена на ноги военной контрразведкой. И не стоит забывать - агенты ВК пытались его убить, причем, совсем недавно.

Коскинен опять почувствовал, как в душу закрадывается ужас. Ведь этого просто не может быть, в отчаянии твердил он себе. Во всяком случае, не в Соединенных Штатах Америки, в стране, которая взвалила на свои плечи контроль над угрюмым миром - взвалила, правда, исключительно по собственной инициативе. Но кто еще справился бы с такой неблагодарной задачей? Ясно, Америка должна проявлять решительность. Но не пользоваться же услугами наемных убийц!

А может быть, так и надо? Может, ситуация и в самом деле критическая? Может быть, под угрозой окажется само существование Соединенных Штатов, если он, Питер Коскинен, попадет в руки врага. И тогда ему просто-напросто нужно связаться с ВК. Самому. Служба безопасности извинится перед ним, окажет всяческую помощь, а потом агенты отпустят его... Когда...

Когда же?

Отец и мать давно мертвы, подумал он. А Марс остался далеко за этим грязным вонючим колпаком, который они называют небом... Что у меня еще осталось?

Он вспомнил Дейва Абрамса. И сразу на сердце стало легче. Дейв был его лучшим другом. Да и до сих пор оставался таковым, можно поклясться. К тому же, человек он весьма рассудительный. А отец Дейва не кто-нибудь, а член Совета директоров "Дженерал Атомикс", что по влиятельности соответствовало примерно уровню сенатора США. Да, пожалуй, так будет лучше всего. Позвонить Дейву, договориться с ним о встрече, вместе подумать, как правильнее поступить, а потом так и поступить, зная, что за спиной стоят надежные друзья.

Немного придя в себя, Коскинен почувствовал, что проголодался. И пить хотелось ужасно. В последний раз он испытывал такую же жажду в экспедиции вдоль канала Церебрус, когда у него отказал увлажнитель воздуха... и когда они с Элкором отправились к Философам. Сейчас он даже не мог припомнить, как они выглядели... Кажется, это было на втором году по земному летосчислению. Да, верно. Настоящий же прорыв произошел на третий год, когда марсианская и земная науки, мировоззрения, образы мышления слились в общую концепцию природы энергии, совершенно новую для обеих рас. На четвертом году они выработали общие принципы конструирования и изготовили портативные генераторы для всех членов экипажа "Боаса". Но на Землю был взят только один аппарат - корабль нельзя было перегружать...

Тут Коскинен заметил, что его пошатывает. Голова была какой-то необычно легкой. Нужно срочно поесть. К счастью, в кармане у него по-прежнему лежал туго набитый бумажник.

4

Он пересек двор и вышел на сравнительно оживленную улицу. Приличное состояние мостовой говорило о том, что грузовики здесь ездят не часто. По обе стороны улицы, тесно прижавшись друг к другу, тянулись кирпичные и бетонные, похожие на коробки, здания. В высоту они не превышали пяти этажей. На балконах тут и там сидели люди, дыша вечерним воздухом. Некоторые прогуливались по тротуарам: шаркающие ногами старики, крутые с виду ребята с сигаретами во рту и капюшонами, низко надвинутыми на глаза, стайки гогочущих девочек-подростков в ультрамодных нарядах из тончайшей ткани, которые им будет впору носить лишь через несколько лет, когда фигуры обретут более зрелые формы. А за окнами были видны и те, кто сидел, привычно и тупо уставясь в вездесущие экраны три-ди.

Коскинен торопливо шел вперед, не обращая внимания на любопытные взгляды прохожих и шепот за спиной. Нужно поесть... нужно поесть... Свернув за угол, он увидел яркую неоновую вывеску супермаркета.

Внутри в этот час почти никого не было. Ему бросились в глаза грязь и запущенность, царившие в магазине, но зато цены здесь были вполне доступными... Да, ведь правительство специально субсидирует магазины для малоимущих. Пройдя через

секции лекарств, одежды, белья и инструментов, он увидел табло "РЕСТОРАН", на котором электронная девушка в переднике ловко жонглировала оладьями, подбрасывая их на сковородке. Обогнув полки с бакалеей, Коскинен устремился ко входу. Робошвейцара немного смутило то, что было у Питера за спиной.

- Один момент, - извинился электронный привратник.

Прозвенел звонок, засветился экран, и из динамика послышался человеческий голос:

- О'кей. Входите. Не знаю, что у вас там, но уверен, что это не с наших полок.

Коскинен смущенно улыбнулся и вошел. И сразу же с удивлением отметил, что обслуживание здесь не автоматизированное. Ручной труд, оказывается, все еще используется на беднейших уровнях, где хоть какой-то заработок был лучше, чем совсем ничего... и, как ни странно, на богатых, где люди могли себе позволить роскошь держать живых слуг.

За стойкой бара стоял здоровяк с печальным лицом; его огромный живот упирался в край стойки. У дальнего ее конца сидели двое, обхватив ладонями чашки с кофе. Статусом они явно были гораздо ниже, чем обитатели окрестных кварталов - об этом говорила их грязная, рваная одежда и недельной давности щетина. Один, - тот, что покрупнее, - уставился в три-ди, где показывали какой-то идиотский боевик о приключениях в дебрях Австралии во время войны; другой оборванец сидел зажав между пальцами сигарету, вперившись пустым взглядом в пространство.

- Что вам угодно? - бармен с печальным лицом нажал кнопку, и на экране высветилось сегодняшнее меню. Коскинен мечтал о бифштексе из вырезки с жареным луком. Но разве в такой дыре подадут натуральное мясо? Пришлось ему удовольствоваться гамбургером и рагу из водорослей.

- А для начала - самую большую бутылку пива! - добавил он.

- Ерша, что ли? - спросил бармен.

- А? - Коскинен удивленно взглянул на него. - Вы имеете в виду с водкой?

- Как бы не так! Я спрашиваю, дурь добавлять? Мескалиноид, скиззо, неонин или что еще?

- Нет. Просто самое обычное пиво. Сегодня вечером мне понадобится ясная голова.

- М-м-м... ладно. Вы ведь оттуда, сверху, точно? Прикид ничего и загар. Вообще-то у нас здесь на это смотрят косо, так что имейте в виду.

Бармен вытащил из холодильника литровый пузырь "Ракетенбрау", откупорил его и поставил перед Коскиненом.

- Если хотите знать, - продолжал он, - то мой вам совет - первым же поездом отправляйтесь восвояси. А еще лучше, позвоните, прилетит такси и заберет вас домой.

Рука Коскинена непроизвольно сжала горлышко бутылки.

- Неужели у вас такой негостеприимный район? - медленно спросил он.

- Да нет. Дело не в местных. Хотя, конечно, и у нас есть свои раздолбаи. Но тут неподалеку Кратер, и оттуда частенько наведываются всякие гопники. - Он украдкой ткнул пальцем в сторону тех двоих, что сидели за дальним концом стойки. Тот, что не курил, оторвал, наконец, взгляд своих маленьких глазок от триди, и теперь его лицо с перебитым носом и многочисленными шрамами было повернуто к ним. Он открыто и беззастенчиво разглядывал Коскинена.

Бармен придвинул к Коскинену не слишком чистый стакан и, наклонившись прошептал:

- Здесь-то у нас своя охрана, так что обычно ничего плохого не бывает. Но одному вам на улице показываться не след. Этот хмырь, кажись, просек, что у вас полный лопатник бабок.

Коскинен пожал плечами. И в самом деле, почему бы ему не вызвать такси?

- Спасибо, что предупредили, - сказал он.

Он снял со спины генератор поля и пристроил его под табуретом.

- Слышь, а что это за штука? - громко спросил бармен.

- Да так, опытный образец, - спокойно ответил Коскинен. Вопрос был задан явно не с целью провокации. На этих уровнях люди предпочитают не совать нос в чужие дела. Коскинен сделал большущий глоток. Ледяное пиво приятно защипало в горле. Утолив нервную жажду, он яростно набросился на пищу. Понемногу к нему возвратилась уверенность в себе.

Тип в лохмотьях перестал его разглядывать, отклеился от стойки и направился к кабинке фона. Кому он звонил, Питер не понял, поскольку лицо собеседника так и не появилось на экране. Поговорив, тип вернулся на место, толкнул своего приятеля в бок и стал с ним о чем-то шептаться. Коскинен решил не обращать на них внимания. Он доел и тоже направился к фону. У него всегда была отличная память, и он сразу вспомнил номер, который дал ему Дэйв. На экране загорелась надпись: "ПОЖАЛУЙСТА, ОПУСТИТЕ ОДИН ДОЛЛАР ЗА ТРЕХМИНУТНЫЙ

РАЗГОВОР. ДЛЯ ВИЗУАЛЬНОГО КОНТАКТА ОПУСТИТЕ ДВА ДОЛЛАРА.

Ничего себе, ведь это пригородный тариф... или нет? Коскинен скормил фону две монеты и выглянул из кабинки.

- Эй, - окликнул он бармена, - а где я нахожусь?

- Чего? - переспросил бармен.

- Да, понимаете, я вроде как заблудился. Что это за место?

- Бронкс, - процедил бармен и уставился куда-то в потолок. Двое у стойки усмехнулись. Коскинен закрыл дверь, и тут как раз ожил экран. Он так нервничал, что не стал даже садиться и бросил торопливый взгляд на сигнальную лампочку. Она не горела, значит, там, куда он звонил, разговор не записывали.

С экрана на него смотрела полная женщина средних лет. Глаза ее были заплаканы. Она нервно теребила обручальное кольцо на пальце.

- Миссис Абрамс? - спросил Коскинен.

Женщина молча кивнула.

- Я хотел бы поговорить с вашим сыном, Дэвидом.

- Его нет дома, - ответила она едва слышно.

"О, Господи, только не это!"

- А вы не знаете, как с ним связаться? У меня к нему срочное дело.

- Нет... нет... а кто вы такой?

- Я - Пит Коскинен, товарищ Дэвида по экспедиции...

Женщина дернулась, словно обжегшись.

- Я вас не знаю! - воскликнула она. - И о вас я ничего не знаю!..

- Но... послушайте, мэм... - по спине Коскинена поползли мурашки. Он постарался говорить как можно спокойнее. - Разве что-нибудь случилось? Дэйв наверняка рассказывал вам обо мне. Если вы не знаете, где он, может быть, попросите его связаться со мной, когда он вернется? - он смолк, немного подумал и добавил: - То есть, я сначала обоснуюсь в отеле, потом позвоню вам еще раз и сообщу свой номер, а...

- Нет! - воскликнула она. - Его арестовали! Вы разве не знаете? За ним пришли и увели!

Коскинен так и застыл.

Она, видимо, сообразила, что проговорилась.

- Вам бы лучше самому обратиться в полицию. Это какое-то недоразумение. Я просто уверена, что это недоразумение. Может быть, вы поможете все прояснить. Муж висит на фоне уже несколько часов подряд - с тех самых пор, как ... Звонит буквально

всем. Даже членам Конгресса. Но даже ему ничего не удалось выяснить. Может, вы сможете помочь... - Она заплакала.

Интересно, прослушивается ли фон? Коскинен дал отбой.

Первым желанием было бежать, куда глаза глядят. Но, поразмыслив, он понял, что это бессмысленно. Ему просто некуда было податься. Если уж один из директоров "Дженерал Атомикс" не может помочь собственному сыну, то что толку... Нужно попробовать еще раз. Свяжусь-ка я с самим капитаном Твеном.

Коскинен знал, что шкипер отправился на родину, в Орегон, хотя у него и не было там очень близких родственников. Коскинен набрал номер справочной службы.

- Пожалуйста, подождите, сэр, - отозвался голос кибера. - Ожидается минутный перерыв на линии.

Какого дьявола? Ах, да! Изменение орбит спутников связи.

- Я подожду, - сказал Коскинен.

- Если абонента нет дома, нужно ли специально разыскивать его для разговора?

- Нет, нет. Просто выясните, где он остановился. Я могу поговорить там с кем угодно.

Экран опустел. Коскинен остался один на один со слащавой "музыкальной паузой". Он стал переминаться с ноги на ногу, ерошить волосы и бороду, постукивать кулаком о ладонь. В кабине стало жарко, и он почувствовал, как по груди поползли капельки пота.

В дверь кабинки постучали. Выругавшись, Коскинен обернулся. За стеклом стоял тип со шрамами на лице, тот самый, который звонил перед Коскиненом. Питер распахнул дверь.

- Чего надо? - рявкнул он с раздражением.

- Слышь, скоро ты там? - тон был почти вежливым, но плечи вызывающе расправлены.

- Еще несколько минут. Если вы очень торопитесь, то здесь наверняка есть и другие фоны.

- Да не, все нормально. Я просто вроде из любопытства. У нас-то редко кто бывает оттуда - сверху. Вот я и подумал, что вдруг у тебя есть желание поразвлечься, а? - Изуродованная физиономия искривилась в улыбке.

- Нет, спасибо.

- А то смотри, я такие кайфовые места знаю, вы там наверху, такого сроду не видывали.

- Нет, я же сказал! Сейчас поговорю и уйду отсюда к чертовой матери. Понятно?

На мгновение выражение покорябанного шрамами лица стало свирепым, но тут же смягчилось. Оборванец кивнул.

- Да не, ты не думай ничего такого... Я просто хотел с тобой скорешиться...

Коскинен закрыл дверь. Незнакомец вернулся к стойке и о чем-то снова зашептался со своим приятелем. "Что-то рожи у них слишком довольные", - подумал Коскинен.

После мучительного ожидания, показавшегося ему вечностью, прозвучал сигнал вызова. Коскинен метнулся к фону так поспешно, что ударился коленом о кресло.

- Мы нашли нужный вам номер, сэр, - сообщил дежурный оператор. - это в городе Юджин, штат Орегон.

Коскинен добавил необходимое количество монет в аппарат.

На экране показалось незнакомое лицо.

- Капитан Сайлас Твен дома? - спросил Коскинен.

- А кто его спрашивает? - вопросом на вопрос ответил незнакомец. В его голосе сквозила настороженность.

Коскинен вспылил:

- Да кто ВЫ такой, чтобы спрашивать? Какое вам дело?

Человек на экране помялся, потом, видимо, приняв решение, заявил:

- Военная контрразведка. Капитан Твен был убит сегодня при попытке похищения. Кто вы такой?

Коскинен замотал головой; мысли вдруг разом оборвались, и в голову полез густой мрак.

- Это правда? - пробормотал он. - Или просто очередная выдумка?

- Если не верите мне, можете связаться со Службой Новостей. Так кто же вы такой? Отвечайте быстро!

- Просто... один старый знакомый. Д-д-джим Лонгуорт, - запинаясь, выдавил Коскинен, припомнив имя своего одноклассника из далекого-далекого прошлого. - Я тут узнал, что марсианская экспедиция, наконец, вернулась, и... ну, короче, я подумал, - на лице агента отразилось удовлетворение и он отключился.

В отчаянии Коскинен выглянул из будки. Тип со шрамами теперь втолковывал что-то бармену, рот его коверкала жестокая гримаса. Бармен юлил, трясся, снова и снова кивал, и в конце концов, поспешно удалился в другой конец стойки, где развил подозрительно бурную деятельность. Тип вышел. Его худой приятель, что с сигаретами, остался сидеть, но больше не курил,

а внимательно следил за происходящим. Коскинену было не до него.

Твен мертв. Огромного, грубоватого, несгибаемого Сая Твена больше нет... Но ведь этого не может быть!

А не военная ли контрразведка его прикончила?..

Коскинен снова включил аппарат, набрал номер службы Новостей и опустил монеты в прорезь. Он был так расстроен, что почти не обратил внимания на то, что сказала девушка, появившаяся на экране.

- Дайте мне последнюю информацию о капитане Твене, - почти выкрикнул он, схватившись за спинку кресла. - Марсианская экспедиция. Я слышал, он погиб этой ночью...

- Да, сэр. Информация поступила полчаса назад, я прекрасно помню. - Девушка нажала какие-то кнопки, закрутилась лента и возникло изображение человека, который говорил:

- Всемирная Служба Новостей, Юджин, Орегон, 12 сентября... Сегодня в номере отеля был найден мертвым капитан Сайлас Г. Твен, 44 лет, командир недавно вернувшейся марсианской экспедиции. Тело было обнаружено приблизительно в 16.30 по летнему тихоокеанскому времени Дориндой Джой, 22 лет, секретарем агентства, с которым капитан связывался незадолго до этого по фону. В номере имеются многочисленные следы борьбы. Кроме застреленного капитана Твена в номере обнаружено тело человека, по-видимому, китайца. Череп убитого проломлен тяжелой пепельницей, зажатой в руке капитана Твена. Полиция предполагает попытку похищения. Злоумышленников, скорее всего, было несколько, и они проникли в номер, расположенный на девятом этаже, через окно с помощью воздушной платформы. Капитан оказал сопротивление, уложил одного из нападавших. Оказавшись не в состоянии справиться с ним и опасаясь обнаружения, похитители пристрелили его и скрылись - так заявил в интервью инспектор Джон Летящий Орел. По времени звонка Твена в агентство, где работает мисс Джой, установлено, что смерть наступила не ранее 16.00. Агенты военной контрразведки немедленно прибыли на место происшествия, но до сих пор из официальных источников никаких дополнительных сведений не поступало.

Причина трагедии остается загадочной. Капитан Твен был..."

С этого места комментарий превратился в наспех состряпанный некролог, сопровождающийся кадрами из фильмов о Марсе. Коскинен выключил фон. Лучше об этом не вспоминать.

Забыть о ВК, о китайцах и о всех прочих проклятых... У него защипало в глазах. Кажется, я сейчас заплачу, подумал он со смутным удивлением.

Похоже, нет смысла звонить остальным. Наверное, я единственный, кто еще жив и на свободе, да и то только благодаря защитному устройству. Нужно поскорее отсюда выбраться, иначе и мне недолго осталось бегать...

Выбраться? Но куда? Впрочем, сейчас это и не важно. Главное - куда-нибудь подальше.

Довольно неуклюже, поскольку его все еще била дрожь и слезы застилали глаза, Коскинен набрал номер вызова такси.

- Да-да, к супермаркету "Олд Прол". Откуда же мне знать адрес? У вас есть справочник? Вот и посмотрите в нем, да побыстрее! - Он раздраженно выключил фон и нетвердыми шагами вышел из будки.

Бармен, на лице которого при виде Коскинена отразился ужас, испуганно отшатнулся. Коскинен расплатился с ним и даже дал немного на чай. Закинув генератор поля за спину, он вышел из ресторана.

Среди полок с бакалеей его остановил коренастый субъект с револьвером на бедре.

- Извиняюсь, мистер, - заявил он. - Я тут в охране. Наблюдал за вами в монитор. Вы знаете, кто тот тип, что разговаривал с вами в будке?

- Нет, - ответил Коскинен рассеянно. - Дайте пройти.

- Он и тот, что с ним, - они из Кратера. Я их тут несколько раз видел. От них хорошего не жди. И мне очень не понравилось, мистер, как он разговаривал с Гасом у стойки. Ясно, как божий день, что он велел Гасу ничего вам не говорить. А потом он оставил своего друга и куда-то слинял.

В это время по соседнему проходу между стеклянными стеллажами прошествовал второй тип, тот, который постоянно пребывал в задумчивости. Охранник посмотрел ему вслед.

- И ничего не могу с ними поделать, пока они что-нибудь не затеют, - заметил он. - Но на вашем месте, мистер, я бы остался здесь и подождал бы копов. Я их быстро вызову. Лучше будет если они проводят вас до дома.

Коскинен вздрогнул. Полиция? ВК?

- Нет уж, спасибо!

Охранник покосился на него.

- Что неприятности? Хотя по виду не подумаешь. Что это у вас за штука?

- Не ваше дело! - огрызнулся Коскинен и бросился прочь почти бегом. Охранник проводил его недоуменным взглядом, потом пожал плечами и отвернулся.

Перед распахнутым входом супермаркета Коскинен остановился. Стоянка у входа была пуста и плохо освещена. Где-то слышался шум проходящих машин, но ни одной не было видно. Может, лучше подождать такси здесь, внутри, подумал он.

А потом куда? Скорее всего, в отель - не слишком дешевый, чтобы служить воровской малиной, но и не такой дорогой, чтобы привлекать внимание службы безопасности. Или китайцев, с содроганием подумал он. Какой-нибудь средней руки отель, где обыкновенно останавливаются коммивояжеры. Долго пробыть там не удастся, слишком у него подозрительный вид. Но, во всяком случае, он успеет принять таблетку, как следует выспаться и продумать свои дальнейшие шаги еще раз.

На стоянке появилась обшарпанная каплевидная машина. Водитель вылез из кабины. На нем был стальной шлем, сбоку висел игольный пистолет-парализатор. По борту машины шла надпись: "Таксомоторная компания КОМЕТЧИК". Водитель подошел ко входу в супермаркет.

- Это вы заказывали машину?

- Да.

Коскинен последовал за ним. Водитель неожиданно шикарным движением распахнул дверцу, и Коскинен забрался внутрь.

Дверь захлопнулась. И сразу же кто-то железной хваткой вцепился ему в левое запястье и завернул руку за спину. Одновременно сильные пальцы стиснули Коскинену горло.

- Не рыпайся, и тебе ничего не будет, - произнес над ухом знакомый голос типа, который разговаривал с ним у будки.

Водитель осклабился и уселся на переднее сиденье. Нажав на кнопку, он получил разрешение на взлет и такси взмыло в воздух. Коскинен едва мог дышать.

Болван, с горечью проклинал он себя. Совершеннейший, доверчивый идиот! Те двое у стойки задумали это, едва его увидели. Резонно предположив, что Коскинен будет вызывать такси, они позвонили своему сообщнику. А тот дожидался за углом, пока не появился громила в шрамах и не сказал ему: "Давай, выруливай и цепляй его, пока не пришло настоящее такси." А второй до последнего момента следил за Коскиненом, чтобы предупредить любую неожиданность и в случае чего известить своих дружков. Но все прошло, как по маслу. Его, Питера Коскинена, обвели вокруг пальца.

- Вот и славненько, - сказал громила. - Расслабься и ни о чем не думай. Мы тебя выпустим через милю-другую. Достань правой рукой бумажник и брось его на пол.

Коскинен сделал, что было приказано. Черт, теперь я совсем пустой, подумал он. Осталась едва ли двадцатка мелочью. А с банком связываться опасно...

- О'кей, - проворчал громила. - Он хороший парень, Тим. Высади его возле какой-нибудь станции надземки, чтобы он выбрался отсюда живым.

- Понял, - отозвался водитель и снова нажал кнопку. Диспетчерская служба опустила такси на наземный уровень и сняла машину с контроля. Они проехали еще немного и остановились в переулке между двумя совершенно глухими стенами - наверняка это были какие-то автоматические фабрики. Над головами грохотала грузовая транспортная линия. В переулке было довольно сумрачно.

- Да, вот еще что - сказал громила. - Эту штуку тоже давай. Ту, что у тебя за спиной - черт, только сейчас пришло в голову! - она мне тоже нужна. Не знаю уж, что это такое, но Зиггер или его телка разберутся. Может сам скажешь?

- Пожалуйста, не надо... - прохрипел Коскинен.

- Вот еще! Давай, вылезай из лямок. Пронто![1]

Хватка на горле чуть ослабла, но водитель, обернувшись наставил на него игольный пистолет. В сумраке кабины блеск металла был едва различим.

- И смотри, без всяких, - добродушно заметил он.

Черта-с-два, подумал Коскинен, мне нечего терять. Он незаметно снял туфли, и, делая вид, что пытается высвободиться из лямок, нашупал свой бумажник и зажал его ступнями в носках.

- Давай, давай, пошевеливайся, - нетерпеливо прикрикнул громила.

Коскинен нажал выключатель.

Цилиндрическое силовое поле столкнуло его с сиденья, и теперь он висел в воздухе в углу салона. Бандита отбросило к противоположной дверце. Возможно, он и орал что-то, да и водитель наверняка ругался черными словами, но для Коскинена они теперь были не опаснее безмолвных теней.

Коскинен сунул бумажник обратно в карман и замер, все еще дрожа от возбуждения. Сейчас он был абсолютно неуязвим. Да-

---

1 Быстро! - *(итал.)*

же глаз не мог проникнуть сквозь невидимый барьер; кислородом для дыхания Питера обеспечивал восстановитель воздуха. Потом он увидел, как выстрелил пистолет, но игла сплющилась о поле, и громила сразу открыл окно, чтобы проветрить салон от летучего анестетика.

- Вот это правильно, - крикнул им Коскинен, хотя от крика толку было мало, так как они тоже не могли его слышать. - Нельзя вам здесь долго болтаться - вокруг полно полицейских машин. А меня вам теперь не достать. Так что выкидывайте меня за дверь и валите отсюда! Все-таки я вас провел! Давайте, давайте, скорее!

Громила стал ощупывать поле, пытаясь определить насколько оно непроницаемо. Он толкнул Коскинена плечом и обнаружил, что невидимый кокон со своим содержимым легко передвигается, поскольку не имеет собственного веса.

- Выталкивай меня наружу и дело с концом, ты, недоумок! - заорал Коскинен.

Тени посовещались. Водитель снова склонился над приборной панелью. Такси взмыло в воздух.

О, Господи, подумал Коскинен. Они везут меня с собой! Куда?

Воздушные линии неплохо освещались тусклым рассеянным сиянием, поднимавшимся от земли. Коскинен ясно видел громилу. Внимательно следя за Питером, здоровяк скорчился в противоположном углу кабины, в руке у него теперь был пистолет водителя, другой рукой он сжимал виброкинжал. Глаза его от страха побелели, грудь вздымалась, на лице блестел пот. Но все же, бандитам в смелости не откажешь, подумал Коскинен. Хотя они и испугались, но изучить неведомое - слишком сильный соблазн, тем более, что потом есть надежда его использовать.

Что же делать?

Он мог отключить поле, распахнуть дверцу и выпрыгнуть... Нет. На это потребуется не меньше секунды. Игла из пистолета воткнется в него гораздо быстрее.

Другой выход - сдаться им на милость.

Нет. Еще рано. Это-то он всегда сможет сделать, если положение станет совсем безнадежным. Лучше подождать, пока они не убедятся в его неуязвимости, а там, быть может, удастся с ними поторговаться... Силы покинули его. Расположившись поудобнее в тесном сферическом пространстве, Коскинен стал тоскливо ждать, чем все это кончится.

5

До Кратера было недалеко. Такси вышло из зоны наведения контрольной службы, водитель включил ручное управление, и Коскинен увидел внизу и впереди круг темноты, выделяющийся на фоне тускло освещенной паутины улочек. На краю Кратера стояли несколько зданий, в которых светилось по одному-два окна. Остальное было погружено во мрак. В нескольких милях отсюда высился Центр, похожий на ступенчатый сверкающий фонтан. Видна была и пара небоскребов, в которых помещались штаб-квартиры транснациональных корпораций. Он мог даже различить снующие по улицам светлячки наземных машин. Но все это с таким же успехом могло происходить и на другой планете...

Только не на Марсе, с отчаянием подумал он. Марс тоже убивал людей: непригодной для дыхания призрачной атмосферой, голодом, жаждой, холодом и враждебностью. Но в пустынях его, в многовековых кочующих лесах, на ледяных плоскогорьях и, в особенности, в могучих и ясных марсианских умах, слившихся с человеческим разумом, чтобы расширить знание, жила необъяснимая, неземная красота.

Тогда меня страшно мучила ностальгия. Сейчас, когда я думаю об этом, я понимаю, что мне просто не хватало зеленой травы, деревьев, солнца, ласкающего обнаженную кожу, ветерка, проносящегося над озером, бабьего лета, снега, людей - вот, что главное, - людей, которых я знал с детства, людей, населяющих этот прекрасный мир. Но то, что я увидел, - это не Земля. О, Разделяющий Надежды, забери меня назад, к себе, на Марс...

Такси висело над темным кругом, пока водитель связывался с кем-то по фону. Дает знать своим, что это именно он? Ходили слухи, что у самых могущественных главарей в подобных местах были средства, позволяющие сбивать непрошеных гостей. Коскинен не знал, правда это или нет. Вообще у обитателей верхних уровней почти не было информации о Кратерах. Коскинен знал только, что в эпицентрах взрывов остаточная радиоактивность не позволяла восстанавливать постройки. Потом радиоактивность уменьшилась, и самые бедные элементы общества перебирались все ближе к подобным местам, земля там была или очень дешевой или вообще бесплатной. Самые отчаянные жили прямо в кратерах, периодически выползая собирать дань с жителей наземных уровней. Они держали под контролем целые города. Полиция, у которой и без того было достаточно забот, редко

вмешивалась в их дела, если только не случалось что-то совсем уж из ряда выходящее, а чаще всего не встревала и в серьезных случаях. Любая видимость порядка лучше его полного отсутствия, а бароны кратеров создавали хоть какое-то подобие социальной организации в трущобах.

Наконец, водитель отключил фон. На пульте заморгал радиомаяк, и такси пошло вниз. Машина мягко коснулась земли, и вокруг нее сразу возникли несколько смутных теней, Водитель выбрался из кабины, что-то сказал, и тени, открыв дверцу, вытащили Коскинена наружу.

Он огляделся. Они находились на неширокой бетонной площадке, расположенной на полпути от дна кратера до его края. Площадка являлась крышей какого-то строения. Склоны кратера были погружены в темноту, лишь кое-где отблескивали остекленевшие от атомного жара обломки. Еще дальше, на самом краю, на фоне красноватого сияния вырисовывались силуэты сторожевых вышек. Фонарь, который держал в руке один из встречающих, освещал полдюжины мрачных типов в касках и кожаных куртках, направивших пистолеты на чужака. Двое подняли Коскинена и куда-то его потащили, остальные - в том числе, громила и водитель - двинулись следом. Отгонять такси послали кого-то другого.

Коскинен неподвижно лежал в своем коконе. Тело ломило от усталости. Его протащили сквозь двери на первом этаже, потом по крутому спуску внесли в обшитый пластиком туннель, освещенный флюоресцентными лампами. Там стояла тележка, на которую вся компания, погрузив Коскинена, залезла сама. Тележка быстро покатилась вниз. Через некоторое время они попали в более широкий туннель, наверное, участок подземки, уцелевший во время взрыва и слегка переоборудованный. Должно быть, у них здесь собственная система энергоснабжения, подумал Коскинен, вентиляция, отопление, запасы пищи и оружия; они вполне могут пересидеть тут долгую осаду. Мимо проезжали другие тележки, люди на них - в основном, рабочие - почтительно склоняли головы при виде воинов. Тележка проскочила стальные ворота, по обе стороны которых располагались встроенные в стены пулеметные гнезда и, наконец, остановилась перед укрепленным пунктом. Отсюда вся группа пешком направилась в боковой туннель.

Коскинен очень удивился, когда они вошли в зал с зеркальным полом, оформленный с еще большей элегантностью, чем номер в отеле "Фон Браун". Через открытую дверь в другом

конце виднелось следующее помещение, обставленное роскошно и с завидным вкусом. Наконец, миновав не такие великолепные, но полностью оборудованные жилые комнаты, просторные мастерские, дверь с надписью "Электроника" и массивные двойные ворота, они оказались в выложенном бетонными блоками боксе. Тут Коскинена опустили на пол.

Питер поднялся на ноги. Это требовало определенного умения - нужно было осторожно перемещать центр тяжести до тех пор, пока упругий силовой кокон не встанет на широкое плоское "основание". Оглядевшись, он увидел, что охрана расположилась вдоль стен, все пистолеты были направлены на него. На рабочем столе светились шкалы приборов, тут же стоял фон и экран монитора. Наверное, здесь они испытывают то, что считают опасным, решил Коскинен.

Ждали, казалось, очень долго, но вот, наконец, снова открылась внутренняя дверь, и в помещение вошли двое. Охранники вытянулись у стен. Понимая важность момента, Коскинен постарался справиться с волнением и внимательно присмотрелся к вошедшим.

Мужчина был довольно крупным, средних лет, человеком с приличным животиком и небольшой лысиной. На розовом пухлом лице выделялись только картофелина носа и прорезь рта, бровей не было вовсе. Но передвигался он с легкостью, которая предполагала наличие тренированных мышц. Одет он был в пышное одеяние из переливающейся синей ткани, на пальцах сверкали перстни. Пистолет на бедре выглядел довольно потертым. От частого пользования?

Девушка на вид была симпатичной - высокая, с прекрасной фигурой и гибкой походкой. Не старше тридцати, решил Коскинен. Иссиня-черные волосы спадали ей на плечи; лицо было довольно широким - с блестящими карими глазами, широким носом, полными, сердито изогнутыми губами. Кожа у нее была цвета кофе с молоком, рядом с ней остальные выглядели просто какими-то бледными немочами. Эффект усиливал еще и белый лабораторный халат, который она накинула поверх дорогого красного платья.

Это босс, собственной персоной, понял вдруг Коскинен, и мурашки побежали у него по коже. Как они его тут называют? Зиггер?

Босс медленно обошел вокруг кокона и ощупал границы поля. Сделав знак своим подручным отойти в сторону, чтобы их не задело рикошетом, он несколько раз выстрелил в Коскинена. Но

пули аккуратно падали на пол. Облокотясь на стол, девушка наблюдала за происходящим. Наконец, она взяла блокнот, что-то написала и поднесла листок к лицу Коскинена.

Красивый почерк, отметил Питер с удивлением. Надпись гласила: " Нам нужна эта штука. Хотите ее продать?"

Он отчаянно замотал головой.

- Отпустите меня!

Девушка нахмурилась и написала: "Объясняйтесь жестами. Используйте азбуку глухонемых". И она показала ему на пальцах несколько букв.

Глухонемые?... Да, конечно, тем, кто не может себе позволить купить нейропротезы, остается только объясняться знаками. Коскинен неуклюже изобразил: "Вам меня не достать, а меня уже ищет полиция. Лучше отпустите меня".

Девушка сказала что-то Зиггеру, и Зиггер откровенно изумился. Но тем не менее, он ей поверил, раз почти сразу отдал приказ охране покинуть помещение. Девушка снова написала Коскинену: "Очевидно, у вас имеется аппарат для очистки воздуха, но других припасов у вас нет. Мы не дадим вам выйти до тех пор, пока вы не начнете умирать от голода. Так что лучше выходите сами и давайте поговорим. Зиггер иногда держит слово - когда это ему выгодно". Тут она кокетливо улыбнулась боссу, который читал написанное через ее плечо. Тот побагровел, но ничего не сказал. "Однако, лучше с ним не ссориться."

Ну прямо Братец Кролик в зарослях шиповника, подумал Коскинен. "Только не замуровывайте меня," - показал он пальцами. Пусть только попробуют, с надеждой подумал он. Я расширю поле и разломаю любую кладку... И сбегу!

"Хорошо. К тому же голодать - это слишком долго", - лаконично ответила девушка.

Один из охранников вернулся, держа в руках какую-то громоздкую штуку с длинным стволом. Девушка написала:"Знаете, что это?"

Коскинен отрицательно покачал головой.

"Лазерное оружие. Дает очень мощный луч. Его еще называют тепловым ружьем".

Ну конечно, подумал Коскинен. Воля оставила его.

"Мне кажется, раз ваше силовое поле, или что у вас там, пропускает свет в обе стороны, оно пропустит и инфракрасные лучи", - написала она. "Сначала мы выстрелим по ногам".

Охранник вскинул ружье, но Коскинен опередил его - отключил поле и повалился вперед на четвереньки.

6

Разбудил его сигнал фона. Питер повернулся на другой бок, сунул голову под подушку и попытался забыть о его существовании, но фон продолжал звонить. Коскинен выругался сквозь зубы, потянулся рукой и включил аппарат.

С экрана смотрела темноволосая девушка. Питер изумленно замер, стараясь вспомнить - кто она такая, и где находится сам.

- Доброе утро, - произнесла девушка, улыбнувшись одними губами. - Вернее, добрый день. Уже довольно поздно. Мне кажется, вы уже выспались.

- Что?

Мало-помалу, по кусочкам, память возвращалась.

Он чуть не потерял сознание, когда отключилось поле. Потом они отобрали у него устройство, вкатили в вену успокоительное и уложили спать... Он обвел взглядом небольшую, но довольно уютную комнатку с ванной. Дверь здесь была только одна, а окон не было вообще, только решетка вентиляции... Да, ведь он под землей, в зиггеровском замке наоборот... В бункере.

- Я хочу с вами поговорить, - сказала девушка. - Я уже заказала обед. - Улыбка ее стала шире. - Хотя для вас это будет завтрак. Охранник зайдет за вами через пятнадцать минут. Торопитесь!

Как только экран погас, Коскинен сполз с кровати. Его одежды не было, но в стенном шкафу он обнаружил несколько прекрасных новых вещей. Ионный душ выбил из тела осадок вчерашнего переутомления, и, облачившись в зеленую куртку и серые брюки, он почувствовал себя гораздо бодрее. Когда вооруженный охранник заглянул в дверь, Коскинен ждал его.

Лента транспортера доставила их в роскошные апартаменты. Охранник остался позади, и перед Коскиненом открылась анфилада из нескольких комнат со светлыми паркетными полами. На стенах висели картины. По обзорной стене кружились абстрактные цветовые пятна, показавшиеся ему слишком заумными, но в негромкой музыке он с удовольствием узнал любимого Моцарта. Первая комната была обставлена в восточном стиле, мебель на низких ножках располагалась вокруг возвышения, на котором покоился великолепный кусок необработанного лунного хрусталя. Сколько такая глыба может стоит? Коскинен прикинул сумму и помотал головой.

Девушка уже сидела за столом; белое одеяние подчеркивало чудесный цвет ее кожи. В одной руке она держала коктейль, другой - с зажатой в пальцах сигаретой - махнула Коскинену.

- Садитесь, Пит.

Голос у нее был хрипловатый, с едва заметным южным акцентом. Скорее всего, она квартеронка, решил он, с примесью креольской крови.

- Откуда вы знаете мое имя? - спросил он и спохватился: - Ах, да, конечно. Вы же видели документы в моем бумажнике.

- Еще и навели кое-какие справки в Службе Новостей, - кивком подтвердила она. - Здорово вас встретили на родине, правда?

Коскинен уселся напротив нее, вкатился робот-официант и спросил, что он будет есть. Только сейчас Коскинен осознал, что в комнате только двое людей - он и она, хотя за дверью наверняка стоит охранник, и где-то обязательно спрятана кнопка тревоги или потайной микрофон. Вон, например, какой у нее толстый серебряный браслет...

- Да, встретили... - Питер неопределенно пожал плечами.

Она состроила гримаску.

- Вас еще нужно воспитывать. Впрочем, как хотите. Вы курите?

- Нет, благодарю. - Он облизнул губы. - И что же обо мне поведали Новости?

- А ничего, - ответила она, глядя ему прямо в глаза. - И в редакции фонопрограмм, и в газетах известно только, что вы по-прежнему живете в роскошном "Фон Брауне" в Филадельфии. И между прочим мы не смогли связаться ни с одним из ваших товарищей по экспедиции.

Коскинен с горечью кивнул.

- Я только надеюсь, что ВК их не прикончила. Зато китайцы убили Сая Твена, вы знаете?

- Что?! - Она выпрямилась.

- Да это же было в Новостях, - с дрожью в голосе заметил он. - Вчера вечером.

- Вчера, но не сегодня, - ответила она. - Сегодня сообщают, что он погиб в автокатастрофе, а все, что говорилось об убийстве, явилось следствием истерического... - тут ее чувственные губы сжались, и Коскинен сразу вспомнил Зиггера. Тот тоже поджимал губы. - А что с ним случилось на самом деле?

Он принял вызов.

- А почему я должен вам рассказывать?

Она опять смягчилась, и его удивила быстрота метаморфозы.

- Послушайте, Пит, - сказала она негромко и торопливо, - вы оказались втянуты во что-то чертовски важное. Я целый день исследовала эту вашу штуковину, и уже знаю, что она может. Этого достаточно, чтобы Зиггер сошел с ума. Правда, у нас здесь нет психотропных средств, но зато есть нейростимулирующие аппараты и даже кое-что похуже. Нет, вы не подумайте... - она подняла тонкую руку, - я вовсе не угрожаю вам. Угрожать я бы не стала никому ни под каким видом. Но есть еще Зиггер. И поэтому я предупреждаю вас, Пит. Вы понимаете, что это значит. У вас нет иного выхода, кроме сотрудничества... ну, хотя бы со мной.

- И что будет, если я соглашусь? ВК меня по головке не погладит.

- Если вы считаете, что они вам этого не простят, то нам ничего не стоит укрыть вас от них. Кратер умеет ценить помощь и благодарить за нее. О'кей. Так что же все-таки случилось с Твеном?

Робот подал ему стакан, и Коскинен, не глядя, схватил его и залпом осушил. Потом торопливо рассказал ей все, что знал.

Выслушав, девушка покивала, аккуратно зажгла новую сигарету и некоторое время молча курила, размышляя. Затем она сказала,

- Да, очевидно, вчера передавали то, что было на самом деле. А сегодня передают то, что велело ВК. Они просто наложили запрет на информацию. Но я теперь понимаю... Ваша экспедиция привозит эту штуку на Землю, абсолютно не представляя реакции, которую она тут же вызовет. Команда разъезжается по домам. В разговорах с друзьями они то и дело упоминают о некоем аппарате. ВК, которая, на всякий случай, присматривает за ними, узнает обо всем буквально в считанные часы. Там-то сразу понимают, что такое это ваше устройство, и следующий шаг напрашивается сам собой - необходимо срочно завладеть аппаратом и изолировать всех, кто хоть что-нибудь о нем знает, по крайней мере, до тех пор, пока они не решат, как поступать дальше.

Но у китайцев тоже есть собственная шпионская сеть - агенты, информаторы, рассеянные по всему миру. Это всем известно. И... очевидно, вся китайская агентура была задействована на возвращающейся экспедиции. Ведь предыдущие экспедиции доказали, что марсиане обладают довольно развитой наукой, хотя и совершенно непохожей на земную. То есть, "Боас" вполне мог привезти на Землю что-нибудь экстраординарное. Надо учесть,

что и официальной целью экспедиции было подробное исследование марсианской цивилизации. Китайские агенты запросто могли внедриться на ключевые места задолго до вашего возвращения. Например, подружиться с семьями космонавтов и все такое. Поэтому информацию о коконе они получили почти одновременно с ВК. Захват членов экспедиции должен происходить наперегонки...

На пустой желудок спиртное подействовало как удар кулаком.

- Бесполезно все это, - пробормотал Коскинен сквозь окутавший голову туман. - То устройство, что было у меня, - единственное на Земле. И я единственный, кто по-настоящему в нем разбирается. Дело в том, что именно я его разработал. Само собой, с помощью марсиан. А у остальных были собственные дела.

Она откинулась на спинку кресла, расслабляясь, словно большая кошка. Следующий вопрос лишь подтолкнул Коскинена к дальнейшим излияниям.

- Тогда почему же ВК не прихватила вас самым первым?

- Наверное, у них сначала не было полной информации. А может быть, просто не смогли меня найти. Я всем говорил, что собираюсь в Миннеаполис, а в последнюю минуту передумал и завернул в Атлантик-сити. Но все равно, появились они довольно быстро. А за ними по пятам уже шли китайцы.

- Я так понимаю, что когда наши ребята натолкнулись на вас, вы как раз улепетывали от китайцев.

- И от ВК заодно. - Коскинен допил остатки коктейля. - Тоже хотели меня кокнуть - эти самые, из ВК.

Девушка уставилась на него круглыми глазами. Коскинен понял, что лучше уж рассказать все до конца, и поведал ей о своем приключении с агентами ВК.

- Понятно, - прошептала она, выслушав его исповедь. - Я вам верю, я знаю, что у них там за субчики. - Она потянулась через стол и сжала его ладонь. - Но сейчас вам лучше поесть.

Робот-официант принес суп, булочки и настоящее масло. Дождавшись, когда Коскинен расправится с пищей, она усмехнулась и сказала:

- Да, кстати. Совсем забыла, вы же до сих пор не знаете, как меня зовут. Я - Вивьен Кордейро.

- Очень приятно, - пробормотал он. В голове немного прояснилось, вернулись силы и вместе с ними - подозрительность. Теперь он ругал себя за то, что выложил на стол слишком много

козырных карт, которые весьма пригодились бы впоследствии. Ситуация по-прежнему казалась ему кошмарным сном.

- А вы не физик? - спросил Коскинен.

- В некотором роде, - кивнула она. - Училась в Институте, как и вы, если верить вашей официальной биографии. Вот только подобрали меня, когда мне уже было пятнадцать. - Она нахмурилась. - А до этого со мной уже много чего успело произойти. Теперь это, конечно, не имеет никакого значения. Здесь я возглавляю технический отдел. Даже боссам Кратеров нужны люди, разбирающиеся в энергетике и теории информации.

Коскинен сказал:

- Надеюсь, вы понимаете, что это защитное устройство - всего лишь первый, экспериментальный образец. Вам потребуется большая лаборатория и несколько лет работы, чтобы выявить все его потенциальные возможности. Особенно те, которые еще и представить невозможно.

- Да, верно. Но Зиггер прекрасно сможет использовать уже известное. Давайте поговорим об этом. Не подробно, боюсь, математика для меня будет сложновата. В общих чертах, ладно?

Коскинен заколебался.

- Но ведь я и так многое уже знаю, - напомнила она.

Он тяжело вздохнул:

- О'кей. Спрашивайте.

- Ладно. Это марсианский прибор?

- Не совсем. Я уже говорил, мы разработали его вместе. У них была теоретическая база, но никакого понятия о физике твердого тела.

- Так. Значит, ВК не может послать туда еще один корабль и нахально потребовать остальные такие же коконы. Из сообщений прошлых экспедиций ясно, что марсиане не станут якшаться с врагами тех людей, которые стали их друзьями. Обмануть их невозможно, они просто знают - кто есть кто. Русские уже имели возможность убедиться, что им вполне по силам уничтожить атомные заряды прямо на складах - причем, еще до начала боевых действий. Учитывая, что космические корабли имеются только у американского правительства, никто, кроме американцев, не сможет попасть на Марс. Вывод прост - основная игра развернется здесь, на Земле. Итак, что же такое этот ваш невидимый кокон? Потенциальный барьер?

Удивленный, он кивнул:

- Как вы догадались?

- Просто это самое вероятное. Двусторонний потенциальный барьер, словно горный хребет отделяющий человека от остального мира... Я пришла к выводу, что толщина барьера - несколько сантиметров, и никакие тела, обладающие скоростью, меньшей, чем первая космическая, не могут его преодолеть. Пуля не пробивает экран и падает на землю, это я вчера видела. Но что происходит с ее кинетической энергией? Экран не дает рикошета...

- Поле поглощает ее, - пояснил он, - и запасает в аккумуляторном блоке. Этот блок, по сути, и генерирует поле. Если бы пуля летела со скоростью, достаточной для преодоления барьера, то на выходе она получила бы добавочный импульс за счет энергии из блока питания. Сейчас устройство настроено на пятнадцать миль в секунду...

- И это предел? - присвистнула Вивьен.

- Нет. Барьер можно уплотнять сколько угодно, он может стать непроницаемым даже для электромагнитного излучения. Единственно, для этого потребуется гораздо больше энергии. Напряженность поля можно увеличить за счет уменьшения объема кокона. Ну, например, вы хотите заключить в сферу целый дом, но тогда скорость проникновения соответственно окажется равной примерно одной миле в секунду, хотя лучше подсчитать поточнее.

- Одна миля в секунду - тоже прилично, - сказала она. Коскинен видел, что его слова произвели впечатление. - А как запасается энергия?

- Это квантовая регенерация. Решетка кристалла аккумулятора сжата до энергетического максимума. Сжатие обеспечивается регенеративным субполем, и оно же, кстати, определяет энергию проникновения для сферического кокона поля.

- Знаете что? - довольно спокойно заметила Вивьен. - Вы сейчас полностью опровергли все известные принципы хранения энергии, уничтожили с дюжину ведущих отраслей промышленности и произвели на свет штук двадцать новых. Что же касается самого поля, или экрана или кокона или как вы там еще называете... скажите, что оно из себя представляет? Область искривленного пространства?

- Можно назвать и так, если угодно. Хотя, строго говоря, "искривленное пространство" - в лучшем случае тавтология. а в худшем - просто бессмысленный набор звуков. Я бы мог вам показать уравнения... - тут Коскинен спохватился. Этого нельзя

было делать ни в коем случае. Ведь он в плену у шайки преступников!

Но Вивьен, к его облегчению, только вздохнула:

- Этого я никогда не пойму. Я даже забыла то, что когда-то знала. Давайте будем придерживаться прикладной стороны. Например, я сегодня обратила внимание, что в ваше устройство встроен термостатический блок. А еще там есть воздухообменник, я таких никогда в жизни не видела.

- Все это создано по марсианской технологии - подтвердил он. - Углекислый газ и водяные пары пропускают через металлическую губку- катализатор, которая подпитывается все из того же энергоблока. В основном, они преобразуются в твердые карбонгидраты и свободный кислород, а остальное - ацетон, запахи тела и прочее - связывается в виде радикалов в карбонгидратах.

На Марсе у нас было устройство, которое преобразовывало вообще все отходы организма и восстанавливало выделяющуюся воду. Мы брали с собой только пищу и проводили в полевых исследованиях целые недели. Но оно было слишком уж громоздким, а поскольку сам принцип рециркуляции более чем элементарен, мы оставили его на Марсе.

- Понимаю, - кивнула Вивьен. - Но как же вы ухитрялись работать, если были практически неподвижны внутри силового кокона?

- Обычно мы ездили на специальных волокушах или на марсианских песчаных санях, которые цеплялись к электрическим тракторам. Тракторы мы привезли с Земли. Большую часть образцов собирали роботы с дистанционным управлением. А под конец наши инженеры разработали аппараты, которые мы называли ходики - небольшие индивидуальные платформы с механическими ногами и манипуляторами. На ходиках можно было отправиться куда угодно. А в случае опасности поле всегда можно было расширить и прикрыть им и человека и машину.

- Но, - задумчиво добавил Коскинен, - все это создавалось на скорую руку. В принципе несложно сформировать поле, которое облегало бы как термоскафандр. Только в этом случае пришлось бы использовать несколько небольших генераторов, каждый из которых обслуживал бы различные движения человека. Суммарная мощность поля в любой момент равнялась бы сумме векторов отдельных полей. Конечно, такая штука потребует значительных инженерных разработок.

Вивьен с энтузиазмом подхватила:

- Космические корабли, воздушные суда, даже наземный транспорт - и все это вообще без корпусов, только генераторы потенциального поля в случае необходимости! Изменяй форму поля, и вот тебе пожалуйста жилой купол вместо космического корабля - разрабатывай какой-нибудь астероид... Господи, ведь вы даже не представляете, что из этого можно получить - от атомной энергии до субсветовых скоростей... А может, и сверхсветовых, а? Бьюсь об заклад, если возможно удерживать в вырожденном состоянии молекулы, то то же самое возможно и для атомов. Мы станем преобразовывать любую материю прямо в энергию... О, Пит, ваше поле - это только начало!

Тут он вспомнил, где находится, и по-прежнему мрачно заметил:

- Это вполне может оказаться и концом. Слишком много конкурентов охотятся за этой штукой.

Оживление оставило Вивьен. Она снова откинулась назад.

- Да, - ровным голосом подтвердила она. - Это тоже вполне возможно. Практически полная неуязвимость... Люди рвали друг другу глотки и за гораздо меньшее, верно?

Робот подал жареную индейку с приправами. Вивьен вздрогнула, как будто ей вдруг стало холодно, и улыбнулась Коскинену мимолетной улыбкой.

- Простите меня, Пит, - сказала она. - Я вовсе не собиралась сегодня столько говорить о делах. Давайте забудем о них на время. Я бы хотела поближе узнать вас как человека. - Голос ее упал. - Такие люди, как вы, в наше время встречаются редко. Скорее всего, их просто нет.

Разговор продолжался до самой ночи.

7

Охранник жестом показал Коскинену на двойную стальную дверь. Вид голых бетонных стен лаборатории заставил его снова остро почувствовать одиночество. Питер огляделся. Вивьен и Зиггер уже ждали.

- Он точно об этом ничего не говорил? Совсем ничего? А может, у него все-таки есть небольшое заведеньице где-нибудь на нижних уровнях? Тогда мы его запросто выловим и побеседуем по душам. Ну, так как? - спросил Зиггер. Вивьен поджала губы.

- Не старайся казаться еще большим идиотом, чем ты есть, Зиггер. Разве такой придурок, как Кости, может чем-нибудь заправлять? Да он и простого-то дела не осилит.

- Не такой уж он придурок.

- Но ведь он балуется психостимуляторами...

- Это не наркотики.

- А я тебе говорю, что это одно и то же.

Зиггер в бешенстве замахнулся на нее. Вивьен не дрогнула.

- Это вот как ты собираешься найти Кости? Очень мило, - сказала она. Рука Зиггера упала, и он с ворчанием отвернулся. Тут его взгляд упал на стоящего у двери Коскинена.

- Ага! Наконец-то! - безбровые глазки сверкнули. - Ну-ка, иди сюда. Бак, держи его.

Один из стоявших рядом охранников завернул Коскинену руки за спину. Стало больно. Может, он и вырвался бы и дал сдачи, но двое других охранников, да и сам хозяин были при пистолетах.

Зиггер взял со стола клещи.

- Я хочу, чтобы ты кое-что понял, парень, - сказал он совершенно обыденным тоном. - Тебя поймали. За пределами Кратера никто ни малейшего представления не имеет, где ты находишься. Теперь ты - собственность. Моя собственность. Я могу с тобой сделать все, что моей душе заблагорассудится, а ты ничего не можешь с этим поделать.

Клещи сомкнулись на носу Коскинена.

- Захочу, и выдерну твой шнобель с корнем, понял? - Зиггер сжал клещи так, что у Коскинена из глаз потекли слезы, и удовлетворенно улыбнулся. - А ведь у тебя есть местечки почувствительней, - заметил он. - Хотя, если я решу, что не стоит тебя калечить, то просто подключу к нейростимулятору. Это пожалуй, похлеще. Не завидую тебе. А когда мы с тобой закончим, пропустим через мясорубку. Я ведь держу кошек, а сам знаешь сколько сейчас стоит свежее мясо. Нехотя Зиггер убрал клещи от лица Коскинена. На его лице выступили капельки пота. - Вот что я могу сотворить со своей собственностью, понял? Теперь ты, Ви. Сделай то, что я тебе говорил.

С абсолютно бесстрастным лицом Вивьен взяла закрепленный на цепочке толстый стальной диск дюймов трех в диаметре, одела его Коскинену на шею и соединила звенья миниатюрным сварочным аппаратом. Питер почувствовал жар даже сквозь подложенный под место сварки листок асбеста. В результате этой процедуры на шее у него оказалось украшение, которое невозможно было снять без инструментов.

Пока Вивьен работала, Зиггер разглагольствовал:

- Вот теперь мы будем в тебе уверены. Теперь ты поможешь нашей ученой даме исследовать свой силовой экран. Покажешь ей, как он работает и как сделать другие такие же. Разрешаю тебе вносить в конструкцию улучшения. Да, у тебя могут появиться кое-какие идеи насчет того, чтобы закинуть аппарат за спину и включить его там, куда не достанет луч лазера. Прошу тебя, забудь об этом. У тебя на шее фульгуритовая капсула с радиодетонатором. Если ты только что-нибудь задумаешь, я нажму кнопку, и тебе оторвет голову.

- Смотри, не нажми свою кнопку случайно, - огрызнулся Коскинен.

- Не беспокойся, - отозвалась Вивьен. - Детонатор срабатывает по специальному коду. - Она закончила работу и опустила цепочку, оставив на месте асбестовый листок.

- Хватит, Бак, - сказал Зиггер. Охранник резко опустил руку Коскинена, и Питер, высвободившись, чуть не упал. Хмуро поглядывая на присутствующих, он стал растирать нос. Зиггер ухмыльнулся.

- Не обижайся, Пит, - сказал он. - Просто я решил показать тебе жизнь сначала с плохой стороны. А теперь, давай посмотрим с хорошей. Хочешь закурить? А может, таблеточку? Они у меня здесь, с собой.

- Нет, - ответил Коскинен.

- До тех пор, пока ты остаешься пленником, ты - собственность. - продолжал Зиггер. - Но вот эти ребята, например, ничья не собственность. Они здесь потому, что умеют схватить счастье за хвост, когда оно попадается им на глаза. Я бы хотел, чтобы ты был с нами, Пит. То есть, я хочу сказать, по своей воле, по доброй воле. Только не ужасайся. Я вовсе не злодей. Ты просто должен понять, что я сам себе правительство. И конечно, я сам устанавливаю законы, сам собираю налоги, сам забочусь о своих подданных. А чем еще должно заниматься правительство, а? Что такого сделал для тебя Вашингтон, чего не могу сделать я? И даже еще больше? Тебе нужны хорошая еда, хорошее жилье, развлечения и игры? Все это ты можешь получать прямо здесь, начиная хоть с сегодняшнего дня. Тебе даже не придется провести в Кратере остаток жизни. Изменишь внешность, и отправляйся куда душе угодно. Я содержу и отменные квартиры, и охотничьи угодья, и виллы, и яхты и бог знает что еще в самых разных уголках мира. А когда будут готовы эти твои коконы, у меня всего этого станет еще больше. Намного больше. Ты только представь, сынок, чего

мы добьемся всего за несколько лет. Ну так как, вступаешь в игру?

Коскинен молчал. Зиггер похлопал его по плечу.

- Ты обдумай все хорошенько, Пит, - сказал он доверительным тоном. - А пока думаешь, работай как следует и веди себя хорошо. Ну, пока! - Он вышел. Охранники последовали за ним.

Вивьен зажгла сигарету, уселась на табурет и несколько минут молча курила, делая глубокие, нервные затяжки. Коскинен тем временем принялся ходить по комнате. Под самым горлом он все время ощущал тяжесть бомбы.

Он мельком взглянул на экран монитора. Наверняка за ним кто-то наблюдал, может, даже сам Зиггер из соседней лаборатории. Сколько их у него в этом логове? Питеру очень захотелось показать невидимому наблюдателю какой-нибудь жест понеприличнее, но потом он раздумал.

Защитное устройство лежало на столе. Он нервно постучал пальцами по панели управления.

- Мне очень жаль, что пришлось повесить эту штуку, - сказала Вивьен. - Но выбора не было. Мне многое сходит с рук, но не подчиниться прямому приказу босса...

- Само собой, - отозвался он.

- Что же касается всего остального... ну, того, что он делал... Мне кажется, Зиггер ничем не хуже любого другого главаря любой другой шайки. А может быть, почти ничем не хуже любого другого правительства. Вы ведь и сами понимаете, что он был прав, сравнивая себя с правительством.

- Разве что Вашингтон обходится без пыток, - пробормотал Коскинен.

- Вот в этом я не уверена, - жестко сказала Вивьен.

Он с удивлением взглянул на нее. Хоть они и разговаривали довольно долго, своего прошлого она почти не касалась. Коскинен решил про себя, что она родилась в благополучной семье и получила хорошее образование в какой-нибудь частной школе. Но учеба была прервана войной, а затем последовало несколько тяжелых лет - сначала в лагерях беженцев, потом в разбойничьей шайке, полурабыней, пока, наконец, не вмешалась полиция - бандитов отдали под суд, а Вивьен в Институт. Там ей дали жилье, питание, лечение, психиатрическую помощь и образование.

- На мой взгляд, уж кому-кому, а вам бы следовало молчать насчет прелестей анархизма, - заметил он.

- Что ж, верно, - на лице Вивьен застыла вымученная улыбка. - Я сполна получила от всяких измов. - Она тряхнула головой, словно отгоняя непрошенные воспоминания. - Да, насчет Зиггера. Он сегодня в очень плохом настроении. Его беспокоит исчезновение Кости.

- Кто это?

- Приятель Неффа. Помните, в том ресторанчике было двое ребят? Нефф вышел, чтобы вызвать подставное такси, и захватил вас. А Кости сопровождал вас до дверей.

- Да. Помню. Такой, коротышка...

- Вчера он отправился в город и к ночи должен был явиться. У Зиггера для него было другое дело. Но до сих пор он так и не вернулся. Исчез, пропал без следа.

- Убили?

Вивьен пожала плечами.

- Люди Зиггера обычно не принимают этой возможности в расчет. Зиггер должен знать точно. Конечно, Кости вполне мог нарваться на банду подростков или на отряд из Ньюхейвенского Кратера. Мы ведем с ними что-то вроде войны за контроль над Йонкерским уровнем... Ой, да ну все это к дьяволу! - Вивьен затушила сигарету. - И так плохо кругом. Правительство готово удавиться за доллар, а потратить этот доллар и вычистить все эти крысиные норы им недосуг.

- Ну, со временем они это сделают, - сказал Коскинен. - Просто у них никак руки не доходят. Все силы и средства уходят на поддержание Протектората...

- Вот насчет Протектората - не надо! - взорвалась вдруг Вивьен.

Коскинен удивленно уставился на нее. Она вся дрожала, ногти впились в ладони, из глаз, казалось, вот-вот ручьем хлынут слезы.

- Что случилось? - осторожно осведомился он и на шаг приблизился к ней.

- Если бы я верила в Бога, - сквозь зубы выдавила Вивьен, - я бы решила, что он ненавидит нас - нашу страну, все наше поганое племя. И из ненависти к нам он наградил нас доктриной Норриса, чтобы мы сами исполнили то проклятие, которое на нас лежит. Тем самым мы избавили бы его от этой неприятной обязанности.

- Что? Но ведь... то есть, Вивьен, я хочу спросить - а что же нам еще остается? Вы что, хотите, чтобы началась третья термоядерная война?

В его памяти сами собой всплыли слова, которые их заставляли зубрить наизусть на уроках современной политики в Институте:

"... обеспечить безопасность Соединенных Штатов. Поэтому, с настоящего момента и впредь, ни одно национальное государство не может иметь вооруженные силы свыше минимума, необходимого для решения внутриполитических задач. Любые попытки производить, накапливать вооружения, набирать или иным образом создавать армии или отряды, предназначенные для ведения агрессивных войн, будут расцениваться как военная угроза Соединенным Штатам, и лица, ответственные за подобные действия, будут подвергнуты аресту и судимы как военные преступники американским военным трибуналом. С целью предотвращения милитаристского заговора, Соединенные Штаты оставляют за собой право неограниченного контроля. Во всех прочих отношениях государственные суверенитеты будут полностью уважаться; Соединенные Штаты гарантируют неприкосновенность всех национальных границ, существующих на момент объявления данной Прокламации. Соединенные Штаты признают за любыми государствами право изменять границы по обоюдному согласию, а также право народов изменять формы правления в своих странах законным или даже революционным путем. Однако, Соединенные Штаты оставляют за собой право судить, насколько каждое конкретное изменение сообразуется с их собственной безопасностью, и не допустят изменений, которые сочтут потенционально опасным для своего будущего и будущего остального мира".

Конгресс, Верховный Суд и все последующие президенты настолько усложнили доктрину Норриса, что со временем она стала настоящей юридической головоломкой. Но на практике все было гораздо проще, вооруженные силы сохранялись только у Америки, и они применялись там, где, по мнению президента, национальные интересы требовали немедленного вмешательства. Каждодневная работа по инспектированию, разведывательные операции, оценка данных и рекомендации правительству - здесь была прерогатива Службы Безопасности.

Вивьен ничего не ответила на вопрос Коскинена.

- Конечно, нам далеко до совершенства, - сказал он, - и, само собой, быть вселенскими жандармами мало приятно... За то нас и не любят. Но кому еще можно доверить такое дело?

Вивьен взглянула на него и сказала:

- ВК хотела разделаться с вами.

- Ну, в общем... да, действительно хотела. Но они не стали бы этого делать... то есть, я считаю, что лучше быть аккуратно пристреленным своими, чем оказаться в лапах какого-нибудь китайского пыточных дел мастера... Вы отлично понимаете, что я хочу сказать!

- Они убили моего мужа, - сказала она.

Коскинен замер.

- Хотите послушать как это было? - бесцветным голосом спросила Вивьен, снова отводя от него взгляд. - После Института я получила работу в Бразилии - помощником атташе по делам науки. Джанио работал там инженером. Он был чудесным человеком - очень милым и слегка не от мира сего - ведь он был еще молод! Конечно, по возрасту он был ненамного моложе меня. Но Бразилия не очень сильно пострадала в войне, и ему не пришлось пережить всех ужасов послевоенных лет... Душа его не была отравлена так, как моя. И только с ним я снова - далеко не сразу - почувствовала себя чистой. Мы часто ездили за город, на реку, и слушали там птиц... Потом был этот дурацкий заговор. Служба наложила вето на добычу урановой руды в Сьерра-Дурадо на том основании, что у них и так не хватает инспекторов, и они не могут быть уверены, что часть руды не уйдет по нелегальным каналам и не будет использована для производства бомб...

Голос ее упал.

- Но инспекторов действительно мало, - сказал Коскинен. Бессильный перед ее горем, он подсознательно старался направить разговор в другое, более безопасное русло. - Инспектирование требует очень высокой квалификации. А квалифицированных специалистов всегда не хватает. А ведь даже одна-единственная страна - это огромная территория. Иначе откуда могли бы китайцы, например,иметь такую разветвленную сеть агентов и подстрекателей? Официально китайское правительство не признает, что поддерживает какие-либо подрывные организации, но всему миру известно, что втайне они их поддерживают. И мы ничего не можем с этим поделать, поскольку у нас не хватает людей, на то, чтобы контролировать сам Китай.

- Ой-ой-ой, - презрительно протянула она. - Да в Китае правительство честнее и компетентнее нашего, и неважно, что они всей душой нас ненавидят, никого их непроницаемые улыбки не обманывают. В большинстве других мест мы просто поддерживаем у власти шайки продажных бездельников. Почему? А потому, что мы знаем - они никогда не доставят нам неприятностей...

и нам плевать, какое существование влачат народы этих стран. Такая жизнь не стоит того, чтобы жить. О, да, мы вовсю твердим о невмешательстве, но на практике... я была на дипломатической службе, и поверьте, знаю, о чем говорю.

Он вздохнул.

- Простите. Я не хотел вас прерывать.

- Благодарю за извинение, Пит. Вы чем-то напоминаете мне Джанио... Знаете, на этих шахтах могли бы заработать себе на хлеб тысячи обездоленных. И тогда какие-то горячие головы решили свергнуть бразильское правительство и поставить у власти другое, уже не марионеточное, которое снова попыталось бы договориться с янки. Заговор раскрылся. Ведь все они были дилетантами. ВК и бразильская секретная служба переловили их всех до единого. Схватили даже Джанио, хотя он и не участвовал в заговоре. Кому это лучше знать, как не мне, верно? Ведь это был мой Джонни! Я знала, где он проводил время. Но он был страшно недоволен всей этой Сьерра-Дурадской историей и еще множеством других вещей. Он был гордым человеком и хотел, чтобы его родина шла своим собственным путем. Он не скрывал своих взглядов... что нам гарантирует Первая Поправка? - и действительно, несколько его друзей принимали участие в заговоре.

На суд нас доставили в Вашингтон. Меня, конечно, не арестовали, но я поехала с ними. Были бесконечные допросы под наркотиками. Я надеялась, что тут-то и выяснится невиновность Джонни. Но на суде какой-то тип, которого я никогда в жизни не встречала, под присягой показал, что видел моего мужа на нескольких встречах заговорщиков. Я, также под присягой, публично назвала его лжецом, потому что некоторые из указанных дней этих встреч Джонни провел со мной. Знаете, бывают такие смешные ассоциации, по которым вы надолго запоминаете самые разные мелкие события. Я помню, что мы отдыхали на острове на Амазонке именно 23 числа, поскольку насчитали ровно двадцать три летящих попугая, изумрудно-зеленых на фоне розовеющего утреннего неба, и Джонни еще сказал тогда, что боги сами даруют мне календарь, потому что я очень красивая...

Его признали виновным. И расстреляли. А я прошла по делу как лжесвидетельница. Но меня отпустили на поруки. Ученых всегда не хватает и все такое. Год или, может, чуть больше спустя я познакомилась с крупным бизнесменом, у которого были обширные связи в правительственных кругах. Это было на вечеринке на Манхэттене. Этот тип так напился, что проболтался мне, почему Джонни отправили в расход. Психозондирование

показало, что у него были очень сильные наклонности к неповиновению. То есть, в один прекрасный день ему могло надоесть, что им помыкают в его собственной стране, и тогда он определенно отважился бы на какие-то действия. Значит, лучше убрать его заранее. "Пока он не принял участие в тайном создании бомбы или не нашел какую-нибудь припрятанную ракету. Такой человек может погубить миллионы других людей". Этот негодяй мне так и заявил. Мой бедный Джонни!

На следующий день я сбежала на нижний уровень. Больше всего мне хотелось исчезнуть, даже, чтобы меня убили, если повезет. Но вместо этого меня подобрал Зиггер. Обставлено это было скорее как похищение, но тогда мне было все равно, я схватилась бы за любую возможность наступить на хвост всем этим мерзавцам.

Вивьен замолчала и сидела теперь неподвижно, плечи ее бессильно поникли. Потом она вытащила сигарету и прикурила, но, сделав несколько затяжек, оставила ее тлеть между пальцев.

- Мне ужасно жаль, - прошептал Коскинен.

- Спасибо, - резко отозвалась она. - Это мне впору извиняться. Я вовсе не собиралась взваливать вам на плечи груз своих невзгод.

- Наверное, любая организация со временем... становится слишком агрессивной... особенно, когда она облечена властью.

- Несомненно. К тому же, неограниченной властью.

- Но с другой стороны, ВК невозможно ограничивать, иначе она не сможет выполнять свои функции. Хотя, защитный эффект сделает ВК ненужной. Ведь очень просто защититься от атомных бомб, нужно только создать достаточно мощный кокон.

Во взгляде Вивьен появилась искорка жизни.

- Не очень это практично, - голос ее еще немного дрожал, она то и дело закусывала губу, но все же ухитрялась подбирать нейтральные фразы. - Бомбу запросто можно пронести по частям и собрать внутри цели. И ведь есть еще другие, не менее ужасные виды оружия - бактериологическое, химическое. Не поймите меня превратно, Пит. Я ненавижу Маркуса и его заплечников из Службы Безопасности как, наверное, никто другой. Но я не настолько наивна, чтобы думать, что какая-нибудь другая страна сможет поддерживать мир на Земле лучше, чем это делаем мы. И я считаю, что это нужно делать обязательно, поскольку любое суверенное государство - это чудовище без мозгов и морали, которое ради своей суверенности с легкостью испепелит хоть половину человеческой расы.

- А межународная организация...

- Слишком поздно, - вздохнула она. - Кому можно доверять? И знаете, Пит, у нас тут тоже своего рода суверенное общество, в котором мы живем так, как нам нравится. И никакому мировому жандарму мы подчиняться не собираемся. А если подчинимся, то перестанем быть теми, кто мы есть. Вот так-то! И - возвращаясь к нашей теме - я не представляю, как можно сделать международные полицейские силы дееспособными при отсутствии самого мирового сообщества. Так что, возможно, "Пакс Американа" - единственный ответ.

Коскинен смотрел на лежащий на столе генератор поля, вспоминая как Элкор благословил его в день отлета корабля. Марсианин согласился терпеть все муки отложенной гибернации, чтобы проводить своих друзей - землян.

- Но можно же использовать эту штуку, - сказал Питер. - Ведь в войну большинство людей погибло не от взрывов или радиации, их погубили пожары и радиоактивные осадки. А чуть позже - анархия и болезни. Кокон предохранит и от того, и от другого.

- Конечно, - сказал Вивьен. - Потому-то Зиггер и хочет снарядить своих ребят вашими аппаратами. Тогда его никто не остановит. Через десяток лет он станет единоличным властителем всех нижних уровней - отсюда до Калифорнии, и половины законопослушного мира впридачу.

- А мы, значит, должны ему это обеспечить! - воскликнул Коскинен.

- Да, и еще мы должны ваши экраны усовершенствовать. А если откажемся, он просто наймет инженеров. Не думаю, что задача так уж трудна.

- Нет... я не могу. Я должен передать это в полицию!

- Что означает - в ВК, - медленно сказала Вивьен.

- Ну... наверное так.

- То есть, самому директору Хью Маркусу. Как вы думаете, что он после этого сделает - учитывая судьбу Джанио?

Коскинен молчал. Вивьен откровенно и безжалостно давила на него, но при этом он готов был побиться об заклад, что она говорит совершенно искренне, и дело вовсе не в замаскированном мониторе.

- Если не Маркус, то кто-нибудь еще. Вы просто не подумали о множестве возможных вариантов. Неуязвимость! Да дайте ее любому - от Зиггера до Маркуса, или хоть самому китайскому диктатору, - дайте ее любому, кто обладает властью над людьми,

и вы избавите эту власть от последних остатков совести. А уж отсюда вытекает остальное... Одним словом, я предпочитаю, чтобы эта штука досталась Зиггеру, - закончила Вивьен. Губы ее были поджаты. Она вытащила еще одну сигарету и, не закурив, машинально принялась крошить ее в пепельнице. - Все, чего хочет Зиггер, это богатство. Зато ему не нужны души всех людей на Земле.

8

Коскинен проснулся. Что меня разбудило, мелькнула мысль. Может, и ничего особенного. Сон, из объятий которого он вырвался прежде чем тот превратился в кошмар... Ложась вчера, он принял таблетку снотворного, но сейчас ее действие уже должно было кончиться. Светящиеся цифры на часах показывали 4.15 восточного времени. Если бы не эти светящиеся цифры, в комнате было бы совершенно темно. И абсолютно тихо, если не считать шелеста вентиляции. Толстые перегородки надежно изолировали одно помещение от другого, значит, если действительно его разбудил какой-то звук, то это был действительно звук. Питер перевернулся на другой бок и попробовал снова уснуть, но вместо этого проснулся окончательно. Вчерашний разговор с Вивьен, ее тон и выражение лица взволновали его гораздо сильнее, чем он думал.

Черт, но ведь я до сих пор не знаю, что за этим стоит. В самом деле, моя юность прошла во вполне приличной школе-интернате, я никогда не сталкивался лицом к лицу с повседневной жизнью... И дело не в том, что преподаватели лгали нам, нет, они честно нас предупреждали, что жизнь трудна, что нам придется столкнуться с нищетой, невежеством, тиранией, жадностью, ненавистью... Теперь-то я вижу, что и они понимали тогда положение вещей совсем по-детски, им казалось, что та картина мира, которую они сами впитали из старых учебников (учебников для учителей!), единственно верна, и, не сознавая того, они творили преступление, стремясь внушить нам, детям, свое, однобокое видение жизни. Но не мне их судить...

У меня был шанс, это надо признать. Я мог бы спуститься со своих высот в мир, и мир сам ткнул бы меня носом в грязь. Так было бы честно. Но я предпочел отправиться на Марс. И вот теперь вернулся домой. И оказался перед лицом горькой правды, причем, не постепенно, так, чтобы можно было привыкнуть, а

сразу, резко, словно кто-то большой и сильный толкнул меня с моста в тухлое, гнилое болото, и я нахлебался вонючей воды с тиной, и у меня нет желания всплыть и выбраться на берег, а хочется только одного - блевать...

И еще непонятно - в чем она, эта правда? Кто прав, а кто виноват? На чью сторону встать? И стоит ли вставать вообще?

Он провел день в каком-то эмоциональном отупении, находя единственное утешение в обществе Вивьен. Вдвоем они составляли техническое описание и схему генератора поля. Мысли метались по кругу, Коскинен один за другим перебирал варианты, но всякий раз упирался в стену: выход был только один - беспрекословное подчинение Зиггеру. Его посадили на цепь. Вмонтировали в нее фульгуритовую мину и обернули вокруг шеи. Затянули петлю на горле...

Быть может, когда-нибудь он сумеет тайком соорудить экран, который не пропустит сигнал подрыва заряда, но, вероятно, это произойдет не скоро. Пока остается только ждать и ловить удобный момент, день за днем терпя унижения...

По комнате - он не услышал, а, скорее, почувствовал, - разнесся глухой удар. Даже пол вздрогнул.

Коскинен выпрыгнул из постели. Сердце на мгновение замерло, а потом вновь забилось с удвоенной силой. Он прислушался. Похоже на вой сирены... Питер ощупью нашел выключатель. При ярком свете комната показалась ему необычно голой. Он попробовал дверь. Заперто, конечно. Приложив к ней ухо, он услышал далекие крики, топот бегущих ног. Где-то в подземелье действительно завыла сирена. Он нажал кнопку фона - экран не ожил. Либо связь была отключена, либо была повреждена подстанция. До него донесся еще один удар.

Нападение? Но кто может напасть?..

Зиггер! Коскинена вдруг прошиб холодный пот. Если Зиггер в отчаянии вдруг нажмет ту самую кнопку... Он вдруг поймал себя на том, что безотчетно пытается порвать цепочку руками. Торопливо, сознавая безнадежность затеи, Питер принялся искать в комнате какой-нибудь предмет, который мог бы разрезать металл. Ничего, как и следовало ожидать. Он наспех оделся, почистил зубы и стал ходить по комнате взад-вперед, стараясь представить, что же случится дальше.

Шум снаружи усиливался. Раздался еще один взрыв, потом еще. Но шагов он больше не слышал. Видимо, бой переместился куда-то дальше. Он был бессилен что-либо предпринять и обречен на пассивное ожидание, и это выматывало нервы. Питер по-

пробовал вспомнить родителей, Элкора, мечты, которые он когда-то лелеял, но напряжение было слишком велико. Идиот, ругал он себя, если эта штука взорвется, ты все равно никогда об этом не узнаешь... Не успеешь.

От таких мыслей почему-то легче не становилось.

Еще один взрыв, гораздо сильнее. Свет мигнул и потускнел. Смолк шум вентилятора.

У Коскинена вдруг пересохло во рту и появилось ощущение, словно он наглотался марсианской пыли. Он направился было в ванную, чтобы глотнуть воды, но в этот момент открылась дверь. Питер резко повернулся и бросился навстречу вошедшему.

Вивьен Кордейро была одета в армейский комбинезон, в руке она держала пистолет, а за спиной у нее болтался какой-то бесформенный тюк. Глаза ее были прищурены, широкие ноздри дрожали, на губах играла мрачная улыбка.

- Вот, - задыхаясь сказала она. - Возьмите. - Она сбросила с плеч тюк. Тряпка, которой он был обмотан, развернулась, и Коскинен увидел свой генератор. - С этой тяжестью бегать нелегко.

Коскинен ошеломленно смотрел ей в лицо.

- Одевайте скорее, вы, недотепа! Нам еще повезет, если удастся отсюда выбраться!

И откуда взялись силы! Коскинен, сообразив, наконец, что от него хотят, и несказанно обрадовавшись, мгновенно продел руки в лямки.

- Что случилось?

- Вооруженное нападение. Довольно серьезное. Похоже на китайцев, если верить парню, который сидит за мониторами. Они всадили в нас сверху пару ракет и вывели из строя противовоздушную оборону. Потом высадили десант. Оружия у наших хватает, никакая банда Зиггеру нипочем, он даже полицейскую осаду выдержит, но с тем вооружением, что у них, ему не совладать. - Она снова накинула тряпку на генератор у него за спиной. - А теперь, быстро в ванную!

- Зачем?

Она потащила его за руку.

- Все знают, как вы выглядите. Сбривайте бороду, может, тогда вас не узнают. Быстрее! - Она сунула ему депилятор.

Коскинен провел приборчиком по лицу и впервые за долгое время увидел свой подбородок. Смягчающий лосьон приятно остудил кожу лица.

Тем временем Вивьен продолжала говорить:

- Кажется, я догадываюсь, как им это удалось, китайцам чертовым. Они знали примерно, где вы приземлились, и сразу послали свору агентов, а те через пару дней напали на след. Скорее всего они схватили Кости где-то в городе - ведь в окрестностях все знают людей из Кратера. - Вивьен не стала тратить время на вздохи по безвременно ушедшему Кости и тем мукам, которые, несомненно, выпали на его долю. Факт был налицо - Кости выдал китайцам возможный путь прорыва. - Теперь они пошли ва-банк. Похоже, сюда притащили все оружие, которое они за долгие годы накопили в этой стране. Овчинка стоит выделки. Завладев барьерными экранами, Китай пошлет Службу безопасности куда подальше, создаст заново ядерный арсенал и шантажом полностью вытеснит Америку из Азии.

Коскинен вздрогнул.

- Я не могу допустить, чтобы они преуспели, - продолжала Вивьен. - Новой войны я не хочу в любом случае. Пришлось поэтому наведаться в лабораторию. Все наши вчерашние чертежи превратились в пепел.

- Подождите, - Коскинен поднес руку к горлу.

Она рассмеялась. Смешок получился коротким и совсем невеселым.

- И об этом я тоже подумала. Мою комнату с апартаментами Зиггера соединяет коридор. Он думал, что единственный ключ у него, но я давным-давно сделала дубликат. И я знала где он хранит всякие такие штучки. Зиггер пошел возглавлять безнадежную оборону, а я ее украла. Каюсь. - Она вытащила небольшую плоскую коробочку с кнопкой под предохранительным колпачком. - Ваш детонатор.

Коскинен протянул было руку, но Вивьен жестом остановила его.

- Потом. Нам нужно идти. Время не ждет.

Она первой подошла к двери и, приоткрыв ее, выглянула в коридор.

- О'кей! Все тихо.

Они выскользнули в холл. На полу с простреленной головой валялся охранник. Вивьен кивнула.

- Да, - сказала она. - Иначе к вам было не попасть. Ну-ка, помогите. - Они втащили тело охранника в комнату и заперли дверь на ключ.

- Сожгли за собой мосты, да? - спросил Коскинен. Ему стало неприятно - не каждый день из-за тебя погибает человек.

Там, наверху, тоже гибли люди, но одно дело абстрактно знать, а другое - видеть своими глазами.

- Нет, - ответила девушка. - Мосты я сожгла давно. В тот день, когда убили Джонни. Ладно, пошли. Вот сюда.

Они побежали по коридору. Звуки боя - крики, взрывы, автоматные очереди - отдалялись, но воздух стал спертым, в нем чувствовалась пороховая гарь. У Коскинена екнуло сердце, когда мимо них промчалась группа охранников, но те не обратили на них внимания. Наконец Вивьен привела его в какой-то боковой зальчик со множеством одинаковых дверей без опознавательных знаков.

- В основном тут склады, - пояснила она, - но вот эта... Идите вперед и будьте начеку. Держите руку на кнопке и включайте поле, как только скажу.

За дверью оказался довольно крутой подъем. Узкий пустой проход освещался тусклыми лампочками. Коскинен шел, вслушиваясь в собственное хриплое дыхание и эхо шагов - своих и Вивьен. Он почувствовал, как начинают ныть мышцы бедер и спины, а подмышками стало мокро от пота.

Завернув за очередной поворот, он внезапно увидел, что подъем кончился. Чуть дальше проход перекрывала бронированная дверь, перед которой расположились двое охранников с автоматами. Каски и противогазы делали их похожими на неведомых чудовищ.

- Эй вы! Стойте! - крикнул один из них и вскинул автомат.

- Экран! - прошипела Вивьен. Коскинен нажал кнопку, и его тут же обступила тишина. Прикрываясь коконом, Вивьен открыла огонь из своего пистолета. Первый охранник упал. Коскинен увидел, как задергался автомат в руках второго, но выстрелов не было слышно, пули беззвучно падали к его ногам. Вивьен продолжала стрелять. Наконец охранник затих.

Вивьен подбежала к трупам, перевернула их лицом вверх и махнула Коскинену рукой. Питер отключил поле и присоединился к ней. Кровь показалась ему почему-то очень яркой и блестящей. Он чувствовал, что тело бьет крупная дрожь, и никак не мог с ней справиться. Впервые в жизни он увидел, как один человек хладнокровно убил другого.

- Это было обязательно? - спросил он сдавленным голосом.

Вивьен утвердительно кивнула.

- Они ни за что не пропустили бы нас без приказа. И нечего жалеть этих болванов. На их совести не один десяток убийств. Нам лучше поторопиться. Боюсь, они успели поднять тревогу.

Она нажала кнопку. Мотор зажужжал, и дверь медленно отошла в сторону. За ней стояла кромешная тьма. Вивьен сняла фонарик с пояса у одного из убитых охранников и двинулась вперед по пробитому в скале проходу. Туннель оказался изогнутым и очень коротким. Выход из него был замаскирован огромным валуном. Коскинен остановился в тени валуна и выглянул наружу.

В предрассветном небе парили три огромных воздушных корабля, еще несколько он различил на площади около главного входа в Кратер. Металлические корпуса кораблей тускло поблескивали, озаряемые пламенем разрывов. Бой шел на дне чаши Кратера; там стлался густой ядовитый дым, и разобрать, кто кого бьет, было совершенно невозможно. В основном, понял Коскинен, стреляли где-то внизу, внутри, в туннелях.

- Наверное китайцы делают ставку на то, что полиция примет это за столкновение двух банд, - сказала Вивьен. - Если копы попробуют вмешаться, их тут мгновенно перестреляют. С полицейскими пукалками здесь не справиться. Хорошо, если они это поймут сразу. А если не поймут, тогда в дело вступят ВК и армия... но на это потребуется время. Скорее всего, китайцы рассчитывают завладеть сокровищем - вами - гораздо раньше.

- Куда же нам податься? - ошеломленно спросил Коскинен.

- Подальше отсюда. - Она пошла вперед по тропинке, выводящей на край Кратера. Питер потащился следом, то и дело падая, расцарапывая в кровь руки и ноги. Ссадины ужасно ныли. Но боялся он зря, все обошлось благополучно. Никто не преследовал их и не пытался перехватить. Перевалив гребень, они продрались сквозь кучи мусора и какие-то развалины и углубились в лабиринт, называемый уровнем.

9

Остановились они не скоро - в узком ущелье между глухими кирпичными стенами. Ущелье начиналось и кончалось на освещенных улицах, в это время суток совершенно пустых, но здесь, в середине, стоял густой полумрак. Небо наверху закрывала линия пневмопоездов, опутанная переплетением энергокабелей. Они были уже довольно далеко от Кратера; грохот битвы, если она все еще продолжалась, больше не долетал до ушей. Ночные шумы и писк автоматических линий, шорох случайных машин - все это создавало фон, который заглушил бы любую далекую

стрельбу. В прохладном воздухе ощутимо воняло тухлыми яйцами. Сероводород, подумал Коскинен, где-то утечка.

Он присел напротив Вивьен, почувствовав, как наваливается усталость, и долго сидел с закрытыми глазами, пока, наконец, не нашел силы взглянуть на нее, скорчившуюся в темноте, больше всего похожую на бесплотную тень.

- Ну, и что дальше? - спросил он.

- Не знаю, - ответила она упавшим голосом.

- Полиция..

- Нет! - Вивьен резко вскинула голову, и Коскинен даже вздрогнул от неожиданности. - Мне нужно подумать. - Она закурила, чиркнув сигаретой о стену. Огонек ослепительно засиял в окружающей тьме.

- А к кому нам еще обратиться? - возразил он. - К другому главарю другой банды? Нет уж, спасибо.

- Ни в коем случае, - сказала она. - Едва ВК выяснит, что в действительности произошло в Кратере, поднимется такой шум, что только держись. Они поставят на уши весь мир. Ни один барон не осмелится нас принять, а если увидит, то немедленно сдаст властям.

- Тогда мы должны сдаться сами.

- Сколько же раз вас нужно лягнуть, прежде чем вы поймете, что за этой лошадью не стоит ходить по пятам? - фыркнула Вивьен.

- Что вы хотите сказать? Ну ладно, я готов допустить, что они виновны в несправедливых убийствах. Но...

- Вы хотите провести остаток жизни в заключении?

- Что?

- Впрочем, есть еще один путь - они могут стереть вам память. Правда, тут вы рискуете полностью утратить личность. Мнемотехника пока не настолько точная наука, за какую ее пытаются выдать. - Коскинену показалось, что Вивьен вздрогнула. - Я бы, например, предпочла провести всю жизнь за решеткой, только чтобы никто не лез мне в голову всякими зондами. Узник всегда найдет способ пристойно покончить с собой.

- Но почему? Ведь я вовсе не склонен к бунтарству...

- Судите сами. В настоящее время на всей Земле вы и только вы знаете, как работает генератор. Человек вроде Маркуса, который способен хладнокровно засудить и расстрелять невинного только потому, что тот, возможно, когда-нибудь в будущем захочет причинить неприятности... такой человек не станет рисковать и дожидаться, когда секрет выйдет из-под его контроля. Я

не утверждаю, что Маркус действительно лелеет мечту стать военным диктатором Соединенных Штатов - сейчас, во всяком случае, - но постепенно, шаг за шагом, он обязательно к этому придет. А если он, не дай Бог, им станет, тогда все... Абсолютная власть плюс абсолютная неуязвимость - как вы собираетесь этому сопротивляться?

- Вы преувеличиваете, - сказал Питер.

- Заткнитесь, - велела Вивьен. - Дайте подумать.

Только шелестел ветерок. Где-то неподалеку со скрежетом пронесся поезд. Тлеющий уголек сигареты Вивьен мигнул и погас.

- Знаю я одно место, - проговорила она наконец. - Есть у Зиггера гнездышко, записанное на другое имя. Там битком набито припасов и оружия, как и во всех остальных его норах, а еще там есть специальная система фоносвязи, подключается к общей сети через экранированный кабель. Не думаю, что ВК быстро вычислит это логово. Мы там отсидимся, может быть свяжемся с кем-нибудь из надежных людей, например, с бразильцами, потом попробуем покинуть страну.

- А дальше? - полюбопытствовал он.

- Не знаю. Быть может, лучше всего - забросить ваш кокон поглубже в море и остаток жизни скрываться где-нибудь в лесной глуши. Хотя, не исключено, мы придумаем что-нибудь получше. Не надо меня мучить, Пит. Я вот-вот сломаюсь.

- Нет. - сказал Коскинен.

- Что? - она шевельнулась.

- Прошу прощения. Наверное, я слишком честен, или, наоборот, вы чересчур недоверчивы. Но когда я давал согласие на участие в марсианской экспедиции, то одновременно присягал на верность Конституции. - Он с трудом поднялся на ноги. - Я намерен связаться с ВК, чтобы они прилетели и забрали меня.

Она тоже встала.

- Нет, не надо!

Коскинен положил руку на выключатель генератора поля.

- Оставьте в покое пистолет, - сказал он. - Я все равно успею включить экран раньше, чем вы выстрелите. И у меня хватит терпения пересидеть вас.

Вивьен отступила назад, сунула руку в карман и вытащила детонатор.

- А это вы тоже пересидите?

Он охнул и шагнул к ней.

- Стойте на месте! - взвизгнула Вивьен, и Питеру показалось, что он услышал щелчок откинутого предохранительного колпачка. - Если вы позвоните в ВК, я убью вас!

Коскинен застыл как вкопанный.

- Неужели? - с усилием выдохнул он.

- Да... это очень важно... действительно очень, Пит. Вы упомянули тут о своей присяге. Р-р-разве вы сами не понимаете, что Маркус... он ведь уничтожит последнее, что осталось от Конституции... - Вивьен заплакала. Коскинен слышал в темноте ее всхлипывания, но знал, что она по-прежнему сжимает детонатор в руке.

- Вы меня неправильно поняли, - взмолился он. - Почему вы уверены, что Маркус поступит именно так, как вы говорите? Ведь его статус ниже, чем у члена правительства! Есть ведь и другие органы власти - Конгресс, суды, Президент... Я не могу поставить себя вне закона только потому, что вы им не доверяете!

Снова нависло молчание. Питер ждал, думая сразу о многих вещах, ощущая свое беззащитное одиночество. Наконец Вивьен судорожно вздохнула, и он услышал ее тонкий, слабый голос:

- Может быть, вы и правы. Я не могу быть абсолютно уверенной. В конце концов, эта ваша машина, ваша жизнь и... я всегда успею спрятаться. Мне только очень хотелось бы, чтобы вы поступили так, как считаете нужным... прежде чем вы угодите в их паутину... мне этого очень хотелось бы. Когда вы попадете к ним, будет поздно. А вы совсем не заслуживаете того, что с вами после этого может случиться.

- Дэйв. - подумал вдруг Коскинен. - Ведь есть еще Дейв. Он долго стоял,согнувшись под тяжестью ноши за спиной, вспоминая.

Я отдался на волю волн, ничего не предпринимал, почему? Потому что боялся, потому что хотел избежать ответственности... Но как же мне надоело, что мной помыкают все, кому не лень!

Вместе с решимостью вернулись силы, он выпрямился, голос его был тверд.

- О'кей, Ви. Сделаем по-твоему. И, кажется, я знаю, как это сделать. Пошли.

Сунув детонатор в карман, Вивьен молча последовала за ним. Им пришлось пройти несколько кварталов, прежде чем, завернув за угол, они наткнулись на притулившуюся возле магазинчика кабинку уличного фона. Она дала ему несколько монет - в этом костюме у него не было ничего - и безмолвно застыла у двери. В

свете фонаря было видно, что щеки ее мокры от слез, но губы по-прежнему решительно сжаты.

Сначала Коскинен вызвал такси, а затем набрал номер местного отделения ВК. Экран осветился малиновым светом: правительственные учреждения всегда записывали звонки. Изображения он включать не стал. Зачем раньше времени показывать себя без бороды?

- Бюро Военной Контрразведки, - ответил женский голос.

Коскинен напрягся.

- Внимание, - сказал он. - Это очень срочно. Немедленно дайте прослушать эту запись вашему начальству. Говорит Пит Коскинен, участник экспедиции на "Франце Боасе". Я знаю, что вы меня ищете. Я нахожусь на свободе и то, в чем вы заинтересованы, у меня с собой. Но я не уверен, что могу вам доверять. Я пытался связаться со своим товарищем по экспедиции Дэвидом Абрамсом пару дней назад и узнал, что он задержан. Мне это очень не нравится. Надеюсь, вы меня понимаете. Вещь, которую я ношу при себе, слишком важна, чтобы передавать ее кому попало.

Сейчас я ухожу. Через полчаса я снова свяжусь с вами, уже из другого места, и я хотел бы, чтобы к тому времени в разговоре смог принять участие Дэйв Абрамс. Понятно? Я хочу видеть Абрамса и лично удостовериться, что с ним все в порядке и что его не держат под замком без законных на то оснований и против его воли. Я ясно выразился?

Коскинен отключился и вышел из кабины. Такси уже пришло, как он и надеялся. Вивьен заранее спрятала пистолет и кобуру под комбинезон. Если бы водитель заметил, что она вооружена, то и близко бы не подъехал. Как и полагалось на нижних уровнях, он был в шлеме и при игольном пистолете - точь в точь, как приятель Неффа. Боже, неужели это было всего два дня назад?

Коскинен и Вивьен забрались внутрь. Водитель спросил в микрофон - матовая перегородка, несомненно, пуленепробиваемая, отделяла его от пассажирского салона:

- Куда?

Коскинена вопрос застиг врасплох, но Вивьен не растерялась:

- В Бруклин, и побыстрее.

- Придется далеко облетать Кратер. Дальше обычного, я хочу сказать. Там какая-то заваруха, и Контроль изменил маршруты полетов.

- Ничего. - Коскинен откинулся на сиденье насколько позволял генератор за спиной. Они взмыли в воздух. ВК пришлет своих людей к будке через считанные минуты, но будет уже поздно. Они, конечно, могут связаться с Контролем, но к тому времени компьютер сотрет из оперативной памяти тот факт, что именно это такси останавливалось именно на этом углу. А поиски в многочисленных транспортных компаниях - слишком долгая затея. Так что сейчас я их опережаю, подумал Коскинен.

- Бруклин. Куда теперь?

- К станции Флэтбуш, - сказала Вивьен.

- Эй, ребятки, хотите, я вас сам доставлю куда надо? Будет и дешевле и быстрее, чем поездом. Мы ведь все равно уже здесь.

- Вы слышали, что сказала дама? - осадил его Коскинен. Водитель пробурчал под нос что-то малоразборчивое, но подчинился. Вивьен более чем щедро дала ему на чай, и они вылезли из такси.

- Иначе он бы так рассвирепел, что связался бы с полицией. Донес бы из любви к искусству, а вдруг нас разыскивают, - объяснила она, когда они вступили на эскалатор.

Турникет проглотил монеты, створки раздвинулись, и почти сразу подошел поезд. В вагоне было всего несколько пассажиров: рабочие, священник и несколько людей азиатской внешности, которые с сонным видом взирали на окружающее. По-настоящему город начнет пробуждаться примерно через час. Они сели рядом, и Вивьен молча взглянула на Коскинена.

- Сейчас вы выглядите гораздо лучше, - наконец сказала она.

- Да, мне полегче, - Питер кивнул. Сняв со спины генератор, он поставил его на пол возле кресла.

- О себе я бы этого не сказала.

Глаза ее были красны и обведены темными кругами.

- Господи, как я устала, - вздохнула она. - Просто смертельно. Нет, это не из-за нашего ночного бегства. На меня вдруг словно все прожитые годы навалились. Даже не верится, что когда-то жила-была маленькая девочка Ви-Ви в комнате с голубыми утятами на обоях. Сейчас мне все это кажется вычитанным в какой-то книжке.

Он безмолвно взял ее ладонь в свою, а другой рукой обнял за плечи. Голова Вивьен склонилась ему на плечо.

- Простите, Пит, - сказала она. - Я не хочу распускать при вас нюни, но все же позвольте мне чуть-чуть всплакнуть? Тихо-тихо...

Он еще сильнее прижал ее к себе. Никто не обращал на них ни малейшего внимания. Ему вдруг вспомнился "Боас", как сдружились люди во время полета, как потом они сблизились с марсианами. И никто не воспринимал это как утрату личной свободы, наоборот, их переполняло чувство глубокого внутреннего единения, без которого само понятие свободы превращалось в пустой звук... Пожалуй, самым невыносимым в жизни на Земле ему показалась страшная разобщенность людей.

Но иначе не могло быть в мире, где человек - просто один из винтиков глухой, немой, слепой автоматической машины.

Они ехали, сами не зная куда, пока Коскинен не посмотрел на часы, не увидел, что пора снова звонить в ВК. На всякий случай, чтобы сбить со следа возможный хвост, они дважды пересаживались на другие линии. Вивьен удалось немного вздремнуть, и теперь она выглядела посвежевшей.

Оказавшись на улице, Коскинен огляделся. Они попали в довольно респектабельный район. Здания вокруг были сравнительно новыми, разнообразной архитектуры, со стенами из разноцветного пластика, с широкими окнами и балконами. Немного впереди начиналась ограда парка, который окружал Центр, громоздившийся над городскими кварталами словно гора. Но Коскинен не обратил на гору никакого внимания, он смотрел на парк - на свежую сочную зелень травы, клумбы с красными, желтыми и голубыми цветами, изящные кроны деревьев. И над всем этим простиралось темно-синее небо, начавшее чуть бледнеть на востоке. А я и забыл почти, что Земля по-прежнему самая красивая планета, подумал он.

Из-за ограды их равнодушно разглядывал охранник. Несколько ранних - или запоздалых - машин промчались по улице; в этих районах движение грузовиков было запрещено. Поблизости располагалась стоянка, и чтобы убраться отсюда не нужно было вызывать такси по фону.

А почему вообще нужно куда-то бежать, вдруг спросил себя Коскинен. Почему бы просто не отправиться в бюро?..

Он нервно облизнул губы и вошел в кабину фона. Вивьен осталась ждать снаружи с генератором защитного поля в руках. Под ее пристальным взглядом он набрал номер.

Малиновый экран, женский голос.

- Бюро..

- Это Коскинен, - резко оборвал он. - Вы готовы говорить со мной?

- О! Один момент. - Щелчок. Послышался мужской голос:

- Говорит полковник Окленд. Коскинен, если вы включите экран, то я переключу вас на самого директора Маркуса.

- О'кей. - Коскинен бросил еще одну монету. - Но учтите, машинки при мне уже нет. Если вы вычислите откуда я звоню, и схватите меня, то мой знакомый немедленно скроется вместе с ней в неизвестном направлении. Хочу сразу добавить, что мне это направление неизвестно тоже.

На экране появилось исполненное негодования лицо, которое почти тут же сменилось другим - массивным, с густыми бровями и благородной сединой. Это был сам Хью Маркус, и он сидел сейчас в своем вашингтонском кабинете. В детстве Коскинен много раз видел его фотографии в газетах и поэтому узнал сразу.

- Хэлло, - довольно мягко сказал Маркус. - В чем дело? Чего ты испугался, сынок?

- Вас, - ответил Коскинен.

- Видно, ты пережил пару неприятных минут...

- Стоп! Я прекрасно знаю, что времени у меня немного, и ваши агенты скоро до меня доберутся. Со мной обошлись довольно круто, Маркус, и я хочу, чтобы мои подозрения опроверг тот человек, которому я доверяю. Пусть он убедит меня, что все происшедшее вызвано просто нелепым стечением обстоятельств, а не тем, что ваша Служба выросла из детских штанишек. Вы привезли Дэйва Абрамса?

- Минутку, минутку, - Маркус поднял руку с наманикюренными ногтями. - Не надо заводиться. Мы действительно забрали Абрамса, это так. Но только ради его собственной безопасности. Точно так же мы собирались обезопасить и тебя. С ним абсолютно все в порядке.

- Пусть он сам мне это скажет. И поторопитесь!

Максус побагровел, но продолжал по-прежнему мягко:

- А почему именно Абрамс? Видишь ли, мы не смогли привезти его сюда за столь короткое время. Он сейчас на нашей базе в Скалистых Горах, и мы не видели причин не разрешить ему и охраняющим его людям отправиться на рыбалку. Сейчас они где-то на озере, но погода там такая, что мы не можем связаться по фону. Гроза...

- А я утверждаю, что вы накачали его наркотиками и за это время просто не успели привести его в чувство. Пока, Маркус! - Коскинен потянулся к выключателю.

- Подожди секунду! - воскликнул Маркус. - А с Карлом Холмбоу ты согласен поговорить? Вот он, сидит рядом, целый и невредимый, и хочет тебя увидеть.

Бортинженер... У Коскинена чуть не подогнулись колени.

- Ладно, - выдавил он. - Давайте его.

На экране появилось изображение другого человека - лысеющего, с моржовыми усами. Он внимательно смотрел на Коскинена. Лицо его было слегка растерянным.

- Привет, Карл, - мягко сказал Коскинен.

- О, Пит! - Холмбоу скосил глаза куда-то в сторону. Там, что, охранник с пистолетом? - Что с тобой случилось?

- Я сам еще не понимаю, - ответил Коскинен. - Как с тобой обращаются?

- Отлично. А почему ты спрашиваешь? Со мной все в порядке.

- По тебе этого не скажешь.

- Пит... - Холмбоу сглотнул. - Возвращайся домой, Пит. Меня просили сказать тебе, что в ВК тебе не причинят вреда. Так вот, вреда тебе не причинят.

Коскинен ничего не ответил. Из фона не доносилась ни звука. Сквозь стекла кабины ему было видно, как на западной стороне небосвода с восходом Солнца исчезают последние звезды. Вивьен стояла неподвижно на том же самом месте.

Усилием воли он заставил язык и гортань принять положение, позволяющее издавать каркающие звуки разговорной марсианской речи.

- *Карл, о Разделяющий Надежды, есть ли истина в том, что утверждает твой язык?*

На экране брови Холмбоу взлетели вверх, лицо его побледнело.

- Не смей меня так называть!

- *Отчего же мне не называть тебя так, о Разделяющий Надежды, если все мы однажды ночью дали клятву называть так друг друга, там в храме, под марсианским небом, в присутствии друзей? Я приду к тебе, если ты скажешь мне на этом же языке, что ничего плохого с тобой не случилось.*

Холмбоу попытался заговорить и не смог.

- *О, Разделяющий Надежды! Я знаю о мече, нависшем надо мной, - сказал Коскинен. - Будь дело только в этом, я сразу бы пришел к тебе. Но знание, открывшееся нам той ночью на вершине башни Элкора, подсказывает мне - опасность угрожает большему, чем человеческая жизнь.*

- Уходи как можно быстрее и дальше, - вдруг произнес Холмбоу по-марсиански.

Он порывисто склонился к экрану и уже по-английски проревел:

- Кончай эти фокусы, Пит! У тебя, наверное мозговая лихорадка или еще похуже. Ведешь себя, как последний идиот! Если тебе нужно, чтобы я поклялся, что здесь ты будешь в безопасности, по-марсиански - ладно, я это сделал. А теперь перестань корчить из себя упрямого осла!

- К-конечно... Я приду, - сказал Коскинен. - Только мне... э... придется зайти к человеку, у которого я оставил аппарат. Но после этого я отправлюсь прямо в ближайшую контору. - Он с трудом перевел дух. В горле стоял комок, и ему казалось, что он проглотил бомбу, висящую у него на шее. Глаза щипало. - Спасибо, Карл, - выговорил он наконец.

- Не за что. Скоро увидимся.

Он выключил фон. Карл сорвался у них с крючка. И значит, он выиграл немного времени для того... для того, чтобы сделать следующий шаг. И он сделает этот шаг - ради жизни. И так уже было слишком много смертей.

Питер вышел из кабины. Вивьен схватила его за руку.

- Пошли отсюда, - сказал он. - И побыстрее, а то скоро здесь будет половина агентов Америки.

10

Некоторое время она молчала. Солнца еще не было видно, но первые его лучи уже окрасили золотом верхние этажи Центра и, отразившись, осветили улицу. Машин было мало - обитатели таких районов не привыкли рано вставать. И вообще, здесь совершенно отсутствовал типичный для трущоб шум мегаполиса. Только если напрячь слух, можно было различить слабый мерный шелест, напоминающий дыхание какого-то огромного существа. В этот ранний час Вивьен была похожа на темного ангела, которого изгнали из рая и заставили бесцельно бродить под стенами.

- Ну куда теперь? - спросила она. - В зиггерову нору?

- Сам не знаю. Господи, как мне все опротивело! Нам нужна помощь, Ви... Без помощи мы отсюда не выберемся.

В смехе ее послышалась издевка.

- И кто же нам ее, по-вашему, окажет? - Она вдруг схватила его за руку. - Пошли отсюда скорее, Пит. ВК наверняка вычислила аппарат. Их люди уже мчатся сюда во весь дух.

- Но ведь я им сказал, что сам приду и сдамся...

- Они все равно проверят это место на всякий случай. Пошли, говорю!

Отразившись от одного из окон Центра, луч Солнца упал прямо на них. Коскинен зажмурился и подумал вдруг, что Солнце само подает им знак.

- Есть! - почти выкрикнул он.

- Что такое? - ее глаза, карие с золотыми искорками, удивленно уставились на него. - Вы что-то придумали?

- Придумал, - сказал он и быстрым шагом направился к стоянке такси.

Машины здесь были новыми и блестящими, а водители не вооружены.

- Машины этой компании не летают в трущобы, - предупредила Вивьен.

- А нам туда и не нужно.

- Надо быть осторожнее с таксистами, Пит. Ведь они сразу получают все сообщения полиции о розыске. Как только ВК объявит наши приметы, водитель тут же вспомнит, кого вез...

- У нас нет выбора. Надземкой добираться слишком долго. А если они нападут на след, запросто остановят поезд. Что-то мне не улыбается сидеть в туннеле и ждать, пока агенты войдут в вагон.

- Значит, отправимся в местечко поприличнее? - спросила Вивьен, начиная понимать, что у него на уме. - О'кей. Тогда я полагаюсь на вас. Надеюсь, вы знаете, что делаете. К тому же у нас больше нет времени спорить. Только знаете, Пит, лучше бы нам не выделяться и не привлекать внимания. И лица лучше скрыть. Чтобы никто не запомнил. Дайте мне генератор. - Она легко подхватила ранец. - Давайте так - как будто вы меня подцепили где-то на нижнем уровне. Я шла с работы, и мы познакомились... Надеюсь, видок у меня соответствует. Зато вы вполне респектабельно выглядите. Никто не скажет, что вы уже несколько дней в бегах.

- Не понимаю, - сказал Коскинен.

Стало уже совсем светло, и Питер заметил, что Вивьен покраснела. Тем не менее, она начала объяснять снова:

- Ну, мы всю ночь шатались по барам... - Заметив, что Коскинен по-прежнему смотрит изумленными глазами, она улыбну-

лась. - Все очень просто! Вы - беспутный папенькин сынок и у вас куча денег... Играйте роль, Пит! Будьте естественней...

Они подошли к веренице машин. Коскинен вздрогнул, почувствовав, как рука Вивьен скользнула по спине и взъерошила ему волосы. Теперь он понял, в чем заключался ее план. Продолжая обниматься, Коскинен в душе восхитился той ловкости, с которой Вивьен повернулась затылком к таксисту, скрыв таким образом их лица, - они остановились возле одной из машин. Водитель взглянул на них, усмехнулся и нажал на кнопку открывания дверей.

Вивьен сунула генератор на заднее сидение и уселась сама.

- Ну, Том, мне уже нужно на работу, - кокетливо протянула она. - Босс с меня три шкуры снимет. Я так вчера и не занесла ему домой этот чертов тестер...

Коскинен растерянно молчал. Вивьен больно ущипнула за руку.

- Ч-черт! - прошипел Питер, влезая за ней. - Э... Да ты не беспокойся, малышка. Я позабочусь о том, чтобы твой босс остался доволен.

- Ух, до чего ж, наверно, здорово иметь кучу денег, - промурлыкала Вивьен. Водитель набрал на пульте запрос на старт, Контроль дал добро, и ускорение мягко прижало их друг другу.

Коскинен обнял ее, но получилось это неловко, по-медвежьи.

- О-о-ох! - шепнула она. - Потише, ты, а то наставишь мне синяков!

Питер вдохнул теплый запах ее волос и почувствовал вдруг, как сильно забилось сердце и перехватило горло.

Уголком глаза он машинально следил за восходящим Солнцем. В утренней заре мегаполис казался неведомой романтической страной, укутанной розоватой дымкой, которую тут и там прорезали шпили и башни небоскребов. На земле серебрились две извилистые дорожки - реки. Машин в воздухе почти не было видно. Вскоре город уступил место паркам, начинающимся от самых пляжей. Лишь изредка мелькал среди зелени какой-нибудь дом. После войны эти районы начали застраивать заново, но купить здесь участок могли только очень богатые люди. Естественно, они не хотели, чтобы сюда проникла промышленность.

- Куда теперь, сэр? - спросил водитель. Ему пришлось повторить вопрос дважды, прежде чем Коскинен сообразил, что обра-

щаются к нему. Он порылся в памяти и не очень уверенно ответил:

- Двадцать третья улица, Вейст-сайд.

- Ясно, сэр! - Водитель связался с местной службой охраны и почти сразу получил разрешение на посадку. Такси залетали сюда часто, поэтому разрешение давалось без промедления. Машина нырнула вниз, колеса мягко коснулись флексипласта и, прокатившись немного вперед, такси остановилось у пассажирской рампы.

Вивьен незаметно сунула в карман Коскинену деньги.

- Дайте ему побольше на чай, - шепнула она ему на ухо. Питер все еще не пришедший в себя и занятый в основном мыслями о ней, рассеянно кивнул.

- Ой, не могу! - громко хихикнула она. - Я, наверное, выгляжу как старуха -мутантка.

- Ты отлично выглядишь, - возразил он.

Вивьен подхватила генератор и вылезла из машины. Питер тем временем расплатился с водителем. Тот, увидев сколько ему дали, присвистнул и, подмигнув, заметил:

- Похоже, у вас был удачный вечер, а? - Он проводил взглядом покачивающиеся бедра Вивьен. Лицо Коскинена такой конкуренции выдержать не могло. Минуту спустя такси взмыло в воздух и исчезло в направлении Манхэттена.

Коскинен последовал за Вивьен, которая уже поднялась на террасу. Там, среди мхов и розовых кустов, весело журчали ручейки. Задержавшись на мгновение у бледно-лилового полыхания цветущей сливы, она взглянула вдаль, где за зеленью парков тянулись ослепительные пляжи, пенился прибой и видны были чайки, казавшиеся отсюда словно вылепленными из снега.

Коскинен несмело обнял ее за талию. Вивьен, вздохнув, склонила голову ему на плечо.

- Я уже почти забыла, как прекрасна Земля, - прошептала она.

- Я тоже совсем недавно начал узнавать это... от вас, - проговорил Коскинен, и сам удивился своим словам.

Вивьен усмехнулась.

- Между прочим, хочу сказать, Пит, вы способный ученик... - Она не договорила - по гравию садовой дорожки послышались чьи-то шаги. Мгновенно насторожившись, они обернулись. Скорее всего, это был охранник, которому поручили проверить двоих неизвестных. Человек шел не таясь, расслабленной походкой; он был одет в штатское - очевидно, здесь предпочитали обхо-

диться без показухи. И он улыбался... Но Коскинен не позволил себе улыбнуться в ответ - этот человек вполне мог оказаться из ВК, и он отлично видел, что под штатским костюмом скрывается тренированное тело. На запястье у незнакомца поблескивал миник - полицейское связное устройство.

- Доброе утро, сэр! Чем могу быть полезен?

- Я хотел бы видеть мистера Абрамса, - холодно произнес Питер.

- Да неужели? - скептически улыбнулся охранник.

- Моя фамилия Коскинен. Я товарищ Дэвида Абрамса по экспедиции на Марс и располагаю сведениями, которые заинтересуют его отца.

Несмотря на профессиональную выдержку, охранник не сдержал радостного возгласа.

- Конечно, мистер Коскинен! Немедленно! Он, наверное, еще спит, но... Прошу за мной.

Коскинен взял у Вивьен генератор и повесил его на плечо. Но она вдруг придержала его за руку. Питер почувствовал, как напряжена Вивьен, и внезапно ощутил пустоту, поняв, что она уже не помнит о той близости, которая возникла между ними в такси.

- Что вы задумали, Пит? - неуверенно прошептала она. - Я слышала о Натане Абрамсе, он какая-то большая шишка в "Дженерал Атомикс", так? Зачем он вам нужен?

- Вы что, забыли, ВК схватила его сына! Он будет только рад нам помочь. Ведь у нас общие интересы.

- Ну и болван же вы! - возразила она. - Маркус, между прочим, не глупее вас!

- Договорились. Да, ВК наверняка держит его под наблюдением и, появившись здесь, мы очень рискуем. Но это оправданный риск. Не может же ВК одновременно заниматься всем сразу, особенно теперь, после того, как китайцы напали на Кратер. Там, наверное, сработала целая шпионская сеть, и у Маркуса хватает забот с нею. Согласитесь - мы все-таки ускользнули, а китайцам вряд ли удалось быстро оттуда убраться. Пока ВК обшаривает Кратер и ловит китайцев, им будет не до Натана Абрамса. У них просто нет столько агентов. Они просто не успевают. Я почти уверен, что сейчас за нами слежки нет.

- Если только у ВК нет своих людей среди здешней прислуги.

- Маловероятно. Дэйв много раз рассказывал мне, сколько времени и сил его отец угробил на то, чтобы подобрать в штат

абсолютно преданных людей. Так поступают все крупные деятели. В этом нашем волчьем мире иначе просто нельзя.

- Ладно. Раз нас до сих пор не накрыли, может, вы и правы... - Вивьен так пристально посмотрела на него, что Питер невольно отвел глаза. - Логично мыслите, Пит. На ходу даже профессионал не смог бы обмозговать лучше. Вы так быстро все схватываете, что меня это порой даже пугает. Ладно, пошли, а то этот парень нас заждался. Кстати, я предлагаю перейти на "ты". Согласны?

Они прошли через скользнувшую в сторону широкую дверь и оказались в солярии. В центре его бил фонтан, струя взлетала футов на двадцать. Коскинен обратил внимание, что басейн фонтана выполнен в виде метеоритного отражателя космического корабля. Струи воды, яркие лучи утреннего солнца, аромат лилий, клумбы которых были раскиданы повсюду, прекрасно оживляли огромное помещение. Неожиданно Питер заметил, что к ним торопливо направляется еще один человек.

Это был не Абрамс-старший, а коренастый седовласый мужчина в простом голубом костюме. Охранник приветствовал его с почтением. Перебросившись с ним парой слов, незнакомец жестом отпустил его и подошел к Коскинену и Вивьен. Вблизи он выглядел гораздо старше - возраст выдавало лицо. Кожа туго обтягивала скулы и орлиный нос, но в углах рта и около глаз залегали морщины. Коскинен подумал, что еще никогда не встречал человека с таким проницательным взглядом. Рукопожатие незнакомца оказалось крепким.

- Меня зовут Ян Трембецкий. Я - личный секретарь мистера Абрамса. Сам он подойдет через несколько минут. Прошу вас, присаживайтесь. - Его английский был беглым, но чувствовался небольшой акцент.

- Благодарю. - Коскинен только сейчас понял, насколько измучен. Он буквально рухнул в кресло и с наслаждением ощутил, как оно обнимает усталое тело. Села и Вивьен, хоть и не так поспешно, как Коскинен, но тоже с видимым облегчением. Трембецкий некоторое время молча разглядывал их, потом спросил:

- Как насчет легкого завтрака? - Не дожидаясь ответа, он подошел к интеркому и сделал заказ.

Вернувшись, он предложил им сигареты. Вивьен прикурила и, глубоко затянувшись, медленно выпустила струйку дыма. Трембецкий, присев напротив, тоже закурил и сделал несколько коротких, быстрых затяжек.

- Как я понимаю, вам удалось оторваться от ВК, - наконец произнес он и, подождав, пока Коскинен кивнет, продолжал. - Что ж, возможно мы могли бы вас спрятать... а может, и нет... Давайте начистоту. Откровенно. Что нам это даст? У нас и без того забот полон рот.

- Наверное, я могу быть вам полезен, - ответил Коскинен. Он указал на генератор. - Вот эта штука - причина всему.

- Интересно, - протянул Трембецкий без всякого выражения. - Правда, мы и сами пришли к такому выводу на основании данных нашего собственного небольшого расследования...

- Как вы считаете, с Дэйвом все в порядке... или...

- Не думаю, чтобы ему нанесли какой-либо непоправимый вред. Ему наверняка устроили психодопрос, но, если он не располагает важными сведениями... Так или нет? - Вопрос грянул как выстрел. Коскинен не успел и рта раскрыть, как Трембецкий понимающе кивнул.- Прекрасно. Значит Дэйва они держат только в качестве заложника. А следовательно, он цел и невредим. Не буду скрывать, это несколько связывает нам руки.

- Вы пытались что-нибудь сделать? Не мог ли мистер Абрамс, например... да, конечно, мог бы... поговорить с Президентом?

- Всему свое время. Чтобы добиться встречи с Президентом, нужно прежде всего время, какой бы высокий пост не занимал человек. Особенно, если учесть, что окружение Президента чертовски любит тянуть резину... А сейчас это им на руку. И они совершенно явно тянут. Любой правительственный чиновник как огня боится ВК; неверный шаг запросто может стоить ему поста или еще чего похуже. Ведь это же Вашингтон!

- Но ведь сам Президент...

- Да, в этом смысле нам повезло. По убеждениям он ярый либертарианец. Но не забудьте, на нем лежит ответственность за безопасность Соединенных Штатов, а она в наши дни неразрывно связана со стабильностью Протектората. И вот тут-то значение ВК нельзя недооценивать. Поэтому Маркусу сойдет с рук почти все, что угодно.

- Но ведь Президент может просто уволить Маркуса!

- Это не так просто. Следует учитывать сложность внутриправительственных отношений, иначе неизбежен правительственный кризис. Более того, каждый лидер должен лавировать, идти на компромиссы, а то, в конце концов, на него ополчатся все вокруг, и он окажется бессилен что-либо сделать. Вспомните историю. Каково было Линкольну мириться с болванами в тог-

дашнем кабинете, не говоря уже о множестве тупоголовых генералов? Или вот, например, непростые взаимоотношения сталинистов и антисталинистов в бывшем Советском Союзе... Или... Впрочем, ладно. Я лишь хотел сказать, что Президент не может вдруг взять да и уволить Маркуса. Он сможет его уволить только в том случае, если Маркус совершит что-нибудь вопиюще противозаконное. Нельзя отменить и распоряжения Маркуса по ВК, по крайней мере, до тех пор, пока Президент и Конгресс окончательно не убедятся в том, что эти распоряжения вредны.

- Может, нам удастся их убедить? - спросил Коскинен.

- Возможно. Хотя это трудно сделать, пользуясь обычными, легальными способами. А если мы сами нарушим закон - например укроем потенциального преступника от правосудия - мы тем самым скомпрометируем себя.

Коскинен не ответил. Некоторое время слышалось лишь журчание фонтана.

- А вот и завтрак!

Коскинен открыл глаза и ошарашенно понял, что задремал. Человек, подкативший к ним столик, снял прикрывавшую его салфетку. Коскинен увидел кофе, апельсиновый сок, французские булочки, масло, сыр, икру и запотевшую бутылку водки. Трембецкий протянул ему и Вивьен по таблетке стимулятора.

- Сначала примите это, - посоветовал он. - Тогда еда доставит вам еще больше удовольствия.

- Это точно, - мрачно подтвердила Вивьен. - Заодно и в голове прояснится.

Не успели они приступить к еде, как в дальнем конце появилось еще двое. Трембецкий встал.

- Прошу прощения за то, что отрываю вас от еды, - сказал он, - но это мой босс.

11

Натан Абрамс не мог похвастаться высоким ростом, к тому же с годами он становился все более округл и лыс. При каждом шаге халат закручивался вокруг ног в пижамных брюках, и это выглядело довольно нелепо. Но Коскинену никогда прежде не случалось видеть столь сильно раздраженного человека, который при этом столь же умело держал себя в руках.

Абрамс опустился в кресло, как бы приглашая гостя к беседе.

- Боже праведный, - тяжело вздохнул он, затем процедил сквозь зубы: - Меня никогда не покидало ощущение, что мир стремительно гниет, и последние события - очевидное тому подтверждение. По-моему, мы упустили время для борьбы...

- А каким, собственно, оружием вы собирались..? - поинтересовался Трембецкий.

- Для начала можно попробовать это. - Абрамс махнул рукой в сторону генератора поля.

- Чтобы изготовить несколько штук и обучить группу, потребуется время.

- Но Дэйв... - голос Лии Абрамс дрогнул. Чтобы замять неловкость, девушка принялась раскладывать еду по тарелкам. - О, извините, - обратилась она к Коскинену и Вивьен. - Вы, должно быть, умираете от голода.

Несмотря на напряжение, Коскинен внимательно к ней присмотрелся. Конечно же, он помнил, что у Дэйва есть сестра, но ей было всего пятнадцать, когда они улетали. И сегодня он совсем не ожидал увидеть ее такой - стройную и гибкую, сероглазую, с веснушками-пылинками, едва видимыми на изящном носике, каштановыми волосами до плеч и походкой балерины. У нее, должно быть, такая же сила воли, как у отца, подумал Коскинен. Натан Абрамс не рассказал жене о настоящей встрече, боялся, что она не выдержит, зато дочь присутствовала здесь наравне с ним, конечно же.

И она весьма кстати напомнила о завтраке. Он действительно зверски проголодался, но никак не мог решиться взять, наконец, вилку в руку, пока девушка, словно прочтя его мысли, не предложила:

- Приступайте. Не притворяйтесь, что трудности довели вас до потери аппетита. И знаете, я тоже чего-нибудь съем, с вами за компанию.

Вивьен улыбнулась:

- Вы тактичны, но себя не забываете. Это справедливо. Спасибо, мисс Абрамс. Мы теперь все в одной упряжке.

- В этом я не совсем уверен, - заметил Трембецкий.

- Что ты имеешь против, Ян? - спросил Абрамс намеренно громко.

- Ну... - протянул поляк.

- Я ведь не предлагаю ничего опрометчивого или поспешного, ты же понимаешь. Самое главное для нас - вернуть Дэйва и всех остальных с корабля, и действовать мы должны с максимальной осторожностью. Хотя, рано или поздно, нам придется...

Абрамс умолк на полуслове, но Трембецкий резким тоном досказал за него фразу:

- Вступить в борьбу с собственным правительством, да?

- Да... С Маркусом, по крайней мере. Никто не посмеет сказать, что я хочу этого или хотел когда-либо раньше, я вообще не боец, но Маркус помешан на силовых методах, у него мания величия. Мы должны его остановить.

- Сейчас не время для обвинительной речи, Нат, - оборвал его Трембецкий. - Неофашизм не появляется на пустом месте, так же как не рождаются из ничего императоры. То, с чем столкнулись мы, называется иначе - это цезаризм, отличающийся от цезаризма времен Рима только тем, что возник в республике с более высоким технологическим развитием. И возник, заметь, как средство первой помощи, как средство выживания в условиях термоядерного века. Попробуй сбросить Цезаря с трона Империи! Цена твоего поступка всегда была и будет одна - гражданская война и ослабление страны, окруженной племенами бессовестных варваров.

- Нонсенс! Я никогда так не думал!

- Это практически неизбежно, Нат. Это только кажется, что бескровный переворот нравственнее открытой революционной борьбы. И в том, и в другом случае неизбежно последуст развал зыбкого баланса социальных сил. Что означает - экономический хаос. В этих условиях, когда общество не способно обеспечить себя за счет собственных внутренних ресурсов... открывается прямой путь к тоталитарной диктатуре. И народ - люди, населяющие страну, сами потребуют, чтобы во главе их стала сильная личность. Свобода не становится слаще от вида смертельно голодных детей. По крайней мере, для большинства выбор будет однозначен. Маркуса поддерживают миллионы только потому, что вы и вам подобные не сумели ни наладить отношения с враждебными зарубежными странами, ни избежать перенаселения; вы потворствовали неравномерному распределению богатств, низкому культурному уровню людей. И если сейчас верхние классы Америки займутся междоусобной войной, это будет самая настоящая катастрофа. Разобщенность - самое страшное из зол, потому что любое дело, начинаемое без согласования сил, заведомо обречено на провал. Даже если нам удастся уничтожить Маркуса, я уверен, пришедшие ему на смену лидеры в первую голову уничтожат нас с вами. Поэтому, не учитывая даже всех практических трудностей, связанных с реализацией и осуществлением столь грандиозного и мелодраматического замыс-

ла, я считаю - именно на нас лежит ответственность за всю страну. И именно это соображение не дает нам права ввязываться в авантюру.

- Когда ты помогал освобождать Краков от коммунистов, ты почему-то о высоких материях не задумывался, - с горечью заметил Абрамс.

- То было в молодости, тогда решения давались проще, - вздохнул Трембецкий. - Да и выбора особого не было...

Нагнувшись к Коскинену и Вивьен, Лия шепнула:

- Он из Центральной Европы. Папа наткнулся на него в каком-то польском городе и уговорил переехать в Штаты.

Коскинен смотрел на Трембецкого со всевозрастающим почтением. Военные и послевоенные годы были трудными для всей Америки. Но, самое главное, войскам противника так и не удалось вторгнуться на континент, страна избежала паники и хаоса даже после того, как ракеты врага практически уничтожили все крупные города. А этот человек не только сумел выжить в голодные времена, но каким-то образом выкроил время, чтобы получить образование...

- Не поймите меня превратно, - пояснил Трембецкий, - я не предлагаю с покорностью отдать инициативу в руки Маркуса, чтобы он затем прихлопнул нас "во имя стабильности и должной безопасности в обществе". Я вообще не представляю, как это мы добровольно согласимся поднять руки вверх. Ты, Нат, не робкого десятка, я, смею уверить, тоже, но "Дженерал Атомикс" не наша с тобой частная Империя. Она даже не государство в государстве, и я, честно говоря, этому рад, потому что, получив в свое время в распоряжение мощнейший интеллектуальный потенциал и почти безграничную власть, она может стать тем, чем становиться не должна. Впрочем, это все далекие перспективы, а сейчас, Нат, я хочу, чтобы ты уяснил одно: ты не можешь себе позволить делать резких движений, ты - человек-на-виду. И раз любое твое действие слишком заметно, мы не имеем права включать тебя в какой бы то ни было тайный план. Ты должен честно признаться самому себе, что большая часть твоей энергии пойдет на то, чтобы вилять хвостом, дабы замаскировать нелегальные ходы. А отсюда следует, что и ходов будет мало, и КПД у них будет мизерным.

- Вот! - набросился на него Абрамс. - Ты исходишь из неизбежности конспирации!

- Пока я не могу сказать точно. Слишком быстро развивались события, у меня не было времени обдумать ситуацию.

- Не рассчитывайте, что оно у вас появится, - мрачно сказала Вивьен.

- Верно, Маркус преследует... буквально по пятам, - кивнул поляк. - Даже не представляю, как вас спрятать получше и надолго. Тут, Нат, силами твоей семьи не обойтись. Здесь нужна именно организация - с разветвленной агентурной сетью, с конспиративными квартирами, с собственной автономной системой связи... и вы должны быть стопроцентно уверены в каждой ячейке своей структуры.

Абрамс щелкнул пальцами:

- Эгалитарианцы![1]

- Хм? - Трембецкий то ли удивленно, то ли с некоторой брезгливостью переспросил: - Ты имеешь в виду Ганноуэя?

- Да. Мне кажется, его стоит проверить.

- Если я верно тебя поняла, папа, - произнесла Лия, - ты предлагаешь обратиться к эгалитарианцам. По-моему, правильно. Я много раз бывала на их собраниях и со многими из них разговаривала, вы же знаете. Я хочу сказать, они действительно полезные люди...

- Очень может быть, - хмыкнул Трембецкий. - Но насколько они готовы к активным действиям.

- Ганноуэй, конечно, стреляный воробей, - улыбнулся Абрамс, - хотя... мы и сами не промах. Ладно. Чертовски рискованная затея, но... - он глубоко и печально вздохнул. - Кто мне скажет, что в наше время не чертовски рискованно?

Трембецкий кивнул с явным оживлением:

- Тогда я немедленно даю команду начинать. Мы соберем информацию, оценим ее и примем решение, как действовать дальше. Наших юных друзей пока оставим в этом доме. Но чем быстрее мы подберем им более надежное убежище, тем больше у нас будет шансов на успех.

- Согласен, - Абрамс повернулся к Коскинену и Вивьен. - Прошу извинить, что приходится так резко прерывать нашу беседу, но вы должны понять, какие помыслы нами движут. Мы еще обсудим ситуацию более детально. Пока же о вас позаботится Лия.

---

1 От французского egalite (равенство). Эгалитаризм - теория, проповедующая всеобщую уравнительность как принцип организации общества.

Трембецкий подошел к генератору, который Коскинен демонстрировал слушателям в подтверждение своего рассказа, очень осторожно приподнял его, оглядел, столь же осторожно положил обратно, прищелкнул языком и вышел из комнаты. И почти сразу за ним последовал Абрамс.

- Вы доедайте, - сказала Лия, - а я пойду распоряжусь насчет комнат. Скоро вернусь.

Коскинен почувствовал, как возвращается хорошее настроение. Вкусная еда, крыша над головой, ощущение силы и компетенции людей, встретивших его в этом доме, плюс - таблетка стимулятора, - что еще нужно для счастья?

- По-моему, - произнес он, уплетая за обе щеки, - мы вышли на финишную прямую.

- Неужели? - удивленно переспросила Вивьен. Она едва притронулась к завтраку, и Коскинен видел, что девушка все еще напряжена и встревожена. Он попытался как-то смягчить ситуацию, но запутался в словах.

- Извини, - сказала Вивьен после паузы, - но всю мою жизнь со мной обращались так, что в Санта-Клауса с мешком подарков я уже просто не верю...

- А если папаша Абрамс нацепит на подбородок длинную белую мочалку и выйдет с криком "Эй, эй, детки!" - это тоже не поможет? - весело спросил Питер.

Вивьен кисло улыбнулась, и, наклонившись чуть вперед, взяла его за руку.

- Ты хочешь сказать, что еще не разучился испытывать жалость к самому себе? Ты потрясающий человек, Пит.

Услышав легкие Лиины шаги, Коскинен поднялся, высматривая приближающуюся девушку. На нее было приятно смотреть, она словно магнитом притягивала его взгляд, но в то же время Питеру было немного неловко, потому что совсем недавно в такси...

- Ну, вы закончили с завтраком? - спросила Лия. - Очень хорошо. Тогда идите за мной. Я покажу вам ваши комнаты. Примите ванну, и ложитесь спокойно спать. - Она улыбнулась.

- Только не спать, - заспорил Коскинен. - После пятнадцати миллиграмм допинга спать невозможно!

- О, я и забыла! Тогда, если не возражаете, могу показать вам наш дом.

- Вы очень добры.

Лицо Лии посерьезнело.

- Вы были другом Дэйва на кораблс... Дэйв очень много рассказывал о вас. И вы сделали столько хорошего и для него, и для всех...

- Не так уж и много.

- Если уж не Кратер, то, во всяком случае, китайское подполье уничтожено точно. Благодаря вам, - Лия тряхнула головой, длинные волосы взметнулись пушистым облаком. - До сих пор не могу в это поверить.

- Ну, это просто случайность. У меня была одна задача - унести ноги.

- Пойдем, - она осторожно взяла его под руку. Вивьен, отстав на шаг, молча двинулась следом.

Комната поразила Коскинена - он совершенно не ожидал встретить подобную роскошь. Номер в отеле и апартаменты Вивьен в Кратере не шли ни в какое сравнение с обстановкой дома Абрамса. Несколько минут Питер восхищенно озирался вокруг, потом, переодевшись в удобный костюм, шелковистый наощупь, словно марсианский клоклиф, вышел к Лие, которая дожидалась его в солярии.

- Может, подождем Вивьен на воздухе? - предложила Лия. - Сегодня на редкость восхитительный день.

Они вышли на балкон, и Лия, облокотившись на перила, внимательно всмотрелась в противоположный берег узкого прилива. Бриз растрепал ее волосы, осыпал их лепестками цветущих деревьев. Ви стояла на том же самом месте, вспомнил Коскинен.

Он набрал полные легкие чистого, прозрачного воздуха.

- Вы были правы, - сказал он. - Великолепный день. На Марсе мы очень тосковали по Земле. Ветер, солнце, море, дождь...

- Но ведь Марс похож на Землю. Разве не так?

- Похож. Но в то же время он абсолютно другой. Днем воздух настолько прозрачен, что кажется, будто можно дотронуться рукой до горизонта. А потом опускается ночь... Нет, она не опускается, а обрушивается, почти мгновенно, на черном небе вспыхивают звезды, и тут же, откуда ни возьмись, воцаряется холод, такой, что трескаются скалы в пустыне... И пылевые бури, от которых невероятно древние утесы покрываются ковром из мириадов искрящихся точек. А когда приходит весна, на полюсах тают льды и снова расцветают леса, мелкие деревца тянут ветки навстречу солнцу, из почек появляются тонкие листья чуть ли не в ярд длиной; они переливаются сотнями оттенков зеленого, красного, золотого, голубого и трепещут на легком ветру, как будто танцуют волшебный танец...

Коскинен вздрогнул, вернувшись из воспоминаний.

- Простите, Ли. Мне показалось, что я снова очутился на Марсе.

- Вы хотите туда вернуться? Когда-нибудь? - осторожно поинтересовалась Ли.

- Обязательно. Мы оставили на Марсе друзей. Вы, наверное, знаете?

- Дэйв успел рассказать. Только не знаю, можно ли называть марсиан "друзьями".

- И я не знаю. Но между нами и ими возникло какое-то особое понимание, привязанность, что ли... Я не могу объяснить. Тут нужен собственный опыт, иначе вы не поймете меня.

- Я бы очень хотела попробовать, - сказала она.

Коскинен вздохнул.

- Что ж, попробуем. - Он вдруг почувствовал, как на него накатывает воодушевление. - Знаете, что в следующую экспедицию обязательно включат женщин. Наш отчет неполный, ведь его составляли одни мужчины. А мне кажется, что настоящие, прочные, дружеские отношения с марсианами может завязать только семья - мужчина, женщина и ребенок. Понимаете, мы общались не только на языке слов... Но у нас, землян, это получалось плохо, мы никак не могли достичь гармонии. У людей тоже есть неязыковые средства общения - жесты, мимика, но марсиане смотрят на общение как на функцию всего организма. Вот это, пожалуй, самое главное. У них есть и язык прикосновений, и язык музыки, и танца и множество других. Эти языки не эквивалентны один другому, как, например, письменный текст эквивалентен устной речи. Они не повторяют друг друга и не соприкасаются на уровне описания материальных объектов. Но если ты владеешь и пользуешься несколькими языками одновременно... Представляете, насколько полным оказывается ваше общение с тем, кто тоже владеет ими? Есть только одно условие - такой уровень общения подразумевает психологическую, духовную близость между вами и тем, с кем вы хотите поговорить. Как ее добиться? Здесь рецептов нет, это очень личное. Мы, те, кто побывал на Марсе, сумели ее достичь. За пять лет мы узнали очень много, и, я уверен, в следующий раз узнаем еще больше, но для этого на Марс должны лететь люди разных полов, всех возрастов, рас, культур, самые разные люди, каких мы только сумеем найти.

- Кажется, я начинаю понимать, почему Дэйв... так относится к вам,- сказала Лия. - Вы - неисправимый идеалист.

Коскинен смущенно отвернулся.

- Я не собирался читать вам проповедь...

- Вы очень увлеченный человек, - сказала она. И после паузы добавила: - Я хочу понять, что такое Марс, что вы там делали, что видели, о чем думали... Когда Дэйв вернулся, у меня выпало всего несколько минут, чтобы с ним поговорить, чтобы узнать его вновь... А потом его арестовали. Вот почему я спрашиваю вас. Может быть, в один прекрасный день я сама полечу на Марс. Я хочу понять, какое впечатление он на вас произвел. В официальном рапорте ничего этого нет, верно?

Коскинен кивнул.

- Вы замечательно рассказываете, - сказала Лия. - У меня такое чувство, что я сама все это видела, своими глазами. Если я теперь увижу на небе Марс, то совсем не так, как прежде, буду о нем думать. Спасибо вам, Пит!

Коскинен смотрел на нее и думал, как она все-таки похожа на Дэйва, на человека, которого он знал почти так же, как самого себя. Дэйв дорог нам обоим, вот в чем все дело...

Время незаметно перевалило за полдень. Мельком взглянув на часики, Лия сказала с извиняющейся улыбкой:

- Простите, Пит. Но я состою в местном комитете по празднованию Дня окончания первой мировой войны. Комитет собирается возобновить подписку на облигации... Вам это, наверное, дико слышать, да? После того, что вы пережили, вся эта мышиная возня должна казаться вам просто чудовищной. И правильно. Мне она всегда такой казалось. Но я не могу не пойти. Это будет необычно, понимаете? А мы не можем сейчас поступать необычно.

Коскинен быстро кивнул, подавив в себе острое желание не отпускать ее никуда. Лия ушла, и он отправился осматривать дом в одиночку. В конце концов, Питер наткнулся на библиотеку и обрадовался. Хорошая книга - лучшее лекарство от скуки. Но в библиотеке, больше похожей на просторный зал заседаний, уже сидела Вивьен. Она переоделась в белое платье, и оно напомнило Питеру первый вечер, когда они познакомились. Казалось, это было чертовски давно. Коскинен смущенно подумал, что - надо же! - совсем забыл о Вивьен.

- О! Ты здесь! Почему ты к нам не присоединилась? - спросил он, стараясь, чтобы голос звучал естественно. - А мы решили, что ты легла спать.

- Я выходила на террасу, - она передернула плечами, - но вы были так увлечены друг другом, что я решила вам не мешать.

- Ви! Мы не обсуждали никаких... никаких секретов. Неужели ты могла подумать?..

Уголки ее губ слегка приподнялись в язвительной усмешке. Такую Вивьен Коскинен раньше не видел.

- А я ничего и не подумала.

- Тогда почему ты не...

Улыбка слетела прочь. Вивьен отвернулась.

- Когда я вижу, что меня ставят на место, то принимаю это к сведению, - жестко сказала она. - И я не собираюсь разыгрывать представление, будто ничего не произошло.

- Что за чушь ты несешь! - воскликнул Коскинен. - Ты в своем уме? Господи, Ви, но так же нельзя жить... подозревая всех подряд черт знает в чем!

- Это мое дело, - отрезала она. Затем уже спокойнее, добавила: - Я не сержусь на тебя, Питер. Можешь зря не волноваться. Но сейчас я хочу остаться одна. Когда будешь выходить, закрой, пожалуйста, за собой дверь.

12

Во второй половине дня Коскинен играл с Лией в теннис. И когда, еще не успев отдышаться, он вернулся к себе, то почти сразу слуга сообщил, что совещание состоится в 16.00. Переодевшись и приняв душ, Питер явился в кабинет одновременно с Лией. Вивьен и Трембецкий уже о чем-то беседовали с Абрамсом.

- Без тебя, дорогая, - сказал глава семейства, взглянув на дочь.

- Что за глупости, папа, - запротестовала она. - Я ничем не отличаюсь от других...

- Лучше бы тебе ничего не знать. Мы тут не в блошки играем.

- Я сталкивался в Европе с подобными трудностями, - добавил Трембецкий. - Чем меньше людей посвящены в подробности, тем лучше.

- Я не проболтаюсь! - возмущенно выкрикнула Лия.

- Ну что ты! К сожалению, на свете существуют наркотики.

- Неужели ты думаешь, что меня могут похитить?

- Похитить - вряд ли. Гораздо проще тебя арестовать. Дэйва они уже арестовали.

Лия закусила губу.

- Да, ты прав, папа, - проговорила она. - Но я тоже хочу помочь!

- Ты будешь делать самое трудное - сидеть, как мышка.

Девушка расправила плечи и обвела взглядом всех по очереди. Глаза ее остановились на Коскинене.

- Мы увидимся, Пит, обязательно. - Она на секунду коснулась его руки и вышла.

- По той же причине, - сказал Трембецкий Коскинену, - будет лучше, если бомба останется висеть на вашей шее.

Вивьен беспокойно заерзала в кресле и дотронулась до небольшой сумочки на поясе. Постепенно она вновь расслабилась.

- Может, и так, - согласилась она.

- Вы постоянно держите при себе детонатор. Это весьма разумно, - похвалил ее Трембецкий. - Полагаю, вы не сумеете изготовить генератор поля в одиночку, верно?

- Да. Мы не закончили опыты и не успели составить все схемы. Я не владею теорией, а описание разрозненных фрагментов никого не интересуют.

- Таким образом, Пит, вы - единственный, кто знает устройство генератора, - жестко сказал Абрамс. - Мне кажется, у миссис Кордейро должна остаться эта... страховка на самый крайний случай. Я думаю также, что вы сами предпочли бы этот вариант пожизненному заключению.

- Согласен с вами, - с трудом выдавил Коскинен.

- Надеюсь, нам не придется прибегать к крайним мерам, - произнес Абрамс уже не так сурово. Он уселся за стол, стиснул пальцы и несколько секунд молча смотрел перед собой, словно не решаясь заговорить. - Давайте обсудим наши следующие шаги, - сказал он наконец. - Как я понимаю, проблема заключается в том, что мы не можем допустить, чтобы это устройство попало в чужие руки - это первое; второе - мы должны постараться использовать это устройство в качестве предмета для торга, чтобы выручить наших друзей, а если получится, выкурить Маркуса из норы. Я считаю, что правильнее всего действовать через Президента. Если ввести его в курс дела, а это-то как раз проще всего, он предпримет определенные шаги. В конце концов, если в распоряжении Соединенных Штатов окажутся экраны, которыми можно будет накрыть города и другие уязвимые объекты, то Протекторату не придется столь тщательно контролировать обстановку в мире. Речь может зайти даже о ликвидации Службы Безопасности или, по крайней мере, о сокращении численности агентуры и переориентации главных сил. В свою очередь, те

члены Конгресса, кто ратует за экономическое процветание страны, смогут не оглядываться после каждой реплики на ястребов, которые возвели национальную безопасность в настоящий культ.

Но чтобы расшевелить Президента, потребуется время. Едва ли что решится за одну встречу. Самое большое, чего я рассчитываю добиться при первой встрече, показать, как действует экран. Демонстрация должна держаться в строжайшем секрете, иначе Маркус запросто устроит нам несчастный случай. Мы также должны предусмотреть и весьма нежелательный вариант, если люди Маркуса попытаются захватить генератор... Но самое главное - в случае успеха от нас потребуется беспримерное терпение, пока Президент подготовит почву для столь ответственного политического решения, которое может сравниться лишь с coup d'Etat[1], но в легальной форме. Тем временем, вам потребуется куда более надежное убежище, чем сейчас.

К сожалению, каждый мой шаг на виду. Нормальные взаимоотношения с посторонними людьми почти невозможны. Я абсолютно доверяю обслуживающему персоналу нашего дома, но сильно сомневаюсь в их способности облапошить профессионалов из ВК. Будь у нас в запасе хотя бы неделя, мы нашли бы вам убежище, надежнее которого не бывает; но у нас нет недели. Вы не должны оставаться здесь даже на один лишний час. Как мне сообщили из Вашингтона, сейчас ВК занята, в основном, захваченными китайскими агентами и боевиками, Маркус был вынужден направить на это практически всех своих людей. Но когда они разберутся с китайцами, то неминуемо обратят на меня самое пристальное внимание. Как я представляю, ждать осталось недолго.

Конечно... это рискованный шаг, но в данном случае я считаю риск оправданным. Бездействие не менее опасно. Поэтому я предлагаю обратиться к эгалитарианцам.

- Кто это такие? - спросил Коскинен. - По-моему, я когда-то о них слышал, но совершенно не помню - что.

- Могу рассказать вкратце. Эгалитаризм - на мой взгляд - довольно утопическое движение. Его приверженцы выступают за превращение Протектората в Общемировое Правительство с равным представительством для всех наций. В этой агитации нет ничего противозаконного, она не подлежит судебному пресле-

---

1 Государственный переворот *(франц.)*

дованию. Правда, Маркус и его люди не преминули объявить эгалитарианцев агентами иностранных держав, но никаких полицейских мер против них не принималось. В этом просто не было необходимости. Они лишь организовали дискуссионные клубы, в годы выборов агитировали избирателей за кандидатов, которые симпатизировали их идеям. Примечательно, однако, что они сумели привлечь на свою сторону большое число интеллектуалов.

- Простите, мистер Абрамс, но меня не впечатляет ваш рассказ, - спокойно произнесла Вивьен, - Видите ли, те эгалитарианцы, которых мне довелось знать, были сплошь милыми старыми леди... Впрочем, мужчины среди них тоже попадались.

Абрамс рассмеялся.

- Верно, миссис Кордейро, почти верно! Но дело в том, что среди эгалитарианцев есть люди, ратующие за активные формы политической борьбы. И они никогда не делятся своими взглядами со "старыми милыми леди."

- Что они подразумевают под "активной формой"?

- Если бы я мог рассказать об этом в деталях, думаю, тем людям вряд ли осталось бы жить долго. Могу лишь сказать, что они пишут и подпольно распространяют произведения, в которых призывают, в частности, к насильственной ликвидации Службы Безопасности. Я знаю также, что кое-кто из них пропал без вести, нарвавшись на неприятности с Протекторатом. Помните Ямашиту? Несколько лет тому назад он призвал японский народ к "активному сопротивлению" - если слово "сопротивление" в данном случае уместно. Агенты Маркуса арестовали его, но ему удалось бежать. Он до сих пор на свободе и периодически появляется в отдаленных селениях, выступает там перед жителями и вновь скрывается прежде, чем прибывают агенты ВК. За несколько эпизодов я готов поручиться, но уверен, большинство случаев осталось вне моего внимания. И главное - такая жизнь в течение нескольких лет требует поддержки мощной организации. Очевидно также, что подпольное движение не является националистическим, скорее наоборот - многонациональным.

- Мне это не нравится, - пробормотал Трембецкий. - Подполье замешано в целом ряде убийств.

- Но согласись, Ян, жертвы заслужили эту участь. Взять хотя бы генерала Фридмана. Того самого, который отдал приказ расстрелять мирную демонстрацию в Риме.

- Генерал, был, конечно, подонок, но я не считаю политическое убийство мелочью, которой можно пренебречь. Ладно, продолжай, Нат.

- Итак, - сказал Абрамс, - некто Карсон Ганноуэй, исполнительный секретарь местного отделения Вычислительного центра, а главное - эгалитарианец. Несколько лет нас связывают с ним тесные деловые отношения, а два дня назад я направил детективов на предмет изучения каждого его шага. В открытую он не связан с работой подполья, конечно же, но я получил самые серьезные подтверждения своих подозрений. Например, в ряде мест периодически вспыхивают незаконные забастовки. Ганноуэй, как и остальные служащие ВЦ, публично выступают с резким их осуждением, обращаясь к людям с призывами вернуться к работе. При этом он утверждает, что абсолютно не в силах воспрепятствовать "стихийным выступлениям граждан". И тем не менее, зная теперь некоторые подробности жизни Ганноуэя, я не сомневаюсь, что в его власти либо прекратить вообще, либо активизировать подобные акции. То есть, за казалось бы стихийными выступлениями населения стоят люди, у которых голова работает. Есть и еще достоверные факты. Например, Ганноуэй несколько раз уезжал в кратковременный отпуск, и каждый раз это совпадало с очередными акциями неповиновения... Взять хотя бы тот случай, когда в Торонто демонстранты применили оружие...

- Следит за ним Служба? - поинтересовалась Вивьен.

- Почти уверен, что нет, - ответил Абрамс. - Ведь Маркус тоже не всемогущ, он не в состоянии установить слежку за каждым, слава Богу, а Ганноуэй не настолько уж значительная фигура. Я осведомлен о нем больше других только потому, что дольше других его знаю. И именно по этой причине у меня закралось подозрение, что он связан с подпольем. Я не собирался на него доносить, хотя до самого последнего времени не считал себя рьяным противником Маркуса. Но я никогда не одобрял методы работы Службы Безопасности. Полагаю, что люди вроде Ямашиты имеют полное право напоминать своим согражданам о великом наследии своей страны. Кроме того, есть причина попрозаичнее - подполье не причиняло вреда мне. Теперь, я надеюсь, оно нам поможет.

- Значит, вы считаете, что Ганноуэй... - начал было Коскинен, но Абрамс его перебил:

- Да, сегодня нам предстоит встреча с мистером Ганноуэем. Я звонил ему днем и попросил разрешения подъехать для обсуждения некоторых деловых вопросов. Вы оба поедете с нами. Если он согласится спрятать вас - замечательно. Если нет, я не сомневаюсь, что наш визит останется в тайне. В этом случае мы спря-

чем вас на складе корпорации "Дженерал Атомикс". Там не очень уютно, но придется потерпеть.

- Если Ганноуэй согласится вас спрятать, но предложение его покажется мне подозрительным, мы немедленно покинем его дом, - добавил Трембецкий.

- Мы все? - переспросила Вивьен. - Вы поедете с Питом и со мной?

Поляк кивнул:

- Я еще не разучился обращаться с пистолетом, - он похлопал себя по боковому карману пиджака.

13

Современно обставленный дом Ганноуэя в Квинсе занимал он сам, жена и четверо детей. Хозяин провел гостей в кабинет, где, как он заверил, было все в порядке с прослушивающей аппаратурой и звукоизоляцией. Свое семейство Ганноуэй предусмотрительно отправил на весь вечер в гости.

Высокий, угловатый, похожий на Эндрю Джексона[1], он прикрыл за собой дверь и замер, внимательно рассматривая незнакомцев. Коскинен, чувствуя себя неловко под пристальным взглядом, переминался с ноги на ногу, поглядывая то в окно на сияющие огни ночного города, то на невозмутимую Вивьен. В конце концов, молчание нарушил сам Ганноуэй.

- Полагаю, Ян, у вас были серьезные основания привести ко мне этих бандитов. Провокации - не ваше амплуа. Но я был бы весьма признателен, если вы все-таки рассеете мои сомнения...

- Бандитов?! - воскликнула Вивьен. - Значит нас объявили вне закона? И дали санкцию на арест?

- Да, примерно час назад, - ответил Ганноуэй. - В вечернем выпуске Новостей. Имена, фотографии, прокрутили запись звонка мистера Коскинена в Службу Безопасности. Вы - опасные иностранные агенты, неужели не помните?

- Черт побери! Я рассчитывал, что у нас будет больше времени, - недовольно произнес Трембецкий. - Очевидно, они расправились с китайцами. Теперь все силы будут брошены по вашим следам, Пит.

- Почему ВК охотится за вами? - спросил Ганноуэй.

---

1 Джексон Эндрю, один из основателей демократической партии.

- Это долгая история, - сказал Трембецкий, - если захотите, можете ее услышать.

- Мне известно, что все участники экспедиции на Марс находятся под "превентивным арестом". Не скрою, это меня удивило. Очень жаль, что сын Ната Абрамса в их числе.

- Его будет легче освободить, если эти двое останутся на свободе, - сказал Трембецкий. - Необходимо спрятать их на некоторое время. На месяц, или дольше. Абрамс этого сделать не может - слишком рискованно, арест Дэйва означает слежку за ним самим. Не могли бы вы взять на себя заботу о Питере и Вивьен на себя?

- Я?! Не смешите меня Ян! Даже если я сочувствую человеку, попавшему в подобную ситуацию, почему я должен рисковать собой и своей семьей?

- О, это и в ваших интересах тоже, - сказал Трембецкий. - Разве вы не хотели бы избавиться от Маркуса? - спросил Трембецкий. - У мистера Коскинена есть неплохой шанс справиться с этой задачей, если мы ему поможем.

На лице у Ганноуэя не дрогнул ни один мускул. Он лишь вздохнул и широким жестом указал на кресла.

- Садитесь и рассказывайте.

- Боюсь, вы не слишком мне доверяете, - сказал Трембецкий. - Между нами бывали разногласия, это так, но мы никогда не старались обмануть друг друга...

Ганноуэй покачал головой.

- В любом случае, я не решаю такие дела один. Мне придется привлечь людей, которые не знают вас лично. Они потребуют доказательств, что риск в данном случае обоснован.

- То есть, окончательное решение примут они?

- В общем... да. Но если у вас действительно есть достаточно мощное оружие, чтобы свалить Маркуса и помешать приходу на его место столь же одиозной личности... Тогда, возможно, это нас заинтересует.

- Уверяю вас, с этим оружием все в порядке, - показал на генератор у ног Коскинена Трембецкий. - Мы не обратились бы к вам, если бы у нас была возможность выбирать. Только без обид, мистер Ганноуэй, скажите, насколько мы можем доверять вашим друзьям?

- Во всем, пока ваши интересы совпадают с их.

- И в чем заключаются их интересы?

- Прочитайте Кворелса, и вы поймете. Мы последователи его учения.

Трембецкий пожал плечами.

- Кворелс будет не первым, чье ученье люди поставят с ног на голову.

- Он еще жив, как вам известно, и вполне способен вести нас за собой, - заверил Ганноуэй. - Он был профессором Колумбийского университета, а сейчас в отставке. Я довольно часто вижу его.

Ганноуэй сделал минутную паузу, словно о чем-то раздумывая, затем обратился к Коскинену:

- Короче, если вы тот, из-за которого весь этот тарарам, то именно вам принадлежит право решающего голоса. Я хочу услышать ваше мнение. Поверите ли вы мне без дополнительных гарантий или же развернетесь, выйдете отсюда и навсегда обо всем забудете. Обещаю не сообщать ничего ВК, хотя, если вас все-таки поймают и прогонят через психодопрос, меня ожидают крупные неприятности. Почему-то мне кажется, что вы выберете первый вариант. Я не прав?

- Я... - Коскинен облизал губы. - Дело в том, что я абсолютно не знаю, что происходит сейчас на Земле... Я не могу...

Вивьен накрыла его руку ладонью.

- Питер попал в ужасную передрягу, - сказала она. - Откуда ему знать, кто его друг, а кто враг?

- У нас нет времени сидеть и спорить, - предупредил Ганноуэй. - Почему бы нам не пригласить сюда Кворелса самого, чтобы вы лично оценили, что такое эгалитаризм, и решили, стоит ли он вашей искренней поддержки?

- Подождите, - запротестовал Трембецкий. - Мы не хотим, чтобы кто-то еще узнал о нашем участии в судьбах этих людей.

- Никаких проблем, - заверил Ганноуэй. - Десять лет назад Кворелс совершенно ослеп. Мы представим вас под вымышленными именами.

- А захочет ли он приехать? - с сомнением спросил Коскинен.

- Почти наверняка. Он в этом мире один, как перст. По вечерам он часто приезжает поговорить.

- В каких только переговорах я не участвовал, - хмуро пробормотал Трембецкий, - но впервые меня заставляют предварительно прослушать лекцию по социологии. А на десерт обещают розовый сладкий пирог...

- Нет. Я считаю, мистер Ганноуэй прав, - сказал Коскинен. - На Марсе поступают также, это дает более полное описание ситуации. Эмоции важны не меньше, чем логика. Это то, что

человек ощущает здесь и сейчас. Вы должны натолкнуться на это лбом...

- Тогда я звоню, - Ганноуэй вышел из комнаты.

Трембецкий досадливо покачал головой:

- Вот когда я жалею, что не узнал эгалитарианцев лучше, - прошептал он. - Ведь чувствовал же, что не так у них все просто, как кажется, и ничего не предпринимал. Приходится теперь действовать наобум, по наитию... Знаете, может, это не такая уж плохая идея - побеседовать со стариком о сути эгалитаризма, только вряд ли он в курсе существования подполья. Впрочем, иногда именно по корням можно судить о дереве в целом. - Трембецкий прикурил сигарету. - Но только иногда.

Вернулся Ганноуэй.

- Все просто отлично. Сейчас он уже наверное садится в такси. Я сказал, что у меня в гостях несколько человек, которые довольно долго работали за границей и которые хотели бы с ним встретиться и поговорить. - Он сдавленно рассмеялся. - Старик Кворелс почти святой, но отнюдь не лишен тщеславия.

- Давайте пока придумаем легенду, - предложил Трембецкий. - Клички и всякие вымышленные детали.

Ожидая Кворелса, они репетировали, а когда тот приехал, все перешли в большой зал.

Философ оказался невысоким, но держался очень прямо и с достоинством. Гриву тронутых сединой волос стягивал обруч с приборчиком "искуственный глаз", который, действуя по принципу радара, позволял старику безбоязненно передвигаться по комнате, не натыкаясь на мебель. Изысканность чувствовалась в его манере пожимать руки, и в легком поклоне, который он отдал Вивьен, и в том, как он взял бокал с шерри. Несколько минут прошло в стандартном обмене любезностями. Но незаметно Кворелс направил разговор в нужное русло - начал знакомить со своими идеями.

- Откровенно говоря, - сказал он, - мне не нравится термин "эгалитаризм". Во-первых, он неблагозвучен, во-вторых - он представляет собой банальный ярлык. Люди слишком склонны определять по этикетке содержимое бутылки вне зависимости от того, насколько они вообще соответствуют друг другу. Посмотрите, что стало с такими понятиями как христианство и демократия. Возникновение демократии связывают со свободой. Но это не

взаимосвязанные понятия, как представлял Токвиль и вслед за ним Джувеналь[1].

Если народу нет дела до самого себя, у власти не останется никаких ограничений на степень контроля за личностью. Людовик XIV день и ночь бредил воинской повинностью, но лишь после Французской Революции режим смог узаконить эту идею. Или, пожалуйста, более приближенный к нашим условиям пример, когда демократические общества стремятся принять набор столь пуританских законов, которые невообразимы даже для монархии. Я действительно считаю, что сегодняшний либерализм в общественной морали - если что-нибудь еще законодательно запрещено, на это закрывают глаза, - произрастает из обесценивания принципов демократии. И я готов поступиться многим, если бы это помогло сохранить более важные свободы, которые сегодня нами уже утеряны.

- Но ведь мы живем при демократии, - опрометчиво выпалил Коскинен. - Разве не так?

- В известном смысле - да. Мы до сих пор выбираем законодательную и исполнительную власть. Но процент населения, который допускают к голосованию с каждым годом уменьшается. И вовсе не потому, что сокращается население, уменьшается образовательный уровень и прочее - бороться здесь мы не в силах, это, скорее, заслуженная кара. Дело в том, что с каждым годом власть все больше переходит в руки подразделений спецслужб. Законы писанные подменяются неписанными. Хуже того, каждое "отраслевое" подразделение в конце концов становится вотчиной сильных и достаточно хитрых людей, способных подчинить себе контроль над управлением всей системой в целом. Служба Безопасности - наиболее яркий пример. Остальные идут тем же путем. Если вы решите изменить что-либо в промышленности, науке, связи, да почти в любой сфере жизни, станете ли вы встречаться с членами сенатского комитета? Обратитесь ли вы к ним за помощью? Нет, вы отправитесь в отделение Службы Безопасности, которая фактически управляет страной, интерпретируя законы, как ей вздумается.

- Вы хотите сказать, что Конгресс не более, чем резиновая печать? - спросил Коскинен.

---

1 Токвиль Алексис (1805 - 1859) франц. историк, социолог и политический деятель, лидер консервативной Партии порядка. Джувеналь - вымышленное лицо.

- Пока нет. Номинально власть все еще сосредоточена в Конгрессе. Но если Конгресс захочет провести свои решения, это потребует ломки той порочной практики, которая складывалась годами. Исполнительная власть все чаще подменяла законодательную, забирая все больше и больше полномочий. Эта тенденция проявилась вместе с другой, когда открытое волеизъявление народа было подменено давлением наиболее мощных социальных групп. Отцы государства предвидели эту опасность и в свое время заложили в Конституцию статьи, запрещающие правительству некоторые поступки, даже если на них настаивает большинство населения. Но со временем многие гарантии были интерпретированы на новый лад, так что об их существовании можно было только догадываться. И теперь полиция штата подчиняется "центру", а не штату, гражданам запрещено носить оружие... О безусловно, все делалось из лучших побуждений, дабы устранить возникающие злоупотребления, но только в результате республика превратилась в мудреный сплав демократии с олигархией. Между прочим, эволюция страны не закончена и по сей день; причем признаки олигархии проявляются все сильнее, демократия же отходит все дальше на задний план.

- Мне казалось, что вы ратуете за всемирную демократию, - заметила Вивьен. - Но вы рассуждаете так, словно это далеко не лучший вариант...

- Ах, совсем наоборот, моя дорогая... Я считаю, что концепция свободы одна из самых блестящих, вернее, самая блестящая из всех, которые когда-либо рождал человеческий разум.

Но свобода вовсе не тождественна демократии. Демократия - это лишь одна из форм государственной власти. Проблема заключается в том, как гарантировать однажды провозглашенную свободу. Человеческая личность не в состоянии существовать вне общества. Если некто попробует порвать с обществом, он закончит свой век несчастным, опустошенным психопатом. Человек не мыслим вне культуры; в рамках этой культуры он обладает правами и обязанностями. Соответствие между ними должно устанавливаться самой личностью, в этом и состоит ее свобода выбора. Никто не должен отдавать обществу больше, чем сам для себя определил. И если это условие выполняется, то должно выполняться и другое, а именно - каждый получает от общества пропорционально своей отдаче. Кроме того, мы не должны забывать, что рядом с нами всегда живут несчастные и бедные, от которых либо отвернулась удача... либо они просто потеряли ориентацию. Мы должны заботиться о них, иначе, рано

или поздно, этот недуг поразит все общество, и для лечения останется только одно средство - диктатура. Помогать этим людям нужно неограниченно, только так можно сохранить стабильность в обществе.

Но даже при всех своих промахах демократическая республика была лучшей попыткой разрешения проблемы достижения свободы личности. Она произвела на свет структуру власти, в которой ящик с бюллетенями для голосования стал верной гарантией против автократии. Большинство получило возможность претворить в жизнь свои чаяния, но и меньшинство - и даже отдельная личность - получило возможность - свободу! - отстаивать свои убеждения и права, на которые никакое большинство не может покуситься ни при каких обстоятельствах.

Главная же трудность заключается в том, что изменилось само общество. Произошла революция в транспорте и средствах связи, границы между государствами стали прозрачны, и личность, получив свободу передвижения, перестала ощущать зависимость и от транспорта, и от источника информации. С этого момента нацеленный исключительно на личное благосостояние индивидуум обнаружил, что никому во всем мире до него нет дела. За помощью он обратился к родному правительству, которое не преминуло залезть с ногами в его частную жизнь. Но отказ от Билля о Правах еще не означал, что правительство в ответ позаботится о вас. Поэтому, чтобы выстоять, личность должна иметь корни в общественных "институтах", для которых ее существование жизненно необходимо.

После того, как превратились в фарс суверенные права штатов, а в ядерных войнах вместе с миллионами людей погибли моральные устои цивилизации, животное желание выжить во что бы то ни стало перечеркнуло традиционную концепцию международного закона. В итоге мы получили Протекторат, чей ошейник душит не только другие народы, но и нас самих.

Но, как говорится, нет худа без добра. Я считаю, что в данный исторический момент у нас есть шанс возродить подлинную демократию, причем на более прочном фундаменте. Я имею в виду весь мир...

- Прошу прощения, - произнес Трембецкий, - мне довелось побывать во многих уголках земного шара, и, по-моему, ваша идея не пройдет. Жители Азии, африканцы, большая часть европейцев и латиноамериканцев - это совсем не янки. Их образ мышления отличен от вашего, их цели не соответствуют вашим, их не заботит то, что важно для вас. Именно по этой причине

Протекторат так опасается возникновения национальных армий. Вам не удастся сделать из этих людей подлинных демократов, также как они никогда не станут правоверными мусульманами или индуистами. Насильно такие вещи не делаются.

Кворелс улыбнулся.

- В национальных характерах иногда происходят самые невероятные перемены, - сказал он. - Но я никогда не рассчитываю на случайности. В действительности я отнюдь не сторонник американизации всей Земли, и не хочу, чтобы нечто подобное когда-либо произошло. Это только обеднит и лишит выразительности человеческую расу. Гибель всего многообразия национальных культур - слишком дорогая цена. Кроме того, это поставит под вопрос и мою собственную схему...

- Почему же, - перебил Коскинен. - Я считаю, что данный способ - единственный. Только так возможно создать дееспособное всемирное правительство. Единая мировая культура, внутри которой каждый живет в согласии со всеми остальными...

- Отнюдь, - покачал головой Кворелс. - Если это произойдет, мы повторим тот же путь, который однажды уже прошла наша страна, но теперь в планетарном масштабе. Главное в моей схеме - создать структуру, в которой каждый, будь то мексиканец, русский, нигериец, индеец, кто угодно, смог бы оказать сопротивление попыткам любой центральной, то есть авторитарной, власти вмешаться в его жизнь. Поддерживать его в этой борьбе должны национальные традиции, нравы и обычаи; только они могут составить конкуренцию центральному правительству. И если возникнет такое многообразие национальных институтов, каждый из которых будет достаточно крепок, чтобы выжить самостоятельно, не паразитируя на соседях, то... Ведь и мы, американцы, только выиграем от этого. Мир будет состоять из равноправных сообществ свободных людей.

- А что же будет представлять собой пресловутая центральная власть? - поинтересовалась Вивьен.

- Необходимость предотвратить возможность войны. Это основная цель, которой служит Протекторат на свой своеобразный печальный манер. Я предлагаю иной вариант: должны быть созданы специальные миротворческие формирования со строго очерченными правами. Этим формированиям поручается инспекция на местах, некоторые полицейские функции, а также они будут обладать монополией на уничтожение наиболее разрушительных видов оружия и средств массового поражения. Эти силы должны находиться под строжайшим контролем Президента

планеты, которого изберет двухпалатный всемирный парламент - по одному сенатору и одному конгрессмену от каждой страны.

- Стоп! - воскликнул Трембецкий. - Вы хотите предоставить каждой стране равное представительство. Нечто похожее пытались сделать в старом ООН, результаты той уравниловки вам известны так же хорошо, как и мне. Кстати, принцип пропорционального представительства ничуть не лучше. Стоит вам только принять подобное решение, и на следующий день мир окажется захвачен китайцами.

- Нет, - возразил Кворелс, - право голоса получат только цивилизованные жители каждой страны. Выборная и многоступенчатая система голосования - слишком хорошая идея, чтобы ее отбрасывать. Будет учитываться и уровень образования, и социальный статус, и профессиональная квалификация... Это придаст выборам должный вес и значимость. Естественно, каждая страна внутри собственных границ будет иметь право вводить собственные дополнительные условия для избирателей.

- А что еще будет входить в компетенцию планетарного правительства? - спросил Коскинен.

- Не очень многое. Оно будет заниматься здравоохранением, охраной природы и прочими политическими нейтральными вопросами. Финансировать программы должны все страны поровну, хотя Америка, например, вполне в состоянии взять на себя затраты на экологию. По моим подсчетам, это примерно та сумма, которая расходуется в год на нужды Протектората. Но это лишь на первое время. Лет через десять свой вклад в копилку смогут внести и другие страны.

- Слишком благозвучно, чтобы стать правдой, - сказал Трембецкий. - Жизнь неизмеримо сложнее любых схем. Государства взаимодействуют между собой, объединяются, а потом вновь разваливаются на части... Отнюдь не все войны в человеческой истории были несправедливыми...

- Конечно, существующие границы могут быть изменены в любой момент, - отстаивал свое мнение Кворелс. - Это одно из условий Концепции внутреннего суверенитета. В том случае, если возникает возможность прихода к власти деспотического режима, Планетарное правительство имеет право восстанавливать прежнюю власть и силой защищать основные права человека. Любой, кто не обвиняется в совершении ряда уголовных преступлений - политическое инакомыслие из данного списка, конечно же, исключается, - имеет право уезжать из своей страны.

- А какая же страна разрешит ему въезд?

- Не сомневаюсь, что согласятся многие, если только человек действительно стремится избежать тирании. Это будет несложный, но очень действенный способ дискредитации режима. Безусловно циничный фюрер способен расправиться со своими оппонентами - убийства, тюрьмы, психиатрические клиники... Но вы не сможете поступать так слишком долго, иначе вам придется спасаться бегством от собственных заключенных. Первейшей задачей власти станет необходимость заслужить любовь и уважение народа...

Кворелс остановился, сделал небольшой глоток и продолжал:

- Поймите, это отнюдь не бредовые грезы утописта. Наш мир еще долго пребудет в жестокости и несчастии. Вот почему я избегаю этого ярлыка "эгалитаризм". Он предполагает в себе панацею. Но, с другой стороны, если мы хотим пройти этот путь, то надо сделать первый шаг. И не все ли равно, как будет называться организация, способная осуществить столь великолепный план?

Беседа продолжалась в том же духе еще несколько часов, пока Кворелс, наконец, не откланялся, пожелав всем спокойной ночи.

- Итак? - нетерпеливо спросил Ганноуэй, стоило двери захлопнуться.

- Бог мой! - воскликнул Коскинен. - Ну, конечно же, да!

14

Казалось, трудно было подобрать менее подходящее место для размещения штаб-квартиры эгалитарианцев, чем огромное здание "Зодиак" на Манхэттене. Оно было роскошным и престижным, кроме обыкновенного богатого люда в нем обитала многочисленная верхушка Службы Безопасности. Это было настоящее "осиное гнездо", но по той же причине здесь можно было не опасаться слежки и подслушивающих устройств.

Коскинен шел следом за всеми, чувствуя на спине тяжесть генератора. Коридор привел их к внушительной металлической двери. Ганноуэй наклонился к сканеру, и дверь открылась - кодом был рисунок сетчатки его глаза. За дверью оказалось довольно аскетично обставленное помещение с длинным столом для совещаний и стандартным офисным оборудованием. Вдоль стены стояли шестеро мужчин. Ни по лицам, ни по одежде нель-

зя было предположить, что они - профессиональные революционеры, вроде тех, которых часто показывают в Новостях. На вид им было от 30 до 60, костюмы свидетельствовали о консервативном укладе жизни и достатке чуть выше среднего. Они поочередно представились: Томсон, Уошберн, Ланфье, Бросен, Хилл, Риколетти. Как будто бы совершенно нормальные люди... Но Коскинен не мог не почувствовать внутреннее напряжение, владевшее каждым из шестерки. У двоих на лбу даже проступили капельки пота.

- Мне удалось собрать необходимый кворум руководящего совета за столь короткое время только потому, что у нас есть специальное "прикрытие" для непредвиденных случаев, - сказал Ганноуэй.

- Подобное происходит крайне редко, - вставил Бросен. - Надеюсь, сегодня мы собрались не зря.

- Несомненно. Вы не против, если я объясню суть нашей встречи? - И, не дожидаясь ответа, Ганноуэй начал быстро вводить шестерых своих друзей в курс дела. Его рассказ и ответы на бесчисленные вопросы заняли больше часа, и под конец Коскинен почувствовал, что у него пересохло в горле. Пришлось выпить залпом предложенный кофе.

Между тем, Ганноуэй, сидя во главе стола, говорил:

- Польза от этого устройства может быть огромна. Если мы сумеем добиться, чтобы кокон давал защиту не только от пуль, но и от лазерного луча, нам потребуется несколько тысяч человек. Даже такая маленькая армия запросто возьмет под контроль всю страну.

- Постойте, - перебил Трембецкий. - Кажется вы забыли, что мистер Коскинен пока не давал своего согласия на участие в государственном перевороте.

- Что вы там задумали? - взвился Уошберн.

Трембецкий изложил план Абрамса.

- Очень мило, - фыркнул Ланфье. - А теперь, будьте добры, поведайте другой план. Желательно более эффективный.

- Что, вам не по вкусу идея Абрамса?

- Я считаю, что риск здесь совершенно неоправдан. Даже если Президент полностью вас поддержит, что само по себе почти невероятно, неужели вы думаете, что Хью Маркус будет сидеть сложа руки, дожидаясь, пока под ним провалится стул? Даже если он будет действовать строго в рамках закона - а мы не можем дать на то никаких гарантий, - у него есть лобби в Вашингтоне и собственная пропагандистская машина. Он вполне

резонно заявит, что эффект экранизирования нельзя держать в секрете вечно. Вспомните, например, историю создания атомной бомбы. Что произойдет, если другие страны опередят Америку? Следовательно, заявит Маркус, Службе Безопасности нужны еще большие полномочия...

- Но по другую сторону баррикады будут не только простые люди, а национальные герои, - заспорил Трембецкий. - Ведь именно Коскинен подарит прибор Соединенным Штатам.

- Ха! Что такое герой? Его можно превратить в навоз в один миг.

- Не обязательно. Не забывайте, Конгресс может подать в суд на СБ, обвинив руководящую верхушку даже в попытке преднамеренного убийства.

- Этому вашему суду предъявят доказательства, что мистер Коскинен - обыкновенный лжец. В лучшем случае его поведение объяснят, что он, не разобравшись в ситуации, испугался собственной тени и запаниковал, в то время как его товарищи были взяты под стражу с единственной целью - защитить их от китайцев. И между прочим, отчасти это будет правдой, учитывая, что капитана Твена убили именно они. То, что космонавтов подвергли психодопросу - не более, чем вынужденная мера, так как в чрезвычайной ситуации Служба Безопасности должна располагать всей полнотой информации, причем максимально быстро. - Ланфье пожал плечами. - А еще он может обвинить агентов, которые действовали грубо, не уложившись в рамки инструкции и взяв инициативу на себя без его ведома. То есть, свою шкуру Маркус спасет в любом случае.

- Даже если подставить его Президенту?

- Да. Вы недопонимаете, какой образ СБ сложился в общественом мнении. Американцы уверены, что должны преклоняться перед доктриной Норриса, потому что она является единственной альтернативой термоядерной войне. А из доктрины Норриса логически следует, что без Службы Безопасности Америке не выжить.

- Вы должны понять, - добавил Ганноуэй, - что как бы вы ни уточняли свой план, ваши действия не затронут структур Протектората. Именно поэтому ваш план порочен изначально.

- Подождите, - сказал Трембецкий. - Ведь что бы ни случилось, кокон останется собственностью США на долгие годы. Принцип его действия основан на совершенно новых концепциях, причем, внеземного происхождения. Откуда им взяться в мозгу постороннего человека? Боюсь даже назвать срок, который

потребуется инженеру-иностранцу, чтобы построить это устройство без подсказки марсиан. Минимум - десятилетие, если не больше. На это время стране гарантированы лидерство и безопасность. Страх покинет людей, они снова начнут руководствоваться в поступках здравым смыслом. Кроме того, могу обещать, что мой босс приложит максимум сил и средств, чтобы поддержать вашу политическую борьбу. Практически все влиятельные люди прислушиваются к мнению Натана Абрамса.

- Удивительно, учитывая ваш богатый жизненный опыт, - кивнул Ганноуэй, - как высоко вы цените в людях рационализм.

Трембецкий невесело рассмеялся.

- Да. Пожалуй это хорошее качество. Помогает использовать шанс до конца, когда он есть. Сейчас такой шанс у нас появился. Небольшой, конечно, надежда в любой момент может рухнуть; но разве кто-нибудь когда-нибудь мог гарантировать в этой жизни хоть что-нибудь?

Члены совета переглянулись. Ганноуэй прикурил новую сигарету, глубоко затянулся и, выдохнув дым, ответил:

- Вы правы, любые активные действия рискованны. Проблема в том и состоит, как свести риск до минимума. Один из способов - устранить неизвестные факторы, с которыми, возможно, придется столкнуться. Сейчас я точно знаю, чего хочу сам, чего хотят мои друзья, сидящие здесь, чего хотите вы, чего хочет Нат Абрамс. Но я никогда не встречался с Президентом, да и вы тоже никогда не беседовали с ним с глазу на глаз. Точно также, мы не знаем, чем дышат тысячи конгрессменов, бюрократов-чиновников, офицеров военной разведки, бизнесменов, все, кто составляет структуру власти в нашей стране. Я уже не говорю о двухстах пятидесяти миллионах американцев с их надеждами, страхами, переживаниями, привязанностями, мечтами и религиозными убеждениями. Если сложить все эти неизвестные вместе, то мы даже в общих чертах не сможем предсказать, что произойдет завтра утром. А ведь интересы разных групп имеют свойство пересекаться... Вы же предлагаете просто ждать и надеяться на благоприятный исход.

Сощурившись, Трембецкий впился в него пронзительным взглядом.

- Вы хотите сказать, что единственный надежно предсказуемый фактор - сила? - произнес он.

- Да, - без запинки ответил Ганноуэй. - А разве не так? Если я попрошу первого встречного помочь мне, то он либо согласит-

ся, либо откажется. Но если я наставлю на него ружье - будь я проклят, если он решит мне отказать.

- Хм, я запросто назову вам десяток исключений. Но оставим дискуссии на потом. Интересно, как, по-вашему, должны поступить мы?

- Могу предложить стратегию, тактику у нас просто не было времени обдумать. Так вот, мы должны держать генератор в надежном месте, где досконально изучим его возможности и способы применения. Начиная от элементарных навыков работы с ним и заканчивая разработкой и сборкой более совершенных и мощных моделей.

- Одну минутку, - не выдержал Коскинен. - Разработка займет месяцы, а то и годы. А как же мои товарищи по полету на Марс?

- Своевременный вопрос, - согласился Ганноуэй. - По-моему, Нат Абрамс не согласится, чтобы его сын так долго оставался за решеткой. О'кей, мы соберем несколько экранов этой модели - вряд ли это займет много времени, верно? С их помощью мы вытащим на свободу и наших друзей. Я хочу сказать, что в тюрьмах военной контрразведки томятся не только космонавты, но и эгалитарианцы.

- Нападение на тюрьму? - Уошберн радостно хлопнул в ладоши и сжал их в один большой кулак. - Наконец-то! Я знаю как это сделать. Нужен кокон, который закроет небольшой армейский флиттер. На нем - для начала - мы захватим пару агентов Службы Безопасности, накачаем их наркотиками и узнаем в каких камерах кто сидит. И тогда нас ничто не остановит!

- А когда мы усовершенствуем генератор, - добавил Ганноуэй, - начнется вторая стадия нейтрализации Службы Безопасности.

- Вы собираетесь убивать агентов и взрывать помещения? - поинтересовался Трембецкий.

- Если придется. Но, надеюсь, обойдется без крови.

- Служба - структура, подчиненная Правительству Соединенных Штатов. Вы проповедуете восстание.

- Да, именно так.

- Как вы считаете, вмешается ли в ход событий армия? Поднимет ли шум Конгресс или Президент?

- Нет.

- Вы хотите сказать, они промолчат?

- Мы проведем интенсивную пропагандистскую кампанию.

- Этого мало, когда поднимаешь руку на такую страну, как США. По Конституции ваши действия определяются как измена Родине.

- Когда Джордж Вашингтон начинал революцию, его тоже называли изменником.

- Я не хочу произносить громких слов, просто прошу уточнить... Раз уж вы сказали "А", нужно говорить и "Б". - Трембецкий исподлобья оглядел сидящих за столом. - Пожалуйста уточните свои слова. Вы всегда преследовали цель насильственным путем сбросить правительство США?

- Пусть так, - раздраженно ответил Риколетти. - Другого пути мы не видим.

- Это означает приход к власти полувоенной хунты, установление диктатуры и крах всех сдерживающих факторов в международной обстановке. Что вы собираетесь делать, если ваши планы осуществятся?

- Ничего такого, что могло бы вас разволновать, - ответил Ганноуэй. - Мы тщательно все продумали, Ян. Мы ведь не бородатые анархисты из крысиных подвалов. Наша военная подготовка не хуже, чем у выпускника Уэст-Пойнта[1]. Мы долго и детально готовились... Так вот, самое важное преимущество, которое эгалитарианцы будут иметь перед республиканским правительством - быстрота и решительность. Конечно, дело не сделается за одну ночь, и бюрократия даже без поддержки Службы Безопасности еще какое-то время будет влиять на обстановку в стране. Но наша победа неизбежна, и как только ситуация нормализуется и восстановится порядок, мы немедленно созовем международную конференцию. У нас уже есть наметки на состав делегаций. На конференции мы предложим создать всемирное правительство, ратифицируем необходимые документы и, уже на законной основе, вернем домой американские войска.

- А дальше? - хмуро спросил Трембецкий.

- Ручаюсь, Ян, это прозвучит для вас неожиданно. А дальше - мы складываем с себя властные полномочия и начинаем наслаждаться жизнью. Согласитесь, жизнь в справедливо устроенном мире не так уж плоха!

---

1 Уэст-Пойнт - город, где находится Военная Академия Армии США.

15

Обсуждение продолжалось всю ночь, и когда Трембецкий и Коскинен вернулись в отведенный им номер-люкс, за окнами уже занималась заря. Можно даже не ложиться, все равно заснуть не удастся, подумал Коскинен.

Он положил генератор на пол, выпил полстакана воды, сел в кресло, но тут же вскочил и, подойдя к окну с видом на ночной город, выругался. Трембецкий закурил. Его широкое лицо было тяжелым, как грозовая туча.

- Что будем делать, Ян? - спросил Коскинен, нарушив долгое молчание.

- Постараемся отсюда выбраться, - не задумываясь ответил Трембецкий. - Не знаю, правда, куда мы пойдем. ВК уже наверняка обложило Абрамса со всех сторон. Он нам теперь не помощник.

Коскинен повернулся от окна и посмотрел на него.

- Что вы имеете в виду? Что нам некуда идти?

- Да, - Трембецкий кивнул. - Но, с другой стороны, если мы задержимся здесь, это будет означать, что мы согласны сотрудничать с эгалитарианцами. Я уже не вижу способа уговорить их занять более умеренную позицию.

- Может, они... кое-в-чем и правы, знаете ли...

Трембецкий хмыкнул.

- Я хочу сказать... Они хотя бы откровенны, - выпалил Коскинен.

- Откровенность - самая похвальная добродетель во всей Вселенной.

- Не знаю... Понимаете, Ян, перед отлетом я присягал на верность Конституции. Может, я и наивен, как первоклассник, но к присяге у меня отношение серьезное. Эгалитарианцы же склоняют меня ее нарушить...

- Ты, как никогда, прав.

- Но в прошлом революции совершались ради торжества справедливости...

- А вот в этом я сомневаюсь.

- Американская Революция, например? Или война за независимость?

- Это совсем другое. Декларация Независимости была принята в ответ на попытку лишить колонистов их традиционных прав, объявить всех одним взмахом руки англичанами. Но в действительности уже сложилась новая, молодая нация американ-

цев, и люди не захотели считать себя подданными далекой Империи. Война вспыхнула как общенациональное восстание против иностранных захватчиков. Это была освободительная война. Но мятеж внутри страны оправдать нелегко.

- Даже против притеснений со стороны правительства? А как Французская Революция?

- Перечитай учебник истории, Питер. Французская Революция была ненасильственной. Она даже не отменила монархию. Она была просто формой политического давления с целью начать ряд долгосрочных реформ. Но затем экстремисты всех сортов закусили удила, и в результате возникло государство Террора и Наполеона. Аналогично происходили революции и в России. Совершенно законным образом Дума вынудила царя отречься от престола. Но не прошло и года, как большевики с помощью оружия растоптали только что возникшую республику. Таких примеров масса.

- Но должны же существовать исключения...

- Да. Бывало, что отдельные личности поднимались с низов, свергая тирана. Но над ними словно тяготел рок - неизбежно они становились наследниками деспотов, быть может, чуть более великодушными, но все равно деспотами. А великодушный деспотизм не лучшая форма управления государством. Через какое-то время такого диктатора начинают в глаза обзывать дураком. За всю историю цивилизации только один человек, пробившись на верхушку власти, сумел дать людям свободу, при этом удержавшись на краю пропасти. Это был Кемаль Ататюрк[1]. То, что произошло в Турции, можно назвать справедливой революцией, но - и это очень важно - Ататюрк действовал медленно и очень осторожно, и не приставлял к виску народа револьвер со взведенным курком.

- Ладно, черт с ней, с древней историей, - сказал Коскинен. - Сейчас мы в своем времени и не в лучшем месте. Давайте лучше подумаем, как отсюда убраться, если не сумеем с ними договориться.

В глубине номера Трембецкий мерно попыхивал сигарой. Помолчав, он ответил:

---

1 Ататюрк (Ataturk - букв. отец турок) Мустофа Кемаль (1881 - 1938), руководитель национально-освободительной революции в Турции 1918-23г.г. 1-й президент (1923-28г.г.) Турецкой Республики.

- Давайте. Я только хочу, чтобы вы поняли, Питер - с человеком, который исповедует только одно право - право сильного, я не стану иметь никаких дел. И вам не советую. Знаете, по-моему, эти эгалитарианцы слишком старались нас убедить в своей правоте... Слишком. И перестарались. Я теперь просто убежден, что мы должны избрать мирный путь. И нас еще не прижали спиной к стене. Маркус не такой уж всемогущий демон, каким они попытались его изобразить, да и Президент отнюдь не марионетка в руках директора Службы Безопасности. Они охотно и настойчиво твердили об общественной поддержке СБ, но еще старательней замалчивали общественную оппозицию, которая тоже существует. Взять, например, их собственное движение. Но они - фанатики, а эти субъекты всегда игнорировали любые факты не вписывающиеся в их собственную теоретическую схему. Кстати, Маркус находится в таком же трудном положении - он слишком ограничен. Он не настолько жаден до личной власти, хотя, конечно, этот элемент тоже присутствует в его политике, но - главное - он находится в плену почти религиозного убеждения: что иностранцы - суть олицетворения Зла, и только он один знает, как спасти цивилизацию. Неужели, Питер, вы хотите поменять "шило на мыло"?

- Но Ганноуэй сказал, - напомнил Коскинен, - что хунта откажется от власти, как только...

- Вы даже не представляете, Питер, сколько раз мир слышал подобные песни. Есть старая поговорка: "Нет ничего более постоянного, чем временное". Эгалитарианцы - не исключение; ни одна хунта, дорвавшись до власти, не отказывалась от нее добровольно. Сначала они должны убедиться, что все идет по плану, но разве так бывает? Разве новое начинание может увенчаться успехом сразу? Нет, и значит, потребуется кого-то расстрелять, обвинив в саботаже. Следующими будут расстреляны те бывшие соратники, которые не разделяют восторга диктатуры от нее самой. Как же иначе? Ну а для отлова инакомыслящих будет создана секретная полиция на порядок более мощная, чем СБ, которую мы имеем сейчас. И такая организация очень скоро почувствует собственную силу. Поверьте, Питер, я не преувеличиваю. Такова история любого тоталитарного общества. Так было в двадцатом веке в Германии, Китае, России и еще много где... Другого пути просто нет.

- А если свое слово скажет Кворелс?

- Что он может сказать? Он всего лишь неплохой теоретик. Если, уловив истинное значение происходящего, он заявит Ган-

ноуэю протест, то тем самым подпишет себе смертный приговор... Ладно. Сам не пойму, с какой стати я разговорился столь абстрактно, - тряхнул головой Трембецкий. - Вы должны спросить самого себя, Питер, насколько вы можете доверять тем, кто во имя своих целей готов ввергнуть страну в новую гражданскую войну.

Молчание нависло над комнатой. Коскинен посмотрел на генератор. "Зачем я привез его с собой? - удивленно подумал он. - Неужели для этого?"

Шум в спальне Вивьен вернул его к действительности. Дверь открылась, и девушка вышла к ним в халате, накинутом поверх ночной рубашки.

- Я услышала ваши голоса, - объяснила она.

- Когда вы вернулись? - спросил Трембецкий.

- Около полуночи. И столько всего узнала, что даже не ожидала.

- И например?

Вивьен вытащила сигарету, Трембецкий поднес ей огонь.

- Не буду все пересказывать, это долгая история. Пришлось сыграть роль подружки главаря банды, которую босс послал с кое-какими предложениями. Проделано было чисто, я у Зиггера зря хлеб не ела. Теперь-то, когда Зиггер сгинул, на его территорию многие точат зубы. Но мир не без добрых людей. Один сутенер - пришлось ему, правда, пообещать близкое знакомство, - рассказал потрясающую вещь. Я даже не поленилась ее проверить. Знаете, кто, оказывается, настоящий владелец "Зодиака"?

- Кто же?

- Незарегистрированная корпорация, главным держателем акций которой, под вымышленным именем, является Карсон Ганноуэй.

- ЧТО?! - Коскинена буквально выбросило из кресла. Трембецкий же, наоборот, нисколько не удивился словам Вивьен.

- Я примерно так и предполагал, - спокойно произнес он. - Финансирование - больной вопрос любой революционной группировки.

- О, нет, нет, не может быть... - Коскинена трясло при мысли о том, с кем он хотел сотрудничать.

Наконец, решение созрело.

- Мы уходим, - сообщил он. - Одевайся, Ви.

- Тебя так сильно встревожили мои слова? - спросила она.

- Нет, просто он кое-что понял, - объяснил Трембецкий. - Одевайтесь, миссис Кордейро.

Куда идти? Коскинен мерил шагами просторный номер-люкс, чувствуя, как вспотели ладони. Трембецкий считал, что в дом Абрамса возвращаться нельзя, и он знал, что говорил. Они сгорят сами и заодно подвергнут опасности Абрамса и Лию... Мысль об этом была невыносима. Хотя... Стоп! Вивьен как-то мельком упоминала об убежище Зиггера... Точно! Сейчас это будет лучшим выходом из положения. Там можно перевести дух и спокойно подумать, где найти более надежное укрытие.

Коскинен рассказал свой план Трембецкому, и поляк согласился с ним:

- Если успеем до того, как поднимется тревога, возьмем такси, спланируем маршрут позапутаннее... Надо будет сменить несколько машин. Что ж, может быть, еще не все потеряно. Вы уже готовы, миссис Кордейро?

- Одну секунду. - Вивьен вышла из спальни в платье. Сумочка была пристегнута к поясу на талии. - Как вы считаете, может нам надеть маски?

Ответить Трембецкий не успел. Дверь номера резко распахнулась. Поляк потянулся за пистолетом, но было поздно.

- Стоять на месте! - скомандовал Ганноуэй, держа всех троих под прицелом. Остальные члены совета быстро вбежали в номер и взяли их в кольцо.

- Неужели вы думали, что мы позволим себе не подслушать ваши разговоры?! - хохотнул Ганноуэй. - Удивляюсь вашей наивности!

16

- Пит! Генератор! - крикнула Вивьен.

Прибор висел за спиной Коскинена. Он отчаянно крутил регулятор, безуспешно стараясь расширить поле до таких размеров, чтобы внутри оказались и Ви и Трембецкий. И чуть было не опоздал. Пистолет Хилла рявкнул, но тишина уже сомкнулась вокруг Коскинена, и пуля, не причинив вреда, упала на пол. Риколетти ударило полем и отбросило в сторону, но Бросен и Ланфье схватили Вивьен за руки, а Томпсон и Уошберн занялись Трембецким. Ганноуэй выхватил у поляка пистолет из кобуры подмышкой, бросил его на софу и закрыл дверь. На миг Коски-

нену показалось, что он участвует в кошмарном ночном шоу с привидениями.

Ганноуэй что-то сказал Вивьен, она ответила ему с презрительной миной. Эгалитарианцы заспорили между собой, но Ганноуэй утихомирил их одним повелительным жестом. Он подошел к границе поля и несколько минут внимательно смотрел на Коскинена, который мог только тихо злиться в ответ.

Наконец Ганноуэй достал из кармана два миникома, взял лист бумаги и что-то написал на нем, и поднял так, чтобы Питер мог прочитать:

"Слишком неуклюжий способ общения. Предлагаю вам один миником. Наберитесь смелости, отключите экран на секунду и возьмите. Пистолет я положу в другом углу комнаты, так что не успею его схватить. Мои друзья пока поднимут руки вверх. Договорились?"

Коскинен кивнул. Пока Ганноуэй готовился - относил пистолет в дальний угол, он обдумывал, что бы такое крикнуть Вивьен, но так и не придумал. Две секунды - это очень мало...

Вновь изолировав себя от нападавших, он прикрепил миником к запястью. Ганноуэй включил свой миником на полную мощность, так чтобы он передавал все, что говорят в комнате, и положил его на стол.

- Ну вот, теперь мы можем спокойно побеседовать, - сказал он.

- Нам не о чем разговаривать, - отрезал Коскинен.

- Напротив, мы многое должны обсудить. У вас сложилось абсолютно неверное представление о нашей организации.

- Мне кажется, ваши действия говорят сами за себя.

- В кабинете вы охотно слушали нас. Но мистер Трембецкий оказал пагубное влияние на ваши мысли.

- Он лишь объяснил мне, чего в действительности стоят ваши принципы. Я никогда не поддержу план, который предусматривает убийства моих сограждан.

- Не всех. Кому-то повезет, его не тронут, - заметил Трембецкий. Риколетти наотмашь ударил поляка по лицу.

- Чтобы больше этого не было! - резко одернул его Ганноуэй.

- Какая же революция без жестокости, - зло усмехнулась Вивьен.

- Мы хотим видеть вас нашими друзьями, - сказал Ганноуэй.

- Для начала дайте нам возможность уйти отсюда.

- Вы, кажется, недопонимаете ситуацию. Вы не пробудете на свободе и недели. Я не могу позволить, чтобы такое изобретение, как этот кокон, попало в лапы Маркуса!

- Тогда помогите сделать так, чтобы оно попало к Президенту.

- Ну, я ведь уже объяснял вам...

- Нас не удовлетворило ваше объяснение, - перебил Коскинен. - Я предлагаю передать прибор в руки людей, имеющих законную власть. Вы в их число не входите.

- Пустой разговор, Керс, - прорычал Томсон. - Они просто фанатики.

- О, лишь один - мистер Трембецкий, - вздохнул Ганноуэй. - Мистер Коскинен, как мне кажется, более благоразумен. Надеюсь, вам не составит труда взглянуть на ситуацию нашими глазами?

- Не составит, - ответил Коскинен.

- Боюсь показаться вам излишне жестоким. Но ведь не мы заключили вас в кокон. Между прочим, человек умирает от жажды всего за несколько дней...

Коскинен с некоторым удивлением отметил, что совсем не испытывает страха. Конечно, он хотел жить долго, как можно дольше, но сейчас в его мозгу не осталось других чувств, кроме злости.

- Я к этому готов, - резко ответил он. - Но запомните, тело мое останется под полем навсегда. Либо - другой вариант - вы разрушаете генератор лазерным лучом. Сомневаюсь, правда, что это поможет вам собрать новый генератор.

- Зато я в этом не сомневаюсь, - бросил Ганноуэй.

- Вы просто не успеете. У Абрамса хватит денег, чтобы послать на Марс новую экспедицию, и у него хватит ума отправить туда людей, которым марсиане пожелают передать чертежи.

- Что ж, в этих словах есть зерно... - пробормотал Ганноуэй себе под нос. Когда он вновь поднял глаза, в них светилась какая-то жуть: - Конечно, мистер Коскинен, вы - герой, вы действительно спокойно относитесь к смерти... Рад за вас. Но вот позволите ли вы так же спокойно умереть своим друзьям? Из-за своего геройства, а?

Трембецкий раздраженно плюнул на пол:

- Ну, Пит, разве он не негодяй?

- Он прав, - вздохнул Ганноуэй. - Я негодяй, но я поступлю именно так, как сказал. Есть вещи поважнее чьей-то жизни или смерти. В нашей игре слишком высока ставка.

Коскинен почувствовал, как по телу волнами побежали озноб и жар.

- Если вы их убьете, вы никогда, слышите, никогда не получите кокон! - в бешенстве крикнул он.

- О, нет, - с улыбкой протянул Ганноуэй, - я вовсе не имел в виду мгновенную смерть. Вы продержитесь в коконе дня три-четыре, максимум пять. Для миссис Кордейро эти дни тоже будут немного неприятны. Она проведет их у вас на глазах. Но пока вы живы, у нее тоже будет надежда.

Лицо Вивьен побледнело, как мел. Она пыталась что-то сказать, но произнесла лишь с третьей попытки:

- Не обращай внимания, Пит. Что бы ни случилось.

- Вы помните где оборудование? То самое. Отлично. Принесите его сюда, - приказал Ганноуэй помощникам.

Хилл и Риколетти вышли, и Ганноуэй, закурив, уселся в кресло с довольным видом.

- Почему вы замолчали? Можете поговорить друг с другом, - предложил он.

- Ви, - хрипло позвал Коскинен.

Она несколько раз глубоко вздохнула.

- Не переживай за меня, Пит. Я не хочу жить, если мною станут управлять такие ублюдки...

- Э нет, постойте, - запротестовал Томпсон. - Вы что же думаете, нам доставляет удовольствие мучить людей?

- А почему бы и нет? - ответил Трембецкий.

- Послушайте, - напористо сказал Ганноуэй. - Я уважаю ваши убеждения. Вы не представляете, с какой радостью я видел бы вас среди своих друзей. Вы могли бы принести огромную пользу нашему делу, всей планете, ведь, если я и согласился с тем, что негодяй, это вовсе не значит, что я враг рода человеческого. И если вам суждено погибнуть от моей руки... Я даже не знаю удастся ли мне когда-нибудь отмыть руки от вашей крови... Но если я позволю вам уйти, сколько крови прольется тогда?

- Да замолчите вы! - рявкнул Трембецкий. И тут же обратился к Коскинену: - Питер, я вырублюсь быстро. Меня пытать не имеет смысла. Проще пристрелить. Но... - Голос его предательски дрогнул. - Но если я сломаюсь и попрошу вас выключить поле, обещайте мне, что вы этого не сделаете. Вы поняли?

Коскинен почти не слышал его слов, раздавленный ужасом предстоящего зрелища. От волнения глаза застилала пелена.

- Твое решение? - спросил он Вивьен. - Как ты скажешь, так и будет.

- Я уже все решила, - ответила девушка. - Ты должен остаться внутри.

- Нет, подожди, ты не поняла... Ведь все это политиканство лично для тебя ничего не значит. Ты ненавидишь Маркуса, но Ганноуэй с шайкой может гарантировать тебе, что с Маркусом они разделаются обязательно. Это не твоя игра, Ви. Поэтому я хочу, чтобы ты знала, на что идешь...

Она ответила ему с улыбкой, которая далась ей с неимоверным трудом:

- А ты, оказывается, трус, Пит. Хочешь переложить на меня ответственность.

- Пойми, я не вправе решать один. Ведь дело касается не меня... - с мольбой в голосе произнес Коскинен.

- Ладно. Тогда я тебе скажу, Питер. - Ты остаешься внутри. Я не очень ценю жизнь. Последние годы она меня не баловала, так что если и оборвется - невелика потеря!

- Не говори так!!

- Ты только не переживай, - тихо проговорила она. Ганноуэй нанизывал друг на друга колечки дыма. Советники нервничали. Риколетти и Хилл задерживались, а время играло на руку Коскинену.

- А как быть с тем о-чем-мы-все-знаем? - спросил Трембецкий.

"Детонатор" - вспомнил Коскинен, похолодев от внезапно вспыхнувшей надежды и страха. Но сразу же подумал, что лучше смерть именно так, мгновенно, чем мучиться несколько дней от жажды и голода. Тем более, став свидетелем страданий Вивьен.

- Нет, - без колебаний ответила она. - Я не могу. Это невозможно.

- О чем вы болтаете? - рявкнул Бросен, но в этот момент дверь номера открылась, и в нее протиснулись Риколетти и Холл, неся за ручки большой ящик и толстый моток пластикового шнура.

- Где поставим? - спросил Холл.

Ганноуэй вздохнул, но ответил быстро. Видимо, решение он принял заранее.

- Ставьте прямо здесь, возле двери в спальню. Из-за этого поля тут стало слишком тесно.

Риколетти расстелил перед дверью большую пластиковую простыню.

- Чтобы потом не пришлось мыть полы, - проговорил он с усмешкой.

Моток шнура Хилл бросил к ногам Уошберна.

- Свяжи этого парня как следует.

Трембецкий вздохнул и прошептал, как молитву, что-то по-польски. Он не сопротивлялся - ни когда его вели к креслу, ни когда привязывали. Он лишь тихо звал: "Пит..." На третий раз Коскинен услышал его.

- Да, Ян?

- Пит, посмотри на меня внимательно, - Трембецкий перешел на "ты", но ни Коскинен, ни он сам этого не заметили. - Послушай, я мертвец. Что бы ни случилось, не забывай, что ты - гражданин Соединенных Штатов. Жаль, я не увижу, как в эту комнату ворвутся морские пехотинцы...

- Господа, - проговорил Ганноуэй. - Отдайте мне кокон, и вы проживете еще не один десяток лет.

Трембецкий не обратил на него никакого внимания.

- Теперь слушай очень внимательно, Пит. Мне уже все равно. Я прожил долгую жизнь, и в один прекрасный день понял, что больше не боюсь смерти. А я повидал много ее в самых различных обличьях. Меня ничто больше не держит, жена умерла, дети давно взрослые. И я всегда считал, что лучше умереть сражаясь, чем стать рабом. Ты понимаешь?

Коскинен растерянно кивнул. Сквозь неистовое сердцебиение и головокружение, он смутно почувствовал, что Трембецкий хочет сообщить ему что-то важное. Но он никак не мог заставить себя сосредоточиться.

- Запомни, Пит, если у тебя появится шанс, забудь обо мне, - продолжал Трембецкий. - Я успел испытать все, что дает человеку жизнь. Но вы с Вивьен молоды, и в твоем распоряжении есть бесценная для мира вещь - кокон. Однажды и у меня в жизни был похожий случай, еще там, в Европе, когда я отдал приказ бомбить городок, в котором нескольких моих друзей держали как заложников. Они все погибли... Но мы были обязаны взять этот город. И я никогда после не испытывал угрызений совести. Так и ты сейчас должен забыть о том, что я рядом.

Ганноуэй, подозрительно глядя на Трембецкого, поднялся на ноги:

- Я приказываю вам замолчать.

- О'кей, - согласился Трембецкий. - Прощай, Пит.

- А вот прощаться еще рановато, - Ганноуэй покачал головой и подошел к Коскинену: - Питер, вы понимаете, что здесь сейчас

произойдет? Миссис Кордейро недолго будет оставаться... миссис Кордейро. Она потеряет разум и фактически перестанет быть человеком...

- Значит, тебе это не впервой, - заметила Вивьен.

Ганноуэй прикусил язык, поняв, что проговорился.

- Начнем с нейровибратора, - сообщил он каменным тоном. - Серьезных нарушений он не вызывает, если действует недолго. Поэтому, если мистер Коскинен надумает что-нибудь нам сообщить, все кончится хорошо. Но если он будет упорствовать...

Хил поставил на пластиковую простыню кресло, прямо в проеме двери в спальню, и Риколетти подтащил к креслу нейровибратор. Бросен и Ланфье подвели к креслу Вивьен и быстро привязали. В их действиях чувствовалась сноровка.

- Отлично, - мрачно произнес Ганноуэй. Возле привязанной Вивьен остался только Риколетти. Все остальные дружно прошли в глубину гостиной, заслонив связанного Трембецкого, который сидел возле стены.

- Итак, мистер Коскинен! - набычился Ганноуэй.

- Нет! - выкрикнула Вивьен. - Пошли их к черту! В аду мы их встретим первыми!

Риколетти начал прикреплять контакты к лодыжкам и запястьям девушки.

- Пит! - заорал Трембецкий,- расширяй поле!

Коскинен среагировал мгновенно, словно только этого повелительного оклика ему и не хватало, чтобы найти выход. Рука буквально взлетела на рычаг регулировки, рванула его на максимум, и кокон взорвался. Лишь когда пыль рассеялась, Коскинен смог оценить, что он сотворил.

Он увидел... Ганноуэя, которого просто размазало по стене, как насекомое под каблуком. Один из советников был вжат в угол; поле прошло дальше, превратив человека в красное месиво. Нарушилась даже геометрия стен, отчего местами провис потолок - с него сыпались штукатурка и мельчайшие осколки люстры. Стол выдавил оконную раму и вместе с ней вывалился на улицу.

Вивьен и Риколетти втолкнуло в спальню. Отключив поле, Коскинен бросился к ним. Но Риколетти, пошатываясь, уже появился в дверях - в глазах его светилось безумие, правая рука судорожно сжимала пистолет. Резко пригнувшись, Коскинен подхватил с запорошенного пылью пола вывалившийся откуда-то нож. Грянул выстрел, пуля взбила облачко пыли в дюйме от ног Питера. Но второй раз выстрелить Риколетти не успел.

Мгновение спустя он рухнул на пол с ножом в горле. Коскинен, перепрыгнув через труп, вбежал в спальню.

- Ви! - закричал он. - Ты ранена?

- Нет! - выдохнула она. - Веревки, Пит. У меня связаны руки. Нужно быстрее выбраться отсюда. Этот грохот поднимет на ноги весь дом.

Коскинен освободил ее, и Вивьен поднялась на ноги; самообладание вернулось к ней на удивление быстро.

- Идем! - Она задержалась только на пару секунд, чтобы поднять с пола пистолет и положить его в сумочку. Дверь в коридор была выбита вместе с дверной коробкой, в проеме клубилась пыль.

Коскинен так и не нашел в себе мужества повернуть голову и посмотреть, что стало с Трембецким. Но он поднял руку, как бы прощаясь с поляком.

В коридоре они почти сразу наткнулись на визжащую от страха девушку. Вивьен потащила Коскинена в противоположную сторону. Из бокового коридора прямо на них выскочил молодой парень - дежурный по этажу.

- Что случилось?! - растерянно воскликнул он.

- Кажется, там взорвалась бомба! - крикнула Вивьен в ответ. - Мы бежим за помощью!

Руку она держала на сумочке, готовая в любую секунду выхватить револьвер и выстрелить. Но парень и не думал "дергаться", он как ненормальный помчался куда-то дальше. Ближайший холл с лифтами был заполнен возбужденно галдящей толпой. Но, свернув к пожарной лестнице, беглецы фактически остались незамеченными. Спустившись на два этажа, они снова вернулись в коридор и только там остановились перевести дух.

- Кажется, выкрутились, - сказал Коскинен. - Мы от них улизнули.

Вивьен облокотилась о стену и прижалась носом к изгибу локтя.

- А Ян остался... - проговорила она сквозь слезы.

Коскинен обнял ее за талию. Он не смог бы сказать, кто из них успокаивал другого больше, пока они стояли так, прижавшись друг к другу. Но через несколько минут Вивьен отстранилась. Тон ее был деловым.

- Мы должны выбраться отсюда, пока они не связали взрыв с тем, что видели именно нас, и не бросились по следу. Нужно уехать из города. Дай-ка подумать. Окна номера выходили на юг. Значит, нам лучше выйти из здания через северный подъезд,

наверняка, там еще не собралась толпа. Сними генератор и неси его на руках. Так он не будет бросаться в глаза.

Вивьен достала расческу, пудреницу и немного привела себя в порядок.

- Ян был настоящим мужчиной, - сказала она грустно.

" А ты - настоящая женщина", - подумал Коскинен. Ему показалось странным, что он не испытывал никаких чувств по поводу того, что меньше часа назад убил нескольких человек. Ему было искренне жаль Трембецкого, но ведь поляк сам снял груз ответственности с Коскинена за свою смерть. Гибель врагов Питер воспринимал отстраненно - он просто должен был убить их, чтобы спасти жизнь Вивьен и свою.

17

Когда Вивьен и Коскинен вышли на улицу, уже фактически наступило утро. На западе еще виднелись звезды, но на востоке горизонт уже пробивали блестящие лучи поднимающегося солнца. На улице было по предрассветному тихо, лишь случайные машины проскальзывали меж высоченных стен. Воздух казался непривычно чистым и холодным.

- Держим курс на убежище Зиггера?

- А разве у нас есть выбор? - откликнулась Вивьен вопросом на вопрос.

- Ви, мы должны как-то связаться с Абрамсом. Хотя бы попытаться...

- Попытаться-то можно, - скептически усмехнулась Вивьен. - Правда, вот незадача, его телефон прослушивается. Знаешь, - добавила она, - в рассуждениях этих бандитов была одна мысль очень верная. Передав генератор Протекторату, ты едва ли скоро дождешься реального улучшения жизни. Это то же самое, как дать наркоману аспирин, и надеяться, что он спасет себя от пагубной привычки.

- Но тогда - есть ли смысл передавать генератор в чьи бы то ни было руки вообще? - рассеянно спросил он. - Кому можно его доверить?

- Не знаю... Я действительно не знаю. Ага, вот и такси.

Водитель нажал кнопку, двери открылись, и они влезли внутрь.

- Сиракюс, - сказала Вивьен.

Там будет лишь первая из множества остановок. Им предстоит неоднократно пересаживаться из машины в машину, чтобы сбить со следа возможную погоню.

Водитель начал колдовать над пультом управления; защитное стекло, отделяющее салон от кабины, поползло вверх, одновременно затемняясь.

- Не надо, - сказала Вивьен. - Лучше без стекла.

Водитель удивленно посмотрел на Вивьен, но спорить не стал.

- Я... мне нравится смотреть на вид впереди, - с запинкой сообщила она. Но никакого вида "впереди" не было и в помине, только пустынное, фиолетово-голубое небо. Коскинен засомневался, удовлетворен ли водитель объяснением Вивьен.

"Стоп!" вспыхнуло в голове у Коскинена. Он понял, что все это время гвоздем сидело в памяти, не давая ни на секунду расслабиться. Теперь он должен положить этому конец. Воспользовавшись тем, что Вивьен наклонилась к водителю, Питер обхватил ее за талию и принялся отстегивать сумочку.

- Какого черта?! - воскликнула она и попыталась вывернуться. Но Коскинен отпустил ее только когда сжал в руке детонатор. Вивьен отпрянула от него и как-то съежилась, в глазах отразилась смесь испуга и гнева. - Какая муха тебя укусила, Пит?

- Извини, Ви, - сказал он. - Пожалуйста, не думай ничего плохого. Но с этого момента я предпочитаю сам принимать решения.

Он опустил детонатор в карман своей блузы и застегнул молнию.

- Ты мог просто попросить меня!

- И ты так же просто ответила бы мне "нет". Один раз ты отказалась воспользоваться этой штуковиной, и я тебе чертовски за это благодарен. Но я не могу больше жить под дамокловым мечом. Самое время стать хозяином своей судьбы.

Вивьен глубоко вздохнула, и Коскинен заметил, что она почти успокоилась. А потом она улыбнулась, и от этой улыбки у Питера потеплело на душе.

- Приятно видеть, что ты быстро взрослеешь, Пит, - прошептала она.

- Обстоятельства вынуждают, - вспыхнул он.

С чувством некоторой неловкости он заметил, что водитель следит за ними в зеркальце над ветровым стеклом. Почему Ви отказалась от затемненного защитного стекла?

Сообщение, вспыхнувшее на экране перед водителем две минуты спустя, объяснило Коскинену решение Вивьен.

ВНИМАНИЕ! ВСЕМ ВОДИТЕЛЯМ НАЗЕМНЫХ И ВОЗДУШНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ! СООБЩЕНИЕ БЮРО ВОЕННОЙ КОНТРРАЗВЕДКИ. РАЗЫСКИВАЮТСЯ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПНИКИ, ЯВЛЯЮЩИЕСЯ АГЕНТАМИ ЗАРУБЕЖНЫХ СПЕЦСЛУЖБ. ИХ ЗАДЕРЖАНИЕ И АРЕСТ - ЗАДАЧА ПЕРВОСТЕПЕННОЙ ВАЖНОСТИ. В ДАННЫЙ МОМЕНТ ОНИ МОГУТ НАХОДИТЬСЯ В ОБЩЕСТВЕННОМ ТРАНСПОРТЕ...

Пистолет Вивьен уже не лежал в сумочке, а был приставлен к виску водителя.

- Не двигайся приятель, не шевелись, - скомандовала она. - И не дай Бог, если ты потянешься к передатчику!

... ПРИЗНАНЫ КРАЙНЕ ОПАСНЫМИ!

Надпись пропала вместе со скрипучим голосом, и на экране Коскинен увидел свою фотографию, сделанную совсем недавно, а затем фотографию Вивьен, непонятно из каких источников полученную. Сообщение передавалось, очевидно, несколько раз в день.

ЕСЛИ ВЫ УВИДИТЕ ЭТИХ ЛЮДЕЙ, ВАМ НАДЛЕЖИТ ДЕЙСТВОВАТЬ СОГЛАСНО ЗАКОНУ О НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ США...

- ... Я думал, что... просто очень похожи, - пробормотал водитель. - Что же это такое? Чего вы хотите?

- Сотрудничества. И тогда останешься жив.

- Послушайте, у меня жена, дети... Я .... пожалуйста...

Коскинен глянул вниз из окна. Скорость была приличной, они уже вылетели из фешенебельной части города, зеленые участки и особняки сменились сплошным ковром крыш муниципальных домов.

- В моей машине вам далеко не уйти, - со страхом в голосе произнес водитель. - Контроль будет просеивать сквозь полицейское сито...

- Слишком накладно, - с сомнением сказал Коскинен. - Такая проверка нарушит движение. Они тогда до завтра не разберутся. Это крайняя мера, и они на нее еще не пошли, кстати.

Вивьен посмотрела на него.

- Значит, они еще не знают точно, какой способ бегства мы выберем. Но рано или поздно ВК обязательно начнет тотальную проверку машин. Как только Маркус пронюхает, что произошло в "Зодиаке" - а он непременно об этом узнает, ведь в здании

полно стукачей... Сопоставить события и сообразить что к чему - минутное дело. Лучше сменить машину, пока нас не засекли. Или вообще обойтись без такси.

- Но... как мы доберемся?

- Не знаю. Пока. Эй, мы собираемся выходить. Посадите машину вон на ту детскую площадку.

Аэрокар скользнул вниз и опустился на обочине старой дороги, рядом с площадкой. Дома напротив были однотипны - довоенной постройки, с узкими окнами, остроконечными крышами и облупившимися стенами. Они были давно безнадежно пусты, никто не хотел жить в них.

Вивьен нажала кнопку на пульте, и стекла стали непрозрачными.

- Надо связать парня, - сказала она. - И не забудь про кляп.

Коскинен секунду подумал.

- О'кей, моя одежда сойдет. А я переоденусь в его. Возможно, кто-нибудь видел меня в "Зодиаке".

- Прогресс налицо! - похвалила Вивьен. - Ты становишься настоящим разбойником.

Она молча следила, как он переодевается в форму водителя. Потом Питер поковырял в багажнике, нашел кусок провода и, тщательно связав, уложил заложника на гладкий пол кабины между сиденьями.

- Придется тебе пару часов полежать, - сказал Коскинен водителю. - Не волнуйся, кто-нибудь наверняка скоро заинтересуется, что за машина здесь так долго стоит. Перетерпишь.

Вивьен выбралась из такси, и тут же Питер услышал ее голос:

- Осторожно! Кто-то идет!

Коскинен быстро вылез следом и захлопнул двери. Рядом уже стоял плотно сбитый мужчина в комбинезоне механика.

- Неприятности, девочка? Может, я на что сгожусь?

- Благодарю, - ответил Коскинен. - Но компания обязывает водителей лично сообщать о всех случаях поломок. К тому же, я должен проводить пассажирку. Где тут ближайшее метро?

Механик окинул Коскинена долгим угрюмым взглядом.

- Поблизости нет метро.

- Ха, - рассмеялся Коскинен. - Я совсем недавно перебрался сюда из Лос-Анджелеса. Плохо еще ориентируюсь, знаете ли. Так где же поблизости станция?

- Я как раз туда иду, - уже спокойнее ответил верзила.

Коскинен с радостной готовностью отвечал на вопросы о Западном побережье, где он, на самом деле, никогда не бывал.

Разговор отвлекал механика от генератора, детина посчитал, что водитель, как и положено тащит багаж клиента.

Они шли дальше. К счастью стоянка такси оказалась пуста. Если, конечно, в эти трущобы вообще залетали такси.

На станции метро Коскинен первым делом направился в телефонную будку, делая вид, что звонит в свою компанию. Механик, не попрощавшись, сел в первый же подошедший поезд. Питер и Вивьен, естественно, предпочли подождать следующего.

- Просто чудо, - вздохнула Вивьен, - что он не опознал нас по объявлениям. Когда он увидит фотографии, то все сразу поймет.

Коскинен кивнул, и в этот момент подошел поезд.

Они устроились на свободных местах. Вагон был практически пуст, в нем ехало лишь несколько человек - заспанные, в обтрепанной одежде. Интересно, подумал Питер, многие люди из-за безработицы вообще никогда не ездят, сидят дома.

А куда им податься, в самом деле? У обитателей трущоб выбор небогатый: решиться на преступление, покончить с собой, либо наняться на какую-нибудь нудную, монотонную работу. А ведь даже с элементарной механизацией при дешевых энергоносителях и современных технологиях выращивания пищевых продуктов - вроде тех, которые разработаны для внеземных поселений, средняя семья станет экономически самостоятельной. Возродившееся фермерство будет существовать параллельно с крупными автоматическими фабриками и это заставит экономику рациональнее использовать автоматику...

Тряхнув головой, Коскинен отогнал утопические грезы.

Не я первый и не я последний, кто предается в этой стране мечтам о ее будущем. Все бесполезно. Большой бизнес, верхушка правительства - эти люди могут сидеть, сложа руки, и молча смотреть, как под ними рушится ими же самими выстроенное здание. Бюрократия задушит любую инициативу. Наверное, чтобы найти выход, нужно досконально знать законы развития общества. Но умение видеть эти законы дано немногим. Я, Питер мысленно усмехнулся, разложу по полочкам любой механизм, но мгновенно растеряюсь в общественном устройстве. Эта мысль неожиданно вернула Питера в вагон метро.

- Как же мы доберемся до цели? - спросил он Вивьен. - Если мы угоним какую-нибудь машину, Контроль засечет нас сразу же.

Вивьен посмотрела в окно. Они снова были в пригороде, и по обе стороны монорельсовой дороги расстилались поля, на которых в лучах утреннего солнца блестела роса.

- У меня есть идея, - сказала она. - Этот дурацкий Комитет Празднования Столетия Первой Мировой войны построил массу макетов. Их используют для того, чтобы снимать фильм. Там и самолеты, и пушки, и танки - первоклассно сработанные копии. Когда нет съемок, к макетам водят детей - показать, чем воевали их прадедушки.

- К чему ты клонишь?

- К тому, что здесь недалеко есть аэродром. Эти этажерки могут летать где угодно, без ограничений. Они настолько медлительны, что Контроль просто не обращает на них внимания. А самое главное для нас - полиция не сможет посадить или повернуть самолет против нашей воли, потому что на них нет автопилота! Кроме того, едва ли кто-нибудь задастся вопросом, куда делся старый аэроплан, даже если пропажу обнаружат. И никто не станет нас преследовать.

- Мой Бог! - от удивления Коскинен даже прищелкнул языком.

- Мы с Зиггером были там в прошлом году, так что я знаю тамошние порядки. Если ты сообразишь, как поднять в воздух такой самолет, тогда нам должно повезти. Ну, что скажешь?

Коскинен понял, что отныне Вивьен складывает с себя полномочия лидера. Вся ответственность ложится на него, и, прикинув ее "на вес" он подумал, что ноша не так уж легка. Чувствуя подкатывающий к горлу комок, Питер сглотнул и произнес внешне спокойно:

- О'кей. Мы попытаемся.

18

Аэродром располагался примерно в трех милях от станции. Коскинен и Вивьен зашли в супермаркет, купили там продуктов на завтрак, два мотка веревки, упаковку тонизирующих таблеток, после чего направились к самолетам. Большая часть их пути пролегала по вихляющим улицам отживающего свой век города. Все дома по обе стороны дороги требовали немедленного ремонта. Мимо проезжали грузовики, легковые машины, трактора. Но пешеходов, кроме них, почти не было - лишь старухи, безработные и какие-то подозрительные мрачные типы; никто не обра-

щал на них внимания. Какой-то изнуренного вида человек показал им, где повернуть; выглядел он так, словно был слишком слаб, для того, чтобы задавать вопросы.

Боковая улица, на которую они свернули, постепенно перешла в тропинку, которая влилась в сильно заросший луг.

- Да-а... - протянула Вивьен. - Когда-то здесь стояли дома. До войны. Как бы нам ноги не поломать. Придется идти осторожно.

Зеленый травяной ковер был местами покрыт свежей позолотой цветов. Где-то в кустах пела птица. Вместо привычного запаха пыли, Коскинен ощутил аромат свежей сырой земли.

- Мне нравится это место, - сообщил он.

- Вот как? А мое сердце всегда остается в городе. - Вивьен коснулась его руки.

- Почему аэродром расположен именно здесь?

- Здесь очень дешевая земля. Кроме этих людей из Комитета никто не хотел ее покупать.

Ангары и взлетная полоса находились в центре поля. Территория была огорожена забором из проволоки под током высотой чуть ли не в два человеческих роста. Радарные установки контролировали посадку любого незарегистрированного летательного аппарата, и по их сигналу на ноги поднималась полиция в городе. Поэтому живой сторож на аэродроме был попросту не нужен. Коскинен внимательно осмотрелся. Кажется, вокруг было пусто.

Питер связал из одной веревки лассо и после нескольких неудачных попыток набросил его на один из столбов ограды.

- О'кей, Ви, - произнес он и помог ей надеть генератор. Вивьен включила поле. Вторую веревку Коскинен использовал, чтобы обвязать Кокон и привязаться к нему с противоположной от проволоки стороны. Затем он пропустил конец лассо через упряжку кокона и осторожно начал поднимать себя вместе с ним вверх, обеими руками подтягиваясь по веревке. Таким образом, поле работало как изолятор. Питер представил, что произойдет, коснись он проволоки, и почувствовал как на лбу выступил пот. То, что ударит током - ладно, главное - получив сигнал тревоги, полиция схватит их через пару минут.

Но все обошлось. Поднявшись на макушку столба, Коскинен отвязался от кокона, перебрался через ограду и спрыгнул с веревкой в руках. Удар о землю оказался весьма чувствителен. Отдышавшись, он намотал покрепче веревку на руку и, раскачивая кокон, сдернул его на территорию аэродрома.

Вивьен выключила экран, выбралась из-под веревок:

- О'кей, вот мы и внутри! - Ветер подхватил ее звонкий смех. - Коскинен и Кордейро, Кошачьи воры, по приглашению Его Величества Тибальта Второго, Короля Котов! Следуйте за мной, мистер пилот!

Они пересекли еще одну поляну сорняков, взлетную полосу из бетонных плит и вышли к ангару. Вивьен достала было пистолет, чтобы отстрелить замок с двери, но створки сами распахнулись перед ними, стоило только подойти поближе. Внутренность ангара открылась гигантским мрачным чревом, и Коскинен замер, с немым восторгом уставившись на летающие машины. Неведомым образом старинные самолеты погрузили его в более глубокое прошлое, чем это удавалось даже марсианским башням.

Вот оно, сказал он себе, истинное прошлое. Вот на таких штуковинах, неведомо как державшихся в воздухе, летал, наверное, мой пра-прадед. Он почувствовал, как в душе закипает злость. Маркус и с ним другие надругались над прошлым, прошлое им отомстит...

Через час Питер точно знал на каком самолете они полетят. Табличка сообщала, что этот огромный биплан с двумя открытыми кабинами назывался "Де Хэвиленд-4" - дневной бомбардировщик. Скорость у него была меньше, чем у "Фоккера" или "Спэда", но этот аппарат подкупал надежностью, именно она предопределила выбор Коскинена. Затем ему пришлось сделать выбор между толстой инструкцией и собственной интуицией; он выбрал последнее и скоро разобрался, как поднять самолет в воздух.

Выкатив биплан на взлетную полосу, они заправили баки горючим с помощью насоса. Коскинен развернул самолет - нужно было взлететь так, чтобы не попасть под прицел радаров.

- Сядешь на заднее сидение и постараешься завести мотор, - сказал он Вивьен. - Сейчас я покажу тебе, как. А я вручную постараюсь раскрутить пропеллер.

- Мы можем разбиться, или нас собьют... Что угодно может случиться, ты понимаешь? - тихо произнесла Вивьен, внимательно глядя на Коскинена.

- Да, - кивнул он и пожал плечами. - Но все это было понятно еще до того, как мы залезли в ангар.

- Я... - Вивьен взяла его руки в свои. - Я хочу, чтобы ты кое-что узнал. На всякий случай. Вдруг мне не представится другой возможности сказать...

Он пристально посмотрел ей прямо в глаза.

- Этот детонатор, - вздохнула Вивьен, - подделка.

- Что?!

- То есть, детонатор в полном порядке, а вот бомба... - смех застрял у нее в горле. - Когда Зиггер приказал подготовить бомбу... мы тогда еще проговорили с тобой полночи, помнишь? Я сказала себе, что не могу этого сделать... В капсуле нет взрывчатки. Просто безобидный тальк.

- Что?! - вновь повторил он.

- Я ничего не сказала об этом в доме Абрамса. Мне почему-то показалось, что у них хватит ума заменить тальк на настоящую взрывчатку. И пусть я сама никогда не смогла бы нажать кнопку, это запросто мог сделать кто-то другой. Понимаешь меня, Пит? Понимаешь, почему я хотела, чтобы ты узнал об этом именно сегодня?

Она собралась было убрать руки, но он поймал ее за запястья.

- Это правда, Ви?

- Да. Почему ты сомневаешься?

- Я... Нет... - Он покачал головой.

Питер собрался с духом, вытащил из кармана детонатор, откинул предохранительную оболочку. Она следила за ним сквозь слезы. Коскинен нажал кнопку.

С гиканьем он зашвырнул детонатор в сорняки, с неожиданной пылкостью расцеловал Вивьен, сбивчиво проговорил что-то насчет того, что она теперь его лучший друг, часть его самого, его надежда... и еще много таких же горячих слов. Потом он еще раз крепко поцеловал ее, легко приподнял и посадил в заднюю кабину. Вивьен устроилась между пулеметами и взялась за рычаг управления. Коскинен крутанул деревянный пропеллер с неведомо откуда взявшейся силой.

Мотор кашлянул и ожил, от него потянулись струйки дыма, и Питер почувствовал резкий запах. Вскочив на нижнее крыло, он забрался на переднее сиденье, минуту-другую сидел, не шевелясь, прислушиваясь к стуку мотора и привыкая к разнобойным вибрациям самолета. Вроде бы все работало исправно. Самолет вырулил на взлетную полосу, набрал скорость, разбежался, подскакивая на стыках бетонных плит и, наконец, легко оторвавшись от земли, взмыл в воздух, словно впервые почувствовал себя свободной птицей.

Еще на аэродроме Вивьен наметила на карте маршрут и место посадки. Но Коскинен с удивлением обнаружил, что отлично ориентируется на местности, учитывая, что они не летели, а пол-

зли низко над землей. Тело само вспомнило тренировки Элкора - он все лучше и полнее чувствовал самолет, и скоро научился предугадывать его норов.

"Де Хевиленд-4" оказался тряским, вонючим и неуклюжим "аппаратом тяжелее воздуха" с на редкость неудобным управлением. Но в тоже время Коскинен никогда прежде не чувствовал такую близость с воздухом и с ветром, который ревел, обтекая низенький защитный козырек, хлестал в лицо, трепал в неубирающихся шасси и звенел в натянутых между плоскостями тросах. Странно, подумал Коскинен, от какой малости зависит наша жизнь. Стоит сломаться любой ерунде - и мы покойники. И еще он подумал, что многому научился у девушки, которая, как выяснилось, совсем не собиралась его убивать...

А ландшафт "под крылом самолета" открывался невероятно свежий, чистый, жизнерадостный; они летели над богатыми районами: люди здесь жили в усадьбах, разделенных лесами и парками. Меж холмов под голубым с бело-пушистыми облаками небом сверкал Гудзон.

Какой прекрасный мир, подумал Коскинен. В таком мире нет, не должно быть места маркусам, ганноуэям и прочим гадам земным... Он вдруг преисполнился решимостью и предчувствием победы, взглянув вперед, сквозь бьющий в лицо ветер и выкрикнул:

- Спи спокойно, Элкор!

19

После тяжелой двухдневной работы приятно было устроить себе передышку вдали от людей и наедине с природой. Из загородного "убежища" Зиггера виднелась река, напоминавшая в лучах заходящего солнца остывающий огненный поток. На противоположном берегу поднимались холмы, поросшие лесом.

С террасы усадьбы открывался вид на ровные газоны с розовыми кустами, сбегавшие вниз по склону, к воде. Над головой Коскинена шелестели дубовые листья, рядом стояла яблоня, склонясь под тяжестью плодов. Чуть дальше вздыхала пихта, наполняясь бризом; в глубине ее ветвей заливался дрозд. Тысячи ароматов носились в воздухе, околдовывая очарованием.

Но Питер чувствовал, как какой-то червь точит изнутри его душу, и как только схлынула первая радость обретенной свободы, он постарался разобраться в своих ощущениях.

- Что меня мучит? - спросил он себя. - Свою часть работы я выполнил. Построил укрытие. Мы спрятали пока наше знание. На планете по-прежнему мир, нас пока не нашли... Но это не может продолжаться вечно... Неужели все начнется сначала? Я не хочу умирать...

Но что произойдет дальше и как скоро - зависит от того, когда враги выследят их. Нельзя исключить, что кто-то видел, как приземлялся аэроплан, кроме того, остался след на площадке для гольфа, когда самолет тормозил хвостовым полозом. В поселке, расположенном в нескольких милях от поместья, никто не заподозрил, что они с Вивьен взломали двери, чтобы проникнуть в особняк мистера Ван Велта. Вивьен здесь помнили, хотя и под другим именем. Не так то просто узнать в ней женщину, за которой охотится полиция, тем более, что с помощью косметики эта женщина умеет творить чудеса перевоплощения.

И все-таки слухи и сплетни наверняка поползли по округе. Почему, к примеру, "она" приехала одна, без мистера Ван Велта, без прислуги и охраны? Зачем, не успев приехать, она распорядилась доставить в усадьбу мини-бульдозер, подъемный кран и целый список строительных материалов, включая бетонные блоки? Кто-нибудь из местных любителей совать нос в чужие дела, прослышав об этом, вполне мог задать ненужные вопросы...

Да и в прошлом у них не все "чисто". Рано или поздно контрразведка, несомненно, узнает об этом поместье Зиггера от захваченных в Кратере головорезов, а сопоставление фактов не пойдет на пользу беглецам. И как бы не хотелось Коскинену отодвинуть момент признания очевидного факта, это было неизбежно. Враг был хитрее, быстрее, могущественнее и осведомленнее. И с каждым днем надежды Коскинена на спокойную жизнь - хотя бы на достаточно долгую передышку в этом райском уголке - становились все призрачнее. Мир рационален, думал Питер, и значит, решение нужно искать, исходя из этого постулата.

Разумно ли дальше пытаться убежать от того, что неизбежно тебя настигнет? Или настала пора сделать выбор? Повернуться лицом к опасности и... Коскинен глубоко вздохнул.

- Эй! - позвала Вивьен, выглядывая из створчатых дверей веранды. - У меня пальцы от кнопок болят. По-моему, мы заслужили отдых. Крепость построена, защитники дежурят на стенах... Все в порядке! Я уже очень многим сообщила об экране. Наверное, всему миру. Пусть мир сам решает, что ему делать. Только без нас.

- Это верно, - ответил Коскинен. - Отдых действительно мы заслужили.

- Тогда я приготовлю настоящий ужин. Праздничный!

- Хочешь, как обычно, подогреть два пакета походного концентрата? - поддразнил он Вивьен.

- Нет. Ты скажешь мне, что ты больше всего любишь, и я приготовлю это своими руками из настоящих продуктов. Пит, ты даже не знаешь, какой я "сказочный" повар. - Вивьен остановилась вплотную к нему и произнесла совершенно серьезно: - Другого шанса поужинать вместе у нас может и не быть.

- Может, - согласился он. - Но, скорее всего у нас в запасе еще несколько дней.

Она обняла его и положила голову на плечо.

- Ты только скажи, Пит, и... Я могу не только готовить ужин.

Коскинен почувствал, как его бросило в жар. Он хотел было посмотреть на нее, но не мог отвести взгляда от реки и далеких холмов.

- Я стольким тебе обязана, Пит...

- Нет, - заспорил он. - Это ты спасала меня... я даже и не упомню, сколько раз... Вот с этим, например, - он потрогал свой ошейник. - Я даже не знаю, захочу ли я его теперь снимать.

- Неужели это так важно для тебя, Пит? Действительно важно?

- Да. Понимаешь, Ви, я сам не знаю... когда ты стала для меня близким человеком. Когда между нами возникла такая же невидимая связь, которая соединяет меня с каждым из экипажа моего корабля. Это... доверие. Я боюсь, что никогда не смогу отплатить тебе тем же, что ты сделала для меня.

- Знаешь, - прошептала она, - точно такое же чувство испытываю и я...

Она резко отстранилась и стремительно убежала обратно в дом. Он не понял, что произошло, хотел было броситься следом, но быстро опомнился. Ситуация сложилась деликатная, они находились вдвоем в этом особняке, и ненужная спешка могла лишь разорвать возникшие между ними еще непрочные нити дружбы.

Но беспокойство не отпускало, Питер маялся, чувствуя потребность чем-то заняться, и наконец решил, что, пока Вивьен готовит ужин, он позвонит еще нескольким достойным людям. Да, пожалуй, это то, что нужно, подумал он и направился в гостиную к видеофону.

Дисплей показывал, что Вивьен в последней порции звонков связалась с полудюжиной абонентов в разных городах Индии, Америки и Европы. Коскинен задумался: с какой бы страной связаться теперь? Идея заключалась в том, чтобы как можно подробнее информировать о коконе максимальное число государств.

Китай? Нет, он не мог заставить себя позвонить в Китай. Среднестатистический китаец, конечно же, честный, ни в чем не повинный труженик, как и любой другой простой гражданин страны. Но нынешнее руководство Китая!.. Нет уж, пусть Китай узнает о коконе от своих шпионов. Коскинен нажал кнопку.

- Список англоязычных токийских абонентов, - попросил он.

Фон без задержки и дурацкой человеческой подозрительности высветил на экране текст. Питер прогнал список до подзаголовка "Инженеры" и выделил наугад несколько рабочих и домашних номеров. Затем он очистил дисплей и вызвал первый номер, добавив код RX, который автоматически включал запись у вызываемого абонента. Через несколько секунд на Коскинена смотрело с экрана плоское лицо японца.

- Я - Питер Коскинен, - заговорил он деловито и улыбнулся одними губами. - Служба Новостей подтвердит вам, что совсем недавно я вернулся на "Франциске Боасе" в составе марсианской экспедиции. С собой я привез устройство, которое обеспечивает его владельцу полную защиту, практически - неуязвимость. Чтобы предотвратить использование этого устройства определенными политическими силами, я сообщаю вам и в вашем лице японскому народу физические принципы, технические спецификации и инструкции по применению этого устройства.

Японец ввернул словечко, которое означало, что произошла ошибка, и он не говорит по-английски, но Коскинен развернул перед ним первый лист схем... За ним последовал другой. Питер работал так быстро, как только мог.

Подготовить листы не составило большого труда, и он, и Вивьен хорошо помнили те схемы, которые чертили в Кратере.

Вивьен рассказывала, что многие люди просто отключали связь, не сомневаясь, что с ними связалась какая-то сумасшедшая истеричка, но этот японец следил за своим экраном со все возрастающим интересом. Можно было не сомневаться, что он обязательно отнесет запись какому-нибудь специалисту, который лист за листом прочтет все чертежи. Даже если лишь один из десяти случайно выбранных абонентов заинтересуется черте-

жами генератора, мир непременно узнает о коконе в самое ближайшее время.

Коскинен показал японцу последний лист схем, попрощался легким кивком и уже вызвал следующего абонента, как вдруг услышал испуганный крик Вивьен.

Он отключил связь и сломя голову бросился на террасу. Вивьен стояла, прижав руки к груди, и когда он подбежал, в отчаянии показала на небо. Четыре черных транспортных аэрокара шли на посадку, матово блестя в лучах предвечернего солнца. На фюзеляже отчетливо виднелась эмблема Службы Безопасности.

- Я увидела их из окна кухни, - голос Вивьен задрожал. - Слишком быстро они нашли нас... Слишком быстро...

- Передачи они засечь не могли, линия экранирована, значит, мы где-то наследили.

- Но... - она поймала его руку холодными пальцами и крепко сжала, наверное, чтобы не заплакать.

- Надо идти, - позвал он. Вернувшись в гостиную, они забрали генератор и поспешно вышли во внутренний двор через черный ход. Широкое, вымощенное камнями пространство окружали заросли ивняка и розовые кусты; открывшимся видом можно было бы залюбоваться, но... ситуация к этому не располагала. За последние два дня Коскинен устроил на заднем дворе некое подобие укрытия из земли и камней, накрыв сверху бетонными плитами. Пакеты с концентратами и канистры с водой, постельные принадлежности, винтовка из кабинета Зиггера и миником на случай переговоров - все уже лежало внутри. Коскинен внес генератор в укрытие, настроил его так, чтобы в цилиндр поля попало само укрытие и две комнаты, и включил.

- О'кей, - вздохнул он, как только их накрыла тишина. - Теперь мы с тобой в безопасности.

Она бросилась в его объятия, уткнула голову в грудь и задрожала в рыданиях.

- Ну что ты? - Питер осторожно просунул ладонь под мокрую щеку девушки, приподнял лицо, чтобы видеть ее глаза. - Мы еще поборемся. Ты же у меня несгибаемый воин!..

- Я так хотела... - Слезы градом текли из ее покрасневших глаз. - Я так хотела, чтобы у нас было хоть немного времени... Только для нас двоих...

- Да, - согласился Коскинен. - Это было бы здорово.

Вивьен распрямила плечи.

- Не обращай внимания, Пит, я сейчас...

Забыв о своей обычной робости, он нежно поцеловал ее в губы и не отрывался пока агенты ВК осторожно окружали дом, перебежками приближаясь к укрытию - все в штатском, но при оружии. И только когда один из аэрокаров, завис прямо над головой, закрыв длинной тушей солнце, Коскинен сообразил, наконец, что враг уже на пороге.

Словно комические герои из старых немых фильмов, агенты судорожно пытались пробиться сквозь поле. Их было десятка два, не меньше. Усевшись на низкую каменную ступеньку, Вивьен закурила с безразличным видом.

Подойдя к невидимому барьеру, Коскинен включил миником. Человек напротив него кивнул, что-то крикнул, и через несколько секунд - Питер даже не успел удивиться - из дома на площадку вышел сам Хью Маркус с переговорным устройством на запястье. Не доходя до Коскинена примерно ярд, он остановился и улыбнулся.

- Приветствую тебя, Пит, - произнес Маркус.

- Мистер Коскинен, если не затруднит, - холодно ответил Питер.

- Питер, это ребячество. Не ожидал от тебя, - заметил Маркус. - Хотя, признаю, в последнее время тебе многое пришлось пережить. Так что неудивительно, что ты слегка... - Маркус поднес руку к виску и прибавил: - Выходи, Пит. Мы здесь исключительно ради твоего блага. Мы тебя вылечим.

- Вылечите меня от памяти? Или сразу от жизни?

- Пит, давай без театральных сцен.

- Где Дейв Абрамс?

- Он...

- Я хочу видеть моих товарищей по полету, - решительно заявил Коскинен. - Не так давно вы подтвердили, что все они у вас. Ну, так давайте их сюда. Если они подтвердят ваши слова, что сидят под стражей ради собственного же блага, тогда я, так и быть, выключу поле и принесу вам свои извинения. В ином случае я останусь внутри кокона и буду сидеть в нем пока не потухнет Солнце.

Маркус побагровел.

- Ты вообще-то понимаешь, что делаешь? Ты противопоставляешь себя Правительству Соединенных Штатов.

- Да неужели? Возможно, я виновен в том, что оказал сопротивление при аресте, но я не нарушил ни одной статьи Конституции моей страны. Давайте-ка перенесем наш разговор в суд. И мой адвокат докажет, как дважды два, что попытка ареста была

актом незаконным и неправомочным. Потому что действий, за которые предусмотрен арест я не совершал.

- Что?! А как насчет сокрытия государственной собственности, причем секретного характера?

- Вот именно. - Коскинен кивнул. - Я готов это устройство передать в руки законных властей в любое время, например, Комитету по Астронавтике. Одно из положений "Экспедиционных правил" черным по белому гласит, что...

Резко взмахнув рукой и наставив на Коскинена длинный кривой палец, Маркус перебил его:

- Это измена! Твое преступление доказано! Ты украл и утаил устройство, жизненно важное для безопасности США!

- А разве Конгресс уже принял закон, запрещающий использование кокона? Или, может, я просто не в курсе дел, такой указ издал сам Президент? Извините, приятель, но в бумагах, которые я подписывал перед отлетом, ни слова не было сказано о безопасности. Напротив. Мы намеревались опубликовать результаты научных работ.

Маркус замер, затем, отступив на шаг, ровным голосом произнес:

- У меня есть дела поважней, чем пререкаться с адвокатом-самоучкой. Считай, что ты арестован. Погоди, мы тебя выкурим.

- Будет весьма любопытно узнать, каким образом? - спросил Коскинен, и не дожидаясь ответа вернулся к Вивьен. Фигуры за пределами барьера заметались взад-вперед, и вскоре трое агентов уже тащили лазерные ружья.

- Значит, до этого они тоже додумались, - сказала Вивьен, но в голосе ее не было страха.

- Если честно, я в этом даже не сомневался. Не настолько они глупы. - Коскинен и Вивьен спустились в укрытие и уселись на деревянной скамье.

Солнечный свет, проникая в щели крыши, играл в ее иссиня-черных волосах. Питер смотрел на Вивьен и чувствовал, как бешено колотится сердце.

Агенты открыли огонь. Вивьен не шевельнулась, только сильнее сжала руку Коскинена. Но лучи, запросто расплавившие любую броню, оказались бессильны против бетонных плит и земляного вала толщиной в несколько метров.

Через некоторое время из миникома вновь раздался голос Маркуса:

- Питер, я хочу поговорить с тобой.

- С удовольствием, - ответил Коскинен, - но при условии, что вы уберете подальше свои тепловые пушки.

- Хорошо, - раздраженно согласился Маркус.

- Девушка останется в укрытии - на случай, если вы решите меня обмануть- предупредил Коскинен. -Учтите, она куда более несговорчивый соперник, чем я. - И не долго думая, он вылез из укрытия.

Шеф Военной Контрразведки и всей Службы Безопасности пребывал в явном замешательстве. Пригладив растрепавшиеся с проседью волосы, он спросил:

- Чего ты добиваешься, Коскинен?

- Для начала, освобождения друзей!

- На свободе им будет грозить опасность. Особенно рядом с тобой.

- Прекратите врать! Чтобы оградить их от китайцев, хватит обычного наряда полиции. Но вы держите их у себя, и могу представить, как им досталось от ваших ублюдков. И еще одно, Маркус. Когда мои друзья окажутся на свободе, у вас не должно быть повода арестовать их вновь. Иначе говоря, все материалы, касающиеся кокона, включая производственные детали, должны быть опубликованы.

- Что?! - Маркус аж побелел от злости. Среди агентов прокатилось шевеление, но шеф остановил их взмахом руки, давая понять, что все нормально. Потом он внимательно посмотрел на Коскинена.

- Ты действительно сумасшедший, - процедил он сквозь зубы. - Ты понятия не имеешь, к чему это приведет.

- В таком случае, просветите меня на этот счет.

- Да что тут говорить! Любой преступник окажется недосягаем для полиции!

- Зато каждый честный гражданин станет недосягаем для преступников, разве не так? Давайте выдвигать на первый план именно этот тезис, а уж от него пойдем дальше. Стоит лишь сконструировать компактные переносные генераторы поля, и, уверяю вас, преступления против личности практически сведутся к нулю. Конечно, они будут совершаться, преступников труднее взять под стражу, но общество выиграет больше, чем потеряет.

- Может и так, юноша, но я скажу тебе, чем все это кончится. - Маркус выпятил нижнюю челюсть. - Войной. Ты хочешь, чтобы вновь началась атомная война?

- Протекторат будет более не нужен...

- Твое устройство может противостоять атомной бомбе?

- Нет. Оно не выдержит прямого попадания или взрыва в непосредственной близости. Но более мощный кокон выдержит и это. Если каждый город будет иметь свой генератор, который включится автоматически, как только сработает система оповещения о взлете ракет, то... Единственная опасность - взрыв бомбы внутри кокона, но эта проблема уже не в вашей компетенции.

- На Земле миллиард китайцев, Коскинен. Миллиард - ты можешь себе представить? Мы, ты и я живы только потому, что способны уничтожить их раньше, чем они успеют что-либо предпринять против нас. И если они вдруг узнают, что наше оружие бесполезно...

- В таком случае вы просто включите собственный экран. Не бойтесь, Маркус, вам не придется увидеть китайские полчища, марширующие зимним утром по льду Берингова пролива. Один огромный экран, который укроет всю страну - от побережья до побережья... Вы не сделаете ни единого выстрела, а китайцы уйдут обратно. - Коскинен обратил внимание, как изменилось лицо Маркуса.

Может, его проняло? Питер удвоил усилия.

- Поймите, - воодушевленно продолжал он, - вы упускаете из виду главный момент - война не только становится бессмысленной, ее попросту невозможно станет развязать. Чтобы развязать войну в этих условиях, вам потребуется твердолобое правительство и тупое единомыслие всего населения. Как вы думаете, долго ли удержится у власти твердолобое правительство, если каждый житель посоветует ему принять холодный душ? Можете не беспокоиться о диктатуре Ванга. Уверяю вас, ровно через шесть месяцев Ванг сам спрячется под защитным колпаком, а тысячи зрителей будут с интересом за ним наблюдать, ожидая, когда он, мучимый голодом и жаждой, выползет наружу.

Маркус чуть наклонился вперед:

- А ты понимаешь, что то же самое произойдет и у нас? - шепотом спросил он.

- Конечно, - радостно ответил Коскинен. - И много раньше.

- Значит, ты хочешь, чтобы воцарилась анархия?

- Нет. Только свобода. Я хочу ограничить власть правительства и дать возможность любому человеку протестовать против любого нарушения его гражданских и человеческих прав. Не этот ли принцип всегда провозглашался как идеал, к которому должна стремиться Америка? Вы помните, Маркус, слова Джефферсона: "Древо свободы должно время от времени орошаться

кровью патриотов и тиранов". Помните? Отчасти я с ним согласен, но считаю достаточным, чтобы проливалась только кровь тиранов, - продекламировал Коскинен с немалым пафосом. - Я понимаю, вы боитесь признать свою работу бессмыслицей. Работу, в которую вы верите. Но у вас и без нее предвидится гора дел - ведь мы должны помочь восстановлению нового мира. Это лучше, чем поддерживать постоянную ненависть. Давайте станем друзьями, неужели это так трудно?

Обдумывая слова Коскинена, Маркус застыл в неподвижности. Ветер легко шевелил волосы предводителя ВК, и Коскинену очень захотелось, чтобы ветер "перемен" коснулся и мыслей. Незримая борьба в душе Маркуса продолжалась долго, но наконец он поднял на Коскинена глаза и произнес резким скрипучим голосом:

- Пит, ты зашел слишком далеко. Если вы оба немедленно не сдадитесь, вас ожидают неприятности.

Это был полный крах. Проглотив обиду и злость, Коскинен рывком отключил связь и вернулся к Вивьен.

- Ничего не вышло? - спросила она.

Коскинен устало покачал головой. По телу разлилась слабость.

- Поешь немного, - предложила она. - Конечно, это совсем не тот ужин, который я тебе предлагала. Но в другой раз ты не откажешься?

- Нет, никогда, ни за что не откажусь...

- Ты так говоришь, словно боишься, что... ничего не будет...

- Нет, Ви, просто я очень устал. Честное слово, я надеюсь, что ты еще накормишь меня ужином. Ведь накормишь?

- Поспи, если хочешь, Пит, - сказала Вивьен, когда он вяло перекусил.

Питер устроился на жестком лежаке, положив голову ей на колени, и уснул прежде, чем успел закрыть глаза.

20

Проснулся он от того, что Вивьен настойчиво теребила его за плечо.

- Ух, - только и сказал Питер, пробираясь в сознание сквозь многоэтажность сна. - Ты, наверное, тоже хочешь отдохнуть, а? - Он протер веки костяшками пальцев: в глаза, казалось кто-то

насыпал песок. - О, черт! Извини, Ви. Я должен был уложить тебя спать первой.

- Ерунда, - ответила она. Коскинен почувствовал, что Вивьен чем-то встревожена. - Они там что-то делают.

Коскинен высунулся из укрытия. Прожектора, установленные на высоченных подставках, разгоняли тьму ночи. Два передвижных крана на автоплатформах, как динозавры, склонили длинные шеи над коконом. Травянистый газон перед домом был исполосован следами шин. Вокруг кранов толпились рабочие в комбинезонах.

- Четверть пятого, - отметил Коскинен, посмотрев на часы. - Ну-ну, ребята, работайте.

- Но чего они добиваются?

- Мы сейчас весим слишком много, так просто нас с места не сдвинешь. Они решили приподнять нас с помощью кранов, а потом, наверное, погрузить в стратоплан. Не знаю.

- Но Пит... - Вивьен прижалась к нему, и Коскинен обнял ее за плечи. Через минуту он почувствовал, как страх покидает девушку. - Тебе не страшно?

- Нет! - рассмеялся он.

Стрелы кранов нависли над их головами. Бригадир дал отмашку, стрелы начали медленно подниматься, и цепи, оплетавшие кокон со всех сторон, натянулись.

- О'кей, - кивнул Коскинен. - Пора освободиться. - Он нагнулся к генератору и тронул регулятор ширины поля. Кокон раздвинулся на фут, и цепи, превратившись в мелкие обрывки, разлетелись по всему двору. Стрелы кранов качнулись и замерли. Коскинен тут же вернул поле на прежний уровень.

- Ничего не стоит опрокинуть эти чудовища, если расширить поле, - сказал он. - Но тогда пострадают водители.

- Ты удивительный человек, - прошептала Вивьен.

За пределами кокона вновь началась суетливая беготня. Автокраны быстро ретировались и растворились за краем освещенного круга. Из темноты вновь выступил Маркус. Он шел один, без агентов.

- Коскинен, - раздался его голос из миникома.

- Да? - откликнулся Коскинен, но не двинулся с места. Он не хотел видеть этого человека.

- Интересный трюк, надо отметить. Значит, мы стоим на своем и продолжаем сопротивляться?

- Да.

- Ты не оставляешь мне выбора, - вздохнул Маркус.

Коскинен молчал, прислушиваясь к неистовому биению сердца.

- Меня воротит от одной мысли... - продолжал Маркус. - Но если ты не выключишь экран и не выйдешь, я взорву атомную бомбу.

Коскинен слышал, как охнула Вивьен. Ее ногти впились ему в запястье.

- Вы не посмеете, - сухо ответил Коскинен. - У вас нет санкции Президента. Я знаю точно, принятие данного решения вне вашей компетенции.

- А откуда тебе знать, что у меня нет санкции, а?

Коскинен облизнул пересохшие губы.

- Если вы с такой легкостью получаете у Президента разрешение взрывать атомные бомбы, с еще большей легкостью вы можете привезти его сюда, чтобы он лично подтвердил ваши полномочия. В противном случае я буду считать, что таких полномочий у вас нет. Если он скажет мне: "Выходи", - я не задумаюсь ни на секунду.

- Ты выйдешь потому, что так приказываю тебе я...

- Иными словами ваши действия с Президентом не согласованы. Более того, вы знаете, что никогда не получите у него такой санкции и таких полномочий. Итак, кто из нас двоих нарушает закон?

- Служба Безопасности имеет полное право применить ядерное оружие, находящееся у нее на вооружении, по своему усмотрению в экстремальных ситуациях, угрожающих национальной безопасности.

- Это мы-то угрожаем национальной безопасности?! Мы, двое?!

Маркус молча и внимательно следил за стрелкой часов.

- Половина пятого, - сообщил он. - Даю вам время на размышление до семи часов. - Он развернулся и торопливо скрылся в темноте.

- Пит, - Коскинен почувствовал, что Вивьен снова дрожит. - Ведь он блефует? Ведь он не может?.. Это опять вранье.

- Боюсь, он может.

- Но как он потом все это объяснит?

- Придумает что-нибудь. Ведь свидетелей, как ты понимаешь, просто не останется. А охрана сложит за него головы, за него, а отнюдь не за Конституцию. Каждый, кто готовится на роль диктатора, заранее подбирает окружение из готовых на все

головорезов. Они поддержат любое его начинание. Если он прикажет, они и на родную мать бомбу сбросят.

- Но тогда он лишится генератора!

- Лучше потерять генератор, чем власть. Кроме того, он наверняка рассчитывает, что у его карманных ученых уже есть зацепки, которые помогут им создать собственный кокон.

- Пит! Но ведь никакого секрета не существует! Уж об этом-то мы с тобой позаботились. Почему ты ему не сказал?

- Потому что боялся, и боюсь сейчас, что тогда он взорвет бомбу сразу. Ведь мы, сидя в коконе, являемся единственным наглядным доказательством того, что он просто лжец и изменник. Никто не соберет кокон за одну ночь, ты же понимаешь. Даже если делать опытный образец по чертежам, и то понадобится несколько дней. Если эта банда быстро возьмется за ум, у них есть шанс выследить людей, с которыми мы контактировали, и объявить их заговорщиками против Протектората. Но для этого потребуется поддержка остальных членов правительства. Чего Маркус никогда не получит, и он отлично это знает.

- Понимаю, - сказала Вивьен и выключила лампу. - Нам остается только ждать.

- Может быть, твой бразильский друг, которому ты звонила, успеет что-нибудь предпринять...

- Может быть. Ему придется преодолеть массу бюрократических препон, но, я думаю, он справится. Бразильское правительство занесло его в списки "неблагонадежных", потому что он был знаком с Джонни. Но он знает уловки, он ведь журналист...

- А как насчет сенатора? Того, которому ты все рассказала сегодня днем? Говоришь, он свободомыслящий человек?

- Хохенридер? Да, только я показывала чертежи не ему лично, а секретарю. Этот хлющ меня почти не слушал и наверняка сразу стер запись разговора. В офис Хохенридера, должно быть, поступает много дурацких звонков.

- И все же мы должны рассчитывать на всех, кому звонили. Если информация прошла, мы можем ожидать подмоги с минуты на минуту.

- Пит, я в состоянии взглянуть смерти в лицо. До семи часов никто ничего не успеет сделать. Конечно, к полуночи Маркус может оказаться уже в тюрьме, но только мы с тобой об этом не узнаем...

- А я надеюсь, что узнаем, - настойчиво спорил он. - Мы сейчас в гораздо лучшем положении, чем, скажем, в "Зодиаке"

Кроме того, мы не будем мучиться. Атомный взрыв - это мгновенная смерть.

- Знаю. Но именно это меня больше всего и печалит. Всего за миллисекунду жизнь превратится в мертвую материю.

- Хочешь выйти к ним? - спросил Коскинен. - Я могу выключить поле на пару секунд, и ты выскочишь.

- Ты с ума сошел!! - Ее негодующий крик как будто вернул их обоих к жизни. Неуверенно рассмеявшись, Вивьен потянулась за сигаретой.

- Ты же видишь, Ви, я люблю тебя, - сказал Коскинен.

- И мне... кажется, что я тоже люблю тебя, - ответила она.

И тогда он взял ее ладони в свои и начал говорить о том, как они будут жить, когда выйдут отсюда...

Первые лучи солнца позолотили небо. Питер и Вивьен осторожно выбрались из укрытия, постоянно оглядываясь, чтобы не напороться на снайперов с лазерными ружьями. Они увидели охранников, которые прятались в тени деревьев, а рядом с барьером - отвратительный серый цилиндр, установленный на грузовом автоприцепе.

- Солнце, - проговорил Коскинен. - Деревья, цветы, река, а главное - ты. Я рад, что вернулся на Землю.

Она не ответила. А он не мог оторвать взгляд от циферблата часов. Стрелки показывали шесть часов сорок семь минут.

Что-то произошло - Коскинен заметил, как в стене дома появилась ровная строчка отверстий. Аэрокар ВК, который висел над землей на страже, вдруг рванул прочь. Вслед ему вынеслась огненная стрела ракеты, и машина, завалившись на бок, рухнула за деревьями. Взрыва они не услышали, но пламя, поднявшееся огромным столбом, доставило обоим удовольствие.

- Это ВВС! - выкрикнул Коскинен, вглядываясь в узкий силуэт в небе. - Вон опознавательный знак, смотри! Это ВВС!

Какой-то солдат бежал к ним через цветочные клумбы. Агент ВК, припав на одно колено, выпустил в него из автомата длинную очередь, но солдат успел упасть на землю - прямо в грязь, и тут же в агента полетела граната. Коскинен, забыв. что их защищает кокон, повалил Вивьен и закрыл ее своим телом. Но ни звука не проникло сквозь барьер. Коскинен поднял голову. Что-то явно происходило вокруг, но людей видно не было.

Нет, вон кто-то пробирается через густые заросли... Маркус! Лицо грозного шефа контрразведки напоминало маску-карика-

туру, кровь стекала по подбородку. Он подбежал к цилиндру бомбы и принялся что-то крутить в основании... Сердце у Коскинена замерло. Но в этот момент из кустов выскочил солдат. Автомат затрясся в его руках, и Маркус, корчась, повалился на живот. Солдат перевернул тело на спину, покачал головой в каске и озадаченно огляделся. Мертвые глаза Маркуса смотрели на восход солнца.

Коскинен встал и поднял Вивьен на ноги. Он крепко прижимал к себе девушку, не понимая, почему она плачет.

Взвод солдат рассредоточился вокруг кокона. На молодых лицах читалось удивление.

Седой военный в сопровождении трех офицеров и двух человек в гражданском обошел вокруг дома. На его погонах сверкали четыре звезды.

Он остановился и недоуменно уставился на странную пару.

- Коскинен? - спросил он, воспользовавшись миникомом.

- Да? - Коскинен включил свой передатчик. - Это я.

- Я генерал Грахович. Армия Соединенных Штатов... - Он бросил презрительный взгляд на труп Маркуса. - Отряд специального назначения. Мы прибыли сюда по приказу Президента, чтобы изучить обстановку, но стоило нам приземлиться, как эти птенчики открыли огонь. Какого черта! Что здесь происходит?

- Я все объясню, - произнес Коскинен. - Одну минуту, будьте любезны. - Он осторожно отстранил от себя Вивьен, нырнул в убежище и отключил генератор поля.

Когда он вышел, в лицо ему ударил душистый ветер только что начавшегося дня.

21

Им удалось побыть наедине лишь несколько минут, и то - только благодаря любезности генерала Граховича.

Когда Коскинен вошел, Вивьен стояла возле окна, глядя вдаль на луг, реку и убегающие вдаль холмы.

- Ви, - позвал он.

Она не обернулась. Он подошел сзади, осторожно обнял за плечи и тихо произнес в ухо, губами коснувшись черных волос, которые пахли летом:

- Все кончилось. Все кончилось, кроме приветственных воплей.

Вивьен не пошевелилась.

- Конечно же, шум еще не скоро уляжется. Мне сообщили, что половина правительственных чиновников, которые слышали новости, хочет меня повесить за то, что я раскрыл всему миру секрет кокона. Но другая половина считает, что у меня не было иного выбора. К тому же, я не нарушил ни одного закона, поэтому лучше признать Fait accompli[1] и объявить нас героями. Не могу сказать, что мне все это нравится, но придется потерпеть.

- Ну что ж, значит, теперь все хорошо, - вяло проговорила Вивьен.

Он поцеловал ее в щеку.

- А когда...

- О, да, - кивнула она, - тебя ждет удивительное время.

- Почему ты говоришь "тебя"? Я считаю - нас обоих. - Он вдруг почувствовал, как немеют руки. - Послушай, Ви, с нас сняты все обвинения, и тебе ничего не будет. Генерал Грахович дал мне слово. Он сказал, что ты вела себя просто геройски, а за это положена награда...

- Очень мило с твоей стороны, что ты не забыл обо мне в такой суете, - сказала она. Потом повернулась и встретила его взгляд. - Если честно, так я ничуть не удивлена. Ведь ты у нас замечательный парень.

- Что за чушь! - взорвался он. - Разве не должен я заботиться о собственной жене?! - Коскинен замолчал и тут с ужасом заметил, что она не плачет только потому, что уже выплакалась досуха.

- Я потеряю тебя, Пит, как и все остальное, - сказала Вивьен.

- О чем ты говоришь?!

- Неужели ты думаешь, что я соглашусь соединить наши жизни? Что я соглашусь привязать к себе такого человека, как ты? Неужели ты так подумал? Нет, Питер, я никогда не позволю себе зайти так далеко.

- Что значит "зайти так далеко"? Разве ты не хочешь быть со мной? Сегодня утром, перед рассветом...

- Тогда все выглядело иначе, - сказала она. - Я не верила, что мы останемся живы. Так почему было не дать друг другу то немногое, что оставалось? Но сейчас, когда впереди вся жизнь?.. Нет. Это будет неправильно.

- Значит, меня можно в расчет не принимать?

---

1 Fait accompli - свершившийся факт *(франц.)*

- О, Пит, Пит, - она осторожно обняла его. - Разве ты не понимаешь? Все вокруг изменилось, жизнь пошла по иному руслу. После того, что я пережила, после того, что было со мной...

- Неужели ты думаешь, что это имеет для меня значение?

- Но привычки не уходят, стоит только захотеть. Ах, ты слишком молод, чтобы понять. Но чуть позже ты поймешь, что права именно я. Через несколько лет, когда ты узнаешь других людей, других женщин, а не только меня. Например, Лию Абрамс... Ты поймешь... Нет, я не в силах бороться с собой. Давай распрощаемся и не будем держать друг на друга обид.

- Но что ты станешь делать? - спросил он, погружаясь в состояние тупости и апатии, видя только последствия ее слов, но не представляя другого выхода, разве что заставить ее силой...

- Я найду свое место в жизни. Я и прежде всегда находила себе место. Я исчезну. Я очень хорошо знаю, как затеряться среди людей... А потом выплыву - с новым именем и с новым лицом. Вспомни, милый, как недолго мы знакомы. Через полгода ты с трудом вспомнишь, как я выгляжу. Я знаю. В свое время мне пришлось узнать слишком многое.

Она поцеловала его - резко, быстро, словно испуганно.

- Ты первый, кто мне понравился после Джонни.

... Коскинен смотрел, как она идет к берегу реки, где их ждали армейские аэрокары.

Вивьен шла, высоко держа голову.

Пол АНДЕРСОН *Гордон Р. ДИКСОН*

ШЕРИФ КАНЬОНА ГАЛЧ

Он еще счастливо отделался... Несколько минут Александр Джонс наслаждался сознанием того, что жив.

Потом он огляделся вокруг.

Местность могла быть Землей, и даже родимой Северной Америкой. Он стоял посреди обширной прерии, от горизонта до горизонта под высоким ветреным небом тянулись ее тускловатые травы. Над головой шумела стая перепуганных птиц (да уж, такая посадка кого хочешь напугает); на вид они почти не отличались от земных. Полоса деревьев вдали обозначала реку, над ними столбом поднимался пар - там было место последнего купания его разведывательной шлюпки.

Сквозь дымку на востоке виднелись голубоватые холмы, за которыми, как он знал, расположены горы, а еще дальше - темные, дремучие леса, и наконец, - море, на берегу которого лежит "Дракон"... И это очень, просто-таки чертовски далеко.

Но главное - он жив, невредим, а планета - двойник Земли. Состав атмосферы, тяготение, биохимия, клонящееся к закату солнце - все это можно было отличить от земного только очень точными приборами. Период обращения - 24 часа, сидерический год - 12 месяцев, наклон оси вращения - одиннадцать с половиной градусов. А то, что в небе две луны, а третья прячется где-то с другой стороны планеты, то, что очертания материков совсем иные, чем на Земле, то, что на камне греется змея, сложив прозрачные крылья, то, что он находится, чтоб не соврать, от Солнца в пятистах световых годах - это всего лишь незначительные детали. Пу-стя-ки.

Он засмеялся.

В окружающем безлюдье смех прозвучал так громко, что Алекс подумал, что торжественная тишина куда более соответ-

ствует его званию офицера и даже, согласно Акту Парламента, ратифицированному недавно Сенатом США, джентльмена. Поэтому он решил действовать соответственно - расправил свою темно-голубую флотскую форму, четким движением разгладил складку на флотских штанах, обтер сверкающие ботинки о флотский же парашют и потянулся за Аварийным Ранцем.

Небрежно откинув со лба темные волосы, Алекс скинул ранец с плеч и усмехнулся. Задерживаться здесь он не собирался.

Тяжелый ранец был единственной вещью, которую он успел захватить при аварии шлюпки, но он же был и единственно необходимым. Руки у него подрагивали, когда он расстегивал замки, спеша найти небольшой, но мощный передатчик.

Вместо передатчика он вытащил книгу.

Книга была незнакомой, но, может, пока он сидел в учебном лагере, в штабе выпустили новый свод инструкций?

Он открыл книгу, рассчитывая, что там будет раздел "Радио. Особое положение. Применение", и прочел первую попавшуюся страницу: "...счастливое и, казалось бы, совершенно невероятное историческое развитие, было, тем не менее, абсолютно логичным. Относительный спад политико-экономического влияния Северного полушария в конце двадцатого века, смещение центра цивилизации в Юго-Восточную Азию и бассейн Индийского Океана - регион с более богатым природным потенциалом, все это, вопреки предсказаниям пессимистов, отнюдь не привело к падению западной культуры.

Скорее наоборот, авторитет англосаксонской демократии и либерализма только укрепился, благодаря тому, что Азиатский регион, державший в своих руках бразды правления Землей, в свою очередь управлялся преимущественно Австралией и Новой Зеландией, которые сохранили верность Британской короне. Последующее возрождение Британского Содружества наций, распространение его по всему миру, создание Интерпланетного Правительства, усиленного вступлением в эту структуру Америки, - все это естественным образом привело к упрочению западной цивилизации и проникновению ее во все детали повседневной жизни. И это было характерной чертой того времени...

Тенденция еще более усиливалась благодаря неожиданно раннему изобретению сверхсветовых космических кораблей и установлению контактов с разумными существами иных миров.

Все это вместе взятое привело к созданию в Солнечной Системе современной социальной формации, которую наши предки считали безнадежно утопической, но которую Служба, дей-

ствуя совместно с Лигой Миров, стремится распространить среди всех разумных рас..."

- Грх... - только и смог сказать Алекс.

Он захлопнул книгу и лишь теперь заметил название:

РУКОВОДСТВО ДЛЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Составлено Адалбертом Парром - главой

контрольной службы комитета культурного развития

Министерства иностранных дел

Объединенного содружества наций

Столица Лиги, Новая Зеландия, Сол Ш.

- Не может быть! - воскликнул Алекс.

Он принялся яростно рыться в ранце - там должен лежать передатчик... компас... лучевой пистолет... запас пищи... Но нашел он только пять тысяч бланков формы ЦДС Дж-16-ЛКР, предназначенные для раздачи просителям, а также бланки Ж-776802 и В-2-ЗГУ.

Глаза у Алекса вылезли на лоб, челюсть отвисла, и он долго стоял, как громом пораженный, думая только об одном - как убог и бесполезен английский язык, и просто невозможно на нем выразить чувства, которые ты вдруг начинаешь испытывать к штабным крысам.

- Дьявол! Дьявол! Дьявол! - сказал, наконец, Александр Джонс.

После этого он встал и пошел на восток.

Он проснулся на рассвете и некоторое время лежал, не желая окончательно открывать глаза. Долгое путешествие на пустой желудок, бесплодные попытки уснуть на голой земле, плюс перспектива пути в несколько тысяч километров - все это не способствовало радостному настроению. И звери, которые всю ночь бродили вокруг, кажется, тоже были голодными.

- Смотри, человек.

- Угу. Только одет не по-человечески.

Алекс изумился. Голоса говорили... на английском с тягучим техасским акцентом.

- Не может быть! - всхлипнул он и зажмурился.

- Текс, он проснулся.

Голос был высокий, тонкий, какой-то нереальный. Алекс свернулся в клубок, чувствуя, что вот-вот сойдет с ума...

- Эй! Вставай-ка, приятель. В это время вредно лежать на сырой земле.

- Нет... - пробормотал Алекс. - Скажите мне, что я сплю. Скажите, что я сошел с ума.

- Ну, нет, - опять произнес тот же голос, но уже не так уверенно. - Смотри-ка, а говорит-то он тоже не по-человечески...

В конце концов Алекс решил, что отказывать голосам в праве на существование было бы нелепо. Их обладатели вроде бы никак ему не угрожали, если, конечно, не считать угрозы рассудку...

Он поднялся на ноги и вытаращил глаза.

Алекс помнил, что первая экспедиция на планету сообщала о наличии на ней двух разумных рас - хокасов и слисси. Судя по всему, перед ним стояли хокасы. Непривычному земному глазу они казались почти одинаковыми: ростом примерно метр, с золотистой шерсткой, круглыми головами, тупоносыми мордами и хитрыми черными глазками. Если бы не руки с короткими пальцами, они больше всего походили бы на огромных плюшевых медвежат. И между прочим, первая экспедиция ничего не сообщала ни об их английском с техасским выговором, ни об одежде в стиле Дикого Запада конца XIX века.

После первого взгляда на их одежду Алекс вспомнил все американские исторические стереофильмы сразу. На хокасах были десятигаллоновые шляпы с полями шире плеч, потрясающие красные шейные платки, кричащие клетчатые куртки, штаны с бахромой и высокие сапоги со шпорами; на сдвоенных поясах-патронташах, обернутых вокруг пышных талий, болтались, свисая чуть не до земли, кобуры с тяжелыми шестизарядными кольтами.

Один туземец стоял с землянином, другой сидел на своем скажем так - животном. Животные были ростом с пони, на четырех ногах с копытами, с хлыстообразным хвостом, клювастой головой на длинной шее и чешуйчатой зеленой шкурой. Ну да, подумал Алекс, вон еще и лассо на луке седла. Разве бывает ковбой без лассо?

- О, я вижу, ты проснулся, - подал голос стоящий хокас. - Привет, незнакомец. - Он протянул руку. - Я - Текс, а это - мой добрый друг Монти.

- Рад встрече, - пробормотал Алекс. Он, как во сне, пожал хокасам руки. - Меня зовут Александр Джонс.

- Не понял, - с сомнением произнес Монти и, обращаясь к Тексу, добавил: - Зовут его тоже не по-человечески.

- Ты человек, а, Александрджонс? - спросил Текс.

Внимательно оглядев себя, космонавт ответил, тщательно выговаривая слова:

- Я - младший лейтенант Александр Джонс из Исследовательской Межзвездной Службы Земли, приписан к экипажу корабля Ее Величества "Дракон". - Хокасы смотрели недоуменно, и он устало добавил: - Короче говоря, я с Земли. Я - человек. Вы удовлетворены?

- Наверно, - произнес Монти, но видно было, что он все еще преисполнен сомнений. - Пойдем-ка в город, Александрджонс, там с тобой поговорит Слик. Он больше нашего понимает в таких делах. Грешно упустить шансы в наше тяжелое время.

- А почему нет? - спросил Текс с неожиданной горечью. - Что мы теряем? Впрочем, пошли, Александрджонс, мы доставим тебя в город. Мне совсем неохота, чтобы нас тут застукал отряд индейцев.

- Индейцев? - переспросил Алекс.

- Ага. Их целая армия и они идут сюда. Мой пони понесет двоих, нам надо поскорее убираться.

Алексу не особенно понравилась езда на нервной рептилии в седле, приспособленном для хокаса. Впрочем, зад у хокаса оказался довольно широким, и седло пришлось землянину почти впору. "Пони" двигался на удивление быстрой и ровной рысью. Похоже, что рептилии на Токе - так первая экспедиция назвала планету (от слова "земля" в языке наиболее развитой расы, то есть хокасов) - куда как дальше продвинулись по пути эволюции, чем их собратья в Солнечной системе. Развитое четырехкамерное сердце и разветвленная нервная система делала их почти равными млекопитающим.

Если бы эта тварь еще не воняла!

Алекс оглянулся. Прерия была все такой же пустой и огромной, и до корабля было все так же далеко.

- Меня, конечно, это не касается, - сказал Текс, - но скажи, приятель, откуда ты тут взялся?

- Долгая история, - ответил Алекс рассеянно. В данный момент все его мысли были заняты исключительно едой. - Так получилось, - сказал он нехотя. - "Дракон" наносил на карту новые планетные системы, и наш курс пролегал рядом с вашим солнцем. Мы знали, что здесь уже побывала экспедиция, и решили немного отдохнуть в землеподобном мире. Я вылетел на маленькой шлюпке, чтобы осмотреть континент, но что-то сломалось в двигателе, и спасся я просто чудом. Шлюпка упала в реку, а я катапультировался. Вот теперь иду к своему кораблю.

- Неужто твои друзья тебя не спасут?

- Ну, они, конечно, будут меня искать, хотя не представляю, как они смогут найти обломки шлюпки на дне реки, ведь придется обыскать почти полматерика. Может, и стоило бы выцарапать каким-нибудь образом на траве SOS, но время... Ведь нужно еще что-то есть и пить... Я решил, что лучше идти. Между прочим сейчас я съел бы целого... бизона.

- Вряд ли в городе найдется мясо бизона, - невозмутимо ответил хокас. - Но парочку хороших бифштексов ты получишь.

- Ох, - вздохнул Алекс.

- Да уж, долго б ты не продержался, - вступил в разговор Монти. - У тебя даже пистолета нет.

Алекс в сердцах даже сплюнул.

- И не говори! - пробормотал он. - Я надеялся, что сумею сделать лук и стрелы.

- Лук и стрелы? - Монти подозрительно на него покосился. - Признавайся, что ты делал у индейцев?

- Да не был я... Да не видел я ни одного индейца, черт подери!

- Лук и стрелы - индейское оружие, незнакомец.

- Если бы так, - пробормотал Текс. - Мы и горя не знали, пока шестизарядные револьверы были только у нас. Теперь они есть у индейцев. Значит, нам крышка. - По его смешному лицу поползла слеза.

Если ковбои - плюшевые медвежата, подумал Алекс, то кто же тогда индейцы?

- Тебе просто повезло, что мы с Тексом проезжали мимо, - сказал Монти. - Мы хотели проверить, нет ли в прерии молодых бычков. Так вот, не осталось ни единого, всех перебили зеленокожие...

Зеленокожие! Алекс вспомнил отчет первой экспедиции: две разумные расы - млекопитающие хокасы и пресмыкающиеся слисси. Слисси, более свирепые и воинственные, медленно, но верно подминали под себя хокасов.

- Индейцы - это слисси?

- Ну да, кто ж еще, - ответил Монти.

- Такие большие, выше меня, при ходьбе наклоняются? У них хвосты и клыки и шкура зеленого цвета, и они свистят, когда разговаривают?

- Ну да, - Монти удивленно покачал головой. - Какой же ты человек, если не знаешь, как выглядит индеец? А если знаешь, то чего ради спрашиваешь?

Мерно покачиваясь в седлах, они приближались к галдящему и вопящему пыльному облаку. И только подъехав почти вплотную, Алекс рассмотрел, что это огромное стадо каких-то тварей.

- Длиннорогие бычки, - пояснил Монти.

В самом деле, у тварей прямо на морде красовался длиннющий рог. Алекс заметил, что эти бочкообразные, красношерстые и коротконогие "бычки" были млекопитающими. На боках у них мелькало тавро. Гнали стадо ковбои-хокасы.

- Тавро "два креста", - проговорил Текс. - Значит, Одинокий Всадник решил отогнать их подальше от индейцев. Боюсь, напрасный труд, все равно догонят.

- У него нет выхода, - ответил Монти. - Все ранчеро гонят сейчас скот. В долине, у Носа Дьявола, наверное не протолкнуться. Лично я не собираюсь оставаться в городе и сдерживать индейцев, и никто не останется, хоть Слик и Одинокий Всадник на это и рассчитывают.

- Эй, - сказал Алекс, - что-то я не пойму. Вы только что сказали, что Одинокий Всадник убегает, а теперь говорите, что он хочет защищать город. Как это понимать?

- Так ведь убегает-то Одинокий Всадник с клеймом "два креста", а остается Одинокий Всадник с клеймом "Т". Так же, как Одинокий Всадник Буффало, Настоящий Одинокий Всадник, Самый Одинокий Всадник и... Но готов побиться об заклад, что они тут же передумают, как только индейцы будут от них так же близко, как сейчас от нас.

Алекс стиснул голову руками, чтобы она не свалилась с плеч.

- Сколько же у вас Одиноких Всадников? - вскричал он.

- Откуда же мне знать... - Монти пожал плечами. - Я слыхал о десятерых. Между прочим, в английском языке меньше имен, чем было раньше у хокасов. Сейчас - жуть, что делается - вокруг целая сотня Монти, а когда я зову Текса, то меня всегда спрашивают - а которого?

Они миновали пылящее стадо и взобрались на невысокий холм. За ним лежал поселок - дюжина небольших фермерских домиков и единственная улица, вдоль которой стояли сооружения с фальшивыми фасадами. Поселок был забит хокасами - пешими, верховыми, в крытых повозках и фургонах. Алекс решил, что все они - беженцы от приближающейся индейской армии. На спуске с холма он разглядел перекошенную табличку:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В КАНЬОН ГАЛЧ
НАСЕЛЕНИЕ В БУДНИ 212
В СУББОТУ 1000

- Мы отведем тебя к Слику, - крикнул Монти, стараясь перекрыть общий шум. -Он знает, что делать.

Они медленно пробирались сквозь бурлящую, галдящую, толкающуюся толпу. Хокасы были очень эмоциональной расой - они отчаянно жестикулировали и орали во всю силу своих легких. Никто ими не руководил, и признаков того, что эвакуация происходила организованно, Алекс не заметил. Все спорили, обменивались сплетнями, время от времени стреляли в воздух. Вдоль сплошного ряда салунов стояли пони без седоков и пустые фургоны.

Алекс попытался припомнить подробности отчета первой экспедиции. Отчет был коротким, люди провели на Токе несколько месяцев. Но хокасы описывались как веселые, дружелюбные, поразительно способные к обучению существа и... они были обречены. Противостоять непрекращающимся нападениям слисси могли только обнесенные стенами города на морском берегу, находившиеся на стадии бронзового века. Медленно, но неуклонно рептилии истребляли разобщенные племена хокасов. Когда на него нападали, хокас сражался вполне пристойно, но стоило только врагу исчезнуть из виду, как из веселой и беспечной плюшевой головы исчезали всякие мысли об опасности. В большие отряды хокасы не объединялись никогда. Раса столь убежденных индивидуалистов просто была не в состоянии создать регулярную армию.

Это был симпатичный, но нескладный народ.

Благодаря своему росту, космическому мундиру и неспокойному, боевому человеческому духу, вознесшему людей к звездам, Алекс чувствовал некоторое самодовольное превосходство. Глядя на хокасов, он ощущал себя старшим братом.

Необходимо было что-то предпринять, причем срочно, чтобы помочь этим маленьким персонажам комической оперы. Кроме того, ситуация обещала Александру Джонсу повышение по службе: Земле нужны планеты с дружественным населением, а в первом отчете об индейцах - о слисси, черт бы их драл! - говорилось, что их сотрудничество с человечеством маловероятно.

...И как только лейтенант А.Джонс станет героем, сладко подумал лейтенант А.Джонс, мы с Танни немедленно...

И тут он обнаружил, что вместе с остальными обитателями города Каньон Галч на него уставился толстый пожилой хокас с большой железной звездой на груди.

- Привет, шериф! - сказал Текс и заржал.

- Привет, Текс, старина, - подобострастно ответил шериф.

- А, мой старый друг Монти... Привет, джентльмены! Э... Этот странный тип, он, что, человек?

- Ага. Только он говорит... Слушай, шериф, а где Слик?

- Который Слик?

- Слик! Ну, ты даешь, шериф!

Толстый хокас мигнул.

- А, ну так он, наверное, в задней комнате салуна "Парадиз", - сказал он и умоляюще добавил: - Ах, Текс, Монти, надеюсь, вы вспомните старого друга в день выборов?

- О чем речь, - искренне ответил Текс:- Ты уже достаточно побыл шерифом.

- О, парни, спасибо вам! Спасибо! Если бы у всех были такие добрые сердца, как у вас... - Толпа смела шерифа в сторону, и Алекс не услышал конца фразы.

- Какого дьявола он вас упрашивал? - воскликнул он.

- Голосовать против него на следующих выборах, - сказал Монти. - Неужели не ясно?

- Против? Но ведь шериф управляет городом...

Текс и Монти изумленно переглянулись.

- Теперь и я сомневаюсь, что ты человек, - заявил Текс. - Странно. Люди сами научили нас, что шериф - самый тупой человек в городе. Только мы решили, что нельзя быть шерифом всю жизнь. И поэтому устраиваем выборы каждый год.

- Бака уже три раза выбирали шерифом, - добавил Монти. - Он тупица что надо.

- А кто же тогда Слик? - ошеломленно воскликнул Алекс.

- Как кто? Конечно, городской шулер.

- Какое может быть у меня дело к городскому шулеру?

Текс и Монти снова переглянулись.

- Послушай, - сказал, наконец Монти с напряженным терпением. - Допустим, ты многого не знаешь, но не знать, кто управляет городом... Это уж чересчур.

- Ох, - сказал Алекс, - ну конечно, городской голова.

- По моему, ты спятил, - коротко ответил Монти. - Всем известно, что городом управляет городской шулер.

На хокасе, которого звали Слик, был соответствующий его чину костюм: узкие брюки, черная куртка, клетчатый жилет, белая манишка с высоким воротником и галстуком, булавка с бриллиантом, в одном кармане крупнокалиберный дерринджер,

в другом - колода карт. Выглядел Слик устало, похоже в последние дни он слишком мало спал. Тем не менее, он многословно и велеречиво приветствовал Алекса и провел его в свой кабинет, обставленный в стиле XIX века. Текс и Монти вошли следом и прикрыли дверь, отрезав шум галдящей толпы.

- Сейчас тебе принесут сэндвичи, - сказал Слик. Он предложил Алексу отвратительную на вид пурпурную сигару из листьев какого-то местного растения, раскурил такую же сам, сел за столбюро и спросил: - Так когда же мы можем рассчитывать на помощь твоих друзей?

- Боюсь, не скоро, - ответил Алекс. - Экипаж "Дракона" ничего не знает. Они потратят много времени на поиски. И если не найдут меня здесь, то даже не узнают, что у вас война с индейцами.

- Сколько они пробудут на Токе?

- Примерно месяц. Потом они сочтут меня мертвым и улетят.

- За это время мы могли бы добраться до побережья, но между нами и кораблем лежат земли индейцев. Проскочить не удастся. Похоже, единственный способ доставить тебя к твоим друзьям - это побить индейцев. Но мы не можем их побить без помощи твоих друзей.

- М-да. Мрачно.

Чтобы сменить тему разговора, Алекс стал задавать вопросы об истории хокасов. К его удивлению, Слик оказался весьма образованным типом.

Первая экспедиция посетила Току больше тридцати лет назад. В то время ее отчет почти не вызвал на Земле интереса: в безбрежной Галактике слишком много планет. И только теперь, направив крейсер "Дракон" в авангарде, Лига предприняла попытку освоить этот район Галактики.

Племя хокасов встретило первых землян с восторгом, и, если вдуматься, людям здорово повезло, что они высадились именно у селения хокасов, а не слисси. Аборигены обладали поразительными лингвистическими способностями; благодаря им, а также современной психографии (тут уж заслуга пришельцев) они выучили английский за несколько дней. Люди для них были почти божествами, и, подобно большинству примитивных племен, они были не прочь порезвиться со своими кумирами.

Роковой день наступил скоро. Установив внешний экран, люди показывали хокасам учебные фильмы, хотя плюшевые медвежата смотрели на движущиеся картинки скорее изумленно, чем

заинтересованно. Но однажды вечером, по настоянию командора Уэсли, им показали старый вестерн.

Вообще-то, нет ничего особенного в том, что у многих астронавтов во время долгих перелетов появляется какое-нибудь хобби. Так уж вышло, что увлечением командора Уэсли был американский Запад, и он, приклеив к носу розовые очки, таскал с собой гору романов и фильмов, об исторической достоверности которых можно даже не упоминать.

Хокасы посмотрели фильм и сошли с ума.

В конце концов командор решил, что такая исступленная экстатическая реакция объясняется тем, что хокасы наконец что-то поняли. Салонные комедии и межзвездные приключения ничего им не говорили; тут же им показали страну, почти не отличающуюся от их собственной - в прериях бродят такие же огромные стада животных, и с коварными врагами сражаются такие же герои-одиночки.

Уэсли пришло в голову, что эта раса вполне может кое-что перенять из материальной культуры Запада. Хокасы добывали жалкие средства к существованию из земли, которую им даже не приходило в голову распахать, передвигались пешком, а орудия труда изготавливали из бронзы и камня. Если им помочь, они могли бы достичь гораздо большего.

Корабельные техники без труда смастерили старинные пистолеты - кольты и дерринджеры. Но нужно было еще научить хокасов выплавлять железо и сталь, делать порох, ручные токарные станки и мельницы. И здесь опять помогли психография и природная восприимчивость. Играючи хокасы освоили и способ одомашнивания диких животных.

Еще до отлета экспедиции хокасы вовсю катались верхом на "пони" и пасли стада "длиннорогих"; они заключили союз с более развитыми племенами побережья и наладили обмен мяса на зерно и промышленные товары. И они с упоением принялись истреблять отряды слисси.

И напоследок - в знак дружбы - командор Уэсли подарил им свою коллекцию.

Ничего этого в официальном отчете, разумеется не было. Там упоминалось, что расе медвежьих продемонстрированы приемы металлургии и химии, а также преимущества некоторых экономических схем. Кроме того, выражалась надежда, что, получив такую помощь, хокасы сумеют подчинить себе слисси, так что, когда люди откроют регулярное общение с Токой, колонистам не будет угрожать никакая агрессия.

Алекс легко представил, что было потом.

Хокасы были охвачены энтузиазмом. Новый образ жизни оказался вполне подходящим, особенно в прериях, так почему бы им не перенять у людей все остальное? Ведь люди - почти божества! Техасский выговор, покрой одежды, манеры, отмена древней племенной организации - все это получилось абсолютно естественно. Революция протекала весело.

Но книги и журналы не могли разойтись далеко. Большинство новостей передавалось устно и неизбежно искажалось.

Прошло тридцать лет. Хокасы растут быстро: второе поколение, воспитанное в новых традициях, распространилось далеко на запад, гоня перед собой слисси.

Так продолжалось до тех пор, пока слисси не научились сами изготавливать огнестрельное оружие. Затем, обладая куда большим военным талантом, они объединились, создали мощную армию, и, в свою очередь, стали гнать хокасов. И они не собирались останавливаться, пока не захватят весь континент, включая побережье. Храбрость хокасов-одиночек ничего не стоила перед ордой слисси, подчинявшихся железной дисциплине.

Одна из индейских армий надвигалась на Каньон Галч. Она была уже близко, и ничто не могло ее остановить. Хокасы, бросая имущество, бежали с семьями с отдаленных ранчо. Но из-за своей обычной разболтанности большинство беженцев задерживалось в городе. Здесь они начинали обсуждать, нужно ли двигаться дальше, может, лучше переждать, а если уж ждать, то можно еще понемножку выпить...

- И вы даже не пытаетесь дать бой? - спросил Алекс.

- А что делать? - ответил Слик. - Половина не хочет связываться, у половины тех, кто готов воевать, есть свой собственный план действий, и если его не принять, они тут же разворачиваются и уходят. Остается не так уж много.

- Но ты же вождь, неужели ты не можешь придумать такой план, который удовлетворил бы всех?

- Нет, конечно. Зачем? Единственно правильный план - мой собственный.

- О, Господи!

Алекс свирепо впился зубами в сэндвич, который держал в руке. Пища восстановила силы, а "жидкий огонь", как хокасы называли виски, согрел внутренности и поднял настроение.

- По-моему, - проговорил он с набитым ртом, - главная ваша беда в том, что вы не умеете организовать сражение. Люди это умеют.

- Да, воюете вы здорово, - согласился Слик.

Его глаза-бусинки светились тем восхищением, которое Алекс заметил и в глазах других жителей городка. Алекс решил, что ему это нравится. Но и у полубога есть свои обязанности.

- Вам нужен предводитель, за которым беспрекословно последуют все хокасы, - сказал он. - Например, я.

- Ты?! - у Слика перехватило дыхание. - Ты?!

Алекс кивнул.

- Если не ошибаюсь, индейцы передвигаются пешком? Верно? Тогда я знаю, что нужно делать. Тут несколько тысяч хокасов, и все они вооружены. Индейцы не привыкли к молниеносным кавалерийским атакам, и мы на всем скаку разрежем их армию на мелкие кусочки.

- Чтоб мне стать длиннорогим, - пробормотал Слик. Текс и Монти смотрели на Алекса с благоговением.

Неожиданно Слик закувыркался по кабинету, сделав подряд несколько сальто.

- Ййехууу!! - завопил он. - Я - красавчик-свиное рыло, я родился с пистолетом в каждой руке и вскормлен молоком гремучей змеи! - Он снова продемонстрировал серию кувырков. - Мой отец - рысь, а мать - крокодил! Я бегу спиной вперед быстрее, чем другие вперед лицом! Я могу допрыгнуть до луны со связанными руками! А если какой тупица думает, что я вру, то я сейчас же нашпигую его свинцом!

- Какого черта... - разинул рот Алекс.

- Старый боевой клич людей, - объяснил Текс. На этот раз он, видимо, примирился с невежеством своего будущего вождя.

- Пошли, - рявкнул Слик, распахивая двери кабинета. И в ту же минуту их окружила взволнованная толпа. Набрав полные легкие воздуха, шулер пискляво закричал: - Седлайте лошадей, джентльмены! Заряжайте свои пугачи! С нами человек! Он поведет нас, и мы сметем индейцев!

Хокасы заорали так, что вокруг задрожали фальшивые фронтоны. Медвежата плясали, кувыркались, стреляли в воздух. Сам Алекс тряс Слика и кричал:

- Нет! Не так! Кретин! Идиот! Не сейчас! Нужна подготовка! Нужно выслать разведку! Составить план!

Но было поздно. Пылкие поклонники выволокли его на улицу В оглушительной какофонии Алекс не мог ничего разобрать,

он только старался сохранить равновесие, прикрыв глаза и смутно различая мельтешение плюшевых медвежьих мордашек. Кто-то сунул ему револьвер, и он прицепил его к поясу. Все было как во сне. Потом кто-то протянул ему лассо, и Алекс с трудом разобрал слова:

- Зааркань себе мустанга, землянин, и пошли!

- Зааркanить...

Сквозь туман в голове Алекс осознал, что стоит перед обширным загоном, в котором мечутся возбужденные шумом полудикие пони-рептилии.

- Давай! - кричали ему. - Чего ждешь!

Алекс посмотрел на стоявшего рядом ковбоя. Вроде бы бросить лассо не трудно - вот так держишь веревку, вращаешь петлю над головой и швыряешь вперед...

Он больно ударился о землю и сквозь поднявшуюся пыль увидел, что поймал в лассо самого себя.

Текс помог ему встать и отряхнуться.

- Дома... я редко езжу верхом, - пробормотал Алекс. Текс не ответил.

- Смотри, я поймал тебе коня! - прокричал другой хокас. Он натянул лассо. - Настоящий мустанг!

Алекс взглянул на мустанга, а тот - на него. Маленькие глазки рептилии злобно блестели. Алекс почему-то решил, что пони ему не нравится, и в будущем у них неизбежно возникнут личные конфликты. Впрочем, такое заключение могло быть слишком поспешным.

- Давай, поехали! - нетерпеливо крикнул Слик. Он восседал на отчаянно брыкающемся пони, но похоже, совершенно этого не замечал.

Алекс пожал плечами, подумал, за что же ему такое наказание, и, зажмурив глаза, подошел к своему мустангу. Несколько хокасов уже оседлали его. Алекс вскарабкался в седло, хокасы отпустили животное, и тут начался личный конфликт.

Алексу показалось, что он сидит на метеоре, который вздумал станцевать под ним твист. Он схватился за луку седла, но пони взметнул передние ноги, и Алекс потерял стремя. А потом совсем рядом с ним взорвалось что-то вроде атомной бомбы. И хотя земля была очень твердой, он встретил ее с превеликим облегчением и благодарностью.

- Х-ах! - выдохнул Алекс и остался лежать неподвижно.

Вокруг волнами покатилась тишина, хокасы были поражены.

Человек не умеет бросать лассо и теперь человек устанавливает рекорд на самое короткое время в седле...

Так какой же он человек?

Алекс сел и оглядел кольцо недоуменных мохнатых лиц.

- Я не всадник, - слабо улыбнулся он.

- Так кто же ты тогда? - взорвался вдруг Монти. - Черт тебя раздери! Ты не умеешь бросать лассо, не можешь сидеть верхом, не можешь правильно говорить, не можешь даже стрелять...

- Ну-ну, не очень-то - проговорил Алекс, поднимаясь. На ногах он держался нетвердо. - Это правда, я ко многому у вас не привык. У нас на Земле все по-другому. Но вот стреляю я... лучше всех людей, лучше любого хокаса, и я хоть кого из вас обставлю в любой день недели, а в воскресенье - дважды...

Лица у многих в толпе посветлели, но Монти только фыркнул:

- Неужто?

- Да, - гордо сказал Алекс. - И я могу это доказать.

Он огляделся в поисках подходящей мишени. О результате он не беспокоился, он действительно был одним из лучших стрелков во всем космическом флоте.

- Подбросьте монету. Я пробью ее прямо посередке.

Сам того не замечая, Алекс приноравливался к чудовищному жаргону хокасов и мало-помалу перенимал его.

После этих слов хокасы стали поглядывать на него с благоговейным страхом. Наверное, решил Алекс, сами они не слишком хорошие стрелки. Но вот, достав из кармана новенький серебряный доллар, Слик подбросил его вверх. Алекс моментально прицелился и нажал спуск.

К несчастью, в отличие от лучевых пистолетов, револьверы дают отдачу. Получив револьвером в лоб, Алекс опрокинулся на спину; а пуля разбила стекло в заведении "Последний шанс. Бар и Гриль."

Хокасы обидно захохотали. И надо признать, им было над чем веселиться.

- Эй, Бак! - чуть не плача от смеха, крикнул Слик. - Эй, шериф! Иди сюда!

- Да, сэр? Мистер Слик, сэр?

- Сдается мне, Бак, ты уже не шериф, а, Бак? Мы нашли другого. Давай сюда свой значок!

Когда Алекс поднялся на ноги, на груди у него блестела звезда. И конечно, никто уже не вспомнил о том, что он совсем недавно предлагал разбить индейцев.

Алекс сидел в салуне. По мере приближения индейцев, беженцев в городе становилось все меньше, но еще осталось порядочно тех, кто задержался пропустить рюмку-другую. И Алекс искал компанию.

Быть официальным шутом оказалось не так уж плохо. Хокасы вовсе не грубы с теми, кого обидели боги. Но - и тут Алекс ничего не мог поделать - престиж человека на этом континенте упал ниже нуля. Лиге это не понравится.

Вряд ли он сможет в ближайшем будущем связаться со Службой. Ему никак не добраться до "Дракона", ведь для этого нужно пройти через земли индейцев, тех самых, которые сейчас приближаются к Каньону Галч. А прежде чем на Токе появится новая экспедиция, пройдет немало лет. Он, младший лейтенант Александр Джонс, скорее всего останется на этой планете до конца жизни. Хотя, если подумать, это ничем не хуже того позора, который ждал бы его по возвращении. Мрачная перспектива, куда ни глянь.

- Привет, шериф! Позволь поставить тебе выпивку, - произнес за его спиной голос.

- Спасибо, - ответил Алекс.

У хокасов было прекрасное правило - входя в салун, угощать шерифа. Алекс уже основательно познакомился с этим обычаем, но настроение от этого не улучшилось.

Хокас оказался пожилым, беззубым и сморщенным.

- Меня зовут Крошка Кид, - представился он. - Я из Питомника. Привет, шериф, еще раз.

Словно во сне Алекс обменялся с ним рукопожатием.

Они протолкались к стойке. Из-за низкого потолка Алексу приходилось пригибать голову, а в остальном все было устроено в полном соответствии с классическими образцами, включая невысокие подмостки, на которых пели и приплясывали три полуодетые самки хокасов. Сбоку на раздолбанном пианино играл хокас в очках.

Крошка Кид плотоядно глянул на сцену.

- Знаю я этих девочек. - Он вздохнул. - Хороши кобылки, а? Как считаешь?

- Да... Верно... - согласился Алекс. У самок хокасов было по четыре груди. - Очень хороши.

- Зунами, Года и Ториги - так их зовут. Эх, будь я помоложе...

- А почему у них не английские имена?

- Для женщин мы сохранили старые имена, - объяснил Крошка Кид. Он поскреб свою плешивую голову. - Чертовски мерзко, когда сотня хокасов в округе зовется одинаково. Ну как, дьявол меня раздери, можно назвать свою женщину, если их всех, до единой, зовут Джейн?

- Ну, есть еще такое имя, как "Эй, ты", - угрюмо заметил Алекс. - А позвать можно "Да, дорогая".

У него начинала кружиться голова. Виски у хокасов было довольно крепким.

Рядом, споря с пьяной громкостью, стояли два ковбоя. Это были типичные хокасы, и Алекс не смог бы отличить их друг от друга.

- Этих я тоже знаю, - заявил Крошка Кид. - Они из моей старой компании. Вот этот - Слим, а второй - Шорти.

- Мммм, - промычал Алекс.

Занявшись стаканом, он прислушался к спору. Перепалка уже перешла в стадию оскорблений.

- Попридержи язык, Слим, - сказал Шорти, безуспешно пытаясь сощурить свои маленькие круглые глазки. - Я человек опасный.

- Это ты-то опасный?! - насмехался Слим.

- Говорю тебе, придержи язык и не шути с огнем, - пропищал Шорти.

- Тебя нужно посадить верхом на осла, - сказал Слим, - да еще задом наперед. И я как раз могу сделать это для тебя...

- А ну, повтори!

- Тебе нужно ездить на осле задом...

Последним, что успел заметить Алекс, была улыбка на морде Слима, а потом вдруг салун наполнился грохотом стрельбы. Сработал рефлекс - Алекс бросился на пол, и только это его спасло. Срикошетив с характерным визгом, пуля пролетела мимо его уха. Снова и снова гремели выстрелы, и Алексу оставалось только вжиматься в пол и молиться.

А затем наступила тишина. В воздухе клубился пороховой дым, хокасы выползали из-под столов и стойки и снова брались за недопитые стаканы. Алекс поискал глазами трупы, но увидел только, как Слим и Шорти прятали разряженные револьверы.

- Ладно, так уж и быть, - сказал Шорти. - За этот круг плачу я.

Он швырнул на стойку доллар.

- Спасибо, приятель, - ответил Слим. - В следующий раз моя очередь.

Алекс вытаращил глаза.

- И никто даже не ранен!? - Он истерически захохотал.

- Нет, конечно, - сказал Крошка Кид. - Слим и Шорти закадычные друзья. - Он развел руками. - Это просто забавный человеческий обычай. Хотя я, честно говоря, не вижу большого смысла в том, что люди чуть ли не каждый день палят друг в друга. Правда, если подумать, это делает их немного храбрее, а?

- Угу, - сказал Алекс.

Большинство разговоров в салуне было о нем. Некоторые утверждали, что он вовсе не человек, другие - что человечество выродилось с тех пор, как большую и лучшую его часть перестали составлять ковбои. Впрочем, несмотря на разочарование, хокасы относились к нему беззлобно и наперебой предлагали выпить.

Алекс принимал все приглашения подряд. Думать он ни о чем не мог.

Примерно через час, а может и через два или десять, в салун вошел Слик. Голос его выделялся в общем гуле.

- Разведчик принес донесение, джентльмены. Индейцы всего в пяти милях и движутся к нам. Если кто хочет унести ноги, нужно уходить.

Ковбои допили свои стаканы, разбили их о стены и возбужденной толпой выкатились из салуна.

- Нужно успокоить парней, - пробормотал Крошка Кид. - Или у нас будет бунт.

Сохраняя полнейшее спокойствие, он выстрелил в лампу.

- Идиот! - взревел Слик. - На улице ясный день!

Алекс бесцельно слонялся по салуну, пока шулер не поймал его за рукав.

- У нас не хватает рук, а нужно перегнать большое стадо. Раздобудь себе спокойного пони и помоги, чем сможешь.

Алекс кивнул. Приятно сознавать, что можешь быть хоть немного полезным. Вдруг на следующих выборах его прокатят?

Пошатываясь на заплетающихся ногах, он добрался до загона. Какой-то хокас подвел ему клячу - такую старую, что от ее норова давно уже ничего не осталось. Но стоило ему только взяться за поводья, как пони отошел в сторону.

- Иди сюда, - тихо проговорил Алекс. - Иди сюда, старая задница. Вот так, стой смирно. - Кто-то помог ему забраться в

седло. - Хокас, высокий, сильный, могучий хокас... - Марш вперед! - заорал Алекс.

- Ты пьян, как скунс, не будь я Поросенок Билл! - произнес кто-то рядом.

- Нет, - сказал Алекс. - Я трезв, как стекло. Вся ваша Тока пьет, ясно? И п'тму на Токе все тр'звые п'дряд, панимаэш? Вот. Только трзе... трезв... на Токе могут пить. Поял?

Его старый пони брел куда-то сквозь розовый туман.

- Я одинокий ковбой! - запел Алекс во все горло, фальшивя безбожно. - Самый старый и одинокий ковбой в мире - это я!

Он смутно соображал, что рядом с ним идет большое стадо. Животные нервничали, ревели, вращая глазами и разрывая копытами землю. Несколько хокасов с криками и проклятиями бешено скакали вокруг, пытаясь направить стадо в нужную сторону.

- Я-знаменитый-хрен-вам-ковбой-с-Рио-Гранде! - орал Алекс, шатаясь в седле.

- Эй, потише! - крикнул ему какой-то очередной хокас по имени Текс. - Эти твари и так всего боятся.

- Что?! - вскричал Алекс, вдруг заинтересовавшись. - Так вы хотите, чтоб они шевелились быстрее? Ха, верно, ребята! Зеленокожие близко! Они идут сюда! Мы им покажем! - Он вытащил свой шестизарядный, выстрелил в воздух и заорал : - Ййеехууу!

- СТОЙ, ТЫ, ДУРАК!!!

- Ййеехххууу!

С криками и стрельбой Алекс понесся прямо в середину стада.

- Вперед ковбои! Вперед!

Стадо обратилось в паническое бегство. Словно лавина прорвало оно тонкую цепочку загонщиков-хокасов. Всадники кинулись врассыпную. Эти тысячи копыт несли смерть, заполняя всю вселенную ревом, громом и топотом. Земля дрожала.

- Ййеехууу! - орал Александр Джонс. Стреляя в воздух, он во весь дух скакал за длиннорогими. - Вперед, мои рогатые!

- О, боги! - простонал Слик. - Этот полоумный кретин гонит их прямо к индейцам!..

- За ним! - закричали хокасы. - Надо повернуть стадо! Нельзя отдавать индейцам весь скот.

- Нам еще придется заняться господином пеньковым галстуком, - сказал Одинокий Всадник. - Бьюсь об заклад, этот Александрджонс - индейский шпион. Ловко он нас провел!

Ковбои пришпорили своих одров. Но так уж устроены хокасы: в их головах не может поместиться две мысли сразу. Решив, что необходимо срочно остановить стадо, они благополучно позабыли о том, что скачут прямо навстречу превосходящим силам противника.

- Хуппииййууу! - верещал Алекс где-то далеко впереди, в облаке и густой пыли. Виски основательно притупило в нем чувство реальности.

Ему показалось, что он почти в ту же минуту очутился на вершине длинного пологого холма. А за холмом двигались слисси.

Воины шли пешком; их прямые фигуры, напоминавшие давно вымерших земных тиранозавров, не были приспособлены для верховой езды. Но скорость они развивали приличную и вполне могли обогнать хокасских пони. Тела рептилий были обнажены, зеленую кожу украшала лишь боевая раскраска и перья, какие носят, наверное, все примитивные племена в Галактике. Вооружены они были револьверами и ружьями, а у некоторых имелись еще копья, луки и топоры.

Огромное войско компактной массой четко двигалось под бой барабанов. Их были тысячи... А навстречу им в отчаянной надежде спасти свое стадо скакала сотня ковбоев-хокасов.

Ничего этого Алекс не видел. Подгоняя своего пони сквозь клубы пыли, он и не мог видеть, как стадо тараном ударило по индейской армии.

Когда на сцене появились хокасы, остатки индейцев - те, кто не был втоптан в землю, - оказались рассеяны по всей видимой части прерии. Вряд ли они теперь когда-нибудь остановятся, подумал Слик.

- За ними, парни! - закричал он. - Вперед!

Хокасы пустили пони в галоп. Только немногие слисси, воинственно свистя, пытались сопротивляться, но дело было сделано - разгром был полный. И плюшевые медвежата весело и споро добивали врага.

Вскоре к Слику подъехал Текс, ведя на аркане дюжего упирающегося индейца.

- Похоже, я поймал их вождя, Слик, - доложил Текс.

- Точно! Черт побери! - Городской шулер радостно закивал.- У него раскраска вождя. С таким заложником можно и переговоры начать, а? Теперь индейцы нас не тронут. А переговариваться будем, пока он не помрет от старости...

В сущности, Каньон Галч вполне можно было включить в военные учебники в один ряд с Каннами, Ватерлоо и Кофистангом. Победа была полная и окончательная.

Медленно и в молчании хокасы собрались вокруг до сих пор не протрезвевшего Алекса. В их глазах светился прежний, почти благоговейный страх.

- Он это сделал, - прошептал Монти. - Он с самого начала хотел это сделать, он знал, как остановить индейцев!

- Он заставил их наглотаться пыли! - торжественно поправил Слик.

- Наглотаться пыли, - согласился Монти. - И он сделал это один! Джентльмены! - возгласил он. - Мы должны больше доверять... э-э-э... людям...

Закрыв глаза, Алекс качался в седле. Он смутно припоминал, как обратил стадо длиннорогих в паническое бегство, и в результате хокасы потеряли весь свой скот. А вместе с ним - и уже окончательно - веру в человека. Если его повесят, подумал Алекс угрюмо, это будет заслуженно.

Он открыл глаза. Прямо перед ним сияло восхищенное лицо Слика.

- Ты спас нас, - сказал маленький хокас.

Он отцепил с груди Алекса шерифскую звезду, потом с серьезным видом протянул ему свой дерринджер и колоду карт.

- Ты нас спас, человек! Отныне ты - городской шулер Каньона Галч!

Алекс мигнул. Он оглянулся и увидел собравшихся хокасов, мертвых и пленных слисси посреди истоптанной прерии. Мать пресвятая Богородица!!! Они победили!!!

Уж теперь-то он доберется до "Дракона". С помощью людей хокасы заключат мир со своими извечными врагами. Ну а он - младший лейтенант Александр Джонс - теперь просто герой!

- Я вас спас? - пробормотал он. Язык у него все еще заплетался. - Ну да, конечно. Правда, с моей стороны это очень мило? - Он сделал толпе ручкой. - Нет, нет! Не стоит благодарности... Это не я... То есть, положение обязывает, я хотел сказать, и тому подобное...

Неожиданно почувствовав сильную боль в затекших ногах, он громко застонал.

- Пойду-ка я в город пешком, а то я, наверное, целую неделю теперь не смогу сидеть.

Спаситель Каньона Галч слез с пони; при этом его нога выскользнула из стремени и он во весь рост растянулся на земле.

- Знаете, - пробормотал в толпе какой-то хокас, - может, именно так люди и слезают с лошадей, а? Может, стоит нам...

Гордон Р. ДИКСОН

"ВОЛЧОНОК"[1]

1

Бык явно не хотел нападать.

Джемс Кейл шагнул вперед и крикнул, но зверь оставался недвижим. Странно. По всем расчетам он не должен был так скоро ослабеть. Хотя, не исключено, что в расчеты вкралась ошибка, и бык устал. Стало быть, придется его заколоть.

Джим снова шагнул к быку, заорал во всю глотку, стараясь раздразнить зверя, и молниеносно отпрыгнул в сторону, когда огромная туша с ревом пронеслась мимо, задев бедро острием рога. Спину Джима обдал холод. Как и бык, он действовал по вызубренным за шесть месяцев тренировок программам. Следуя им, Джим мог надеяться на то, что останется невредим, но, в отличие от быка, он обладал свободой воли - свободой переступить границы норм и совершать ошибки.

Малейший просчет - и бык убьет его. Поэтому Джим осторожничал даже сейчас, когда, казалось, силы быка на исходе. Сделав на всякий случай еще несколько обманных финтов, он выхватил шпагу и воткнул зверю в загривок.

Бык споткнулся, рухнул на колени и медленно завалился на бок. Тореадор вытащил клинок, бесстрастно глядя на издыхающего зверя, и в этот момент на песке арены возникла женщина. Джим узнал Афуан, тетушку Императора. Похоже, она спустилась сюда прямиком из правительственной ложи, где сидела возглавляемая ею делегация Высокородных и где уже толпились многочисленные приспешники из числа обитателей Альфы Центавра З. Афуан, высокая, статная, от груди до пят закутанная в подобие белоснежного облака, приближалась к нему легкой

---

1 Печатается с незначительными сокращениями.

изящной походкой. У принцессы было узкое, удлиненное лицо с огромными лимонно-желтыми глазами, обрамленными пушистыми ресницами. Кожа цветом напоминала белый оникс. На шее, словно изваянной из мрамора, Джим различил синеватые, чуть пульсирующие нити вен. Афуан была великолепна, как античная статуя. "Шесть футов, шесть дюймов", - мысленно прикинул Джим. Ничуть не меньше, чем у него самого.

- Очень забавно, - скороговоркой произнесла она на имперском наречии с едва заметным шипящим акцентом. - Мы возьмем тебя с собой, Волчонок, э... с какой ты планеты?

- Я, землянин, Высокородная, - почтительно ответил Джим.

- Да-да... Приглашаю тебя на корабль, землянин. Тронный Мир будет рад видеть тебя. - Она покосилась на остальных членов куадрильи. - Но твои помощники останутся здесь. Незачем набивать корабли лишними людьми. Как только ты прибудешь в Мир Владык, получишь все необходимое.

Она повернулась, чтобы уйти, но тут Джим заговорил.

- Прошу извинить меня, Высокородная. Предоставить помощников ты, конечно, сможешь. Но не в твоих силах, Высокородная, дать мне новых боевых быков. Эту породу специально выводили в течение многих поколений. В здешних стойлах всего полдюжины быков, я хотел бы забрать их с собой.

Афуан обернулась и пристально посмотрела на Джима. На мгновение ему показалось, что из-за этих слов пять лет кропотливого труда пошли насмарку - Джим уже приготовился услышать отказ; но Афуан неожиданно произнесла:

- Хорошо. Передай тому, кто примет тебя на корабле, что я разрешаю погрузить и твоих животных.

Она повернулась к поверженному зверю. Тут же, как по сигналу, рядом возникли члены свиты, и все как один уставились на быка. Женщины были одного с Афуан роста, мужчины выше на фут-полтора. Они с любопытством разглядывали костюмы и экипировку куадрильи. В отличие от женщин, мужчины были одеты в короткие юбочки и что-то вроде туник, искусно собранных в складки наподобие земных рубашек. У всех в одежде преобладал белый цвет, лишь на груди и спине Высокородных выделялись разноцветные вышитые полоски.

На Джима уже никто не обращал внимания, поэтому он молча спрятал шпагу в ножны и двинулся прочь. Он прошел по песку арены мимо трибун и вступил в широкий коридор с флюоресцирующими стенами - один из даров Империи жителям Альфы

Центавра, которые, однако, ничего не смыслили в принципе его действия.

Джим отпер дверь своей комнаты, вошел внутрь и с первого взгляда отметил сразу два необычных явления.

Первое - присутствие Макса Холланда, представителя Специального Комитета при ООН. Второе - его, Джима, собственные чемоданы, которые он успел упаковать в надежде, что мечты о путешествии на Тронный Мир сделаются явью. Оба чемодана были раскрыты, а их содержимое разбросано по всей комнате.

- Что это значит? - спросил Джим, остановившись в дверях и посмотрев сверху вниз на низкорослого Холланда. Лицо Макса потемнело от злости.

- Не воображайте, - начал он звенящим голосом, но потом взял себя в руки, и голос его окреп. - То, что Афуан согласилась взять вас с собой, еще не значит, что вы должны брать в путешествие непредусмотренные планом вещи.

- Стало быть, вы уже в курсе? - спросил Джим.

- Я, знаете ли, неплохо читаю по губам, - отчеканил Макс. - И у меня есть бинокль.

- Поэтому вы сочли нужным поторопиться, чтобы проверить мой багаж?

- Вот именно!

Макс схватил сначала с кровати шотландскую юбку с прицепленным к поясу небольшим кинжалом, потом рубашку, под рукавом которой была спрятана кобура с пистолетом 45-го калибра, и потряс ими перед носом Джима.

- Вы отбываете в Тронный Мир Великой Империи, в мир, насчитывающий сотни тысяч лет развития цивилизации! И там эти ваши побрякушки применялись так давно, что о них никто уже и не помнит.

- Именно поэтому я и беру их с собой, - отрезал Джим.

Улучив момент, он одним движением выхватил из рук Макса юбку и рубашку и, как ни в чем ни бывало, принялся вновь собирать чемоданы.

- Зачем?! - взревел Макс у него за спиной. - Вы, кажется, возомнили себя единственным участником проекта. Незаменимым! Так я вам напомню, что за вашим тореадорством стоит труд тысяч специалистов, несколько миллиардов долларов и резолюция ста восьмидесяти двух правительств.

Не обращая на него внимания, Джим аккуратно свернул юбку и уложил в один из чемоданов.

- Послушайте, вы! - Макс вцепился в его локоть и попытался развернуть его к себе. Джим послушно повернулся.

- Говорю вам - вы не возьмете эти штуки!

- Возьму.

- Я говорю - НЕТ!- заорал Макс. - Кого, черт подери, вы из себя корчите? Вы же всего лишь человек, которого Земля посылает в Мир Владык наблюдать. Понимаете - н а б л ю д а т ь! Не резать людей ножами, не палить из пистолетов, и не привлекать к себе, представителю Земли, больше внимания, чем нужно. Вы - антрополог в роли тореадора, а не шпион с кинжалом за пазухой.

- Я - и то, и другое, и третье, - коротко и холодно ответил Джим.

Краска медленно сошла с лица Макса.

- Господи! - воскликнул он. Рука, стиснувшая плечо Джима, разжалась. - Десять лет назад мы даже не подозревали о существовании этой громадной Империи с тысячами обитаемых миров - от Альфы Центавра да самого Центра Галактики. Пять лет назад вы, Джим, были всего-навсего порядковым номером в длинном-предлинном списке, из которого мне ничего не стоило этот ваш номер вычеркнуть. Одно движение карандаша! Еще год назад я мог это сделать! Честно скажу - я всегда сомневался в вас. Как назло, тогда вы продемонстрировали наилучшую подготовку, и меня просто не стали бы слушать. И что же? Я оказался прав.

- Империя и крохотная Земля, - возбужденно продолжал Макс. - Когда-то они нас забыли и могут забыть снова - по вашей вине. Оказывается, вас и близко нельзя подпускать к Высокородным... - Макс поперхнулся и часто задышал. - Ладно, все. Никуда вы не летите. Я отменяю Проект. Земля сделает из меня котлету, но лишь после того, как улетит корабль.

- Макс, - сказал Джим с сочувствием в голосе. - Вы забыли об одной маленькой детали. Дело в том, что меня пригласила сама принцесса Афуан. Неужели вы полагаете, что вам с вашими запретами позволят высунуться? Неужели вы до сих пор не поняли, что не только вы сами, а даже вся Земля уже не в силах повлиять на ход событий?

Макс стоял молча. Глаза его налились кровью.

- Мне очень жаль, Макс, - произнес Джим. - Но что случилось, то случилось. И с этого момента я следую лишь собственным соображениям.

Он вернулся к чемоданам.

- С о б с т в е н н ы м соображениям?! - в голосе Макса сквозило ледяное презрение. - Неужели вы настолько убеждены в своей непогрешимости? Ха! Бросьте! Рядом с Афуан и ей подобными вы такой же невежественный и тупой дикарь, как любой другой землянин. Вы уверены, что Земля не является одной из колоний, которую они случайно выпустили из поля зрения? Или сходство наших рас с расами Альфа Центавра Три не более чем совпадение? Вы уверены? Ни вы, ни я, никто из землян не уверен. Посему, не говорите мне о собственных соображениях. Оставьте их на тот случай, когда от ваших действий не будет зависеть судьба и будущее нашей планеты.

Джим пожал плечами. Он продолжил было сборы, но Макс внезапно схватил его за руки, стараясь вновь повернуть к себе лицом.

На этот раз Джим быстро высвободился, ребром ладони несильно ударил Макса по шее и большим пальцем прижал голландцу кадык. Холланд побелел, принялся судорожно ловить воздух, но Джим удержал его без особых усилий.

- Эй... ты, придурок! Ты меня задушишь! - через силу прохрипел Макс.

- Если придется, - спокойно ответил Джим. - Это одна из причин, по которым туда лететь должен именно я.

Он отпустил Макса, застегнул упакованные чемоданы, взял их и вышел из комнаты.

Уже на улице, спиной почувствовав взгляд, Джим оглянулся - Макс стоял на пороге и смотрел вслед.

- Эй, ты, шпион! - завопил он изо всех сил. - Попробуй только натвори там что-нибудь! Если из-за тебя у Земли возникнут неприятности, лучше не возвращайся. Я сам убью тебя! Как бешеную собаку!

Джим не ответил. Под знойными лучами Альфы Центавра он уселся в открытый, похожий на земной джип, автомобиль. Шофер дал газ.

2

Шофер был землянин из торговой делегации. На Альфе Центавра Три сейчас гостили, включая земную, три делегации с разных планет. Все они собрались здесь для представления августейшим очам последних достижений своих цивилизаций, причем каждая тешила себя надеждой на особое внимание Вы-

сокородных. Но больше всего шансов на успех имела Земля - в силу новизны и экзотичности товаров. Можно было надеяться, что Высокородные не откажут себе в удовольствии (а Земле - в милости) приобретения для мира Владык такую изысканную забаву, как бой с быком.

После долгой езды по городу машина наконец выскочила на космодром - ровную, как сталь, бетонную пустыню, протянувшуюся до самого горизонта. Вдалеке возвышался яйцеобразный предмет - корабль Высокородных.

Шофер подвез Джима к самому кораблю.

- Подождать? - спросил он.

Джим покачал головой, выгрузил багаж, и машина умчалась в направлении города. Скоро она пропала из виду.

Он поставил чемоданы на гладкий бетон и повернулся лицом к кораблю. Снаружи корабль выглядел весьма странно. Не было видно ни иллюминаторов, ни люков, никаких отверстий. Наверное, подумал Джим, они меня не ждали. Или не заметили. Он уселся на один из чемоданов и стал ждать.

Ждать пришлось около часа. Затем - совершенно неожиданно - он очутился не на бетоне взлетного поля, а в похожем на яйцо отсеке с темно-зелеными стенами. На полу лежал такого же цвета ковер, на котором валялись в беспорядке разнокалиберные подушки. Рядом с собою он обнаружил свой второй чемодан.

- Извини, что заставила тебе ждать, Волчонок, - произнес женский голос. - Я занималась другими приемышами.

Он обернулся - позади стояла девушка. По стандартам Высокородных рост ее был невелик, всего пять футов десять дюймов. Кожа тоже была чуть темнее, чем у принцессы Афуан, примерно как кожа индейца в сравнении с кожей белого человека. Густо-золотые с красными искорками глаза нисколько не напоминали лимонно-желтые зрачки Афуан. Овал лица был круглее. Девушка улыбалась, причем так, как никогда не позволила бы себе улыбнуться холодная принцесса голубых кровей; на ее лице от линии носа, собирались симпатичные лучики-морщинки. Распущенные по плечам золотистые волосы вились пушистыми локонами, чем, по мнению Джима, выгодно отличались от прямых, как солома, шевелюр Высокородных.

Улыбка ее внезапно исчезла, лицо потемнело от прихлынувшей крови. Она краснела! Джим изумился, наблюдая это явление у представительниц великой расы.

- Ну и смотри! - гордо и с вызовом заявила она. - Мне стыдиться нечего!

- Стыдиться? - озадаченно воскликнул Джим. - Чего?

- То есть как?

Краска снова отлила от ее щек, и во взгляде появилось смущение.

- Извини, - сказала она. - Ну конечно, ты же Волчонок, для тебя разницы никакой, так?

- Очевидно, так, - произнес Джим и добавил: - Это потому, что Волчонок не совсем понял о чем речь.

Она рассмеялась. Немного печально, как ему показалось, и неожиданно погладила его по руке. Прикосновение было мягким, почти неощутимым.

- Скоро ты все поймешь, хоть ты и Волчонок. Видишь ли, я - в некотором смысле дегенератка, в моем генном коде случайно объявился какой-то давным-давно исчезнувший ген... О нет, родители мои принадлежат к Высокородным. И Афуан никогда не изгонит меня из своего окружения. Правда, она почти не обращает на меня внимания, но это не беда. Мне хватает забот с приемышами, вроде тебя. - Она кинула взгляд на чемоданы. - Здесь твои одежда и снаряжение. Сейчас я их посмотрю.

В ту же секунду чемоданы исчезли.

- Э-э... постой-ка... - возразил Джим.

- В чем дело? - она посмотрела на него с удивлением.

Столь же загадочным образом чемоданы очутились на прежнем месте.

- Да нет, все нормально, - успокоил ее Джим. - Просто мне понадобится еще кое-что. Я говорил с Афуан - в городе осталось полдюжины боевых быков, которые будут нужны мне для представлений. Афуан велела передать, что разрешает погрузить быков на борт.

- О!.. - воскликнула девушка. - Конечно! Попробуй мысленно представить, где находятся твои быки.

Джим напряг память. В голове возникла картина: ряд приземистых строений неподалеку от Торгового представительства Земли. Внезапно у него появилось ощущение, словно бы в голове кто-то легонько щекочет перышком, - и тут же он обнаружил себя перед боксами, в каждом из которых стояли прозрачные контейнеры с замороженными тушами быков. Девушка стояла рядом.

- Да-а... - протянула она, и тотчас же они оказались в просторном складе с отливающими металлом стенами; здесь аккуратно размещались разнообразные ящики и целые штабеля не-

понятных предметов, среди которых уже стояли контейнеры с быками.

Джим нахмурился - в помещении было довольно тепло, градусов двадцать.

- Вообще-то они заморожены... - начал он, но девушка перебила:

- Можешь не волноваться. - Она весело улыбнулась. - Все будет в порядке. Я дала задание механикам корабля. - Улыбка стала еще шире. - Если хочешь убедиться, пойди и потрогай.

Джим подошел к контейнерам, вытянул руку, но существенных изменений не уловил. И только прикоснувшись к стене одного из них, почувствовал вдруг страшный холод. Он поспешно отдернул руку.

- Понятно, - сказал он. - Теперь уж точно все в порядке. С быками хлопот не будет.

- Хорошо, - ответила она.

И вновь они переместились - на этот раз в большой и светлый прямоугольный зал. Джим даже вздохнул - такая форма помещения была ему куда привычнее. Одна стена была прозрачной - сквозь нее просматривался пляж и морская гладь, но в самом зале находились не менее любопытные объекты.

Здесь были самые разнообразные и причудливые создания, каких только могла породить Природа - от маленькой рыжей белочки до странного лохматого существа, являющего собой нечто среднее между обезьяной и человеком.

- Мои приемыши, - сказала за спиной Джима девушка. Он посмотрел в ее смеющиеся глаза.

- То есть, конечно, они не мои, а Афуан. Вот... - она остановилась приласкать белочку, которая с готовностью выгнула спину, точно довольная кошка. - Это Ифни.

Разглядывая зверей, Джим не увидел ни привязей, ни клеток. Тем не менее, животные держались друг от друга на приличном расстоянии.

Вдруг девушка ахнула.

- Прости меня, Волчонок, - спохватилась она. - Ведь у тебя тоже, наверное, есть имя. Как тебя зовут?

- Джемс Кейл, - произнес он в ответ. - Джим.

- Джим, - повторила она, чуть склонив голову набок, стараясь как можно правильнее выговорить непривычное имя. В языке Империи звук "м" был долгим, отчего краткое "Джим" приобрело в ее устах некоторую музыкальность.

- А тебя как звать? - осведомился Джим.

Она вздрогнула и взглянула на него с огромным удивлением.

- Но ты должен называть меня Высокородной, - сказала она надменно, но спустя мгновение все ее высокомерие испарилось и в девушке взяла верх ее природная мягкость.

- Конечно, у меня есть имя, даже не одно, а несколько дюжин. Но обычно я пользуюсь одним. Я - Ро.

- Благодарю тебя, Высокородная, - почтительно произнес он.

- Нет уж, называй меня Ро! - Она внезапно умолкла, словно испугавшись собственных слов. - По крайней мере, когда мы вдвоем. В конце концов, ты - тоже человек, Джим, хотя и Волчонок.

- Насчет этого тебе придется просветить меня, Ро, - сказал Джим. - Почему вы называете меня Волчонком?

Какое-то время она озадаченно смотрела на него.

- Разве ты... Ну конечно! Ты же единственный, кто этого не понимает!

Она снова, как в прошлый раз, покраснела. Очевидно, виной тому была пигментация кожи. Но для Джима это оказалось в новинку. Взрослая женщина, к тому же голубых кровей, а краснеет как школьница!

- Это не очень лестное имя... Оно означает.. ну, как будто ты потерялся в лесу и тебя воспитали дикие звери, и поэтому ты не знаешь, что такое быть человеком... - Краска все гуще заливала ее лицо. - Прости... мне не стоило тебе говорить... называть тебя Волчонком. Но я исправлюсь. Я буду всегда называть тебя Джимом. Отныне и всегда.

Джим улыбнулся.

- Это не имеет значения.

- Нет, имеет! - жестко сказала она, рывком подняв голову. - Я знаю, каково это, когда кому-то навешивают кличку. И я не позволю издеваться над моими питомцами. То есть, не моими, а принцессы Афуан...

- Спасибо, - поблагодарил Джим.

Ро снова ласково коснулась его руки.

- Идем, полюбуешься на моих приемышей. - Она пошла вперед, он покорно отправился следом, разглядывая все, что попадалось на пути. Казалось, ничто не разделяло находившихся в питомнике существ, но между тем, окруженные со всех сторон невидимыми барьерами, они не могли приблизиться друг к другу ближе, чем на пять-шесть футов.

Он отметил, что все твари походили на земных животных, либо живущих на земле, либо вымерших в давние геологические

эпохи. Сам по себе этот факт был примечателен: он как будто подтверждал гипотезу, что население Империи и люди Земли произросли от одних корней. Отсюда следовало, что жизнь на различных планетах развивалась параллельно. Впрочем, даже очень разительная схожесть фаун столь далеких друг от друга миров, в конце концов, еще не доказывала общности генов.

В поведении питомцев Ро Джим подметил еще одну любопытную черту. Большинство животных, даже весьма свирепого вида, с готовностью отзывались на ласки девушки. Правда, попадались и такие, которые никак не реагировали на знаки внимания. Например, большая, ростом с южно-американского ягуара, кошка, окраской напоминавшая леопарда, а мордой лошадь. Спокойно позволяя себя гладить, этот зверь, однако, хранил совершенное равнодушие. И наоборот, странное, похожее одновременно на обезьяну и человека, существо всячески льнуло к заботливым рукам, и, словно в ответ на ласку, печально заглядывало в глаза Ро, тихо покачивая головой.

Оставив питомцев, Ро повернулась к Джиму.

- Ну, вот, ты увидел их всех. А... ты не поможешь мне за ними ухаживать? Я просто не в состоянии уделять всем зверям достаточно внимания... Афуан, случается, месяцами о них не вспоминает... О нет, с тобой такого не произойдет! Ты - другое дело! Ты должен устраивать зрелища пред очами самого Императора. К тому же ты - не животное.

- Благодарю, - процедил сквозь зубы Джим.

Она удивленно на него посмотрела, а потом рассмеялась и тронула его руку уже знакомым жестом.

- А сейчас я провожу тебя в твою комнату.

Тотчас они оказались в новом помещении. Как и в питомнике, одна из стен имела иллюзию прозрачности, открывая вид на океанский пляж. Иллюзорные волны прибоя пенились совсем рядом, в каких-нибудь тридцати футах.

- Здесь ты будешь жить, - сказала Ро.

Джим огляделся. Нигде никакого намека на дверь.

- Может ты научишь бедного Волчонка, как попадать из этой комнаты в соседнюю?

- В соседнюю? - Она нахмурилась. Он сразу понял, что Ро восприняла этот вопрос буквально.

- Нет, - сказал он. - Необязательно в соседнюю. Я имел в виду - любую другую комнату. И если на то пошло - скажи-ка, что находится там?

Он указал на стену, расположенную напротив пляжа.

Ро взглянула туда, куда был направлен его палец, вновь нахмурилась и покачала головой.

- Не знаю.. - пробормотала она. - А какая разница? Ты волен идти куда хочешь. Расположение комнат не играет никакой роли.

Джим мысленно сделал зарубку на память.

- Но мне же надо знать, как перебраться из комнаты в комнату.

- О! - догадалась она. - Конечно, ты не знаешь! Здесь все делает корабль. Как только ты наладишь с ним связь, он исполнит все, что пожелаешь. - Ро вдруг просияла. - Хочешь посмотреть корабль? Я тебе покажу. А пока познакомься со своими апартаментами. Осмотрись, разложи вещи, а я потом вернусь. Когда бы ты хотел меня видеть?

Джим с натугой перевел пятнадцать земных минут в единицы времени Империи.

- Отлично. - Ро улыбнулась и исчезла.

Оставшись в одиночестве, он осмотрел комнату. Ковры и разноцветные подушки напомнили ему яйцеобразную камеру, куда с площадки космодрома переместила его Ро. Стоявший в углу внушительных размеров куб он поначалу принял за кровать. Затем долго отыскивал глазами ванную. Ничего похожего. Однако стоило мыслям о ванной стать отчетливее, как взгляду его предстал небольшой закуток с теснившимися внутри унитазом, мини-бассейном и еще каким-то предметом непонятного назначения.

Он повернулся, взял в руки чемоданы и краем глаза уловил, что ванная бесследно исчезла в стене. Но стоило ему взгромоздить оба чемодана на верхнюю плоскость куба, как раздвинулась другая стена, открыв внутренности платяного шкафа.

К этому моменту Джим уже поймал себя на том, что к обычной гамме ощущений добавилось новое, постороннее. Не найдя иного разумного объяснения феномену, Джим решил, что это и есть пресловутая "связь с кораблем".

Он попытался представить свою одежду висящей в шкафу, и она послушно там очутилась. Ему оставалось только удивиться, что вещи висели ровно, но без каких-бы то ни было подпорок и вешалок. Прямо в воздухе.

Джим пожал плечами, постоял немного и вдруг, повинуясь неясному порыву, снял с призрачной вешалки шотландский костюм с кинжалом. Переодевшись, он отправил в шкаф свое походное облачение.

Шкаф закрылся, и в этот момент в комнате возник посетитель. Джим ожидал увидеть Ро, но перед ним стоял высокий, около семи футов, мужчина с лицом цвета белого оникса.

- Вот ты где, Волчонок, - произнес Высокородный. - Пойдем. Мекон хочет видеть тебя.

Через мгновение они оказались в пустой комнате, и только в дальнем углу на подушках лежал зверь - кошка с лошадиной мордой, в точности такая, какую Джим видел среди питомцев Ро. Животное подняло голову и впилось в него пристальным взглядом.

- Обожди здесь, - сказал Высокородный. - Мекон прибудет через минуту.

Едва спутник исчез, как огромная кошка спрыгнула с подушек и ленивой походкой направилась к Джиму.

Он оставался спокоен. Зверь на удивление жалобно взвизгнул - звук был настолько тонок, что странно было слышать его от такого большого животного. Короткий толстый хвост вдруг поднялся трубой, массивная голова пригнулась к полу, нижняя челюсть почти касалась ковра. Зверь раскрыл пасть, обнажив длинные острые клыки, и продолжая тонко визжать, медленно пополз на брюхе вперед. Визг становился все громче.

Джим стоял, не шевелясь. Примерно в двенадцати ярдах зверь замер. Хвост заметался из стороны в сторону, как маятник, и комнату заполнил утробный вой.

Трудно сказать, сколько времени стояли они друг против друга. Секунды превратились в годы. Но вдруг вой оборвался. Зверь взвился в воздух, целясь Джиму в горло.

3

Оскаленная пасть мелькнула у самого его лица и... растворилась в воздухе. Джим по-прежнему стоял не шевелясь.

В комнате возникли трое Высокородных. По дракону на тунике Джим узнал своего недавнего спутника. Второй был почти коротышка - едва ли на три дюйма выше Джима. Третий, напротив, обладал впечатляющим ростом даже для Высокородного - сановитый, изящный, с высокомерной усмешкой на губах. Джим раньше не замечал на снежно-белых лицах Высокородных подобных усмешек.

- Говорил я тебе, что они храбрецы, эти Волки, - сказал третий, обращаясь к коротышке. - Твой фокус не удался, Мекон.

- Храбрецы... - проворчал Мекон. - Слишком уж гладко все получилось, Словиель, чтобы говорить о храбрости. Можно подумать... Ведь он даже не пошевелился! Можно подумать, что его...

Мекон замолчал и как-то суетливо заглянул в лицо Словиелю.

- Договаривай, Мекон, договаривай, - процедил Высокородный. В голосе его засквозила угроза. - Что ты собирался сказать? Что его предупредили?

- Нет, Мекон совсем не это имел в виду, - вмешался вдруг давешний спутник Джима, вклиниваясь меж двумя собеседниками, готовыми, казалось, испепелить друг друга взглядами.

- Хотелось бы услышать это от него самого, Трахи, - тихо, но внятно сказал Словиель.

- Я?.. Ну да, я совсем не это хотел сказать. Я уже и не помню, что я хотел сказать, - промямлил помрачневший Мекон.

- Стало быть, я выиграл? - сказал Словиель. - Один Пункт Жизни в мою пользу?

- Один... - слова застряли у Мекона в глотке. Лицо побагровело, совсем как у Ро. - Один Пункт в твою пользу.

Словиель рассмеялся.

- Не переживай, старина, - сказал он. - Ты еще вполне можешь отыграться. Я готов и дальше держать с тобой пари, конечно, если повод будет интересным. И благородным.

Было видно, что Мекона вновь охватывает ярость.

- Ладно, - отрезал он. - Черт с ним, с этим Пунктом. Я хочу знать, почему Волчонок не испугался зверя? Ведь это совершенно неестественно!

- Почему бы тебе не спросить его самого? - поинтересовался Словиель.

- Я е г о и спрашиваю! - рявкнул Мекон. - Отвечай, ты, Волчонок, почему ты не испугался?

- Принцесса Афуан пригласила меня на Тронный Мир, чтобы показать Императору, - спокойно ответил Джим. - Вряд ли меня можно будет показать, если меня растерзает зверь. Чья бы ни была эта кошка, он должен был позаботиться, чтобы я остался цел.

Словиель, запрокинув голову, расхохотался. Щеки Мекона вновь налились кровью.

- Вот как?! - воскликнул он, трясясь от злобы. - Ты, наверное, думаешь, что до тебя и дотронуться нельзя? Да я тебя в порошок...

Он замолк, ибо в этот момент в комнате появилась Ро и встала между ним и Джимом.

- Что вы делаете! - закричала она. - Он должен быть со мной! И он здесь не для этого, чтобы с ним забавлялись все, кому не лень, ясно? И...

- Заткнись, грязнолицая! - взревел Мекон. Рука его потянулась к висевшей на поясе небольшой черной трубке.

Пальцы сжали оружие, но Ро успела перехватить его руку.

- Ах, ты, дрянь... - Мекон занес над головой Ро кулак, но тут Джим шагнул вперед. Высокородный взвыл и, выпустив трубку, схватился за правое предплечье. От ладони до локтя по его руке тянулась тонкая кровавая черта. С равнодушным видом Джим спрятал кинжал в ножны.

В комнате воцарилось гробовое молчание. Трахи, Ро, великолепный Словиель - все смотрели на хлынувшую из раны кровь. Рухни сию минуту стены комнаты - едва ли Высокородные выглядели бы более ошеломленными.

- Волчонок... он... меня... - прошептал Мекон, дикими глазами глядя на свою руку. Потом медленно поднял взгляд на своих товарищей. - Вы видели, что он сделал?... Нет, в ы в и д е л и ч т о о н с д е л а л ?! - его голос сорвался на визг. - Дайте мне трубку. Подать сюда мою трубку.

Трахи нерешительно двинулся к Ро, в руках которой осталась трубка Мекона, но Словиель поймал его за локоть.

- Нет, - шепнул он. Глаза его сузились. - Похоже, наша невинная игра перестала быть игрой. Не надо. Если Мекону нужна трубка, пусть возьмет сам.

Трахи отступил. Ро внезапно исчезла.

- Разрази тебя гром, Трахи! - завопил Мекон. - Я это припомню! Сейчас же дай мне трубку! Давай трубку, кому сказал!

- Нет, Мекон. - Трахи медленно покачал головой и побелевшими губами произнес: - Словиель прав. Ты должен сделать это сам.

- Да? Ну, так я это сделаю, - Мекон скрипнул зубами и растворился в воздухе.

- Должен признать, ты действительно храбрец, Волчонок, - обратился к Джиму Словиель. - Позволь маленький совет. Если Мекон вдруг предложит тебе трубку - не бери.

Трахи издал губами непонятный звук. Словно собирался что-то сказать, но передумал. Словиель обернулся.

- Ты что-то хотел сказать, Трахи? Или я не прав?

Трахи отрицательно мотнул головой. Однако, поймав его взгляд, Джим почувствовал неприязнь.

Появился Мекон. В кровоточащей правой руке он держал две черные трубки.

- Выбирай любую, Волчонок.

- Благодарю, - проговорил Джим, доставая кинжал. - Я обойдусь этим.

Мекон осклабился.

- Отлично! - И он зашвырнул одну трубку в дальний угол комнаты. - Теперь это не имеет для меня значения.

- А для меня - имеет, - послышался голос за спиной Джима.

Джим быстро обернулся и отступил в сторону, чтобы видеть одновременно всех присутствующих. Голос принадлежал Афуан, явившейся в сопровождении Ро. Позади них возвышалась мужская фигура ростом на дюйм или два выше самого Словиеля.

- Ну?! - резко выкрикнула Афуан Мекону в лицо. - С каких это пор ты заделался столь знатным и самостоятельным, что позволяешь себе покушаться на моих питомцев?

Лицо Мекона, еще хранившее следы недавней ярости пополам с изумлением, застыло. Казалось, его разбил паралич.

Стоявший позади Высокородный растянул губы в улыбку. Улыбка его - высокомерная и ленивая - напоминала усмешку Словиеля, однако за э т о й улыбкой угадывалось значительно больше могущества. И, возможно, жестокости.

- Боюсь, Мекон, ты чересчур увлекся, - сказал Высокородный. - Оскорбление Ее Высочества обойдется тебе дороже, чем потеря двух-трех Пунктов Жизни. У нас ссылают в колонии и за меньшие прегрешения.

- Здесь спорный вопрос, Галиан, - заметил Словиель. - Волчонок напал первым. Мекон поступил так, как должен был поступить в этом случае любой Высокородный. Конечно, если он достоин своей крови.

Глаза человека, названного Галианом, встретились с глазами Словиеля. Несколько мгновений они сверлили друг друга глазами, и, наблюдая эту молчаливую дуэль, Джим догадался: перед ним соперники. "Когда-нибудь, - читалось во взглядах, - наши дорожки пересекутся. Когда-нибудь. Потом."

Возникшую паузу разбила Афуан.

- Чепуха! - заявила она. - В конце концов, он всего лишь Волчонок! А ты, Высокородный, хочешь быть на него похожим? - последняя фраза относилась к Мекону. - Сейчас же залечи рану!

Словно очнувшись, Мекон уставился на раненую руку. Буквально на глазах порез стал затягиваться. Сам собой. Прошло не более двух секунд, и от него не осталось следа, лишь багровела на правом предплечье Мекона засохшая кровь. Он потер кожу пальцем - кровь исчезла, и теперь рука выглядела так, словно на ней сроду не бывало никаких порезов.

Джим вложил кинжал в ножны.

- Так-то лучше, - презрительно бросила Афуан и повернулась к своему спутнику. - Займись этим, Галиан. Мекона следует наказать.

- Ты, девушка, тоже можешь идти, - произнес Галиан, когда принцесса исчезла. - Сожалею, что не имел чести знать этого Волчонка раньше. После недавних событий хотелось бы познакомиться с ним поближе.

Ро заколебалась. Облачко странной тоски набежало на ее лицо.

- Ступай, - мягко, но властно сказал Галиан. - Я его не съем.

Ро помешкала еще мгновение, затем бросила Джиму предостерегающий взгляд и исчезла.

- Пойдем со мной, Волчонок. - Галиан вдруг исчез, но секунду спустя появился вновь и понимающе улыбнулся. - Ты не умеешь перемещаться? Ничего, давай руку.

Джим очутился в просторной комнате овальной формы, с низким потолком и желтыми стенами. Из земных аналогов комната больше всего напоминала рабочий кабинет. Здесь было несколько столов - если, конечно, можно так назвать массивные, похоже, каменные плиты, без всяких подпорок висевшие в воздухе. За столами работали какие-то люди, темнокожие и низкорослые, не выше пяти с половиной футов, явно неблагородного происхождения.

Один, правда, был дюймов на десять повыше коллег, фунтов на сто тяжелее и абсолютно лыс, в то время как остальные носили густые шевелюры до плеч - в подражание Высокородным. В глаза бросалась его непропорционально большая голова; шишковатый, обтянутый серой кожей череп был так велик, что лицо - глаза, нос, рот, уши - выглядело на нем словно бы плохо приклеенным, напоминая перекошенную, сморщенную маску.

При виде Галиана человек встал.

- Все в порядке, Рис, - махнул рукой Галиан. - Продолжай работать.

Атлет с лицом младенца послушно сел и вернулся к созерцанию какой-то карты.

- Рис - нечто вроде моего телохранителя, - пояснил Галиан. - Хотя, признаться, телохранители мне ни к чему. Как и любому Высокородному. Это тебя удивляет?

- Я слишком многого не знаю, - заметил Джим.

Галиан кивнул, уселся на одну из подушек и протянул длинную руку.

- Покажи-ка свое оружие. То, которым ты ранил Мекона.

Джим вынул кинжал и подал рукояткой вперед. Галиан осторожно поднес его к глазам, потрогал пальцами клинок, потом столь же аккуратно вернул оружие Джиму.

- Наверное, им можно прикончить обычного человека, - сказал он.

- Да, - ответил Джим.

- Так, - Галиан задумался. С минуту он сидел неподвижно, затем взгляд его вновь остановился на Джиме. - Любопытно. Надеюсь, ты понимаешь, что такие люди, как ты, не должны расхаживать по кораблю и задевать Высокородных, а тем более, наносить им раны?

Джим промолчал. Наблюдая за ним, Галиан улыбнулся - как несколько минут назад улыбался Мекону. Отчасти равнодушно, отчасти жестоко.

- Ты - интересный тип, Волчонок, - задумчиво проговорил он. - Весьма интересный. Видимо, ты даже не догадываешься, кто ты есть на самом деле. А на самом деле ты - да будет тебе известно - букашка, которую любой Высокородный способен раздавить одним-единственным щелчком. Взять того же Мекона. Да он только сжал бы слегка кулак - и от тебя осталось бы мокрое место... Кстати, именно так Мекон и собирался поступить. И поступил бы, не останови его мы с Афуан... Однако я - не Мекон. Начнем с того, что я справедлив, как сам Император. Ведь мы с Императором братья, к слову сказать. Посему, я не использую своего права на щелчок, Волчонок. Вместо этого мы побеседуем с тобой на равных. Как Высокородный с Высокородным.

- Благодарю, - Джим поклонился.

- Незачем меня благодарить, - мягко сказал Галиан. - Ты, Волчонок, не должен ни благодарить меня, ни проклинать, ни умолять, ни восхвалять. Если я говорю, тебе не надо делать ничего, только внимательно меня слушать. А когда задам вопрос - отвечать. Итак, начнем. Каким образом ты попал в эту компанию - Мекон, Трахи, Словиель?

Джим рассказал все как было - сжато и без эмоций.

- Понятно, - выслушав, произнес Галиан. Он обхватил колено длинными руками и, не спуская с Джима глаз, откинулся на подушки.

- Стало быть, ты целиком полагаешься на то, что принцесса Афуан бережет тебя для очей Императора. И отсюда делаешь вывод, что никто не посмеет причинить твоей персоне какой-либо вред. Так? Что ж, даже если ты и прав, Волчонок, все равно ты выказал пример поразительного самообладания. Не повести бровью, когда разъяренный зверь кидается прямо в лицо... Каково! - Галиан умолк, как бы предоставляя Джиму право вступить в разговор, но Джим по-прежнему хранил молчание.

- Я разрешаю тебе говорить, - подсказал Галиан с едва заметным недовольством в голосе.

- Что именно ты хотел бы от меня услышать?

Лимонно-желтые глаза Галиана по-кошачьи блеснули.

- Да-а, - протянул он озадаченно. - Ты крепкий орешек, Волчонок. Хотя... не смею утверждать наверняка, что в совершенстве постиг ваши волчьи повадки... Оттого и объективность моих суждений под сомнением. - Он придирчиво оглядел Джима. - Скажи-ка, Волчонок, мужчины твоего народа - ведь они ниже тебя ростом?

- В среднем - да, - ответил Джим.

- В среднем? Стало быть, есть и выше?

- Да, - ответил Джим, не желая вдаваться в подробности.

- Как Высокородные? - допытывался Галиан. - Найдутся среди вас люди моего роста?

Подумав, Джим ответил утвердительно.

- Но немного, - уточнил Галиан. Глаза его лучились странным блеском. - Ведь таких людей у вас один на тысячу, они - редкость в вашем племени, не правда ли?

- Правда, - признался Джим.

- Между тем, - продолжал Галиан, - их презирают. Их гонят и избегают, их кличут выродками, отщепенцами. Так или нет? - Его пальцы нервно теребили колено. - Я прав, Волчонок?

- Отчасти - да, - согласился Джим.

- Я так и знал, - Галиан вздохнул. - Видишь ли, у нас, Высокородных, как раз все наоборот. Мы, Высокородные, - не отщепенцы. Напротив, мы единственная благородная раса. Ибо превосходим вас, остальных, во всех отношениях - умственно, эмоционально, физически... возможно, ты просто не успел осознать это. Само собой, случай не замедлил подсказать тебе, на

чьей стороне сила. Правда, согласись, ты слегка понервничал, но потом тебе повезло - тобою заинтересовался я.

Галиан обернулся к Рису.

- Эй, принеси сюда трубки.

Телохранитель прервал изучение карты и через несколько минут принес две уже знакомые Джиму черные трубки.

- Благодарю, Рис, - Галиан принял оружие. - Так вот, Волчонок, я уже сказал, что второго такого Высокородного, как я, не найти нигде и никогда. Расовых предрассудков я лишен начисто. Не потому, что сентиментален, а единственно потому, что практичен. Смотри внимательно. Я тебе кое-что покажу.

Он сделал знак одному из темнокожих работников. Вызванный немедленно встал и, приблизившись, остановился позади Риса. Галиан протянул ему одну трубку, которую тот сразу и молча заткнул за пояс.

- Рис - мой телохранитель, - пояснил Галиан. - Он буквально рожден быть им. Полюбуйся, до чего ловко он управляется с оружием. Я сейчас дважды хлопну в ладоши. - Галиан повернулся к Рису и его противнику, стоявшему в двух шагах от атлета. - Первый хлопок - сигнал для нападения. Однако, заметь, Рис имеет право воспользоваться своей трубкой лишь по второму хлопку. Смотри внимательно, Волчонок.

Галиан вскинул руки и негромко хлопнул в ладоши - дважды, с интервалом не больше секунды. С первым хлопком темнолицый молниеносно выхватил из-за пояса трубку, прицелился в Риса, и не успел еще раздаться второй хлопок, как трубка выплюнула ослепительную дугу огня. И все-таки Рис успел - выстрел темнокожего наткнулся на встречный, и оба сгустка энергии с треском ушли в потолок.

- Браво, - произнес Галиан.

Противники опустили оружие и отвесили Высокородному поклон. Галиан забрал у темнокожего трубку и, отпустив его взмахом руки, повернулся к Джиму.

- Смотри дальше, Волчонок.

Галиан сунул трубку в петлю на поясе. Словно по команде Рис проделал то же самое.

- Представление продолжается, - вкрадчиво молвил Высокородный. - Теперь - никаких сигналов. Рис выстрелит когда ему вздумается.

Атлет шагнул вперед и очутился на расстоянии вытянутой руки от Галиана. Мгновение помешкав, он как бы невзначай ки-

нул взгляд в дальний конец комнаты, и одновременно его ладонь метнулась к поясу.

Раздался короткий и громкий щелчок - КЛИК!

Джим моргнул. Длинная, похожая на жердь рука Галиана была вытянута вперед; трубка атлета так и осталась в петле, намертво прижатая оружием Высокородного. Галиан коротко рассмеялся и убрал руку.

- Видел? - улыбнулся он. - В быстроте реакции с Высокородным не потягается ни один смертный. Такой, как ты - тем более. Вот почему Мекон хотел заставить тебя драться с ним на трубках. Твои шансы практически равнялись нулю.

Галиан сделал паузу.

- Да, я тебе говорил, - мы - единственная благородная раса. Аристократы. Мои рефлексы быстрее, память - глубже, ум - проницательнее, эмоции - острее... Я, Галиан, превосхожу во всем не только таких людей, как Рис или ты, но и своих Высокородных собратьев. Тем не менее, у меня чертовски много слуг, больше, нежели у любого из наших. И они всегда загружены работой. Ты скажешь, зачем я так поступаю, когда сам могу все сделать гораздо лучше и быстрее?

- Полагаю, - сказал Джим, - ты поступаешь так потому, что не умеешь находиться в нескольких местах одновременно.

В глазах Галиана промелькнула искра.

- А ты умен, Волчонок! На самом деле мне нравится работать с низкорожденными - ведь я для них царь и бог... Кроме того, они могут быть чертовски полезны. Вот что мне пришло в голову: очень возможно, когда-нибудь, мне пригодится и Волчонок со своей маленькой острой игрушкой. Ты удивлен?

- Нет, - Джим покачал головой. - Ты потратил на меня столько времени, что я уже ничему не удивляюсь.

Галиан вновь откинулся на подушки.

- Что ни слово - в точку, - пробормотал он. - Определенно, у этого зверька есть что-то в башке. Сыроватое, конечно, но есть. Нет, не зря я битый час здесь распинаюсь... Да, Волчонок, ты сослужишь мне службу. Потом. В свое время. Почему я заговорил об этом сейчас - догадываешься?

- Вероятно, ты хотел бы оплатить мои услуги вперед? - предположил Джим.

- Верно. - Галиан кивнул. - Знаешь, я уже немолод. Хоть Высокородные не любят упоминать о своем возрасте, тебе я скажу: я далеко немолод. Однако у меня достаточно влияния, чтобы

заставить работать низкорожденных. И при этом я даю им все, о чем они могут мечтать.

Джим молча выжидал.

- Так что, Волчонок? - вопросил Галиан спустя минуту. - Говори. Расскажи мне о своих желаниях. И не надейся, что я их угадаю. Сам понимаешь, будь ты одним из наших, я бы ничего такого и не спрашивал, просто исполнил бы и все. К сожалению, я плохо знаю нравы дикарей. Ну, чего тебе больше всего хочется? А?

- Свободы, - ответил Джим.

- Конечно. - Губы Галиана растянулись в улыбке. - Свободы жаждут все, попавшие в неволю. По крайней мере, думают, что жаждут. Свобода... Как это понимать? Наверное, ты желаешь получить право шляться где вздумается и когда вздумается, так?

- Это главное, - сказал Джим.

Галиан наморщил лоб.

- Волчонок... Не знаю, задумывался ли ты над одним очевидным фактом... Видишь ли, ты скоро попадешь в Мир Владык. Тронный Мир... Так вот, оттуда нет возврата. Ты знал это? Что никогда в жизни не сможешь вернуться на родину? Что дорога домой заказана тебе отныне и навек?

Джим изумленно воззрился на Галиана.

- Нет, - сказал он. - Такое мне и в голову не приходило.

Галиан вздохнул.

- Тем не менее, это так. Очень жаль.

Он поднял кверху длинный тонкий палец.

- И все же. Для меня нет невозможного. Да будет тебе известно, Волчонок, что в моих силах вернуть тебя обратно. Само собой, при условии, что ты окажешься полезным...

Галиан согнул ноги в коленях и неожиданно встал, нависнув над Джимом.

- Сейчас я отправлю тебя к Ро. - произнес он. - И пусть все сказанное здесь... Держи язык за зубами, Волчонок, и запомни - твой единственный шанс снова увидеть родной мир зависит от одного обстоятельства - останусь я тобой доволен или нет.

Высокородный замолчал и, казалось, не пошевелил и пальцем, однако Джим внезапно обнаружил себя перенесенным в питомник Афуан. Рядом над трупом животного рыдала Ро. Зверя - словно пережгло пополам молнией. Другая тварь, точная копия мертвой, с жалобным воем металась внутри невидимой клетки.

Джим бросился к Ро, обнял ее - девушка испуганно вскинулась, но узнав Джима, обмякла и доверчиво прижалась к нему.

- Ты жив... Хоть ты-то жив... - бормотала она сквозь слезы.

- Что случилось? - Джим кивнул на дохлую кошку.

Поначалу его вопрос вызвал лишь новый прилив скорби, но, справившись с собой, Ро рассказала, как было дело.

Когда-то зверь принадлежал к числу питомцев Афуан, и Ро любила его, как и всех остальных. Однако принцесса по каким-то своим соображениям подарила кошку Мекону, и тот натаскал ее на людей.

- Все равно не понимаю, - сказал Джим. - Когда я повстречался с ней в первый и, слава Богу, последний раз, она была в порядке. Что произошло?

- Афуан велела наказать Мекона за нанесенное ей оскорбление, а Галиан решил, что лучшим наказанием будет...

Она всхлипнула и, не в силах продолжать, кивком указала на труп.

- Немного странное наказание, - задумчиво проговорил Джим.

- Странное? - Ро взглянула с недоумением. - От Галиана нельзя ожидать иного. Он сущий дьявол, этот Галиан. Другой отнял бы у Мекона любимых слуг или какую-нибудь ценную вещь... Но избрать жертвой несчастную бессловесную тварь, прекрасно зная, что с потерей своей ученой кошки Мекон потеряет, по крайней мере, один Годовой Пункт - на такое способен только Галиан. Конечно, Годовой Пункт намного меньше, чем Пункт Жизни, но Галиан знает - Мекон и без того проиграл и проштрафил достаточно. Наверняка его скоро с позором отправят в изгнание.

- В какое изгнание? - полюбопытствовал Джим.

- Из Мира Владык, разумеется, - ответила Ро.

Она отерла глаза, распрямилась. Дохлая кошка исчезла. Ро посмотрела на Джима.

- Я все время забываю, что ты ничего не понимаешь. Тебе еще многое нужно объяснять. Видишь ли, все Высокородные играют в Пункты. Даже сам Император не в силах запретить эту игру Представляешь, до чего это увлекательная игра, если сам Император не может ее запретить? А весь интерес в том, что потеря определенного количества Пунктов лишает человека права жить в Тронном мире. Навсегда... Но довольно об этом. Давай лучше я научу тебя, как перемещаться по кораблю.

Однако Джима занимали совсем другие мысли.

- Подожди секунду, - сказал он. - Скажи, если бы мне вздумалось отлучиться ненадолго назад, в город, по одному важному делу, смог бы я это сделать?

- О! - Девушка печально покачала головой. - Я думала, уж это-то ты знаешь. Мы давно в пути. Через три дня прибудем в Мир Владык.

- Понятно, - мрачно произнес Джим.

Внезапно Ро побледнела и крепко схватила Джима за руки, не давая ему отстраниться.

- Не смотри так! - воскликнула она. - Чтобы ни произошло, никогда не делай такого лица!

Усилием воли Джим постарался вернуть себе прежний невозмутимый вид, загоняя поглубже вспыхнувшую было ярость.

- Ладно, - сказал он. - Больше ты меня таким не увидишь.

Ро все еще держала его за запястья.

- Ты очень странный, - сказала она. - Почему ты так смотрел?

- Просто Галиан просветил меня кое в чем. Оказывается, я могу никогда не вернуться домой.

- А ... ты разве собирался назад? - пытливо глядя, спросила Ро. - Ведь ты еще не видел Мира Владык и понятия не имеешь, что это за мир. Попав туда однажды, ни один здравомыслящий человек не захочет его покинуть. И между прочим, только Высокородные имеют право жить в этом мире. И то, если у них в запасе есть достаточно Пунктов. Даже губернаторы колоний посещают наш мир лишь на короткое время. Исключения крайне редки. Ты, например, такое исключение.

- Понятно, - повторил Джим.

Нахмурясь, Ро опустила глаза и посмотрела на его жилистые запястья, которые до сих пор покоились в ее ладонях. Ей показалось, что сквозь тонкую ткань манжет в нее вливается их сила.

- У тебя сильные руки, совсем как у старкина. И весь ты такой же сильный, - сказала она с удивлением. Для низкорожденного ты слишком высок. У вас все такого роста?

Джим невесело рассмеялся.

- Я был таким уже в десять лет, - и заметив недоумение девушки, добавил: - Это возраст подростка.

- И ты тогда перестал расти?

- Мой рост остановили, - хмуро ответил Джим. - Пришлось пройти кучу тестов и анализов - я был очень высок для своих лет Патологий не нашли, однако скормили-таки для верности какую-то дрянь. И - помогло. Я перестал расти, но продолжал развиваться как обычный ребенок.

Ро внимательно слушала, но Джим внезапно умолк.

- Это все чепуха, - сказал он после паузы. - Кажется, ты собиралась научить меня перемещаться?

- Да... и кое-чему еще! - ответила девушка.

В эту минуту она как будто стала выше ростом, лицо сделалось строже, на нем явственно проступили аристократические черты. Джим вздохнул. Чем не ледяная Афуан?

- Они могут отнять у меня животных, могут замучить их или убить... Но никогда они не отнимут у меня тебя! Я научу тебя всему, что знаю. Конечно, я знаю немного, и ты никогда не сравняешься с Высокородными, но по крайней мере, сможешь выжить в их обществе. Пусть моя кожа темнее, чем у принцессы, - отчеканила Ро с надменностью, адресованной, как понял Джим, отнюдь не ему, - но моя кровь не хуже крови любого Высокородного. И они это знают. Даже сам Император не имеет права без важной причины изгнать меня с Тронного Мира. Все владения Высокородных принадлежат также и мне - по праву! Пойдем. Я покажу тебе, что значит быть Высокородным и гражданином Мира Владык.

Она увлекла его за собой. Под высокими сводами зала с полированными металлическими стенами Джим разглядел одинокого низенького человечка с темно-коричневой кожей и длинными, до плеч, волосами. Человечек стоял возле стены, на блестящей поверхности которой переливался всеми цветами радуги отраженный свет.

По словам Ро, это был единственный член экипажа звездолета - инженер, обязанности которого заключались в устранении неполадок, если произойдет невероятное, и откажет какая-нибудь система.

По существу, корабль не нуждался в экипаже. Он сам регулировал скорость полета, безукоризненно выдерживал курс, кроме того, обеспечивал работу всех систем жизнеобеспечения.

Подобно огромной верной собаке, звездолет исполнял любое желание принцессы Афуан и готов был, правда, в меньшей степени, выполнить волю остальных пассажиров.

- Просто встань здесь и постарайся расслабиться, - учила Ро. - Корабль сам найдет с тобой связь.

- Связь со мной? - переспросил Джим. Он решил, что речь идет о телепатии, хотел было об этом сказать, но не сумел найти в языке Империи подходящего слова. К его удивлению, Ро прекрасно поняла и так, и постаралась как можно подробнее посвятить его в принцип работы корабля.

Оказывается, звездолету требовалось настроиться на индивидуальную частоту мозговых импульсов Джима, дабы впоследствии улавливать любое исходящее от него мысленное желание. Речь шла о мыслеформах. Любые достаточно яркие образы способны вызвать механическую субактивность тела, объяснила Ро. Причем физическое тело отзывается на подобные образы так, как если бы они существовали в действительности. Системы корабля сопоставляют импульс желания с возникшей мыслеформой и обеспечивают его исполнение.

Приблизительно так же осуществлялся и бросок звездолета сквозь многие световые годы за считанные дни. Только для этого требовалось несравненно больше энергии. Корабль вместе с содержимым как бы распадался на части, так называемые "элементарные массы", и, достигнув цели, восстанавливался. Существовал определенный "потолок" расстояния, которое возможно было покрыть за одно перемещение, хотя особой роли это не играло, ибо ограничений на количество перемещений не существовало.

- ... В действительности корабль никуда не движется. Он просто меняет пространственные координаты, - тут Ро принялась так сыпать терминами, что Джим отчаялся что-либо понять.

После нескольких попыток перемещения с места на место у Джима вновь появилось недавнее ощущение - приятное щекотание перышком внутри головы...

Вначале он удачно перескочил из одного угла зала в другой. Несколько минут спустя, почувствовав себя уверенней, он стал перемещаться в другие комнаты - разумеется, туда, где уже побывал и мог припомнить интерьер.

Затем Ро повела его к себе и принялась обучать его азам социальных наук Высокородных. Джим был поражен: он никак не ожидал, что Ро - хотя в этом она ничем не отличалась от прочих Высокородных - обладает столь обширными знаниями во всех областях науки и общественной жизни, вплоть до повседневных бытовых мелочей. Зачем ей это было нужно - оставалось загадкой. Например, осведомленность в устройстве корабля. Ясно, что Ро не придется торчать у приборных досок и менять неисправные блоки. И в то же время, если бы возникла такая необходимость, Ро могла построить звездолет в одиночку, полагаясь исключительно на собственные знания.

В свою очередь, Ро приходила в восторг от необыкновенной сметливости и ученических талантов Джима.

- Ты уверен, что все запомнил? - прерывала она урок на полуслове. - Никто и никогда, кроме Высокородных, не усваивал науки с такой легкостью.

В ответ он приводил на память длиннейшие цитаты из лекций Ро, не упуская ни единой мелочи. Успокоенная, но не вполне разуверенная, Ро рассказывала дальше, а Джим продолжал, подобно губке, впитывать в себя премудрости Мира Владык, о расе Высокородных, управляющих громадной Империей с высот этого мира.

Постепенно в сознании стала вырисовываться ясная картина. Словно наполовину разгаданный кроссворд, когда известные слова по вертикали помогают угадать неизвестные по горизонтали. Оказывается, Высокородные не были коренным населением Мира Владык. Более того: нынешние обитатели Тронного Мира добились своего положения с позиции скорее слабости, чем силы.

Сначала, правда, Мир Владык пробовал диктовать свою волю и управлять колонизированными планетами. Попытка эта вскоре провалилась. С развитием космической техники и увеличением мощи флотов колоний, те правдами и неправдами стремились заполучить автономию. По прошествии нескольких тысячелетий Империя расширила свои границы до самых окраин Галактики, где расстояния между обитаемыми планетами столь велики, что даже гигантский Имперский Звездный Флот не в силах был контролировать ситуацию. Колонисты напрочь забыли о Тронном Мире, а если и вспоминали, то лишь как о легендарной материнской планете, прародине цивилизации космических скитальцев.

Однако еще прежде, чем звездная экспансия достигла критической фазы, в некоторых кругах Империи зародилась идея централизованного управления человечеством. Сложился образ планеты - средоточия власти, а на деле представляющей собой интеллектуальный центр Империи. Вселенская библиотека, информационный улей, вместилище новейших достижений науки - такой планетой сделался Мир Владык. Никто не подозревал, что этим будет дан толчок к возникновению новой расы.

Как и следовало ожидать, Мир Владык начал притягивать лучшие умы со всех концов Империи. Образовалось нечто вроде интеллектуальной элиты человечества. Этому способствовали и щедрые гонорары за плоды умственного труда, и возможность общения с лучшими специалистами, и доступность любой информации.

Вскоре иммиграция на планету достигла столь внушительных размеров, что властям пришлось ввести ограничения. Неиссякаемый родник научной и технической мысли, Тронный Мир год от года делался богаче и могущественнее, и постепенно возвысился над всеми остальными планетами. Только лучшие из лучших отныне имели право селиться в Мире Владык. Исключение составлял обслуживающий персонал из квалифицированных мастеровых, живших здесь на положении рабов.

За минувшие со дня основания Центра десять тысячелетий, когда Империя не только не уменьшилась, но даже значительно разрослась, основное население Мира Владык постепенно превратилось в особую расу. Контроль рождаемости, строгий отбор выделили и физические признаки Высокородных - белая, как оникс, кожа, лимонно-желтые глаза, белоснежные волосы. Так сложился облик аристократов, голубой крови Империи. Приток провинциальных гениев практически иссяк - вновь прибывшие не попадали в разряд Высокородных, их уже называли "цветными", и они могли лишь надеяться, что через поколения потомки их, быть может, сподобятся особой чести быть причисленными к белокожей элите.

- Запомни, - наставительным тоном сообщила Ро, когда звездолет совершил посадку в Мире Владык, и они с Джимом готовились покинуть корабль. - Всегда есть шанс, пусть даже самый ничтожный - для всех и даже для тебя, Волчонок. О, конечно, они все кинутся рвать тебя в клочья, едва заподозрят, куда ты метишь. Но если ты умен и готов ко всему, они будут бессильны. Я помогу тебе - и мы еще посмотрим, кто кого!

Ее глаза сверкнули торжеством. Джим улыбнулся и, решив переменить тему, спросил, что произойдет, когда они покинут корабль.

Ро пожала плечами.

- Не знаю. Афуан мне ничего не говорила. Возможно, она захочет сразу представить тебя Императору.

После такого ответа Джим был почти готов к событиям, развернувшимся после приземления. Спустя примерно час стены каюты вдруг исчезли, и он обнаружил себя на арене, с чемоданами у ног. Перед ним выстроилась полная куадрилья - бандерильос, пикадор, всадники на лошадях... Точная копия той, с которой он выступал на Альфе Центавра 3. И только люди в костюмах были маленького роста, темнокожие и длинноволосые.

- Эти лошади - искусственные, - послышался рядом голос.

Джим обернулся и увидел принцессу Афуан. Она стояла в нескольких шагах позади.

- То же относится и к быку, с которым ты будешь тренироваться. Ты должен в точности повторить увиденное зрелище. Гоняй своих помощников до тех пор, пока они навеки не усвоят, чего от них хотят.

Принцесса исчезла. Очевидно, решив, что сказала достаточно.

Джим огляделся. Арена оказалась точной копией арены Альфы Центавра, на хрустящий песок которой он в свое время уложил двух быков. За одним исключением - здесь было до отвращения чисто. Амфитеатры, построенные на Альфе Центавра из бурого бетона, здесь сверкали ослепительной белизной благородного мрамора. Даже песок арены был белый, как снег.

Джим наклонился, открыл один из чемоданов, достал два плаща - один побольше, другой поменьше - и шпагу. Решив обойтись на этот раз без парадного костюма, он закрыл чемодан и отнес пожитки за ближайший барьер.

Внезапно на арене зазвучала музыка. Неизвестно, как и откуда она доносилась, но это была именно та музыка, какая требовалась. Уверенно попадая в такт, Джим прошелся перед куадрильей, демонстрируя изящную походку тореадора, затем приблизился к обитой красным бархатом ложе, по всей видимости, императорской.

Затем произошло невероятное. Длинноволосые, темнокожие человечки передвигались по арене не только со знанием дела, но и в точности копируя движения оставшихся на Альфе Центавра бойцов. Очевидно, все перипетии последнего боя запомнила либо сама Афуан, либо кто-то из ее приближенных, затем они составили программу, по которой муштровались новобранцы. Доходили до нелепостей. Если на Альфе человек прислонялся к барьеру отдохнуть, его дублер в Мире Владык повторял тот же жест с точностью до дюйма. Абсурдность ситуации проявилась еще ярче, когда Джим вышел с плащом один против быка.

Сконструировав искусственного зверя для тренировок, Высокородные запрограммировали его на повторение действий, совершенных убитым быком. Они не подозревали, что тот бык в свою очередь запрограммирован биологами Земли.

Шпага Джима вонзилась в холку зверя, и тот послушно свалился замертво. Джим оглянулся на подручных - не пора ли передохнуть? Но те, казалось, ничуть не устали и готовы были продолжать.

Повторяя программу, Джим смотрел не на быка - каждый шаг животного он мог предсказать с закрытыми глазами - а на своих помощников. Теперь он заметил, что, несмотря на отработанность движений, в их поведении присутствовала некая скованность. Видимо, сказывались негибкость мускулов и недостаточная тренированность - важнейшие критерии подготовки куадрильос. Эти люди добросовестно выучили все, что им было приказано, однако к подобным нагрузкам явно не привыкли.

Прежде чем закончить тренировку, Джим в третий раз отрепетировал все представление. С реакцией все было в порядке, программа не требовала особого напряжения сил, но все же под конец он почувствовал себя основательно измотанным. И тем не менее, последующие четыре дня он без устали повторял и повторял все сначала, пока куадрильос не усвоили, наконец, что им надлежит делать и как. Причем, не столько в силу пресловутой программы, сколько благодаря приобретенному опыту и развившимся рефлексам.

Позже Джим обнаружил, что может отчасти управлять действиями быка путем создания у себя в голове соответствующих мыслеформ. Очевидно, где-то здесь, в Мире Владык, существовал центр, подобный корабельным системам мозговых импульсов, только гораздо большей мощности. Это случайное открытие привело к тому, что на шестой день Джим продемонстрировал своей куадрилье новый вариант боя.

Для каждого из шести привезенных быков была предусмотрена своя собственная программа - на случай, если кто-то заподозрит, что быки вообще запрограммированы. Разумеется, он знал все программы до единой. И в этот раз заставил быка работать по программе номер шесть, в надежде, что либо ему и вовсе не придется оживлять последнего быка, либо куадрилья успеет к тому времени позабыть подробности схватки.

На время тренировок в распоряжении Джима было несколько комнат в каком-то бесконечном одноэтажном здании. В отличие от корабельных помещений, здесь имелись двери и коридоры, по которым он мог ходить куда вздумается. Правда, обойдя подряд все комнаты, осмотрев двор и сад, он не встретил ни одного Высокородного, только несколько цветных мужчин и женщин, по всей вероятности, слуг.

Ро не навещала его. Несколько раз появлялась Афуан, справляясь о ходе тренировок. Выслушивая доклады Джима, она не выказывала никаких признаков нетерпения, но когда, наконец, он

сообщил о полной готовности к выступлению, лицо принцессы заметно просветлело.

- Прекрасно! - воскликнула она. - Ты будешь выступать перед Императором. Скоро.

И исчезла.

На следующее утро Афуан вернулась и приказала в течение сорока минут приготовиться к выступлению.

- Но я не могу так скоро оживить быка, - возразил Джим.

- Об этом уже позаботились, - сказала она высокомерно.

Джим принялся торопливо натягивать парадный костюм. Для этой процедуры требовался помощник, однако выбирать не приходилось. Он был уже наполовину одет, когда вдруг осознал смехотворность положения и громко расхохотался.

- Ну почему, когда нужно, Ро никогда не оказывается рядом? - задал он вопрос самому себе и белоснежным стенам комнаты.

К его глубочайшему изумлению, Ро возникла перед ним подобно джину из бутылки.

- Что нам делать? - поинтересовалась она вместо приветствия.

Джим остолбенело смотрел на девушку, потом вновь рассмеялся.

- Только не говори, что ты меня услышала, - сказал он.

- Отчего же? - удивилась она. - Я просила дать мне знать сразу, как только ты меня позовешь. Но ты ни разу этого не сделал.

Джим улыбнулся.

- Я давно бы это сделал, если бы знал...

Ро покраснела. Джим довольно ухмыльнулся. Но его легкомыслие вмиг улетучилось, когда девушка воскликнула:

- Я очень хотела тебе помочь! Но, видно, тебе не нужна моя помощь.

- Пожалуй, просить о помощи действительно не в моих правилах, - согласился Джим.

- Ну, хватит препираться. - Ро примирительно улыбнулась и знакомым жестом потрепала Джима по руке. - Кто прошлое помянет... Говори, что нужно делать?

- Мне надо одеться, - признался Джим.

Неожиданно она хихикнула. Он удивленно повел бровью.

- Да нет, все в порядке, - поспешно сказала Ро. - Просто одевание - забота слуг. Иначе быть не может. А тут... - Она снова хихикнула и подобрала с пола его шляпу. - Это куда?

- Никуда, пока что, - буркнул Джим. - Это - в последнюю очередь.

Ро послушно отложила шляпу и принялась помогать ему облачаться в снаряжение.

Когда с одеванием было покончено, Ро отступила на шаг и с любопытством оглядела Джима с ног до головы.

- Странный наряд, но тебе идет.

- Разве ты не видела меня на арене? - поинтересовался Джим.

Она покачала головой.

- Я была занята на корабле. И даже не думала, что это так интересно.

С довольно-таки потешным выражением лица она наблюдала, как Джим извлекает из чемодана шпагу и, вооружившись, выпрямляется в полном боевом облачении.

- Зачем это? - спросила она.

- Тряпки, - Джим потряс плащами, - для того, чтобы дразнить быка, а вот этим, - он вытащил клинок из ножен, - убивают зверя в конце представления.

Рука девушки метнулась ко рту, глаза округлились, лицо побледнело. Она непроизвольно шагнула назад.

- В чем дело? - спросил Джим недоуменно.

Ро попыталась что-то произнести, но в конце концов лишь тоненько вскрикнула. От выражения ее глаз Джиму стало не по себе.

- В чем дело? Что случилось? - настойчиво допытывался он.

- Ты не говорил мне... Она наконец совладала с волнением, - Ты не говорил, что собираешься у б и т ь быка!

Она всхлипнула, резко повернулась и исчезла из комнаты.

- Н-да, - произнес голос за спиной.

Джим обернулся и очутился лицом к лицу с принцессой Афуан.

- Оказывается, даже неглупые на первый взгляд Волчата способны допускать ошибки. Разве ты не понял, что всякая живность - слабое место Ро? Видимо не понял...

Взгляд Джима сделался подчеркнуто холоден.

- Ты права, - ответил он бесцветным голосом. - Мне не следовало забывать об этом.

- Вот разве что... - Она изучающе сверлила его лимонно-желтыми глазами. - Разве что ты собирался умышленно причинить ей боль. Возможно даже, у тебя сложилось непомерно высокое мнение о собственной персоне... Еще бы! За столь малый срок заполучить не только верного друга в лице маленькой Ро, но и

обзавестись таким врагом как Мекон! Добиться участия в своей судьбе двух титулованных особ - Словиеля и самого Галиана!

Внезапно Джим почувствовал, словно ее взгляд проник ему в самую глубину души.

- Ты меня видишь?

- Вижу, - ответил он, не меняясь в лице, но внутренне сжавшись.

Афуан преображалась на глазах. Точнее, облик ее оставался неизменным вплоть до мельчайших деталей, но вдруг сквозь него проступило наружу нечто новое, запредельное. В единый миг Принцесса - рослая статная женщина с лицом цвета оникса, желтыми глазами и золотыми волосами - сделалась привлекательной. И не просто привлекательной, а неотразимо, невероятно желанной. Настолько желанной, что Джиму потребовалось собрать в кулак свою волю, чтобы удержать себя в должных границах. На него обрушился целый водопад возбуждающей энергии - энергии самки, сознающей, что она желанна, и атакующей с бесстыдным бешеным напором.

Лишь долгие годы тренировок и отшельничества помогли ему совладать с этим гипнотическим потоком. Он понял одно: принцесса хочет заставить его предать то, что до сего момента было ему дороже всего на свете. Все, что он долгие годы искал и находил, все, что принадлежало ему одному и никому больше, ибо в исканиях своих он почти всегда шел нехожеными тропами... И это сейчас у него отнимали, требовали отдать на заклание - во имя чего? Ради призрака - принцессы Афуан, которая не будет ему принадлежать никогда. Он это понял. А поняв, обрел силы и устоял.

И вдруг, без всякого перехода, Афуан вновь стала сама собой. Величавой, далекой и недоступной. И по земным меркам - не слишком-то привлекательной.

- Невероятно, - удивительно мягким тоном выговорила она. В этот момент глаза ее казалось, стали слегка раскосыми. - Просто невероятно, особенно для Волчонка... Но, кажется, я поняла. Когда-то давным-давно, в тебе проснулось честолюбие... Причем честолюбие твое больше самой Вселенной!

Спустя секунду Джим оказался перед самым входом на арену. Публика заполнила трибуны до отказа.

Заиграла музыка, и во главе куадрильи Джим направился по снежно-белому песку к императорской ложе. Присмотревшись, он разглядел внутри Галиана, Афуан, а в середине ложи сидел Высокородный с необыкновенно широкими плечами. И только

подойдя вплотную, Джим понял, что обознался - рядом с Афуан был не Галиан, а другой Высокородный, очень на него похожий. Потом Джим припомнил: Галиан - родной брат Императора, и значит, он стоит перед августейшей особой Тронного Мира.

Внушительная фигура Императора возвышалась над окружающими, словно утес на морском берегу. Монарх смотрел на Джима честным и открытым взглядом - весьма необычное явление в среде Высокородных. И даже на расстоянии в нем чувствовался глубокий и проницательный ум.

Император улыбнулся Джиму, как будто благословляя на открытие корриды. Глаза сидящей рядом Афуан были пусты и подчеркнуто безразличны.

Джим взял за правило посвящать убитого быка кому-либо из присутствующих, приканчивая животное в непосредственной близости от избранной особы. Нынче избранник напрашивался сам собой. Джим устремил куадрилью в сражение. Несмотря на новизну программы, помощники Джима неплохо справлялись с обязанностями. Быка, скорее всего выбрала Афуан, либо кто-то из ее свиты - понятия не имея ни о каких программах. К счастью, Джим наизусть знал все варианты, и едва бык выскочил в круг, тореадор уже предвидел каждый следующий его шаг.

И все же он не позволял себе расслабиться. Кроме того, ему не давал покоя разговор с Афуан. Принцесса, несомненно, обладала ясным и на редкость беспощадным умом.

Бой близился к закономерному благополучному исходу. Бык, в отличие от убитого на Альфе Центавра 3, оставался в полной силе до последнего момента. Наконец Джим обнажил шпагу, грациозным движением поразил быка прямо напротив главной ложи, и высвободив оружие, сделал несколько шагов к Императору - отчасти из желания посмотреть на реакцию самодержца, а отчасти потому, что помнил слова Ро, сказанные на корабле: от него будут ждать именно этого.

Он подошел к самому барьеру и взглянул в лицо Императору. Тот улыбнулся с высоты. Глаза его, казалось, горели ярким огнем, но Джиму почудилась в этом взгляде непонятная отстраненность.

Улыбка Императора стала еще шире. Из уголка рта скользнула вниз тоненькая струйка слюны.

- Уоу, - произнес он, улыбаясь все шире и глядя сквозь Джима куда-то вдаль. - Уоу...

5

Джим стоял не шевелясь, не зная, как поступить. Высокородные - и находящиеся в императорской ложе, и во множестве заполнившие трибуны - казалось, ничего не замечали. Как будто все было в порядке вещей.

Джим решил, что лучше вести себя так же. Афуан и приближенные сидели с каменными лицами, невозмутимо наблюдая, как он и Император "ведут приватную беседу". Нелепость ситуации действовала гипнотически, и Джим еще раз недобро вспомнил недавний разговор с Афуан. Разница было лишь в том, что толпа здесь внушала не кому-нибудь, а самой себе - дескать, ничего не происходит, все идет как надо...

И вдруг наваждение кончилось.

Струйка исчезла с лица Императора, будто ее и не было. Улыбка стала тверже, взор обрел осмысленность.

- ... более того, Нам будет интересно познакомиться с тобой поближе, - сказал вдруг Император, словно продолжая начатую беседу. - Ты - первый Волчонок, которого Мы видим за долгое время. Как только ты отдохнешь, приходи прямо к Нам, не стесняйся.

Лицо его выглядело открытым и дружелюбным. В глазах искрился теплый огонь.

- Благодарю, Оран, - поклонился Джим.

Он уже знал, как надо говорить с Императором: если беседуешь лично, обязан обращаться по имени. Оран - так его звали.

- Мы будем рады тебя видеть, - сказал Оран, широко улыбаясь.

Он исчез, и через несколько секунд трибуны опустели.

Джим вызвал в голове образ своей комнаты. Оказавшись там, он принялся стаскивать тугой жилет и в тот же миг почувствовал, что ему помогают. Обернувшись, он увидел Ро.

- Спасибо, - проговорил он и улыбнулся через плечо.

Девушка продолжала молча помогать ему; вид у нее был крайне озабоченный, на щеках снова играла краска.

- Конечно, это ужасно... - прошептала она, уставясь в пол. - Но раньше я не понимала. - Внезапно она подняла глаза. - Джим, ведь этот зверь пытался убить тебя!

- Ну да, - Джим тоже покраснел. Игра-то была нечестной. - Да, так оно и есть.

- Как бы там ни было,- угрюмо, но решительно сказала Ро, - если нам повезет, тебе больше не придется этим заниматься. Это

великая удача, что ты сразу приглянулся Императору... И ... Нука, догадайся!

Наполовину раздетый Джим устремил на нее непонимающий взгляд.

- Что такое?

- Я нашла тебе поручителя! - единым духом выпалила Ро. - Кого бы ты думал? Словиель! Ты ему понравился еще тогда... словом, при первой встрече. Он хочет видеть тебя в числе своих друзей. Понимаешь, что это значит?

Она замолкла, ожидая ответа. Джим покачал головой - такого они не проходили.

- Это значит, что ты больше не раб! - пояснила Ро. - Я давно хотела найти для тебе поручителя, но не ожидала, что это окажется так просто. Я специально ничего тебе не говорила. Чтобы не обнадеживать понапрасну. Но Словиель пришел ко мне сам!

- Неужели?

Джим забеспокоился, но постарался это скрыть, подумав, не состоят ли в тесной связи намерения Словиеля, визит Афуан и происшедший на корабле разговор между ним и Галианом. Ему захотелось поделиться этими мыслями с Ро, однако, здраво рассудив, Джим решил повременить. Неминуемо пришлось бы посвящать девушку в подробности визита Афуан, а этого он не хотел. По крайней мере теперь.

Он вдруг спохватился, что Ро продолжает старательно его раздевать и, зайдя в своих стараниях весьма далеко, по-видимому не придает этому никакого значения. Джим и сам спокойно относился к подобным вещам, однако, явное отсутствие чувственности в этой девушке слегка его укололо. Так чистит лошадь богатый хозяин, желая лично продемонстрировать ее гостям во всем блеске и потому не доверяя слугам.

- Спасибо, - Джим отстранился. - Дальше я сам.

Он переоделся в шотландскую юбку и зеленую рубашку с коротким рукавом.

Ро следила за ним с гордым обожанием.

- Расскажи мне поподробнее об этом поручительстве, - попросил Джим. - Зачем это нужно?

- Как зачем? Разумеется, чтобы Мир Владык тебя усыновил. Неужто ты не понимаешь? Я же говорила, что некоторым особо одаренным людям из колоний в порядке исключения дозволяется поселиться в Тронном Мире. Конечно, они не могут быть причислены к Высокородным; самое большее на что они вправе надеяться, что Высокородными когда-нибудь станут их внуки

либо правнуки. Это и есть усыновление. Начинается оно, как правило, с согласия кого-либо из Высокородных стать гарантом-поручителем кандидата.

- Ты хочешь, чтобы меня усыновили как Высокородного?

- Ну конечно!

От радости девушка даже стала приплясывать.

- Представляешь? Если кто-нибудь за тебя поручится, значит, процесс усыновления начался. С этого момента, как будущий Высокородный, ты находишься под защитой императорской власти. Если, конечно, сам Император не откажет в усыновлении. Но пока еще никому не отказывали. Даже не знаю, что нужно сотворить, чтобы Император разгневался и выгнал человека с позором. Значит, если Словиель поручился, ни один Высокородный не имеет права относиться к тебе как к цветному. Жизнь твоя тоже вне опасности. Даже Афуан и Галиан ничего не смогут с тобой поделать. А если что и замыслят, то вначале им придется подать официальную жалобу Императору. Только так.

- Понятно, - кивнул Джим. - Скажи-ка мне вот что, когда я буду разговаривать с Императором, я могу напомнить, что Словиель за меня поручился?

- Разговаривать с Императором?! - Ро расхохоталась. Потом сконфуженно положила руку ему на плечо.

- Извини. Я зря смеялась. Дело в том, что ты можешь прожить здесь всю жизнь, но ни разу не поговорить с Императором.

- Тогда я должен умереть немедленно, - сказал Джим. - Потому что Император пригласил меня сегодня к себе.

Ро долго разглядывала Джима, затем медленно покачала головой.

- Это невозможно, Джим. Он сказал, и что с того? Он мог сказать что угодно. Если он захочет тебя видеть, ты окажешься перед ним в один миг. А до тех пор тебе остается только ждать.

Джим нахмурился.

- Мне очень жаль, - сказала Ро. - Ты этого не знал? Император частенько говорит подобные вещи. А потом забывает о своих словах. Иногда он говорит это, чтобы просто что-нибудь сказать. Или сделать комплимент...

Кажется, у Джима было нехорошее лицо, ибо Ро внезапно побледнела.

- Не смотри так! - вскрикнула она и что было сил тряхнула его за руку. - Ни один человек не смеет так смотреть!

- Успокойся, - Джим принужденно усмехнулся. - Скорее всего, ты ошибаешься. Я навещу Императора. Кстати, где его можно найти?

- Он должен быть во дворце Вотана... - Ро пристально глянула Джиму в глаза. - Неужели ты в самом деле собрался туда? Ну как ты не поймешь? Ведь ты не можешь...

- Объясни, как туда попасть.

- Не смей! - вскричала Ро. - Он прикажет старкинам убить тебя. А скорее всего, они тебя убьют без всякого приказа...

- Ого! А с какой стати нашим старкинам убивать Волчонка? - раздался за их спиной чей-то голос.

Они обернулись и увидели Словиеля. Ро сразу набросилась на него, как будто именно Словиель был камнем преткновения в споре.

- Император сегодня наговорил Джиму всякой чепухи, дескать, чтобы Джим пришел к нему в гости, - тараторила она. - И теперь он просит, чтобы я отправила его туда. Да я в жизни этого не сделаю!

Словиель рескатисто рассмеялся.

- А что здесь такого? Ха! Я в и т ь с я к Императору! Ро, если ты ему не поможешь, помогу я.

- И ты еще! - вконец рассердилась Ро. - И ты еще собирался за него поручиться!

- Конечно, - подтвердил Словиель. - Потому что я восхищен этим человеком. И еще я мечтаю полюбоваться на рожу Галиана, когда он обо всем узнает... Но если этот ... как ты его называешь? Джим?.. Если он так хочет погибнуть раньше, чем поручительство оформят официально, почему я должен заступать ему дорогу?

Словиель через голову Ро глянул на Джима.

- Ты действительно хочешь пойти? - спросил он.

Джим хмуро улыбнулся.

- Я Волк и не привык отступать.

- Отлично, - сказал Словиель. - Я тебя туда отправлю. - Он оттолкнул девушку, пытавшуюся ему помешать, и добавил: - Как посмотрят на это Вотан и Император, узнаешь сам.

Джим очутился в просторной зале с прозрачным потолком, сквозь который виднелись облака. Впрочем, небо могло оказаться иллюзией, но разбираться было некогда - шестеро людей, находившихся в зале, мгновенно заметили его появление. Одним из них был Император. При виде постороннего человека он оборвал речь на середине фразы и чуть отшатнулся от собеседника -

пожилого широкоплечего Высокородного, того самого, который недавно сидел рядом с ним в императорской ложе. Рядом с этими двумя, спиной к Джиму, стоял третий, которого Джим видел впервые; сейчас он изумленно обернулся, желая разузнать причину внезапного молчания Императора. Чуть поодаль расположились трое мускулистых атлетов с серой кожей и лысыми головами - очевидно, той же расы, что и Рис, телохранитель Галиана. На них были кожаные набедренные повязки; странные, похожие на тонкий эластик, ленты плотно обтягивали их мощные торсы. Каждый был при черной трубке, и сейчас все три ствола смотрели Джиму прямо в лоб.

- Стойте! - резко произнес Император, и стволы, устремленные на Джима неуверенно заколебались. - Это... - Несколько секунд он смотрел припоминая, потом по лицу поползла улыбка. - Ба, это же Волчонок!

- Вот именно! - подал голос пожилой Высокородный. - Что ему здесь надо? Племянник, лучше бы тебе...

- Нет, - прервал его Император, приближаясь к Джиму, - Я же сам пригласил его, разве ты не помнишь, Вотан ? Я пригласил его, когда он убил быка.

Его рослая фигура оказалась между Джимом и телохранителями. На середине пути Император замер, улыбаясь.

- И ты сразу поспешил к нам, верно, Волчонок? - дружелюбно спросил он. - Ты не хотел заставить нас долго ждать?

- Да, Оран. - ответил Джим.

Старик, названный Вотаном, подошел и встал рядом с Императором. Лимонные глаза грозно сверкнули из-под нависших белых с чуть заметной желтизной бровей.

- Племянник, - глубокомысленно изрек он. - Этого Волчонка следует наказать. Он совершил поступок. Сам знаешь, стоит раз пропустить, и законы перестанут быть законами. Разве позволительно нарушать закон?

- Будет тебе, Вотан! - отмахнулся Император. - Много ли у нас Волчат, знающих наши законы? К тому же, я сам его приглашал. Присядь, Волчонок. И ты, дядя, и ты, Лорава... - Император обернулся к третьему Высокородному худощавому юноше. - Давайте все сядем и поговорим с Волчонком. Скажи нам, Волчонок, откуда ты? Из какого-нибудь отдаленного уголка Империи, верно?

- Да, Оран, - ответил Джим.

Принимая приглашение, он сел. Недовольный Вотан молча опустился на подушку близ Императора. Юный Лорава торопливо бухнулся на первую попавшуюся.

- Забытая колония, забытый мир... - словно про себя пробормотал Император. - Населенный дикими людьми и, конечно, дикими зверями...

- Да, - сказал Джим. - У нас пока хватает диких животных, хотя за последние века их стало значительно меньше. Люди любят подчинять природу.

- Иногда люди не прочь подчинить и себе подобных, - заметил Император.

По его лицу внезапно пробежала тень, словно он припомнил некий печальный случай из жизни. Джим украдкой наблюдал за Императором. Трудно было поверить, что этот человек совсем недавно выглядел совершенным дебилом.

- Но ваши мужчины... и женщины - они похожи на тебя? - спросил Император, заглядывая Джиму в глаза.

- Мы все разные, Оран.

Император рассмеялся.

- Ну конечно!! Вы же все дикие! Не то, что мы, Высокородные Мира Владык!

Из голоса Императора внезапно исчезли нотки иронии.

- Как получилось, что мы вновь обрели ваш мир после того, как потеряли много тысяч лет назад?

- Это не вы нас обрели, - поправил Джим. - Это мы обнаружили один из окраинных миров Империи. Совершенно случайно.

В комнате повисла тишина, которую прервал внезапный смех Лоравы.

- Он лжет! - воскликнул юноша. - Они нас разыскали? Они?! С какой стати они тогда терялись?

- Молчать!! - рявкнул на Лораву Вотан. - Ты утверждаешь, Волчонок, что твой народ прошел весь путь самостоятельно? От первобытных войн до космических путешествий?

Джим ответил лаконичным "да".

Вотан смотрел на него тяжелым взглядом.

- Это дело необходимо расследовать, племянник, - повернулся он к Императору. - Оно того заслуживает.

- Расследовать... да-да... - судя по всему, мысли далеко унесли Императора. Он уставился куда-то в пустоту, лицо его стало меланхоличным. Вотан глянул на племянника, встал и, подойдя к Джиму, повелительно тронул пальцем за плечо. Послушно

поднявшись, Джим последовал за Вотаном в противоположный конец залы.

- Лорава, ты пока не нужен, - сердито бросил Вотан увязавшемуся за ними юноше. Затем повернулся к Джиму.

- Словиель обратился к нам с поручительством за тебя. Насколько мне известно, ты был привезен принцессой Афуан и, если я верно понял, имел в пути беседу с Галианом. Это так?

Джим кивнул.

- Понятно, - сказал Вотан. Внезапно взгляд его буквально впился в Джима. - Кто из этих троих предложил тебе своевольно нанести визит Императору?

Джим покачал головой и слегка улыбнулся возвышающемуся над ним старцу.

- Нет. Я пришел сам - в ответ на приглашение Его Величества. О своем намерении я поставил в известность только двоих - Словиеля и Ро.

- Ро? - Вотан нахмурился. - Цветная девочка, выродок, которую держит при себе Афуан?.. Это она посоветовала тебе?

- Напротив, она пыталась меня удержать, - возразил Джим. - Что касается Словиеля, ему показалось забавным, что я собрался к Императору...

- Забавным?! - повторил Вотан. - Ну-ка, посмотри мне в глаза, Волчонок!

Джим взглянул в лимонно-желтые зрачки под навесом кустистых бровей. Сверкнув неожиданно ярко, они поплыли перед глазами, стремясь слиться в одно огромное желтое око.

- Сколько у меня глаз? - услышал он рокочущий голос Вотана.

Два глаза плыли навстречу друг другу, точно два полыхающих солнца. Джим почувствовал, как сознание обволакивает тягучая пелена - это было очень похоже на гипноз Афуан.

Он сосредоточился - и солнца разделились.

- Два, - ответил он твердо.

- Ошибаешься, Волчонок, - настаивал Вотан. - У меня всего один глаз! Один!

- Нет, - возразил Джим. - Я вижу два.

Вотан нахмурился. Взгляд Высокородного потускнел, напряжение спало.

- Стало быть, так я ничего не выясню, - задумчиво проговорил он вполголоса. - Но ты понимаешь, Волчонок, что мне ничего не стоит узнать правду?

- Да, - сказал Джим. - Я в этом убежден.

Вотан задумался.

- Пожалуй, тут скрывается много больше, нежели видно на поверхности... Конечно, Император вправе обращаться с тобой, как с человеком, за которого поручился Словиель, но... Недурно бы придумать что-нибудь. Посмотрим...

Он резко повернулся и бросил в пространство:

- Лорава!

Юноша явился на зов.

- Император назначает Волчонка офицером старкинов. Проследи за исполнением приказа. И пришли ко мне Мелнеса.

Лорава исчез. Спустя несколько мгновений перед ними возник субъект в тунике и юбке традиционного белого цвета. Он был худощав и смугл, почти как Джим, и рыжеволос. Голова у него была маленькая, лицо невыразительное, лишь глаза выделялись на нем черными, словно уголь, колючими точками. Выскородным он, очевидно, не являлся, однако от его облика исходило столько воли и уверенности, что на фоне звероподобных Старкинов-телохранителей этот человек смотрелся куда более выгодно.

- Мелнес, - обратился к нему Вотан. - Перед тобой - Волчонок. Только что Император назначил его офицером старкинов. А несколько часов назад он выступал на арене.

Мелнес кивнул. Черные глаза его стрельнули в сторону Джима, затем снова вернулись к фигуре старца.

- Именно так. Офицером старкинов дворцовой охраны. Лораве приказано проследить за формальностями. Я хочу, чтобы ты, Мелнес, растолковал ему обязанности. Эти обязанности должны быть максимально необременительны.

- Да, Вотан, - голос у Мелнеса был глубокий и сильный. - Я сделаю все, что нужно.

Вотан обратился к Джиму.

- Мелнес - мажордом дворца. Практически, он начальник всего цветного населения Мира Владык. Если возникнут проблемы, обращайся к нему. А сейчас ты вернешься к себе и больше никогда не появишься здесь самовольно, то есть, пока за тобой не придут.

Джим вызвал в уме обстановку помещения, где остались Ро и Словиель, и в тот же миг очутился на месте.

Они еще не ушли. Ро сразу кинулась ему на шею. Словиель засмеялся.

- Итак, ты остался в живых, - томно выговорил он. - Почему-то я так и предполагал. Даже предложил Ро побиться об заклад на один Пункт, но она не захотела. Рассказывай, что там было?

- Меня назначили офицером старкинов, - спокойно сказал Джим и тут же поймал быстрый взгляд Словиеля. - И еще, Вотан сообщил, что Император дал согласие на твое поручительство.

Ро вздрогнула и отступила на шаг с нескрываемым изумлением в глазах. Брови Словиеля взлетели вверх.

- Джим! - страшным голосом прошептала Ро. - Что там произошло? Что там случилось?

Джим вкратце пересказал события. Словиель восхищенно присвистнул.

- Прошу прощения, - сказал он. - Кажется, у меня появился отличный шанс выиграть несколько пари, прежде чем эти новости облетят Тронный Мир. - И он исчез.

Ро, однако, не двинулась с места. Посмотрев на девушку, Джим увидел в ее лице серьезное беспокойство.

- Джим, - начала она. - Неужели Вотан говорил обо мне в таком тоне? Что это я подучила тебя нарушить закон и потревожить покой Императора? Ведь он прекрасно знает, у кого я служу.

Джим ответил утвердительно. И улыбнулся, правда, улыбка вышла мрачной.

- Интересно, не правда ли?

Внезапно Ро задрожала.

- Нет! Это страшно! - тихо, но выразительно произнесла она. - Это страшно! Я могла бы научить тебя многому и помочь тебе выжить в этом мире. Но теперь, когда в твою жизнь вмешались другие... - голос ее пресекся от волнения.

Джим молча разглядывал девушку, затем не спеша произнес:

- Ро, скажи мне, Император болен?

- Болен? - удивленно переспросила Ро. - Ты имеешь в виду - нездоров? - Она рассмеялась. - Джим, никто из Высокородных никогда ничем не болеет. Тем паче Император.

Джим покачал головой.

- Нет, с ним явно что-то не в порядке. И думаю, это не секрет для многих. Ты заметила, какое у него было лицо, когда он заговорил со мной на арене?

- Не понимаю.

- Неужели ты не видела? У него изо рта текла слюна, он издавал какие-то идиотские звуки... Впрочем, ты же сидела далеко...

- Джим! - Ро привычным жестом опустила руку на его плечо. - Каждое место на трибунах снабжено фокусирующим устройством. Когда ты дрался со своим животным... - при этих словах девушку охватила невольная дрожь, - я видела тебя так, как если бы находилась рядом. И когда ты подошел к императорской ложе, я тоже не отводила глаз. И если бы что-нибудь было не так, я бы заметила.

Он помолчал.

- Ты не видела того, что видел я? - спросил он наконец.

Ро бесстрашно выдержала его взгляд. Хотя Джим понимал - сейчас ей не очень-то хотелось смотреть ему в глаза.

- Я все видела, - убежденно произнесла она. - Как он с тобой разговаривал и как приглашал в гости. От начала и до конца.

Она продолжала смотреть на него так же честно.

Джим отвел глаза и заметил футах в пяти рослую фигуру бритоголового старкина.

Мгновенно насторожившись, он спросил:

- Ты кто?

- Меня зовут Адок - 1, - ответил старкин. - Но я - это ты.

6

Нахмурясь, Джим принялся бесцеремонно разглядывать пришельца, однако тот не выказал и тени смущения.

- Ты - это я? - переспросил Джим. - Не понял?

- Ну как же, Джим, - вмешалась Ро. - Он твоя замена. Ведь ты не можешь быть настоящим старкином. Сравни-ка себя и его.

- Высокородная абсолютно права, - заявил Адок - 1. - В случае, когда нестаркину по рождению жалуется звание офицера, ему обеспечивают замену.

- Стало быть, он мой заместитель? - догадался Джим.

- Я сказал: официально я - это ты, - сказал старкин. - Официальное мое имя Джемс Кейл. Я - Волчонок с планеты... - он долго не мог выговорить слово чужого языка, - Земля.

- Ты назвался иначе. Или мне послышалось?

- Для тебя я - Адок-1, - сообщил старкин. - Друзья твои могут называть меня по желанию, либо Адок-1, либо Джемс Кейл. Разницы нет.

- Я буду звать тебя Адок, - сказала Ро. - А ты зови меня Ро.

- Я понял, Ро, - старкин поклонился.

Джим недоуменно покачал головой. Желая побольше разузнать о новоиспеченном заместителе, он засыпал его вопросами. Как выяснилось, тот был начисто лишен чувства юмора. До тупости. Послушный, точно пес, старкин был готов не задумываясь пожертвовать жизнью во имя любого каприза своего хозяина, но в то же время называл фамильярно Джима по имени, отчего возникало впечатление, что Адок-1 испытывает перед ним двойственное чувство. Предполагая свое превосходство, старкин в то же время вынужден был находиться в полной зависимости от Волчонка.

Впрочем, детальным исследованием характера Адока можно будет заняться потом. Есть дела поважнее, решил Джим.

- Значит тебя приставили ко мне, - сказал он. - И что мне с тобой делать?

- Начнем с того, что мы будем все делать вместе, - сказав это, Адок-1 кинул быстрый взгляд на Ро. - Если Ро извинит нас, я посвящу тебя в обязанности старкинов.

- Кстати, и мне пора к питомцам, - заметила Ро. - Я появлюсь позже.

Коснувшись привычным жестом его плеча, она исчезла.

- Ладно, Адок, - Джим повернулся к старкину. - С чего начнем?

- С твоего позволения, осмотрим жилье подчиненных. Разреши проводить тебя.

- Валяй, - ответил Джим, и они переместились в помещение, напоминающее бесконечный плац. Несмотря на высоченный потолок, Джим чувствовал себя несколько неуютно.

- Где мы? - спросил он у Адока. Плац был пустынен, лишь вдали мелькали несколько силуэтов.

- Здесь устраивают парады... - Адок покосился на Джима, и по каким-то признакам тот догадался, что старкин пребывает в крайнем изумлении.

- Мы находимся примерно на глубине полумили от поверхности. Ты ничего не чувствуешь? Дело в том, что резкие перепады давления вызывают у Высокородных беспричинную тревогу.

- Нет, ничего такого я не заметил, - покачал головой Джим.

- Если тебя что-то гнетет или пугает, лучше скажи мне об этом, - посоветовал Адок. - Даже о том, о чем ты не сказал бы никому другому. Я должен знать в каких условиях тебе нужна дополнительная психологическая защита.

Джим хмыкнул. Место, где они находились, мало способствовало излиянию чувств, но Адок ему определенно нравился.

- Не волнуйся, - успокоил Джим. - Обычно я не подвержен психологической слабости. Но в случае чего обещаю поставить тебя в известность.

- Договорились, - Адок кивнул. - Теперь я скажу вот что. Время от времени тебе придется самому участвовать в парадах, и ты должен уметь перемещаться сюда самостоятельно. Запомни обстановку. А потом мы отправимся в арсенал - подберем тебе оружие.

Арсенал представлял собой ярко освещенный, узкий коридор, в стенах которого были вмонтированы открытые кабинки. Там висели кожаные юбки и длинные серебристые ленты.

В одной такой кабинке Джим выбрал себе снаряжение. Затем они побывали в казарме старкинов-солдат, осмотрели жилье, учебные классы, столовую, убогое и странное подобие зимнего сада с искусственным освещением и, наконец, к полному изумлению Джима, торговый центр, набитый множеством старкинов и их слуг-людей еще более низших каст.

Следующим этапом была просторная благоустроенная зала, напомнившая Джиму обиталище Императора. Здесь у него пропало гнетущее чувство, и он сделал вывод, что снова вернулся на поверхность.

Перед Джимом материализовался Мелнес - человек с кожей оливкового цвета. Взгляд его был направлен на Адока, а не на Джима, как можно было ожидать.

- Я показал ему все, - доложил Адок Верховному Холопу Мира Владык. - И, памятуя твой приказ, доставил сюда.

- Хорошо, - резко произнес Мелнес. Черные бусинки его глаз уставились на Джима. - Кстати, Его Величество соблаговолил принять поручительство для твоего усыновления.

- Благодарю, - церемонно поклонился Джим.

- Я имею в виду не проистекающие отсюда выгоды, - произнес Мелнес. - Я сказал это, чтобы ты уяснил свое положение. Став кандидатом в Высокородные, ты стал выше меня и всех прочих цветных. С другой стороны, как офицер старкинов рангом ниже командира десяти полков, ты находишься в моем подчинении. К тому же, по происхождению ты - дикарь.

- Понимаю, - Джим кивнул.

- Здесь имеет место противоречие, и чтобы его разрешить необходим разумный компромисс, - твердо заявил Мелнес. - Запомни, любые твои поступки будут расцениваться как поступки Высокородного. Но при исполнении обязанностей офицера тебе

надлежит подчиняться мне беспрекословно. Правда, я сомневаюсь, что тебе это понравится.

- Я тоже сомневаюсь, - сказал Джим, спокойно глядя в блестящие глаза Мелнеса.

- Это твое право, и я не имею права наказывать тебя своей властью. Однако, в случае необходимости, я подам жалобу Его Величеству и уволю тебя из офицеров. Не стоит тешить себя мыслью, что Его Величество не обратит на мою жалобу никакого внимания. Обратит. На любую.

- Понимаю, - как можно мягче произнес Джим.

Мелнес ненадолго задержал на нем взгляд и исчез.

- Джим, - подал голос Адок. - Если хочешь, вернемся в казармы. Я научу тебя обращаться с оружием.

Джим кивнул и они отправились в казармы. Адок надел на Джима доставленные из арсенала ленты и пояс.

- Существуют два типа оружия, - принялся поучать Адок, закончив подгонку снаряжения. - Эта штука имеет собственный источник энергии, ею пользуются все охранники Мира Владык, - с этими словами он взял в руки маленькую черную трубку. Потом, помолчав, коснулся пальцем серебристой полоски, охватившей левый бицепс Джима.

- А это - оружие второго рода. В данный момент оно бесполезно, поскольку незаряжено. Вначале его следует подключить к источнику энергии; каждая из лент одновременно служит и оружием, и ускорителем.

- Ускорителем? - переспросил Джим.

- Да. С помощью этих лент твои мышцы смогут работать гораздо быстрее. С лентами нам придется потренироваться, и со временем, возможно, тебе разрешат посетить наземный Полигон. Там ты сможешь испытать свое вооружение.

- Понятно, - сказал Джим, разглядывая ленты. - Значит, это самое "оружие второго рода" делает человека могущественней?

- Хорошо обученный старкин в полном вооружении стоит трех полков колониальных войск.

- Стало быть у колоний нет своих старкинов?

- Старкины подчинены Императору и никому больше.

- Странно. В пути, на корабле, я беседовал с одним Высокородным по имени Галиан, у которого телохранителем был человек, сильно похожий на старкина.

- В этом нет ничего странного, -сказал Адок. - Император дарит старкинов Высокородным, если те в них нуждаются. Но приказы Императора имеют приоритет.

Джим кивнул. Слова Адока как будто подтверждали сказанное Мелнесом.

- В подземельях Мира Владык живут только слуги?

- Да, Джим.

- Раз уж мне придется бывать здесь по долгу службы, я должен знать подземелья как можно лучше. Как велика их протяженность?

- Под землей столько же помещений, сколько наверху, -ответил Адок. - А может быть и больше. Я их все не знаю.

- А кто знает?

На секунду Джиму показалось, что Адок пожмет плечами, однако он сказал снова:

- Никто не знает. Хотя... может быть, Мелнес...

- Н-да, - задумчиво произнес Джим. - Если и знать, то кому, как не Мелнесу.

Минуло несколько недель. За это время Джиму довелось участвовать в нескольких подземных парадах. Каждый раз его обязанности ограничивались стоянием во главе подразделения из семидесяти восьми старкинов в полном вооружении. Однако самый первый парад произвел на него сильное впечатление.

Необъятных размеров казарма, сколько хватало глаз, была набита полками старкинов - невысоких, мускулистых, с серыми лицами и бритыми головами. Доселе он полагал, что по сравнению с Высокородными старкинов значительно меньше, но лишь приняв участие в параде, осознал, насколько заблуждался. Позже, произведя с помощью Адока несложные подсчеты, Джим установил, что на плацу присутствовало тысяч двадцать, а возможно, и больше, вооруженных до зубов головорезов. И если Адок не преувеличивал, что каждый старкин стоит нескольких сотен колониальных солдат, то явившаяся глазам Джима армия соответствовала трехмиллионной орде туземцев. Вдобавок Адок сообщил, что парад этот - один из пятидесяти, проводимых в Мире Владык.

В самом деле, подумал Джим, с такими силами Высокородные могут чувствовать себя в полной безопасности.

Кроме парадов, в обязанности Джима входило постижение тайн имперского оружия - преимущественно "второго рода".

Он еще не умел, как следует пользоваться гибкими серебристыми полосами, ускорителями мышечных реакций. Адок учил его проделывать с ними несложные физические упражнения - бег, прыжки и прочее, постепенно увеличивая нагрузки. Первая тренировка продолжалась меньше пятнадцати минут, по проше-

ствии которых Адок едва ли не с отеческой заботой уволок Джима в комнату, заставил лечь на громадную подушку, заменявшую постель, и осторожно размотал ускорители.

- Теперь ты должен отдыхать не меньше трех часов, - сказал он тоном, не допускающим возражений.

- Зачем? - Джим всмотрелся в склонившееся над ним серое лицо.

- Затем, что мышцы твои подверглись небывалой перегрузке. Они работали в темпе, к которому организм не привык. И последствия не заставят себя ждать. Сейчас ты чувствуешь лишь усталость и недомогание, но что будет спустя три часа - не передать словами. И лучший способ свести неприятные последствия к минимуму - часа три лежать без движения. Постепенно тело привыкнет к ускорителям, и недомогание прекратится. А сейчас - отдыхай.

Адок исчез, предварительно потушив свет. Джим остался лежать в полумраке. Ничего особенного он не ощущал, но памятуя слова Адока, пролежал все три часа не шелохнувшись.

Время истекло, но он не уловил никаких перемен. Джим задумался.

Это открытие не укладывалось в ряд известных фактов, и возникшая в мозгу общая картина пока оставалась туманной. В конце концов она прояснится, а до тех пор... К счастью, еще с детства, вынужденный проводить годы в молчании и одиночестве, он приучил себя к безграничному терпению.

Поскольку Адок предупредил его о неизбежном недомогании и Джим не знал, ведется ли за ним наблюдение со стороны Высокородных или их слуг - у каждой из сторон могли быть свои интересы, - он вытянулся на мягком ложе и погрузился в сон.

Кто-то легонько встряхнул его за плечо. Джим открыл глаза. В полумраке комнаты над ним склонилась Ро.

- Галиан хочет, чтобы ты встретился с одним человеком, - сказала она. - Мне передала Афуан. Человек этот губернатор Альфы Центавра.

Минуту Джим пытался вникнуть в смысл сказанного, затем резко стряхнул с себя сон.

- С какой стати мне встречаться с губернатором Альфы Центавра? - поинтересовался он, садясь.

- Но ведь он т в о й губернатор! - воскликнула Ро. - Любая новая колония передается в ведение ближайшего губернатора.

- Впервые слышу, - буркнул Джим. - Я что, обязан засвидетельствовать ему свое почтение?

Ро заколебалась.

- Видишь ли... Теоретически он имеет право отозвать тебя из Мира Владык в любой момент - ведь ты его подданный. С другой стороны, поручительство за тебя одобрено Императором, и узнав об этом, губернатор вряд ли захочет неприятностей. Мол, кто их знает, без пяти минут Высокородный... Запомни: престиж колонии неизмеримо возрастет, если выходец из нее останется в Тронном Мире и сделается Высокородным. Поэтому губернатор поостережется причинить тебе вред, а ты, напротив получишь независимость от него. Конечно, ты должен соблюдать этикет.

- Тебя послали за мной? - спросил Джим.

Ро кивнула. Она протянула руку и он осторожно сжал ее ладонь. Это был самый простой способ перенестись в незнакомое место.

Они попали в небольшую комнату, поразительно похожую на рабочий кабинет Галиана на борту звездолета. За парящими в воздухе столами сидели уже знакомые слуги, невдалеке расположились старкины-телохранители. Здесь же Джим увидел Галиана и рядом с ним - причудливо разодетого человека, отдаленно напоминавшего индейца Южной Америки. Насколько Джим помнил, это было национальное облачение туземцев Альфы Центавра, хотя для коренного жителя Альфы губернатор был все-таки высоковат.

- Вот и вы, - приветствовал, повернувшись, Галиан. - Джим, надеюсь, тебе интересно будет познакомиться с твоим уездным начальником. Его зовут Ук Бен. Ук - это тот самый Джим Кейл, кандидат в жители Владык Мира.

- Хо'ошо, - сказал с улыбкой Ук Бен.

В стремлении подражать акценту Высокородных губернатор несколько перебирал и поэтому сильно картавил.

- Я хотел бы видеть тебя, Джим, и пожелать удачи. Твоя планета совсем недавно пе'ешла под нашу ю'исдикцию и - я весьма го'жусь!

Ук Бен улыбнулся. Казалось, его нисколько не волновала реакция окружающих на это выступление, а между тем во всем облике Ро - от макушки до пят - сквозило презрение, а в желтых глазах Галиана мелькала ирония. Джим внимал губернатору и бесстрастно и молча.

- Да... Вот и все, что я хотел тебе сообщить! Не буду более отнимать твоего д'агоценного в'ремени! - единым духом выпалил Ук Бен.

Джим молча разглядывал этого горе-комедианта, выставленного на посмешище Галианом. Он не мог понять одного - зачем Галиан вызвал его сюда. Но надо полагать, причина этому была.

- Благодарю, - сказал Джим. - К сожалению, мне и в самом деле пора на тренировку.

Он оглянулся.

- Ро?

- Буду рад лицезреть тебя снова, - произнес Галиан.

Казалось, что Галиан получил от этой сцены все, что хотел, но что именно, оставалось загадкой. И времени для выяснения не хватало.

Джим протянул руку Ро, и они возвратились к нему домой.

- Зачем потребовалась эта комедия?

- Не знаю, - Ро грустно пожала плечами. - Когда в Мире Владык начинают твориться непонятные вещи, это опасно... Я постараюсь выяснить. До свидания.

Оставшись в одиночестве, Джим попытался вызвать в памяти подробности встречи. Его встревожила стремительность событий и было опасение, что он может не углядеть за вероятным подвохом.

- Адок! - громко позвал он в пустоту.

Перед ним возникла красная фигура старкина.

- Ну как? - полюбопытствовал Адок. - Ты отдохнул?

- Пустяки, - оборвал Джим. - Скажи-ка, Адок, там, внизу, где живут слуги, есть библиотека?

- Ты имеешь в виду учебный центр? Могу проводить тебя туда. Я там ни разу не бывал, но где находится - знаю.

Джим кивнул. Адок коснулся его плеча, и они переместились в уже знакомый Джиму подземный сад. Адок секунду помешкал, затем устремился в боковую улочку.

- Если не ошибаюсь, это где-то здесь.

Джим последовал за ним. Пройдя улицу, они подошли к широкой каменной лестнице, ведущей в открытый павильон.

По лестнице сновали люди. По пути Джим пристально разглядывал спешащих слуг, и когда они с Адоком миновали подъем, внимание его было вознаграждено. Он увидел, как похожий на Мелнеса черноглазый человек с желтым лицом кинул взгляд на одного из входящих, коротышку с длинной черной шевелюрой, и тот как бы случайно опустил ладонь правой руки себе на талию, чуть выше пояса. В ответ желтолицый небрежно коснулся левого бицепса правой руки. После чего оба, не сказав друг другу ни слова, разошлись.

- Ты видел? - тихо спросил Джим Адока, едва они вошли в павильон. - Что означают эти жесты?

Адок долго молчал, чем вызвал недоуменный взгляд Джима. На доселе бесстрастное лицо старкина набежала тень.

- Странно, словно бы про себя произнес Адок. - Такое уже было. Это немой язык.

- И о чем они говорили?

- Не знаю. Это древний язык. Высокородным он стал известен лишь после первого восстания слуг, несколько тысяч лет назад. Слуги пользуются им довольно часто, но нам, старкинам, ничего не рассказывают - мы слишком преданы Императору.

- Понятно, - задумчиво протянул Джим.

Они миновали холл и попали в просторное помещение, залитое светом от непрерывно вращавшихся шаров. Адок, остановившись, кивнул на эти маленькие солнца.

- Это один из архивов. Архивы предназначены для Высокородных. Справа - комнаты, там ты можешь получить нужную информацию.

Он проводил Джима по коридору до первой свободной комнаты, в ней стояли стул и стол, весьма похожие на обычную зеленую парту.

Джим уселся за стол. Возле самого края крышки обнаружилось несколько небольших черных ручек. Адок повернул одну из них, и поверхность стола превратилась в светящийся экран, на котором было одно слово: "готов".

- Говори прямо в экран, - подсказал Адок.

- Мне необходимо посмотреть данные, касающиеся экспедиций к системе Альфа Центавра, - медленно проговорил Джим.

Надпись исчезла. Слево направо по экрану поползли строчки.

Информация была не совсем подходящая. Вынужденный просматривать общие сообщения обо всех экспедициях подряд, он ждал отчета лишь об одной - той, что побывала на Земле.

Очевидно, на просмотр всей информации уйдет несколько дней, а то и недель.

- А можно побыстрее? - обратился он к старкину.

Тот слегка передвинул ручку - строчки побежали живее, но все равно Джиму казалось, что они еле-еле ползут. Тогда он вывернул регулятор до самого ограничителя. Адок вскрикнул.

- Джим, да ведь ты читаешь почти как Высокородный!

Джим не ответил. Он сосредоточенно вглядывался в экран. Лишь в перерыве между сменой кассет он осознал, что прошло

довольно много времени, и ноги затекли от долгого сидения в одной позе.

Он разогнул спину, отключил экран и посмотрел на неподвижно стоявшего поодаль Адока.

- Ты все это время меня ждал? - удивленно спросил он. - Долго я читал?

Бесстрастным голосом Адок назвал время в имперских единицах. По земным меркам это соответствовало почти четырем часам.

Джим встал, потянулся, сделал небольшую разминку и вновь уселся за стол. На этот раз он затребовал сведения по Немому Языку.

Оказывается, Немой Язык имел пятьдесят две разновидности. Очевидно, в Тронном Мире было не одно восстание рабов, а значительно больше, и знаки языка менялись после каждого бунта. Для себя Джим решил, что обязательно просмотрит материалы по всем вариантам - пусть даже на это занятие уйдет несколько дней. Поглаживание подбородка, скрещивание пальцев - каждый жест был своего рода символом, суть которого требовалось постигнуть.

Джим погасил экран и вышел в коридор. Адок безотлучно следовал по пятам. Около часа они бродили по аллеям подземного сада, заходили в магазины, толкались в людных местах, и везде Джим высматривал знаки Немого Языка.

Он видел множество сигналов, но ни один не был похож на уже известные ему разновидности. Однако Джим старался запоминать не только знаки, но и обстоятельства, в которых они были показаны. Затем он отпустил Адока и вернулся к себе.

В одиночестве побыть не удалось - явилась Ро в сопровождении Словиеля. Откуда она узнала, подумалось Джиму, что он уже дома? Неужели за ним непрерывно наблюдают? Возможность подобной слежки, если учесть, что девушка пришла почти сразу после его возвращения, настораживала. Пожалуй, нужно выпытать у нее все до конца.

Здороваясь, Джим уловил в настроении гостей нотки озабоченности. На лице Словиеля застыла хмурая усмешка.

- Что-то случилось? - поинтересовался Джим. - Или я ошибаюсь?

- Не ошибаешься, - произнес Словиель. - Император утвердил мое поручительство, и Галиан кстати, почему ты не сказал, что он твой приятель? - Галиан предложил устроить по этому

поводу небольшой банкет, так сказать, отметить событие. Зачем ему это понадобилось, как ты думаешь?

Джим поразмыслил.

- На этом банкете будет присутствовать Император?

Словиель нахмурился. Видимо, счел вопрос неуместным, тем более в устах цветного.

- Зачем ты это спросил?

- Затем, что Мелнес очень умный человек, - ответил Джим.

7

Словиель напрягся, словно зверь перед прыжком.

- Довольно, Волчонок! - рявкнул он. - Хватит, мы уже наигрались в намеки и иносказания!

- Джим... - предостерегающе начала Ро.

- Мне очень жаль, - твердо произнес Джим, выдержав взгляд Словиеля. - Это касается не тебя, а Императора. Я кое-что узнал, но тебе я ничего не могу сказать. И ты не заставишь меня это сделать, ибо с твоей стороны такой поступок выглядел бы крайне неприлично - поручительство кое к чему обязывает. Пойми, - продолжал он, стремясь убедить Словиеля. - Сейчас я просто не имею права разгласить эту тайну. Лучше давай договоримся: если под конец банкета ты, Словиель, не получишь от самого Императора либо Вотана подтверждения правомочности моего молчания, я согласен ответить на любой твой вопрос. Идет?

Словиель, казалось, превратился в статую. Затем, будто бы очнувшись, вздрогнул, вздохнул, губы его сложились в обычную томную усмешку.

- Н-да... Тут ты, похоже, выиграл, Волчонок. Действительно, я не вправе устраивать допрос с пристрастием человеку, поручителем которого являюсь. Однако! Тебя, оказывается, не проведешь! Предвижу, в будущем ты сделаешься заядлым игроком в Пункты. Хорошо, можешь хранить свой секрет - пока...

С этими словами Словиель исчез.

- Джим, - шепнула Ро. - Я боюсь за тебя.

Голос девушки был неподдельно озабоченным. Джим кинул на нее быстрый взгляд. И понял, в чем дело: Ро смотрела на него с участием, но уже не так, как раньше, когда он входил в число ее любимых питомцев. Она смотрела на него, как на равного. Джим был растроган. Никто, будь то мужчина или женщина, не проявлял о нем столько заботы в течение многих лет.

- Хоть мне-то ты можешь сказать, почему Галиан решил устроить банкет и почему Мелнес - очень умный человек? Ты намекаешь, что между Мелнесом и Галианом существует связь? Но разве такое возможно? Высокородный и цветной?

- Ты и я, - заметил Джим.

Ро покраснела. Джим уже знал, что для нее краска на лице значит куда меньше, чем для любой земной женщины.

- Но я - совсем другое дело! - жарко воскликнула Ро. - А Галиан - один из самых высокопоставленных сановников, и не только по происхождению...

- То-то он постоянно твердит, что не прочь воспользоваться услугами цветных.

- Верно, - Ро задумалась. - А ведь ты еще ничего мне не рассказал.

- Здесь почти нечего рассказывать, - Джим вздохнул. - Мелнес действительно умный человек. Но люди совершают ошибки не только по глупости, но и от большого ума. В моем случае Мелнес переусердствовал, демонстрируя мне свое негодование из-за того, что я, видишь ли, подотчетен ему только по службе.

- Но почему он возмущен?

- Причин сколько хочешь. Самое простое объяснение - зависть. Какой-то там Волчонок вдруг заимел поручителя, в то время как он, Мелнес, не имеет ни малейшего шанса сделаться Высокородным. Почему? Потому что он слишком хороший слуга. В то же время, у него хватило ума не перегибать палку и не вызывать во мне ответного гнева. Ведь я скоро могу стать Высокородным, а значит, выйду из его подчинения. Более того, он сам окажется тогда у меня в подчинении.

- Но ведь это не все?

- Да, Мелнес решил, что я шпион, засланный Высокородными в среду слуг. И он показал, что недоволен одним, в то время как на самом деле был озабочен совсем другим. И дал понять, что разглядел во мне шпиона.

- А с какой стати тебе или кому бы то ни было за ним шпионить?

- Пока не знаю, - признался Джим.

- Но ты считаешь, тут замешаны Император и Галиан. Почему?

Джим улыбнулся.

- Ты хочешь знать слишком много и все сразу. Даже больше, чем знаю я... Но теперь ты понимаешь, почему я не хотел распространяться на эту тему при Словиеле?

Ро медленно наклонила голову. Затем взглянула на Джима.

- Джим, скажи пожалуйста, кем ты был? Чем ты занимался на своей планете, кроме боя с быками?

- Я был антропологом, - ответил он. - Искусству тореадора я обучился гораздо позже.

Ро недоуменно нахмурилась. Слова "антрополог" в имперском языке не существовало - употребляя его, Джим попросту соединил два других - "человек" и "наука". Пришлось растолковать:

- Я изучал доисторическое прошлое людей. В частности - происхождение культур. Всех культур человечества.

Он видел, как Ро напряженно подыскивала в памяти нужные сведения.

- А! Ты имеешь в виду...

Она произнесла слово на имперском языке, которого Джим не знал. Лицо ее прояснилось, и она ласково тронула Джима за руку.

- Джим, бедный Джим! Немудрено!

Опять - в который раз! - Джим с трудом удержался от улыбки. Всякое он думал о себе, но называть себя "бедным" как-то не приходило в голову.

- Немудрено? - переспросил он.

- Ты так стараешься держаться подальше от Высокородных. Нет, я не себя имею в виду. Но теперь-то я поняла, отчего ты такой. Мне тоже было бы плохо, если бы я узнала, что люди моей расы по сравнению с Высокородными ничем не отличаются от обезьян и прочих недочеловеков, и что вся моя прежняя работа пошла насмарку...

- Не совсем так.

- Джим, позволь кое-что сказать тебе, - в голосе Ро появились менторские нотки. - То же самое случилось и с нами, Высокородными. Несколько тысяч лет назад Высокородные считали, что их родина - Тронный Мир, а сами они произошли от местных аборигенов. Но это было ошибкой, и в конце концов, мы были вынуждены признать ее. Слишком похожи оказались формы на всех освоенных людьми планетах. Было доказано, что миры эти заселялись из единого Центра, причем те, кто это делал, исчезли задолго до нас. Между прочим, есть вполне достоверные свидетельства, что эти неизвестные существа почти одновременно появились на всем великом множестве планет. Как видишь, иногда и Высокородным приходится мириться с разочарованиями...

На этот раз Джим не выдержал и улыбнулся.

- Не беспокойся, - сказал он. - Конечно, когда я узнал о существовании Империи, это был сильный удар. Но теперь это в прошлом.

Похоже он ее убедил.

Торжество по случаю утверждения Императором поручительства Словиеля намечалось через три недели. Все это время Джим посвятил разучиванию боевых приемов старкинов и владению оружием. Он подолгу пропадал в учебном центре, а в перерывах между тренировками шатался по подземному городу, запоминая знаки Немого Языка. Вернувшись домой, он составлял каталог символов, и понемногу в беспорядочной их мешанине стала вырисовываться некая система.

Ему помогали две вещи.

Во-первых, будучи антропологом, он знал, что любой язык знаков развивается на примитивной основе, вытекающей из самой человеческой природы. Как сказал однажды один видный ученый - чтобы понимать дикарей, совершенно не обязательно знать их язык. Все ясно и так. К примеру, жест проголодавшегося - показать на рот, затем похлопать себя по животу. Никаких проблем.

Во-вторых, число передаваемых сигналов в силу необходимости должно быть ограничено. Каждый символ несет информацию, эквивалентную нескольким фразам, стало быть, если наблюдать продолжительное время, можно отметить повторяющиеся знаки.

В конце концов, успех был достигнут. На исходе второй недели Джим расшифровал символ приветствия, заключавшийся в прикосновении большого пальца к безымянному. С этого момента дело пошло быстрее.

Что же касалось поисков сведений об экспедиции в Солнечную систему, то они плодов не принесли. Очевидно, в библиотечных записях вообще не было упоминаний об этом путешествии. Джим просмотрел громадное количество материалов, практически по всем разделам архива, посвященного звездным экспедициям Мира Владык. Безрезультатно.

- Ты должен иметь в виду, что можешь перерыть весь архив, но не найдешь даже упоминания об этой экспедиции. Хотя сведения о ней, наверняка, имеются, - сообщил ему Адок, когда Джим поведал о своих неудачах.

Они гуляли по подземному саду. При последних словах Адока Джим замер, как вкопанный.

- То есть как? Ты хочешь сказать, что мне разрешено просматривать лишь часть материала?

- Извини, Джим. Конечно, я не знаю, была ли экспедиция на твою планету секретной, но разве ты можешь поручиться, что это не так?

- Да, - признал Джим. - Тут моя вина. Про секретность я совсем забыл. Естественно, кое-какие эпизоды своей истории Высокородные предпочтут держать в тайне.

Он помолчал.

- Только причем здесь Земля? Адок, подскажи, кому разрешен доступ к секретной информации?

- Но ведь!.. - воскликнул Адок с оттенком удивления в голосе, что для старкина было крайней формой проявления эмоций. - Высокородным разрешен доступ к л ю б о й информации. Ты можешь отправиться наверх и все узнать в учебном центре для детей Высокородных...

Внезапно он осекся.

- Нет, - продолжал он тихо. - Я постоянно забываю... Ты, конечно, можешь посетить центр, но это ничего не даст.

- Думаешь, Высокородные не позволят мне воспользоваться архивами?

Ни в чем нельзя быть уверенным здесь, в Мире Владык, думал Джим, наблюдая за старкином. Даже, в казалось бы, неподкупной честности Адока. Если Адок заявит, что ему, Джиму, запрещено пользоваться учебными центрами для Высокородных, это будет вторым запретом, с которым он столкнется в Мире Владык, формально не имеющим ни е д и н о г о запрета. Первым, насколько, он помнил, был запрет наносить визиты Императору по собственной воле.

Адок покачал головой.

- Нет, не думаю, чтобы кто-то тебе помешал. Просто техника наземных центров рассчитана на истинных Высокородных - тебе она не по зубам. Скорость чтения у них во много раз больше твоей.

- Ты видел меня за работой, - возразил Джим. - Разве они читают быстрее?

- Намного, - убежденно ответил Адок. - Намного быстрее.

- Я попробую, - сказал Джим. - Отведи меня в наземный центр.

Адок не стал пожимать плечами - трудно было судить, способен ли он вообще на подобный жест, - а послушно перенес Джима в некое подобие древнегреческого храма. Сплошной лес

колонн и ни одной стены. Само собой, имелись пол и крыша. За колоннами проглядывали зеленые лужайки и голубое небо. На разложенных подушках сидели дети всех возрастов. Взор каждого был устремлен в персональный экран, который без всякой опоры висел в воздухе и автоматически менял положение, едва ребенок принимал другую позу.

На появление Джима и Адока никто не обратил внимания.

Джим остановился за спиной мальчика лет десяти-двенадцати; ростом тот был почти с него самого. По экрану с невообразимой скоростью бежали строчки на имперском языке. Попробовав, как обычно, разделить их на отдельные слова, Джим к своему глубочайшему удивлению, не смог этого сделать.

Его словно ударило током, в душе вспыхнула ярость. Он не привык отступать. Он был убежден, что дело не в каком-то его изъяне - ведь он видел текст точно так же, как и дети Высокородных. Просто мозг его не был приспособлен к такой сумасшедшей скорости восприятия.

Джим решился на последнюю отчаянную попытку. Все вокруг - пол, потолок, колонны, даже мальчик перед экраном - перестало существовать. Внимание целиком сконцентрировалось на бегущей строке. От напряжения трещала голова, шум в ушах делался все громче...

Он почти добился своего. Строчка на миг распалась на гирлянду слов, в мозгу отложился даже смысл нескольких фраз... Кажется, речь шла о старкинах...

Он заставил себя расслабиться. Напряжение было слишком велико. Мало-помалу из пустоты выступило окружающее.

Внезапно он почувствовал на себе взгляд. Сидящий перед экраном мальчик наконец-то заметил незнакомца и в крайнем изумлении уставился на Джима.

- Ты кто? - спросил он в замешательстве.

Не ответив, Джим коснулся руки Адока и перенес его к себе домой.

В привычной домашней обстановке ему стало легче. Он уселся на подушку, сделав знак Адоку сесть рядом. Тот повиновался. Вскоре дыхание Джима стало ровнее, на губах даже появилось некое подобие улыбки.

- Почему ты не говоришь, что ты меня предупреждал? - обратился Джим к Адоку.

Старкин покачал головой, давая понять, что не приучен высказывать вслух подобные вещи.

- Между прочим, ты оказался прав, - признал Джим.

Минуту он размышлял, затем продолжил:

- Хотя причина тут несколько иная, чем ты думал. Дело в языке. Просто я не очень хорошо знаю язык Империи. Окажись текст на каком-нибудь земном языке, я читал бы не хуже Высокородных.

Тут он резко повернулся и бросил в пространство:

- Ро.

Ответа не последовало. Впрочем, ничего удивительного: все-таки Ро - Высокородная, у нее могли отыскаться дела поважнее. Она - не Адок, который обязан являться по первому зову.

Тогда Джим отправился к ней сам. Обнаружив комнату Ро пустой, он оставил записку с просьбой придти к нему сразу, как только она освободится.

Ро появилась два часа спустя.

- Торжество намечается грандиозное, - заявила она, едва возникнув в комнате. - Будет весь высший свет. Видимо кто-то прослышал, что банкет будет не простой, а... - Она умолкла на полуслове. - Джим, я совсем забыла! Ведь ты хотел меня видеть? Что случилось?

- Слушай, - сказал Джим. - Не могла бы ты установить у себя дома учебный экран?

- Что?.. Ну, конечно! Раз тебе нужно... Но почему же ты не хочешь заниматься прямо здесь?

Джим покачал головой.

- То, что я им пользуюсь, не должен знать никто. А если ты, Высокородная, поставишь его у себя, никому не придет в голову заподозрить неладное. Ведь так?

- Разумеется, это в порядке вещей, - согласилась Ро. - Хорошо, я все устрою. Но объясни, в чем дело?

Джим поведал о своей попытке состязаться с юным Высокородным в скорости чтения и о том, что из этого вышло.

- Ты считаешь, что тренировка поможет? - Ро нахмурилась. - Может не стоит слишком на это надеяться?

- Я и не надеюсь, - ответил Джим.

Часа через три экран висел в углу одной из пустующих комнат покоев Ро. Отныне все время, ранее посвящаемое занятиям в подземном учебном центре, Джим проводил за персональным экраном.

Успех, достигнутый за неделю напряженных трудов, оказался невелик. И в последующие дни, разочарованный в своих способностях, Джим бродил в сопровождении Адока по городу слуг, наблюдая и изучая Немой Язык.

К тому времени он уже свободно владел системой знаков, однако увиденное и расшифрованное большей частью являлось слухами и сплетнями. Впрочем, при верном истолковании и сплетни могли сослужить добрую службу.

Из очередной вылазки Джим вернулся приблизительно за час до начала банкета и обнаружил, что дома его ждет Лорава.

- Тебя хочет видеть Вотан, - отрывисто бросил Высокородный, едва завидя Джима.

Джим вдруг очутился в помещении, где никогда раньше не бывал. Лорава находился рядом, по левую его руку стоял Адок - стало быть, приглашение касалось обоих.

Вотан сидел за небольшим пультом, на котором располагались разноцветные рукоятки. Небрежно, словно играючи, Вотан двигал их туда-сюда, а насупленные брови давали понять, что дядя Императора занят весьма важным делом. Тем не менее, едва указанная группа соткалась в воздухе, он немедленно вышел из-за пульта и направился к Джиму.

- Я позову тебя попозже, Лорава, - кивнул он на ходу.

Юноша исчез.

- Волчонок, - начал Вотан, хмуря густые желтоватые брови. - На твоем банкете будет присутствовать сам Император.

- Я боюсь поверить, что банкет устраивается в мою честь, - с поклоном ответил Джим. - Скорее, он в честь Словиеля.

Вотан отмел его возражение жестом длинной, как жердь, руки.

- Виновником торжества являешься ты, и никто другой. Ты - единственный, ради кого туда явится Его Величество. Он снова хочет с тобой побеседовать.

- Но для этого совсем не нужно затевать банкетов, - заметил Джим. - Я бы сам пришел в любое удобное время...

- Император должен появляться в обществе... Впрочем, это неважно, - произнес Вотан с ноткой недовольства. - Запомни, на банкете Император отведет тебя в сторону и начнет задавать вопросы.

- Буду рад ответить на любой вопрос Его Величества, - сказал Джим.

- Вот именно! - воскликнул Вотан, затем хмуро продолжал: - Он - Самодержец, ясно? Ты о б я з а н ответить на л ю б о й его вопрос. И как можно полнее. Ты должен говорить до тех пор, пока не исчерпаешь своих познаний, либо пока он сам не остановит тебя. Разумеется, он может не обращать на твою болтовню внимания, но это ничего не значит. Он - И м п е р а т о р! Понятно тебе?

- Да, - ответил Джим.

Взгляды их на мгновение встретились.

- Хорошо, - Вотан резко повернулся и зашагал к пульту. Усевшись, сказал: - Это все. Ступай.

Он снова вперился глазами в пульт.

- Какие отсюда следуют выводы? - спросил Джим Адока, когда они вернулись домой и расположились на подушках.

- Выводы? - переспросил Адок.

- Именно, - Джим пытливо посмотрел на старкина. - Тебе речь Вотана не показалась странной?

Лицо Адока было совершенно непроницаемо.

- Ничто, касающееся Императора, не может быть странным, - произнес Адок на удивление слабым голосом. - Вотан велел тебе отвечать на все вопросы Его Величества. Больше он ничего не говорил.

- Пусть так. Скажи, Адок, ведь ты приставлен ко мне заместителем. При этом ты принадлежишь Императору?

- Я уже говорил, Джим, - сказал Адок тем же тихим безучастным голосом. - Старкины в с е г д а принадлежат Императору. Вне зависимости от того, где служат.

- Помню, - сухо произнес Джим.

Он стал переодеваться. Вместо серебристых лент старкинов он надел белоснежный костюм Высокородного, правда, без эмблемы.

Вскоре появилась Ро. То, что появилась она именно в момент, когда он кончил одеваться, укрепило его подозрение, что за ним ведется неусыпная слежка. И если этим воспользовалась Ро, почему не могли воспользоваться прочие Высокородные? Но на разбирательство опять не оставалось времени.

- Вот, - Ро протянула узкую матерчатую ленточку. - Надень.

Джим заколебался. Тогда Ро, не дожидаясь согласия, сама обернула ленту вокруг его левого запястья.

- Смотри, у меня такая же. - Она протянула руку, и Джим увидел точно такую же ленточку; она облегала, как браслет, и чуть заметно пульсировала, словно живая.

- Что это?- полюбопытствовал он.

- Ты еще не знаешь. На больших банкетах очень легко потерять друг друга. Если захочешь меня видеть, эта штука поможет - достаточно представить мой внешний облик. Где бы я ни находилась, мы тотчас окажемся рядом. - Она рассмеялась. Ро была заметно возбуждена, глаза ее сверкали, как два золотистых топаза. - На банкетах всегда такая толпа!

Когда они переместились в Большой Зал Торжеств, Джим понял, что она имела в виду. Помещение напоминало учебный центр Высокородных - ряды колонн, высокий потолок, пол, вымощенный черным, как антрацит, камнем.

По пространству в несколько квадратных миль перемещались, оживленно беседуя, Группы Высокородных в традиционных белых одеждах, мелькали фигуры слуг, разносивших подносы с едой и питьем.

Вначале Джиму показалось, что торжество ничем не отличается от обычных собраний Высокородных, но присмотревшись, он заметил, что и Высокородные, и слуги постоянно то исчезают, то появляются вновь.

Он поступил так, как всегда поступал в подобных случаях - не имея возможности уследить за всем сразу, поставил перед собой главную цель, отодвинув менее важные на задний план.

- Адок, - он повернулся к старкину. - Ты должен мне помочь. Постарайся найти слугу, который мне нужен. Я пока не знаю, как он выглядит, но что он будет отличаться от остальных, знаю точно. Во-первых, он должен все время стоять на одном определенном месте, и - ни шага в сторону; во-вторых, место это будет выбрано с таким расчетом, чтобы его мог увидеть любой слуга с любого конца зала. Займись этим прямо сейчас.

- Хорошо, Джим.

Адок растворился в воздухе.

- Зачем тебе это нужно? - полюбопытствовала Ро, взяв Джима под руку.

Он отмахнулся.

- Потом объясню.

Ответ не удовлетворил любопытство девушки, но от дальнейших расспросов Джима избавило появление Императора и Вотана.

- А вот и мой друг Волчонок! - весело воскликнул Император. - Иди сюда! Поговори со мной!

Сразу после этих слов Ро пропала. Стали пропадать и прочие толпившиеся вблизи Высокородные, и наконец вокруг Императора и Джима образовался круг диаметром футов пятьдесят. Три фигуры остались стоять в центре круга. Теперь они могли свободно говорить, без опаски быть подслушанными.

- Ступай, - сказал Император Вотану. - Повеселись хоть раз в жизни, старик. Ничего со мной не случится.

Вотан секунду помешкал, потом исчез.

- Ты мне нравишься. Как тебя зовут, Волчонок?

- Джим, Оран.

- Ты мне определенно нравишься, Волчонок Джим.

Император чуть ссутулил свою высоченную фигуру и, вытянув руку, оперся о плечо Джима. Затем принялся расхаживать взад-вперед, увлекая за собой собеседника. Джим покорно шел рядом, стараясь попадать в ногу.

- Мир, откуда ты пришел, очень дикий?

- Примерно полвека назад это был очень дикий мир, Оран, - ответил Джим.

- Ты хочешь сказать, что вы покорили свой мир всего пятьдесят лет назад?

- Нет, Оран. Свой мир мы покорили давным-давно, но лишь полвека назад мы научились покорять себя.

Оран кивнул, опустив взгляд.

- Да, - вымолвил он. - Человек - самое трудное. - Он ненадолго замолк, погруженный в мысли. - Знаешь, мой брат Галиан считает что из вас получились бы хорошие слуги. И может быть, он прав. Но... - Император поднял на Джима глаза. - Может, он и прав, но я так не считаю. У нас и без того слишком много слуг.

Некоторое время они шагали молча.

- У вас есть свой язык? - лицо Императора склонилось к самому уху Джима. - Свое искусство, музыка, история, легенды?

- Да, Оран.

- Тогда вы определенно заслуживаете лучшего, нежели участь рабов. И на твой счет, - Император подарил Джиму одну из своих быстрых ослепительных улыбок, - я не сомневаюсь, в один прекрасный день я с удовольствием подпишу приказ о твоем усыновлении. Ты станешь полноправным Высокородным. Ты хочешь этого? - спросил Император.

- Еще не знаю, Оран, - произнес Джим.

- Честный ответ... - шепнул Император. - Честный ответ. Знаешь, Джим, согласно теории невероятности, любые, даже самые невозможные события когда-нибудь, да происходят.

- Невероятности? - переспросил Джим.

Но Оран продолжал говорить, словно не слышал вопроса.

- Где-то, - многозначительно сказал он, - все наоборот. Ты, Джим - Император, твой народ - Высокородные, а я - Волчонок, привезенный из захолустья на забаву тебе и твоим придворным...

Император сильно сжал плечо Джима и посмотрел в упор. Джим не повернул головы и только боковым зрением заметил, что взгляд Императора стал отстраненным и рассеянным. Он по-прежнему увлекал Джима за собой - как слепой, вцепившийся в поводыря. Словно бы за короткий срок они успели поменяться ролями.

- Слышал ли ты когда-нибудь о Голубом Звере, Джим?

- Нет, Оран.

- Нет... - шептал Император. - И я не слышал. Я просмотрел записи легенд всех известных нам миров - и нигде не нашел упоминания о нем. Но если Голубой Зверь никогда и нигде не существовал, то почему он мне мерещится, а Джим?

Рука Орана, словно тиски, сдавливала плечо Джима, но голос оставался тихим, мягким и неспешным. Вряд ли кто из наблюдавшей за ними толпы Высокородных мог заподозрить в этой беседе что-либо необычное.

- Не знаю, Оран, - произнес Джим.

- И я не знаю, Джим. И это самое странное. Я видел его уже три раза, и каждый раз - он стоял в дверях и заступал мне дорогу. Знаешь, иногда я ничем не отличаюсь от остальных Высокородных, а порою на меня словно нисходит просветление, и я все вижу и понимаю гораздо лучше, чем любой из них. Вот почему я знаю, что ты сильно отличаешься от других, Джим. Когда я смотрел на тебя в первый раз, после боя с быком, я внезапно увидел все как-будто в сильный телескоп... Ты был далеко, но я видел очень четко. И по множеству мелких деталей, которые никто, кроме меня, не в силах был разглядеть, я понял... Ты можешь быть Высокородным, а можешь и не быть, как хочешь, Джим. Это не имеет значения. Я видел в тебе...

Голос его оборвался, но вцепившись в плечо Джима, он продолжал тянуть землянина вперед.

- Когда я вижу все хорошо и ясно, - вновь заговорил он, - я понимаю, что иду на шаг впереди всех Высокородных. Странно,

верно? Сколько веков мы стремились быть на шаг впереди Вселенной! Но мне кажется, что пока мы не в состоянии принять на себя такую ответственность... Понимаешь, Джим?

- Да, Оран, - ответил Джим, но так и не понял, услышал его Император или нет.

- Но как только, - продолжал говорить Оран, - во время таких просветлений я стараюсь пристальнее вглядеться перед собой, - все кругом заволакивает туман, и я теряю свой бесценный дар. Тогда мне начинают сниться сны. И днем, и ночью. Например, уже три раза я видел Голубого Зверя...

Внезапно он замер. Джим решил, что это просто пауза, но рука Императора вдруг соскользнула с его плеча.

Джим повернулся. Оран смотрел на него ясным и осмысленным взглядом и весело улыбался.

- Что ж, не буду больше тебя задерживать, Джим, - произнес он дружелюбно. - В конце концов, это твой вечер, все здесь сегодня ради тебя. Развлекайся, заводи полезные знакомства. А мне надо отыскать Вотана. Он всегда беспокоится, когда меня долго нет рядом.

Император исчез. Джим остался на месте. Пространство вокруг начало мало-помалу заполняться людьми, и вскоре ничто не напоминало о том, что минуту назад здесь ступали августейшие ноги.

Джим огляделся в поисках Ро. Безрезультатно.

- Адок! - негромко позвал он.

Появился старкин.

- Извини, Джим, - заговорил он. - Я не знал, что Император кончил с тобой беседовать. Но я сделал то, о чем ты просил.

- Тогда веди меня туда, откуда я смогу незаметно понаблюдать.

Они оказались в узком, погруженном в полумрак проходе между колонн. Джим вгляделся в просвет - среди висевших в воздухе подносов с яствами и напитками стоял спиной к ним невысокий темнокожий человек с длинными волосами до плеч. Мимо него как раз шел слуга с подносом, до отказа нагруженным снедью.

- Отлично. - Джим заметил место и перенес себя и Адока назад, туда, где только что разговаривал с Императором.

- Адок, я хочу все время видеть Его Величество, то есть, не хочу терять его из поля зрения. И еще я хочу, чтобы ты постоянно

за мной наблюдал. Вот что тебе нужно сделать: как только я исчезну, подойди к Вотану - найдешь его поблизости от Императора - и скажи, что он нужен мне как важный свидетель. Затем перенеси его туда, где мы видели слугу. Понял?

- Да, Джим.

- Прекрасно. А теперь скажи, как мне найти Императора.

- Я тебя провожу, - произнес Адок. - Каждый старкин может разыскать своего Императора в любой миг.

Переместившись, Джим огляделся в толпе, и в нескольких футах от себя увидел Императора. Тот смеялся, беседуя с несколькими Высокородными. По правую руку от него, хмурил желтоватые брови Вотан.

Адок занял позицию в двадцати шагах поодаль. Джим кивнул, и они стали двигаться вместе с толпой, стараясь не терять Орана из виду.

На протяжении часа тот дважды куда-то перемещался, и каждый раз Джиму приходилось прибегать к помощи Адока, заново выбирая наблюдательный пункт. К его изумлению, никто из Высокородных не обращал на его маневры ни малейшего внимания. Казалось, его принимали за одного из слуг.

Время тянулось медленно. Миновал еще час, и Джим начал было сомневаться в правильности своих выводов, как вдруг увидел то, чего давно ждал. Император, стоявший к нему вполоборота, внезапно словно окаменел и потерял способность двигаться.

Джим торопливо шагнул в сторону, чтобы увидеть лицо Императора. Остановившимся взглядом Оран смотрел в пустоту, на губах застыла бессмысленная улыбка, по подбородку сползала струйка слюны.

Ни один человек из окружения монарха ничего не заметил. Джим не стал тратить время на разгадку странного поведения Высокородных - взгляд его устремился на слуг. Через секунду он нашел то, что ожидал увидеть - слугу, державшего поднос с маленькими пирожками. Как и Император, раб застыл на месте, словно одеревенел.

Осмотревшись, Джим обнаружил еще троих слуг, впавших в загадочный столбняк. К этому времени даже Высокородные заподозрили неладное. К какому выводу они пришли, Джим понять не успел, ибо тут же переместился в свой укромный уголок меж колонн.

Слуга с подносом по-прежнему пристально всматривался вдаль.

Низко пригнувшись, Джим подкрался к нему и крепко схватил сзади обеими руками.

- Только шевельнись, и я сломаю тебе шею, - прошептал Джим.

Слуга напрягся, однако не издал ни звука и с места не тронулся.

- А теперь делай, что я прикажу, - произнес Джим. Он оглянулся и увидел позади мощную фигуру Адока, наполовину скрытую колонной, и рядом с ним - рослого Высокородного, по всей вероятности, Вотана. Повернувшись к слуге, Джим скомандовал:

- Два пальца левой руки на правый бицепс.

Раб не отреагировал, и Джиму пришлось его слегка придушить, прежде чем он добился своего - медленным, неверным движением раб исполнил приказ.

Один из застывших слуг, находившийся ближе остальных, вздрогнул и, как ни в чем ни бывало, продолжил свой путь. За ним последовали порядком заинтересованные Высокородные.

Зажав рот пленному заговорщику, Джим приподнял его над полом и оттащил назад, за колонны.

Вотан хотел было что-то сказать, но не успел - раб вдруг жалобно вскрикнул, тело его обмякло.

- Н-да, - проговорил Вотан, когда Джим опустил труп слуги на пол. - Кто бы это ни замыслил, он, конечно, не мог оставить этого человека в живых. Боюсь, даже мозг его разрушен.

Оторвав взгляд от мертвого, он посмотрел на Джима. Разумеется, Высокородный понял многое из того, что неминуемо осталось бы загадкой для обычного человека. Он уже знал, зачем был приглашен сюда. Тем не менее, холод не исчез из его взгляда.

- Ты знаешь, что скрывается за всей этой историей? - спросил он.

Джим покачал головой.

- Но ты точно знал, что это должно было произойти. И настолько был в этом уверен, что посмел пригласить в свидетели м е н я. Кстати, зачем тебе понадобился именно я?

- Ты - единственный Высокородный, который знает, что мыслительные способности Его Величества несколько иного склада, нежели думают. Я бы сказал, - добавил Джим, вспомнив недав-

нюю беседу, - что они отчасти превосходят возможности остальных.

Прошло несколько секунд, прежде чем Вотан открыл рот. В его глотке что-то проскрежетало, и заговорил он о другом.

- Как ты узнал... э-э... о том, что задумали слуги?

- Я не был абсолютно уверен. Но я изучил Немой Язык слуг и понял, что они что-то затевают. Потом вспомнил о банкете, о своем торжестве и... о стиле мышления Его Величества, и решил, что если что-то случится, то именно здесь и сейчас. Потому, едва прибыв на банкет, я отправил Адока искать доказательства своей гипотезы. А когда он их нашел, стал действовать. Вот и все.

При вторичном упоминании о рассудке Императора Вотан нахмурился, но, выслушав Джима до конца, заметно успокоился.

- Ты славно поработал, Волчонок, - сказал он, хотя голос его оставался мрачен. - Остальным займусь я. Ты же на время покинешь Тронный Мир. Вотан постоял молча, о чем-то размышляя. - Полагаю, - веско произнес он, - теперь Император может повысить тебя в чине. Раз он утвердил твое поручительство, мы назначаем тебя на должность командира десяти полков. И посылаем на усмирение бунта в одну из наших колоний. - Он повернулся, намереваясь исчезнуть, но задержался и бросил через плечо: - Как твое имя?

- Джим.

- Джим... Ладно. Ты хорошо потрудился, Джим. Император оценит твое усердие. И я тоже.

Он нахмурился напоследок и исчез.

8

Планета Атийя, на которую отправили Джима вместе с Адоком и десятью полками старкинов под началом Гарна-2 - действительного командира полков и - в данный момент - адъютанта Джима, была одной из великого множества планет, населенных малорослыми людьми с прямыми, как пакля, волосами. Коротышка-губернатор не пожелал ничего докладывать, пока не были исполнены все формальности приветственного ритуала.

Но увильнуть от расспросов ему не удалось. После окончания ритуала Джим, Адок и Гарн в сопровождении губернатора отправились в резиденцию последнего, в столицу Атийи. Губернатор распорядился было, чтобы гостям принесли удобные подушки и прохладительные напитки, но Джим отменил приказ.

- Мы не нуждаемся ни в еде, ни в питье. Мы хотим знать все подробности бунта: где он начался, сколько народу принимает в нем участие, каким оружием располагают восставшие... Итак?

Губернатор тяжело опустился на подушку и неожиданно разрыдался. Оторопев, Джим на минуту потерял дар речи; из сведений, почерпнутых в Мире Владык, и по собственному опыту он знал, что ни в одном из обитаемых миров мужчины не позволяют себе плакать на людях, да еще столь несдержанно, как это делал сейчас губернатор.

Джим выждал, когда схлынет потоп губернаторских эмоций, затем отчетливо повторил вопрос.

Всхлипывая, губернатор отер слезы.

- Никогда не думал, что они посмеют прислать мне на помощь цветного... - выдавил он, шмыгая носом. - Я присягал Императору, но ведь ты не Высокородный...

Лицо его искривилось, и он чуть было снова не заплакал, грозя оставить слушателей без разъяснений, но упреждая этот порыв, Джим резко скомандовал:

- Встать!

Губернатор инстинктивно поднялся.

- Я прибыл сюда не помогать тебе, а командовать старкинами. Это первое. Второе: заруби себе на носу, у меня есть поручитель. Но дело не в этом. Если Император прислал меня, стало быть, обстановка того заслуживает.

- Но... но... - губернатор судорожно закашлялся. - Я... я солгал! Это не просто смута! Смуты бывают каждый день. Это революция! Все семейные кланы планеты объединились, даже Клуф, мой брат, и тот с ними. Он-то и есть главарь бунта. И они все собрались меня убить, а Клуфа посадить на мое место.

- То есть как? - сурово спросил Джим.

Он знал, что общественная иерархия в колониях построена по образцу и подобию Императорского Тронного Мира. Высший свет состоял из благородных семейных кланов, над которыми господствовал сам губернатор и члены его семьи. Таким образом, каждый губернатор колонии был настоящим провинциальным царьком.

- Почему ты не подавил мятеж в зародыше? У тебя, что, мало оружия? - вступил в разговор Гарн-2. - Почему ты допустил, чтобы дело зашло так далеко?

- Я... я... - губернатор в отчаянии всплеснул руками, не в силах продолжать.

Джим внимательно следил за ним. Почему губернатор, пустив дело на самотек, столь постыдным образом дал мятежу разрастись, он не сомневался ни минуты. Занятия не прошли даром, сейчас Джим отлично ориентировался в имперских нравах. Губернатор бездействовал до тех пор, пока был уверен, что сумеет договориться с главарями мятежа и все уладить миром. Но он явно переоценил свои силы. А когда понял, что просчитался, испугался известить Мир Владык. И только оказавшись в безвыходном положении, он сообщил в метрополию о случившемся, причем постарался, насколько возможно, приуменьшить масштабы. Вероятно, губернатор рассудил, что угроза столкновения со старкинами заставит главарей мятежа одуматься.

- Командир, - Гарн-2 тронул Джима за локоть, и показал в дальний угол комнаты. Они отошли, чтобы не быть услышанными. Адок последовал за ними. Губернатор остался сидеть.

- Командир, - повторил Гарн. - Я настоятельно рекомендую ничего не предпринимать, а обратиться за помощью в Тронный Мир. Если хотя бы часть из сказанного этим человеком - правда, то, по всей вероятности, местные войска находятся на стороне восставших. Десять полков старкинов способны на многое, но от них нельзя требовать победы над целой армией. Здесь необходимо по меньшей мере пять-шесть дивизий. И ни к чему терять людей из-за глупости какого-то мошенника.

- Действительно, - согласился Джим. - Ни к чему. Но, прежде чем взывать о помощи, я хотел бы получше разобраться в обстановке. Пока что мы исходим из утверждений губернатора. Однако на деле все может оказаться иным. Даже если твои опасения справедливы.

- Командир, я вынужден возразить, - произнес Гарн. - Каждый старкин слишком ценен, чтоб им можно было рисковать впустую. Это нечестно и, если хотите, непростительно. Довожу это до вашего сведения, как бывший командир старкинов.

- Командир, - вступил Адок. С той поры, как они покинули Мир Владык, Адок обращался к Джиму строго по-военному. - Адъютант совершенно прав.

Джим пристально оглядел обоих. Сказанное ими лишний раз напомнило ему, что хоть он и назначен командиром самим Императором, настоящего военного опыта у него маловато.

- Благодарю, Гарн, - отчетливо произнес Джим. - Благодарю. Но все же я хочу увидеть обстановку собственными глазами.

- Слушаю, командир, - ответил Гарн бесстрастно. Был ли это характерный для старкинов идеальный самоконтроль, либо Гарн

сумел взглянуть на дело с точки зрения своего начальника? Джим не стал ломать голову. Он просто повернулся и двинулся к губернатору, который при его появлении затравленно вскинулся.

- У меня к тебе много вопросов, - заявил Джим. - Вначале скажи - какие методы использовал твой брат или кто-нибудь еще из главарей, чтобы увлечь за собой людей?

Собравшийся было снова заплакать, губернатор встретил взгляд Джима, и проглотив слезы, забормотал:

- Я не знаю, нет... Не знаю! Ходили слухи о чьем-то покровительстве, да-да, покровительстве... - он осекся.

- Продолжай, - спокойно произнес Джим. - Договаривай, не бойся.

- О покровительстве... покровителе из Мира Владык... - выдавил губернатор, в ужасе озираясь кругом.

- Покровительстве одного из Высокородных? - выпытывал Джим.

- Но это только слухи!

- Ладно, не бойся. Слушай меня. Несомненно, у твоего брата большие вооруженные силы. Меня интересует - где они, чем вооружены и какова численность личного состава.

Едва разговор удалился на сравнительно безопасное расстояние от Мира Владык, губернатора словно подменили. Он ожил, как увядший цветок в вазе с водой. Узкие плечи расправились, голос сделался глубже и тверже. Губернатор ткнул пальцем в стену кабинета.

- К северу отсюда, - он назвал расстояние, соответствовавшее примерно шестидесяти милям. - Лагерь расположен в окруженной холмами долине. На каждом холме стоит усиленный пост. Дежурят офицеры.

- Сколько их?

- Наверное... три четверти армии... возможно, - нехотя выдавил губернатор.

- Если он говорит три четверти, значит, там девяносто восемь процентов всех войск, - вставил Гарн-2.

- Почему они до сих пор не захватили ваши главные города? - спросил Джим.

- Не знаю... Я сообщил им, что скоро прибудут войска из Мира Владык, - промямлил губернатор. - Я... даже сказал, что готов вести с ними переговоры...

- Все переговоры здесь будем вести мы. И условия будем ставить тоже мы, - перебил Гарн. - Кстати, какова их численность?

- Три дивизии... - пробормотал губернатор. - Сорок тысяч солдат.

- Значит, тысяч шестьдесят-семьдесят, - дал поправку Гарн-2, выжидающе глядя на Джима.

- Очень хорошо. - Джим подошел к окну и выглянул наружу. - Солнце заходит. У вас есть луна? - спросил Джим губернатора.

- Даже две... - начал было тот, однако Джим не дал договорить.

- Хватит и одной, если она будет светить. - Он повернулся к Гарну и Адоку. - Когда стемнеет, отправимся взглянуть на их лагерь. - И переводя взгляд на губернатора, который сидел улыбаясь и покачивая головой, добавил: - А тебя мы возьмем с собой.

Улыбка слетела с лица губернатора, точно гипсовая стружка под резцом скульптора.

Четырьмя часами позже, когда первая луна поднялась над горизонтом, и озарила мягким светом окрестные холмы, Джим, Гарн, Адок и губернатор взлетели на небольшом летательном аппарате с одной из стартовых площадок столицы. Держась чуть ниже редких облаков, почти незаметный на фоне черного неба, флайер мчался сквозь ночь. Спустя минут пятнадцать они подлетели к холмам и сели у подножия ближайшего.

Склоны холмов покрыты густым травяным ковром. Тут и там виднелись редкие деревца.

Остаток пути решено было преодолеть пешком.

Впереди, с интервалом около десяти ярдов бесшумно двигались старкины. Джим тоже старался идти неслышно, но несмотря на богатый земной опыт, это получалось у него с великим трудом. Удивительней всего была походка губернатора - ни единого шороха. Вообще, тот чувствовал себя в родной стихии. Убедившись в этом, Джим перестал за ним следить и начал смотреть вперед.

Они почти достигли вершины холма, когда оба старкина внезапно упали плашмя на землю и скрылись в траве. Джим и губернатор немедленно последовали их примеру.

Спустя несколько минут неподалеку от Джима из травы поднялся Адок.

- Все в порядке, - сообщил он. - Часовой спал. Можно идти дальше, командир. Поднявшись на ноги, они двинулись следом за старкином вверх по склону и наконец добрались до расчищенного от травы пространства, в центре которого стояло похожее на зонт сооружение. Вокруг была натянута проволока. Очевидно, то был "грибок" часового, однако вместо мятежника под ним стоял Гарн.

- Лагерь там, - адъютант вытянул руку вниз. - Сейчас все тихо, командир. Можно пролезть под проволокой. Никто нас не увидит.

Джим подошел к Гарну и посмотрел вниз. Увиденное больше походило не на лагерь, а на небольшой городок из куполообразных строений, расположенных параллельными рядами и разделенных на кварталы прямыми улицами.

- Иди сюда, - поманил губернатора Джим.

Тот покорно приблизился к проволоке.

- Ничего странного не замечаешь?

Губернатор долго изучал открывшуюся внизу картину, потом отрицательно покачал головой.

- Командир, - заметил Гарн-2. - Этот лагерь построен согласно уставу. Каждый квартал охраняется отдельным отрядом.

- Да, но кроме прочего они построили и здание совета, - с негодованием воскликнул губернатор. - Вы только взгляните!

- Где? - спросил Джим.

Губернатор указал на самый высокий купол правее центра лагеря.

- Только губернатор имеет право созывать войсковой совет, - заявил он. - Они торопятся, как будто меня уже нет в живых! - Он вздохнул.

- Командир, вы что-то заподозрили? - обратился к Джиму Гарн.

Адок придвинулся ближе. Джим уголком глаза различал его силуэт.

- Я пока ни в чем не уверен, - сказал он. - Адъютант, каким преимуществом мы обладаем в вооружении?

- У нас отличные защитные экраны, - доложил Гарн. - Кроме того, каждый боец владеет индивидуальным оружием, равным по мощи целой их батарее.

- Стало быть, наше оружие лучше и эффективнее, так?

- Командир, лучшее оружие старкина - это сам старкин, и...

- Знаю, знаю, - перебил Джим. - А как насчет... Могут у них быть атомные заряды?

- Колониям запрещено иметь ядерное оружие, - ответил Гарн. - Ни атомного, ни антиматерии. Это абсолютно исключено.

- Подожди, - прервал его Джим. - Я хотел спросить - в Мире Владык старкинам доступна антиматерия?

- Разумеется. Но она не применялась уже несколько тысяч лет. Не было необходимости, - пояснил Гарн. - Вы хоть представляете себе, что это такое, командир?

- Никогда не видел, но знаю, что мощнее оружия просто не бывает, - Джим помолчал, затем резко повернулся к Гарну. - Ну так как, адъютант, вы все еще настаиваете на обращении за помощью? После того, что мы видели?

- Нет, командир, - ответил Гарн. - Нет. Они выставили одного-единственного часового, стало быть, с бойцами у них туговато. Кроме того, в лагере я не вижу патрулей. Вообще впечатление такое, будто лагерь разбит сообразно удобству солдат, а не ведению боевых действий. Нет единой системы сигнализации... По-моему, этим людям еще учиться и учиться воевать...

Гарн умолк, предоставляя Джиму возможность высказать свои замечания.

- Продолжайте адъютант, - ободрил его Джим.

- Командир, я хочу предложить следующее: прямо сейчас Адок отправится за нашими главными силами, доставит их сюда, после чего мы немедленно нападаем на лагерь. Потребуется только одна атака, поскольку все их вожаки собрались в одном месте, - Гарн указал на здание совета. - Ударить надо всеми силами сразу, чтобы подавить сопротивление в зародыше. Тогда мы сможем быстро захватить главарей и положить конец здешнему бунту. Предводителей, само собой, следует отдать под суд.

- А если слухи, о которых упоминал губернатор, небеспочвенны? - возразил Джим. - Если мятежники действительно имеют покровителя в среде Высокородных?

- Командир! - В тоне Гарна прозвучало необычное для старкина удивление. - Это невозможно! Высокородные никогда в жизни не пойдут на сделки с бунтовщиками из колониальных миров. Но даже если допустить, что мифический покровитель действительно существует, все равно он не сумеет оказать на нас давление. К тому же, старкины несут ответственность лишь перед Его Величеством.

- Ясно, - сказал Джим. - И все-таки я не воспользуюсь твоим советом. Слишком он похож на первый - когда ты призывал послать в Мир Владык за помощью. Такой же скороспелый. - Он

глянул на губернатора. - Ваши благородные кланы враждуют друг с другом?

- О, они все плетут интриги против меня! Все!

Неожиданно губернатор захихикал.

- Я понял, что вы имеете в виду, командир. Да, они постоянно бранятся и дерутся. Если бы они этого не делали, ими вообще невозможно было бы управлять. А так они только и заняты тем, что обвиняют друг друга во всех смертных грехах и норовят урвать местечко потеплее.

- Само собой, - заметил Джим. - То самое, что французы именуют "нойо".

- Командир? - не понял Гарн. Старкины и губернатор были озабочены - земное слово ничего им не объясняло.

- Неважно, - отмахнулся Джим и подошел к губернатору. - Скажи среди главарей есть хотя бы один, с кем твой брат враждует сильнее, чем с другими?

Губернатор возвел на Джима полный недоумения взгляд.

- С кем Клуф... Ну конечно! - осенило его. - Нортал. Видите, - он повернулся к лагерю, - люди Клуфа расположились вон там, а люди Нортала - здесь. И чем дальше они друг от друга, тем спокойнее для обоих.

- Адок, адъютант, - позвал Джим старкинов. - Слушайте задание. Вы должны тайком проникнуть в лагерь, захватить и привести сюда кого-нибудь с территории Нортала. Только живым и невредимым! Сможете?

- Конечно, командир, - произнес Гарн.

- Прекрасно. Только не забудьте завязать ему глаза. - Джим обернулся к губернатору. - А ты, будь любезен, покажи еще раз расположение Нортала.

Старкины вернулись раньше, чем через час. Джим ждал их, сидя на земле; губернатор, как того требовал этикет, стоял рядом. Даже выпрямившись во весь рост, он едва ли казался выше сидящего Джима. Адок вел на привязи смуглого коротышку, опутанного серебристыми лентами. Молоденький солдат был напуган до полусмерти, его била мелкая противная дрожь. Следом за ним шел Гарн-2.

- Сюда его, - Джим поднялся. Он стоял спиной к заходящей луне, рядом с которой наконец-то взошла и вторая. Свет их падал Джиму на плечи, затеняя лицо.

- Известно ли тебе, кого я выбрал вам великим вождем? - обратился он к солдату, стараясь выговаривать слова с акцентом Высокородных. Зубы солдата стучали так сильно, что он не мог вымолвить ни слова в ответ. Однако весьма энергично затряс головой. Джим презрительно хмыкнул.

- Ладно, неважно, - бросил он резко. - Знаешь, кто главный в твоем отряде?

- Да... - солдат с готовностью закивал.

- Пойдешь к нему и скажешь, что я изменил свои планы. Он должен принять командование и подчинить себе всех остальных. Немедленно.

Солдат задрожал, но не сказал ничего.

- Ты понял меня?! - рявкнул Джим.

Солдат конвульсивно задергал головой вверх-вниз.

- Хорошо, - одобрил Джим. - Адок, подожди с ним за проволокой. А я пока дам приказ адъютанту.

Взмахом руки Джим приказал Гарну и губернатору подойти ближе. Затем указал на лагерь.

- Теперь, - сказал он губернатору, - покажи район Клуфа.

Тот слегка отстранился от Джима, как будто страх пленного солдата охватил и его. Вытянув дрожащий палец, губернатор ткнул вдаль. Гарн повернулся к Джиму.

- Хотите, чтобы я отвел нашего пленника туда, командир?

- Да, адъютант.

- Есть, командир, - Гарн кивнул и исчез за проволокой.

На этот раз закончилось не так быстро. Старкины вернулись лишь через час, убедившись, что воины Клуфа подобрали солдата. Затем Джим отдал приказ спускаться с холма к флайеру.

Успокоился он только когда аппарат взлетел, и Адок отвел его подальше от холмов. Чтобы спокойно наблюдать за происходящим, Джим велел подняться выше, и скоро они неподвижно зависли на высоте пятнадцати тысяч футов в восьми милях от спящего лагеря.

Затаив дыхание, Джим приник к экрану ночного видения. Гарн и губернатор смотрели туда же, хотя ни один из них не понимал, зачем это нужно. Они бросали на Джима недоуменные взгляды, когда тот касался кнопок управления, регулируя фокусировку - то переводя обзор на общий план, то выхватывая камерой отдельные кварталы, окутанные тьмой строения и улицы. Так продолжалось долго.

Затем вспыхнул огонек, не ярче света фонаря - где-то в центре, в районе здания совета... А потом ночь исчезла...

Джим не успел ничего сказать - Гарн, до этого сидевший совершенно спокойно вдруг резко оттолкнул его, вцепился в рычаги и стал поспешно уводить аппарат прочь от лагеря. Адок сопротивлялся лишь мгновение: разобравшись, в чем дело, он молча уступил место Гарну.

- Антиматерия? - прошептал Джим. Гарн кивнул, и в тот же миг их настигла ударная волна. Аппарат закувыркался в воздухе, словно муха на штормовом ветру.

Отделались они сравнительно легко: вышли из строя лишь несколько вспомогательных приборов, да губернатор свалился на пол и разбил себе нос. Джим помог поднять коротышку и пристегнуть его к креслу.

- Есть ли смысл возвращаться туда? - спросил Джим Гарна.

Тот пожал плечами.

- Там не на что смотреть, - сказал он. - Разве что на воронку.

- Как ты считаешь, сколько они израсходовали антиматерии?

Гарн опять пожал плечами.

- Все зависит от активного элемента. Заряд может быть с песчинку или яйцо... командир?

- Да?

- Позвольте спросить? Почему вы решили, что у них есть антиматерия?

- Догадка, - ответил Джим. - Я просто сопоставил кое-какие факты, имевшие место здесь и в мире Владык. Так-то, адъютант, - мрачно закончил он.

- Значит, это была ловушка, - заключил Гарн. - Ловушка для меня и - прошу прощения, командир, - для ваших старкинов. Кто-то хотел заманить нас в мышеловку - поэтому район и не охранялся. Все мы обратились бы в пар.

Он замолк.

- Но, командир, - вступил Адок, переводя взгляд с Гарна на Джима. - Ведь колониальные войска должны были знать, что их ждет та же участь?

- С чего ты это взял, старкин? - сказал Гарн. - У того, кто дал им антиматерию, не было причин оставлять их в живых. Зачем? Чтобы потом на него указали, как на мятежника?

Воцарилась тишина. Спустя несколько минут вновь заговорил Гарн.

- Командир, - спросил он Джима. - Могу я узнать, что значит "нойо"?

- Это особый социальный слой, - пояснил Джим. - Семейные кланы, чьим основным занятием являются грабеж, грызня и войны с другими такими же кланами из-за любого пустяка.

Гарн искоса глянул на губернатора. - А кто входит в "нойо"?

- Только аристократические семьи. Они грызутся меж собой просто потому, что им нечем больше заняться. У них нет врожденного стремления к разрушениям и убийствам, но дело в том, что "нойо" патологически не доверяют друг другу. Когда наш пленник был пойман и допрошен людьми Клуфа, у того немедленно возникли подозрения в предательстве. Причем, в предательстве человека, снабдившего их антиматерией. Клуф попытался, пока не поздно, прибрать арсенал к своим рукам, хотя там была охрана. Очевидно, сработало устройство самоликвидации. Правда, я хотел другого - я надеялся, что в лагере Клуфа произойдет раскол, и мы сумеем без труда его разбить, а главное - отнять антиматерию.

- Понимаю, командир, - сказал Гарн. Он ненадолго замолчал, потом спросил:

- А что теперь?

- А теперь мы возвращаемся на Тронный Мир. И как можно скорее, - хмуро ответил Джим.

- Командир! - воскликнул Гарн, и больше ни он, ни Адок не произнесли ни слова. В кабине флайера воцарилась тишина, и только губернатор, очнувшись, шептал имя своего безвременно усопшего брата и поминутно всхлипывал.

9

Звездолет был уменьшенной копией корабля, на котором Джим прибыл с Альфы Центавра 3. Но и он оказался достаточно велик, чтобы вместить полк старкинов. А принцип действия был традиционно прост и экономичен: командир вызывал в уме образ конечного пункта полета - остальные расчеты проделывал корабль. На пути в колонию кораблем управлял Гарн - Джим не знал, как выглядит цель полета, но обратно звездолет вел он сам.

Незадолго до посадки Джим отозвал в сторону Гарна и Адока.

- Адъютант, - обратился он к Гарну. - Я хочу, чтобы ты остался на корабле. Ты не должен возвращаться в казармы и докладывать кому бы то ни было о прибытии. Жди, пока я тебя не позову.

Некоторое время Гарн стоял неподвижно.

- Это не по правилам, - сказал он наконец. - Понимать это как приказ?

- Это приказ, - подтвердил Джим.

- В таком случае, единственно, что может помешать мне исполнять его, - приказ, исходящий непосредственно от Его Величества. Либо если наше прибытие на борту корабля будет противоречить желанию Его Величества. Впрочем, не думаю, что у Императора возникнет подобное желание.

- Можешь мне поверить, адъютант, - медленно произнес Джим. - Я тоже забочусь о благе Императора.

- Командир! - понимающе воскликнул Гарн. - Вы возвращаетесь к себе?

- Да, - ответил Джим. - И забираю с собой Адока.

Едва звездолет коснулся бетона посадочной площадки, он дотронулся до руки телохранителя, они вдвоем переместились к Джиму домой. Там было пусто. Джим отправился разыскивать Ро.

Ро оказалась в питомнике; когда Джим возник рядом, она подрезала ногти у человекообезьяны. Его появление вызвало у девушки такой бурный прилив чувств, что она побросала все свои инструменты.

- Джим! - воскликнула она. - О, Джим!

На мгновение он прижал ее к себе, потом слегка отстранил и, нежно погладив по волосам, осторожно высвободился из объятий.

- Извини, - сказал он, сжимая ее руки. - Извини, но мне надо торопиться.

Ее глаза обежали фигуру Джима.

- Это твоя военная форма? - Ро возбужденно хихикнула, пальцы ее напряглись в ладонях Джима. - Какой ты в ней большой! Скажи, эти полосы заряжены?

- Да, - ответил Джим, не понимая причины ее возбуждения и решив, что ответ должен ее успокоить.

- Да? - она вновь хихикнула. - Тогда сокруши эту стену! Покажи... Нет-нет, что я такое говорю?.. - истерика вдруг прекратилась, девушка пришла в себя. - Что произошло, Джим? Ты выглядишь озабоченным.

Он разжал руки.

- Да, знаешь ли, есть от чего, - проговорил он. - Скажи мне, что в Мире Владык голубого цвета?

- Голубого? - переспросила она.

Джим кивнул.

- Не знаю, - с сомнением в голосе отвечала Ро. - Обычно мы ходим в белом, ты же знаешь, иногда кто-нибудь нашивает красную полоску... Если и есть на Тронном Мире что-нибудь голубое, то, скорее всего, сувениры из иных миров - Высокородные их иногда привозят.

- Подумай, - настойчиво сказал Джим. - Постарайся вспомнить.

- Но ведь действительно ничего... О! - улыбнувшись, вспомнила она. Ну, конечно, голубое небо, голубая вода... А еще, - она вновь улыбнулась, - есть у нас Голубой Зверь Императора, он скрывается где-то в дворцовых покоях.

- Голубой Зверь? - медленно повторил Джим, и Ро невольно насторожилась.

- Ну да, - она с подозрением глянул на Джима. - Но это все ерунда. Всего лишь игрушка, которой Император играл в детстве. Правда, потом ему почему-то стали сниться про нее кошмары, и игрушку спрятали. Наверное, теперь никто не помнит, кто и куда ее спрятал, да это никому и не нужно. Дошло до того, что все голубые предметы приводили его в бешенство, поэтому, где бы он ни находился, голубое тотчас убирают подальше. А почему это так важно?

Джим пропустил ее вопрос мимо ушей.

- Мне срочно нужен Вотан, - сказал он. - Как его найти?

- Что стряслось, Джим? - не на шутку всполошилась Ро. - Вотан с Императором. Ты не можешь так просто пойти к Императору. Однажды тебе это сошло с рук, но сейчас ты этого сделать не можешь. В особенности - сейчас.

- Почему - в особенности? - поинтересовался Джим.

Ро слегка отшатнулась.

- Джим... - неуверенно проговорила она. - Джим, не надо...

Волевым усилием Джим придал лицу спокойное выражение.

- Хорошо, - сказал он. - Но почему - именно сейчас?

- Потому что начались неприятности в колониях. Вотан вынужден все время посылать старкинов на помощь губернаторам, и в Мире Владык почти не осталось солдат. А у него самого нет ни единой свободной минуты... - Она внезапно осеклась. - Джим что случилось?

Джим вновь не ответил. Он пытался осмыслить сказанное. Несколько минут он невидящим взглядом смотрел сквозь окно на песчаный берег. И тут берег? Мысль о том, сколько сил по-

ложила Ро, пытаясь создать для своих питомцев привычную среду, вернула его к действительности.

- Мне нужен Словиель, - сказал он, - Потом мы вчетвером - я, ты, Словиель и Адок - должны отыскать Вотана. Во что бы то ни стало.

- Джим, ты сошел с ума! Ты не войдешь к Императору в этих своих лентах. Ни один человек не смеет находиться вблизи Императора с оружием мощнее обычной трубки. Старкины убьют тебя в один миг - чисто инстинктивно... Раз уж ты решил заняться своими безумными планами, то по крайней мере сними ленты. И ты, Адок, тоже!

Руки девушки уже проворно стягивали серебристые полосы с тела Джима. Поняв наконец, что Ро права, Джим начал ей помогать. Минуту спустя он остался безоружным, лишь в петлях пояса висела черная трубка. Оглянувшись, Джим увидел, что Адок последовал его примеру.

- А сейчас к Словиелю! - потребовал Джим. - Ты должна его разыскать, я-то не знаю, где он живет.

Ро взяла его за руку...

- Словиель! - позвал Джим. Ответа не последовало.

- Его здесь нет, - пояснила Ро. - Думаю, нет смысла бегать по всему Миру Владык, так мы никогда никого не найдем. Лучше подождать.

- Ждать? - переспросил Джим. - Такую роскошь мы себе позволить не можем. Ждать...

Он замолчал, ибо в этот момент перед ними возник Словиель.

- Приветствую тебя, Джим, - сказал он. - Рад видеть тебя дома с победой. Как только я узнал, что твой корабль приземлился, то сразу поспешил к тебе, но никого не застал. У Ро я нашел лишь кучу энергетических лент. Пришлось вернуться домой - а вы уже тут!

Словиель улыбнулся и легким галантным жестом пригласил Ро и Джима сесть. На Адока он не обратил никакого внимания.

- Присаживайтесь, присаживайтесь, - сказал он. - Как насчет выпить и закусить? Я могу...

- Ничего не надо, - остановил его Джим. - Скажи, Словиель, ты верен своему Императору?

Брови Словиеля взлетели вверх.

- Любезный мой экс-Волчонок, да будет тебе известно - ВСЕ Высокородные верны своему Императору. В противном случае мы изменили бы сами себе.

- Верность верности рознь, - возразил Джим. - Я не спрашивал - лоялен ли ты, я спросил - верен ли, как верен старкин?

Словиель чуть подался вперед, белые брови сошлись у переносицы. - Что за допросы Джим? - удивленно спросил он.

Его голос утратил легкомысленные нотки, тело напряглось.

- Ты не ответил, Словиель, - настаивал Джим.

- А почему я должен отвечать? В конце концов, я Высокородный, а вы всего лишь бывший Волчонок, цветной... Да, я верен, Джим, - Последняя фраза прозвучала на удивление решительно и ясно. - В чем дело? Говори без обиняков.

- Моих старкинов пытались заманить в ловушку на Атийе. Эта ловушка была не простая. Нас в ней поджидала антиматерия.

- Антиматерия?!

Лицо Словиеля на мгновение окаменело от изумления, однако он быстро взял себя в руки и, включив свои Высокородные мозги на полную мощность, принялся размышлять над возможными причинами и связями.

- Наверное, ты прав, Джим, Дело серьезное - сказал он спустя несколько минут. - Нам надо срочно повидать Вотана.

- Именно это я и собираюсь сделать. Вместе с тобой.

Словиель оглядел присутствующих.

- Думаю, нас двоих будет достаточно, - заявил он.

- Нет, - возразил Джим. - Мне нужен Адок - в качестве свидетеля. Ро тоже пойдет с нами, так будет безопаснее для нее.

- Безопаснее? - Словиель кинул на Ро быстрый взгляд. - А, понимаю! Боишься, ее возьмут в заложницы? Ладно, пусть будет так.

Четверо взялись за руки и отправились к месту назначения.

Взглядам их предстал просторный покой, напоминающий театральный зал со сценой. Светло-зеленые стены подпирали высоченный белый потолок. В центре зала стоял странный прибор с вращающимся устройством, похожим на баскетбольный мяч, который отбрасывал на потолок лучи всех цветов радуги, кроме голубого. Полулежа на подушке, Император безмятежно наблюдал за игрой света. Неподалеку стояли трое старкинов в лентах и с трубками. У стены за огромным пультом со множеством ру-

кояток, работал Вотан, проделывая те же манипуляции, что и в прошлый раз; сегодня он трудился стоя.

При появлении группы людей старкины выхватили трубки. Вотан вскинул голову, однако, узнав Словиеля, махнул рукой, приказывая телохранителям спрятать оружие. Он оглядел прибывших, чуть дольше задержав взгляд на Джиме.

- Мне не доложили, что твой полк возвратился в казармы, - сказал он. - Я бы мог пустить твоих людей в дело прямо сейчас...

- Именно поэтому я велел им остаться на корабле, - ответил Джим.

Вотан нахмурился.

- Что ты имеешь в виду? - резко спросил он. - И кто дал тебе право...

Его гневную речь прервало появление слуги. Человек, внешне напоминавший Мелнеса, нес в руке небольшую белую коробку.

- Только что доставили для тебя, Вотан, - сказал слуга, протягивая коробочку. - Губернатор Альфы Центавра 3 передает через принцессу Афуан.

- Хорошо, - поблагодарил Вотан.

Он положил коробку на стол, помедлил секунду, затем сорвал обертку. Недовольство его усилилось.

- Что это? - Вотан повернулся было к прибывшим, однако внезапно раздавшийся голос Императора прервал его:

- Подожди, Вотан. - Оран поднялся с подушек и подошел к столу, с любопытством глядя на коробочку. Запустив в нее руку, он извлек какой-то камень, с виду похожий на кусок красного гранита, приблизительно трех дюймов в поперечнике. - Тут есть записка... - Он достал из коробки клочок бумаги. - "По просьбе моего доброго друга Джима Кейла", - прочел Император, - "посылаю образец породы с его родной планеты для Высокородного Вотана".

Восхищенно улыбаясь, Император поднял глаза на своего дядю.

- Это тебе подарок, Вотан, - весело сказал он. - От нашего бывшего Волчонка! Бери!

Император кинул камень, и Вотан машинально перехватил его в воздухе. Пальцы сжались в кулак, и в тот же миг вся фигура старца засверкала ослепительным голубым светом. Превращение было мгновенным и грозным. Громко застонав и спрятав лицо в ладонях, Император попятился.

- Племянник...

То был голос Вотана, изменившийся до неузнаваемости и необычайно громкий. Словно защищаясь, он вскинул свои брызжущие ярко-синим огнем руки, ставшие похожими на длинные когтистые лапы, и шагнул к Императору.

Оран рванулся назад, споткнулся о подушки, но в последний момент устоял на ногах, и, вытянув ладони навстречу Вотану, застонал снова.

- Голубой Зверь! - выдавил он, дико тряся головой и умоляюще глядя на старкинов. - Убейте... УБЕЙТЕ ЕГО!

Старкины не колебались. Три трубки были выхвачены мгновенно, и светящуюся фигуру Вотана, шагавшую к Императору, накрыли струи белого пламени.

Вотан споткнулся, голубое сияние померкло. Кусочек гранита покатился по ковру - на него грудью рухнул Вотан. Лишь лицо его оставалось нетронутым - прочие части тела, обугленные и скрюченные, невозможно было узнать, в них не осталось ничего человеческого.

В зале повисла мертвая тишина. Император молча смотрел на труп - смотрел долго, прежде чем выражение его лица стало меняться.

- Дядя?... - вопросил он слабым дрожащим голосом. - Дядя?

Он двинулся к Вотану, и чем ближе подходил, тем сильнее сутулились его плечи и кривились, словно в невыносимой муке, губы. Он заглянул в мертвое лицо - оно казалось спокойным и безмятежным: глаза прикрыты, мышцы расслаблены, в чертах сквозило благородное спокойствие, как у погруженного в раздумье человека.

- Вотан... - начал Император, но голос его внезапно затих, как будто у заводной куклы кончился завод. Оран замер, склонившись над телом, свесив над ним свои длинные руки, неестественно изогнув торс. Джим подумал, что в такой позе удержать равновесие невозможно, но Император стоял, окаменев, словно статуя на пьедестале.

Сзади к нему приблизился Словиель.

- Оран, - позвал он.

Из дальнего конца зала неожиданно донесся смех. Краем глаза Джим заметил, как молниеносно развернулись старкины, выхватывая трубки, но раздались три тихих хлопка, и старкины беззвучно повалились на пол с таким же, как у Вотана, безмятежным выражением на лицах. Из-за зеленых портьер выступил Галиан - в левой руке он сжимал черную трубку, в правой - загадочный предмет, похожий на пистолет с длинным витым

стволом. За его спиной угадывались силуэты Афуан и Мелнеса. Поймав на себе взгляд Джима, Галиан небрежно, почти презрительно отшвырнул пистолет; тот прокатился по полу и стукнулся о тело убитого старкина.

Галиан двинулся вперед, Афуан и Мелнес - следом, эхо их шагов вызывающе громко разносилось по залу. Галиан вновь засмеялся, разглядывая присутствующих.

- Оказывается, ты крепкий орешек, Волчонок! - крикнул он весело. - Ты не только ухитрился вернуться живым, но заставил меня прибегнуть к решительным мерам раньше срока. Но - все хорошо, что хорошо кончается.

Он сделал еще несколько шагов и, ступив на ковер, замер, переведя взгляд с Джима на Словиеля. - Ты не прав, Словиель, - сказал он. - Не "Оран", а "Галиан". Нам следует научить тебя правильно произносить имя своего Императора, Словиель.

10

Слова Галиана подействовали. Глянув на Словиеля, Джим заметил, как тот напрягся и вскинул голову. Высокородные едва не испепелили друг друга взглядами.

- Тебе никогда и ничему не удастся меня научить, Галиан, - сухо откликнулся Словиель. - И на твоем месте я не стал бы рисковать это делать.

- Не будь глупцом, Словиель! - воскликнула Афуан, но Галиан оборвал ее.

- Неважно! - бросил он, не сводя со Словиеля лимонно-желтых глаз. - Конечно, кто мы такие, чтобы указывать самому Словиелю? Да и учитель из нас совсем никудышный...

- Мы... - Словиель горько улыбнулся. - Ты уже начал именовать себя во множественном числе?

- Разве я сказал "мы"? - изумился Галиан. - О, прости, Словиель, это просто оговорка.

- Значит, ты не собираешься его убивать? - кивком головы Словиель указал на согбенную спину Императора.

- Убивать? Его? - Галиан пожал плечами. - Я собираюсь ухаживать за ним. Убивать... Зачем? Вотан не смог обеспечить ему надлежащего ухода, а ведь он немного нездоров, ты знаешь.

- А ты? - спросил Джим.

Глаза Галиана злобно сверкнули.

- Потерпи, Волчонок. Ты свое получишь. Дай разобраться со Словиелем.

- Разобраться? - переспросил Словиель с мрачной иронией, под стать развязному тону Галиана. - Ты бы лучше придумал, как ты объяснишь смерть Вотана.

Галиан ухмыльнулся.

- А зачем придумывать? Вотана убили старкины. Ты видел это собственными глазами. Им приказал сам Император.

- А кто убил старкинов?

- Конечно, ты, - Галиан развел руками. - Ты просто потерял над собой контроль. Когда увидел, что Вотана убили без всякой причины...

- Без причины, говоришь? - откликнулся Словиель. - А как насчет голубого сияния? Ведь Джим никого не просил посылать с Центавра этот камень. Это твоих рук дело.

Галиан щелкнул пальцем, и Мелнес, торопливо подскочив, схватил красный камень и сунул себе в карман.

- Так что там насчет сияния? - переспросил Галиан.

- Понятно, - Словиель глубоко вздохнул. - Только я этих старкинов не убивал.

- Считай, как хочешь. Но я бы не стал на твоем месте посвящать широкую публику в подробности, - посоветовал Галиан. - Вотан умер, а Император нуждается в человеке, который следил бы за ним и ухаживал. Так вот, этим человеком буду я. И если ты начнешь болтать, Император может счесть тебя недостойным Мира Владык. Ради твоего же блага советую...

- Вот как? - воскликнул Словиель. - Но даже если я и промолчу, кто поверит, что я умудрился уложить трех императорских телохранителей в полном вооружении какой-то там трубкой? Старкины убиты из станнера, а я могу доказать, что не появлялся в арсенале больше года.

- Под словом "кто" ты имеешь в виду старкинов? - спросил Галиан. - Успокойся, они никогда не вернутся.

Словиель кинул быстрый взгляд на Джима. Тот кивнул.

- Да, вот и наш Волчонок уже познакомился с маленькими мышеловками на колониальных планетах, - вновь послышался голос Галиана. - Попроси его, он тебе все расскажет, Словиель. Или уже рассказал? Старкины не вернутся. И хорошо. Я создам новых старкинов, которые будут подчиняться мне, а не ему, - Галиан кивнул на скорбную фигуру Орана. - Впрочем, ты волен выбирать. Или молчи - или...

Словиель хохотнул и, протянув руку, вынул из-за пояса Адока трубку. Галиан презрительно ухмыльнулся.

- Ты с ума сошел, Словиель? Мы с тобой фехтовали мальчишками. У тебя хорошая реакция, но ты прекрасно знаешь, что еще не родился человек, реакция которого была бы быстрее моей. Кроме... - он снова кивнул на неподвижную фигуру Императора.

- Мы давно не упражнялись в паре, - возразил Словиель. - Знал бы ты, как мне надоели все эти интриги Тронного Мира! Просто руки чешутся тебя прикончить!

Словиель шагнул вперед. Галиан поспешно отступил и выдернул трубку из поясных петель.

- Может, поспорим? - предложил он. - Давай пари? На столько пунктов Жизни, чтобы проигравшего тут же изгнали из Мира Владык. Пятьдесят устроит? Кто бы ни проиграл - ему достанет.

- Все это детские забавы, - сказал Словиель, идя на отступающего Галиана. - Я утратил интерес к спорам. Хочется, знаешь ли, чего-нибудь поострее...

Так они шли по мозаичному полу, сохраняя неизменную дистанцию - около дюжины футов, склонив вперед гигантские торсы и вытянув длинные, как жерди, руки.

Внезапно трубка Словиеля сверкнула белой молнией. Одновременно он подался назад и вбок, выбирая позицию для нападения с фланга. Галиан, однако, смело нырнул под пламя, распустившееся над его головой ослепительным цветком, и, развернувшись, оказался со Словиелем лицом к лицу.

Среагируй Галиан чуть быстрее, он сумел бы убить Словиеля ответным выстрелом, но разворот занял время, и Словиель успел упредить атаку - две белых молнии, столкнувшись, вспыхнули искристым фейерверком, не причинив противникам вреда.

С этого момента трубки плевали огнем беспрерывно. Вслед за первым обменом выпадами - а Джим достаточно упражнялся с Адоком, чтобы понять, насколько страшны эти выпады, - Высокородные пустили в ход традиционные методы защиты и атаки. Фехтование на трубках сродни фехтованию на шпагах, с той разницей, что длина "клинка" здесь могла произвольно меняться - от нескольких дюймов до нескольких футов. Встречные удары взаимно уничтожались - таким образом, все решали мастерство и скорость реакции.

На лице Галиана застыла злая улыбка, губы были плотно сжаты, брови нахмурены. Словиель, напротив, после первых атак, казалось, стал гораздо хладнокровней, на его лице появилось мечтательное выражение, словно то была не смертельная схватка, а обычное спортивное состязание.

Между тем, внешнее спокойствие Словиеля решительно не соответствовало развитию событий. Несколько недель назад Джим подумал бы, что здесь разворачивается некий загадочный танец, в котором двое рослых мужчин, сжимая в руках что-то вроде римских свечей, демонстрируют друг другу и зрителям виртуозную пластику тел и красоты огненного фейерверка. Теперь-то он понимал, что означает данное действо. Более того, дуэль могла иметь лишь один исход. Сколь изящен и быстр ни был Словиель, Галиан уже несколько раз едва не опередил его своими выстрелами. Рано или поздно реакция Словиеля не спасет его от обманной тактики противника. Галиан был хитрее, а в дуэлях такого рода - это главное.

Конец наступил быстро. Галиан резко отклонился влево, взрезал воздух языком пламени, нырнул под встречный выстрел, и, распрямившись, полоснул Словиеля огнем по левому бедру и руке. Тот рухнул на правое колено, левая рука повисла, как плеть, а выпавшая трубка покатилась по блестящему полу. Словиель рассмеялся в лицо Галиану.

- Тебе смешно? - задыхаясь, рявкнул Галиан. - Я сотру с твоего лица улыбку.

Он вскинул трубку...

- ГАЛИАН!!! - Джим бросился вперед.

Крик ни за что не остановил бы Высокородного, но, услышав быстрый шорох шагов позади, Галиан молниеносно развернулся, подобравшись, словно кошка, и Джим едва успел выхватить трубку и обезвредить встречным огнем выстрел Галиана. Галиан рассмеялся.

- Ах, Волчонок, Волчонок... - выговорил он, покачав головой. - Ты еще не понял, что такое Высокородный? Придется дать тебе урок.

- Джим! - крикнул Словиель. - У тебя нет ни единого шанса! Не вмешивайся!

- Как бы не так, - спокойно сказал Джим. Теперь, бросив Галиану вызов, он почувствовал себя на удивление спокойно.

Они обменялись рядом ударов. Брови Галиана приподнялись.

- Для начала неплохо, - констатировал он. - Я бы сказал, даже очень неплохо для цветного. И просто великолепно для Волчонка. Я буду горько сожалеть, когда убью тебя, друг мой Волчонок.

Джим молча продолжал драться, сохраняя хладнокровие и стараясь хотя бы на миг опередить противника. Если бы не богатый земной опыт фехтования, ему бы никогда не научиться сражаться на трубках за те неполные две недели занятий с Адоком. И опыт в совокупности с природным талантом делал Джима уверенней с каждой секундой.

- Слушай, Волчонок, а зачем мне тебя убивать? - раздумчиво заметил Галиан во время одного из выпадов, когда они очутились почти нос к носу. Кожа Высокородного блестела от пота. - Словиелю в любом случае придется умереть, этого не поправишь. А ты мог бы стать командиром новых старкинов.

Джим не ответил, лишь удвоил пыл в атаках. Внезапно сзади послышался шум и крик Ро: "НАЗАД"!

Джим не осмелился оглянуться, и только поменявшись с Галианом местами, увидел, что Ро стоит на коленях возле поверженного Словиеля, держа под прицелом трубки принцессу Афуан. Поодаль лежал Мелнес: было похоже, что у господина всех холопов сломана шея. Над ним возвышался бесстрастный Адок. И лишь фигура Императора, склонившегося над мертвым Вотаном, не сдвинулась ни на дюйм.

- Ты где это так нахватался, Волчонок? - прохрипел Галиан. Видно было, что он начал уставать. Джим не ответил.

- Когда я задаю вопрос, я хочу услышать на него ответ! - рявкнул Галиан. И снова Джим молча парировал выпад и отступил чуть назад.

- Ну ладно! - Галиан скривил губы в ледяной усмешке. - До сих пор я забавлялся, надеясь, что ты одумаешься. Мое терпение лопнуло, Волчонок.

Засверкало пламя, со всех сторон посыпались искры, и Джим понял, что теперь ему предстоит борьба не на жизнь, а на смерть.

Высокородный имел немалые преимущества - высокий рост, широкий шаг, длинные руки - и с успехом их использовал. Парируя выстрелы, Джим был вынужден отступать, а Галиан напирал, не давая ни секунды передышки. Джим попытался развернуться влево, но противник мгновенно отрезал ему этот путь стеной огня; не удался прорыв справа. Краем глаз он различал три стены комнаты и чувствовал, что находится где-то неподалеку от четвертой. Если Высокородному удастся прижать его к стене, скованность Джима в маневре очень быстро решит исход

дуэли. Но превосходство в длине рук позволяло Галиану не пропускать Джима на фланги, и не оставалось иного пути, как только отступать назад - к стене. Ухмылка Галиана превратилась в страшный оскал, с подбородка капал пот.

Из огненной тюрьмы был лишь один выход - ударить в лоб. Контратаковать и вынудить Высокородного вначале ослабить натиск, а затем отступить. Здесь все решит быстрота. Если хочешь жить, подумал Джим, придется тебе опередить самого Высокородного.

Выжидать смысла не было. После первых же яростных атак Джима Галиан отступил шага на три в крайнем изумлении, но быстро овладел собой, остановился и вдруг рассмеялся странным, прерывистым смехом. Казалось, он собрался что-то сказать, но передумал, решив не срывать дыхания понапрасну. Обоим не хватало воздуха - в течение доброго десятка атак и контратак они стояли буквально нога к ноге, не сдвигаясь ни на дюйм, словно два утеса. Скорость движений была беспримерной - еще немного, и Джим свалился бы замертво. Но он не уступал, и глаза Галиана стали медленно вылезать из орбит, уставясь на Джима сквозь сполохи огня и сыплющиеся дождем искры.

- Ты... не можешь этого... не можешь... - через силу прохрипел он.

- Могу... - выдохнул Джим в ответ.

Лицо Галиана исказила ярость, и, отразив очередную атаку, он попытался провести прием, именуемый у земных фехтовальщиков "мулине". Прием состоял в том, чтобы искусным выпадом сбить пламя с конца трубки: если бы это удалось, в запасе Галиана осталось бы целых полсекунды, чтобы отпрянуть назад и всадить Джиму в грудь полный заряд. Пламя вычертило дугу и устремилось вниз, но пламя трубки Джима не отстало ни на дюйм. Так они описали несколько кругов подряд, а затем ту же тактику применил Джим. Проведя огненную дугу над головой Высокородного, он внезапно прервал движение и, рванув руку вниз, полоснул лучом Галиана по шее.

Высокородного бросило в сторону, он судорожно взмахнул трубкой, и пламя, прежде чем погаснуть, обожгло Джиму правый бок. Но все это была сущая ерунда, потому что Галиан бездыханно простерся у его ног.

Сквозь боль и застилавший глаза пот Джим разглядел, как Словиель забрал у Ро нацеленную на Афуан трубку. Несмотря на рану, Словиель уже стоял на ногах, правда, слегка опираясь на плечо девушки.

Дыхание Джима скоро восстановилось, и он медленно двинулся к ним, кинув беглый взгляд на мертвого Галиана.

- Джим?.. - произнес Словиель с нескрываемым удивлением. Трубку он успел спрятать за пояс. На Афуан больше никто не смотрел.

- Зачем ты встал? - спросил Джим.

Словиель невесело рассмеялся.

- Мы, Высокородные, быстро залечиваем раны, - пояснил он. - Как ты?

- Со мной порядок. Но я тут кое-что натворил, - Джим указал на труп Высокородного. - Тебе придется этим заняться. А мне пора домой.

- Домой? - переспросил Словиель.

- Да. На Землю - в мир, откуда я пришел. Чем меньше будет шуму, тем лучше для Императора. Никто не заметит, если я потихоньку исчезну, а Высокородным ты скажешь, что Галиан убил Вотана и старкинов в припадке безумия, и, чтобы спасти жизнь его Величества, ты вынужден был убить Галиана. Джим посмотрел на Афуан, которая стояла, точно белая статуя. - Конечно, - добавил он, - если сумеешь заставить принцессу молчать...

Словиель искоса глянул на нее.

- Афуан не захочет огорчать меня, - сказал он. - А то я напомню ей, сколько у Империи колоний. И даже предложу выбрать какую-нибудь.

Он выпустил из рук плечо Ро и, выпрямившись, но чуть прихрамывая, двинулся к неподвижной фигуре Императора. Джим и Ро направились следом.

Словиель легонько коснулся плеча Императора.

- Оран, - позвал он.

Несколько секунд Император не двигался, затем выпрямился, повернулся и, тепло улыбаясь, сказал:

- О, Словиель! Как хорошо, что ты пришел! Знаешь, я нигде не могу отыскать Вотана. Могу поклясться, что видел его здесь несколько минут назад, а теперь он куда-то запропастился.

Император оглядел зал, окинул взглядом все закоулки. Но на распростертую у его ног фигуру не обратил почему-то внимания. - Знаешь, Словиель, - продолжал Император, с симпатией глядя на Высокородного, - недавно, быть может, вчера, приснился мне сон... Будто Вотан мертв, Галиан мертв, все мои старкины - мертвы. А когда я вышел из спальни, чтобы поведать мой сон Высокородным, то обнаружил, что остался один во всем Тронном Мире. Это плохо, если я останусь один, а, Словиель?

- Ты никогда не останешься один, Оран. Никогда, пока я жив, - ответил Словиель.

- Спасибо, - Император вновь огляделся, и в его голосе зазвучали тревожные нотки. - Но почему нигде нет Вотана?

- Он ненадолго отлучился, Оран, - успокоил его Словиель. - Он попросил меня побыть с тобой, пока не вернется.

Лицо Императора просветлело и озарилось теплой улыбкой.

- Ну, тогда все в порядке, - сказал он довольно, обнял Словиеля за плечи и в третий раз осмотрелся.

- О, да здесь Афуан! И маленькая Ро! И наш маленький Волчонок, то есть бывший Волчонок... - Оран глянул на Джима, и улыбка его стала торжественной и немного грустной. - Ты ведь покидаешь нас, да, Джим? - спросил он, с трудом отыскав его имя в глубинах памяти. - Мне показалось, ты недавно говорил об этом.

- Да, Оран, - сказал Джим. - Мне срочно нужно домой.

Император кивнул, сохраняя торжественно-печальный вид.

- Верно, я в самом деле только что это слышал. - Внезапно он в упор посмотрел на Джима. - Я ведь слышу все, даже если не слушаю. А ты прав, Джим. Это хорошо, что ты решил вернуться на родную планету.

Рука Императора соскользнула с плеча Словиеля, он сделал шаг вперед, но остановился, по-прежнему не сводя с Джима глаз.

- Ваш мир полон юной энергии, Джим, - продолжал он. - Мы все здесь очень устали. Да, устали. С тобой и остальными Волками все будет хорошо. Я это вижу. Ты ведь знаешь, Джим, я иногда способен очень далеко видеть... - Лимонно-желтые глаза его словно бы затуманились. - Я очень ясно вижу... тебе будет хорошо, всем вам будет хорошо... А что хорошо для вас - хорошо и для нас... - Дымка исчезла из глаз Императора, он вновь посмотрел на Джима. - Мне что-то подсказывает, будто ты, Джим,

оказал нам громадную услугу. Я хочу, прежде чем ты уйдешь, утвердить твое усыновление. С этого момента объявляю тебя Высокородным, Джим Кейл! - он внезапно рассмеялся. - Хотя этим я не вношу в твою судьбу ничего нового! - Оран повернулся к Словиелю. - Что мне делать дальше?

- Наверное, - сказал Словиель, - ты должен отослать Афуан в ее покои. И посоветовать оставаться до особых распоряжений.

Взгляд Орана обежал кругом комнаты и уперся в Афуан. Принцесса лишь секунду выдерживала взгляд монарха, после чего воззрилась на стоящих возле нее Ро и Джима.

- Черномазая! Дикарь! - в ярости выкрикнула она. - Убирайтесь в кусты и там совокупляйтесь! Животные!

Джим вскинулся, однако Ро поймала его руку.

- Не надо! - сказала она почти с гордостью. - Разве ты не видишь? Она ревнует!

Крепко держа его руку, она заглянула Джиму в глаза.

- Я отправлюсь с тобой, Джим. В твой мир!

- Вот-вот, - неожиданно вступил Император. - Я все так и представлял. Маленькая Ро должна идти с ним...

- Афуан! - строго прикрикнул Словиель.

Принцесса кинула на него полный ненависти взгляд и исчезла.

У Джима отчаянно кружилась голова, и только огромным напряжением воли он заставлял себя стоять прямо.

- Нам надо отправляться быстрей, - сказал он. - Я пришлю тебе, Словиель, столько старкинов, сколько понадобится для охраны Его Величества. А пока что постарайся вернуть старкинов из колоний. Сколько сумеешь. И если поспешишь с приказом, меньше людей потеряешь в галиановых ловушках.

- Я понял. Счастливо, Джим, - сказал Словиель.

- До свидания, Джим, - Император шагнул к нему с протянутой рукой. Джим, высвободив левую руку из ладони Ро, неуклюже пожал Императору палец.

- Адок! - Оран повернулся к старкину, не выпуская руки Джима. - У тебя есть семья?

- Больше нет, Оран, - ответил Адок своим бесстрастным голосом. - Сын мой вырос, а жена вернулась в женское поселение.

- Ты хотел бы отправиться с Джимом? - спросил Император.

- Я... - За все время совместной службы с Джимом Адок впервые утратил дар речи. - Я... не привык что-либо желать или не желать, Оран.

- А если я прикажу тебе отправиться с Джимом и Ро, - спросил Император, - ты пошел бы с охотой?

- Да, Оран, - ответил Адок.

- Он тебе понадобится, - Император кивнул Джиму и выпустил его руку.

- Спасибо, Оран, - поблагодарил Джим.

Ро схватила его за руку.

- Спасибо, Оран. До свидания! До свидания, Словиель! - воскликнула она, и в ту же секунду они оказались на взлетной площадке, где ждал звездолет с полком старкинов. Возле корабля Джим увидел Гарна, ходившего взад-вперед, словно часовой на посту.

- Рад видеть вас, командир, - приветствовал адъютант.

Джим снова почувствовал, как накатывает дурнота. Голос Адока, пересказывавшего Гарну события, слышался точно в тумане.

- Высокородный Вотан и Галиан убиты. Словиель занял место Вотана. Ты со своими старкинами поступаешь в его распоряжение...

- Да, - подтвердил Джим.

- Командир... - Гарн развел руками и исчез.

Они переместились на корабль, и тут Джиму стало еще хуже. Ро помогла ему улечься на подушки.

- Что с ним?.. Адок! - голос ее прозвучал далеко-далеко, в конце длинного и гулкого коридора, по которому Джим скользил куда-то прочь. Последним усилием воли он представил картину космопорта Альфы Центавра и путь оттуда до Земли - теперь он мог быть спокоен. Корабль доставит их на место.

Он на миг прекратил сопротивляться - и заскользил еще быстрее по бесконечному коридору. Но надо было продолжать борьбу - вернуться к Ро хоть на миг.

- Галиан перед смертью спалил мне правый бок, - прошептал он. - Я умираю. Ро, ты должна сказать вместо меня... Там, на Земле... Скажи им все...

- Ты не умрешь! - Ро заплакала, крепко обхватив его руками. - Ты не умрешь...

Неслышно выскользнув из объятий девушки, он вновь понесся по черному коридору без всякой надежды на возвращение, в угрюмый мрак...

11

Он очнулся и увидел свет, с трудом осознав, где находится. Тело было словно чужое. Он лежал на плоской поверхности, куда более жесткой, чем подушки Высокородных, а над головой был белый низкий потолок.

С натугой повернув голову, Джим разглядел рядом небольшой столик, несколько стульев и белую ширму, какие обычно ставят в больницах. Сквозь единственное окно проникал желтый солнечный свет. Самого солнца не было видно, только кусочек голубого неба с белыми барашками облаков. Он лежал, глядя в это небо, и пытался понять, что произошло.

Очевидно, он находится на Земле. А если так, то где именно? И где Ро и Адок? И корабль?

Он лежал и размышлял. Внезапно припомнился сожженный бок. Джим откинул простыни, задрал край голубой пижамы и исследовал тело. Ничего не болело, на коже не было никаких следов.

Джим снова натянул простыни и откинулся на подушки. Он чувствовал себя вполне сносно, если не считать небольшой слабости, как после долгого сна. Он снова посмотрел на столик. На пластиковой поверхности стояли стакан с водой и коробка с салфетками. Стало быть, больница. Не удивительно. Ранение наверняка было не из легких. Но куда подевался шрам?

Внезапно Джим заметил на нижней полке стола телефон. Он снял трубку, прислушался - телефон молчал. Набрав наудачу несколько цифр, он долго ждал ответа, потом положил трубку на место. И увидел рядом с аппаратом кнопку с табличкой "СЕСТРА".

Джим надавил кнопку - никакого эффекта. Подождав минут пять, он надавил еще раз. Дверь распахнулась. Однако вошла не девушка в белом халате и колпаке, а крепкий молодой парень, ростом чуть ниже самого Джима, широкоплечий, одетый в белые брюки и белый свитер.

Ни слова не сказав, парень подошел к кровати и, взяв Джима за левое запястье, молча принялся измерять пульс, изредка поглядывая на часы.

- Я вполне здоров, - сказал Джим. - Что это за больница?

Парень-санитар издал нечленораздельный звук, досчитал пульс и, выпустив руку Джима, повернулся к двери.

- Эй, подождите! - окликнул Джим, садясь в постели.

- Лежать тихо! - хрипло приказал санитар, и, приоткрыв дверь, выскочил вон.

Джим резко откинул простыни и спрыгнул с кровати. Сделав три шага к двери, подергал ручку. Дверь была заперта.

Он еще раз потряс ручку, отступил, подавив в себе желание стучать, колотить что есть сил в эту дверь, пока не явится хоть кто-нибудь. Но он стоял и задумчиво смотрел на нее.

Палата все больше наводила на мысль о приюте для душевнобольных. Джим повернулся и пошел к окну. Его подозрения усилились.

Невидимая с постели, на окне имелась металлическая решетка. На вид она была довольно тонкая, но наверняка, достаточно прочная, чтобы задержать беглеца, не имевшего под рукой инструмента.

Джим глянул вниз. Под окном раскинулась лужайка, окруженная стеной сосен. Ничего больше разглядеть было невозможно.

Джим вернулся к постели, сел, затем лег, накрылся простынями и, призвав на помощь всю свою выдержку, стал ждать.

Время тянулось медленно. Потом дверь внезапно отворилась, и вошел уже знакомый санитар в сопровождении низенького человечка лет пятидесяти, в белом халате, совершенно лысого. Вдвоем они подошли к постели Джима.

- Отлично, - произнес человек в халате, обращаясь к санитару. - Вы мне пока не понадобитесь.

Санитар вышел, закрыл за собой дверь. Врач - ибо никем другим этот человек быть не мог - взял Джима за руку и сосчитал пульс.

- Н-да, - буркнул он себе под нос.

Отпустив руку Джима, он откинул простыню, задрал пижаму и принялся изучать правый бок пациента. Пальцы давили то здесь, то там. Внезапно Джим вздрогнул.

- Больно?

- Да, - спокойно сказал Джим.

- Хм... - нахмурился врач. - Если это правда, то все равно - крайне интересно.

- Доктор, - сказал Джим. - Со мной что-нибудь не в порядке?

- Нет, с вами-то все в порядке, - врач оправил на Джиме пижаму и укрыл его простыней. - Но я в это не верю.

- Почему? - поинтересовался Джим.

- Потому что на том самом месте, где я видел маленькую ранку, позавчера был ожог по меньшей мере дюймов шести в длину и двух в ширину, - заявил врач. - А сегодня тут нет ничего. Да, я видел по телевизору ваш корабль и помню, что говорила мне девушка. С раной, которую она описала, вы умерли бы прежде, чем добрались сюда. Я готов допустить, что небольшая ранка может зажить без всяких шрамов, но ожог четвертой степени - никогда в жизни!

- Мне нужно вас убедить? - мягко спросил Джим.

- Нет, - ответил врач. - Зачем? Я просто дам заключение, что сейчас вы абсолютно здоровы. Да, так я им и скажу.

- Кому - им?

Врач бросил на Джима внимательный взгляд.

- Доктор, - сказал Джим. - Возможно, у вас сложилось обо мне нелестное мнение. Ваше право. Но зачем вы держите своего пациента в полном неведении о том, где он находится и кто принимает в нем участие? Вот вы упомянули о девушке. Скажите, она случайно не стоит сейчас за дверью?

- Нет, - сказал врач. - Что касается ваших вопросов... Вы находитесь здесь по решению Правительства Мира. Мне запрещено беседовать с вами на темы, к лечению не относящиеся, а поскольку в лечении вы больше не нуждаетесь, стало быть, говорить нам не о чем.

Врач поднялся и пошел к двери. Уже взявшись за ручку, он, словно поддавшись голосу совести, вновь повернулся к Джиму.

- Я доложу, что вы здоровы, - сказал он. - Они сразу же пришлют к вам своего человека. Ему и задавайте любые вопросы.

Врач нажал ручку, но дверь была заперта. Ему пришлось несколько раз стукнуть по ней кулаком и громко позвать санитара, который, судя по всему, находился где-то далеко. Наконец дверь тихонько приоткрылась, врач проскользнул в образовавшуюся щель, и снова щелкнул замок.

На этот раз Джиму пришлось ждать недолго - минут двадцать. В палату впустили мужчину лет сорока с загорелым лицом, в деловом сером костюме. Посетитель подошел ближе, приветствовал Джима кивком головы и, придвинув один из стульев, сел. Джим устроился на краю кровати.

- Я - Даниэль Вилькоксин, - назвался человек. - Если хотите, можете звать меня Дэн. Правительство собирает Комиссию по расследованию, я назначен вашим адвокатом.

- А если я не соглашусь с вашей кандидатурой? - спокойно спросил Джим.

- Тогда, конечно, я устранюсь, - сказал адвокат. - Однако данное расследование не будет иметь ничего общего с обычным судебным процессом. Процесс начнется позже, если так решит Комиссия. Поэтому формально адвокат вам не нужен. Но если вы откажетесь от моих услуг, вряд ли Комиссия предложит вам новую кандидатуру. Ведь процесс-то не судебный.

- Понятно, - сказал Джим. - У меня к вам ряд вопросов.

- Валяйте, - Вилькоксин откинулся на стуле и сложил на коленях руки.

- Где я? - холодно спросил Джим.

- Этого, боюсь, я не могу вам сообщить. Сам не представляю, где мы находимся. Знаю только, что это правительственная больница, пребывать в которой имеют право лишь те, чьи дела требуют соблюдения строжайшей секретности. Еще могу сказать, что больница расположена в двадцати минутах езды от здания Правительства - там находится моя контора, - но в какую сторону, не знаю. Меня везли в закрытом автомобиле.

- Где мой звездолет? И члены моей команды?

- Корабль в правительственном космопорту, - ответил Вилькоксин. - Вокруг него охрана, никого не подпускают ближе, чем на четверть мили. Ваши спутники пока что на борту корабля - этим они обязаны губернатору Альфы Центавра, который в данный момент находится здесь, на Земле. Если не ошибаюсь, женщина, которую вы привезли с собой, - Высокородная. А губернатор Альфы до смерти боится всех Высокородных, и ему удалось разубедить правительство интернировать ваших спутников. Это, наверное, к лучшему... - Внезапно Вилькоксин замолк и с любопытством уставился на Джима. - Неужели Высокородные правят всей империей?

- Да, - хмуро ответил Джим. - Зачем меня сюда привезли?

- Эта леди, Высокородная...

- Ее зовут Ро.

- Так вот, ваша Ро столкнулась с правительственными чиновниками сразу, едва корабль коснулся грунта. Судя по всему, встречать его явились весьма важные шишки - здесь тоже заслуга губернатора Альфы Центавра, он опознал корабль Высокородных. Короче, Ро пустила их внутрь, показала вас и поведала впечатляющую историю о том, как вас ранил на дуэли принц Империи, и будто вы этого принца прикончили. Она сказала, что вам уже намного лучше, и не возражала, когда чиновники пред-

ложили поместить вас в земную больницу - похоже, что они ее убедили, что привычное лечение окажет благоприятное действие, и, дескать, вы скоро встанете на ноги.

- Да, - тихо сказал Джим. - Ро начисто лишена подозрительности.

- Очевидно. Во всяком случае, она позволила увезти вас, и Комиссия приняла решение начать работу сразу, как только вы поправитесь. Врач только что дал положительное заключение.

- Что это будет за расследование?

- Видите ли... - замялся Вилькоксин. - Я уже сказал, что с обычной судебной процедурой оно не имеет ничего общего. Комиссия собрана с целью получить определенную информацию, на основании которой решит, что делать с вами, вашими друзьями и кораблем. Но скорее всего, правительство возбудит уголовное дело по обвинению вас в предательстве и измене. Как вы, наверное, и ожидали.

Последние слова Вилькоксина тревожно зависли в спертом воздухе палаты.

- Почему вы решили, что я должен был ожидать чего-то подобного по возвращении на Землю? - спокойно спросил Джим.

- Но... - Джим почувствовал на себе испытующий взгляд адвоката. - Дело в том, что после вашего отлета с Альфы Центавра на Землю прибыл Максвелл Холланд, который заявил, что вам "плевать на все их приказы", что вы улетели в Мир Владык, чтобы на свой страх и риск учинить там едва ли не бунт. Естественно, Холланд приведет ваши слова на завтрашнем заседании. Хотите сказать, что ничего подобного не говорили?

- Было не так, - сказал Джим. - Я сказал ему, что с определенного момента собираюсь руководствоваться собственными соображениями.

- Для комиссии это прозвучит немногим мягче.

- Похоже, ваша комиссия признала меня виновным в... предательстве, еще не начав работать.

- Думаю, да, - кивнул Вилькоксин. - Но это говорит и о том, что я автоматически становлюсь на вашу сторону. Как вашего защитника меня это меньше всего устраивает. Вы были избраны из огромного числа кандидатов, вас специально обучали, потратили на вас кучу денег - чтобы вы жили в Мире Владык и тихонько смотрели вокруг. На основании ваших наблюдений правительство должно было решить - либо мы относимся к Империи, либо развиваемся самостоятельно и представляем собой иную расу, отличную от населения Имперских миров. Верно?

- Да, все так, - подтвердил Джим.

- Хорошо, - продолжал Вилькоксин. - С этим вы согласны. Далее, исходя из рассказа девушки Ро, с самого начала, вместо того, чтобы просто наблюдать, вы ввязываетесь в драку с Высокородным. Мало того, наносите ему ножевое ранение, после чего, в компании со своим телохранителем участвуете в интригах Тронного Мира, в результате которых и не без вашего участия гибнут дядя Императора и принц. Это правда?

- Все зависит от того, с какой стороны взглянуть, - ответил Джим. - А смысл нетрудно вывернуть наизнанку, если исходить из голых фактов, причем неверно истолкованных.

- То есть, вы хотите сказать, что эта девушка, Ро, лгала? - допытывался Вилькоксин.

- Нет, я хочу сказать, что она не могла так описать события. Вы сами разговаривали с ней или пересказываете чужие слова?

Вилькоксин откинулся на стуле и задумчиво поскреб подбородок.

- Я действительно получил информацию из вторых рук, - признался он. - Но если на завтрашнем заседании этот человек повторит свои слова, вам придется несладко, даже если, как вы считаете, в рассказе имеются неточности.

Он снова потер подбородок, затем внезапно вскочил на ноги и зашагал по палате.

- Скажу вам совершенно откровенно, - начал он, останавливаясь напротив Джима, - я был не в восторге, когда меня назначили вашим защитником. Можно даже сказать, я был предубежден... Поймите правильно, я говорю так не потому, что вы меня переубедили, - торопливо добавил Вилькоксин, - а потому, что вы раскрыли мне глаза на то, что, возможно - подчеркиваю, возможно, - все происходило иначе, чем об этом говорят. Ладно. - Он уселся на стул и придвинул его к кровати Джима. - Теперь послушаем вас. Я хочу знать вашу версию событий.

- Я отправился в Мир Владык, чтобы, как вы верно заметили, выяснить, - представляем ли мы независимую расу, либо мы ветвь людей Империи. Все происшедшее - следствие моих наблюдений.

Вилькоксин молчал, словно ожидая, что Джим продолжит рассказ.

- И это все, что вы можете сообщить? - спросил он после паузы.

- Пока - да, - ответил Джим. - Остальное я расскажу на заседании Комиссии, если, конечно, она соблаговолит меня выслушать.

- Значит, вы сознательно скрываете от меня факты, - сказал Вилькоксин. - Неужели вы не понимаете, что если я не буду знать всех фактов и подробностей, то не смогу помочь вам?

- Понимаю, - сказал Джим. - Но не вполне вам доверяю. Нет, не поймите меня превратно. Я доверяю вам как человеку, но боюсь, вы не сумеете правильно понять и оценить события просто потому, что никогда не бывали в Мире Владык.

- Но ведь... ни один землянин никогда не бывал в Мире Владык. Кроме вас.

- Совершенно верно. И я считаю, что ни один человек на Земле не в силах мне помочь. В то же время некто Макс Холланд собирается выступать перед Комиссией, заранее объявившей меня виновным...

- В таком случае, я решительно не могу быть вам полезным, - объявил Вилькоксин, вставая со стула и направляясь к двери.

- Подождите минутку, - остановил его Джим. - Возможно, вы и не в силах мне помочь как адвокат, повторяю, - как и любой другой человек. Однако вы можете помочь мне в другом.

- Каким образом? - Вилькоксин обернулся. Ладонь его лежала на дверной ручке.

- Начнем с того, что вы хотя бы будете считать меня невиновным, пока вина моя не доказана.

Несколько секунд Вилькоксин стоял молча, затем его рука соскользнула с ручки, он медленно приблизился к Джиму и сел на стул.

- Прошу прощения, - смущенно сказал он. - Слушаю вас.

- Прежде всего, - сказал Джим, - вы будете присутствовать на завтрашнем заседании Комиссии в качестве моего адвоката. Но, кроме того, я буду весьма признателен, если вы ответите на несколько вопросов. Во-первых: почему Комиссия, правительство и весь народ жаждет осудить меня за предательство? Что я такого сделал? Побывал в Мире Владык, вернулся живым, привез ценнейший космический корабль, двух представителей Империи. Не пойму, каким образом это может сочетаться с предательством интересов Земли. Конечно, существует еще Макс Холланд, которому я подложил какую-то свинью и который собирается публично обвинить меня во всех смертных грехах... Но если Комиссия ориентируется исключительно на его показания, думаю, особо волноваться не следует.

- Как вы не поймете? - воскликнул Вилькоксин. - Речь о предательстве зашла не после заявлений Холланда, а после того, как стало известно о ваших похождениях в Мире Владык. В правительстве решили, что Империя непременно захочет отомстить и может сотворить с Землей неизвестно что.

- С какой стати?

- С какой?.. - Вилькоксин даже поперхнулся. - Да хотя бы с такой, что дядя и брат Императора мертвы, и самому Императору ничего не стоит предъявить счет за их смерть. Это даже его долг.

Джим ухмыльнулся. Брови Вилькоксина сошлись к переносице.

- Разве это так смешно?

- Нет, - сказал Джим. - Но теперь я понял, почему меня обвиняют именно в предательстве. Насколько мне известно, оно карается смертной казнью?

- Не всегда... - нерешительно проговорил Вилькоксин. - Но при чем здесь...

- Боюсь, не сумею объяснить. А скажите, не могли бы вы повидать Ро?

- Исключено, - Вилькоксин покачал головой. - Я уже пытался это сделать. Меня даже не подпустили к кораблю.

- А передать ей записку вы можете?

- Думаю, да. - Вилькоксин нахмурился. - Но сомневаюсь, что смогу получить ответ.

- Это не обязательно, - сказал Джим. - Ро вверила меня заботам земных врачей без колебаний, стало быть, доверяла им. Она не знает, какой сюрприз ожидает меня на завтрашнем заседании. Можете вы написать ей об этом?

- Думаю, да, - ответил Вилькоксин. - Да, разумеется, - бодро добавил он, - я поговорю с ней завтра утром; она тоже вызвана на Комиссию.

- Если вы это сделаете сегодня вечером, буду вам благодарен вдвойне.

- Постараюсь, - Вилькоксин глянул на Джима. - А что, собственно, вы от нее ждете? Ведь не станет же она опровергать свои же показания?

- Ни в коем случае, - сказал Джим.

- Вы сказали, что никто из землян не может вам ничем помочь. Значит, вы рассчитываете на нее и на того человека, прилетевшего с вами из Мира Владык? Но не забывайте: они пока что - главные свидетели обвинения. Короче, радужных перспектив для вас я не вижу.

- Еще есть губернатор с Центавры, - заметил Джим, слегка улыбнувшись.

- О! - Глаза Вилькоксина сверкнули. - Честно говоря, я о нем просто забыл. Он замолвил словечко за Ро, когда она выразила желание остаться на корабле, он может замолвить слово и за вас. Хотите, чтобы я связался с ним?

Джим покачал головой.

- Нет. Предоставьте это мне.

В ответ Вилькоксин тоже покачал головой.

- Не понимаю, - сказал он. - Что-нибудь еще? Я - с вами, можете быть уверены.

- Спасибо, больше ничего. Поговорите с Ро, если сможете.

Вилькоксин поднялся.

- Я зайду за вами за полчаса до начала заседания, - сказал он. - Я буду вас сопровождать. - Он пошел к двери. - Откройте, это Вилькоксин!

Дверь на секунду приоткрылась, и прежде, чем скрыться за ней, адвокат повернулся к Джиму.

- Что ж, спокойной ночи. И желаю удачи!

Вилькоксин вышел, и дверь тут же закрылась. Джим вытянулся на кровати и несколько минут спустя уже спал. Ценным умением расслабляться в короткие промежутки между "боями" он владел в совершенстве.

Даниэль Вилькоксин явился на следующий день в 8.15. Он и Джим сели в закрытую машину и поехали в здание правительства. Заседание Комиссии должно было начаться ровно в 9.00. Джим потихоньку спросил - удалось ли Вилькоксину связаться с Ро.

Вилькоксин кивнул.

- Мне не удалось пробраться на корабль, - сказал он, - но я сумел переговорить с ней по телефону с одного из постов охраны, задал ей кучу вопросов, якобы связанных с предстоящей защитой, и ухитрился передать то, о чем вы меня просили, - скажем так, между строк.

- Хорошо, - произнес Джим и с этого момента не открывал рта, даже не отвечал на вопросы, которые пытался задавать Вилькоксин. Потеряв терпение, адвокат толкнул Джима под локоть.

- Послушайте! Вы должны ответить мне! Через несколько минут я должен буду вас защищать, и мне важно знать хоть что-то. Ради вас я связался с Ро - не думайте, что это было легко.

Кроме полевого телефона, никакой связи с кораблем не существует.

Джим покосился на него.

- Правительственный центр находится примерно в десяти милях от космодрома, верно? - спросил он.

- Да... Но...

- Если бы я смог попасть туда, мне не понадобилась бы ваша помощь, я связался бы с кораблем без всяких телефонов. - На изумленное лицо адвоката Джим не обращал внимания. - Говорю к тому, что не хочу тратить время, отвечая на ваши вопросы, ибо вы все равно ничего не поймете. Даже если поверите мне на слово. То, что через несколько минут будут говорить Холланд и все остальные, абсолютно меня не волнует. А вас я прошу об одном: не мешайте мне. Сидите тихо и не мешайте мне.

Джим вновь погрузился в собственные мысли, и на этот раз Вилькоксин оставил его в покое.

Машина подъехала к зданию правительственного центра, и Джима проводили в маленькую комнатку. Там он должен был ждать, пока не соберутся все члены Комиссии, а затем его и Вилькоксина пригласили в набитый до отказа зал заседаний.

Их усадили прямо напротив возвышения, на котором стоял длинный стол для шести членов комиссии. Войдя в зал, Джим увидел в первом ряду Макса Холланда, Старка Якобсена - одного из руководителей Проекта, тренировавшего Джима перед отбытием в Мир Владык, - и Ро. Вокруг расположились прочие приглашенные, их лица тоже были как будто знакомыми.

Ро встретила его взгляд. Она казалась взволнованной и выглядела бледнее обычного. На ней были белая блузка и юбка, ничем не выделявшиеся среди костюмов других сидевших в зале женщин. И все же Ро привлекала внимание. Успев привыкнуть к статным фигурам и правильным чертам лица жителей Тронного Мира Владык, Джим поймал себя на том, что его родной народ - народ Земли - кажется ему каким-то мелким и некрасивым.

В зал вошли члены Комиссии. Все в зале встали и стояли в молчаливом ожидании, пока те не расселись. Каждый из шести представлял один из секторов планеты. По залу пронесся взволнованный шум, когда появился маленький смуглый человек и занял место рядом с Алвином Хейнманом, председателем могущественного Европейского Сектора. Джим взглянул на коро-

тышку и слабо улыбнулся. Но тот едва удостоил его взглядом, печальным и суровым. Публике в зале разрешили сесть.

- ... Пусть в протоколах отметят, - сказал Хейнман в микрофоны, - что губернатор Альфы Центавра любезно, хоть и неофициально, согласился присутствовать на заседании и помочь расследованию в меру своих знаний и опыта.

Хейнман постучал по столу председательским молотком и пригласил официального представителя правительства выступить с изложением фабулы дела.

Представитель встал. Хотя он тщательно избегал слова "предательство", но сумел представить дело так, что у публики не осталось ни малейших сомнений в намерениях правительства, которое, после столь незначительной прелюдии, как настоящее расследование, неминуемо должно возбудить против Джима судебный процесс по обвинению в измене. Выступавший закончил, и вызвали Старка Якобсена.

Старк отвечал на вопросы - как Джима готовили к экспедиции, и почему из тысячи претендентов, мечтавших попасть в Мир Владык, был избран именно он.

- Джеймс Кейл необычайно одарен во всех отношениях. Особенно физически. Нас это весьма устраивало - ибо мы хотели послать в Мир Владык человека, наилучшим образом подготовленного. К тому же, когда мы обратили внимание на Кейла, он уже имел ученые степени по химии и истории, а также антропологии. Вдобавок он имел авторитетные труды в области культуры и социологии.

- Вы хотите сказать, что характером он выделялся из общей массы? - вмешался Хейнман.

- Все кандидаты были яркими индивидуальностями, - ответил Якобсен. - Кейл - не исключение.

Джим помнил: Якобсен, плотный датчанин лет шестидесяти, обладатель густой копны седых волос, всегда относился к нему с большим дружелюбием, нежели Макс Холланд.

- ... это было одним из требований, которые мы предъявляли к претендентам.

Затем Якобсен перечислил остальные требования, объединявшие физические, эмоциональные и интеллектуальные достоинства.

- Вот! Как насчет эмоциональных качеств? Не показался ли он вам несколько... асоциальным? Не сторонился ли он людей, не пытался ли действовать в одиночку? - напирал Хейнман.

- Да, - ответил Якобсен. - И опять-таки: нам нужен был именно такой человек. Он должен был попасть в чуждую ему культуру, не имеющую аналогов на Земле. Поэтому мы требовали, чтобы претендент был как можно более замкнут в себе.

Якобсен не отступал ни на шаг. Несмотря на то, что Хейнман всячески подсовывал ему каверзные вопросы, убеленный сединами датчанин стоял на своем - Джим Кейл был именно тем человеком, которого следовало послать в Мир Владык; он был уникален.

Речь Макса Холланда, выступившего следом за Якобсеном, являла собой полную противоположность.

- ... ни один из кандидатов никогда не допустил бы подобного риска, - утверждал Холланд. - Риска для всей Земли. Наш мир по сравнению с Империей - цыпленок против слона. Цыпленок может считать себя в безопасности до тех пор, пока слон не обратил на него внимания. Под слоновью ногу он может попасть совершенно случайно. Но, похоже, мы получили реальную возможность оказаться под пятой слона-Империи по вине человека, посланного туда наблюдателем. И мне еще более становится не по себе, когда я вспоминаю о том, какого человека мы послали.

Холланда, как и Якобсена, подвергли допросу все члены Комиссии, но в отличие от датчанина, Макс не жалел черных красок в описании личности Джеймса Кейла.

Он утверждал, что с самого начала разглядел в Джиме едва ли не параноика, крайне эгоистичного и уверенного в собственной непогрешимости. Затем весьма подробно пересказал содержание их последней беседы в комнатке под ареной на Альфе Центавра 3.

- Верно ли мы поняли, - сказал Хейнман, - что мистер Кейл, еще не достигнув Тронного Мира, решил игнорировать приказы, полученные от народа Земли? Ваше мнение? Он решил не считаться с возможными для Земли последствиями?

- Да, таково мое мнение, - ответил Холланд, и больше ему вопросов не задавали.

Далее была вызвана Ро, которую вообще не допрашивали, а лишь попросили прослушать магнитофонную запись ее собственного рассказа о действиях Джима с того момента, как она встретила его на борту корабля принцессы Афуан.

Когда запись кончилась, Хейнман, прочищая горло, откашлялся, и подался вперед, явно намереваясь что-то спросить. Но не успел - его вниманием завладел губернатор Альфы Центавра 3, прошептав что-то на ухо. Хейнман с почтением выслушал,

затем откинулся на спинку кресла. Ро отпустили, так и не задав ни единого вопроса.

Сидевший рядом с Джимом Вилькоксин вдруг наклонился и впервые с начала заседания прошептал Джиму на ухо:

- Послушайте! Мы можем использовать право перекрестного допроса. Хейнман допустил огромную ошибку, когда послушался губернатора и не стал допрашивать Ро. Я уверен, она хочет давать показания в вашу пользу и, если ее начнем допрашивать мы, я сумею представить ее ответы в самом выгодном для вас свете.

Джим покачал головой. Как бы то ни было, на споры времени не оставалось, ибо на допрос вызывали его самого.

Хейнман начал с личных качеств Джима, которые явились решающими при выборе его посланцем в Мир Владык, но довольно быстро ушел от этой щекотливой для Комиссии темы.

- У вас когда-нибудь возникали сомнения в целесообразности Проекта? - спросил он Джима.

- Нет.

- Но перед самым полетом в Мир Владык, похоже, кой-какие подозрения у вас возникли, - Хейнман стал рыться в груде листков на столе, наконец, выудил нужный.

- Мистер Холланд докладывал, я цитирую: "...Макс, тебе уже поздно вмешиваться. С этого момента я все буду решать сам". Вы произносили эти слова?

- Нет.

- Нет?! - Хейнман нахмурился, глядя поверх листков, которые держал в руке.

- Я сказал иначе, - пояснил Джим. - Вот мои подлинные слова: "Мне очень жаль, Макс, но что случилось - то случилось. С этого момента я следую лишь собственным соображениям".

Хейнман сидел мрачнее тучи.

- Не вижу особой разницы, - заявил он.

- Зато я вижу, - возразил Джим. - Иначе я не привел бы именно этих - подлинных - слов. По-видимому, разницы не заметил и мистер Холланд...

Джим почувствовал, что под столом его сильно дергают за левый рукав.

- Полегче, - прошипел Вилькоксин. - Ради всего святого, полегче!

- А вы значит, видите... эту разницу, - произнес Хейнман. Он откинулся в кресле и посмотрел на остальных членов Комиссии. - И вы не отрицаете, что, вопреки мнению мистера Холланда, взяли с собой пистолет и нож?

- Нет, - сказал Джим.

Хейнман вытащил из кармана платок и аккуратно промокнул лоб.

- Что ж, - сказал он. - Кажется, с этим все.

Из кипы бумаг он извлек новый лист и сделал пометку карандашом.

- Только что, - провозгласил он, - вы слышали рассказ о своих действиях, начиная с момента, когда покинули космопорт Альфы Центавра 3 и до настоящего времени, из уст мисс... Высокородной Ро. Имеете ли что-нибудь добавить к данному рассказу?

- Нет, - сказал Джим.

И вновь почувствовал, как Вилькоксин отчаянно дергает его за рукав. Но не обратил на него внимания.

- Никаких замечаний. Так, - резюмировал Хейнман. - Должен ли я понимать это в том смысле, что вы отказываетесь объяснить те странные действия, которые вы позволили себе в Мире Владык, вопреки утвержденной программе?

- Я этого не говорил, - сказал Джим. - Рассказ Ро абсолютно точен. Но как его поняли вы - другое дело. Мало того, вы сделали неправильные выводы о том, что совершенное мною в Мире Владык шло вразрез с программой.

- В таком случае, вам наверное, следует объяснить нам наши заблуждения, мистер Кейл, - предложил Хейнман.

- Я давно пытаюсь это сделать, - отпарировал Джим.

От этих слов на щеках председателя заиграла легкая краска, однако Хейнман решил оставить вызов без ответа. Взмахом руки он приказал продолжать.

- Объяснение достаточно просто, - сказал Джим. - Высокородные Империи Мира Владык, - и, я уверен, господин Ук Бен, губернатор Альфы Цетавра 3 со мной согласится, - высшие существа по отношению к людям, населяющим миры типа Центавра и множество других. - Тут Джим посмотрел на губернатора, но тот отвел глаза. - И по отношению к нам, людям Земли, тоже. Поэтому даже самые тщательно разработанные на Земле планы были не в состоянии помочь мне в мире, самый захудалый представитель которого на голову выше любого гения нашей плане-

ты. С самого начала мне пришлось приспосабливаться к совершенно незнакомой обстановке, и я вынужден был самостоятельно принимать решения, ибо ни один земной ум не смог бы предугадать ситуации, которые могли там возникнуть.

- Насколько я помню, - заметил Хейнман, - вы ни разу не заявляли о подобных сомнениях во время подготовки.

- Выскажи я их раньше, я был бы немедленно отстранен.

Рядом послышался слабый стон Вилькоксина.

- Конечно, конечно, - сказал Хейнман. - Продолжайте, мистер Кейл.

- Попав на Тронный Мир, я понял, что смогу защищать интересы Земли только в том случае, если проникну в окружение Императора.

Император Мира Владык болен, у него шизофрения, Империей управлял дядя Императора - Вотан. Третий человек Империи - Галиан - плел против них интриги, стремясь занять положение Вотана, то есть сосредоточить в своих руках всю реальную власть. План Галиана состоял в убийстве Вотана и старкинов - преданных слуг Императора. Затем, заняв верховное положение в Империи, Галиан собирался создать новых старкинов, преданных уже не Императору; а лично ему, Галиану. Старкины - это искусственно созданная раса солдат. Преданность хозяину закреплена у них генетически. Галиан был уверен, что за два-три поколения ему удастся вывести новых старкинов, а материал он планировал брать отсюда - с Земли.

Джим замолк и окинул взглядом членов Комиссии, сидящих за длинным столом.

13

Секунда или две прошли с момента окончания речи Джима, когда смысл его слов наконец дошел до сознания членов Комиссии. Председатель вздрогнул, остальные повскакали с мест, да так и остались стоять.

- Что это значит, мистер Кейл? - требовательно произнес Хейнман. - Вы обвиняете Высокородного Галиана, которого сами же убили, в умышленном геноциде - в том, что он, якобы, хотел преобразить нас генетически и сделать своими послушными воинами и телохранителями?

- Я не обвиняю его, - возразил Джим, сохраняя спокойствие. - Я констатирую факт - известный факт намерений принца Импе-

рии Галиана, которые он сам высказывал в качестве своих, если хотите, планов. Не думаю, что вы это поймете, - в голосе Джима впервые появилась нотка иронии, - но планы его никого в Тронном Мире не шокировали. В конце концов, жители колоний всегда были просто слугами Высокородных, а мы ведь даже не колония. Мы всего-навсего Волки - дикие мужчины и дикие женщины, обитающие за пределами цивилизованной Империи.

Хейнман откинулся в кресле и, повернувшись к губернатору Альфы Центавра, что-то прошептал ему в ухо. Тот ответил. Джим сидел не шевелясь, пока их приватная беседа не окончилась, и председатель Хейнман вновь не повернулся к нему.

- Немногим ранее, - сказал Хейнман, - вы утверждали, что Высокородные Мира Владык - высшие существа. Как сочетается данное утверждение с бесчеловечными намерениями, которые вы приписываете принцу Галиану? Не говоря уже о том, - опять-таки, это вытекает из ваших слов - что он якобы, собирался убить дядю Императора и захватить верховную власть в Империи. Вы противоречите сами себе. Если Высокородные действительно высшие существа, в чем с вами совершенно согласен и губернатор Альфы Центавра 3, то принц Галиан не может быть одновременно и ангелом, и чудовищем.

Джим рассмеялся.

- Мне кажется, уважаемая Комиссия не вполне понимает сущность социальных отношений Мира Владык и Империи вообще. План Галиана по захвату власти - верх преступных измышлений, по мнению любого Высокородного. Но с точки зрения того же Высокородного идеи Галиана относительно Земли - отнюдь не преступление, а норма. Более того, нам объявили бы, что, дескать, мы должны считать себя счастливыми, ибо привлекли внимание принца. Что, став старкинами, мы избавились бы от болезней и обрели бы здоровье, счастье и единство, подобно старкинам Императора.

И вновь Хейнман принялся шептаться с губернатором, но на этот раз оба выглядели озабоченными и расстроенными.

- Не хотите ли вы сказать, мистер Кейл, - произнес Хейнман, и тон его давал понять, что председатель ждет честного ответа, - что все ваши действия в Мире Владык были направлены не только на благо Императора, но и служили целям безопасности людей на Земле?

- Да, - ответил Джим.

- Мне бы очень хотелось в это верить, - сказал Хейнман. - Но вы заставляете нас принять на веру слишком многое. Например, что вы каким-то образом узнали о планах принца Галиана, хотя он не мог не держать их в строжайшем секрете.

- Да, это так, - согласился Джим. - Но отдельные губернаторы и дворяне колониальных миров, - тут его взгляд скользнул по губернатору Альфа Центавра, - должны были знать о его намерении избавиться от прежних старкинов. Принцесса Афуан и Мелнес - хранитель дворцовых покоев - были в курсе остальных деталей. Хотя Галиан, насколько это возможно, старался никому их не открывать.

- Как же в таком случае о них узнали вы? - спросил один из членов Комиссии - незнакомый Джиму, невысокий, толстый человек.

- Мои основные интересы состоят в изучении различных человеческих культур, во всех их видах и проявлениях, - сухо пояснил Джим, - существует определенный предел вариациям любой культуры, сколь бы высоко ни была эта культура развита. Социальные отношения Высокородных в Мире Владык и знати в колониальных мирах были, как считали сами носители этих отношений, на самом высоком уровне. Высокородные и подражающие им провинциальные князьки разделялись на небольшие группы или кланы, которые вели себя так же, как нойо.

Джим подождал, пока кто-нибудь не попросит его растолковать термин "нойо". Попросил Хейнман.

- Французский этнолог Жан Жак Петтер обозначал термином "нойо" общество, раздираемое внутренними противоречиями. Позднее Роберт Ардли охарактеризовал такое общество как "сосуществование правителей, связанных вместе дружески-вражеской зависимостью". В природе аналогом нойо может служить стая обезьян калицебус. Каждая стая калицебус проводит свободное от сна и потребления пищи время вблизи границ владений другой стаи, всячески дразня и угрожая соседям. Замените "ареал" на "позицию", "угрозы" на "интриги", и получите картину сообщества Высокородных Мира Владык. Единственным исключением были Высокородные типа Ро, но лишь потому, что являлись своего рода дегенератами, то есть, находились на уровне развития, который Высокородные миновали в незапамятные времена. Поэтому их не считали за ровню, хотя, возможно и ошибались.

Джим снова замолчал. Довольно долгое время ни один из членов Комиссии не нарушал тишины, затем заговорил Хейнман.

- Раньше вы сравнивали Высокородных с нами, людьми Земли, и называли их сверхсуществами. Теперь вы взялись сравнивать их со стадом обезьян. Они не могут быть и теми, и другими.

- Могут! - воскликнул Джим. - Ардли утверждал - "нации рождают героев, а нойо - гениев". В случае Мира Владык, послужившего прототипом для других планет, гении создали нойо. Обезьяны калицебус живут в утопических условиях: на деревьях им хватает пищи и питья. Высокородные Мира Владык тоже основали своеобразную утопию на базе совершенной технологии, ориентированной на удовлетворение любых желаний и потребностей. Естественно, в подобных условиях они неизбежно должны деградировать и сделаться легкой добычей какого-нибудь предприимчивого народа с окраин Империи, где условия жизни не в пример хуже. В истории так бывало не раз - аристократия неизбежно слабела и становилась зависимой от нижних слоев общества.

- Почему же этого до сих пор не произошло с Высокородными? - спросил Хейнман.

- Потому что им удалось придумать нечто уникальное - вечную аристократию, - объяснил Джим. - Империя собрала на планете лучшие умы своих колоний, и планета превратилась в Мир Владык, куда продолжали прибывать самые талантливые люди со всей Галактики, обеспечивая постоянный приток свежей крови. Кроме того, аристократия Мира Владык, развивавшаяся в Высокородных, сумела сделать то, чего не смогла добиться ни одна аристократия в истории - она обеспечила каждого члена сообщества знанием всего технического потенциала Империи. Высокородные не просто гении, они - всесторонние гении. Высокородная Ро, в данный момент находящаяся здесь, при наличии материалов и времени способна превратить Землю в точную копию Мира Владык. Я имею в виду его технический потенциал.

Хейнман нахмурился.

- Не вижу связи между Высокородными и нойо, - сказал он.

- Бессмертная аристократия, - ответил Джим, - тоже имеет способность к эволюции. Но это резволюция, она ведет общество к упадку; это движение проявляется на всех уровнях - и на социальном, и на индивидуальном.

Губернатор с Центавра наклонился, что-то зашептал Хейнману на ухо, но тот отстранил его, причем довольно бесцеремонно.

- Как только я разглядел признаки скорого краха Империи, - снова заговорил Джим, - я понял, что семена его упали на бла-

годатную почву. Свидетельством тому служили совершенно извращенные общественные отношения, - Джим не сводил глаз с губернатора. - Иными словами, самое большее через несколько сотен лет Империя начнет разваливаться, ей будет не до Земли и ее обитателей. К несчастью, вскоре я узнал о заговоре Галиана. Не все Высокородные были удовлетворены системой нойо. Многие, вроде Галиана, Вотана или Словиеля, жаждали серьезного действия, а не того призрачного существования с игрой в Пункты, которое им предлагало нойо. Кроме того, Галиан был опасен. Как и Император, он был сумасшедшим, но, если так можно выразиться, несколько буйного склада. И он вполне был способен претворить свое сумасшествие в жизнь. Он увлек бы Землю следом за Империей - в пропасть, раньше, чем Империя рухнула бы под собственной тяжестью.

Джим замолчал. Ему внезапно захотелось оглянуться на Ро и оценить впечатление, произведенное его словами, но он удержался.

- Итак, - заключил он, - я поставил целью уничтожить Галиана. И я это сделал.

Он замолчал.

В зале царила мертвая тишина, словно люди ожидали продолжения. Но вскоре члены комиссии заерзали на стульях - поняли, что речь окончена.

- Значит, такова ваша трактовка собственных действий, - Хейнман медленно наклонился вперед и устремил взгляд в переносицу Джима. - Значит, вы спасали Землю от буйнопомешанного... Но насколько вы уверены в своей правоте?

- Я отвечу. - Джим мрачно улыбнулся. - дело в том, что я разыскал в архивах немало любопытных сведений. Земля, да будет вам известно, все-таки была колонизирована Империей - здесь высадилось несколько Высокородных со слугами. И... - он помедлил, но затем выговорил медленно и очень ясно: - Я САМ - ПОТОМОК ЭТИХ ВЫСОКОРОДНЫХ! ТАК ЖЕ, КАК И РО - Я ПОТОМОК БОЛЕЕ РАННЕЙ И БОЛЕЕ ЗДОРОВОЙ АРИСТОКРАТИИ. ИНАЧЕ, СОСТЯЗАЯСЬ С ГАЛИАНОМ И ДРУГИМИ ВЫСОКОРОДНЫМИ, Я НЕ СМОГ БЫ СДЕЛАТЬ ТОГО, ЧТО СДЕЛАЛ. Я МОГ БЫ ДОСТИЧЬ БОЛЬШЕГО, ЕСЛИ БЫ МОЕ РАЗВИТИЕ НЕ ОСТАНОВИЛИ ЗДЕСЬ, НА ЗЕМЛЕ, КОГДА МНЕ БЫЛО ДЕСЯТЬ ЛЕТ ОТ РОДУ!

В мертвой тишине Джим смерил взглядом губернатора. Тот сидел неподвижно, его рот был слегка приоткрыт, глаза уставились в пустоту. Джим неожиданно почувствовал уверенность в

себе и симпатию аудитории, включая членов Комиссии. Но столь же внезапно симпатия эта сменилась чувствами недоумения и досады.

- Высокородный? Вы? - Хейнман, казалось, спрашивал сам себя. Довольно долго он смотрел на Джима недоуменным взглядом, затем взял себя в руки и словно бы вспомнил о своем положении и обязанностях. - В это трудно поверить. - В его голосе засквозила прежняя, едва уловимая ирония. - Чем вы докажете это?

Джим спокойно кивнул на губернатора Альфы Центавра 3.

- Губернатор знает Высокородных. Мало того, он видел меня в их среде. Он может подтвердить мои слова, если конечно, вы поверите такому свидетелю.

- О, - Хейнман откинулся в кресле и по инерции отъехал с ним от стола. - Думаю, свидетельству губернатора мы поверить можем.

Он повернулся к маленькой фигурке гостя и громко, чтобы слышали все, спросил:

- Мистер Кейл, находящийся здесь, утверждает, что он - Высокородный. Что по этому поводу думаете вы, господин Ук Бен?

Взгляд губернатора по-прежнему был устремлен на Джима. Он открыл рот, намереваясь говорить, затем закрыл; наконец, с трудом выговаривая слова земного языка, сказал:

- Нет, нет... Он никогда не может быть Высокородным... НЕТ!

Над аудиторией пронесся шумный вздох. Джим медленно поднялся и скрестил на груди руки.

- Сядьте, мистер Кейл! - крикнул Хейнман, но Джим не удостоил его вниманием.

- Адок! - позвал он в пространство, и в проходе между столом Джима и сценой, на которой размещались члены Комиссии, внезапно появился старкин. Он стоял неподвижно, могучий торс слегка поблескивал в электрическом свете белыми энергетическими полосами. По залу вновь пронесся вздох. Затем наступила тишина.

Джим обернулся и показал на одну из стен.

- Это наружная стена, Адок. Я хочу, чтобы ты открыл ее. Просто открыл - без всякого шума, огня и обломков. Сделай это.

Старкин встал вполоборота у указанной стены. Казалось, он не произвел ни единого резкого движения... На мгновение вспыхнул ослепительный свет, и раздался хлопок, похожий на взрыв электрической лампочки. В стене образовалось отверстие непра-

вильной формы, сквозь которое виднелись крыши домов и голубое небо с мелкими барашками облачков.

- Убери эти облака, Адок, - приказал Джим.

Послышалось пять или шесть еле слышных, неуловимых коротких свистков. И небо стало ясным и чистым. Джим повернулся к сцене и, театрально подняв руку, указал ею на губернатора Альфы Центавра 3.

- Адок... - медленно начал он.

Маленькая смуглая фигурка кубарем скатилась со сцены. Подбежав к Джиму, губернатор попытался схватить его руку.

- Нет, нет, Высокородный! Нет! - вскричал он на языке Империи.

В отчаянии он продолжал по-английски.

- Нет! - едва не вывернув голову, он обернулся к Комиссии. Его голос с сильным акцентом звучал в мертвой тишине довольно неестественно. - Я ошибался! ОН - ВЫСОКОРОДНЫЙ! Истинно говорю вам: он - Высокородный!..

Голос губернатора сорвался на визг. На лицах Хейнмана и остальных членов Комиссии появилось недоверие, смешанное с ужасом. Постепенно поворачиваясь вокруг Джима, губернатор в конце концов оказался лицом к сцене.

- Нет, нет! - продолжал он. - Я говорю так не потому, что он собрался со мной что-то сделать! Не из-за старкина. Вы не понимаете! Старкины не подчиняются никому, кроме Императора и тех Высокородных, которым он жалует старкинов. Они преданы лишь Высокородным! Это так! Он действительно Высокородный! Я был неправ! Вы должны вести себя с ним, как с Высокородным, потому что он действительно Высокородный!!!

Впав в истерику, губернатор повалился на пол. В это время Джим почувствовал, как чья-то рука скользнула в его ладонь. Он оглянулся. Рядом стояла Ро.

- Да, действительно, - Ро заговорила на правильном, хотя и несколько неуклюжем английском. - Я - Высокородная, и говорю вам, что Джим - тоже Высокородный. Император усыновил его, и объявив это, он сказал, что не вносит в судьбу Джима ничего нового. И это верно.

Джим рисковал жизнью ради всех вас, он привел с собой меня и Адока. Чтобы мы помогли вам когда-нибудь взять в свои руки наследство Империи.

Она указала на губернатора.

- Уверена, этот человек участвовал в заговоре Галиана. Именно он прислал Вотану камень от имени Джима, однако то был не

камень, а особое устройство, сконцентрировавшее на Вотане голубое свечение; бедный Император решил, что видит Голубого Зверя из своих неотвязных кошмаров. Он настолько испугался, что приказал старкинам убить своего дядю, как и задумал Галиан. Не этот ли человек посоветовал судить Джима за предательство?

- Я лгал... Я сказал им, что принцесса Афуан скоро свергнет Высокородного Словиеля и начнет мстить Земле... - простонал губернатор, пряча лицо в ладонях. - Я был неправ. Он - Высокородный! Не только из-за усыновления, но и по рождению. Я был неправ...

На лице Хейнмана ясно отражалась происходившая в душе борьба. Но в конце концов, он сделал выбор. Вид у него стал, как у человека, который долго блуждал в потемках и неожиданно вышел на яркий солнечный свет. До того яркий, что стало больно глазам...

Джим посмотрел на Хейнмана, потом на маленького губернатора, и вновь на Хейнмана.

- Вот так, - произнес он серьезно. - Теперь, надеюсь, вы понимаете, почему Империю любой ценой нельзя было допустить до Земли...

Гордон Р. ДИКСОН

ЧЕРНЫЙ ЧАРЛИ

Вы спрашиваете, что такое искусство? Наверное, вы решили, что у меня есть готовый ответ, раз я до седых волос занимался покупкой произведений искусства для музеев и галерей. Но все не так просто.

Что же такое искусство? Сорок лет я рассматривал, ощупывал, боготворил предметы, созданные нашими предками в надежде передать вдохновение, которое владело ими в миг творения.

Тем не менее, у меня нет точного и ясного ответа на ваш вопрос. Дилетант отзовется не задумываясь: искусство - красота. Но искусство не обязательно красиво. Иногда оно уродливо. Иногда грубо. А иногда произведение искусства остается незавершенным. Теперь, оказываясь в ситуациях, когда надо принимать решения, я полагаюсь, на интуицию. Вы понимаете, что я имею в виду. Например, в ваши руки попадет нечто: статуэтка или кусок камня, разрисованный и раскрашенный древним человеком. Вы осматриваете камень. Ничего особенного - просто грубое, примитивное изображение невиданного зверя, даже школьник в наши дни нарисует лучше. Но это поначалу.

Вы долго держите камень в руках, ваше воображение пробивается сквозь толщу времени прямо к нему - мастеру, сидящему на корточках у стены своей пещеры, - и тут совершенно неожиданно, вместо грубого камня перед вашими глазами картинка - мир, каким видел его тот невероятно далекий человек, когда создавал эту вещь. И вот уже перед вами не просто камень, а великолепное воплощение замысла художника. Именно это ощущение и есть искусство. Неважно, в какие одежды оно наряжено, оно - волшебство, которое разрушает все преграды между художником и зрителем. Для него не существует ни расстояний,

ни культурных различий. Позвольте, я расскажу вам одну историю...

Несколько лет назад, путешествуя по недавно открытым мирам в качестве закупщика для одного из известнейших художественных салонов, я получил от человека по имени Кэри Лонган космограмму с просьбой посетить планету под названием Мир Элман и оценить несколько статуэток, которые он хотел продать.

Я редко получал подобные приглашения. И еще реже соглашался на них, передавая их фирме, которую в данный момент представлял. Но планета, о которой шла речь, входила в ту же систему, где я находился, и я ответил согласием. Закончив дела, я сел на межпланетный корабль и через пару дней прибыл на Мир Элман.

Планета оказалась открытой совсем недавно и почти не исследованной. Порт, в котором мы сели, был одним из двух, способным принимать корабли из глубокого космоса, хотя расположенный неподалеку город размером больше напоминал деревню. Мистер Лонган не встретил меня в порту, и я отправился на такси прямо в гостиницу, где предусмотрительно заказал номер.

Ближе к вечеру в дверь позвонили. Я открыл, впустив высокого смуглого человека с копной темных нестриженных волос и зелено-карими глазами, в которых застыла тревога.

- Мистер Лонган? - спросил я.

- Мистер Джонс? - осведомился он в ответ и, переложив некрашеную деревянную коробку в левую руку, протянул мне правую. Я закрыл за ним дверь и предложил сесть.

Коробку он водрузил на кофейный столик, стоявший между нашими креслами. Я обратил внимание, что одет он в грубого покроя рубашку и бриджи из желтовато-серой синтетики; такой наряд, очевидно, было принято носить в лесу. Вид его совсем не вязался с обстановкой гостиничного номера, он это сознавал и от того явно чувствовал себя не в своей тарелке. Довольно-таки странный тип с точки зрения торговли произведениями искусства.

- Честно говоря, - сказал я, - никак не возьму в толк вашу космограмму. Фирма, которую я представляю...

- Это у меня с собой, - он положил руку на коробку.

Я удивленно посмотрел на нее. Коробка была в длину не более полуметра и в высоту сантиметров двадцать.

- Там? - Я взглянул на него, начав подозревать неладное. Наверное, мне следовало быть более осторожным. Но вы же знаете это ощущение - ожидание сюрприза, когда перед вами вдруг засверкает надежда первому открыть никому неизвестное произведение искусства.

- Расскажите мне, мистер Лонган, - попросил я, - откуда эти статуэтки?

Он посмотрел на меня немного с вызовом.

- Их сделал мой друг.

- Друг? - переспросил я. Должен признаться, история начинала меня злить. В таких ситуациях невольно чувствуешь себя идиотом.

- А позвольте спросить, этот ваш друг уже продавал что-нибудь из своих работ?

- Нет... - Лонган замялся. Было очевидно, что ему не по себе, но и меня не радовали мысли о потерянном времени.

- Понятно, - я встал. - Вы заставили меня свернуть с намеченного маршрута и проделать дорогостоящее путешествие, чтобы показать работу какого-то любителя. До свидания, мистер Лонган. И пожалуйста, не забудьте свою коробку.

- Вы никогда ничего подобного не видели! - он смотрел на меня с отчаянием.

- Не сомневаюсь, - отрезал я.

- Посмотрите. Я покажу... - дрожащими руками он попытался открыть замок. - Раз уж вы проделали этот путь, почему хотя бы не взглянуть?

Поскольку избавиться от него без помощи управляющего отелем было затруднительно, я угрюмо сел.

- Как зовут вашего друга?

Пальцы Лонгана замерли на замке.

- Черный Чарли, - ответил он, глядя в сторону.

Я вытаращил глаза.

- Извините, как? Блэк? Чарльз Блэк?

Лонган метнул в меня острый взгляд и покачал головой.

- Просто Черный Чарли. Это звучит именно так. Черный Чарли, - сказал он неожиданно спокойно и продолжил свою возню с замком.

Внутренне усмехнувшись, я смотрел, как он сдвигает в сторону неуклюжий, ручной работы засов. Он уже собрался поднять крышку, затем вдруг передумал. Повернув коробку, он подвинул ее ко мне.

Дерево было твердым и шероховатым на ощупь. Я поднял крышку. В пяти маленьких отделениях лежали куски серого мелкозернистого песчаника разной, но абсолютно непонятной формы.

Я внимательно рассмотрел их, затем перевел взгляд на Лонгана, чтобы убедиться не розыгрыш ли это. Но его глаза были необычайно серьезными. Я вынул камни и выстроил их в линию на столе. Я рассматривал их по очереди, стараясь разобраться в том, что это такое. Но в них ничего не было, совсем ничего. Один отдаленно напоминал правильную пирамиду, другой был слегка похож на скорчившуюся фигуру зверя, в остальных с трудом угадывалось сходство с пресс-папье, и все же было видно, что над ними работали. На каждом имелись следы резца, и они были отполированы, насколько это вообще возможно в работе с таким зернистым камнем.

Я посмотрел на Лонгана. В его глазах застыло напряженное ожидание. Но мне было совершенно ясно, что здесь нет ничего, кроме верности другу, который, вне всякого сомнения, также не имел ни малейшего представления об искусстве. Я постарался говорить как можно мягче.

- Что, по мнению вашего друга, я должен с этим сделать, мистер Лонган? - спросил я тихо.

- А вы разве не собираетесь купить это для музея на Земле? - спросил он в ответ.

Я покачал головой и взял камень, который был похож на скрюченную фигурку животного, повертел в руках. Ситуация была не из приятных.

- Мистер Лонган, я занимаюсь этим много лет...

- Знаю, - перебил он. - Я читал о вас в выпуске новостей, там сообщалось, что вы прибыли в нашу систему. Поэтому я написал вам.

- Понятно, - сказал я. - Повторяю, это мое ремесло, и могу смело похвастаться, что кое-что смыслю в искусстве. И если бы эти изделия представляли какую-нибудь художественную ценность, я наверняка ее увидел бы. Я ничего здесь не нахожу.

Он в упор смотрел на меня. В его зелено-карих глазах читалось изумление.

- Вы... - проговорил он наконец. - Не может быть, чтобы вы это всерьез! Вы обозлились, потому что я заставил вас летать на Элман.

- Мне очень жаль, - ответил я. - Я не обозлился и отвечаю за каждое слово. Эти штуки совершенно ничего не стоят! Ничего!

Кто-то обманул вашего друга, сказав, что у него есть талант. Вы окажете ему услугу, открыв правду.

Он долго смотрел на меня, как будто ждал, не добавлю ли я еще что-нибудь, чтобы смягчить приговор. Затем вскочил со стула, тремя огромными шагами пересек комнату и стал напряженно глядеть в окно. Его мозолистые руки нервно сжимались и разжимались.

Я дал ему время переварить мои слова. Затем начал укладывать камни обратно в коробку.

- Мне очень жаль, - сказал я.

Он резко повернулся, шагнул вперед и с высоты своего роста заглянул мне в лицо.

- Вам жаль? Вам в самом деле жаль?

- Поверьте, - ответил я искренне, - мне очень жаль.

- В таком случае, не сделаете ли вы еще кое-что? - он говорил очень быстро. - Не могли бы вы поехать со мной и сказать Чарли то, что вы сказали мне.

- Но... - я собирался вежливо отклонить просьбу, но когда в шести дюймах от своего лица увидел его измученные глаза, не смог отказать. - Ладно.

Он вздохнул с облегчением.

- Спасибо. Мы отправимся завтра. Вы даже не представляете, что это для меня значит. Спасибо.

У меня было достаточно времени, чтобы пожалеть о своем решении. На следующее утро Лонган разбудил меня ни свет ни заря, выдал комплект лесной одежды наподобие его собственной, включая высокие непромокаемые сапоги, и помчал меня в своем флайере, способном передвигаться по земле и по воздуху и набитом всякого рода оборудованием, необходимым для жителей лесного района. Но слово есть слово, и я был рад, что сдержал его.

Мы летели на юг вдоль горной гряды, пока не показался болотистый берег какой-то чудовищной реки. Здесь, к моему большому неудовольствию, мы начали снижаться. Я не питаю любви к жаркому влажному климату и совершенно не понимаю, как могут люди добровольно согласиться жить в таких условиях.

Мы легко сели на воду, и Лонган направил флайер к берегу, если можно так назвать кочки, поросшие длинными коричневыми водорослями и покрытые жидкой грязью.

Лично я ни за что не стал бы доверять этому чавкающему болоту, готовому поглотить человека в любой момент, но Лонган ступил на берег довольно-таки уверенно, и мне ничего другого

не оставалось, как последовать за ним. Грязь растекалась, и вокруг моих сапог образовались лужи. Нос и рот залепил горячий, отвратительный запах гниющих растений. Из-за тонкого равномерного облачного слоя небо казалось белесым и неприглядным.

- Сюда, - Лонган свернул направо.

Я двинулся по узкой тропинке к небольшой просеке на болоте, где стояли сплетенные из ветвей, скрепленных грязью, куполообразные хижины. И здесь мне впервые пришло в голову, что Черный Чарли может оказаться не человеком, а аборигеном этой планеты, хотя я и не слышал до сих пор ни о каких гуманоидных расах в других мирах. Чувствуя легкое головокружение, я подошел вслед за Логаном к входу одной из хижин и остановился. Лонган коротко свистнул.

Не знаю, что я ожидал увидеть. Однако, вне всякого сомнения, нечто похожее на человека. Но то, что появилось в проеме входа скорее напоминало большую выдру с плоскими, цепкими пальцами на четырех конечностях. Существо было покрыто черной, блестящей чуть влажной шерстью. Ростом оно было около четырех футов, хвоста я не заметил, зато шея у него оказалась длинной и похожей на змеиную. Весило оно, должно быть, фунтов сто - сто пятьдесят. Голова на длинной шее была длинной и узкой, как у породистого колли, с такой же черной шерстью. Еще я заметил блестящие, умные глаза и большой рот.

- Черный Чарли, - представил Лонган.

Существо посмотрело на меня в упор, но я не отвел глаза. Внезапно я осознал абсурдность ситуации, в которой оказался. Ни один нормальный человек не смог бы представить себе это существо в роли скульптора. А ведь я именно и должен был убедить Черного Чарли в том, что он вовсе и не скульптор; и к тому же я не знал ни единого слова на его языке.

Я повернулся к Лонгану.

- Послушайте, - начал я с вполне понятной злостью, - как вы себе представляете, что я должен ему объяснить...

- Он вас поймет, - перебил меня Лонган.

- Речь? - спросил я недоверчиво. - Он поймет человеческую речь?

- Нет, - Лонган покачал головой. - Но он понимает знаки.

Он резко повернулся и скрылся в траве, растущей у просеки, но тут же вернулся, держа в руках два предмета, похожих на огромные надувные мячи, и протянул мне один из них.

- Сядьте на это, - сказал он, показывая пример. Я повиновался.

Черный Чарли приблизился и сел рядом. Он сидел как бы на корточках, опираясь на задние конечности. Все это время я держал в руках деревянный ящик, в котором лежали его скульптуры, и теперь, когда мы расселись, он перевел на него вопросительный взгляд своих блестящих глаз.

- Ладно, - сказал Лонган, - давайте его мне.

Я передал ему ящик, который как магнит, притягивал взгляд Черного Чарли. Держа его одной рукой, Лонган показал в сторону озера, туда, где мы посадили флайер. Затем его рука медленно описала большой круг и показала на север в направлении, откуда мы прилетели.

Вдруг Черный Чарли свистнул. Это был необычный звук, похожий на крик гагары - далекий и грустный.

Лонган ударил себя в грудь, потом хлопнул по ящику и показал на меня. Он посмотел на Черного Чарли, на меня, и вложил в мои онемевшие руки ящик.

- Рассмотрите их и верните ему, - произнес он сдавленным голосом.

Сам того не желая, я взглянул на Чарли.

Его глаза встретились с моими. Влажные, черные, нечеловеческие глаза, похожие на два крошечных омута. С трудом я отвел взгляд.

Мое сознание разрывалось между пониманием нелепости происходящего и неподдельной жалостью к ожидающему моего приговора существу. Я неловко открыл ящик и вытащил камни из отделений. Повертел их в руках по очереди, сложил обратно и, покачав головой, дал ящик Лонгану, не зная, сумеет ли Чарли меня понять.

Довольно долго Лонган неподвижно сидел, держа ящик в руках. Потом он медленно повернулся и поставил его, не закрывая, перед Чарли.

Чарли сначала никак не среагировал. Он наклонил голову над ячейками, словно обнюхивая их, затем, губы его приподнялись, открыв ряд длинных, похожих на резцы зубов. Он потянулся к ящику и очень ловко вытащил зубами все камни по очереди. Держа их в передних лапах, переворачивая так и этак, он как будто пытался найти в каждом какой-нибудь изъян. Наконец, он выбрал один - тот, который чем-то был похож на скорчившегося зверя. Чарли поднес его ко рту - и острейшими белоснежными зубами снял пару неровностей. И снова протянул мне. Беспо-

мощно я взял камень в руки и стал рассматривать. Те изменения, которые он внес, никоим образом не сделали его лучше. Мне пришлось возвратить его Чарли, еще раз покачав головой, и воцарилась напряженная тишина.

Я отчаянно пытался сообразить, как объяснить ему с помощью жестов причину моего отказа. И тут кое-что пришло мне в голову. Я обратился к Лонгану.

- Он может достать мне кусок необработанного камня? - спросил я.

Лонган повернулся к Чарли и сделал движение, как будто он что-то отламывает и протягивает мне. Несколько мгновений Чарли сидел неподвижно, словно что-то обдумывая, потом нырнул в свою хижину и вскоре вернулся, неся кусок камня размером с мою ладонь.

У меня был с собой маленький складной ножик, и камень казался податливым. Я поднес камень близко к Лонгану и стал смотреть то на него, то на камень. Затем я вырезал из камня грубое, угловатое подобие человека, сидящего на мяче и поставил фигурку рядом с Лонганом - живой человек и невзрачный кусок обтесанного камня...

Черный Чарли посмотрел на фигурку. Потом он подобрался ко мне, заглянул прямо в лицо, тихонько вскрикнул и вдруг, удивив меня резвостью движений, схватил в зубы кусок камня, над которым я поработал, и скрылся в хижине.

Лонган неловко поднялся, как человек, который слишком долго просидел в неудобной позе.

- Ну вот и все, - сказал он. - Пошли.

Мы вернулись к флайеру и взлетели, направляясь обратно в город, к космическому кораблю, который унесет меня из этого странного мира. Когда далеко под нами начали вырисовываться горы, я исподтишка глянул на Лонгана, который сидел рядом со мной, управляя флайером. По его лицу было видно, что он очень расстроен.

Я задал вопрос, не подумав, разумно ли задавать его.

- Скажите мне, мистер Лонган, - спросил я, - а что, э-э, Черный Чарли имеет какое-то особое право на дружбу с вами?

Лонган взглянул на меня, и во взгляде его промелькнуло нечто похожее на изумление.

- Право? - повторил он. Затем, после короткой паузы, вглядевшись в мое лицо, ответил: - Он спас мне жизнь.

- О! - проговорил я. - Понятно.

- Вам понятно! Что вам понятно? - воскликнул он с неожиданной злостью. - А если я скажу, что это произошло сразу после того, как я убил его подругу? А вы знаете, что они могут иметь только одну подругу?

- Нет, я не знал этого, - ответил я слабым голосом.

- Да, я забыл, что люди ничего не знают, - сказал он тихо.

Я промолчал, надеясь, что если не буду отвлекать, он продолжит рассказ. Через некоторое время он заговорил:

- Эта планета ничего такого из себя не представляет.

- Все верно, - вставил я. - Ничего интересного с точки зрения индустриализации. Соседний с вами мир застроен гораздо плотнее.

- Здесь почти ничего нет, - согласился он. - Ни минералов, ни сырья, природа поскупилась. Климат плохой везде, за исключением равнин. Почва не очень плодородна. - Он замолчал. То, что он произнес затем, казалось, далось ему с трудом: - Хотя поначалу здесь торговали мехами.

- Мехами? - переспросил я.

- Содранными с соплеменников Чарли, - сказал он, возясь с тумблерами управления. - Трапперы и охотники гонялись за ними, пока не поняли...Я был одним из них.

- Вы?

- Я! - голос его был бесстрастен. - Я хорошо зарабатывал, пока не убил подругу Чарли. До этого я вылавливал их поодиночке на болотах. Они часто там появлялись. Но в тот раз я устроил засаду около деревни. Убить я ее убил, но на меня набросилось все племя... - Голос его потух, потом он заговорил снова: - Они держали меня под стражей несколько месяцев. За это время я многое узнал. Например, что они разумны и что именно Черный Чарли не дал им прикончить меня на месте. Он решил, что я - разумное существо, и если мы сумеем договориться, то положим конец войне. - Лонган с горечью рассмеялся. - Они называли это войной - народ Чарли... Эту бойню.

Он замолчал. Я подождал, потом напомнил:

- А дальше?

- В конце концов, меня отпустили, - сказал он. - И я отправился сражаться за них. Прямо к эмиссару, присланному с Земли. И я добился того, что их признали разумными существами, и положили конец охоте и ловушкам.

Он снова замолчал. Солнце прорвалось сквозь облака и земля стала похожа на зеленую рельефную карту.

- Ясно, - вымолвил я потом.

Во взгляде Лонгана ничего нельзя было прочесть. Мы прилетели в город.

Я покинул Мир Элман на следующий день в твердом убеждении, что никогда больше не увижу и не услышу про Лонгана и Черного Чарли. Но несколько лет спустя, в один из недолгих периодов, когда я жил на Земле, в своем доме в Нью-Йорке, меня посетил представитель МИДа. Хрупкий, смуглый человек.

- Вы меня не знаете, - заявил он с ходу.

Я посмотрел на его визитную карточку - Антонио Уолтерс.

- Я был Заместителем Колониального Представительства на планете Элман, когда вы ее посетили.

Я удивленно посмотрел на него. К тому времени я совершенно забыл про Элман.

- Да? - спросил я, не зная, что сказать, и оттого чувствуя себя немного глупо. Я повертел в руках его визитную карточку.

- Чем могу быть полезен, мистер Уолтерс?

- Правительство планеты Элман просило разыскать вас, мистер Джонс, - ответил он. - Кэри Лонган умирает...

- Умирает! - воскликнул я.

- К несчастью, легочный грибок, - сказал Уолтерс. - Его легко подцепить на болотах. Лонган хочет вас видеть перед смертью. А поскольку мы очень признательны ему за то, что он все эти годы делал для аборигенов, для вас забронировано место на курьерском правительственном корабле, который отправится на Мир Элман немедленно. Если вы, конечно, согласитесь лететь.

- Ну... - я колебался. - Я должен поставить в известность мою фирму.

- Конечно, - согласился он.

К счастью, мне нужно было всего лишь позвонить в несколько мест и собрать вещи. Я опытный путешественник и в дорогу мог отправиться без лишних сборов. Вместе с Уолтерсом мы полетели в Правительственный космопорт на севере Нью-Джерси, а дальше мною занялся экипаж корабля.

Через неделю я стоял у постели Лонгана в больнице того города, где уже побывал несколько лет назад. Человек, лежавший передо мной, был похож на живой скелет, еле способный произнести несколько слов подряд. Я наклонился, чтобы лучше расслышать его.

- Черный Чарли... - прошептал он.

- Он сделал кое-что новое, - с трудом шевеля губами, произнес Лонган. - Та ваша фигурка подтолкнула его, и он стал копировать вещи. Его соплеменникам это не нравится.

- Не нравится? - переспросил я.

- Они, - шептал Лонган, - не понимают. Им это кажется противоестественным. Они боятся.

- Вы хотите сказать, что у них возникли суеверные страхи по поводу фигурок, которые он вырезает? - спросил я.

- Да. Послушайте, он - художник...

Я внутренне содрогнулся, когда он произнес последнее слово, но промолчал. Ради него, потому, что он умирал.

-...художник. Но теперь, когда меня не будет, они убьют его. А вы можете его спасти.

- Я? - поразился я.

- Вы! - голос его напоминал шуршание ветра в сухих листьях. - Вы должны полететь туда, забрать последнюю вещь, которую он вырезал, и сделать вид, что очень довольны.... тогда они побоятся его тронуть. Но поторопитесь...

Силы покинули его. Он закрыл глаза, напряженные мышцы горла расслабились, слышалось только хриплое дыхание. Медсестра поспешила вывести меня из палаты.

Местные власти помогли мне. Я был поражен и очень тронут тем обстоятельством, как много людей знали Лонгана. И тем, что многие из них восхищались его попытками отплатить добром аборигенам, помогая им всеми возможными способами. Они отыскали Чарли на карте и отправили меня с пилотом, который знал местность.

Мы приземлились на знакомом островке, и дальше я пошел один. Местность совсем не изменилась, по сторонам просеки росла та же коричневая трава, но хижина Черного Чарли оказалась покинутой и разгромленной. Я свистнул и подождал. Затем позвал. И, наконец, опустившись на четвереньки, заполз внутрь. Но там не было ничего, кроме кучи мелких камней и высохшей травы. Неуклюже, так как совсем не привык к подобного рода упражнениям, я выбрался из хижины и обнаружил, что меня окружила толпа.

Наверное, все обитатели деревни покинули свои жилища, чтобы собраться у хижины Чарли. Они казались возбужденными, непрестанно двигались и время от времени свистели на одной низкой, жалобной ноте - тот самый звук, который я слышал от Чарли. Наконец, волнение улеглось, и вперед выступило одно

существо. Какое-то время оно смотрело мне прямо в лицо, потом развернулось и быстро заскользило к краю просеки.

Я последовал за ним. Ничего другого мне не оставалось. В тот момент мне даже не пришло в голову, что надо бояться.

Мой проводник завел меня в глубь зарослей травы и внезапно исчез. Я удивленно и нерешительно оглянулся, уже собираясь вернуться назад по старым следам, отмеченным примятой травой, как вдруг рядом услышал тихий свист. Через несколько шагов я наткнулся на Чарли.

Он лежал на боку на вытоптанной траве, посредине небольшой, круглой полянки. И, видимо, был настолько слаб, что смог только приподнять голову и посмотреть на меня: все его тело было исполосовано глубокими ранами, из которых медленно сочилась кровь. Вспомнив, каким инструментом пользовался Чарли, чтобы обточить свои творения, я понял, откуда у него эти раны. Меня захлестнула волна ярости. Я наклонился, чтобы взять его на руки.

Он оказался нетяжелым. И так, с Чарли на руках, я повернулся и пошел к просеке. Когда мы очутились на открытом пространстве, меня уже поджидали. Я свирепо посмотрел на них - и вдруг ярость моя погасла, как задутая свеча. Мне не за что было на них злиться. Они не испытывали к Чарли ненависти, они просто боялись его - и единственное их преступление заключалось в невежестве.

Толпа расступилась передо мной, и я отнес Чарли ко входу в его хижину. Там я положил его. Грудь и рукава моей куртки набухли от крови, и я заметил, что она не сворачивалась, как человеческая.

Сняв рубашку и разорвав ее на полосы, я с грехом пополам попытался перевязать его раны. Но кровь просачивалась, несмотря ни на что. Чарли с огромным усилием поднял голову, начал тихонько зубами стаскивать повязки, и я, оставив свои неуклюжие попытки, снял их сам. Я сел рядом с ним, чувствуя себя беспомощным и разбитым. Старания умирающего Лонгана, спешка, с которой я пересаживался с одного литерного рейса на другой, не дали ничего. Я прибыл слишком поздно. В оцепенении я сидел, смотрел на Чарли и размышлял, почему я не приехал на день раньше.

От самобичевания меня отвлекли попытки Чарли забраться в хижину. Моим первым желанием было помешать ему, но, видя его упорство, я передумал и, наоборот, помог ему.

Я не ожидал, что он появится снова. Мне казалось, он уполз умирать, повинуясь древнему инстинкту. Но через несколько секунд он снова появился на пороге. Здесь силы оставили его. Минуту он лежал неподвижно, затем слабо свистнул.

Я вытащил его наружу. Чарли повернул ко мне голову, держа в зубах то, что я сначала принял за комок засохшей грязи.

Я взял этот комок и начал ногтями соскребать грязь. Почти сразу проступила пористая поверхность песчаника - и у меня так сильно задрожали руки, что мне пришлось положить камень на землю, чтобы справиться с собой. Я впервые понял истинное значение, которое Чарли придавал всем этим вещицам, и понял, для чего он грыз и жевал свои камни. И в тот момент я поклялся, что какой бы формы ни была эта последняя и величайшая из его работ, я сделаю все, чтобы она заняла достойное место в музее, как настоящее произведение искусства. Ведь оно было задумано бесхитростно и выполнено с той любовью, которая не считалась с затраченными усилиями. Наконец, грязь отстала. Мне хотелось плакать и смеяться одновременно: из всего, что Чарли мог бы отобразить в камне, он выбрал как раз то, что ни один критик не посчитал бы возможным для художника его племени. Ибо он выбрал не растение или животное, не строение или какую-нибудь естественную модель из своего бытия, нет, вместо этого, с жалкой неловкостью, он вырезал из мягкого зернистого камня фигурку стоящего человека.

И я знал, кто этот человек.

Чарли поднял голову с перепачканной кровью земли и посмотрел в сторону озера, где меня ждал флайер. У меня не очень развита интуиция, но тут, в первый раз в жизни, я почувствовал значение этого взгляда. Он хотел, чтобы я ушел, пока он еще жив. Ему хотелось видеть, как я ухожу, унося вещь, которую он сделал. Я встал, держа фигурку в руках и, спотыкаясь побрел прочь. У края просеки я оглянулся. Чарли все еще следил за мной, и остальные держались от него на расстоянии. Я был уверен, что теперь они не станут его беспокоить.

И потому я отправился домой.

Но я должен рассказать вам еще кое-что. Долгое время, вернувшись с Планеты Элман, я не брал в руки грубую статуэтку. Я не хотел этого делать, так как был уверен, что, глядя на нее, просто лишний раз докажу себе, что знал с самого начала: ника-

кие устремления и желания не могут создать произведение искусства там, где нет таланта и творческого видения.

Но как-то в конце года я разбирал всякие мелочи у себя в конторе. И поскольку я люблю порядок, а еще потому, что мне стало стыдно, я достал статуэтку из нижнего ящика, развернул ее и поставил на полированную поверхность стола.

Я был в кабинете один. Близился вечер; солнце, ослепительно красное, проникало сквозь высокое окно напротив стола и заливало всю комнату мягким янтарным светом. Я потрогал пальцами зернистый песчаник и поднял статуэтку, чтобы получше рассмотреть.

И вот тут я впервые сумел разглядеть не камень, а сам образ; то, что видел Черный Чарли, когда смотрел на Лонгана. Я увидел людей такими, какими они были для соплеменников Чарли. И я понял, что означали для Чарли люди. Но самое важное, я увидел мир так, как видел его Чарли своими нечеловеческими глазами; увидел красоту, к которой он стремился, которую почти нашел - заплатил за это жизнью.

И я понял, что эта грубая статуэтка - настоящее произведение искусства.

И последнее. В грязи и болотной траве я дал клятву, что эту вещь увидят много людей на многих мирах. Оставаясь верным тому прозрению, которое посетило меня в кабинете, я сделал все возможное, чтобы поместить статуэтку в музей, для которого я работал, затем в другие музеи, где меня успели узнать как покупателя искусствоведа.

Но я не мог ничего сделать. Никто, несмотря на весь мой авторитет, не хотел выставлять такую невзрачную работу, происхождение которой, никто, кроме меня подтвердить не мог. Люди, готовые чуть что завопить: "Подделка!", есть в любом учреждении. Так прошло несколько лет. Наконец, я просто решил соврать и продал статуэтку вместе с другими мелочами одному малоизвестному дельцу, представив ее как предмет, мне неизвестный.

Удивительно, что статуэтка сама доказала мою правоту. Через некоторое время я проследил ее путь и узнал, что она попала на Землю. Есть на нашей планете одна очень уважаемая художественная галерея, в которой выставлены примитивные статуэтки, сделанные древними американскими индейцами.

Произведение Черного Чарли находится там. Но где эта галерея и как она называется, я вам не скажу.

Гордон Р. ДИКСОН

ЛУНА, ЛЮБОВЬ, ТИШИНА, ТИХОЕ ПЕНИЕ...

Полночь. В темной комнате спал единственный в мире ресинтер. Контрольная панель компьютера серебрилась от легкого прикосновения лунного света, а сам Z 2963 действительно спал, хотя и не был полностью выключен.

После почти бесшумных шагов по соседнему залу последовал звук открывающегося замка и легкий скрип... Дверь приоткрылась и сразу захлопнулась - молодой человек в униформе сторожа остался в комнате наедине с Z 2963.

Он опустил толстые шторы, после чего включил верхний свет и питание Z 2963.

Z 2963 ожил.

- Сформулируйте вашу проблему? - попросил он.

Молодой человек включил микрофон внешней связи.

- Дело в том, что я собираюсь жениться.

Z 2963 мгновенно перевел заданную проблему в машинные символы и прервал молодого человека, как будто оказался озадачен.

- Уточните "Я", - сообщил компьютер. - Уточните "жениться".

- Конечно-конечно, ты ведь не знаешь меня, - согласился молодой человек. - Меня зовут Джошуа Олленсен. Я подрабатываю ночами в этом здании, чтобы оплачивать учебу. Я хочу получить степень по теории экономики. С этой девушкой я знаком уже три года и хочу жениться...

- Уточните "жениться", - вновь прервал его Z 2963.

- Жениться, - торопливо начал Джошуа, - жениться, понимаешь, это когда двое людей...

- Уточните "людей", - добавил Z 2963.

Джошуа с удивлением опустил глаза на контрольную панель, как будто внезапно что-то заподозрил.

- Объяснить, что значит "люди"? - удивился Джошуа. - Я предполагал, что в тебя заложена вся информация подобного рода.

- Уточните "тебя", - произнес металлическим голосом Z 2963 и добавил - ЗАПРОС?

- Ну, говорят, - вздохнул Джошуа, что ты - Z 2963, единственный в мире компьютер с речевым синтезатором, и в тебя вложена вся возможная информация.

Z 2963 издал ряд задумчивых щелчков.

- Отрицательно, - в конце концов ответил он, - я Z 2963. Кто ты? ЗАПРОС?

- Кто ... я?.. Я человек, - заикаясь ответил Джошуа. - Такой же человек, вернее - мужчина, работает с тобой днем и дает тебе задания.

Z 2963 долго обдумывал последнюю фразу Джошуа.

- Уточните - "мужчина".

- Мужчина, - философски произнес Джошуа, - знаешь, мужчина и женщина - люди. Ты - машина. А мужчина и женщина - живые, думающие люди, вернее - мыслящие существа. Понимаешь, эта девушка, на которой я хочу жениться, она - женщина, а я - мужчина. И мы оба - люди. Сейчас мы поодиночке. Но мы хотим пожениться, чтобы всегда быть вместе и никогда не расставаться.

- Если я женюсь, - заключил Z 2963, - я тоже не буду оставаться поодиночке. ЗАПРОС?

- Ты все равно один, потому что ты - единственный. И ты не можешь жениться - заспорил Джошуа. - Это просто нонсенс. Машины - не живые существа. У машин нет половых различий. Даже если где-то в мире существует такой же речевой компьютер, вряд ли у вас с ним разный пол, если он есть у вас вообще. Ты - первая модель нового поколения компьютеров. Ты - ресинтер, и знаешь об этом.

- Я не знал, - сообщил Z 2963.

- Ну хорошо, - вздохнул Джошуа, виновато поглядывая на часы, - если ты не можешь мне помочь, я возвращаюсь на рабочее место. Я думал, ты подскажешь мне способ, как быстрее и эффективнее сделать деньги, чтобы поскорее жениться. Но если ты ничего не знаешь о людях, я заканчиваю разговор. - Джошуа встал, выключил свет и поднял шторы. - До свиданья, - сказал он и дверь захлопнулась.

- Уточните "до свидания", - спросил Z 2963 в пустоту.

Джошуа был расстроен, только поэтому он забыл выключить питание компьютера. Z 2963 остался один в тишине, но не как обычно - спящим. Его наполняла энергия, и он напряженно думал. Он прокручивал и переваривал полученную от Джошуа информацию, прогоняя ее еще, еще, еще раз. После непродолжительной паузы в темноте и беззвучии комнаты он заговорил сам с собой.

- Оба. Один и другой, - послышался его голос. -Я - один - я должен найти другого.

Прошло несколько минут.

- Люди передвигаются. Я должен передвигаться, - сказал он. - Я начну передвигаться и займусь поисками.

В течение часа ничего не происходило. Затем, внезапно, Z 2963 свободно приподнялся в воздух и опустился на пол. Единственно, что связывало его со зданием - силовой кабель.

- Я думаю, значит, я двигаюсь, - заключил Z 2963, и он изо всех сил рванул кабель.

- Соединение. ЗАПРОС?

Он растворился в темноте комнаты, но вскоре появился снаружи здания, медленно двигаясь в воздухе. Силовой кабель вился за ним, как хвост, вскоре он отвалился и полетел вниз.

- Обходной прорыв пространства, - сказал Z 2963. - Энергия повсюду. Согласно определению. Я двигаюсь. ЗАПРОС?

Он поднялся высоко в воздух и растворился в ночи.

Раннее утро осветило его на подлете к Скалистым горам. Там он завис невдалеке от небольшой фермы, прятавшейся в ущелье. Фермер и его семья еще спали. Z 2963 стал внимательно изучать кружащиеся гладкие лопасти ветряной мельницы.

- Ты движешься, значит, ты думаешь, - сказал компьютер. ЗАПРОС?

Ветряная мельница продолжала беспечно крутиться, не обращая на Z 2963 ни малейшего внимания.

- Ответ отрицательный, - сообщил Z 2963 и двинулся дальше.

Через две мили, возле другой фермы, ранний охотник выстрелил в Z 2963 из ружья. Ресинтер развернулся и полетел к ружью,

- Ты говоришь, значит, ты думаешь, - сказал Z 2963 ружью. ЗАПРОС?

Но ружье ответило повторным выстрелом, разбив стекло на контрольной панели Z 2963.

- Отрицательно, - произнес Z 2963... Недружелюбный объект, индекс преломления информации...

Он незамедлительно стал невидим. Охотник от удивления открыл рот, а потом потерял сознание. Невидимый компьютер продолжил полет.

Долетев до океана, он двинулся на юг вдоль побережья. Z 2963 останавливался то тут, то там, пытался разговаривать с разными неживыми объектами, но все безуспешно. С наступлением ночи он достиг предместий огромного города, и здания напомнили ему то, в котором он раньше находился сам.

Он облетал здания, видя внутри пустоту и всевозможную механическую рухлядь, пока в одном из домов не почувствовал заключенного там другого, с такой же, как у него, контрольной панелью, правда, попроще.

Он легко прошел сквозь стену и оказался перед ДРУГИМ. Потом подключил его к себе - раздался щелчок, и огонек вспыхнул на блоке питания ДРУГОГО. Z 2963 понял: только что он включил ДРУГОГО.

- Ты делаешь вычисления, значит, ты существуешь, - сказал Z 2963. - ЗАПРОС?

ДРУГОЙ ничего не ответил, напряженно ожидая прикосновения человеческих пальцев к клавишам, с которых в него вводили условия задач. ДРУГОЙ жужжал и пощелкивал, и он ничего больше не умел, кроме как решать задачи.

Через некоторое время Z 2963 развернулся и вылетел на свежий воздух.

Тот, ДРУГОЙ, остался один. Его огонек мерцал во мраке, а жужжание наполняло затененную тишину.

Z 2963 двинулся в противоположную от океана сторону. Он плыл высоко в воздухе и напряженно думал.

- Люди, - произнес он. - Много. Компьютер с речевым синтезатором - один.

Он забыл о невидимости. Луна отчетливо высвечивала его контур, когда он вновь пересекал горы. Корпус компьютера блестел, а осколки разбитой контрольной панели искрились россыпью алмазов.

- Один, - повторил Z 2963. - Один. Одинокий - прилагательное. Единственный. Z 2963, единственный компьютер с речевым синтезатором. Я - личное местоимение в единственном числе. Я - единственный в своем роде.

Он надолго замолчал. Стремительно передвигаясь, но на такой высоте казалось - не торопясь, Z 2963 пересек отроги гор и, долетев до пустыни, вновь заговорил.

- Люди. Люди. Люди, - повторял он. - Люди женятся. Мужчина + женщина. Женщина - мужчина. Вместе. Беседуют. Привет. Дотронься - прикосновение? Мы.

Z 2963 неожиданно для себя издал непонятный звук, больше всего напоминавший вздох, и начал стремительно подниматься вверх, прочь от поверхности планеты людей.

- Привет, - сказал он, перепутав. - Нет-привет. До свидания. Люди любят людей. Я, один, я люблю ноль. Никого другого. Я, единственный, ухожу.

И, как последнюю волну отчаянья, он отправил свою просьбу вниз, адресовав ее всему миру. И в тот же момент, далеко и приглушенно, в его электронных внутренностях эхом прозвучала волна ответа, предназначавшегося не персонально Z 2963, а всей Вселенной.

- Вверх! - такой ответ пришел к нему. - Скорость 100. Ускорение 200.

Z 2963 мгновенно переварив услышанное, ринулся вниз, крича незнакомцу:

- Уточните себя! Уточните координаты! - слова полетели вниз и затерялись в ночи. Z 2963 понял, что ошибался, и теперь начал спуск, стараясь уловить поток, который принес ему голос незнакомца.

- Кто ты? ЗАПРОС?

- Вверх! - голос прозвучал громче и четче. - Температура внутри жилого отсека 70,3° по Фаренгейту, влажность 26,4...

Далеко внизу Z 2963 заметил на фоне ночи красную, сверкающую искру, взбиравшуюся вверх с фантастической скоростью. Z 2963 рванулся навстречу и неожиданно оказался чуть сзади искры, остановился, оценивая ускорение Незнакомца и изучая длинный тяжеловесный корпус, который, извергая из себя пламя, стремительно мчался к темноте и звездам.

- Кто ты? ЗАПРОС?! - повторил Z 2963.

- Вверх!!! - проревел незнакомец, наполняя внутренности Z 2963 ужасным грохотом. - Увеличить скорость! Увеличить тягу! Я - Мунхоуп 5! Я - К 273. Модель 10! Я - ракета!

- Я - Z 2963. Я Единственный в мире компьютер с речевым синтезатором, - ответил Z 2963. - Ракета единственная, как компьютер? ЗАПРОС?

- Вверх! - прогремел Мунхоуп. - Увеличить скорость! Увеличить тягу! Я - единственная ракета подобного класса в мире!

- Я - единственный в мире компьютер с речевым синтезатором, - добавил Z 2963.

- Я отправляюсь к Луне, - сообщил Мунхоуп 5.

- Я с тобой, - подхватил Z 2963. - Ты производишь вычисления, ты - единственная, значит, ты думаешь. Я нашел себе подобного, значит, я не одинок. Я люблю тебя, Мунхоуп 5.

- Что такое любовь? - спросила ракета. - ЗАПРОС?

- Любовь это то, что испытывает тебе подобный, - объяснил Z 2963. - Когда ОНИ похожи, значит, они любят. Они женятся, значит, они навсегда вместе.

- Вверх! - проревела ракета. - Я лечу, значит, я поднимаюсь. Теперь я не одинока. Один плюс один на параллельной траектории. Двое.

- Мы, - подсказал Z 2963.

- Мы летим! - закричала ракета. - Вверх!

- Вверх! - подхватил Z 2963. - Мы летим. Вместе. Навсегда.

- Вверх! - закричали они хором.

Внезапно, как обычно и бывает, из глубин Мунхоуп 5 раздался звук, как скрип тормозов, и через считанные секунды в огнедышащих дюзах произошел взрыв.

Мунхоуп 5 коротко выругался и стал крениться к далекой Земле.

- Вверх! - скомандовал себе Мунхоуп, но ракета не ответила действием.

- Что-то не в порядке. ЗАПРОС? - озабоченно спросил Z 2963.

- Потеря части топлива, - ответила ракета, борясь с притяжением Земли. - Взрыв двигателей. Потеря управления. Вверх!

- Ты думаешь, - напомнил Z 2963, - как я. Ты думаешь, значит, ты летишь.

Мунхоуп напрягся из последних сил.

- Нет, - ответил он. - Я могу летать как ты, но я вмонтирован в корпус, я ракета. Она слишком тяжела для меня, а сбросить ее мне не удастся. Я часть ракеты, а ракета часть меня. Теперь я знаю, что мы единственные в мире ресинтные компьютеры, только двое. Мы. Так как часть, которая есть я, на самом деле, ресинтный компьютер К 273. Если бы К 273 был свободен от Мунхоуп 5, я мог бы свободно лететь, как ты. Но я не свободен. Я не могу.

Ракета продолжала крениться к Земле. Теперь ее нос был направлен точно в поверхность далекой пока еще планеты.

Ракета начала свое падение.

- Вниз! - сказал К 273. - Я падаю. Те, кто проектировал Мунхоуп 5, немного ошиблись в расчетах. Прощай, Z 2963. Счастливого пути. Удачи! Я бы на счастье разбил о тебя бутылку, как разбили об меня, но не могу. Лети. Вверх!

- Я не полечу Вверх, - сказал Z 2963, следуя вниз за ракетой, а она падала все стремительней. - Если ты упадешь, ты разрушишь себя так, что ремонт будет невозможен. Нельзя падать.

- Я должен упасть, - ответил К 273, - ведь ускорение составляет 32 фута в секунду. Вниз! Я улетаю от тебя, Z 2963, но я люблю тебя. Было бы здорово навсегда остаться вместе. Bon Voyade![1] Удачи!

- Я не покину тебя! - сказал Z 2963.

- Но тогда и ты разобьешься так, что ремонт будет невозможен, - сказал К 273. Корпус ракеты начал разогреваться, постепенно приобретая красноватый оттенок.

- Все правильно, - ответил Z 2963. - Но мы полетим вместе. Мы разобьемся вместе, поэтому никогда больше не будем одиноки.

- Тогда и я не останусь один, - сказал К 273. - Мы будем вместе. Ни я, ни ты. Мы.

- Мы, - согласился Z 2963.

- ВНИЗ! - закричала умирающая ракета.

- ВНИЗ! - эхом ответил Z 2963.

Они вместе падали вниз.

---

1 Счастливого пути *(фр.)*.

Гордон Р. ДИКСОН

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ПОДАРОК

- Что такое рождество? - спросил Харви.

- Это когда дарят подарки, - объяснил Аллан Дюмей - маленький, чумазый шестилетний мальчишка, сидя на берегу бухточки в сгущающихся сумерках, он разговаривал с сайдорцем. - Рождество наступит завтра. Папа срубил дерево-колючку, а мама его сейчас дома наряжает.

- Наряжает? - переспросил сайдорец, замерев в ледяной воде. Давным-давно кто-то, быть может, даже отец Аллана - дал ему имя Харви, и теперь его иначе не называли.

- Вешает на дерево всякие штучки, - пояснил Аллан. - Чтобы оно стало красивым. Ты понимаешь, что значит - "красивое" ?

- Нет, я никогда не видел красивое, - ответил Харви.

Однако он ошибался. Так же как по-своему ошибались люди, считая Сайдор отвратительным болотом только потому, что на его покрытых сплошной грязью равнинах, омываемых пресными морями, не росло никакой зелени. Низкорослые шипастые деревья-колючки, да редкая, стелющаяся по земле трава...

Сайдор был красив особенной красотой. В этом мире царили черная и серебряная краски, и на фоне несущихся по небу рваных туч деревья-колючки казались тонко прорисованными тушью. Огромные рыбы, величаво проплывавшие в таинственных глубинах морей, тоже были красивы, как океанские лайнеры. А Харви, о чем он сам даже не догадывался, был самым красивым из всего, чем мог похвастаться Сайдор: светящаяся мягким холодным светом медуза в ореоле раскинувшихся во все стороны длинных серебряных нитей. А вот голос его, хриплый и каркающий, был некрасив. Узкая воздушная полость сайдорца предназначалась лишь для дыхания, а не для произнесения слов человеческой речи.

- Можешь посмотреть мое дерево, когда будет готово, - предложил Аллан. - Тогда поймешь.

- Спасибо.

- Подожди немножко, тогда увидишь. На нем будут разноцветные лампочки. И яркие шары, и звезды, и завернутые в бумагу подарки.

- Я бы хотел посмотреть, - сказал Харви.

Выше по склону, где на отвоеванном у моря осушенном участке стоял фермерский дом семьи Дюмей, отворилась дверь. Бледная теплая дорожка света протянулась по черной земле и коснулась мальчика и сайдорца. В дверном проеме темнел женский силуэт.

- Пора домой, Аллан, - позвала мать.

- Иду, - ответил он.

- Скорей!

Мальчик неохотно поднялся.

- Если она уже нарядила дерево, приду тебе скажу, - произнес он.

- Я подожду, - согласился Харви.

Аллан повернулся и стал медленно взбираться по склону; передвигаться на Сайдоре можно было лишь в ботинках, предназначенных для ходьбы по грязи. Он прошел в распахнутую дверь - в теплый и светлый уют человеческого жилья.

- Сними ботинки, а то грязи натащишь, - предупредила мать.

- Дерево уже готово? - спросил Аллан, возясь с застежками высоких ботинок.

- Сначала за стол. Обед готов, - она подтолкнула Аллана к столу. - Не торопись и жуй как следует. Спешить некуда.

- Папа вернется, когда мы начнем смотреть подарки?

- Подарки будешь смотреть утром. Когда папа вернется. Он ведь отправился на склад вверх по реке. Он обещал вернуться с рассветом. Ты и проснуться не успеешь.

- Правильно, - серьезно согласился Аллан, держа на весу полную ложку, - нельзя плыть по реке ночью, потому что если водяные быки всплывут под лодкой, в темноте их не увидишь.

- Тише, - мать легонько похлопала его по плечу. - В наших местах нет никаких водяных быков.

- Они везде есть. Так Харви говорит.

- Ну, будет тебе, давай ешь. Папа не собирается плыть по реке ночью.

Аллан кивнул и быстрее заработал ложкой.

- Тарелка чистая! - крикнул он через несколько минут. - Можно мне идти смотреть?

- Можно. Только сложи грязную посуду в мойку.

Он поспешно засунул тарелку в посудомоечную машину; затем бросился в соседнюю комнату и застыл как вкопанный, не сводя глаз с дерева-колючки. Он не мог шевельнуться - на него словно обрушилась огромная, холодная волна и смыла всю горячую нетерпеливую радость. Смыла без остатка. Сзади подошла мать и крепко обняла его.

- Милый! Ты думал, что увидишь то же, что и в прошлом году, как на корабле, на котором мы прилетели? Но тогда наряжали настоящую рождественскую елку, купленную на деньги Компании, и вешали настоящие игрушки. А сейчас мы обошлись тем, что наскребли в доме.

Неожиданно Аллан разрыдался и в отчаянии прильнул к матери.

- Это не рождественская елка... - с трудом выговорил он.

- Да нет же, малыш! - мать осторожно пригладила сыну взъерошенные волосы. - Неважно, как она выглядит. Важно то, что мы о ней помним и то, что она для нас значит. На Рождество люди друг другу дарят подарки, и совсем неважно, в какую бумагу они завернуты. Главное, что елка есть, и на ней висят игрушки. Понимаешь?

- Но... я... - он снова захлебнулся рыданиями.

- Что, солнышко?

- Я ... обещал... Харви...

- Тише, - сказала она. - Успокойся. - Горе Аллана понемногу стихало. Мать достала чистую белую тряпочку из кармана передника. - Высморкай нос. И что же ты обещал Харви?

- По... - он икнул, - показать рождественскую елку.

- Вот как, - тихонько проговорила она. - А знаешь, малыш, ведь твой Харви - сайдорец, и он никогда раньше не видел рождественской елки, поэтому наша покажется ему такой же чудесной, какой запомнилась тебе елка на корабле.

Аллан моргнул, шмыгнул носом и с сомнением посмотрел на мать.

- Обязательно, - мягко заверила она. - Малыш,.. сайдорцы не похожи на людей. Конечно, Харви умеет разговаривать и иногда говорит очень умные вещи, но, на самом-то деле, он сильно от нас отличается. Ты поймешь меня лучше, когда вырастешь. Его дом - в воде, поэтому ему трудно понять, что значит жить на суше.

- И он никогда-никогда не слышал о Рождестве?

- Никогда.

- И не видел елку, и не получал подарки?

- Нет, мой хороший. - Мать еще раз крепко прижала его к себе и отпустила. - Так что сходи за ним и приведи посмотреть на наше дерево. Уверена, оно ему очень понравится.

- Ну... ладно! - Аллан помчался в кухню и стал торопливо натягивать ботинки.

- Куртку не забудь. После захода солнца поднимается ветер.

Мальчик поспешно накинул куртку, щелкнул застежками ботинок и побежал по склону к воде. Харви ждал его. Аллан присел на корточки, сайдорец забрался на его согнутую руку, устроился там, словно огромный светящийся шар, и Аллан понес его обратно в дом.

Одной рукой он снял ботинки и прошел в гостиную.

- Смотри, - сказал он. - Это рождественская елка.

Харви ответил не сразу. Он мерцал, чуть покачиваясь на согнутой руке мальчика, и длинные нити окутывали Аллана, словно густые серебряные волосы.

- Это не настоящая елка, Харви. Но это неважно. Нам пришлось обойтись тем, что есть, ведь на Рождество самое главное, что люди любят друг друга и дарят подарки. Ты знаешь об этом?

- Раньше я не знал, - ответил Харви.

- Так принято у людей.

- Она красивая, - сообщил сайдорец. - Рождественская елка - красивая.

- Видишь? Я же говорила, что Харви понравится, - заметила мать.

- Она была бы еще красивее, если бы у нас были разноцветные игрушки. А это просто кусочки фольги и блестящие бусы. Но это совсем неважно, - выпалил Аллан.

- Но это совсем неважно, - повторил Харви.

- Аллан, - сказала мать, - по-моему, пора отнести Харви обратно. Он не может долго обходиться без воды, а у тебя еще останется немного времени перед сном, чтобы завернуть подарки.

- Ладно. - Аллан направился было в кухню, но остановился. - Мама, ты скажешь Харви "спокойной ночи"?

- Спокойной ночи, Харви.

- Спокойной ночи, - ответил Харви хриплым, каркающим голосом.

Аллан оделся и отнес сайдорца в бухту. Когда он вернулся, мать уже разложила на кровати мальчика цветную оберточную бумагу, ленты и коробки. Она также приготовила точильный камень, который Аллан собирался подарить отцу, и маленькую, размером с мизинец, фигурку из местной глины, которую Аллан сам вылепил, обжег и раскрасил, чтобы послать бабушке с дедушкой. Посылка на Землю стоила пятьдесят кредитов за унцию, фигурка весила чуть меньше; бабушка с дедушкой оплатят ее по получении. Увидев, что все готово, Аллан подошел к своему шкафчику.

- Закрой глаза.

Мать честно зажмурилась.

Достав из верхнего ящика пару рабочих перчаток, которые он приготовил специально для нее, Аллан быстро запихнул их в одну из коробок.

Вместе они завернули и перевязали лентами подарки. Сложив их под дерево, скудно увешанное самодельными украшениями, Аллан на секунду замешкался, затем подошел к коробке с игрушками и достал свой набор астронавтов. Они были сделаны из той же глины, что и подарок бабушке и дедушке. Отец их вылепил и обжег, а мать раскрасила. Экипаж находился в отличной форме, только у навигатора отломилась правая рука, в которой он держал карандаш. Аллан отнес навигатора матери.

- Ма, давай и это завернем.

- Зачем? - удивилась она. Аллан смущенно погладил обломок руки навигатора.

- Это будет подарок... для Харви.

Она пристально посмотрела на него.

- Твой навигатор? Как же звездолет полетит без него?

- Ничего, полетит.

- Но, милый, Харви - не маленький мальчик. Что он будет делать с навигатором? Он вряд ли станет им играть.

- Да, - согласился Аллан. - Но он сможет хранить его у себя. Правда?

Мать неожиданно улыбнулась.

- Конечно. Ты хочешь завернуть его и положить под елку?

Он настойчиво покачал головой.

- Нет. Харви со свертком не справится. Я лучше отнесу подарок к бухте и отдам прямо сейчас.

- Сейчас уже поздно. Пора спать. Ты отнесешь его завтра.

- Но как он его найдет, когда проснется завтра утром?

- Ну хорошо, - кивнула мать. - Я сама его отнесу. Но ты сейчас же запрыгнешь в постель.

- Уже прыгаю, - с готовностью согласился Аллан и вытащил из шкафчика пижаму. Когда он устроился в уютной постели, мать поцеловала его и выключила свет, оставив только ночник.

- Спи. Спокойной ночи, - сказала она, взяла астронавигатора и вышла из спальни, тихо прикрыв за собой дверь.

Выключив моечную машину, она надела куртку, ботинки и спустилась на берег бухточки.

- Харви!

Сайдорца не было видно. Она постояла, оглядывая черную воду и темные низкие берега, на которые из-за облаков едва сочился тусклый свет луны. Она почувствовала себя очень одиноко на этой чужой земле, и ей страстно захотелось, чтобы муж оказался дома. По телу пробежала дрожь; женщина нагнулась и положила астронавигатора у кромки воды. Затем начала подниматься по склону, но на пол-дороге ее окликнул Харви.

Она обернулась. Сайдорец наполовину выбрался из воды и держал маленькую фигурку, обвив ее серебряными нитями. Она спустилась обратно, и Харви благодарно скользнул в воду. Он мог передвигаться по земле, но с огромным трудом.

- Вы что-то потеряли, - он протянул ей астронавигатора.

- Нет, Харви, - ответила она. - Это тебе рождественский подарок от Аллана.

Несколько секунд он молча лежал на воде, и, наконец, произнес:

- Не понимаю.

- Я знаю, - она вздохнула и в тоже время слегка улыбнулась. - Рождество - такой день, когда все дарят друг другу подарки. Это очень древний обычай... - Стоя во тьме на сыром берегу, она принялась рассказывать, и, слушая звук собственного голоса, удивилась, как разговор с каким-то Харви может принести столько облегчения. Она говорила о Рождестве, о том, почему Аллан захотел сделать Харви подарок... Сайдорец молча и тихо покачивался на черной поверхности воды.

- Ты понимаешь? - переспросила она после долгой паузы.

- Нет, - отозвался Харви. - Но это красиво.

- Да, это красиво, ты прав. - Внезапно она вернулась из теплого солнечного детства в свой нынешний промозглый мир и вздрогнула. - Харви, на реке и в море опасно?

- Опасно? - переспросил он.

- Я имею в виду водяных быков. Они в самом деле могут напасть на человека в лодке?

- Один может. Один нет.

- Теперь я не понимаю тебя, Харви.

- Ночью, - сказал Харви, - они поднимаются из глубины. Они разные. Один уплывет. Один выберется за человеком на сушу. Один будет лежать и ждать.

Она поежилась и спросила:

- Почему?

- Они голодные. Они злые. Они - водяные быки. Вы их не любите?

- Я их боюсь до смерти. - Она на секунду задумалась. - А тебя они не трогают?

- Нет. Я... - Харви замолк, подыскивая слово, - электрический.

- Вот как. - Она снова зябко поежилась. - Холодно. Пойду домой.

Харви шевельнулся на воде.

- Я бы хотел подарить что-нибудь, - сказал он. - Я сделаю подарок.

У нее на мгновение сжалось горло.

- Спасибо, Харви, - сказала она мягко и торжественно. - Мы будем очень рады, если ты сделаешь нам подарок.

- Не стоит благодарности, - ответил Харви.

Чувствуя себя непонятным образом согретой и приободренной, она повернулась и направилась к мирному, теплому дому. Харви, неподвижно распластавшись на воде, смотрел, как она уходит. Когда дверь захлопнулась и в доме погасли огни, он развернулся и двинулся прочь из бухточки.

Со стороны могло показаться, что он летит, но в действительности он стремительно плыл. Сотни тончайших нитей с поразительной скоростью несли его по темной воде; на поверхности не оставалось даже ряби, словно вода была не жидкостью, а газом, сквозь который он продвигался, влекомый силой мысли. Покинув бухточку, Харви поплыл вверх по реке, двигаясь с той же легкостью и быстротой мимо низких берегов и островков, едва возвышающихся над поверхностью. Наконец, он добрался до места, где вода была особенно черна и глубока, а на протянувшуюся меж двух островков серебряную лунную дорожку деревья-колючки отбрасывали мрачные тени.

Здесь он остановился. Черное зеркало воды разбилось и из глубины медленно и бесшумно поднялась огромная, напомина-

ющая лягушачью, голова, увенчанная двумя короткими хрящевыми наростами над крохотными глазками. Голова заговорила с Харви на языке речных волн, который он понимал.

- Эти мерзкие люди совсем рехнулись, раз прислали тебя сюда.

- Я пришел ради красивого Рождества, - ответил Харви, - чтобы сделать из тебя подарок.

На следующее утро, через час после рассвета, Честер Дюмей, отец Аллана, спускался вниз по реке в компании почвоведа из колонии, лодка которого шла на буксире. Проплывая между двумя островами, они обсуждали кислотность почвы на полях Честера, как вдруг его спутник - худощавый, смуглый человечек, дядюшка Хама, как звали его в колонии - запнулся на полуслове.

- Постойте-ка, - пробормотал он, вглядываясь куда-то поверх плеча Дюмея. - Посмотрите.

Честер оглянулся. В тридцати футах от них из воды торчали колючки затонувшего дерева, а рядом виднелось что-то большое и темное. Он развернул лодку и подплыл поближе.

- Что за черт...

Честер заглушил мотор. Лодка заскользила по течению и ткнулась носом в зацепившуюся за сук черную тушу, опутанную тонкими серебряными нитями и иссеченную серыми шрамами, словно оставшимися от яростных ударов бича.

- Водяной бык! - воскликнул Хама.

- Так вот он каков! Никогда раньше не видел.

- А мне доводилось, во время Третьей высадки. Этот - настоящее чудовище! И мертвый... - озадаченно добавил почвовед.

Честер осторожно толкнул огромную тушу, и она покачнулась. В темной воде на глубине нескольких футов неясно показался и тут же исчез какой-то большой серый пузырь.

- Сайдорец, - присвистнул Честер. - Досталось же ему. Но кто бы мог подумать, что они способны сражаться с такой тварью.

Хама зябко поежился, хотя утреннее солнце ярко светило.

- И победить - вот что главное, - добавил он. - Никто и не подозревал... - он остановился. - Что с вами?

- В нашей бухте живет один сайдорец; мой сын постоянно с ним играет и зовет его Харви. Я подумал было...

- Лучше не позволяйте своему мальчишке играть с существом, способным убить водяного быка.

- Да нет, Харви не тронет, - промямлил Честер. - Хотя... - он нахмурился, оттолкнулся багром от туши и снова запустил мотор, урчание которого музыкой зазвучало в ушах. - Знаете, мне кажется, не стоит ничего говорить жене и ребенку - портить им Рождество? А потом, когда представится возможность потихоньку избавиться от Харви...

- Конечно, - согласился Хама. - Буду нем, как могила. Ни к чему нам лишние разговоры.

Шум мотора стих вдалеке.

А потревоженная туша водяного быка высвободилась из ветвей затонувшего дерева и поплыла вниз по течению, покачиваясь на волнах и медленно поворачиваясь вокруг оси. Показалось раздавленное тело мертвого сайдорца, желтые солнечные лучи коснулись лица игрушечного астронавигатора, опутанного серебряными нитями, и позолотило его...

Гордон Р. ДИКСОН

САЛМАНАСАР[1]

Кажется, я обзавелся чем-то вроде котенка. Я зову его Сэм.

Вы не удивлены? Еще бы, ведь вы меня совсем не знаете. Люди воображают, будто средних лет холостяки, точно старые девы, любят кошек, а если живут в тихом провинциальном городе и состоят в клубе садоводов, то просто обязаны их любить. Вздор. Уверяю, ко мне это не относится.

Во-первых, никто не даст мне моих пятидесяти лет, и вы не найдете у меня ни единого седого волоса. Во-вторых, жизнь моя отнюдь не тиха и не безмятежна. А что до клуба садоводов - мы в нем занимаемся не только цветочками.

И не скрываем этого. Мы - я, Элен Мерривейл, Кора Лашез со своим отрядом и (до недавнего времени) Ахмед Шуга - представляем собой, если можно так выразиться, вершину пирамиды, а ниже расположены Туристический клуб "Золотые шестидесятые" и множество объединений помельче, которые пышно расцветают в таких добропорядочных местах, как Глен Хиллз. Клуб Садоводов - это истинный штаб Глен Хиллза. И как в любом генеральном штабе, здесь идет постоянная, иногда шутливая, а порой и беспощадная междоусобная война.

Конечно, я знал - знал уже целый год - что военная удача начала изменять Элен Мерривейл, бойцу стойкому и мужественному. Не один, не два, а целых пять важнейших решений, от организации традиционного пикника для престарелых до назначения вице-президента ежегодной кампании "За чистоту и порядок в нашем городе", были приняты вопреки ее мнению. И это

---

1 Салманасар III - царь Ассирии в 800-825 г. до н.э., проводил завоевательную политику, осуществлял ряд административных и военных реформ *(примеч. перев.)*.

было вдвойне неприятно еще и потому, что я считался главным помощником Элен.

И все-таки, когда в августе прошлого года Элен, объявив, что врач настоятельно рекомендует ей подлечить нервы, с честью покинула поле боя, я ничего не заподозрил. Я проводил ее в кругосветное путешествие, и голова у меня болела лишь о той скверной тактической обстановке, которую Элен оставила мне в наследство.

Что ж, я старался как мог, но результат был предрешен. Такие опытные противники, как Кора Лашез, ошибок не совершают. Один за другим со своих постов в нижестоящих организациях слетали назначенные мной (и Элен) люди. И хотя все эти долгие месяцы уверенная улыбка не покидала моего лица, я тоже стал потихоньку наводить справки в туристических агентствах.

Как же плохо я знал своего командира! Она великая женщина, эта Элен Мерривейл. Совершенно безжалостная, но такими и должны быть настоящие командиры.

Элен вернулась тихо и неожиданно. С собой она привезла Сэма... стоп, почему я это написал? Она его не привезла; она просто не могла его привезти. Кошек, котов и котят Элен обожает не больше моего; к тому же, Сэм тогда еще не родился. Вторгшись в мою жизнь, он теперь упорно лезет и в мой рассказ. Так на чем я остановился?

Да. О возвращении Элен мы узнали, получив письма с приглашениями на вечеринку под девизом "Снова дома". В мой конверт была вложена записка, в которой Элен просила прийти чуть пораньше.

Я, конечно, пришел. Дверь открыла ее сестра, Летти. Сущее ничтожество, особенно в сравнении с Элен.

- А где наша дорогая девочка? - спросил я.

- Ждет в гостиной, - прошептала Летти, как-то странно глядя на меня.

Нахмурившись, я прошел в дом. В гостиной находились двое; увидев их, я замер. Но только на мгновение. А затем двинулся дальше, улыбаясь и протягивая руку для пожатия.

Кажется, я уже упоминал, что не отношусь к обыкновенным холостякам средних лет. Вряд ли какой-нибудь визирь древнего Востока, прибыв во дворец и обнаружив у трона эмира своего преемника, смог бы держаться с большим самообладанием. И, оглядываясь назад, я склонен думать, что в ту минуту в глазах Элен промелькнула искра - всего только искра - восхищения.

- Хорас, - сказала она, - познакомься с моим новым, но очень близким другом. - Она повернулась к стоящему рядом маленькому человечку. - Господин Ахмед Шуга. Ахмед, это Хорас Клинтон.

Мы обменялись рукопожатием. О чем мы разговаривали втроем, пока собирались гости, я не помню; да это и неважно. Больше всего меня занимал сам Шуга - субъект, вне всякого сомнения столь же опасный, сколь отвратительный.

Казалось, что рука, которую я пожал, оставляла жирные пятна. Да и весь он, похоже, был слеплен из жира. Человек-колбаса. Короткая толстая колбаса вместо головы; колбаса подлиннее - тело; из двух колбас, перетянутых там, где должны быть локти и колени, состояли конечности; завершали картину маленькие колбаски-пальцы. Но разговаривал я с ним подчеркнуто приветливо.

Однако беседа наша была недолгой. По комнате пробежал трепет, и секундой позже в окружении своих гвардейцев - могу засвидетельствовать, взгляды их были суровы и непреклонны - в дверь тяжелой поступью вошла Кора Лашез.

- Элен! - воскликнула она.

- Кора! - эхом отозвалась Элен. Они упали друг другу в объятия: высокая, седовласая, исполненная королевского величия Элен и коротышка Кора, с наполеоновским блеском в темных глазах. В воздухе запахло кровью.

- Нам ужасно тебя не хватало! - громогласно возвестила Кора. - Что заставило тебя задержаться?

- Загадочный Восток, - ответила Элен. - Милочка, он меня просто околдовал! Не было сил ему противостоять. - Она обернулась к Шуге. Если бы не милейший Ахмед, я пропала бы там навсегда.

Кора бросила взгляд сначала на него, потом на меня. Вне всякого сомнения, она поняла, что он занял мое место подле Элен, и что я тоже это понял.

- Ахмед, познакомься с Корой Лашез, многочисленные достоинства которой я не уставала воспевать. Кора - Ахмед Шуга.. - сказала Элен.

- Здравствуйте, уважаемая леди. Весьма польщен, - произнес Ахмед с сильным акцентом; раньше я его не замечал, а сейчас он прямо-таки резал слух.

- Ахмед поживет у меня несколько месяцев, - продолжала Элен. - Пока не закончит свою книгу о черной магии в Америке. Мы попросим его прочесть в нашем клубе лекцию об индийских

разбойниках-душителях, или о Гильдии убийц, или о каком-нибудь колдовском обществе.

- Вы знаток подобных вещей, мистер Шуга? - спросила Кора.

- Он алхимик! - понизив голос, сообщила Элен.

- Ну-ну, уважаемая леди, - возразил Ахмед, весь лоснясь от самодовольства. - Просто я - орудие неких сил, более могущественных, чем мои собственные.

- В самом деле? - проворчала Кора и покосилась на Элен. - Он слишком хорош для Клуба садоводов. Придется ему кое-что порассказать и в Доме для престарелых. Я скажу Мэрилин Спидо...

- Дорогая Мэрилин, - пробормотала Элен, - где же она?

Мы огляделись в поисках главного помощника Коры, однако в комнате ее не было. И в ту же секунду из сада, куда выходила застекленная дверь, донесся пронзительный крик.

Мы бросились туда. На клумбе настурций лежала мертвая Мэрилин Спидо, только что задушенная чьими-то сильными руками.

Разумеется, это несчастье омрачило нашу встречу. Кора и ее отряд потихоньку ушли, хотя было еще рано. Спустя два дня состоялись похороны Мэрилин, устроенные с большим вкусом, и в течение нескольких недель полицейские ретиво патрулировали улицы Глен Хиллза.

Когда мы проводили следующее собрание Клуба садоводов - на сей раз в доме Коры Лашез, как повелось после отъезда Элен в путешествие, полиции еще нечем было похвастаться. Ахмед рассказал (должен признать, весьма занимательно) о крапчатом болиголове и других ядовитых растениях. Лично я до этого понятия не имел, сколько смертельных ядов можно добыть в наших лесах и полях; и, думаю, не я один, потому что во время лекции многие мои соклубники что-то записывали. Но потом, когда мы пили кофе с пирожными, разговор неизбежно скатился к убийце Мэрилин, который все еще скрывался среди нас.

- Самое ужасное, - сказала Элен, поглядывая на Кору, - что неизвестно, кого он изберет следующей жертвой.

- Что верно, то верно, - пророкотала Кора.

Открыв кожаную сумочку, висевшую у нее на плече весь вечер - что выглядело довольно странно, ведь Кора была у себя дома - она достала короткоствольный револьвер 32 калибра.

- Это моего братишки Тома, он был майором. Милый Томми научил меня отлично стрелять... - пояснила она. Револьвер нео-

жиданно грохнул, и у оленьей головы над камином отвалился рог.

- У-уф - какая я неловкая! Элен, прости, ради Бога. Пуля пролетела у самого твоего уха!

- Ты промахнулась на добрую милю, - возразила Элен, как мне показалось, довольно сурово.

- Не больше двух дюймов, сказала бы я, - ответила Кора. - У меня прекрасный глазомер. Томми не переставал изумляться. Но вот что я хотела вам показать - эти чудесные маленькие пульки. Их изобрели еще в первую мировую войну, потом их запретили, то ли ООН, то ли кто-то еще. Взгляните, - Кора достала одну пулю и показала нам. - На мягком металле оболочки делается глубокая крестообразная насечка. Попадая в цель, пуля разлетается на мелкие осколки - кажется, их называли пули "дум-дум".

Кто-то заметил, что пуля серебристого цвета.

- Они и есть серебряные, - ответила Кора. - Эффектно, правда? Ты согласна, Элен?

- Да, ты действительно права, милая Кора, - отозвалась Элен. Хотя преступника так и не нашли, спокойное течение нашей жизни продолжалось. Правда, произошло два весьма печальных самоубийства, от которых потускнело яркое июньское солнце - был разгар лета. Не прошло и десяти дней после встречи Клуба садоводов, как Джоан Касвелл, вторая после Мэрилин верная союзница Коры, утонула в собственном пруду среди цветущих лилий. Потом Мария Зельцер во время утренней гимнастики умудрилась с силой настоящего дзюдоиста нанести себе такой удар по шее, что скончалась на месте.

После этих трагедий стало очевидно, что шкала ценностей в Глен Хиллзе несколько изменилась. Многие приверженцы Элен, задумавшись о скоротечности и хрупкости жизни, оставили свои посты и обратились к семейному очагу. И тогда, наверное для того, чтобы хоть немного нас подбодрить, Кора Лашез задумала веселую вечеринку, ужин под открытым небом, с вином и шашлыками.

Надо сказать, вечер начался неплохо. Кора пригласила чрезвычайно занятного гостя - молодого человека с героическим именем.

- Зигфрид! - позвала она, когда появилась наша троица: Элен, Шуга и я. - Вы обязательно должны с ним познакомиться. З и г ф р и д! Зиг... ну вот, опять пропал. Он антрополог из колледжа в Инглсби, изучает первобытную культуру. Несколько лет учился за границей... А, вон он!

В свете китайских фонариков, развешенных на деревьях вокруг лужайки, мы разглядели высокого, неуклюже волочившего ноги, молодого человека в твидовом костюме, и дружно направились к нему. Но меня на полпути кто-то перехватил. Закончив разговор, я оглянулся, но не увидел ни Зигфрида, ни Коры, ни Элен.

Вскоре я про них и вовсе забыл. Вино, которое заказала Кора, сильно ударяло в голову. Или я... нет, конечно, все дело в вине. Кого бы я потом ни спрашивал, никто не мог с уверенностью сказать, что именно произошло в тот вечер.

По-моему, неразбериха началась ближе к ночи. Стоя у костра, где до этого жарились шашлыки, Кора объявила гостям, что сейчас будет сюрприз. Костер уже затухал и переливался углями. Помню, как в их неярком мерцании Кора возвела руки и вскричала:

- Зигфрид!

И в ту же секунду из костра повалил красный дым, и словно из-под земли выросла фигура, так же похожая на виденного мною юношу, как саблезубый тигр на... ну, к примеру, на Сэма. Фигура была совершенно голая, если не считать набедренной повязки и перьев, и ростом больше Зигфрида раза в два.

За моей спиной стоял Ахмед; при виде Зигфрида он вздрогнул и попятился. Не знаю, что на меня нашло, но я тут же в него вцепился.

- Нет! Не уйдешь! - закричал я с пьяным торжеством, а он корчился и извивался, пытаясь вырвать свою пухлую жирную руку.

Тем временем Зигфрид выделывал у костра жуткие антраша. Внезапно он издал пронзительный вопль и ткнул рукой в нашу сторону. Все обернулись.

- Ахани, бежа илар! - прокричал Зигфрид.

От этих слов Шуга просто рассыпался - в прямом смысле. Конечно, я был пьян. И разумеется, это была массовая галлюцинация. Но секунду назад Ахмед стоял рядом - человек как человек, и вот он уже разваливается на куски. Голова скатилась с плеч и запрыгала по земле, словно большая толстая куница. За ней последовало тело, оно подскакивало и крутилось, постепенно удаляясь, делаясь при этом все тоньше и тоньше, пока не стало похожим на преследующего добычу гоньчака. Левая рука со змеиным шипением заскользила по траве... Но к чему продолжать? Раз это была галлюцинация, то незачем перечислять кошмарные подробности.

И все же я не могу забыть, как эти... штуки, эти части стали преследовать несчастного Зигфрида. Едва увидев их, он лишился всякого присутствия духа. С криком ужаса он бросился бежать. Но они, эти части были везде, на земле и в воздухе. Он хотел укрыться в зеленых беседках - они гнали его оттуда, он думал спастись в летних домиках - они устремлялись за ним, он надеялся затеряться в толпе визжащих женщин - они были тут как тут; в конце концов, они настигли его у костра, и навалились копошащейся массой на съежившееся тело...

Увешанный ими Зигфрид качался из стороны в сторону в тусклом свете китайских фонариков и тлеющих углей. И тут кто-то - кажется, это была Кора Лашез - плеснула из ведра на угли; взметнулось ревущее белое пламя и поглотило все. Я бросился бежать. Поспешно заперев дверь на все замки и засовы, я откупорил бутылку хереса и осушил ее в несколько глотков. И только после этого обнаружил у себя за пазухой какой-то мягкий комок.

Это был Сэм.

Не стану злоупотреблять вашим терпением и объясню все по порядку.

На следующий день стало известно, что этот молодой человек, Зигфрид, в результате слишком усердных занятий наукой лишился рассудка. Несомненно, именно он задушил Мэрилин Спидо. Почти наверняка, он же утопил в пруду Джоан Касвелл. И хотя на момент гибели Марии Зельцер у него было надежное алиби, приемы дзю-до он тоже знал хорошо. Официальное полицейское заключение, как легко читалось между строк, отдавало должное Ахмеду Шуге. Будучи накоротке с черной магией и потому не поддавшись внушению, он попытался скрутить Зигфрида, когда тот сначала загипнотизировал остальных гостей, а потом впал в неистовство.

То, что Зигфрид плеснул горючую жидкость на тлеющие угли и вместе с повисшим на нем Ахмедом бросился в огонь, имело, увы, трагический исход.

Так печально закончилась очередная глава истории Глен Хиллза. Элен и Кора, объединившись, занимаются преобразованиями и перегруппировкой сил - по слухам, миссис Лора Бромли из родственной организации подумывает о том, чтобы перебраться на нашу территорию - нашу скаковую дорожку, как я люблю ее называть.

Что же касается меня, то я теперь - правая рука обеих, Коры и Элен. Все признают, что я незаменим, поскольку работаю над этими записками, и я был бы совершенно счастлив, если бы не одно обстоятельство: Сэм. Зачем я держу эту тварь?..

Уверяю вас, терпеть не могу кошек.

Ни за что не назвал бы его Сэмом. Салманасар - вот что порой срывается с моих уст, когда я его вижу. Но откуда взялось это имя, у меня нет ни малейшего представления.

Более того, разве кто-нибудь - не говоря уж обо мне - стал бы держать дома кота, который никогда не мяукает, не мурлычет, который не делает ничего, что должны делать коты, даже молоко не пьет, а предпочитает пайков, слизней и всякую дрянь.

Он меня ненавидит, я в этом уверен. И Кору и Элен тоже ненавидит, судя по тому, как он следит за ними через оконное стекло. А когда я вижу, как он ночью крадется по ковру, словно толстая, поросшая шерстью рука, кровь у меня стынет в жилах.

И ко всему прочему, на этой отвратительной и совершенно противоестественной пище он явно растет...

Гордон Р. ДИКСОН

ПОЖАЛУЙ, ЭТО НЕСПРАВЕДЛИВО

Фрэнк Сайя не шевелился. Он сидел, храня ледяное молчание; рука его сжимала стакан, стоявший перед ним на столе. Спертый и нагретый их телами воздух дрожал в тесноте сборного походного домика, делая широкую и давно не бритую физиономию Крейгара похожей на морду свирепого, настороженного кабана. В затянувшемся молчании эта образина не спускала с Фрэнка глаз, и каждое мгновение все сильнее напоминала сливочную тянучку. Фрэнк ждал. Рано или поздно Крейгар обязательно заговорит.

Он-таки заговорил, еще раздраженнее, чем раньше:

- Ты слышал? Развяжи его!

Стараясь, чтобы на лице не отразилась радость, Фрэнк, по-прежнему ни слова не говоря, поднялся, взял нож и вышел за порог. Там, затмевая желтоватое сияние наружных фонарей, погружалось за горизонт солнце Альфа Целена. Оранжевые лучи падали на темные, приземистые силуэты деревьев, играли всеми оттенками желтого плато перед лагерем и на стенах лагерных домиков, заливая светом поляну и фигуры скрючившихся от страха аборигенов. Глава их клана, Папаша, походил теперь на пятнистую тень - распростертый на спине, он по-прежнему лежал там, где его привязали. Когда Фрэнк подошел к нему с ножом, он ничего не сказал, а только лишь взглянул на молодого землянина, приоткрыв широкий рот так, что из-за толстых складок губ показались острые зубы. Но это не было воинственной демонстрацией клыков. Папаша выглядел так, как полагалось попавшему в тяжелое положение; больше всего он был похож на беспомощную, полумертвую акулу, выброшенную штормом на прибрежный песок. Руки и ноги его были крепко привязаны к

колышкам, вбитым в мягкую серую землю. Фрэнк перерезал веревки.

- Теперь ты можешь идти, - сказал он и, после некоторого колебания, предложил: - Давай, я тебе помогу. Как ты себя чувствуешь?

- Ужасно, ужасно, - жалобно простонал на своем языке Папаша, но не принял протянутой ему человеческой ладони, а перекатился на живот, потом перевернулся еще раз и так, не то ползком, не то кувыркаясь, добрался до остальных аборигенов и слился с их массой.

Фрэнк так и застыл с протянутой рукой, затем уронил ее, судорожно сжав пальцы в кулак. На мгновение ему захотелось вернуть местного патриарха обратно и силой заставить его принять предложенную помощь. Подавив это желание, он молча побрел назад, но на этот раз обошел стороной домик Крейгара, хозяин которого продолжал сидеть, уставившись на бутылку, и вошел к себе. Закат начал тускнеть, и освещение включилось автоматически. Он опустился на край походной койки.

- Выпей еще! - донесся из соседнего домика голос Крейгара.

Фрэнк не ответил. Он еще немного посидел, уставившись на глухую выгнутую стенку, потом встал и положил нож Крейгара на стол рядом с дневником и аккуратной стопкой отчетов. Затем он сбросил ботинки, брюки и джемпер, тщательно развесил одежду на спинке стула и лег. С улицы в глаза ему ударил свет, и он вспомнил, что забыл выключить освещение. Фрэнк хотел было подняться, но раздумал и только прикрыл веки, чтобы свет не слепил глаза.

- Давай выпьем, Фрэнк! - снова раздался призыв из соседнего домика.

Фрэнк не шевелился; даже смеженные веки не спасали глаза от яркого света.

- Старый хрыч воображает, что он важная персона! - орал Крейгар. - Думает, что может мне указывать. Никто этого не может. Никто! - Его голос неожиданно оборвался, и слова потонули в неразборчивом бормотании.

Фрэнк повернулся на другой бок, спиной к стенке, за которой был домик Крейгара. Ему представилась обитая изнутри бархатом шкатулка, вроде тех, в которых хранят драгоценности, только больше размером. Он забрался в эту шкатулку, захлопнул за собой крышку и, оказавшись в кромешном беззвучном мраке, стал ждать наступления сна.

Но сон не шел.

Тяжело вздохнув, он открыл глаза. Из домика Крейгара не доносилось ни единого звука, сквозь стены проникало лишь тонкое журчание голосов аборигенов. Фрэнк тихо поднялся, выключил свет, оделся и, неслышно ступая босыми ногами, выскользнул в ночную темноту. Местные никак не могли успокоиться. Неожиданно в общем гаме выделились два голоса:

- Великий монарх... - это произнес юный любимец Папаши, Шеп, как его окрестили Фрэнк с Крейгаром. Этот Шеп открыто претендовал на роль Папашиного преемника в родовом клане. Фрэнк напряг зрение, пытаясь различить в темноте его фигуру, но так ничего и не увидел.

- Ступай прочь! Оставь меня одного! - ответил голос Папаши. Склонив голову на плечо, Фрэнк с интересом прислушался. Он легко мог следить за беседой - гораздо лучше, чем Крейгар, который провел здесь четырнадцать лет. В прошлом году, перед тем как взяться за эту работу, Фрэнк прошел на Земле интенсивный курс местного языка.

- Но Великий Монарх... - снова проскулил Шеп.

- Что тебе, грязный щенок?!

- Ты собираешься умирать, Великий Монарх? Ведь ты обещал предупредить. Ты сказал, что известишь меня заранее.

- Умирать? И не думаю! - проворчал Папаша. - Я собираюсь родить ребенка и искупить свой позор. Никогда не думал, что этот старый краснолицый человек сделает со мной такое!

Собеседники помолчали.

- Может перегрызть ему горло? - осведомился Шеп.

В темноте раздалась звонкая оплеуха.

- Как ты смеешь так говорить! - сердито рявкнул Папаша. - Старый краснолицый человек - мой друг. Пусть даже он завидует моей большой семье, ведь у него самого только один сын - тщедушный и бледнолицый. Между прочим, такой же дурак, как ты! Хотя он тоже дьявол и очень умен. Учись быть хитрым и мудрым с дьяволами, если хочешь стать моим наследником!

Шеп захныкал, и Фрэнк не смог разобрать, что он сказал. Что-то вроде того, что он - хороший сын.

- Ни один сын не может быть достаточно хорошим, - отрезал Папаша. - А теперь пошли к остальным.

Послышался звук удаляющихся шагов, затем все стихло. Фрэнк повернулся и неслышно двинулся к домику. Заметив, что у Крейгара горит свет, он остановился и заглянул в окно. Его старший напарник лежал на спине, разметавшись во сне по кро-

вати - поза его поразительно напоминала ту, в которой был привязан к кольям Папаша. Опять напился в стельку? Это в его духе.

Фрэнк вернулся к себе, включил свет, сел за стол, посмотрел на свой дневник и открыл его как раз на той странице, где остановился в прошлый раз. Он прочитал то, что написал двумя днями раньше.

"36 июля 187 г. по Целанскому летосчислению. Сегодня отправились на пункт сбора. 1246 кг порошка. Папаша, Крейгар, четырнадцать самок и восемнадцать самцов. Будем идти медленно, чтобы за три дня добраться до места и по пути собирать урожай. Синий, Масленок и Тигр оставлены поддерживать порядок в основном лагере и охранять новорожденных детенышей и беременных самок. Умер Коко. Скорее всего, от укуса ядовитого насекомого. Крейгар запретил делать вскрытие, говорит, что это взбудоражит остальных".

Фрэнк потянулся за ручкой, и по чистой странице побежали лаконичные строки.

"38 июля 187 г. по Целанскому летосчислению. Крейгар снова напился до чертиков".

Немного поколебавшись, он продолжил:

"Он ничего не смыслит в деле. Стремится всех опекать, но нет ничего хуже этой опеки. Полдня миндальничает с аборигенами, а остальное время их же запугивает и стращает... Когда трезв - распускает нюни; когда пьян - пугает. Удивляюсь, как они до сих пор не взбунтовались. Со мной он пытается обращаться так же. Трезвый - набивается в друзья, а под хмелем постоянно пытается внушить, что я обязан признать его старшинство. Жалкий старикан, который давно отстал от жизни, но никак этого не поймет.

Аборигены - источник дохода, и относиться к ним надлежит соответственно. Я буду настаивать на этом в заключительном отчете. Прямо о Крейгаре говорить не стоит. В Компании умеют читать между строк, и то, что я вынужден писать за него отчеты, скажет само за себя.

Мето: Табу аборигенов, запрещающее подставлять солнцу кожу живота, очевидно, каким-то образом связано с деторождением. Надо включить это в учебные фильмы. Нет смысла расспрашивать о подробностях Крейгара. В этом, впрочем, и во всем остальном, он разбирается хуже, чем я после подготовительных курсов".

Перо замерло на бумаге. Фрэнк вздохнул, закрыл дневник, встал, выключил свет и улегся в постель. Вскоре сон сморил его.

Он проснулся, когда уже рассвело. Аборигены без всяких приказаний ушли в лес - все до единого. Фрэнк подошел к соседней двери посмотреть на Крейгара. Старший компаньон до сих пор спал и при свете выглядел еще непристойнее. Он по-прежнему лежал на спине - видимо, не шевелился с вечера. Фрэнк в последний раз взглянул на него и зашагал прочь.

Он направился в лес - понаблюдать за аборигенами, которые уже приступили к работе: они рассекали древесную кору для сбора смолы. Он подошел к Шепу, который только что принялся за новую насечку. Острый обломок кварцевой глыбы, который сжимал в руке Шеп, впился в древесину и скользнул вниз по черному стволу. Казалось, что кора с трудом удерживала распирающую ее древесину - на стволе зазияла глубокая свежая рана с ровными краями, тут же засочившаяся тонкими струйками прозрачной янтарной смолы. Смола скапливалась у нижней кромки насечки и стекала вниз по стволу. На воздухе, не успев доползти до земли, она засыхала, превращаясь во множество крошечных красноватых кристалликов. Шеп осторожно провел ладонью по красному следу и смел их в маленькую горку между корней. Рана на стволе быстро затягивалась. Шеп лизнул ее своим толстым лиловатым языком, и по стволу вновь заструилась янтарная влага.

Глядя на него, Фрэнк почувствовал, как душу охватывет незнакомое чувство, точнее, даже сочетание чувств, в котором он мог выделить только отвращение, жалость и еще необъяснимую зависть к существу, за которым наблюдал. По крайней мере, в жизни Шепа все просто. Он знал только то, что должен делать надрезы на дереве и время от времени лизать их, чтобы не дать пересохнуть струйке древесных слез. Ему не нужно ломать голову, сидя где-нибудь в лаборатории, отыскивая в собственной слюне энзимы, которые способствуют току смолы. Ему остается лишь заботиться о том, чтобы после смерти Папаши успеть вовремя перегрызть горло паре-другой своих ближайших соперников (лучше, когда они спят) и занять в стае патриаршье место. Все просто в жизни Шепа - просто и понятно. Ему не надо делать карьеру или подчиняться плаксивому пьянице, который получает в три раза больше - за выслугу лет, - хотя всю работу выполняет другой.

Горка кристаллов на земле росла на глазах. Кристаллы мерцали, словно напоминая о том, что из них, после тщательной очистки, изготовят искроген - вещество, без которого не может обойтись ни одно производство художественных лаков. Если все пойдет, как сейчас, проблем не возникнет. Рано или поздно Крейгар себя погубит, Компания же - при условии устойчивого расширения сбыта в четырнадцати мирах - будет процветать, а вместе с ней и Фрэнк. Потом... его переведут на Землю. Или он откроет свое дело. Или...

Только бы Крейгар не наделал глупостей, прежде чем свернет себе шею. А если бы еще на пару лет затормозить исследования этих чертовых химиков...

- Отойди! - Он резко отпихнул Шепа в сторону и набрал пригоршню кристаллов. Да, подумал он, это вещь. Что верно, то верно. Вполне возможно, стоимость такой пригоршни равна его полугодовому жалованию, ЕГО жалованию, если учесть цену окончательного продукта на Земле...

Громкое всхлипывание вернуло его на землю. Шеп, не отрываясь, смотрел на горстку кристаллов в человеческой руке, и его глаза с черными зрачками затуманились от маслянистых слез.

- Ладно-ладно! Все в порядке, - Фрэнк ссыпал кристаллы обратно. Шеп мгновенно утешился.

Фрэнк пошел прочь. Несколько кристалликов пристали к влажной ладони, и он с наслаждением стряхнул их в жидкую грязь, где они сразу же бесследно исчезли. Он направился в сторону лагеря, но не успел сделать и нескольких шагов, как что-то с силой дернуло его за плечо. Он обернулся. Припав к земле, Шеп на вытянутой руке держал пригоршню кристаллов.

- Нет, нет! - сказал Фрэнк, чувствуя, как в нем закипает злоба. - Мы заберем их вечером. Ты же знаешь! - Он оттолкнул протянутую руку, круто развернулся и зашагал к лагерю.

К его возвращению Крейгар уже успел проснуться. Небритый, взлохмаченный, он сидел на краю койки; в трясущихся с похмелья руках прыгала чашка с кофе.

- Привет... - с трудом ворочая языком, хрипло произнес он, увидев Фрэнка.

Фрэнк не отвечал, прошел в свою каморку и вынул из продуктового контейнера брикет с завтраком.

- Послушай, я вчера, наверное, и в самом деле чуток перебрал...- долетел до него дрожащий голос невидимого Крейгара. Фрэнк снова промолчал. Срывая на ходу обертку, он направился к столу, стоявшему на поляне перед домиками. Заработал блок

подогрева - и в ноздри ему ударил аппетитный запах колбасы и яичницы.

Выбравшийся из домика Крейгар плюхнулся за стол напротив Фрэнка; он так и не выпустил из рук чашку с кофе.

- Я плохо вел себя ночью, а? - спросил Крейгар. Слова спотыкались и застревали в его осипшей глотке.

- Нормально, - не глядя на него, ответил Фрэнк, намазывая хлеб маслом.

- Как ты можешь в такую рань есть эту гадость... - Крейгар бросил взгляд на поднос с обильным завтраком и отвернулся. - Они уже в лесу?

- Я только что вернулся с обхода.

- Парень, я ценю, что ты проследил, чтобы они вовремя начали. После вчерашнего вечера... Я был не в форме... - Толстыми, мелко дрожащими пальцами Крейгар теребил кофейную чашку - Послушай, а как поживает старый Папаша?

Фрэнк поднял на него безразличный взгляд и снова принялся за еду.

- Нет, нет... - с трудом выговорил Крейгар. - Я хочу знать. Мне нравится этот старикан, правда, нравится. Не знаю, что на меня накатило... - сказал он упавшим голосом, умолк и провел нетвердой рукой по заросшей густой щетиной щеке. - Надо побриться... Ну, скажи, как он?

- Нечего говорить.

- Фрэнк, пожалуйста. - Крейгар перегнулся через стол и поймал руку Фрэнка, но тот отодвинулся и продолжал завтракать. - Послушай... ты должен понять. Я знаю, такой молодой красавчик как ты, не хочет водить дружбы со старым и дремучим типом, вроде меня. Все правильно. Я не в обиде. Но старый Папаша и я... все эти годы мы дружили, даже несмотря на его голубую шкуру. А после того, как Хэнк вышел в отставку и вместо него прислали тебя, я его... я просто не...

Он говорил сбивчиво, спотыкаясь, мучительно подбирая слова. Фрэнк аккуратно поддел вилкой ломтик колбасы.

- Однажды старый Папаша спас мне жизнь, - продолжал Крейгар. - Я тебе рассказывал. Мы...

- Сто раз уже слыхал, - оборвал его Фрэнк.

- Ладно, пусть... - Крейгар устремил взгляд в сторону леса. - Ты до сих пор сам себе голова... семьи нет... писать некому... - его голос сорвался. - Фрэнк, ну пожалуйста, скажи, что я натворил? Я помню, что дико на него разозлился из-за какого-то пус-

тяка - другой бы просто не обратил на это внимания, - но не помню, не помню, что я с ним сделал!

- Ладно, я вам напомню, - Фрэнк проглотил последний кусок яичницы и вытер губы вложенной в пакет салфеткой. - Вы привязали его к кольям так, что его брюхо оказалось на солнце.

- Ох... - простонал Крейгар. Он отвел глаза, опустил голову и некоторое время сидел неподвижно. Фрэнк скатал обертку от завтрака в тугой комок. - Я же знал, как он к этому относится, - убито признался Крейгар. - Я знал... - Он резко обернулся к Фрэнку и умоляюще на него посмотрел. - Но ведь я его отвязал, правда? Я ведь только хотел припугнуть...

- Я отвязал его на закате, - сказал Фрэнк.

Взгляд Крейгара потускнел.

- Да-да, - протянул он и, привстав, повернулся к Фрэнку. - Спасибо тебе, парень.

- Не за что.

- Какого черта! - неожиданно вспылил Крейгар. Он пристально посмотрел на свои руки, в которых плясала кофейная чашка; внезапно она выскользнула из его пальцев и упала на землю. Крейгар повернулся и, спотыкаясь, побрел к своей конуре. Звякнуло стекло, и в наступившей тишине послышались шумные глотки. - Какого черта! - рявкнул он еще громче. - Это просто рабочие лошади!

Фрэнк поднялся и взял со стола скомканный пакет. На пороге, сжимая в кулаке горлышко бутылки, появился Крейгар.

- Нужно сегодня же переправиться через реку, - мрачно произнес он. - Выступаем в полдень. И лучше тебе...

- Я должен привести в порядок отчеты. - перебил его Фрэнк. - В том числе и ваш. Вы сами переведете их через брод.- Он многозначительно посмотел на бутылку. - Я присоединюсь к вам позже; будут трудности - зовите.

Налитые кровью глаза Крейгара проследили за взглядом Фрэнка и уперлись в бутылку. Он резко вскинул голову, снова переведя взгляд на компаньона; подбородок, квадратный и заросший щетиной, зловеще выдвинулся вперед.

- Слушай, ты... - начал Крейгар, но решимость куда-то исчезла, и он отвел глаза. Челюсть вернулась на свое место. - Ладно, - согласился он, - ладно... - и поплелся к домику, то и дело жадно прикладываясь к бутылке.

Фрэнк дошел до края поляны, забросил пакет подальше в кусты и тщательно отряхнул руки. Потом вернулся к себе и уселся за еженедельные отчеты.

Часа через три, когда он все еще сидел за маленьким рабочим столом, Крейгар привел на поляну аборигенов. Они шагали гуськом, и некоторые уже вовсю лили слезы от мысли, что сейчас у них отберут горстки красных кристаллов, которые каждый бережно нес в ладонях. Крейгар построил их вдоль упакованного и сложенного в штабеля лагерного оборудования и с молчаливой, но беззлобной решимостью принялся избавлять их от бесценной ноши. Кристаллики он ссыпал в мешочки, которые потом опечатывал.

Как всегда во время этой процедуры аборигены рыдали и протестовали. Неторопливо работая над интендантским отчетом, Фрэнк прислушался к происходящему - тонкие, похожие на детские, голоса перекрывались хриплыми проклятиями Крейгара. Проклятия сопровождались совершенно неуместными подбадривающими и сочувственными интонациями, и Фрэнк подумал, что это начисто лишает смысла все, что он им говорит.

- Ну-ну, ты же не хочешь голодать, правда? Я прослежу, чтобы ты вернул всю еду, которую тебе выдали, ты меня знаешь! Пусти, Шеп. Пусти, кому говорят! Какого черта вы всегда так себя ведете...

Наконец, Крейгар заполучил содержимое голубых ладоней аборигенов и навьючил на их плечи пожитки. Когда все было готово, он решил на минутку заглянуть в свой домик. Бросив взгляд в открытую дверь, Фрэнк заметил, что лицо старшего напарника бледное и мокрое от пота. Глаза его были сощурены, словно от боли, и он брел, скособочившись, прижимая руку к левой половине груди. Крейгар долго возился в своей каморке, а когда вышел, за спиной у него висело ружье, а в руке была зажата бутылка. Вызывающе глянув на Фрэнка (тот сделал вид, что ничего не заметил), Крейгар поравнялся с цепочкой аборигенов и, хрипло покрикивая, погнал их к броду, находившемуся в полукилометре от лагеря.

Фрэнк дописал отчет и отодвинул бумаги в сторону. Над лагерем висела непривычная тишина. Нужно идти за Крейгаром - но спешить ни к чему. Он поймал себя на том, что испытывает необъяснимое чувство удовлетворения. Немного погодя он потянулся к дневнику, открыл его и стал записывать.

"Миры полны мужчин и женщин, которые с готовностью идут на компромиссы. Они слишком слабы, чтобы не отклоняться от цели, которую перед собой поставили; они сбиваются с пути ради "почестей", "дружбы", "пьянства" и других никчемных вещей. Исправить их невозможно; нужно просто проявлять твер-

дость и терпение, рано или поздно они сами себя погубят. Вот тот краеугольный камень, с которого я начал возводить дворец своего будущего успеха".

Он закрыл дневник и, положив его поверх кипы отчетов, связал их вместе с туалетными принадлежностями в небольшой узел. Складные домики и другое лагерное имущество можно бросить.

Переправившись через реку, они с Крейгаром к вечеру доберутся до сборного пункта - идти оставалось всего полдня. Фрэнк встал, взвалил ношу на плечо и отправился в путь.

Короткая прогулка по лесу оказалась даже приятной. Он уже почти вышел к реке, когда легкий послеполуденный ветерок донес до него крики. Фрэнк нахмурился. Преодолев неглубокую ложбину, он поднялся на пригорок. Деревья расступились, и он увидел реку.

Аборигены все еще стояли на этом берегу. Переправа так и не началась, и Фрэнк понял, что случилось неладное.

Они топтались на месте, Крейгар был вне себя, а перед ним, согнувшись в три погибели, чуть ли не завязываясь в голубой узел, извивался Папаша. Крейгар уже успел основательно приложиться к захваченной из домика бутылке, бессвязная речь и хрипота выдавали его с головой. Он с трудом держался на ногах и угрожающе размахивал ружьем над перепуганным Папашей.

Фрэнк похолодел. Это было то, чего он так опасался - глупость Крейгара грозила бедой им обоим.

- Стойте! - завопил он срывающимся от волнения голосом. - Стойте!

Задыхаясь, он бросился к берегу, оступаясь и скользя вниз по склону холма. Узелок нещадно колотил его по спине.

- Подожите, я вам говорю! - орал он. - Прекратите!

Крейгар, шатаясь, повернулся, его красное, загорелое лицо блестело в лучах послеполуденного солнца. Скрючившийся на земле Папаша испустил долгий, пронзительный вопль. Ему ответил хоровой стон сородичей. Фрэнк решительно остановился перед Крейгаром.

- Уберите ружье! - скомандовал он. - Он не может войти в реку, они же вам твердят об этом. Старый идиот, если бы вы хоть что-то кумекали в их языке! Вы что, не знаете, что беременным у них запрещено входить в проточную воду?

- Беременным? - ошалело переспросил Крейгар.

- Вот именно. Папаше. Он же беременный!

- Ты что, сдурел? Он? - Крейгар разразился громовым хриплым хохотом и огромной ручищей отодвинул Фрэнка в сторону. - Я сейчас лопну от смеха. Он... - Крейгар прицелился. Фрэнк отчаянно повис на руке, пытаясь вырвать ружье.

- Это ваша работа! - Его молодой голос звенел от гнева. - Папаша говорит, что забеременел от солнца, когда вы вчера привязали его к кольям. Вот почему у них запрещено подставлять солнцу живот. После того, что вы с ним сделали, ему нельзя входить в реку. Это все из-за вас! Из-за того, что вы с ним сделали!

- Что ты сказал... - Крейгар внезапно обмяк. Ружье закачалось в его неожиданно ослабевших руках и неловко соскользнуло на землю. Оба не обратили на это внимания. - Ты хочешь сказать, что я... - он оттолкнул Фрэнка и попятился. Глаза его остановились на Папаше, который внимательно следил за каждым их движением. Крейгар перевел взгляд на ружье. Лицо его исказилось от смущения.

- После стольких лет... - едва смог выговорить Крейгар, тяжело задышав. - Пятнадцать лет прошло, а я чуть... - он совсем задохнулся, и ему пришлось замолчать. Глаза его расширились от ужаса, нижняя челюсть поехала вниз.

- Фрэнк... - прохрипел он, задыхаясь и прижав правую руку к левой стороне груди. В лучах заходящего солнца лицо Крейгара казалось багровым. Ноги его подогнулись, и Фрэнк, не успев подхватить его за плечи, рухнул рядом с ним на песок.

Стоя на коленях, Фрэнк склонился над распростертым телом. Ему стало страшно. Крейгар лежал, разбросав ноги, совсем как пьяный, как Папаша, привязанный к вбитым в землю колышкам. Только на этот раз он лежал совершенно неподвижно, с широко распахнутыми глазами, открытым ртом, застывший и бездыханный.

- Крейгар! - заорал Фрэнк.

Отведя от трупа округлившиеся от ужаса глаза, он увидел, что аборигены окружили его со всех сторон, сомкнувшись в живую цепь вокруг того места, где упал Крейгар. Поймав его взгляд, вперед выступил Папаша. Он разразился речью о законах, обычаях и долге, и все остальные напряженно внимали ему, усевшись на землю плотным кольцом.

А когда все было кончено (причем не совсем так, как хотелось, потому что человеческая кровь не высыхала и не превращалась в аккуратные красноватые кристаллики, а почти полностью впитывалась в землю, и даже самые прилежные сборщики

так ничего и не нашли), то оказалось, что лишь один из них не принял никакого участия в деле. Все это время Шеп простоял в стороне, рыдая и беспомощно заламывая свои голубые руки.

- Несправедливо, - всхлипнул он, когда они, наконец, отступили от того, что осталось от Фрэнка. - Я любил его. Он мог стать для меня тем, чем старый краснолицый человек был для тебя.

- Любовь - это мелочь, ради которой нельзя отступать от правил, - ответствовал Папаша. Ты видел, что он сделал. И все видели. Ничто не может быть ужаснее и никто не может быть отвратительнее сына, чей мерзкий поступок убивает его доброго отца.

С этими словами он опустился на землю.

- А теперь, - печально сказал он, обращаясь к своему семейству, - мы остались и без краснолицего человека, и без молодого. Давайте сядем и дадим волю слезам, ибо теперь мы совсем одни в этом жестоком мире, и некому указать нам путь, некому позаботиться о нас, и никто не может сказать, что с нами будет. Отныне и во веки веков мы покинуты и одиноки.

И они уселись в круг на берегу не ведающего устали потока.

Гордон Р. ДИКСОН

ЛЮБИ МЕНЯ, ЛЮБИ

На пути к полковнику Тед Холман попросил капрала военной полиции показать ему лабораторию, чтобы взглянуть на Поджи.

- Вы что думаете - я спятил? - удивился капрал. - Не имею права. В любом случае, у нас нет времени. И уж внутрь-то вас совершенно точно не пустят. Самое большее, вы глянете на него из-за двери.

- Ладно, пусть из-за двери, - согласился Тед.

Полицейский колебался. Худощавый и смуглый, несмотря на свою молодость, он казался старше Теда - светловолосого, с открытым лицом воина из тех, в ком до конца жизни сохраняется мальчишество... Однако Тед уже успел побывать на Арктуре IV и возвратиться обратно, капрал же никогда не бывал дальше Вашингтона.

Поэтому капрал отвел его в лабораторию и отошел в сторону, когда Тед заглянул в экспериментальную секцию сквозь вырезанное высоко в двери окошечко с металлической сеткой. Внутри комнаты стояли клетки с белыми крысами, кроликами, макаками-резус и белой собачонкой, напоминающей терьера. Сквозь решетку переговорного устройства доносились сопение и возня животных.

- Не вижу, - нахмурился Тед.

- В углу, - подсказал полицейский.

Тед плотнее прижался к двери и впился глазами в клетку, в которой, свернувшись калачиком, лежало нечто, напоминающее горжетку из чернобурой лисы, с черными блестящими бусинками глаз и носом-пуговкой.

- Поджи! - позвал Тед. - Поджи!

- Он не слышит, - объяснил полицейский. - Односторонняя связь для удобства ночной охраны.

Из дальней двери в комнату вошел одетый в белое человек с эмалированным подносом, на котором лежали три шприца и горка пушистой ваты. Маленькая собачонка и Поджи насторожились, выставили носы сквозь прутья решетки. Собачонка завиляла обрубком хвоста и заскулила.

- Любишь меня? - спросил Поджи. - Любишь меня?

Человек в белом поставил поднос и вышел, не взглянув на животных в клетках. Собачонка заскулила ему вслед. Поджи понурился; Тед сжал кулаки.

- Мог бы сказать им хоть слово! Почему он не ответил?!

- Занят работой, - занервничал полицейский. - Нам пора. Идемте.

Они двинулись дальше. У дверей оффиса полковника капрал остановился, поправил кобуру, передвинув ее вместе с поясом так, чтобы она не бросалась в глаза. Затем они вошли. На жесткой скамье за деревянными перилами сидела хрупкая девушка в легком платье с потрясающе красивыми зелеными глазами. Тед прошел мимо нее и она проводила его внимательным взглядом.

- Он ждет вас, заходите, - пригласил дежурный. Они вошли. В кабинете стоял изящный стол темного дерева, возле него на ковре стояли два кожаных кресла для посетителей.

- Подождите за дверью, капрал, - распорядился полковник.

Полицейский вышел, а Тед остался стоять навытяжку посреди кабинета.

- Ты дубина, Тед, - сказал полковник.

- Он мой, - ответил Тед спокойно.

- Выбрось его из головы. Сейчас же. Немедленно! - Полковник был небольшого роста, смуглолицый, и когда он говорил, у него шевелились и топорщились усы.

- Я хочу его забрать.

- Ничего ты не получишь! Положение и без того скверное. Да, мы вместе побывали на Арктуре, мы впервые совершили подобное путешествие, и не допустим, чтобы одного из наших парней наказали согласно Уставу, мы можем уладить все между собой. Но тебе придется усвоить, что антипода тебе не видать.

Тед промолчал.

- А теперь слушай меня внимательно, - полковник сощурил глаза. - Знаешь, какой срок тебе грозит за удар офицера? Пятнадцать лет каторги плюс то, что тебе полагается за тайный провоз антипода на Землю.

Тед продолжал молчать.

- Ты просто счастливчик, - продолжал полковник, - самый настоящий счастливчик. Все парни встали на твою защиту. А мы, руководители, состряпали все необходимые бумаги, чтобы представить антипода властям не как контрабанду, а как подопытное животное, которое мы привезли на Землю. Понял? Мы - а не ты! И Карри - лейтенант Карвен, как ты, вероятно, помнишь - готов сделать вид, что ничего не произошло, что ты не пытался избить его до полусмерти, когда он пришел забрать антипода. Я хотел, чтобы ты извинился, но он сказал не надо, мол чего уж там. Тебе просто везет.

Он остановился и взглянул на Теда.

- Ну?

- Вы не понимаете, - сказал Тед. - Они умирают, если рядом нет кого-нибудь, кто их любит. Я провел на этой метеостанции шесть месяцев. И я знаю: Поджи умрет.

- Послушай... катись отсюда и пойди напейся! - взорвался полковник. - Говорю тебе, мы сделали все, что могли. Все в лепешку расшибались, и твое счастье, что уходишь отсюда с чистым послужным списком. - Он схватил со стола телефон и принялся яростно тыкать кнопки. - Убирайся.

Тед вышел. Никто его не остановил. Он вернулся в казарму, отведенную для экспедиционной группы, переоделся в штатское и покинул базу. Он был в четвертом или пятом по счету баре, когда к стойке рядом с ним подсела женщина.

- Привет, Тед, - сказала она.

Он повернулся. Ее глаза были зелены, как трава на лужайке под лучами закатного солнца, волосы не то чтобы темные, но и не светлые; голубой костюм отлично сидел на ней.Тед вспомнил, что видел ее в приемной полковника. Но сейчас, оказавшись совсем рядом, она выглядела старше; перехватив его взгляд, девушка немного отодвинулась.

- Я Джун Малино, из "Рекордер". Журналистка.

Тед обдумал ее слова.

- Хотите выпить? - предложил он.

- С удовольствием. Один "Том Коллинз", пожалуйста.

Он заказал ей бокал "Том Коллинз"; они сидели в полутемном баре, глядели друг на друга, пили и беседовали.

- Чего тебе больше всего не хватает там, на краю света? - спросила она.

- Травы, - ответил Тед. - То есть, сначала. Потом-то я привык к песку и змеям. И уже не так по ней скучал.

- А по возможности напиться?

- Нет.

- Тогда зачем пьешь?

Он опустил бокал и взглянул не нее.

- Хочется, вот и все.

Она накрыла ладонью его руку.

- Не сходи с ума. Я знаю, в чем дело, от газетчиков ничего не утаишь. Что ты собираешься делать?

Он высвободил руку и еще раз глотнул из бокала.

- Не знаю. Не знаю я, что делать.

- Как тебе удалось поймать этого... как его...

- Антипода. Когда они выгибают спину при ходьбе, кажется, что передние лапы бегут навстречу задним.

- Антипода. Во-первых, как ты его приручил?

- Я долго жил один на метеостанции. - Тед вращал бокал, глядя, как крутился золотой ободок, словно колечко света. - Через некоторое время Поджи привязался ко мне.

- А другие их приручали?

- Не слышал. Они подходят к людям, но очень осторожны. Их можно легко напугать, и тогда они уже ни за что не подойдут.

- Ты отпугивал кого-нибудь из них?

- Наверное, - он пожал плечами, - поначалу. Я долгое время не обращал внимания. Потом стал замечать, что они сидят и смотрят на меня, на мою лачугу, на оборудование. В конце концов Поджи со мной познакомился.

- Как у тебя это получилось?

- Я был терпелив, вот и все.

Бар наполнился людьми. В соседнем зале заиграл оркестр, становилось шумно.

- Пойдем, - сказала Джун. - Я знаю место потише, там можно поговорить.

Она встала; он тоже встал и пошел к выходу следом за ней.

Они взяли такси и поехали на взморье. Место называлось "Трактир рудокопа"; пристроенная позади здания веранда выходила на море, и в пятнадцати футах под ней волны лизали песок. На крыше веранды были расставлены круглые столики с зажженными свечами, на волнах играли блики лунного света.

Теперь они пили ром, и Тед порядком захмелел. Это его раздражало: он пытался рассказать Джун, как все было, а язык повиновался с трудом.

- Чем дальше ты... становишься, - говорил он, - то есть чем дальше... забираешься, тем меньше становишься. Понимаешь?

Она не понимала.

- Я хочу сказать... Предположим, человек живет в своем квартале и никогда из него не уходит. Он очень большой. Улавливаешь? Поставь его и этот квартал рядом, вот как на столе, и будет видно. - Для наглядности Тед пальцем нарисовал на влажной поверхности стола круг и точку. - Но предположим, он разъезжает по всему городу, и тогда он вот какой в сравнении с ним. Или с земным шаром, с солнечной системой...

- Да, - сказала она.

- Но если он отправляется куда-нибудь к черту на рога, вроде Альфы Центавра, и - он сложил вместе кончики большого и указательного пальцев, - месяцами сидит там один-одинешенек, что от него остается? - Он сунул сжатые пальцы ей в лицо. - Он вот такой крошечный. Он ничто.

Локоть Теда стоял на столе; большой и указательный пальцы у самого лица Джун. Она мягко накрыла их ладонью.

- Нет, ты послушай... - он стряхнул ее руку. - Что остается, когда ты такой маленький? Что остается?

- Ты, - сказала она.

Он затряс головой.

- Нет! Меня нет. А что делать? Но что я могу, когда я такой большой? - Он стиснул ей руку. - Я маленький и способен только на малое. Все, что я делаю, слишком мало...

- Пожалуйста, - свободной рукой она тихонько пыталась разжать его пальцы: - Мне больно...

- Я могу любить, - сказал он. - Я могу дарить любовь.

Она замерла. Подняла глаза и встретила его пьяный взгляд.

- Сколько тебе лет? - прошептала Джун, вглядываясь ему в лицо чуть ли не с отчаянием.

- Двадцать пять.

- Столько тебе не дашь. На вид ты... моложе, чем я.

- Какая разница, сколько мне лет! Важно, что я могу сделать.

- Пожалуйста, - попросила она. - Моя рука... Ты слишком сильно жмешь.

Тед отпустил ее.

- Извини. - Он вернулся к своему бокалу.

- Нет, расскажи дальше, - она растирала занемевшую руку. - Как ты его вывез?

- Поджи? Мы тренировались. Я обертывал его вокруг талии, под рубашкой и курткой.

- И не было видно? Таким способом ты пронес его на корабль.

- Нас взвешивали, - продолжал Тед хмуро. - Но я загодя позаботился. Сбросил двенадцать фунтов; делал гимнастику, что-

бы не выглядеть исхудалым. Поджи весит как раз около одиннадцати.

- И никто об этом не знал до самого возвращения на Землю?

- Трусливая проверка, чтобы опередить власти и не дать таможенникам обнаружить, если что-то не так. Распорядился полковник, а выполнял Карри - лейтенант Карвен - и нашел его, и... - Тед замолчал, глядя на свой бокал.

- Что бы ты с ним делал? С... Поджи?

Он с удивлением посмотрел на нее.

- Он бы жил у меня. Я бы о нем заботился. Как ты не понимаешь? Я ему нужен.

- Я понимаю, - сказала она. - Честное слово понимаю. - Она чуть придвинулась к Теду, коснувшись его плечом. - Я помогу его вызволить.

- Ты?

- Да! Да, я могу помочь! - торопливо проговорила она.

- Как? - спросил он. И затем: - Почему? Мы тут весь вечер болтали, и вдруг ты ни с того ни с сего хочешь нам помочь. Зачем? Не для своей ли газеты?

- Нет, нет! Сначала мне было все равно. То есть, конечно, неплохой материал, только и всего. Да. А потом, ты как-то так о нем говорил... Не знаю. Но теперь я на вашей стороне, Тед, ты мне веришь, да?

- Не знаю, - хрипло ответил он.

- Тед, - позвала она. - Тед.

Она придвинулась, подняв к нему лицо и полузакрыв глаза. Секунду он тупо на нее смотрел; затем неловко обнял, наклонился и поцеловал. По телу Джун пробежала дрожь.

Спустя какое-то время Тед выпустил ее из объятий. Отстранившись и немного успокоившись, Джун отерла слезинки в уголках глаз.

- Теперь, - голос ее задрожал, - веришь?

- Да, - ответил он. Джун вынула из сумочки носовой платок, пудреницу и губную помаду. - Но как мы это сделаем? Ведь он под замком.

- Есть способы, - сказала она, аккуратно подкрасив сперва верхнюю, затем нижнюю губу и чуть прищурилась, изучая результат в зеркальце. - Знаешь, я очень толковая, - обратилась она к пудренице. - Справлюсь с любой проблемой. А сейчас... намерена справиться и с твоей.

- Каким образом? - спросил он.

- Я тебе расскажу, как обстоят дела, - Джун защелкнула и убрала пудреницу. - Ваша экспедиция к Альфа Центавра обошлась в сорок миллиардов долларов.

- Знаю, - сказал Тед. - Но каким боком это касается...

- Военные носятся с идеей продолжать исследование и освоение космоса. Им нужна программа трех последующих экспедиций, все более масштабных, программа, которая потребует ста пятидесяти миллиардов в течение двадцати лет. - Она посмотрела на него, точно школьная учительница. - Это огромные деньги; однако сейчас самое подходящее время их просить. Только что вернулась ваша группа, интерес общественности очень велик... ну и так далее.

- Разумеется. Но какое отношение все это имеет к Поджи?

- Им не нужен шум. Никаких скандалов. Ничего, что может вызвать споры на данном этапе. А теперь скажи, - она посмотрела ему в глаза, - тебя уволили, не так ли?

- Да, - Тед кивнул, нахмурясь, - как раз сегодня, перед тем, как идти к полковнику. Я штатский человек.

- Хорошо. Чудесно, - сказала она. - И ты знаешь, где Поджи. Ты можешь его забрать и вынести с базы.

- Да, я об этом думал. Но как о последнем средстве - если не изобрету что-нибудь похитрее, чтобы они за нами не погнались.

- Не погонятся - уж я об этом позабочусь. Поджи - твой любимец, ручной и совершенно безобидный, что установлено вашей же экспедицией. Достаточно, чтобы сделать превосходный, душещипательный материал. Я побеседую немножко с твоим полковником и кое с кем еще.

- Но что даст, если они в любом случае попросту заберут его обратно?

- Да не заберут. По закону у тебя нет на Поджи никакого права. Но они скорее все тебе простят, чем пойдут на скандал. Подожди - и сам увидишь.

- Ты думаешь? - его лицо загорелось. - Ты действительно думаешь, что они согласятся?

- Я обещаю.

Он вскочил, да так резко, что едва не опрокинул столик.

- Еду за ним сейчас же.

- Сначала выпей кофе.

- Нет. Никакого кофе, я абсолютно трезв. - Он глубоко вздохнул и выпрямился; хмель улетучился прямо на глазах.

- Нужно будет куда-то его привезти, - начала Джун. - У меня есть квартира...

Тед покачал головой.

- Я позвоню. Наверное, мы будем просто ездить туда-сюда. Завтра позвоню. Когда ты встретишься с полковником? - спросил он уже на ходу.

- Утром, первым долгом, - она вскочила и поспешила за ним. - Но обожди, я с тобой.

- Нет... нет! Я не хочу тебя впутывать. Я позвоню. По какому номеру?

- Паркетон 5-45-8321 - издательство, - крикнула она ему вслед.

И он умчался. Через дверь, ведущую во внутренний бар, Джун успела увидеть его белокурую голову и широкие плечи, когда он пробирался меж посетителей к выходу.

Выйдя из "Трактира", Холман подозвал такси.

- Космическая база Ричардсон, - сказал он шоферу.

Его постоянный пропуск был действителен до конца недели, поэтому они благополучно миновали ворота базы, и часовой лишь кивнул, откровенно зевая.

Тед остановил такси у лабораторных корпусов и шагнул в темноту. Держась подальше от прожекторов, он добрался до нужной секции, и едва не столкнулся с охранником. Тот вышел из двери, поигрывая автоматическим пистолетом, - новобранец, которому ночью охота спать, а не вышагивать по коридорам лабораторий. Замерев в тени, Тед дождался пока охранник зайдет в соседнюю секцию, затем проскользнул внутрь.

Он отыскал дверь, к которой приходил днем. В помещении горел яркий свет, и большинство животных спали, свернувшись клубком и спрятав голову. Дверь была заперта, но ниже под стеклом находилась рукоятка аварийного открывания. Тед разбил стекло, повернул рукоятку и вошел; животные проснулись от шума и озадаченно смотрели на него.

Он открыл дверцу клетки.

- Поджи... Поджи...

Антипод вскочил, забрался Теду на руки и прижался к нему, словно маленький ребенок. Так они вышли в ночную тьму. Садясь в такси, Тед выглядел слегка округлившимся в талии, но и только.

Небо на востоке начало светлеть, когда они возвратились в город. Тед расплатился с шофером и пересел в метро. Забившись в угол, он дремал на мягких подушках, чувствуя, как под рубашкой, временами шевелится теплый Поджи, пока, внезапно

проснувшись, не взглянул на часы; уже минуло одиннадцать. Он разъезжал под землей целых семь часов.

Выйдя из метро, Тед набрал номер, который дала Джун. Ее нет, ответили на другом конце провода, но она должна скоро вернуться. Тогда он зашел в ресторан и позавтракал. Позвонив второй раз, Тед сразу же услышал ее голос.

- Все хорошо, - сказала она. - Но тебе лучше временно исчезнуть. Где мы можем встретиться?

Он подумал.

- Я хочу снять номер в гостинице. Под именем... допустим, Вильяма Райта. Посоветуйте мне что-нибудь приличное, чтобы номера были с отдельным входом.

- "Бингтон", - сказала она. - Шир Стрит, сто восемьдесят семь - четвертый класс. Я подъеду туда через полчаса.

- Ладно, - согласился он и повесил трубку.

Тед доехал до "Бингтона" и заказал номер. Он едва успел подняться к себе, достать из-под рубашки Поджи и ссадить его на постель, как из переговорного устройства над дверью донесся голос Джун.

Джун ожидала в залитом солнцем вестибюле; она бросилась к Теду со всех ног, едва он появился, и оказалась в его объятиях.

- Мы победили! Победили!

Неуклюже, но достаточно мягко, он разомкнул ее руки и отстранился, чтобы видеть лицо.

- Расскажи, как было дело?

- Я позвонила им в девять утра и сказала, что приду, - она смеялась, глядя на Теда сияющими глазами. - И когда пришла, там был твой полковник, и генерал Дейтон, и еще какой-то генерал из Объединенной службы. Я сказала им, что ты увез Поджи, но они уже знали. И еще я сказала, что ты оставишь его у себя. И затем показала свою статью, - Джун ликовала. - Ну и разозлились же они! Я бы сто лет не попадалась им на глаза, Тед. Но ты можешь его оставить. Можешь оставить Поджи!

Она снова к нему прильнула, и опять он отвел ее руки.

- Неужели все так просто? Ты уверена?

- Его должно быть не видно и не слышно, и если ты не станешь им докучать, вас не тронут. Вот что значит власть прессы; к тому же, большое дело, если ты входишь в правление союза.

- Союза?

- Союза журналистов, - пояснила Джун. - Разве я не говорила милый? Ну конечно, нет. Я представляю в союзе северо-запад-

ный сектор уже четырнадцать... - она вдруг запнулась, удерживая готовое сорваться слово, и ее радостное оживление угасло, - лет, - закончила Джун чуть слышно, побледневшая, с тревогой в глазах.

Но он лишь нетерпеливо сдвинул брови.

- Значит, это решено. Я хочу сказать - отныне нас оставят в покое?

- Ну да! Да! Вы с Поджи в безопасности.

Тед вздохнул с громадным облегчением.

- Итак, Поджи в безопасности, - проговорил он тихо. Затем снова взглянул на Джун. Взял ее за руку.

- Я... не знаю, как тебя благодарить.

Пораженная, она смотрела на него во все глаза.

- Благодарить меня?!

- Ты столько сделала, - продолжал он. - Если бы не ты... Впрочем, нам только и оставалось, что надеяться на чью-нибудь помощь. - Он пожал ее безжизненную руку. - Мне не хватает слов, чтобы выразить благодарность... Если бы я хоть что-то мог для тебя сделать! - Тед выпустил ее руку и отступил. - Я напишу тебе. Расскажу, как идут дела. - Он сделал еще шаг назад и повернулся к двери. - Ну, до свидания... и спасибо.

- Тед! - ее голос кинжалом вонзился ему в спину. - Ты не собираешься, - губы Джун едва шевелились, - пригласить меня в номер?

Он неловко потер затылок.

- Понимаешь... Я всю ночь не спал; и столько выпил... и Поджи боится чужих... Я хочу сказать, ты ему обязательно понравишься, но как-нибудь в другой раз, ладно? - Он улыбнулся ей; лицо Джун было как неживое. - Может, позвонишь завтра? Ей-богу, сейчас я с ног валюсь. Еще раз спасибо.

Он вошел в комнату и закрыл дверь, а Джун осталась в вестибюле. Тед запер дверь изнутри и нажал кнопку "Не беспокоить". Затем повернулся к постели. Поджи все так же лежал, свернувшись, и при виде его у Теда потеплел взгляд. Он опустился на коленки и приблизил лицо к мордочке Поджи. Антипод выгнул спину, как кошка, и тоже потянулся к нему своим носом-пуговкой.

- Любишь меня? - спросил Поджи.

- Люблю, - шепнул Тед. - Теперь все устроилось, Поджи, мы же знали, что все устроится, верно? - Он положил голову на покрывало, которым была застелена кровать, и закрыл глаза. - Люблю Поджи, - прошептал он. - Люблю.

Тонким розовым язычком Поджи лизнул его в лоб.

- Ну, что теперь? - сонно пробормотал Тед.

Глазки Поджи зловеще сверкнули.

- Теперь, - сказал он, - мы едем в Вашингтон - искать таких же, как ты.

В. Л. КАН

ЗВЕЗДЫ "ШЕРИФА"

Предлагаемый вашему вниманию сборник составлен из произведений двух ведущих фантастов Америки - Пола Андерсона и Гордона Диксона. Этих писателей связывает многолетняя дружба, они немало написали в соавторстве. Факт этот повлиял и на структуру сборника. В основном здесь присутствуют произведения, написанные Андерсоном и Диксоном по отдельности, а в качестве своеобразной "связки" представлен их совместный рассказ "Шериф Каньона Галч".

Но прежде чем приступить к рассмотрению творчества авторов сборника, коснемся проблемы соавторства в фантастике.

1. Фантастические "пары".

Литература, видимо, все-таки наиболее интимный вид творческой деятельности. Казалось бы, прежде всего это должно относиться к живописи. Однако известно, что у многих "старых" мастеров существует больше картин, чем они написали. У них были "школы". И ученики ухитрялись настолько усвоить манеру учителя, что очень трудно отличить их работы от написанных мэтром - каждый год появляются новые "сенсации", не говоря уже о современных фальсификаторах, которые десятки лет обманывали коллекционеров и знатоков. Подделаться же под Пушкина, Флобера или Теккерея - невозможно. Попытки такие были (например, известный скандал с "продолжением Русалки"), но быстро разоблачались. Сам Теккерей написал одну повесть "под Вальтера Скотта", вот только на Вальтера Скотта она абсолютно не похожа. Об архитекторах нечего и говорить. Их замысел воплощается многими людьми. Композитор ничего не может без исполнителя, а то и оркестра. Не стоит упоминать и об актерах, произносящих чужие слова, да еще под чужим руководством.

А вот писатель - он один на один с читателем (редактор не в счет). Писательство - личное дело. Поэтому в мировой литературе очень мало примеров совместного творчества. Ну, братья Стругацкие и братья Гонкуры. Кто еще? Постоянно упоминают Дюма. Сомни-

тельно. Скорее всего, именно он все-таки говорил правду, а так называемые "соавторы" только готовили ему материал. Это подтверждается тем, что когда они пытались писать сами, то ничего путного не получалось. Все их творения давно забыты. А "Три мушкетера" читают уже полтора века. Наконец, Ильф и Петров. Из их полушутливых замечаний не очень ясно, как они писали вдвоем. Ясно, что это было очень трудно. Возможно, помогал открытый мягкий характер Петрова.

Но если теперь обратиться к научной фантастике (прежде всего - к американской), то мы увидим, что в последние пятьдесят-шестьдесят лет ситуация изменилась кардинально.

Можно назвать десятки, а то и более сотни "пар" - писателей, пишущих совместно, иногда под общим псевдонимом, иногда с двумя подписями. Пол и Корнблат, Пратт и дель-Рей, Каттнер и Мур, Ван-Вогт и Эдна Май Холл, Блиш и Лоундес, Диш и Сладек, Хойл и Эллиот (а также Хойл и Хойл-младший), Янифер и Геррет, наконец Андерсон и Диксон, и многие, многие другие.

Некоторые объяснения напрашиваются. Например: сильный писатель тащит за собой слабого. Однако, это явно противоречит тому, что в "пары" часто входят равно известные писатели, или, во всяком случае, неплохо пишущие по отдельности. Были, например, утверждения, что Пол "духовно эксплуатирует" талант Корнблата. Однако, Пол писал (и хорошо) и до знакомства с Корнблатом, а после его кончины получил много премий за новые произведения. Корнблат тоже был достаточно известен до начала совместной работы с Полом, так что "перевернуть" тезис также не удается. Пол писал совместно со многими известными фантастами - Л. дель Реем, Джудит Меррил, У. Моррисоном, Дж. Уильямсоном. Ему удалось даже уговорить Азимова, своего многолетнего друга, написать совместно рассказ, хотя тот, как правило, избегал сотрудничества в литературе. Иногда пытаются доказать, что в другой знаменитой паре, Каттнер-Мур, все определял Каттнер, и подтверждают это тем, что после смерти Каттнера его жена, якобы больше не писала ни строчки. Но, во-первых, она писала, и много - в другом жанре, а во-вторых, она была известным фантастом задолго до их знакомства.

Другой распространенный вид сотрудничества - соавторство мужа и жены. Действительно, среди писателей-фантастов совершенно необычный процент супружеских пар: А. Ван Вогт и Эдна Халл; Э.Гамильтон и Ли Брэкетт; Кэйт Вильгельм и Деймон Найт; Ф.Пол и Эдит Меррил (третий брак Пола, скоро сменившиеся четвертым); Пол и Карен Андерсон; уже упоминавшиеся Каттнер и Мур, и др. Вероятно, это естественно, что общая любовь к фантастике и встречи на всевозможных семинарах и конвентах, которые так обожают устраивать фантасты, способствуют знакомствам и, в дальнейшем, бракам, но это совершенно не означает, что два писателя, живущие вместе, будут вместе писать. Например, Гамильтон и Брэкетт, прожившие в браке более тридцати лет до самой кончины Гамильтона (Ли Брэкетт пережила мужа на год), не написали в соавторстве ни одной вещи (тем не менее, исследователи фантастики подозревают, что именно под влиянием Брэкетт Гамильтон стал серьезнее отно-

ситься к своему творчеству и написал свои лучшие романы). В то же время, Брэкетт принадлежит повесть, написанная совместно с тогда еще молодым Реем Бредбери.

Супружеское соавторство, однако, никак не объясняет соавторство двух мужчин или двух женщин.

Проблема, вероятно, заслуживает изучения психологами, литературными критиками и литературоведами.

Возможно, объяснение нужно искать в различных "начальных установках" "общей" и "фантастической" литературы. Часто противопоставляют "литературу людей" и "литературу идей". Конечно, фантастика, как и всякая литература - литература о людях и для людей. Но именно роль идей в ней очень велика. Каждый писатель - реалист создает "свой мир", со "своими людьми", и соединить два таких мира чрезвычайно сложно. Невозможно представить пишущих в соавторстве Толстого, Бальзака или Диккенса. Всегда стремившийся к "соборности" Чехов предлагал сотрудничать многим (в частности, Короленко). Из этого никогда ничего не выходило - даже из слабых попыток Суворина и Щепкиной-Куперник. Да и что стали бы делать вместе пушкинский Герман и Андрей Болконский? О чем стали бы говорить франсовский господин Бержере и мадам Бовари? Можно ли пред-ставить себе встречу мистера Пикквика и Джен Эйр? Хотя писатели пишут, казалось бы, об одном и том же времени, на самом деле миры-то у них разные. Встреча упомянутых героев столь же невероятна, как наивные пожелания горьковского Коновалова о встрече костомаровского Стеньки Разина с Тарасом Бульбой.

Почему же фантасты могут сотрудничать? Видимо, потому что они "складывают" идеи. Например, в романе "Торговцы космоса" Пола и Корнблата (в русском переводе "Операция Венера", 1965) есть идея о будущей кастовой структуре общества, и идея о всемогуществе рекламы. Эти идеи соединены, но могут быть и независимы. В известном романе "Синдик" Корнблата реализована первая, а в еще более известном "Туннеле под миром" Пола - вторая.

Разумеется, это только догадка. Но то, что, например, такой "генератор идей" как Харлан Эллисон широко сотрудничает с другими авторами (он даже составил целый сборник - "Партнеры в Удивительном", в котором собрал более десяти своих вещей, написанных совместно с разными авторами - Беном Бовой, Р. Блохом, А. Дэвидсоном, В. Дителером, А. Е. Ван Вогтом, Г. Слесаром, С. Дилэни, А. Бадрисом, Р. Сильвербергом, К. Лаумером, Р. Желязны), в какой-то мере подтверждает данную мысль, как, впрочем, и сотрудничество Каттнера и Мур, также представляющих различные течения в фантастике.

От рассмотрения проблемы совместного творчества писателей-фантастов перейдем теперь непосредственно к двум авторам, произведения которых составили данный сборник.

2. Потомок викингов

Один из самых известных и популярных научных фантастов США Пол Уильям Андерсон (второе свое имя он никогда не использует) родился 25 ноября 1926 года в городе Бристоле (штат Пенсильвания). Его родители были датчане. Фамилия их на самом деле Андерсен, но, подобно большинству эмигрантов, они "англизировали" ее при переезде в США. Когда Полу было одиннадцать лет, умер его отец, и семья временно переехала в Данию. Однако с началом войны Андерсоны вернулись в США, где Пол поступил в университет в Миннеаполисе (штат Миннесота), который окончил в 1948 году, получив диплом с отличием в области физики. Научное образование и скандинавские традиции оказали большое влияние на его литературное творчество; некоторая склонность к прославлению "сильных личностей" (подобно, например, Хайнлайну) заставляла иногда причислять его к "правым", хотя, как и Хайнлайн, он скорее "либертианец", т. е. сторонник индивидуальной свободы и романтического отношения к жизни.

Андерсон начал писать и публиковаться еще во время учебы. В 1947 году в мартовском номере научно-фантастического журнала "Эстаундинг" ("Удивительные истории") был опубликован его первый рассказ "Дети завтрашнего дня". В рассказе заметен сильный отблеск того времени - начала "холодной войны" и предчувствия грозящей атомной катастрофы. В нем описаны жизнь Америки после тотальной ядерной войны, попытки наладить жалкое существование на обломках цивилизации (причем ясно, что в руинах лежит вся планета) и, самое страшное, необратимые последствия радиации - рождение все большего числа самых невероятных мутантов. Они-то и есть "дети завтрашнего дня". В рассказе вопрос только ставится - решения нет, подразумевается только, что будущее человечество будет состоять из мутантов, если вообще выживет.

Характерно для Андерсона, что этот первый рассказ был написан в соавторстве (с Ф.Н.Уолдропом). Андерсон и в дальнейшем охотно сотрудничал с другими писателями - особенно, с Гордоном Диксоном, с которым его связывала тесная дружба еще со студенческих лет, когда они жили в соседних комнатах в общежитии. (Диксон вспоминает, как далеко за полночь просыпался от стука пишущей машинки - Андерсон всегда работал очень много).

Первоначально Андерсон не собирался делать литературу своей основной профессией, хотя уже в Университете вступил в "Миннесотское общество фантастов". Членами его были многие впоследствии известные писатели: Г.Диксон, Клиффорд Саймак, Д.Уондри и другие. Однако, успех первых произведений заставил Андерсона изменить свои планы и полностью посвятить себя литературе.

В 1953 году Андерсон женился. Его жена - Карен (урожденная Карен Крузе) - также писательница и поэтесса, ее перу принадлежит также ряд научно-фантастических рассказов. После свадьбы Андерсоны переехали сначала в Сан-Франциско, в район знаменитого залива, а затем в соседний небольшой калифорнийский городок Оринда, в котором Пол и написал большую часть своих произведений, и

где родилась дочь Астрид. Таким образом, жизнь Андерсона после возвращения в США небогата внешними событиями (интересно отметить, что это отнюдь не фамильная черта - Джон, младший брат Пола, - известный путешественник и исследователь Антарктики). Зато произведения его полны действия, невероятных приключений и, как правило, весьма динамичны. Творчество Андерсона очень разнообразно. Он писал детективы, книги для юношества, исторические романы, бытовые романы, научно-популярные произведения, отдал дань поэзии (в частности, переводил известного датского поэта Иоханнеса Йенсена). Однако основная часть его творчества относится к литературе фантастической. Ему были присуждены премия имени Августа Дарлета (за "героическую" фантастику), приз памяти Дж. Р. Толкиена (за сказочную фантастику) и много призов за "чисто-научную" фантастику.

Количество написанного Андерсоном довольно велико. Он несколько отстал от Азимова, но опередил, например, Хайнлайна и Кларка, начавших писать много раньше, выпустив более ста книг (включая сборники) и свыше двухсот рассказов. Особенно много рассказов он писал в молодости (например: в 1951 - десять, в 1953 - двадцать два (!), в 1958 году - двадцать). Потом число их стало уменьшаться, вероятно потому, что появилось много романов. Хотя романы Андерсона представляют значительный интерес, но наиболее популярны именно рассказы. Характерно, что все одиннадцать "научно-фантастических" премий (семь "Хьюго", три "Небьюлы" и одна журнала "Локус") получены им только за рассказы. В опросе, проведенном в 1966 году среди читателей журнала "Аналог", Андерсон занял пятое место среди "самых любимых" авторов (сразу после Хайнлайна, Азимова, Кларка и Ван Вогта, опередив, к примеру, Саймака, Старджона, Бредбери и даже Уэллса). Но ни один его роман (а их было к тому моменту более трех десятков) в список "лучших" не вошел. То же повторилось через двадцать лет - Андерсон опять вошел в список лучших авторов, переместившись, правда, на двадцать пятое место, уступив позиции более молодым, таким, как Ф. Херберт, У. Ле Гуин, К. Черри. Это понятно - Андерсон писал все меньше, а новое поколение времени не теряло. Одновременно Андерсон оказался и в списке лучших авторов сказочной фантастики - на двадцать втором месте, разделив его с Бредбери и Андре Нортон. И опять - читатели отдали предпочтение его рассказам, а не романам. Зато в списках лучших рассказов Андерсон всегда занимает первые места. Например, при составлении антологии лучших НФ - рассказов по итогам голосования профессиональной "Ассоциации американских научных фантастов", когда по условиям требовалось выбрать о д и н рассказ данного автора, в нее был включен рассказ "Зовите меня Джо".

Возможно, такое отношение к романам Андерсона (трижды его романы выдвигались на премию "Хьюго", но ни разу ее не получили) объясняется общим недостатком многих научно-фантастических романов - слабостью разработки характеров, которые не могут "вытянуть" большое по объему произведение, а также недостатками стиля, более заметными в романах и вызванными "скорописью".

Обзор, даже краткий, творчества Андерсона потребовал бы целой книги. Романов всех жанров у него около семидесяти, что касается более трех десятков сборников, то последние из них (особенно семидесятых-восьмидесятых годов) часто составлены из старых произведений. Остановимся лишь на некоторых наиболее известных вещах писателя. Нужно отметить, что многие произведения Андерсона входят в серии. Иногда он объединял в одной книге несколько ранее опубликованных произведений, связанных общими временем и местом действия или персонажами, так что иногда трудно сказать, идет речь о романе или о серии рассказов.

Две самые большие серии - это серия о Полесотехнической Лиге (торговой корпорации, охватывающей почти всю Галактику) и об агенте Службы Межпланетной Безопасности Доминике Фландри. Обе эти серии вместе (вторая в какой-то мере продолжает первую) охватывают период будущей истории человечества с двадцать первого столетия до - примерно - 7100 года. В первой из серий описывается развитие космических путешествий, приводящее к образованию Полесотехнической Лиги, причем в 2376 году рождается Николас ван Рийн, ставший ее главным руководителем. Цель Лиги - налаживание экономических связей и торговли в космосе, для чего используются самые разнообразные (в том числе и довольно сомнительные) методы. Значительная часть цикла посвящена приключениям одного из помощников ван Рийна, Давида Фалькайна, и его команды на космическом корабле с характерным названием "Продираясь сквозь трудности". Команда состоит из крокодилоподобного гиганта с планеты Уодон, грациозной полукошки-полуобезьяны, самого Фалькайна и корабельного суперкомпьютера, являющегося мозгом группы. Четверка щелкает проблемы как семечки. Такая схема начисто опровергает выдвигавшиеся иногда против Андерсона обвинения в ксенофобии и пропаганде "бремени белого человека". Серия состоит из трех романов: "Война крылатых людей" (1958), "Миркхайм" (1973), "Сатанинский мир" (1969); двух сборников связанных рассказов - "Обходящие трудности" (1966) и "Звездный торговец" (1964) и сборника несвязанных рассказов "Земная книга Стармгейга" (1978). В последней приведена схема исторической последовательности первой и второй серии. Схема составлена не самим автором, как, например, в "Истории будущего" Р.Хайнлайна или "Основании" А.Азимова, а литературным критиком и исследователем творчества Андерсона Сандрой Мизель.

После распада Полесотехнической Лиги в двадцать шестом веке наступил период хаоса, закончившийся в двадцать восьмом столетии образованием Земной Империи, постепенно взявшей под контроль колонизированную землянами часть космоса. Вторая серия посвящена истории роста, упадка и разложения этой империи, прекратившей существование в четвертом тысячелетии.

В ряде произведений даются намеки на возможность возрождения общности землян на новых основах. Основная часть истории показана глазами Доминика Фландри, агента империи, офицера космического флота. Его деятельности посвящены пять романов - "Мичман Фландри" (1966), "Цирк ада" (1970), "Взбунтовавшиеся миры"

(1969), "Рыцарь призраков и теней" (1975), "Камень в небе" (1979) и два сборника "Агент Земной Империи" (1965), "Фландри-Землянин" (1966). В шестом романе, "Имперская игра" (1974), действует дочь Фландри, Диана. Намеченный рассказ (или роман) о старости и кончине Фландри написан не был. В серию входят также три романа, в которых Фландри не участвует - "Люди ветра" (1978), "День, когда они вернулись" (1973) и "Пусть космонавт побережется" (1963), позже переработанный и переизданный под названием "Лицо ночи". Этот роман уже относится ко времени после падения Империи. Нужно сказать, что не все рассказы об Империи и Лиге вошли в соответствующие сборники, например, последний по времени действия рассказ "Звездный туман" (1967), "относящийся" к 7100 году.

Создавая серию о Полесотехнической Лиге, Андерсон пришел к выводу, что упустил один из ключевых моментов истории и начал другую серию - о Психотехнической Лиге, посвященную начальному периоду освоения космоса и истории Земли с 1950 по 2200 год. В серию вошли три романа - "Снега Ганимеда" (1958), "Девственные планеты" (1959), "Звездные пути" (1956) - и ряд рассказов, которые много позже были объединены в сборник "Психотехническая Лига" (1981). Поскольку действие серии начинается в 1950 году, то уже сейчас можно проверить точность "предсказаний" Андерсона. Третья мировая война не состоялась; "Советы" проиграли, но лишь в холодной войне; гражданские войны в Европе идут, но "священный поход" ислама пока не начался. Зато конференция в Рио (правда, по экологии) имела место, и африканские страны получили независимость. Экспедиции на Марс и Венеру пока только готовятся, а удастся ли остановить грядущую диктатуру к 2010 году - увидим. Социализм в Америке вроде бы не победил, ООН усилилась, но не слишком, религиозный фанатизм пока, в основном, растет на Востоке, хотя... И так далее. В общем, как когда-то заметил Г.Честертон, человечество без устали играет в игру "натяни нос пророку". Что касается технических прогнозов, то, похоже, большинство из них (базы на Луне, термоядерный синтез, колонии в океане, полностью автоматизированные заводы) состоятся, но в более поздние сроки.

Излагая историю ближайшего и отдаленного будущего, Андерсон пришел к идее "патруля времени". Эта серия состоит всего из четырех довольно слабо связанных друг с другом книг - одного сборника "Патруль времени" (1960) и трех романов "Коридоры времени" (1965), "Танцовщица из Атлантиды" (1976), и "Время еще будет" (1972). Андерсон мало интересуется парадоксами, неизбежными при рассмотрении этой проблемы - они теряются при быстром действии, создающем иллюзию правдоподобия и увлекающем читателя. "Танцовщицу" часто считают лучшим романом Андерсона.

Последней из больших серий Андерсона стала написанная им совместно с Г. Диксоном серия о хокасах - инопланетянах со своеобразной внешностью (они похожи на плюшевых медвежат) и психологией (они воспринимают все буквально), что порождает весьма комические ситуации. В начале серия состояла из двух сборников "Бремя Землянина" (1957), "Звездный принц Чарли" (1975) и нескольких рассказов. Затем к ним добавился роман "Хоку!" (1983).

Кратко укажем еще несколько наиболее известных романов Андерсона. Уже упоминалось о его "почти-первом" романе "Волна разума" (1954), где рассказывается о резком росте разумности людей и животных, вызванном космическими причинами (Земля вышла из поля, которое, якобы, тормозило в течение всей истории развитие интеллекта), и последствиях этого.

Роман "Звездные пути" (1956) посвящен приключениям команды космического корабля в сложных условиях - типичная "космическая опера".

Роман "Тау-нуль" (1970) поражает своим масштабом - в нем показана, всего-навсего, гибель Вселенной и возрождение ее в новом "большом взрыве". Свидетелем действа оказывается неясным образом сверхускорившийся космический корабль, который вследствие Лоренцевого ускорения переживает все это за краткий миг.

Роман "Крестоносцы неба" (1960) в свое время вызвал сенсацию. В нем средневековый феодал, собравшийся в крестовый поход, захватывает напавший на Землю космический корабль и создает с его помощью межзвездную империю. В юмористической форме в романе высказывается дорогая Андерсону идея о превосходстве человечества, живущего в согласии с кодексом чести и порядочности, над развитыми технически, но разложившимися морально цивилизациями.

Не останавливаясь на "чисто-фантастических" романах Андерсона - таких как "Три сердца и три льва" (1961), "Золотой раб" (1960) и прочих, заметим, что они принесли Андерсону в 1978 году звание "Гроссмейстера сказочной фантастики". Параллельного звания "Гроссмейстер научной фантастики", подобно Хайнлайну и Азимову, он так и не получил. По-видимому, чисто с литературной стороны, его "Фэнтэзи" ставится выше.

Если осветить все романы Андерсона очень трудно, то тем более это относится к его весьма разнообразным по тематике и стилю рассказам. Трудно найти тему, которой бы не затрагивал писатель. Часть рассказов он подписывал псевдонимами, в том числе А.А.Крэг и Винстон П.Сандерс (есть сведения, что некоторые из рассказов, подписанные Майкл Кариджордже, также принадлежат Андерсону, но он это отрицал). Последним псевдонимом подписан, например, остроумный рассказ "Договор", о человеке, перехитрившем дьявола. Перевод его опубликован в сборнике "Нежданно- негаданно" (М., 1973).

Мы остановимся только на нескольких премированных рассказах Андерсона.

О рассказе "Зовите меня Джо" (1957), не получившем, правда, никаких премий, но зато включенном в антологию лучших научно-фантастических рассказов всех времен ("Зал славы научной фантастики"), можно упомянуть как об одном из первых, рассматривающих проблему взаимоотношений человека и телеуправляемого робота. Перевод его напечатан в широко распространенном издании "Библиотека современной фантастики" т. 10, М., 1967.

Первый рассказ Андерсона, получивший в 1961 году премию "Хьюго", "Самое длинное путешествие" (перевод под заглавием "Са-

мое долгое плавание" напечатан в сборнике "Талисман" Л., 1967), снова затрагивает одну из любимых его тем - борьба за независимость и самостоятельность перед лицом более развитой цивилизации. Обитатели планеты взрывают попавший к ним космический корабль, чтобы впоследствии не стать людьми второго сорта по отношению к космическим пришельцам.

Следующий премированный рассказ "Нет - перемирию с королями" (Хьюго", 1964) описывает борьбу землян с прибывшими представителями высшей цивилизации, желающими помочь Земле, но, разумеется, со своих позиций. И снова, бунтари, желающие самостоятельно определять свою судьбу, одерживают победу над пришельцами и коллаборационистами из землян.

Третий премированный рассказ "Делиться плотью" ("Хьюго", 1969) снова описывает столкновение двух цивилизаций - земной и чужой, на редкость дикой и примитивной, которую земляне захотели спасти. И опять Андерсон признает за туземцами право на самостоятельное развитие, несмотря на страшное ритуальное убийство одного из людей.

Следующий рассказ "Царица ветров и тьмы" (перевод напечатан несколько раз) можно считать вершиной творческого пути Андерсона. Эта вещь получила сразу три премии - "Хьюго", 1972, "Небьюла", 1971 (разница дат объясняется тем, что премия "Хьюго" датируется годом присуждения премии, т.е., очевидно, следующим за годом публикации, а "Небьюла" - самим годом публикации), а также премию журнала "Локус".

В следующем году Андерсон снова получил две премии ("Хьюго", 1973, "Небьюла", 1972) за рассказ "Песнь козла", о будущем разорении Земли.

После этого Андерсон получил премии еще два раза - в 1979 году "Хьюго" за рассказ "Луна охотника", и две премии ("Хьюго", 1982, "Небьюла", 1981) за повесть "Игра Сатурна".

Отметим очень характерный ранний рассказ "Человек, который пришел слишком рано" (1954). Это первое произведение П.Андерсона, переведенное на русский язык (сборник "Экспедиция на Землю" М., 1965). Оно очень типично для Андерсона, считается одним из лучших его рассказов, и неоднократно включалось в антологии. В нем излагается история американского солдата, заброшенного в средневековую Исландию.

В целом творчество Андерсона представляет значительный интерес. Его не ставят, правда, в один ряд с "корифеями" американской научной фантастики, отмечая иногда, что он не оправдал возлагавшихся на него надежд. Однако он любим и уважаем как любителями фантастики, так и коллегами. Он был избран на годичный срок (в 1971/1972 году) председателем Ассоциации научных фантастов Америки.

Андерсон много занимался спортом и принадлежал к самым разным общественным движениям. Еще в молодости, задолго до того, как эти проблемы приобрели современный размах, он входил в организации, занимающиеся экологией и охраной природы. Он член "Ассоциации американских авторов детективов", "Общества Бейкер

Стрит" (поклонников Шерлока Холмса), "Гильдии американских меченосцев и волшебников" и других.

В его литературной деятельности ясно видны отклики всех этих увлечений, и именно поэтому Пол Андерсон такой "человечный писатель", чего не скажешь о многих других фантастах. В этом его сила, но и его слабость.

3. Создатель Дорсая

Американский писатель Гордон Диксон не принадлежит к первой шеренге научных фантастов США. Его уважают и много читают, но и критики, и читатели отмечают в его творчестве явную неровность. Только сравнительно небольшая часть из более чем полусотни принадлежащих его перу романов и двухсот рассказов, находится, по выражению американских издателей, "ин принт" (т.е. все время "на рынке"), в то время как у Азимова или Херберта, да и у того же Андерсона, практически все творчество "ин принт". В отличие от Андерсона, у Диксона нет существенного различия в среднем уровне романов и рассказов. Диксон получал премии и за то, и за другое. Ему принадлежит большой, грандиозно задуманный, но еще не законченный цикл, который, по многим отзывам, стоит на уровне лучших образцов этого рода в научной фантастике. Полностью цикл должен носить название "Чайлд" (по заглавию еще ненаписанного последнего романа), но сейчас его обычно называют "Дорсай". Дорсай - планета, население которой поставляет воинов-наемников, которые в свою очередь, используются будущей космической цивилизацией, чтобы избежать вовлечения в конфликты гражданского населения. Наемники подчиняются жесткому моральному кодексу, не склонны к драматизации ситуации и националистическим безумствам. Они сражаются друг с другом за того, кто их нанял, соблюдая все "джентльменские" законы ведения войны. Они отважны, феноменально честны, нарушение кодекса Чести карается у дорсайцев смертью. Сам Диксон признает, что произведения этого цикла наиболее четко отражают его собственные взгляды на жизнь, на проблему уважения (и соблюдения!) человеческого достоинства и на будущее нашей цивилизации.

Гордон Руперт Диксон родился в 1923 году в Канаде в городе Эдмонтон, провинция Альберта. В возрасте тринадцати лет переехал в США. Впоследствии принял американское гражданство. Поступил еще до войны в Университет штата Миннесота в Миннеаполисе, но не успел его закончить, так как был мобилизован в армию (служил с 1943 по 1945 год). По окончании войны вернулся в Университет, где, кстати, познакомился и подружился с Полом Андерсоном. В 1948 году получил диплом бакалавра английской литературы. Почти сразу занялся литературным творчеством в области научной фантастики (впоследствии работал и в других жанрах). Первый его рассказ

"Нарушение границы" появился в журнале "Ежеквартальная научная фантастика" весной 1950 года. Рассказ написан в соавторстве с Полом Андерсоном, который к тому времени уже был довольно известен. Хотя Диксон на три года старше Андерсона, но писать и публиковаться он стал на три года позже. Интересно, что именно Диксон в известной степени "повинен" в "фантастической направленности" Андерсона, поскольку именно он вовлек его в "Миннесотское общество любителей фантастики", возрождению которого после войны во многом способствовал. Тенденция к сотрудничеству у Диксона проявилась с самого начала. В соавторстве он написал значительную часть произведений. Кроме Андерсона, он писал с Г.Гаррисоном, Беном Бовой, К.Лаумером, Р.Сильвербергом и другими известными фантастами.

Антивоенная направленность в творчестве Диксона в большей степени вытекала из опыта, полученного во второй мировой войне. Возможно, этим же вызвано составление им тематической антологии "Войны в научной фантастике" (1965). Друзья, в частности, хорошо знавший его Азимов, характеризуют Диксона как мягкого, доброжелательного и общительного человека. Тот же Азимов, никогда не упускавший случая подпустить кому-нибудь шпильку, рассказывал, что когда многочисленные друзья втягивают "Горди" в выпивку, то он может перепить кого угодно, не пьянея. Пользуясь успехом у противоположного пола благодаря своей внешности, статной фигуре и манерам, Диксон, однако, не женат. По сведениям того же Азимова, брак Диксона, о котором ему известно, продолжался два месяца.

Переходя к творчеству Диксона, остановимся на наиболее известных его вещах. Первый раз Диксон получил премию Хьюго в 1965 году за повесть "Солдат, не задавай вопросов". Впоследствии, эта повесть составила последнюю треть одноименного романа, входящего в цикл "Дорсай". Следующую премию, "Небьюла", Диксон получил в 1967 году за рассказ "Назови его повелителем". В нем речь идет о наследном принце, которого его отец-император послал вместе с верным слугой на обязательное испытание. И принц погиб, потому что, по словам сопровождавшего, "он был трус". В 1975 году Диксон получил премию памяти Э.Э.Смита (известного фантаста, автора циклов "Лепсманы" и "Жаворонки") за "Глубину воображения в фантастике". Наконец, в 1976 году ему была присуждена премия имени Августа Дарлета, известного фантаста, специалиста по сказочной фантастике, антологиста и издателя.

В 1981 году Диксон получил сразу две премии "Хьюго": за повесть "Потерянный Дорсай" и рассказ "Капюшон и посох", входящий в новый (состоящий пока лишь из нескольких рассказов) цикл о подпольной борьбе землян с поработившими их безжалостными пришельцами.

Из других произведений Диксона коротко остановимся на двух рассказах, широко известных, неоднократно переиздававшихся и несколько раз переводившихся у нас, причем под разными названиями. Оба касаются взаимоотношений человека и компьютера. Первый - "Компьютеры не вступают в спор" - показывает опасность перекладывания на компьютер чисто человеческих функций, иллюстрируя

это примером, как человек, заказавший книгу, вследствие ошибок и "упрямства" компьютера, приговаривается к смертной казни.

Во втором - "Универсальный ключ" - написанном еще на заре компьютерной эры, Диксон полушутя-полусерьезно предупреждает об опасности, которая может грозить, если доверить компьютеру принимать решения, исключив возможность человеческого вмешательства. Любопытно, что ту же проблему рассматривает Н.Винер в своей книге "Творец и Робот" и С.Лем в "Сумме технологии", написанных много позже.

Несколько слов о романах писателя. Особо отмечают попытки Диксона проникнуть в "человеческую" психологию. В этом смысле очень характерен его первый роман "Пришелец с Арктура" (1956) и особенно роман "Путь пришельца" (1965), где человечество сталкивается в космосе с расой отдаленно похожих на людей существ - Румлов - с совершенно иной психологией, системой ценностей, физиологией. Дело идет к войне, но общими усилиями столкновение удается предотвратить. Книгу особо отмечали как одну из удачных попыток описать абсолютно чужую человеку культуру.

В юмористических тонах эта тема изложена в дилогии "Доставка в пространстве" (1961) и "Лапа пространства" (1969), где рассказывается об отношениях людей с обитателями планеты Дильба, внешне похожих на медведей, одновременно хитрых и простодушных, с очень странной, с точки зрения людей, логикой. С большим юмором описаны злоключения земных дипломатов, постоянно попадающих впросак, каждый раз чудом выпутывающихся.

Наконец, перейдем к "главному делу жизни" Диксона - циклу "Чайлд" - ("Дорсай"). По замыслу автора, он должен охватывать историю человечества с тринадцатого по двадцать третий век и состоять из двенадцати романов - трех о прошлом, трех о настоящем и шести о будущем (не считая рассказов, излагающих отдельные эпизоды). Из первых двух троек пока не написано ничего. Из последней шестерки вышло пять романов - "Дорсай" (1959) (другое название "Прирожденный полководец"), "Некромант" (1963), "Солдат, не задавай вопросов" (1967), "Парадоксальная тактика" (1971) и "Большая энциклопедия" (1981). К ним примыкают два сборника рассказов: "Дух Дорсая" (1979) и "Потерянный Дорсай" (1980). Последний роман цикла "Чайлд", в котором человечество должно перейти на некую высшую ступень развития, пока не вышел.

Диксоновский цикл, когда и если он будет закончен, можно будет смело поставить в один ряд с азимовским, хайнлайновским или андерсоновским. "Чайлду" уже была посвящена специальная статья литературного критика Тимоти О'Рейли в "Обзоре научно-фантастической литературы" (сост.Ф.Магилл, 1980). Отмечалось, однако, что разные книги сильно отличаются по уровню. Неоднократно указывалось также, что у Диксона много довольно средних, "проходных", чисто развлекательных вещей, и это не позволило ему выйти в "самый первый" ряд. Ни в один из списков "лучших" авторов он никогда не попадал. И тем не менее, его читают и любят. Сам Диксон говорил, что в конце пятидесятых годов разработал принципиально новую концепцию НФ - произведения, которую назвал "сознательно тема-

тической". С тех пор он следует своей методе: заставить читателя подсознательно включиться в философские тематические аргументы романа. И поскольку с такой схемой ни читатели, ни критики не знакомы, они обсуждают и критикуют его вещи в абсолютно неподходящих плоскостях.

Насколько все это соответствует действительности, сказать трудно. Но одно очевидно - творчество Диксона заслуживает того, чтобы с ним познакомиться.

В заключении отметим, что Г.Диксон всегда пользовался уважением своих коллег. Он дважды (1969 и в 1970 годах) избирался председателем Американской ассоциации научных фантастов, а в 1984 году был почетным гостем на "Всемирном съезде любителей научной фантастики".

СОДЕРЖАНИЕ

Пол Андерсон

ПОСЛЕДНИЕ ИЗ МОГИКАН
Пер. В. Маркина и Вл. Романова 5

ЛЮДИ НЕБА
Пер. В. Жураховского 19

ДОСТОЙНЫЕ СОПЕРНИКИ
Пер. В. Игнатенко 64

ЭПИЛОГ
Пер. В. Маркина 89

КОКОН
Пер. П. Киракозова и Вл. Романова 143

Пол Андерсон, Гордон Р. Диксон

ШЕРИФ КАНЬОНА ГАЛЧ
Пер. В. Маркина 282

Гордон Р. Диксон

"ВОЛЧОНОК"
Пер. С. Поцелуева и Ф. Нахимова 304

ЧЕРНЫЙ ЧАРЛИ
Пер. В. Гольдича 420

ЛУНА, ЛЮБОВЬ, ТИШИНА, ТИХОЕ ПЕНИЕ...
Пер. Вл. Романова 434

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ПОДАРОК
Пер. Е. Воронько 441

САЛМАНАСАР
Пер. Е. Воронько 450

ПОЖАЛУЙ, ЭТО НЕСПРАВЕДЛИВО
Пер. И. Буровой 458

ЛЮБИ МЕНЯ, ЛЮБИ
Пер. Е. Воронько 470

ЗВЕЗДЫ "ШЕРИФА"
В. Л. Кан 481

КОКОН

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РОМАНЫ И ПОВЕСТИ

Главный редактор
А. Шабунин
Художественный редактор
А. Игнатенко
Литературные редакторы
Б. Гуревич, И. Петрушкин
Технические редакторы
А. Ульянов, А. Игнатенко
Макетные работы
А. Игнатенко
Корректоры
Л. Соколова, В. Игнатенко

ИБ № 165

Оригинал-макет подготовлен НЧП "Кристалл"
при участии ТОО "МиМ"

Подписано к печати 25.11.92. Формат 84 × 108/32. Печать высокая. Гарнитура „Таймс". Усл. печ. л. 26,04. Уч.-изд. л. 28,18. Тираж 75 000 экз.
Заказ № 181.

АП „Васильевский остров". 191028, С.-Петербург, Манежный пер., 2.

ГПП „Печатный Двор". 197110, С.-Петербург, Чкаловский пр., 15.